

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АРЗАМАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. А.П. ГАЙДАРА»**

*СЕРИЯ «НАСЛЕДИЕ»
Основана в 2010 году*

ЯРЕМ БАРЩИНЫ СТАРИННОЙ...

*Крепостничество Нижегородского Поволжья
в документах, исследованиях, мемуарах,
художественной литературе
и фольклоре*

Автор проекта Ю.А.Курдин

Арзамас
АГПИ
2011

УДК 947.06
ББК 63.3(2)5я43
Я 72

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Арзамасского государственного педагогического института
им. А.П.Гайдара

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор Е.П. Титков

Рецензент
доктор исторических наук, профессор Е.В. Кузнецов

Я 72 Ярем барщины старинной... Крепостничество Нижегородского Поволжья в документах, исследованиях, мемуарах, художественной литературе и фольклоре: сборник/ Авт. проекта Ю.А.Курдин; сост., вступ. ст., примеч. Ю.А. Курдин, О.Е. Андреев, А.А. Исаков; науч. ред. Е.П. Титков; АГПИ. – Арзамас: АГПИ, 2011. – 614с. + 12с. ил. – (Наследие)
ISBN 978-5-86517-516-2

В сборник вошли опубликованные архивные материалы по истории крепостного права в Нижегородском крае, собранные исследователем-краеведом В.И. Снежневским, а также его статьи по истории крестьянского быта. В книге приведены работы А.Ф. Можаровского, воспоминания Н.Н. Шипова, В.Е. Раева, Б.А. Ребиндера, М.Е. Николаева, произведения П.И. Мельникова «Старые годы», П.В. Еремеева «Крик свободы», рассказы-воспоминания старожилов о быте и нравах крепостничества. Перед читателем во всех подробностях предстает картина крепостной России XVIII-XIX вв. Книга адресована школьникам, студентам, преподавателям, широкому кругу читателей, интересующихся прошлым родного края, жизнью и бытом своих предков.

УДК 947.06
ББК 63.3(2)5я43

ISBN 978-5-86517-516-2

© Арзамасский государственный
педагогический институт
им. А.П. Гайдара, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателю</i>	5
Раздел I. Сцены из крепостного быта: свидетельствуют архивы	9
Опись делам Арзамасского уездного суда. 1785-1803. В.И. Снежневского. (Приложение к заседанию 26 мая 1889 года, стр. 120)	16
Опись по делам Арзамасского уездного суда. 1804-1847. В.И. Снежневского. (К заседанию 22 октября 1889 года, стр. 207)	42
Дело о застрелившемся в 1828 году ученике академика А.В. Ступина, дворовом человеке г. Гладкова, Григории Мясникова. В.И. Снежневского (Приложение к заседанию 26 мая 1889 года, стр. 120)	98
Опись делам Макарьевского уездного суда (1750-1806) В.И. Снежневского. (К заседанию 27 мая 1890 года, стр. 337)	105
Опись делам Макарьевского уездного суда (1811-1863) В.И. Снежневского. (К заседанию 22 октября 1890 года, стр. 388)	110
Опись делам Нижегородского уездного суда 1846-1868. В.И. Снежневского (К заседанию 22 октября 1891 года, стр. 513)	113
Раздел II. Крепостное право в трудах исследователей	117
Снежневский В.И. К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях	124
Снежневский В.И. Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля и первые годы после нее	204
Можаровский А.Ф. Брачный обыск во времена крепостничества.. (К заседанию 27 мая 1890 года, стр. 337).....	247

Раздел III. Воспоминания современников о крепостном праве и крепостниках	251
Шипов Н.Н. История моей жизни и моих странствий	253
Николаев М. Е. Мои воспоминания	294
Ребиндер Б.А. Записки эмигранта	327
Раев В.Е. Воспоминания из моей жизни (фрагмент)	346
Комментарии к III разделу	350
 Раздел IV. Нравы и обычаи нижегородского барства	353
Мельников П.И. Старые годы	355
Еремеев П.В. Крик свободы	443
Комментарии к IV разделу	519
 Раздел V. Из кладовой народной памяти: рассказы-воспоминания старожилов	527
Комментарии к V разделу	583
 Приложение	593

*Увижу ль, о друзья! Народ неугнетённый
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдёт ли наконец прекрасная заря?*

А.С. Пушкин

К ЧИТАТЕЛЮ

Сложно придумать для книги, которую вы держите в руках, эпиграф лучший, чем эти пушкинские строки. Вам, нашим внимательным читателям, конечно, не нужно напоминать, каким долгим и трудным оказался для русского народа путь к *свободе просвещённой и прекрасной заре*.

Неумолимая хронология событий свидетельствует об этом. Лишь пять лет спустя после гибели Александра Сергеевича волю, пусть и забюрократизированную, обрели государственные крестьяне, превратившиеся из *государственных имуществ* в *свободных сельских обывателей*. Ещё двадцать лет понадобилось, чтобы освободить помещичьих крестьян. Но вспомните, как это было сделано: явно недостаточные наделы, временнообязанные отношения, выкупные платежи, рассчитанные почти на полвека. И ещё через двадцать лет сыну Царя-Освободителя пришлось переводить миллионы крестьян на обязательный выкуп. А это значит, что до тех пор они были почти что крепостными. И лишь первая русская революция положила конец выкупным платежам, которые, обросши долгами, Бог весть ещё сколько лет душили бы крестьян... А ведь между каждой из этих вех – лучшие годы целого поколения!

На эти размышления навело меня интересное совпадение. Вы, конечно, уже посмотрели содержание сборника. Почётное место в нём занимают работы Виктора Ивановича Снежневского, видного деятеля Нижегородской Губернской Учёной Ар-

хивной Комиссии. Будучи ровесником отмены крепостного права, он скончался в 1908 году, когда уже были разорваны последние путы крепостничества. Поэтому мне кажется очень символичным его глубокий интерес к эпохе рабства, многие черты и родимые пятна которой мы можем вспомнить теперь благодаря его трудам.

Вообще, Губернские Учёные Архивные Комиссии в пореформенное время играли роль своего рода исторической памяти, если не совести. Они не позволяли забыть обществу, которое ещё вчера было поражено недугом крепостничества. Молодому поколению, воспитанному на разоблачениях всего и вся, может показаться, что это было сознательным выискиванием недостатков недавнего прошлого. Тем паче, что иные русские мыслители тех лет, как Н.Я. Данилевский, вовсе не считали крепостное право злом. Однако работа архивных комиссий как раз и восстанавливала истинное лицо крепостничества. В своей работе исследователи опирались на массу архивных материалов, и поэтому могли делать вполне обоснованные выводы.

Примечательно, что многое из того, о чём писали, основываясь на архивном материале В.И. Снежневский и его коллеги, находит соответствие в мемуарной литературе и фольклоре. На этих соответствиях и построена отчасти предлагаемая вашему вниманию книга. В ней есть несколько «сквозных» сюжетов, отражённых и в архивных документах, и в воспоминаниях современников, и в художественной литературе, и даже в фольклоре нашего края. К числу их относится трагическая судьба крепостного живописца, ученика А.В.Ступина Григория Мясникова, история бед и скитаний крестьянина Выездной Слободы Николая Шипова, легенды о чудачествах и зверствах князя Грузинского. Нет смысла называть все такие темы, думается, читателю будет интереснее проводить параллели самому.

Так или иначе, составителям удалась структура сборника, которая позволяет под разными углами зрения взглянуть на явление крепостного права.

Конечно, самым объективным источником для историка был, есть и будет архивный документ, и первый раздел воспроизводит уникальный материал, собранный В.И. Снежневским в нижегородских архивах. Здесь перед нами предстают не просто документальные копии событий. Мы имеем возможность слышать и понять язык и ментальность их участников, и, что тоже очень интересно, позицию русского правосудия того времени (если оно, конечно, было правосудием).

Однако самый лучший источник не даёт общего плана, и эту задачу берёт на себя исследователь. Поэтому второй раздел включает в себя две большие работы В.И. Снежневского, рисующие перед нами масштабную картину побегов крепостных и трагических событий, сопровождавших отмену крепостного права в Нижегородской губернии.

В живую историю окунает читателя третий раздел, составленный из воспоминаний современников о крепостном праве. И здесь нашлось место не только мемуарам бывших крепостных крестьян (Н.Н. Шипова, М.Е. Николаева, В.Е. Раева). Очень интересны пересказанные Б.А. Ребиндером воспоминания жены А.Н. Карамзина, сына великого историка и ардатовского помещика, - Н.В. Оболенской.

За воспоминаниями следуют художественные реконструкции прошлого. И если рассказ П.И. Мельникова-Печерского «Старые годы» принадлежит эпохе, помнившей ещё обычаи былого барства, то повесть Петра Васильевича Еремеева «Крик свободы» - это уже взгляд потомков, взгляд через века.

Венчает книгу подборка народных преданий, в которых читателю предстоит снова встретиться со знакомыми персонажами. Предания интересны тем, что мифологизируют прошлое, и вы без труда найдёте в них «кочующие» сюжетные ходы и линии. Героями их стали не только злые помещики и бурмист-

ры, от которых часто не осталось в памяти народной ничего, кроме прозвищ да злодейств. Истинная народная мудрость блещет в рассказах, посвящённых совсем другим лицам, например, Александру Сергеевичу Пушкину.

Ещё одним удачным ходом составителей стало включение в сборник «Приложения», большая часть которого – это избранные «нижегородские» материалы словаря Брокгауза и Ефрона, в том числе и очень живые статьи об А.В. Ступине и его школе или о П.И. Мельникове-Печерском, не ограничивающиеся сухим информированием, дающие повод для глубоких размышлений.

В целом «Ярем барщины старинной» - нужная и своевременная книга. Особенно важным мне кажется обратить на неё внимание подрастающего поколения, для которого крепостное право – это лишь глава в скучном учебнике. Именно молодым людям адресована в первую очередь эта книга.

*Доктор исторических наук,
профессор Е.П. Титков*

РАЗДЕЛ I

СЦЕНЫ ИЗ КРЕПОСТНОГО БЫТА: СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ АРХИВЫ

После отмены крепостного права в России интерес исследователей к его изучению не ослабевает, а, напротив, усиливается. Прежде всего, это связано с открытием архивных документов благодаря усилиям Ученых Губернских Архивных Комиссий. Нижегородская Губернская Ученая Архивная Комиссия (НГУАК) издает многочисленные документальные материалы по истории крепостного быта в Нижегородском крае.

В этом деле особо следует отметить роль В.И. Снежневского, заслугой которого стала кропотливая исследовательская работа по привлечению и публикации ценнейших документов по данной проблеме. Виктор Иванович Снежневский является одним из крупных исследователей-краеведов рубежа XIX – XX вв. В период с 1888 по 1895 и с 1903 по 1907 гг. он служил правителем дел НГУАК.

Огромный интерес в изучении истории крепостного права на Арзамасской земле представляют документы, опубликованные В.И. Снежневским под общим названием «Опись делам Арзамасского уездного суда (1785-1803)» в издании «Действия НГУАК»¹. Дополнительно была опубликована «Опись делам», относящаяся к периоду с 1804 по 1847 гг. Картина быта крепостной России в документах арзамасского уездного суда предстает перед нами во всех подробностях.

---

¹ См.: Снежневский В.И. Опись делам Арзамасского уездного суда (1785-1803) // Действия НГУАК. Т.1. Вып.5. Н.Новгород, 1892.

Произвол помещиков в отношении крестьян является главной темой судебных разбирательств и показан с точки зрения местных властных органов. Рассмотрение дел о притеснении крестьян не всегда обращалось в пользу помещиков. Об этом свидетельствуют некоторые материалы, которые будут приведены ниже.

Кроме помещичьих злоупотреблений, в приведенных в «Описи» документах сообщается о делах межевых, крестьянских выступлениях, многочисленных случаях побегов, делах, связанных с незаконнорожденными, нарушением положения о солдатах и их семьях, о фактах неповиновения самих помещиков уездным и губернским властям и многих других.

В «Описи делам Арзамасского уездного суда (1785-1803)» содержится много фактов возмущения крепостных крестьян допущенными по отношению к ним со стороны помещиков различными притеснениями. Нередко возмущение доходило до открытого выступления против помещиков, которое заканчивалось применением силы и нападениями на них, их старост и дворовых людей. В этом отношении следует обратить внимание на дело 1801 года, значащееся в описи под № 142-17, «О шатовском крестьянине Федоре Егорове, в поколотии им той же деревни старосту Никиту Антонова в спину ножом». Крестьянин был привлечен к суду. Однако рассмотрение дела закончилось по просьбе самого помещика Авдеева. Подобные решения уездным Арзамасским судом принимались нередко.

Серьезный оборот иной раз принимали межевые дела и споры между помещиками. Такие инциденты порой завершались открытыми столкновениями, и страдали при этом, главным образом, крестьяне. Под 1801 годом за № 148-80 значится дело «О бурмистре с крестьянами госпожи Мелисиной, избивших крестьян госпожи Кондратьевой при осмотре последними спорных лесных дач этих помещиц». Примечательно, что дело «осталось нерешенным за уходом обвиняемых в Рыбинск на заработки».

Нередко помещики допускали злоупотребления в отношении казенных крестьян, с землями которых соседствовали их владения. В этой связи характерно дело 1803 года за № 167-2506 «О спорном села Выездной Слободы с селы Волчихою, Майданом и деревнею Вторусскую—хлеб», начатом против помещика г. Салтыкова. Помещик самовольно захватил крестьянские угодья и засеял их своим хлебом. По делу начался суд. Как видно из дела, тяжба приняла длительный характер и, как сообщается в документах, «решения по данному делу нет».

Положение крепостных крестьян было отягощено не только притеснениями со стороны помещиков, но и невозможностью в большинстве случаев защитить себя в суде. В 1803 году за № 170-2540 было заведено дело «По указу нижегородского губернского правления, о учинении разсмотрения по приложенной при оном просьбы, поданной на имя нижегородского губернатора, здешней округи, села Пречистенского от крестьян умершей малолетней помещицы о причиняемых им от опекуна Полозова притеснениях». Крестьяне обратились с прошением о пресечении злоупотреблений в суд. Однако помещику удалось повернуть дело так, что виновными в итоге оказались сами крестьяне. Об этом выразительно свидетельствует итоговое решение по указанному делу: «За утруждение вышняго начальства несправедливой просьбой» крестьяне «в страхе другим» были наказны батожьем».

Возмущение крепостных крестьян Арзамасского уезда своим тяжелым положением находило воплощение в желании «наказать», «поучить» своего барина, чтобы тот не злоупотреблял в отношении них телесными наказаниями. В 1840 году за № 299-3697 рассматривалось дело «Об ударе подпоручика Владимира Бетлинга дворовыми его людьми дубинкою в лоб и в намерении убить его до смерти». Все обвиняемые крестьяне сознались, что хотели господина своего «побить хорошенько» за жестокое с ними обращение и для этой цели по три ночи выходили на дорогу поджидать его.

В.И. Снежневский много внимания уделяет делам, в которых ярко просматривается нравственная сторона крепостничества. Одним из таких стало дело «О застрелившемся в 1828 году ученике академика А.В. Ступина, дворовом человеке г. Гладкова, Григории Мясникове»¹. Историю эту в свое время описал в воспоминаниях и Василий Егорович Раев. Дело о самоубийстве Григория Мясникова, одного из самых талантливых учеников школы Александра Васильевича Ступина, получило широкую огласку и рассматривалось следствием. И.С. Ремезов в своей книге – «Материалы для истории народного просвещения в России», так описывает Мясникова: «Он отличался пылким воображением и чрезвычайно благородным характером. Чтением книг он настолько развил себя, что, при несомненном таланте ему предстояла, по окончании курса в академии, блестящая будущность». Причиной самоубийства, как было выяснено позже, стала несбывшаяся надежда Григория Мясникова на получение вольной от своего помещика.

О произволе помещиков по отношению к своим крестьянам есть огромное количество различных документальных свидетельств. В «Описи», приведенной В.И. Снежневским, собраны свидетельства нежелания некоторых помещиков следовать закону, предписаниям уездных и губернских властей. Одним из таких под 1822 годом за № 255-1594 фигурирует дело «О разных поступках г. полковника Всеволода Васильевича Баженова». О характере дела свидетельствует следующая формулировка уездного суда: «Поступки, сделанные Баженовым, заключаются в сопротивлении губернским уездным властям, в оскорблении их, во многих насилиях над своими и чужими крестьянами, в оскорблении на словах и в письмах брата сво-

---

¹ См.: Дело о застрелившемся в 1828 году ученике академика А.В. Ступина, дворовом человеке г. Гладкова, Григории Мясникове. В.И. Снежневского. (Приложение к заседанию 26 мая 1889 года, стр. 120) / Опись делам Арзамасского уездного суда // Действия НГУАК. Т.1. Н.Новгород, 1892 С. 154-156.

его, помещицы Мацневой, и других, в подстрекательстве своих крестьян не повиноваться властям и т.п. дело о нем начиналось три раза и выросло до огромных размеров». Немало подобных свидетельств собрано в описи дел, рассмотренных Арзамасским уездным судом.

Кроме делопроизводства Арзамасского суда, в сборник включены фрагменты подготовленных В.И.Снежневским описей дел Макарьевского уездного суда, в которых перед нами предстаёт в документальном свете обросшая легендами личность крупнейший помещика нижегородского края - князя Грузинского.

ОПИСЬ ДЕЛАМ АРЗАМАССКОГО УЕЗДНОГО СУДА 1785-1803 ГГ.

(Приложение к заседанию 26 мая 1889 года, стр. 120)¹.

1785 года.

№ 62-523. «По указу из нижегородского наместнического правления и при нем прислан города Арзамаса купецкой жены, вдовы Марьи Масловой, из дворовых людей отпущенник Петр Алексеев, для поступления по законам».

Дворовый этот был взят в г. Астрахани с отпускнуою, выданною от госпожи его, купчихи Масловой, потому, что «в оной отпускнуой не объяснено, - какое право купецкая жена имела владеть людьми». По справке в арзамасском магистрате оказалось, что «в поданной при первой генеральной переписи от купечества в отпуске, в поголовной скаске 722 году у посадского человека Ивана Григорьева Маслова дворовых людей написано, а в присланной 724 году, октября 22 дня в магистрат из Нижняго канцелярии свидетельства мужеска полу душ ведомости за невывоз, между протчево, у посацкаго человека Ивана Григорьева, без прозвания, на дворе ево молоховской области, а котораго села и деревни – не написано, крестьянин Тимофей Наумов с детьми Васильем и Алексеем показаны, а по второй ревизии скаске действительно у Ивана же Григорьева во дворовых людей написанные в прежнюю перепись за невывоз Тимофей Наумов пятидесят семи, у него дети Василей тритцети, Алексей дватцети пяти лет, равно и по третичной ревизии от купечества скаске ж оной Тимофей Наумов в 747 годех – умершим, а дети ево - Василий и упоминаемой Алексей Тимофеев – с семейством во дворовых людех написаны наличными; а в поданной нынешней четвертой ревизии скаске, за подачею от самих владельцев, дворовых людей не значится». Магистрат

---

¹ См.: Снежневский В.И. Описание делам Арзамасского уездного суда // Действия НГУАК. Т.1. Н.Новгород, 1892 С. 175-197.

пишет далее, что «означенному дворовому за купцом Иваном Григорьевым и за женою ево в силе имянного 1754 году, мая 13 дня, указа и надлежит быть, ибо тем указом 1-ым и между прочего точно повелено: всем беглым людем и крестьяном из бегов отдачу чинить, кто, где и за кем по скаскам с 1719 году и по положению в подушной оклад в первую перепись и во вторую ревизию написаны с жены, и с детьми, и со всеми их животами и хлебом, а по бывшим до 1719 году писцовым, и переписным, и магистрацким книгам отдачи беглых за вышепреписанными резоны не чинить, да и производства об оных дворовых людех, как то из учиненных справок оказалось, в том магистрате никакого не имелось, следовательно, что предки ево Тимофеева откуда и чьи были и следствие об них производить резона не имеется». Арзамасский уездный суд в подтверждение права купцов на владение, а следовательно и права отпускать на волю своих дворовых людей, приводит еще указ правительствующаго сената, состоявшийся в 1746 году, марта 25 дня, «1 п. коего точно повелено: за посацкими людьми, тако ж за кузнецами и другими мастеровыми, в цеху находящимися, написанных в прежнюю перепись дворовых их людей во вторую перепись написать за ними ж, почему уездный суд подтверждает ту отпускную в своей силе действительною».¹

1786 года.

№71-967. «По прошению полковника Михаила Алексеича Аграмакова служителя Александр Ефремова, о выкупе проданнаго братом означенного господина ево, порутчиком Петром Аграмаковым, арзамасской округи деревни Крутца крестьянина Гаврилу Федорова с женою, малолетнею дочерью, хоронным строением, с хлебом стоячим, моченым и в земле посеянным, со скотом и со птицы, с пашенною на ево тягло,

---

¹ Первое запрещение купцам, мещанам, нижним чинам и приказным служителям владеть крепостными без земли было по межевой инструкции 1754 года [прим. В.И. Снежневского].

чем он до сего довольствовался, землею в поле, а в дву потому ж, с сенными покосы и лесными угодьи и об отдаче онаго господину ево во владение». – Продажа и выкуп семьи со всем ее имуществом состоялись за 50 рублей.

№72-968. «По исковой жалобнице вдовы подпорутчицы Александры Богдановой дочери жены Мещериной в прибитии ее арзамасской инвалидной команды капитаном Иваном Кириловым». Дело это интересно по характеристике нравов того времени.

1788 года.

№ 73-1056. «По предложению его высокоства Ивана Михайловича Ребиндера, о учинении по приложенным при оном поданным польской нации от Андрея Ионина двум прошениям, объясняющим причины, - почему он не принадлежит купцу Беляникову и репорту арзамасского городничаго Ананьина о показании купца Беляникова, - почему он, Ионин, находится у него в доме, рассмотрения и в случае отбывательства просителя от холопства – о поступлении с ним по законам».

Ионин в прошении на имя губернатора пишет, что дед его был поляк (по справке оказалось швед) и с 724 г. жил у купца Сальникова в услужении, от него был заложен купцу Потеряхину, не был выкуплен и остался за ним вместе с отцом его, Ионина; по смерти Потеряхина остался за дочерью его, вышедшею замуж за купца Белянинова. Потеряхиным отец был отдан в солдаты и его мать с тех пор стала свободною; но купцы Сальников, Потеряхин и Белянинов никаких крепостей на них не имеют. По справке с ревизскими сказками магистрата оказалось, что дед Ионина Иван Иванов сын Горлянский, швед, ранее бывший разночинцем вместе с другими тремя иноземцами, принявшими православие, по своему желанию был записан за бывшего купца арзамасской гостинной сотни И.Н. Сальникова в 1724 году и в первую ревизию за ним записан; а во вторую проситель Ионин с отцом своим – за «свойственником»

Сальникова Потеряхиным. При деле приложена купчая крепость на Андрея Ионина с семейством, проданным в 1782 году Потеряхиным прапорщику Есипову, который тогда же заложил это семейство Белянинову. Купчая эта очевидно была совершена только для обхода закона¹, что часто в подобных случаях делалось людьми, не имевшими права владеть крепостными, но обхода все-таки запоздалаго, потому что еще по межевой инструкции 1754 года было запрещено купцам, крестьянам, нижним чинам и приказным служителям владеть крепостными без земли; купец же, приобревший крепостного на основании прежде изданных законов, должен был продать его в полугодовой срок. Сенат в 1785 году разъяснял рязанской казенной палате, что она незаконно утверждала за купцами крепостных людей на том только основании, что они были записаны за ними в первую и во вторую ревизию². Стало быть купчая совершена и утверждена была арзамасским уездным судом незаконно. Между тем уездный суд в решении своем по настоящему делу ссылается на указ 1754 года, 13 мая, в 5 п. котораго сказано: «ежели за которых владельцев с 1719 го. разных наций ... по желаниям их, а некоторыя за неприиском помещиков себе по отдаче ... в прежнюю и во вторую перепись за кого приписаны и подушный оклад положены, - тем быть крепким по тому написанию за теми владельцами» и Ионин отдан во владение прежнему своему владельцу, что также прямо противоречит повелению 1781 года, где сказано: «всем пленным оставшимся в России, по принятии православнаго закона, с женами их, хотя бы они и на крепостных чьих либо женщинах или девках жена-

---

¹ Ионин во втором прошении говорит, что он никакого поручика Есипова не знает [прим. В.И. Снежневского].

² Семевский «Крестьяне в царств. Екатерины II» [прим. В.И. Снежневского].

ты были, с детьми их быть свободными и дать им волю избрать такой род жизни, какой сами за благо рассудят».¹

№ 75-1103. «По исковой жалобнице прапорщицы Матрены Ивановой дочери жены Тулузаковой на приказчика малолетних господ Свищовых Алексея Никитина, который прискакав к ней на поле и без всякой ея винности ругал ее скверными непотребными словами, слезши с лошади, ударил по голове кулаком и имевшиеся на оной два платка, ценою по рублю каждый и чепчик в 50 коп. на землю сшиб и оные взял к себе и не довольствуясь тем, таскал ее по земле за волосы и бил по плечам и рукам езжалою ременною плетью немилостиво». – Дело прекращено миром.

№ 76-1104. « О наскакании верхом господина провиантмейстера Горихвостова приказчика Тихона Матвеева на жену и дочерей дьячка Алексеева, стлавших на скошенном лугу посконь». – «Оной Матвеев сшиб их лошадиной грудью с ног на землю, бил их езжалою плетью немилостиво и спутанную их лошадь, спущенную на луг наглостью и озорничеством к себе на господский двор взял, на двор ее немилостиво дубиною бил, обрезал ей гриву и хвост, а наипаче всего вымазалась смолою со двора и согнал». Прикащик не сознался в возводимых на него обвинениях и дело до представления улик было прекращено.

1790 года.

№ 79-1264. «По просьбе полковника Михаила Алексеева сына Аргамачова поверенного ево служителя Александра Ефремова, о даче ему на незаконнорожденного солдатского сына Андреяна владенного указа».

После отдачи в солдаты мужа своего солдатка осталась в деревне своего помещика; незаконнорожденный сын ее жил до 6 лет при ней. Уездный суд, по прошению помещика и на осно-

---

¹ Неволин «Собр. сочинений» т. III стр. 65-71. (У Семейского «Крест. в царств. Екатерины II », стр. 12) [прим. В.И. Снежневского].

вании инструкции 1743 года 16 пункта и указа сената от 20 мая 1744 года, определил: «быть ему, Андреяну, у него, г. Аргамакова, по воспитанию и по желанию той солдатки вечно во услужении, на которого ему, г. Аргамакову, дать владенный указ и написать в подушной оклад».

№ 83-1287. «О битии вотчины бригадира Александра Петровича Микулина деревни Новоселок крестьянами Родионом Федоровым с товарищи крестьян деревни Бебяевы, малолетних господ Свищевых: прикащика, старосту и крестьян на сенных покосах дубинами смертным боем, которые и находятся едва живые».

Бой этот возник из-за спорных лугов, бывших в чересполосном владении у помещиков Микулина со Свищевым. За недоставлением «ясных» доказательств и неоспоримых свидетельств потерпевшими, дело было прекращено, а Свищевым было предложено доказать документально свое право на луга и скошенное сено. Сена 50 копен, считая в них 25 возов, по 1 р. 50 коп. воз.

№ 84-1310. «По жалобе отпущенных от покойного прапорщика Егора Григорьева сына Караулова дворовых людей о принуждении их наследником Караулова к платежу подушных и всяких государственных податей».

Караулов в объяснении, данному суду, говорит, что он действительно требовал с отпущенных вечно на волю братом его дворовых людей подушные, рекрутские и другие государственные сборы, потому что в отпускной не сказано, чтобы за них крестьянам его всякия подати платить. Суд же, принимая во внимание, что в отпускной «чтобы тем дворовым людям самим за себя те подати платить не написано ж», приказать объявить Караулову, чтобы к платежу податей отпущенников не принуждать.

1791 года.

№ 86-1381. «По сообщению арзамасского городничего Ананьина о присланных к исследованию и поступлению по законам нижегородской межевой конторы канцеляриста Александра Попова и рекрута Архипа Потапова, в подложной продаже их в военную службу арзамасским купцом Василием Аллилуевым».

Дело это интересно, как рисующее, возможный только во времена крепостного права, особый род промышленности, сродный, по существу, с деяниями героя «Мертвых Душ» Чичикова, с той разницей, что Аллилуев-Чичиков оперировал над живыми и не одними крепостными душами, а и захудалыми из дворян. Заключается оно в следующем: Дворянин, канцелярист Попов, отправился из Нижнего в Курск на службу и проездом через Арзамас познакомился с тамошним купцом Аллилуевым. Аллилуев предложил ему вступить с ним в компанию и устроить следующую операцию: поехать в г. Темников, купить по верующему письму на имя его, Аллилуева, у знакомой ему помещицы Корольковой находящегося в бегах ее крепостного и под видом этого крепостного продать его, Попова, в солдаты, а потом бежать. Попов согласился, за известную плату, конечно, из той суммы, какая имела быть вырученную от его продажи. Верующее письмо с Корольковой заключено; Аллилуев едет с Поповым в Тамбов и находит на него покупателя, помещика Бегичева, заплатившего 580 рублей; Бегичев сдает его в солдаты. Прошло месяца полтора; в это время Аллилуев подговорил к побегу, вместе с Поповым, другого солдата Потапова, бывшего с Поповым в одном полку, взял их и втроем поехали в г. Пензу; здесь продают Потапова, с его согласия, конечно, крестьянину генерала Загрядского, тоже для отдачи в солдаты, и по тому же верующему письму на крепостного Корольковой, за 700 рублей. В солдаты его сдали, через некоторое время опять бежали все трое и заехали в г. Арзамас, остановясь в доме Аллилуева. Аллилуев купил Потапову, у которого волосы на го-

лове еще не выросли, для безопасности, парик; но здесь Потапов захворал горячкою и в беспамятстве со двора Аллилуева ушел, подошел в сумерках к караульным у острога, те заметивши, что у него волосы на голове бриты и в шапке лежит парик, взяли его; на вопросы их он ответил только, что он мужик. Аллилуев, узнав о случившемся, на другой день бежал из Арзамаса, сказавшись отцу, жившему с ним в разделе, что едет в саровскую пустынь «для моления» со своей сестрой. Дней через 9 Потапов на столько оправился от болезни, что мог отвечать на расспросы и что касалось лично его и Аллилуева – на допросе рассказал. Попов же, перейдя, по знакомству, на квартиру к прапорщику инвалидной команды после отъезда Аллилуева, через неделю хозяином своим был представлен в суд за безписьменность и тоже во всем сознался, присовокупив, что деньги, за исключением употребленных на расходы, остались у Аллилуева.

№88-1405. «По просьбе подпоручика Михайла Данилова сына Алексеевцева, в сковании сына его, да крестьянина Лавра, бывших на находящихся в чересполосном владении с г. Лопухиным лугах первый для сбирания ягод, а второй для кошения травы, и в держании Ивана в железах, а Лавра в колодке целые сутки арзамасской округи, вотчины подпоручика Ивана Петрова сына Лопухина, села Хотяина крестьянами и о протчем». – Дело это осталось почему-то нерешенным.

№ 88-1413. «По жалобе флота лейтенанта г. Бабушкина на подпрапорщика Алексея Болотова в сделании им, Болотовым, над крестьянином его, Бабушкина, Васильем Васильевым бесчеловечных и мучительных тиранств и жестокостей».

Бабушкин послал Васильева к Болотову получить с его долгу 61 р. И 50 рублей, должных Болотовым самому Васильеву; Васильев нашел Болотова пьяным и, подождав до вечера, пошел обратно. Подгулявший Болотов (в этот день он был именинник) послал в погоню за Васильевым на двух тройках дворовых человек 9, которые, нагнав его, избили и привезли к

барину, который «по всегдашнему шумственному житию своему и по привычке к смертоносным поражениям, вместо должного по христианству сожаления, сковав его в железо, будучи избитаго, еще бил по щекам и лежащего топтал ногами и оставя едва уже живаго, на другой день велел увезти его в г. Арзамас», где он и был оставлен. Решения в деле нет.

1796 года.

№ 100-1905. «О неписании на продаваемых людей и крестьян до окончания рекрутского набора крепостей».

№ 101-1931. «По просьбе отставнаго прапорщика Михаила Иванова сына Лихутина на подпоручика Егора Михайлова сына Тумскаго о причиненных им, Тумским, ему, Лихутину, ранах».

Тумский зазвал Лихутина с братом его к себе в гости. Тумский подвыпил, один из братьев ушел, но когда собрался идти и другой, то Тумский схватил со стены саблю и ударил ею Лихутина два раза по голове; тот, обливаясь кровью, упал; Тумский ударил его саблею в бок, но проколол только нагольный тулуп, в котором одет был Лихутин. Лихутин, при помощи жены Тумскаго, успел убежать. Когда на суде все это было констатировано, Лихутин подал просьбу, в которой пишет, что «поговоря полюбовно с Тумским, они помирились» и просить прекратить дело; оно было прекращено.

1798 года.

№ 113-2185. «Села Стараго Иванцева о старосте Иване Яковлеве с товарищи, в сечении им, старостою, того ж села крестьянина Якима Яковлева на сходе розгами за несознание в краже, на подобие прежних пыток».

Якима Яковлева оговорил перед старостою другой крестьянин, укравший деньги у старосты; чтобы вынудить у него сознание в участии в краже, его на мирском сходе секли и потом держали под караулом скованным, «но точию он чинил за-

пирательство», то их с соизволением вора отправили в суд, но вор убежал и оговоренного в краже с дороги воротили. На суде староста заявил, что «бесчеловечных побоев на подобие бывших пыток он не чинил». Суд обязал его подпискою, чтобы «впредь он так чинить не отваживался».

1775-1842 года.

№ 305-408. Дела о побегах крепостных крестьян и дворовых людей от помещиков.

1800 года.

№ 128-2382. «О неправильном якобы присваивании помещиком Габунеевым незаконно прижитых женою мушкатера Петра Яковлева во время его службы двух сыновей и одной дочери и о учении об оном законного постановления».

В прошении, поданном губернатору, Яковлев пишет, что при поступлении его в военную службу осталось у него жена, «которая хотя и долженствовала быть свободною, но могуществом того Габунеева оставлена им при себе и наравне с прочими его рабами исполняла все его повеления, как крепостная, до самого моего возвращения». Прижитых солдаткою без мужа детей – 2х сыновей и 1 дочь – живших при матери, помещик также держал у себя вместо крепостных «и домогаясь вечно их себе укрепить, многократно и разнообразно притеснял их, обнадеживая меня, якобы он отечески усовершенствовать их желает, чему я и верил», пока Г. не отправил старшего сына на острог за непослушание. Поэтому он с женою больше жить у Г. не желает и просит, чтобы и детей его жены от Г. им возвратили, чтобы «они были питаемы сами по себе, своим мастерством, и поступили в пользу государственную и общественную. Но уездный суд и губернское правление просьбы Яковлева «во уважение не приняли» и незаконнорожденные дети его жены оставлены в вечном владении Габунеева «в силу указов 744 года 20 мая и 8 августа».

№ 134-1431. «О рассмотрении сему суду о взятом прапорщиком Александром Языковым у отпущенников племянника ево, Александра, прапорщика ж Павла Языкова собственном их имени».

Этих отпущенников было двое; один из них был поверенным по делам как своего господина, так и других помещиков. В деле есть подробная опись с оценкою всему их движимому и недвижимому имению, которое А. Языков удержал по его словам, на том основании, что крепостные личной собственности не имеют; однако суд постановил возвратить отпущенникам задержанное Языковым имение. В деле есть также рядная запись, заключенная в 1769 году С. Языковым с родителями его бывшей невесты, а потом жены, помещиками Лопатиными: «Лета тысяща седьм сот сездсят девятаго, февраля в 19 день, коллежской асессор Григорий Осипов сын Лопатин, да жена его Прасковья Панкратова дочь зговорили мы дочь свою родную, девицу Марью Григорьевну, в замужество за отставного капитана Степана Иванова сына Языкова. А даем мы ей, дочери нашей, в награждение и в приданство из недвижимаго нашего общего имения в начале Божьего милосердия: крест со святыми мощами серебряной, да святых икон: распятие господне с предстоящими, писанной на меди живописной с обеих сторон, со святыми угодниками Божьими, обложен серебром, Казанские Богоматери живописный венец и поля чеканные серебром, убрбус низан жемчугом и камнями, утешение пресвятыя Богоматери в печалех, писан на кипарисе, живописной одигитри Богоматери смоленския, венец и поля серебряные чеканные, скорбящей Богоматери венец и поля серебряные, рождество Пресвятой Богоматери, венец и поля серебряные чеканные, Дмитрия, чудотворца ростовскаго, живописной на кипарисной цке; да движимаго имения и разных вещей: жемчугу, серебра, платья холаднаго и теплаго и белья на три тысячи на сто рублей ... денег тысячу рублей, да дворовых сенных девок: Агафью Андрееву, Авдотью Авдокимову, Дарью Прохорову, да из не-

движимаго нашего имения в саранском уезде деревню Верхнюю Пестровку, что ныне есть в оной деревне Пестровке мужеска и женска полу, землиж как в оной деревне, так и в селе Умыс, с лесы и санными покосы и со всякими принадлежностями, не оставливая ничего; да вместо вывезенных в дом наш из оной деревни Пестровки четырех человек малолетних крестьянских детей Никифора Тихонова, Евсенья Николаева, Ивана Григорьева, Егора Кондратьева, да двух девок Варвару Лукьянову, Домну Кондратьеву, которые по написанию и платежу подушнаго окладу сказок писаны в оной деревне Пестровке, отдаем ныне из курмышского уезду, из села Вазьяну крестьян: Гаврилу Иванова с женою ево Лукерьею, детей их Ивана с женою Авдотьей, Филиппа с женою Матреною и с сыновьями: Иваном и Федором, Петром, холостой, Якова Мартынова с женою Дарьей, с сыном Петром; да по смерти моей, Григорьевой, взять ей, дочери нашей Марье, в вечное и потомственное владение дворовых людей». (Далее идет рукоприкладство).

№ 135-2432. «Дело солдата Савелья Козлова о жене Анне Семеновой».

Козлов отдан был господином своим Давыдовым в солдаты в 1770 году, в 1796 году получил отставку и воротился на родину. Здесь он спрашивал у однодеревенских крестьян о местопребывании своей жены; ему сказали, что барин увез ее в низовья вотчины в скотницы, но там он ее не нашел и наконец, в 1800 г., узнал, что она живет у арзамасского купца Беляева. По возбужденному им делу оказалось, что его жена, поживя года два после отдачи мужа в солдаты, вышла замуж за крестьянина г-жи Ушаковой, жившаго в том же селе, где и она жила с прежним своим мужем. Лет через 15 второй муж ее помер и Ушакова отдала ее внучке своей Жмакиной, а та года через два по верующему письму продала купцу Беляеву. Чем кончилось это дело – неизвестно; оно перенесено было в княгининский уездный суд, по местонахождению Жмакиной.

№ 138-2451. «О сделании сему суду по просьбе помещика Теплова в держании и выдаче подполковником Аргамаковым крепостной ево Теплова девки за своего крестьянина удовлетворения».

В 1790 году поверенный пензенского помещика Теплова подал челобитную в арзамасский уездный суд, в которой просил возвратить Теплову бежавшую от него и живущую у помещика Аргамакова дворовую девицу. Вызванная к допросу дворовая заявила, что она точно дворовая помещика Теплова, беглая, и живет у помещика Аргамакова, которым, по ея впрочем согласию, выдана была замуж за его крестьянина, как заведомо-беглая, овдовела и вновь выдана за его-же крестьянина, имеет от него детей и теперь живет с ним; но так как Теплов доказательств о принадлежности ему той девицы никаких не представил, а показание оной женки за справедливое, по мнению суда, утвердить не можно, то Теплову и предоставлено было право «ведаться с Аргамаковым по форме». Воспользовался ли Теплов этим правом – неизвестно, только через 10 лет он подал нижегородскому губернатору другое прошение, в котором пишет, что Аргамаков удовлетворения ему не делает и «женку» не возвращает. Дело передано было в ардатовский уездный суд по местонахождению поместья Аргамакова.

№ 140-2478. «По указу нижегородскаго губернскаго правления, о поступлении с теми самими, кто написал села Старого Иванцева дьячкова сына Николая Гаврилова в сказках по селу Медынцеву 4-й за капитана Егора, 5 ревизии за сыном ево Дмитрием Егоровым Полочениновым и владеющим сим последним, по законам».

Николай Гаврилов, по своему желанию и с согласия отца, «вошел» в дом крепостного крестьянина помещика Сумарокова и женился на его дочери. Сумароков в 1775 году продал его, вместе с прочими крепостными крестьянами, помещику Полоченинову (копия с купчей есть при деле), за которым, в сказках

по 4 и 5 ревизиям, был записан, наравне с прочими крестьянами. Решения уездного суда в этом деле нет.

1801 года.

№ 142-17. «О шатовском крестьянине Фёдоре Егорове, в поколотии им той же деревни старосту Никиту Антонова в спину ножом».

Фёдору Егорову 27 лет. Помещик Авдеев, господин его, на своих 4 лошадях отправил его «под извоз» в г. Саратов, дав ему на дорогу 10 рублей; по приезде в Саратов он жил дней 10, пока не установился санный путь, деньги все прожил и променял 1 из лошадей, взяв в придачу 9 рублей, чтобы прокормить себя с лошадьми; потом нашел кладь до г. Горбатова, которую и взялся доставить по 50 коп. с пуда, всего 47 р.; из них осталось у него только 19 рублей. Помещик решил, что из полученных им денег он много пропил и приказал дворовым своим бить его «батоги», что по словам Егорова, с ним и было проделано с переменами 5 раз; затем его заковали в цепи и отправили к отцу. Через 5 дней за ним снова пришел староста, чтобы отвести его к господину, причем, «схватя его за волосы, таскал по полу немилостивно», и бил батогом; он вырвался от него, спрятался, но его нашли и опять стали бить, тогда он «не стерпя тех побой, ударил старосту ножом в спину, не имея намерения убить его, а единственно для того, чтобы перестал он бить его». Егорова отправили со старостой в суд; но через месяц Авдеев подал в суд прошение, чтобы дело это было прекращено и суд прекратил его.

№ 143-34. «Об оставшемся после покойного капитана Михаила Волкова имении, состоящем в селе Дубском на р. Пьяне».

При вводе наследников во владение этим имением ему составлена была подробная опись, в которой, между прочим имуществом, описана его библиотека; опись её, как составляющей значительный интерес по своему составу и дающей

некоторое понятие о духовных потребностях и жизни помещика тех времен, приводится ниже, а для некоторого понятия о материальном положении этого помещика укажем на следующие предметы из описи: У него дом в 7 комнат; стены парадных комнат писаны живописью, на стенах и в кладовых развешено 56 картин, писанных масляными красками; при доме оранжерея с тропическими растениями; крестьян 174 души, из них дворовых 17, а из последних один в бегах. Из крестьян составлено 33 тягла, каждое высекает хлеба ржаного в двух полях по 2 четверти, а в 3 без четверика; недоимки на них нет; оброку не платят – состоят на барщине; в тот год господского хлеба посеяно на 35 десятинах.

Книг печатных:	Томов
Римской истории	16
Древней истории	10
Россияда	1
История о покорении Мексики	2
Описание земли Камчатки	1
Беседующий гражданин	3
Зароастр, Конфуций, Магомет в 4 т	2
История разорения Иерусалима	1
Алексис, в 4 томах	1
«Утренний Свет»	1
Турецкий шпион при дворе	1
Книга Сибиллы о переменах земли	1
Христианин, воин Христов	1
Приключение маркиза в 6 томах	3
Квинта Курция	1
Амелия (повесть)	1
Жильблазово похождение	4
Маримонда	1
Ежемесячное сочинение, июль 1756 г	1
Тожь, на месяц январь	1

О принце Солии и о принцессе Фелее	1
Безбожник (комедия)	1
Путешествие Гуливера	3
Утренний Свет, 1779 года	1
Спутник и собеседник	1
Немецкая грамматика	1
Похождение Карла Орлианского и Анибеллы	1
Размышление о греческой истории	1
История императора Петра Великого	1
Велизария	1
Антония (анекдот)	1
Оды духовные	1
Смесь, 1769 года	1
Густав Ваза	1
Нравоучительные басни	1
Житие Епиктетово	1
Любовь сильнее дружбы	1
Разговор животных	1
Заида	1
Нешастная Флорентинна	1
Вадины сказки	1
Новая французская азбука	1
История о Епаминонде	1
Утренний Свет, 778 и 779 годов	2
Олимпияда (трагедия)	1
Учреждение о управлении губерний	1
Устав благочиния	1
Камеди из Аира господина Милиера	1
Рукописных:	
Житие государя Петра Великого	1
Принцесса Вавилонская	1
Добродетельная сицилианка	1
История королевы Илдегерты	1
История о кавалере фон 5: (так в тексте – прим. сост.)	1

Похождение Телемаково	1
Ево же похождение	2
Праведушная. Повесть истинная	1
Аракул, разные комедии	1
Камедиа езда к целительному колодезю	1
Нелюдим (комедия)	1
Новоприезжая (комедия)	1
Разговор двух кавалеров Хрипадоса и Армитида	1
Сатиры, оды и комедии	1
Трагедия Меропы	1
Разговор дву приятелей о ползе наук и училищ	1
Прибытие короля швецкаго 12-го в царство мертвых	1
О мудрости и экономии молодого человека	1
Под заглавием – Остроль Зунте	1
Драма Сердечный магнит	1
Помир Иселим (трагедия)	1
Итого:	106

Разных старинных крепостей прочих документов 49 свертков. Три жалованные грамоты, 1-я от сотворения мира 7182 г., 2-я 1683 года июня 26 и 3- 1684 года июня 4 числа.

№ 144-46. «По просьбе госпожи Юрловой, о дворовом ея человеке Семёне Михайлове в самовольной им женитьбе».

Юрлова в прошении в уездный суд пишет, что дворовый ея, отпущенный ею на базар, через два дня воротился «обще с неведомою женкою, объявляя при том, что она ему состоит жена» и просит дело это разобрать. Девица, на которой женился дворовый, была дочь канцеляриста, отданного или поступившего в солдаты, и жила в арзамасском Никольском женском монастыре, где ходя на р. Тешу, за водою, познакомилась со своим будущим мужем. Мать невесты простила ее за «такое самовольство», а г. Юрлова конечно была довольна даровой крепостной и дело было прекращено.

№ 148-80. «О бурмистре с крестьянами госпожи Мелисиной, избивших крестьян госпожи Кондратьевой при осмотре последними спорных лесных дач этих помещиц». – «И от такового немилосердного их бою рычажьями остались они едва живы», а полесовщика их избитого же и брошенного ими в р. Пьяну, едва могли спасти. Дело осталось нерешенным за уходом обвиняемых в Рыбинск на заработки.

№ 149-85. «По просьбе купчихи Студенцовой, о даче ей на воспитанника ея, незаконнорожденного, владенного указа».

Студенцова в просьбе своей в уездный суд пишет, что находящаяся у нее в услужении лет 5 дворовая девка, незаконно родила мужского пола младенца, которого она, Студенцова, по христианскому человеколюбию и воспитала, а потому, на основании указа 1744 г. 13 июня, просит выдать ей на приемыша владенный указ, и уездный суд, основываясь как на этом указе, так и на указе от 22 сентября 1746 года, постановил записать незаконнорожденного за воспитательницею его Студенцовой, «у которой и быть ему вечно яко крепостному».

№ 152-110. «О станционном смотрителе Иване Степанове, в подметном от него к господину Льву Колычеву пасквильном письме». – В письме своем Степанов предостерегал Колычева от его дворовых, а главное от кухарки, которая, будто бы, жила блудно со всей дворней и пьянствовала с дворовыми; а дворовые не допускали мужиков с жалобами к барину и т.п.; в конце письма пишет, что если он не прогонит кухарку, то опасался-бы поджогу его дома. Следствием выяснилось, что письмо писал Степанов из ревности к кухарке, от которой предостерегал Колычева и которая прежде жила у него. Степанов судом приговорен был «по лишении чинов, в страх другим, к наказанию плетью, а потом к отсылке вечно, в сходствие указа 799 года, июля 31 дня, на поселение в Сибирь».

№ 154-137. «По доношению арзамасского нижнего земского суда, при котором прислан празднующийся в здеш-

нем городе села Путятина, помещика Быкова, крестьянин Яков Фомин для поступления по законам».

Первый раз Фомин взят был десятским в Арзамасе, как замеченный в пьянстве и разных буйственных поступках, и отдан был своего села вотчинным начальникам, «с крепчайшим подтверждением, чтобы они его, в рассуждение его поступков, никуда не отпускали и имели бы за ним прилежное смотрение», в чем и обязаны были подпиской, под опасением штрафа за неисполнение. Но через месяц Фомин опять был «усмотрен» в Арзамасе и его опять возвратили с «наикрепчайшим подтверждением никуда не отпускать и иметь неперменное смотрение». Через 5 дней Фомин снова в Арзамасе и снова был водворен с подтверждением «наикрепчайшаго за ни смотрения» и угрозою применить к вотчинным начальниками всю строгость законов. Но и это не помогло – Фомин через 10 дней «паки» собирает милостыню в Арзамасе и «паки» водворен с подтверждением «всенепременнаго за ним смотрения», но на этот раз с допросом как ему, так и вотчинным начальникам. Фомин показал на допросе, что он, по глупости своей, ходит за сбором милостыни без спросу у своих начальников, «ибо по бедности своей он не только дому своего не имеет, но и вдов и бездетен находится». Вотчинные начальники показали, что они Фомина «никуда не отпускали и имели за ним прилежное смотрение, а отлучался он тайным образом» и просили «поступить с ним по законам, потому что он и впредь по своему глупому рассуждению, то чинить будет, а суду в производстве дела наводить напрасное затруднение». Арзамасский уездный суд, куда передан был Фомин, представил его помещику с тем, что если он желает наказать Фомина, «то представил бы его куда надлежит при особой просьбе».

1802 года.

№ 162-334. «О сделании выговора поручику Кашкарову за напрасное обнесение им кавказского губернатора Скаржинского».

Это интересное дело заключается в следующем: от помещика Кашкарова в 1791-1793 годах бежало 10 человек его крепостных в астраханский уезд. Именным указом 1793 года 28 июня была прекращена высылка беглых из этого края, «впредь до рассмотрения», а указом 1797 года 15 августа разрешено причислить их к казенному ведомству, зачтя помещикам их за рекрут. В 1794 году Кашкаров получил от кавказского губернатора Скаржинского предложение, продать ему за 1000 р. бежавших от Кашкарова крестьян, но Кашкаров не согласился продать их «за такую малую цену», Скаржинский-же дороже дать не согласился продать и сообщил при этом содержание указа 1793 года о невысылке беглых. Кашкаров написал жалобу императору Павлу Петровичу на Скаржинского, где говорит, что «притесняя его и не соответствуя должности своей», Скаржинский предлагал ему совершить продажу его беглых. Правительствующий сенат признал жалобу его «недельною» и что Скаржинского «обнес он неповинно, потому что Скаржинский людей ево, Кашкарова, к побегу не подговаривал и не укрывал, а зная о бытии их в кавказской губернии и об отставленной высылке их на прежние жилища, по известному разрешению губернатором покупать в управляемых ими губерниях недвижимыя имения и по показуемой им, Скаржинским надобности в людях торговал их у Кашкарова и давал ему за них немалую цену, т.е. 1000 рублей из коих за каждую мужского полу душу (4 мужчин и 6 женщин) приходило по двести по пятьдесят рублей ... а при том без домов и без земель и следовательно Скаржинский ни противу законного деяния, не притеснения Кашкарову не сделал, а вместо того доброжелательствовал ему». Любопытно, что сенат при обсуждении поступка Скаржинского, рассматривает его только по отношению к Кашкаро-

ву и оставляет в стороне судьбу беглых крестьян его, относительно которых предполагалась сделка у Скаржинского с Кашкаровым и, пожалуй, интересы правительства, дозволившего беглым крестьянам, в силу интересов государственных, остаться на тех местах, где застает их указ 1793 года. Крестьяне Кашкарова, за несостоявшийся продажей их, были приписаны, на общем основании, к государственным крестьянам астраханского уезда».

№ 163-320. «По просьбе села Ичалова умершего крестьянина Ионы Потапова жены Анны Ивановой об освобождении ее от поручика Авдеева от рабства».

Анна Иванова в прошении своем, подданном в уездный суд, пишет, что по смерти мужа своего, экономического крестьянина, «быв еще в молодых летах, согласилась я с крестьянином выморочной и состоявшей тогда без всяких господских податей деревни Шатовки Родионом Григорьевым в незаконное сожитие, однако под видом жены, с коим прожила лет 17 и прижила сына Матвея». Родион Григорьев помер. «Неожиданно открылось к великому моему прискорбию, что ныне владеющий деревнею Шатовской господин Ф.Я. Авдеев, увидя, что я ему не прочна и не крепка, делает мне великое гонение и, ощущая себе таковое, жить более у него не намерена» и просит суд освободить ее, вместе с сыном от г. Авдеева, «если закону не противно сделать свое определение». Началось следствие. Помещик Авдеев заявил, что деревня Шатовка досталась ему по наследству и А. Иванову, он считал за свою крепостную и жену Григорьева, потому что она в ревизских сказках показана его женою, а кем они венчаны – не знает, «а принадлежит об оном знать приходскому священнику села Хохлова». По справке в духовном правлении с метрическими записками села Хохлова, оказалось, «что хотя брак крестьянина Родиона Григорьева со вдовою Анною Ивановою 1785 года в книгу всех брачующихся и записан...но ни месяца, ни числа, в которое обвенчаны они, не показано, да и таковое написание сего брака в

конце прочих по примечанию сделано после, другими чернилами; при всем же том и самый метрический список никаким и ничьим подписанием не утвержден, написан неисправно, на одном полулисте и без третьей о смерти части и затем вероятности не заслуживает». Священник села Хохлова Алексеев показал, «что в метрическом черновом его руки списке в конце всех брачующихся приписан брак Григорьева с Ивановою назад тому другой год без означения месяца и числа, после подачи за тот год подлинной метрической книги потому единственно, что как оный брак венчан был не им, а священником ардамовской округи, села Ездакова Михаилом Ивановым, уже умершим, о чем он от того священника и слышал, поелику тот священник Иванов ему был знаем и отец духовный... И известно ему, Алексею, что при том браке были дружка, коего имени не знает, и сваха, по прозванию Драбова, оба из села Ореховца». По наведенным справкам в селе Ореховце крестьянки Драбовой «не было и нет, да и прозвания такового там не слышали». Шатовскинские крестьяне заявили, что Анну Ивановну они почитали за жену Родиона Григорьева, но были ли они венчаны и где – того не знают, хотя некоторые и слышали от Григорьева и Ивановой, что они венчаны. По справкам в архиве арзамасского духовного правления оказалось: 1) «что в метрических книгах по селу Ездакову и Хохлову брака крестьянина Григорьева с женою Анною, начиная с 1784 года по 1795 год записанным не значится; 2) в исповедных росписях Григорьев в 1785 -1788 годах показан вдовым, а с 1789 по 1802 год писана при нем помянутая женка Анна Иванова женою»... Дьякон и дьячек села Хохлова показали, что «означенная женка писана была по 1802 год женою Григорьева по воле священника Алексеева». Дьячек села Ездакова Василий Денисов заявил, «что хотя в 1785 году он в сем селе и находился, но при браке Григорьева не был, а был при совершении сего брака брат его родной, который в 1795 году померши, пономарь Семен Денисов; от которого он о сем браке слышал». Дружка,

бывший по его словам при этой свадьбе, крестьянин села Ездакова Сазонов тоже давно помер.

В 1812 году состоялось по этому делу окончательное определение нижегородской духовной консистории и губернского правления и на основании вышеприведенных данных, а также и того, что Анна Иванова не могла доказать «небытия» брака, брак был констатирован.

1803 года.

№ 167-2506. «О спорном села Выездной Слободы с селы Волчихою, Майданом и деревнею Вторусскую – хлеб».

Выборный села Волчихи подал жалобу в уездный суд, в которой пишет, что производилось у них в сенате дело о спорных землях с Салтыковым; по решению сената Салтыкову отведена была земля, которою до решения дела владели крестьяне с. Волчихи; земля эта была засеяна озимым и яровым хлебом, «почему оный хлеб и принадлежит к снятию им, но крестьяне Выездной Слободы г. Салтыкова ржаной их хлеб сжали и увезли в дома свои, да и к снятию ярового хлеба, по приспелости, наглостию своею также намереваются их не допустить, чем и причиняют им крайнее раззорение, чрез которое могут они прийти в несостояние к платежу казенных податей». Решения по этому делу нет.

№ 168-2521. «По просьбе солдата Федора Зуйкова о незаконнорожденных женою его детях».

В поданном губернатору прошении Зуйков пишет, что вскоре по отдачи его в солдаты его жена пошла в жилицы к вдовому крестьянину помещика Голицына в село Красное Фаддею Иванову и «живучи с ним, по младости своих лет, прижила сына, которому теперь 9 лет и дочь, которой 13 лет». Дети эти по 5 ревизии записаны были законными детьми Фаддея Иванова. По возвращении из службы, Зуйков взял к себе жену и дочь, сына - же ему не отдали; а теперь и дочь его жены хотят взять и отдать насильно в замужество, а потому он и про-

сит губернатора «взглянуть на него милосердным оком, дабы господина Голицына крестьяне не могли воспользоваться жены его детьми, дочь не отбирали, а сынаж, как оный находится не у него, а в доме крестьянина Фаддея Иванова, предает на благоволение губернатора». Через несколько времени Зуйков подал другое прошение в уездный суд, в котром пишет, что бурмистр со старостой и другими людьми из села Красного пришли к нему, отбили ворота, сенные двери и намеревались войти в дом и взять от него дочь, но не могли войти в самый дом. В решении уездного суда по этому сказано, «что означенныя незаконнорожденные дети солдатики показаны были сказкоподателями в ревизских сказках детьми Фаддея Иванова и без означения, что они незаконнорожденные и сие последовало не иначе от чего, как от неведения и по неумышленности и еслиб их бурмистр князя Голицына в ревизию в сказках не исписал, то б они верно остались безгласными и через то в податях был бы казне ущерб»; Зуйков же «помянутую девку взял к себе от Фаддея Иванова самовольно». А так как мальчик и девочка солдаткою прижиты с крепостным князя Голицына и воспитывались этим крестьянином, а мальчик «и поныне у него воспитывается, то сие к вящему у неоспоримому доказательству служить о принадлежности из князю Голицыну». Относительно от самовольного взятия от Фаддея Иванова девочки уездный суд полагает, что «сия наклонность женки Петровой и мужа ея, солдата Зуйкова, не иначе для чего, дабы каковое лицо ни есть за нее ему дачею от княжеской вотчины воспользоваться, ибо ненатурально, чтобы он, Зуйков, яко за постороннюю, а не свою кровную дочь мог вступиться без мыслей к стяжанию корыстолюбия, во отвращение чего, сей суд определяет: по силе о ревизии инструкций 743 г., декабря 16 дня, 16 п. и указов 744 года, мая 20 и 746 года, сентября 22, показанным незаконнорожденным солдаткою Ириною Петровою детям, по воспитанию, быть в вечном и неотъемлемом владении у князя Голицына се-

ла Краснаго во крестьянстве». Решение суда губернским прокурором признано законным и было исполнено.

№ 170-2540. «По указу нижегородскаго губернскаго правления, о учинении рассмотрения по приложенной при оном просьбе, поданной на имя нижегородскаго губернатора, здешней округи, села Пречистенскаго от крестьян умершей малолетней помещицы о причиняемых им от опекуна Полозова притеснениях».

Крестьяне в прошении своем жалуются на Полозова, что он делает им такие притеснения и истязания, что не стерпя его жестокости, крестьянин Прохор, сын его Максим со своею женою и детьми бежали, и просят определить их, куда они следуют. Полозов заявил, что кроме милостей и доброжелательства от него крестьянам ничего не было и что «сия их мнимая просьба произошла не от чего инаго, как от загрубелости, вольнодумства и своенравия не быть подначальными». Писавшие прошение крестьяне на допросе показали, что Полозов никогда никому из них притеснения и истязания не чинил, а всегда был о их хозяйстве попечителен. Показание это по безграмотству их подписано иереем села Пречистенскаго. «За утруждение вышняго начальства несправедливой просьбой» крестьяне «в страх другим» были наказны батожем.

№ 174-461. «О взыскании ардатовской округи, вотчины малолетних господ Колычевых, села Семенова с крестьян должных господина Салтыкова, села Выездной Солободы крестьянам Таракановым денег».

В деле есть договорное письмо, заключенное между крепостными крестьянами гг. Колычевых – Баклашевым и г. Салтыкова – Таракановыми на отдачу первым на 5 лет в работу сына своего крестьянам Таракановым. Таракановы взыскивают со старосты села Семенова неустойку и незаработанные деньги по письму, так как сын Баклашева, «не стерпя чинимых Таракановыми побой и притеснений», от них через 6 недель бежал, за что, по повелению Колычевых, его держали в «железах», а

затем отдали в рекруты, «в страх другим». От Баклашева Таракановыми взят был в работу на основании договора другой его сын, но тот также ушел (или был отослан Таракановыми - из дела не видно). Деньги Таракановыми, на основании решения суда, со старосты были взысканы.

«1800 года, февраля 14 дня, говорится в договорном письме, ардатовской округи, села Семенова крестьянин Мокей Иванова сын Баклашев с позволения вышеописанного села Семенова старосты Петра Семенова, по данной ему малолетних господ Василья, Николая и Сергея Федоровых детей Колычевых от опекунши, матери их родной, вдовы премьер-майорши Прасковьи Ивановой Колычевой доверенности дал сие условие арзамасской округи, село Выездной Слободы крестьянам Алексею Михаиле Дмитриевым детям Таракановым в том, что отдал я сына своего родного, Сергея Мокеева, от вышеописанного числа впредь на 5 лет, которому и производить у них, Таракановых, всякую, принадлежащую для дому их, работу; а естли по усмотрению их, Таракановых, вверен будет сыну моему и торговый промысел, то и еной производить добропорядочно, так, как долг честнаго человека требует, особливо не пьянствовать и с воровскими людьми не знаться. Во время же нахождения того сына моего у них, Таракановых, какая перепоручена будет сумма и сын мой каковым либо небрежением или, от чего Боже сохрани, какую ни есть из оной часть утратит или всю растеряет, то за все оное отвечать должен вышеописанный староста Семенов. А при том, естли во время онаго жития сын мой захворает или сбежит, то мне вместо ево представить другого сына или по расчету отдать деньги, без всякой отговорки. Одежду иметь тому сыну моему как верхнюю, так и нижнюю, (окроме рубах и порть) их Таракановых. За которую послугу и рядил я, Баклашев сто рублей, которые при написании сего условия и получил я, Баклашев сие условие, за подписание выше писанного старосты Семенова даю уверению».

ОПИСЬ ПО ДЕЛАМ АРЗАМАССКОГО УЕЗДНОГО СУДА 1804-1847 ГГ.

В.И. Снежневского.

(К заседанию 22 октября 1889 года, стр. 207.)¹

1804 года.

№ 176-76. «О учинении наследования о выморочном, жительствующим в селе Своробоярском, крестьянин Агафон Иванов с детьми, не имеющим у себя помещика и о поступлении с ним по законам».

Крестьянин этот назад тому лет 35 отписан был арзамасской провинциальной канцелярией из владения помещика «впредь до указу» и с тех пор жил, «не имея у себя помещика», пока не донес об этом городничий и пока его не приписали к числу казенных крестьян «под названием из не знающих помещиков», так как после публикаций о нем никто на него не предъявил в узаконенный срок прав.

№ 181-138. «О распутном поведении села Выездной Слободы женки Настасьи Дмитриевой».

Бурмистр Салтыкова, представляя в суд солдатку Настасью Дмитриеву, заявляет, что она терпима в их вотчине за свое поведение быть не может и поэтому просит поступить с нею по законам; «по поелику бурмистр со крестьяны никаких, вероятно, достойных, улик, крепкими доводами утвержденных не представили», а Дмитриева заявляет, что «в распутстве никогда не обращается», то «оную женку обвинить и к должному суждению присудить не можно», однако же, обязать ее «наикрепчайшею подпискою, чтобы она жительства в Выездной Слободе больше не имела и навсегда оттуда отдалилась», вследствие нежелания помещика иметь ее в своей вотчине.

---

¹ См.: Снежневский В.И. Описание делам Арзамасского уездного суда 1804-1847(К заседанию 22 октября 1889 года). //Действия НГУАК. Т.1. Вып.5. Н.Новгород, 1892. С. 250-271, 279-318.

1805 года.

№ 183-241. «По доношению арзамасского нижнего земского суда, с приложением следствия о данном села Волчихи г. Макашева крестьянином Дмитрием Куликовым того же села г. Ленштета крестьянам фальшивом письме».

Из прошения крестьян Ленштета, поданного на имя губернатора, видно, что у них с помещиком их существуют какие-то недоразумения относительно количества оброка, который требует от них помещик в большем количестве, чем они дают (дают 1000 рублей и 50 сажень дров). В прошении этом крестьяне жалуются, что помещик их с исправником написали от имени крестьян какое-то обязательство, «клоняющееся к их обиде», а подписался к этой сказке не их выборной, а крестьянин помещика Макашева, по приказанию последнего, Куликова, в чем Куликов и дал удостоверение крестьянам Ленштета; удостоверение это приложено к их прошению. Далее крестьяне пишут, что по этому неправильному обязательству земский суд их притесняет «и забрав человек 10 посадил в тюрьму, морит напрасно уже 6 недель, а у шестерых из них сбрили пол голов и пол бород». Привлеченный к допросу Куликов заявил, что он подписался за крестьян Ленштета не по принуждению своего помещика, а по просьбе тех крестьян и удостоверения им никакого не давал, написал же им это удостоверение крестьянин кн. Оболенского Поляков; Поляков в этом сознался, но заявил, что подписал под удостоверением Куликова свою фамилию сам. Уездный суд объясняет, что крестьяне Ленштета содержатся в тюрьме за неповиновение своему помещику, но что половину их голов и бород никто не брил и делает постановление написавшим прошение губернатору крестьянам учинить наказание плетью. К тому же наказанию приговорен был и Поляков, так как он «написанием от имени Куликова удостоверения и пасквильной подписки учинил наивящий в ленштетовских крестьянах разврат, по случаю ими на помещика своего якобы в

разных притеснениях и разорениях просьб, и чтобы впредь ему таковых поступков чинить было неповадно».

№ 184-333. «По доношению земского суда о деланных Волчихинского Майдану крестьянином Алексеевым с детьми разных поступках».

Выборный с крестьянами удельного села Волчихинского Майдана жаловался ревезенскому приказу на крестьянина своего общества Алексеева, что он уклоняется от поставки рекрута за свою семью, стоящую на очереди, средний сын его (сыновей трое, 29, 22 и 19 лет) выдернул у себя зубы «во отбывательство от рекрутства»; во время набора Алексеев с детьми не явился на сход и защищался ружьями и пистолетами от сотских «и навел страх на мирских людей», ныне же обращается всегда в пьянстве и отлучках дня 2 и по неделе и имеет знакомство с шельмованными людьми. Все эти обвинения Алексеев отверг, называя их хитросплетенной выдумкой, что подтвердилось и на суде; сына же своего он не отдает в солдаты потому, что старший его сын, по приговору общества, отдан в училище «земляного битого строения»¹ и зачтен обществом ему из рекрута; при этом он представил и самый приговор. «Но предприятие сие» - согласие мирское зачесть Алексееву за рекрута отданного в училище сына – уездный суд признал «малосильным», так как в указе о наборе учеников в училище ничего не говорится, чтобы их зачитали за рекрутов, да при том же сын Алексеева «за непонятие» из училища был возвращен через три года. Окончательного же определения по этому делу нет.

---

¹ В училище эти набирались ученики из безлесных округов губернии по два человека из каждого, с тем, чтобы они по окончании учения возвращались на родину для распространения земляных построек. Училище было в новоторжском уезде, в селе Никольском [прим. В.И. Снежневского].

1806 года.

№ 187-411. «По просьбе генерал-майора Владимира Васильевича Баженова, при которой представил дворового своего человека Емельяна Григорьева за дурное его поведение».

В прошении своем Баженов говорит, что дворовый его «не только не исполняет с желаемым успехом свою должность, но даже отказывался не однократно и в шалостях», и просит «по нетерпению своему» отдать его в солдаты или на поселение, зачтя за рекрута. Уездный суд предложил обратиться Баженову с своей просьбой в нижегородское губернское правление, представить туда вместе с Емельяном Григорьевым и жену его, если желает сослать его в Сибирь.

1807 года.

№ 195-575. «О незаконнорожденных солдатскими женками детей».

Дело возникло по указу сената от 22 ноября, которым подтверждался другой указ Сената 1744 г. о том, чтобы законно и незаконнорожденные солдатками дети по достижению 6-летнего возраста посылались в гарнизонные школы а тех из них, которые не имеют матерей или родственников, которые бы их взяли на воспитание, отдавать желающим помещикам и укреплять за ними; но не иначе, как по точному расследованию, что дети солдаток не могут быть ими или их родственниками воспитываемы, по бедности ли или по другим каким-либо причинам, или быть отосланными в воспитательный дом; тех же незаконнорожденных солдатских детей, которые отданы помещиками без соблюдения этих условий, предписывалось считать в числе «принадлежащих казенной службе».

Арзамасский нижний земский суд представил список всех незаконнорожденных солдатками детей мужского пола в уезде. Всех их оказалось 91 душа. По возрасту они распределяются так: 1-6 лет 41, 6-10 лет 33, 10-15 лет 12, 15-20 лет 2, 20-30 лет 3, 30-40 – нет и 40-50 лет 1; из них воспитываются своими ма-

терями 11 человек, в возрасте до 10 лет и матерями, но на господском содержании 7 человек, родственниками из помещичьих крестьян 13 человек, помещичьими крестьянами 29 человек, всей вотчиной помещичьих же крестьян 8 человек и самими помещиками 23 человека.

№ 196-628. «О битии села Тоузакова священника Ефима Александрова госпожи Юрловой, того села Тоузакова, дворовыми людьми с крестьянином (старостою) и в разбитии дароносицы, имевшейся в пазухе, во святыми тайнами».

Священник вместе с дьячком пришли в сумерки к церкви, чтобы обвенчать крестьянина Троикина со вдовою; жених с невестой шли вместе с священником, но едва вошли они на паперть, как за ними, вбежал сторож с дворовыми людьми Юрловой и староста ее приказали священнику убираться вон, а когда тот не послушался их, то стали его бить «без всякого милосердия и стащив с паперти таскали и били жестоко палками и кулаками»; бывшую при нем дароносицу разбили и ключ от церкви из замка выдернули; дьячка также побили, но он убежал; побежали и остальные – сваха, дружка, невеста и жених, но невесту схватили и отправили на барский двор. Через несколько дней священник подал в суд жалобу на обидчиков, а сотский, по просьбе крестьян села Тоузакова, донес 15 мая, что с 28 апреля «онаго села в церковной ограде лежит церковная сумка с запасенными дарами и по разным местам – лжица, сосудец, дароносица и ковчег и с того времени находится и поныне на том месте. Священник же, отступя от церковной службы, находятся с 9 числа дни с три в празднестве по ближайшим селениям и о уборе сих церковных вещей, неизвестно на какой конец, попечения ни малейшего не имеет, почему на тех самых местах производится в день и ночь безотрывной со стороны того села всех прихожан караул», и просит назначить следствие.

Суд приговорил обидчиков каждого к наказанию 100 ударами плетей и по 10 рублей штрафа в пользу священника.

№ 197-596. «По просьбе господ Пушкиных поверенного Сидора Вилякова о даче господину его с производившихся в 1728 и 1778 годах в битве деревни Пермеевой мордвою деревни господ его крестьян деле и в прочем копии».

В деле есть копия с челобитья поверенного Льва Пушкина¹, писанного в 1728 году, и часть делопроизводства по этому челобитью. В челобитье он жалуется на мордву д. Пермеевой, которая избивала крестьян его помещика, когда те пришли на спорные с мордвою земли для раздела их под пар; в челобитье говорится, что мордва вышла на спорные земли скопом, человек с 70, с ружьями, сандаками, рогатинами и дубьем били его помещика крестьян «и в том бою убили до смерти крестьянина Власа Силантьева, других изувечили, а человек 5 с той земли безвестно пропали». Тело Силантьева было привезено в арзамасскую провинциальную канцелярию, где освидетельствовано, а по свидетельству оказалось: «на том мертвом теле, на голове, на левом виску рана, знать, что рассечено; брюхо с боков проколото знатно рогатиною и чревы вывалились». По свидетельству изувеченных, на месте через 10 дней, из них оказалось трое умерших, а об остальных 22 человеках в свидетельстве написано так: «на Андрее Федорове, на левой руке от мизинца до половины кисти рассечено до кости, знатно, что палашем; на спине во многих местах бито, знать дубиною, сине и багрово. На Сергее Иванове на голове, на левом виске прошиблено, знать, что дубиною, на левой же стороне, ниже груди, проколото знать, что рогатиною. На Сергее Мелентьеве на голове, на затылке прострелено, знать, что стрелою. У Анофрея Яковлева левая спина во многих местах бита да обе руки перебиты, знать, что дубьем; сине и багрова. У Ивана Петрова спина во многих местах, да и поясница вся перебита, знать, что дубьем; сине и багрова» и т.д. в том же роде. В числе мордвы также оказались изувеченные и убитые и хотя в меньшем количестве, но не менее бесчеловечно; об одном убитом, например, гово-

---

¹ Деда Александра Сергеевича Пушкина [прим. В.И. Снежневского].

рится в свидетельстве: «голова вся изрублена и руки переломаны и тайные уды вырезанные». Земельный спор, приведший (а быть может и не раз приводивший) к такой ужасной бойне, возник из-за того, что мордва всей деревней переселилась с одного места на другое, через реку; землю под новым поселением крестьяне Пушкина считали своею, а мордва доказывала, что тут было некогда поселение их предков и, стало быть, земля принадлежит им. Чем кончилось это дело – не видно.

№ 200-682. «О взыскании арзамасской округи, села Лопатина, с прапорщика Николая Александрова сына Булыгина купцом Горбуновым денег».

В деле подробная опись имению Булыгина и его крестьян со всем их недвижимым имуществом и скотом. Крестьян в имении оказалось: ревизских мужских 30 и женских 30 душ и рожденных после ревизии: мужских 13 и женских 21 душа; всего дворовых 19; дворовых людей 21, из них мужчин 12 и женщин 9. Крестьяне имеют 22 тягла и обрабатывают по 1 десятине в поле, а в дву потому ж, всего 66 десятин, столько же обрабатывают земли и на господина, да отдается в аренду во всех трех полях 85 десятин. Дохода господином получается в год примерно 1000 рублей. Все имение с землею и людьми оценено в 5840 рублей. Лучшая земля в имении (75д.) оценена в 15 р., средняя (67д.) в 10 рублей и худшая (75д.) в 5 рублей за десятину.

№ 201-723. По просьбе солдатского сына Ефима Емельянова Мухина, об освобождении с его семейством от секретаря Петра Полозова, находящегося в его заведовании».

Мухин в своем прошении в уездный суд пишет, что мать его, бывшая крепостная покойной девицы Полозовой, по отдаче мужа ее в рекруты из вотчины Полозовой ушла жить в другую деревню и там вышла замуж за отставного солдата Емельяна Мухина; от этого брака он, Ефим, и был рожден; по смерти второго мужа его мать вместе с ним, 7-летним малышом, воротилась в вотчину Полозовой к своему брату, а его в ревиз-

ских сказках стали считать незаконнорожденным солдатским сыном. Мать его померла, он женился и теперь имеет двух сыновей и дочь и платит наравне с прочими крепостными все господские повинности, а теперь просит освободить его из крепостной зависимости, как незаконно закрепощенного. На суде все, изложенное в прошении Мухина, подтвердилось, и он с семейством был причислен к военному ведомству. Виновные в незаконном закрепощении и ложном названии Мухина незаконнорожденным – сказкоподатель и помещица – хотя и подлежали бы наказанию, но «за умертвием их отвечать за то не могут».

№ 202-753. «По репорту арзамасского нижнего земского суда, в неотдаче жительствующим в селе Васильеом Враге отставным солдатом Федором Зуйковым князю Голицыну незаконнорожденной дочери, девки Акулины, и в делании против заседателя Миско ослушания» (См. «Действия», вып. 5, стр. 195, дело №168-2521).

Решением уездного суда было поручено заседателю Мизко отобрать от Зуйкова дочь и передать ее помещику Голицыну, но Мизко доносит суду, что староста Васильева Врага отказался исполнить его приказание по сопротивлению Зуйкова и его жены; тогда заседатель сам отправился в деревню и с 10 человеками понятых приступил к дому Зуйкова, «но солдат Зуйков и жена его Ирина Петрова, вышедши из избы кричали, что де они дочери не дадут и сами идут в суд», а когда заседатель с понятыми направился к двери, чтобы войти в дом, то «он с женою, заступя дверь, с азартом закричали: суньтесь который – мы и понятому глотку перервем, и другие буйственные и грубые изречения говорили». Об этом обстоятельстве заседатель вновь донес суду и солдата с женою поставлено наказать, - одного палками, а другую плетьюми, а дочь отобрать, но Зуйков с женою и дочерью, забрав имущество, из дома своего неизвестно куда бежали.

1808 года.

№204-829. «Об учинении положения об отсылке на поселение крестьянина генерала Владимира Васильевича Баженова, деревни Понетаевки, Емельяна Григорьева с женою, за неповиновение помещику своему».

Баженов в прошении своем в губернское правление пишет, что крестьянин Емельян Григорьев, «взятый им во двор в услугу, по званию своему не токмо не исполнять своей должности с желаемым успехом, но даже и находим был неоднократно в шалостях», почему и представил его с женою для отсылки на поселение с зачетом ему за рекрута. Губернское правление отослало Григорьева в уездный суд «для учинения по воле помещика определения», которым «в сходствие желания помещика и на основании законов» Григорьевы и были для отсылки в Сибирь отсланы вновь в губернское правление. (См. след. дела №№ 205 и 209).

№ 205-960. «По доношению арзамасского нижнего земского суда, при котором прислан протоколист Дмитрий Павлов к поступлению с ним за написание господ Баженовых крестьянам верующаго письма по законам».

Крестьянами Баженова было подано на высочайшее имя прошение, в котором они жаловались на отяготительные поборы своего помещика; следствием этого прошения было то, что имение Баженовых отдано было в опеку, а крестьянам сделано внушение, «чтобы они оставались спокойными в своих селениях, ибо жребий их по высочайшему повелению устроен будет губернским начальством вскорости», но так как обещанной скорости в устройении жребия их не последовало, то для окончания своего дела они послали в С.-Петербург ходока, которому для этой цели протоколист Павлов и написал по их просьбе верующее письмо. Об этом письме сделалось известно дворянскому заседателю, который и отобрал его от крестьян и донес о Павлове уездному суду; там его допрашивали и так как он прислал крестьянам письмо, не спросясь секретаря уездного суда,

где сам служил и, зная в то же время, что баженовским крестьянам через этот суд от начальства приказано было быть спокойными и ждать своего жребия, а «написанием верующего письма дал он им путь к дальнейшему продолжению возмущения», то Павлов и был приговорен к аресту при полиции на 1 месяц, «а дабы он впредь никаких челобитень и всяких других сочинений без ведома секретаря никому не писал, в том обязать его подпискою». Окончательный приговор о Павлове состоялся в губернском правлении несколько в иной форме и с уменьшением наказания. В журнале губернского правления написано: «так как (Павлов) писал бумагу не из других каких-либо выгод, как токмо за напоеание его вином, да и самая она бумага по рассмотрению палаты найдена не только со многими в литерях ошибками, но и в самом расположении слога ее бессмысленна, так что по связи материй никакого она понятия не составляет, чем самым и показывает совершенную глупость сочинителя ее и для того ею Павлова выдержать под арестом две недели и наистрожайшее запретить, чтобы он никаких партикулярных бумаг посторонним людям не чинил».

В этом деле почему-то оказалась одна бумага, касающаяся Емельяна Григорьева, по делу № 204, по этой описи; в ней изложено доношение Баженова, в котором он пишет, что назначенный по его просьбе к ссылке на поселение Емельян Григорьев явился 9 мая с каким-то свидетельством в его деревню Кардовиль «и хотя был задержан, но крестьянами его освобожден и теперь ездить по ярмонкам, быв возмутителем крестьян его, пользуется свободою, а дело о нем до сих пор уездным судом не приведено к окончанию». В этом же доношении Баженов заявляет, что он с братом пользуется от крестьян своих самым умеренным оброком и что «на сию клевету крестьян губернскому начальству, а паче правителю оной кажется неприлично было обращать свое внимание» и просить укротить бунтующих. В бумаге далее излагаются причины, почему Емельян Григорьев отослан из губернского правления вновь в уездный

суд; сделано это потому, во-первых, что неизвестно почему прислана вместе с Григорьевым его жена, во-вторых потому, что Григорьев подал прошение, где пишет, что он из священнических детей и в деревню Понетаевку приписался по собственному своему желанию, когда она была еще в казенном ведомстве, а Баженов, получив эту деревню, «забрал детей его малолетних и все имущество, доставшееся от родителя его, священника, без остатку, пересылает его на поселение, и в-третьих потому, что деревня Понетаевка находится вся под запрещением; но почему Григорьев находится на свободе — о том правлению неизвестно и оно требует об этом ответа от уездного суда».

№ 206-984. «О сечении генерал-майором Константином Васильевичем Баженовым полковника Всеволода Васильевича Баженова, села Кардовиль крестьянина Харитона Алексева кучерскою плетью».

Возвращаясь с псовой охоты, Баженов повстречал идущего со снопами крестьянина своего брата и, остановив его, начал допрашивать: много ли они, крестьяне, собрали денег, когда посылали своего ходока к государю императору с жалобой на них; крестьянин ответил, что не знает; Баженов объяснил, что он грубо ему ответил; тогда барин взял кнут, избил крестьянина и отпустил со словами: «теперь проси на меня, где хочешь» и он просил на него в уездном суде, который сделал такое постановление: «что касается до битья крестьянина Алексева, то в оном господину его предоставить, если он пожелает, ведаться, на основании указа 1793 года, ноября 5 дня, формальным судом».

№ 207-992. «По предложению нижегородского губернатора Руновского, при котором присланы генерал-майоров Владимира, села Кардавили староста Самсон Исаев и Константина Баженовых, деревни Корина староста Федор Иванов и крестьянин Иван Иванов к поступлению с ними за делание ими пред

его превосходительством и комиссию буйства и грубостей по законам».

По высочайшему повелению губернатор, вместе с губернским предводителем дворянства кн. Грузинским, и двумя уездными, был в поместье Баженова для рассмотрения взаимных пререканий крестьян с помещиками. Во время расспрашивания крестьян по их делу «самым скромным образом» двое старост и один крестьянин оказали пред губернатором совершенное буйство и дерзость», а именно: староста Самсон Исаев, на вопрос губернатора – какой крестьяне оброк господину своему платить хотят – «ответил с грубостью: какой государь прикажет»; староста Федор Иванов не исполнил приказания губернатора доставить господину своему и его людям «столовой провизии, как то: скота и жизненных припасов» (старосты поступили так по предварительному мирскому уговору) и крестьянин Иван Иванов на какой-то вопрос губернатора «ответил с грубостью: что он говорит – я не знаю». За такие «буйственные поступки и неуважение к начальству» виновные были приговорены к наказанию кнутом, по 70 ударов и кроме того лишены права быть избираемы на все вотчинно-начальнические должности.

№ 208-1019. «О самовольной отлучке приставленного к государственному хлебному амбару, деревни Корина крестьянина Григория Никифорова».

Опекун над имением гг. Баженовых Бетлинг донес арзамасскому предводителю дворянства, что крестьянин находящегося под его опекой имения Никифорова, избранный крестьянами в смотрители хлебного магазина, самовольно отлучался, которого он и представил для «суждения». Никифоров на допросе показал, что отлучался он с дозволения вотчинных начальников, будучи избран всеми крестьянами гг. Баженовых, села Кардовили и деревень Корина и Понетаевки ходоком в С.-Петербург «для узнания, в живых ли находятся там поверенные по делам мирским: Митрофан Иванов и Григорий Косяк»; отправился он с плакатным паспортом и с его письмом от мира,

относительно принесения на господ их жалоб в излишних налогах; но доехали только до Ярославля, где его задержал какой-то квартальный и представил частному приставу, а тот прочитав паспорт и распечатанное им мирское письмо, изорвал последнее и задержал его на съезжей, «чего он испугавшись, отдал приставу из собранных ему миром на дорогу денег 50 рублей и тот отпустил его в свое жительство». Уездный суд постановил: «поелику та отлучка учинена им не самовольно, а по мирскому согласию, магазинный же хлеб находится на отчете вотчинных начальников и оказался весь на лицо», а проступок его состоит только в том, что «оную отлучку учинил он, не сказавшись г. опекуну», - вменить в наказание тюремное заключение его с 23 декабря 1808 года по 17 января 1809 года; но уголовная палата отменила приговор уездного суда, потому что хотя Никифоров отлучился из вотчины по мирскому приговору, но, принимая во внимание цель этой отлучки и то, что «они (крестьяне Баженовых), как по другому делу видно, возымели иметь отклонение от повиновения и что без дозволения опекуна Никифорова отлучаться никак был не должен», приговорила его к наказанию 70 ударами кнута; а в виду того, что «в сей палате о всех крестьянах гг. Баженовых производится особое дело в пущем их ослушании не только против помещика, но и против именного высочайшего рескрипта, - нынешний их поступок (мирской приговор) присоединить к тому делу».

№ 209-845. «О учинении надлежащего рассмотрения и решения о ищущем себе от Владимира Васильевича Баженова крестьянин деревни Понетаевки Емельяне Григорьеве вольности и наследственного имения». (см. №№ 204 и 205).

Будучи уже назначен, по просьбе своего помещика, к ссылке на поселение, Емельян Григорьев подал прошение губернатору, в котором уверяет, что он несправедливо находится в крепостной зависимости от Баженова и просит освободить себя с семейством от помещика и возвратить также от него отнятых детей его и имение. По справке оказалось, что Григорь-

ев, вместе с другими казенного ведомства крестьянами деревни Понетаевки, был в 1795 году высочайше пожалован теперешнему своему помещику. Баженов на прошение своего крепостного ответил губернскому правлению, что он, как помещик, имеет право распоряжаться по своему усмотрению «как с ним, так и с семейством его и со всею его собственностью, какого права лишить меня едва ли возможно», дополняет он. Губернское правление оставило жалобу Григорьева без последствий и вместе с женою приговорило выслать его на поселение, оставить у Баженова его сына $\frac{1}{2}$ года и дочь 2-х лет.

№ 210-863. «По указу нижегородского губернского правления, при котором прислан арзамасской округи, помещика Челищева, деревни Козловки крестьянин Петр Михайлов за побег из жительства своего и имение при себе непринадлежащего паспорта, к поступлению по законам».

На допросе Петр Михайлович показал, что он сын отставного сержанта гвардии, которым прижит вместе с двумя своими братьями по выходе отца в отставку; но так как по выходе из военной службы отец его поселился в д. Козловке, принадлежащей Челищеву и там женился на солдатке, от которой они трое и прижиты, то Челищев их считает своими крепостными людьми, а так как они крепостными его себя не признают, то Михайлов, по смерти отца, выпросив у братьев его паспорт, пошел в Москву к Челищеву просить себе с братьями вольности; но на дороге «по сумнительству в паспорте», был задержан. Староста д. Козловки заявил, что Петр Михайлов с братьями действительно принадлежит их господину и по 5 ревизии записан за ним. Из справок оказалось, что деревня Козловка куплена была Челищевым от князя Шаховского, а в числе крестьян ее и Петр Михайлов с братьями, Шаховскому же досталась деревня эта по наследству от г. Энгельгардт, за которой в 4 ревизию Михайловы также были записаны. Арзамасский уездный суд и губернское правление постановили братьев Михайловых с женами их и детьми из владения Челищева ос-

вободить, так как указами 31 мая 1748 года и 20 марта 1750 года «ревизию не велено почитать за укрепление», а других доказательств законного владения ими Челищевым не представлено; Челищеву же предоставлено право взыскивать свои убытки на продавце.

№ 214-884. «По указу нижегородского губернского правления, при котором прислан ищущий от госпожи Недосекиной незаконнорожденный солдаткою Анною Яковлевою сын Константин вольности».

Незаконнорожденный Константин обратился в губернское правление с просьбою, в которой объяснил, что он и брат его Михаил рождены матерью после отдачи мужа ей в солдаты незаконно и воспитываемы были ею в разных местах, а когда ему исполнилось уже 8 лет, а брату 11, то г-жа Недосекина прислала за ними в Арзамас, где они жили, своего крестьянина, чтобы взять их, так как они записаны были за нею в ревизию, и они были отобраны от матери и увезены Недосекиною в харьковскую губернию, где жили лет 13. Из справок оказалось, что Анна Яковлева с незаконнорожденными детьми лет шесть жила у своего брата, крепостного Недосекиной, который, по его объяснению, держал ее с ребятами потому, что она работала на него; Недосекина же заявила, что дети Яковлевой, по ее желанию, были записаны в ревизию за нею, воспитывались у нее один с пятилетнего, а другой с трехлетнего возраста, а она платила за них подати; теперь же одному из 32, а другому 30 лет; младший обучен грамоте, парикмахерскому и цирюльному ремеслам, собственным ее иждивением, и при то же женат уже лет 9 на ее крепостной девице и имеет от нее 3 детей. По этим причинам она считает их своими крепостными. Но так как указом 21 января 1807 года повелено отдавать незаконнорожденных на воспитание помещикам не иначе, как по достоверном исследовании, что ни мать, ни родственники воспитывать их не могут, чего в данном случае не было, то суд и постановил незаконнорожденных Константина и Михаила «с Михайловою же-

ною и детьми из владения г. Недосекиной освободить и отослать в казенную палату для определения их, в какой род службы годны явятся».

№ 216-996. «По указу нижегородского губернского правления о учинении за непозволенную продажу и покупку здешними купцами Куракиным и Суриным дворового человека Тимофея Федорова с семейством следования». Покупка дворовых людей купцами Куракиным и Суриным была открыта губернским правлением из дела по обвинению (оказавшемуся лживым) Суриным этих, незаконно приобретенных им дворовых в краже у него денег. Дело оказалось в следующем виде: у помещиков Мещериновых купцом Куракиным были взяты по верующему письму для продажи якобы тит. сов. Сорокину дворовые люди – муж, жена и дочь, при чем купчая совершенно на имя Сорокина; Сорокиным дворовые были отданы, для продажи, по верующему же письму, купцу Сурину, которым они были будто бы проданы секретарю Косаткину, также по купчей. Но на самом деле, как открылось из неосторожных показаний Сурина, называвшего их своими купленными людьми, из показаний других свидетелей и самих дворовых, последние и не были никогда во владении у Сорокина и Косаткина, а после продажи их Мещериновыми были во владении сначала у Куракина, а потом у Сурина, при чем Сорокин и Косаткин служили подставными покупателями и продавцами и купчие крепости на их имена писались только для обхода закона, запрещавшего купцам владеть крепостными.

По этому делу уездный суд сделал такое постановление: «1. Вышеписанным дворовым людям....из рабства их от купца Сурина и секретаря Косаткина по силе указов 1846 года, марта 14 и 1758 г., февраля 6 освободить и велеть им избрать род жизни, какой они похотят. 2. Вышеписанных купцов Куракина и Сурина и противозаконные поступки чрез покупку себе дворовых людей и владение ими многие годы и к закрытию оных лживые их показания при купеческом и мещанском обществе

огласить и подтвердить им, чтобы они впредь того чинить не отважились, в противном случае лишены будут честного имени и доверия. 3. Сорокину и Косаткину, по силе указа 1784 года ноября 12, воспретить, чтобы они купцам и прочим, которые недвижимым имением, людьми и крестьянами (владеть) права не имеют, покупных ими дворовых людей и крестьян на свое имя купчие писать и под своим именем владение ими иметь не позволяли, также верующих писем на то владение и на продажу, взамен долгу, доставляя через то свободное владение теми людьми на долгое время, не давали. 4. Как сему суду замечательно, что многие являют к свидетельству верующие письма на продажу крепостных своих людей, чиня то доверие и отдавая тех людей до продажи в полное владение таким, кои не имеют права владения теми людьми, не назначая на ту продажу и владение ими срока, взятые ж за тех людей при продаже деньги представляют тем поверенным своим заменить в число имеющихся на них тех поверенных долгов; и хотя суд видит через то вкрадчивость и доставление противозаконного владения дворовыми людьми тем, кто права на то законного не имеет, что из вышеписанного опыта и открылось – но поелику суд не имеет точного на то законного воспрещения, то и не может приостановить дачу тех верующих писем, а на основании закона находит нужным сообщить об этом на усмотрение губернского прокурора ... 6. Не чиня по сему определению исполнения, предоставить сие дело на рассмотрение вышнего правительства». Через 9 лет (9 апреля 1817 года) уездным судом было получено окончательное определение правительствующего сената, в котором изложено: «чтоб оные дворовые люди непременно были проданы в течение полугодичного времени кому-либо из имеющих право владеть дворовыми людьми».

1809 года.

№ 219-1027. «По доношению арзамасского нижнего земского суда, при котором прислан деревни Корина крестьянин Григорий Косяк к поступлению с ним за говорение господину своему обидных слов по законам».

Косяк, крепостной генерал-майора Владимира Васильевича Баженова, с мирского согласия был послан в С.-Петербург к находящемуся там для подачи государю императору жалобы на гг. Баженова «в отягощениях» ими своих крестьян крестьянину их общества Митрофану Иванову, а по возвращении оттуда в праздничный день зашел во время богослужения в церковь и там объявил крестьянам, что пришел жив и здоров, но боится, «чтобы с ним не случилось тоже самое, что и с Куделькой». Года за 2, за 3 перед тем крепостной Баженова, крестьянин Куделька, также был «ходателем» за свой мир и воротившись на родину, был потребован к помещику, который, узнав, что у него болит голова, заставлял его, будто бы что-то выпить, а когда тот не согласился, то ему насильно влили в рот какую-то жидкость, а в нос из бумажки вдунули «какое-то желтое, сухое снадобье» лакеи Баженова, после чего вывели его в сени в беспамятстве. Об этом он сказывал своей матери, воротясь от барина. Крестьяне, будто бы, тоже видели его лежащим на барском крыльце и около лакеев, вливавших ему насильно в рот что-то из ковша. Куделька на другой день утром помер. На суде Баженов заявил, что ничего, кроме спирта Кудельке не давал. Тело Кудельки не анатомировали, по причине совершенного его разложения от долгого лежания, в тепле и крестьяне были убеждены, что его «извел» барин. В виду этой истории упоминание Косяка об участи Кудельки и выраженная всенародно боязнь потерпеть таковую же были признаны тяжким для Баженова бесчестьем, и так как «за тое обиду Косяк заплатить бесчестье не в состоянии, и для того его, по силе уложения 10 гл. 91 п. и указа 1799 г. июля 31 числа» постановлено уездным судом и уголовной палатой наказать 80 ударами плети

и по наказании отослать в вотчину, с строжайшим запрещением, чтобы он «таковых дерзостей делать не отважился».

№ 221-1077. «О неповиновении гг. Баженовых крестьян к платежу казенных долгов».

Дворянская опека сообщает уездному суду, что крестьяне гг. Баженовых от банкового платежа в банковую 25-летнюю экспедицию «сделали отрекательство, постановляя во отговорку резонь, что учрежденный на них платеж оброка 35 рублей очень тягостен и потому положению платить они оброк не будут до возвращения из Петербурга ходоков своих и просит поступить с ними по законам». На это уездный суд ответил опеке, что «как по учиненному в сем суде определению все крестьяне 70 лет и молодых ниже 17 лет, за ослушание высочайшего е. и. в. Повеления и не дачу помещикам оброков приговорены сим судом к телесному наказанию, то ко вторичному суждению о неповиновении их в платеже банковых долгов приступить не может, поелику когда они, посредством вышеписанного наказания приведены будут в повиновение и платеж оброку производить будут, тогда опекунство и банковые долги из тех оброков получить не может».

№ 222-1078. «По указу нижегородской палаты уголовного суда, о присылке в оную вотчины гг. Баженовых села Кардавили, деревень Понетаевки и Корина крестьян Ивана Афанасьева с товарищи, всего 16 человек, за крепчайшею стражею (на каждого по 2 человека) в кандалах, для учинения наказания за непослушание».

В деле есть предложение губернатора уездному суду об объявлении крестьянам Баженовых высочайшего повеления «о наказании в страхе другим главным из них зачинщиков и поверенных их, в С.-Петербурге находящихся, и о введении к ним воинских команд, в случае дальнейшего их упорства».

№ 223-1110. «По указу нижегородского губернского правления, при котором прислан помещика Баженова села Кардавили крестьянин Михаил Киреев к поступлению с ним на

подачу государю императору на господина своего и братьев его, гг. Баженовых, просьбы».

Интересны показания этого мирского ходатая о своей миссии. «Митрофаном его зовут, Иванов сын, а не Михайло Киреев, от роду ему 45 лет, грамоте читать и писать не умеет, старинный он житель бывшей дворцовой деревни Кори́на, а ныне всемилостивейшее пожалованной г. ст. сов. Василию Ивановичу Баженову, а по смерти его достался с прочими той же деревни крестьянами сыну его Владимиру Васильевичу Баженову; и прошлого 1808 года, в июне месяце, согласясь он, как деревни Кори́на, так села Кардавили и деревни Понетаевки с крестьяны, поехал обще села Кардавили с крестьянами Михайлою Савельевым и Михайлою Киреевым в г. С.-Петербург для подачи государю императору на господ своих в неумеренных ими с них поборах и прочих притеснениях просьбы. Когда на приезде нашед в трактире незнаемо какого человека, который по просьбе их написал им на имя государя императора на господ их просьбу, которого из них Михайла Савельев того де года, июля месяца 24 числа и подал г. Молчанову, но какая последовала на нее от государя резолюция он не знает. И пожив те Савельев и Киреев в С.-Петербурге по подаче первой просьбы недели с три, от него уехали. Поелику же у него, Митрофана, ни паспорта, ни доверенности от миру не было, то взяв он от Михайлы Киреева его паспорт и данную ему от миру доверенность, остался в С.-Петербурге и назывался его именем. Но как на поданную от них государю просьбу никакого решения не последовало, то он того же года, в декабре месяце уже один, по наслышке от прочих, нашед в Глазовом кобаке называющегося вятской губернии, и какой округи или селения того не знает, крестьянином, который написал ему две просьбы одну на имя великого князя Константина Павловича, который он и подал об великому князю Константину Павловичу декабря 18 числа; по принятии коих приказано было от его высочества посадить на под караул на обхвату, где он содержался 12 суток и

во время содержания г. Иваном Григорьевичем Ладугиным против поданной просьбы допрашиван и по прошествии оных из под караула освобожден и по свободе приказано было ему от Ивана Григорьевича Ладугина явиться к Петру Степановичу Молчанову и при том дана ему с решительного определения копия, с коею он к тому г. Молчанову на другой день по свободе из под караула и явился и от него приказано было явиться к его сиятельству министру внутренних дел князю Алексею Борисовичу Кракину, но за болезнью его сиятельства явился он к г. генералу Козодавлеву, коему и данную ему от Ивана Григорьевича Ладугина с решительного определения копию отдал, в коей копии, помнит он, написано было, чтобы платить им в казну оброка с каждой души в 48 лет по 10 рублей, о чем он и мир через почту письмом уведомлял; но получено ль ими то письмо – не знает. После той подачи г. Козодавлеву означенной бумаги дня через четыре рождественской части квартальным надзирателем Андреем Абрамовым, а прозвания не знает, с квартиры его взят и представлен в рождественскую часть, где все имевшиеся у него бумаги отобраны и он посажен под караул, где и содержался недель с 6, а из оной переслан в управу благочиния, а оттуда доставлен в с. петербургское губернское правление, а из онаго в нижегородское губернское правление, оттуда же, для поступления с ним по законам, в арзамасский уездный суд. Ныне же он положенного по высочайшему е.и.в. последовавшему февраля 12 числа сего года повелению, в сем суде ему читанному, оброка по 35 рублей в год господину своему платить за пришествием в разорение не может. При отправлении его и крестьян Михайлы Савельева и Михайлы Киреева от миру в С.-Петербург дано из них Михайле Савельеву на расход 200 рублей, из коих вышеписанных крестьянином Михайлою Савельевым, при отъезде его из Петербурга, оставлено ему 45 рублей, с коими он и проживал».

Нижегородская уголовная палата по делу о крестьянах гг. Баженовых постановила: поверенного Митрофана Иванова,

земского Савастьяна Евсеева, крестьян Евдокима Егорова, Ивана Фомина и Исаю Семенова «по превосходству узаконенных лет к воинской службе, ... яко пущих развратителей всех крестьян спокойствия», наказать кнутом, дав 1-му 35 ударов, второму 30, последним по 25 и из них Митрофана Иванова сослать в работу в Екатеринбург, двоих поверенных Александра Иванова и Анисима Осипова и 3-х крестьян «в рассуждение годности» наказать плетью, дав каждому по 80 ударов и по стольку же прочим представленным советником Воейковым 10-ти крестьянам и возратить в вотчину, буде помещики огласятся их принять, а в противном случае сослать в иркутскую губернию в работу. Прочих всех трех селений крестьян наказать плетью же от 9-ти десятого по жребию, кому достанется, «с дачею каждому по 40 ударов», кроме стариков старше 70 лет и молодых, не достигших 17-летнего возраста и которые во время всех 3-х приездов чиновников в деревни их были в отлучке или больны.

№ 224-1122. «По просьбе генерал-майора Константина Васильевича Баженова в неповиновении его села Кардавили крестьянина Семена Иванова и возмущении прочих как села Кардавили, так и деревень Корина и Понетаевки крестьян».

Баженов в прошении в уездный суд пишет, что «не токмо известно оному уездному суду, но и губернскому начальству и всей даже губернии, что все крестьяне мои и братьев моих против нас взбунтовались и ни в чем не повинуются»; упоминая дальше о всех наказаниях, каким подвергнуты были от начальства крестьяне их, он пишет, что не смотря на то один из его крестьян Семен Иванов «не устращась принятого им наказания, вменил его ни во что и соединясь с единомышленниками своими, начал еще более простирать дерзость свою к неповиновению и всячески склоняет всю свою братию, чтоб она оставалась в прежнем своем ожесточении и первобытном неблагоустройстве и в том успевает», а потому и просит суд сослать его вечно на казенную работу.

Семен Иванов в суде дал обещание повиноваться господину и платить оброки за свое семейство (за 2 ½ тягла 87 р. 50 к.).

№ 225-1140. «По доношению арзамасского нижнего земского суда, при котором прислано о удавившемся деревни Корина крестьянине Василье Белякове следствие к рассмотрению».

Белякову было 85 лет от роду. Его сыновья и соседние крестьяне объяснили причину самоубийства тем, что старик «впал в тоску, воображая себе, что семейству его за вступление вообще с миром во послушание противу помещика своего будет беда и почасту говоря с семейством, крайне соболезнавал об оном, в чем хотя родственники его и крестьяне и разговаривали его, однако же ни малой перемены в нем не видали, от чего в течение последней недели крайне мало пищи употреблял».

№ 226-1087. «По жалобе коллежского асессора Николая Иванова сына Симанского о поступлении с надворным советником Бабушкиным и коллежским асессором Бетлингом за битье Симанского означенными Бабушкиным и Симанским в деревне Панфилове по законам».

Симанский был приглашен Бабушкиным к нему «отобедавать»; приехал он к хозяину вместе с помещиком Мартусом, а у него застали Бетлинга. За обедом Бабушкин обратился к Симанскому с просьбою продать ему какую-то тяжбу, говоря: «где тебе бедняку хлопотать»; Бетлинг также стал его уговаривать уступить «дядюшке», но Симанский отказался продать; Бабушкин обругал Симанского, называя его канальей и говоря: «здесь воля моя, могу и силой заставить тебя подписать бумагу, которой давно желаю; защитить тебя некому – они родные»; после этого Бетлинг закричал: «дядюшка разорвем этого червяка!» «Врешь, галанский бык!» - ответил Симанский; но тут Бетлинг с Бабушкиным принялись его бить, а когда тот свалился, то Бабушкин приказал слугам поднять его и снова бил по лицу и избитого велел бросить в хлеве, где он и пробыл все

время, пока Мартус не поехал домой и не взял его с собою. «По свойству» с обидчиком Симанский простил его.

1810 года.

№ 232-1439. «О исследовании о незаконнорожденной солдаткою Серебряковой дочери Анне, присвояемой госпожою Ульяниною».

Дочь Серебряковой воспитывалась у своего дяди, крепостного крестьянина помещицы Ульяниной, которая и считает ее своею крепостною, потому, «как она девка рождена и воспитана в вотчине ее, никакого права на свободу не имеет и должна оставаться в ее владении»; но уездный суд отказал Ульяниной в ее требовании на основании указа 1806 г., ноября 20, которым повелевалось отдавать на воспитание и во владение помещикам только тех незаконнорожденных солдатками детей, которых ни матери, ни родственники воспитывать не могут.

1811 года.

№ 234-1440. «О волчихинской женке Анне Емельяновой».

Анна Емельянова, сужденная за побег от мужа своего, помещичьего крестьянина, призналась в прелюбодеянии с разными неизвестными ей людьми и присуждена была духовным начальством «за таковое грехопадение» к 7-летней эпитимии, состоявшей в том, чтоб ходить ей ко всякой службе в церковь, класть по 25 земных поклонов и каждый пост исповедоваться. Сельский священник в продолжение 3-х лет рапортовал в консисторию, что «она женка из крайнего своего наречания, самовольства и непокорности эпитимии не исправляет и надежды ко исправлению ее ни мало не предвидится». Консистория советовала ему вразумлять Емельяну духом кротости, а наконец оказать снисхождение уменьшением эпитимии, но и это ни к чему не повело; тогда сообщено было о ее неповиновении в уездный суд, на допросе которого она и заявила, что исполнить

эпитимию, по домашним надобностям и за множеством работ, никак не может. Уездный суд приговорил ее к наказанию 20-ю ударами плети и обязал, «чтоб она во все посты, а по крайней мере единожды в год, исповедовалась и приобщалась».

№ 237-1558. «О поступлении деревни Пиявочного озера с крестьянином Тимофеевым за любодейственное с солдаткою Моисеевою житие по законам».

Через 6 лет после отдачи мужа в солдаты Моисеева поселилась у одинокого холостого крестьянина помещицы Тучковой Тимофеева и в течение 10 лет родила от него сына и дочь, которым теперь одному 2, а другой 5 лет. Уездный суд и уголовная палата постановили: «предать их церковному покаянию и по исполнении онаго Моисееву с дочерью отпустить, дав им паспорт, а Тимофеева отослать в вотчину и обязать вотчинных начальников, чтобы они к сожитию с Моисеевой его не допускали, а сына их отобрав отослать в военное сиротское отделение, как рожденного от солдатки». Решения по этому делу не оказалось, но в нем заслуживает внимания отзыв помещика, данный в суде, по поручению Мерлина, его старостою на требование суда, каким образом оказался приписанным к вотчине помещика солдатский сын и отдан в 1807 году за вотчину в ратники. В отзыве этот помещик ссылается на манифест 28 июня 1787 года, в котором сказано, «что всякое дело, которое в течении 10 лет не сделалось гласным, долженствует предано быть вечному забвению. Право сего срока распространено на все дела гражданские, как между частными людьми, так между ними и казной (дело начато было военным ведомством) и потому о недвижимом имении или движимом, кто не учинил иска десять лет, таковой иск да уничтожится и дело да предастся вечному забвению».

1812 года.

№ 240-1641. «По просьбе турецкой нации непомнящего себе родства Ивана Алексеева, о даче ему свидетельства, по которому бы он мог себе избрать род жизни и быть приписанным в крестьянское звание».

Иван Алексеев обратился с просьбою в уездный суд; в просьбе он пишет, что после смерти матери остался лет 5 (теперь ему 40) и из оставленных ею каких-то записок, которые потеряны уже, видно было, что мать его турчанка, принявшая православие; он также был крещен, но где и кем не знает, не знает и своего отца. Староста, крепостной помещика Салтыкова, заявил, что называющийся Иваном Алексеевым проживал у них долгое время в селе Выездной Слободы и слыл турчонком. Основываясь на этих показаниях уездный суд, губернское правление и казенная палата разрешили, согласно его желанию «быть ему в крестьянском сословии и приписаться к какому либо селению».

1814 года.

№ 241-142. «По просьбе гвардии прапорщика Сергея Федорова Панютина о обращении отпущенных на волю сестрою его девицею Анисьею Федоровою Панютиною дворовых людей, Павла Александрова с прочими, в первобытное холопское состояние».

Доставшиеся по наследству брату и сестре Панютиным крепостные не были разделены между ними; имением управляла сестра и выдала из числа крепостных 14-ти дворовым отпущенные. Через три года с половиною по смерти сестры Панютин подал просьбу о возвращении ему отпущенных на волю его сестрою дворовых людей, доказывая свое право на них тем, что раздельного акта в имении между ним и сестрою не было и, следовательно, она не имела права распоряжаться общим их имением, как своею собственностью. Уездный суд по тем основаниям, какие представил Панютин, признал требование его

законным и постановил: «отпускные, на основании уложения 17-й гл. указа 1754 г., мая 13 числа, 12 п., признав недействительными, отобрав от них (отпущенных) уничтожить, обратил их в первобытное состояние. Но губернское правление постановление уездного суда признало незаконным на том основании, что брат по смерти сестры (вместе с которою дворовые и получили свободу) об уничтожении отпускных не просил, а 3 ½ года молчал, «через что на отпуск тех дворовых людей явное согласие открыл; к тому же взамен оных отпущенных людей и следующие сестре его Анисье из отеческого и материнского имения указные части у него, Панютина, остались и для того, на основании высочайшего манифеста 1775 г., марта 7, указов 1812 г., марта 12, 1813 г., июня 30, утвердить дворовых людей оставить от рабства свободными ..., а с присутствующих (уездного суда), подписавших то решение и крепившего секретаря взять штраф».

1815 года.

№ 242-233. «По предложению начальника губернии, по секрету». По описи дело названо так: «А взятом в г. Арзамасе отставном солдате Николае Тарасове и о названии себя обер-офицером». Заключается оно в следующем: В марте 1815 года Тарасов заключил в Петербурге с генерал-майором Владимиром Васильевичем Баженовым условие в том, чтобы ехать Тарасову в вотчину Баженова, в деревню Понетаевку, и управлять ею; жалованья ему положено 200 р. в год и готовое содержание. Приехал он в усадьбу Баженова в апреле; служить ему там не понравилось и в мае он уже отказался от своей должности. 24 мая арзамасский исправник получил от помещика Михайлова письмо (сведение), в котором тот извещает его, что в его деревню Кожино, как известила его письмом жена, приезжал неизвестный человек и делал «буйствы», а приехал в деревню узнал, что он делал разные разглашения будучи у помещицы Жемайловой, в сельце Князевке, как-то: «будто он послан его

вдовствующей императрицы Марии Федоровны для извещения крестьян помещичьих, что они отымутся от господ и будут казенные и что он незаконнорожденный сын покойной императрицы Екатерины II-й. Узнав от Жемайловой, что этот человек уехал в деревню Чуварлейку, Михайлов отправился туда и нашел его у крестьянина Абросимова; по одеянию его заключил, что он солдат, взял его и с Абросимовым представил в полицию. Исправник донес об этом губернатору, который приказал исследовать дело. Тарасова допрашивали несколько раз, но он не сознавался и говорил сначала, что никаких слухов не распространял, а потом – что ничего не помнит, так как был пьян. Жемайлова на допросе показала: «24 мая, утром часов в 10 приехал ко мне неизвестный солдат, обвешанный медалями и на вопрос – откуда он, объявил, что он порутчик, едет из С.-Петербурга от вдовствующей государыни императрицы Марии Федоровны для обещения помещичьих крестьян, что они будут казенные, а не помещичьи, а он сам побочный сын покойной императрицы Екатерины II-й и через три дня из Нижнего привезет бумаги, которые и объявит актом; потом спросил мое имя, отчество и фамилию, просил водки, почему приказала подать ему оной, он выпил рюмку и поехал в село Кожино, к г. Михайлову». Дворовый Жемайловой Федосеев показал, что не знает, что говорил неизвестный человек с его госпожой, а по выходе от нее в лакейскую спрашивал его из каких он «и как объявил, что из дворовых, то онный человек сказал так: «ты и будешь дворовым человеком, а кто взят из крестьян, тот будет опять крестьянином, но только казенным, а не помещичьим, ибо все помещичьи крестьяне будут казенными». Священник села Пешелани Семен Иванов показал, что проездом из Нижнего остановился в Арзамасе на площади; к нему подошел неизвестный человек, по-видимому служивый, и на его вопрос сказал, что он отставной офицер, едет ревизором из Петербурга седьмой месяц и осталось ездить еще четыре месяца, по фамилии Петров, а потом объявил, что он Абрамов и начал нани-

мать его извозчика довести до Нижнего, а нанявши поехать вместе с ними до села Пешелань, взяв в 2-х полуштофах горячего вина. В селе священник остановился, а с ним остался до утра и его попутчик, но в дом сначала не вошел, а сел на завалину; к нему подошло много крестьянских детей и два крестьянина, что он с ними говорил – ему неизвестно, крестьяне сказали ему только после, что служивый посылал их за начальником, но так как начальника дома не было, то он и вошел в дом. Крестьяне, с которыми его видели разговаривающим в разных местах, на допросах заявил, что ничего от него «о вольности» не слыхали. На основании этих показаний свидетелей уездный суд постановил: «оному отставному рядовому Николаю Тарасову во-первых, за оскорбление ее императорского величества в Бозе почивающую государыню императрицы Екатерину II, что он есть незаконнорожденный ею сын, во-вторых, за обольщение ее императорское величество вдовствующую государыню императрицу Марию Федоровну, что он ею послан нарочито из С.-Петербурга для обвещения всех помещичьих крестьян о бытии им казенными, в-третьих, за название себя обер-офицером, поручиком, ношение медалей и знака отличия св. Анны, не имея на сие никакого права, в-четвертых, за утайку своего прозвания (Степанов) и напоследок, за разглашение вольности помещичьим крестьянам, учиня наказание кнутом, вырезав ноздри до кости и поставя на лбу и на щеках литерные знаки, сослать вечно в каторжную работу».

Дело было послано на ревизию и возвращено с ревизии 18 мая 1818 года.

1818 года.

№ 250-895. «По просьбе из дворян унтер-офицера Богомолова крепостной девки Лукерьи Сидоровой, находящейся в услужении у мещанина Николая Крюкова, о даровании ей свободы».

Сидорова в прошении в уездный суд объясняет, что в 1808 году она отдана была Богомоловым Крюкову по верующему письму для продажи охочим людям; но он ее не продал, а держал для домашних услуг. Ссылаясь далее на указ 23 октября 1816 года, 9-м п. которого повелевалось все верующие письма, писанные на прежнем основании на имя разночинцев и не имеющих права владеть крепостными, уничтожить, а для перемены их назначался срок для одних годовой, а для других 2-х годовой, после чего если они останутся не уничтоженными, то находящиеся по их силе крепостные становились свободными, Сидорова просить освободить ее от Крюкова, так как верующее письмо, по которому она у него находится, не переменено в указанный срок. Уездный суд признал ее свободною, но так как постановление суда требовалось объявить Богомолову и вызывать его в суд для выслушания решения, а Богомолов только через 6 лет (в 1824 г.) дал подписку, что в суд явится, но не явился, то Сидорова получила свободу только в июле 1828 года.

1819 года.

№ 251-1088. «О буйственных поступках генерал-майора Владимира Баженова дворовых людей с таковыми же г. полковника Всеволода Баженова людьми».

Всеволод Баженов в прошении своем в уездный суд жалуется, что во время праздника все дворовые Владимира Баженова пришли к его дому и бесчинствуя стали бить камнями его дворовых людей, а когда он вышел унять их, то и в него бросали кирпичами, а один подошел с дубиною и приговаривая: «я до смерти тебя убью», хотел ударить; но в это время по улице шла его жена, и они бросились за нею, но она скрылась. Владимир Баженов объяснил суду, что в тот же праздник, сидя у себя в доме, вдруг увидел толпу крестьян брата своего Всеволода, бегущих к его дому стремительно с дубьем и рычажьем и впереди их на лошади живущего у брата воспитанника Мель-

никова, которые, вбежав на крыльцо и найдя двери запертыми, «непомерно азартным образом ругали меня», но видя, что он принял предосторожность от них, удалились. Прощению же брата своего просил не верить, так как он находится с ним в непримиримой вражде. Дворовые Владимира Баженова, оказавшиеся по суду и следствию виновными только в ссоре с дворовыми Всеволода Баженова и в бросании в них камнями, были выдержаны более 2-х недель под арестом и у них выстригли по половине головы, а Всеволоду Баженову сделан выговор за то, что он имел намерение стрелять в дворовых своего брата, когда, не смотря на его приказания, никто их не хотел ловить.

1820 года.

№ 253-1177. «О проданной господином Бабушкиным господину Баженову солдатской женке Анне Потаповой с детьми ее».

4 мая 1810 года нижегородский губернатор предложением дал знать уездному суду, что к нему обратилась с прошением солдатка, Анна Потапова, и просит освободить ее от генерал-майора Баженова, которому она продана насильно, вместе с дворовыми детьми своими, надворным советником Аркадием Бабушкиным, когда жила у него по найму (за 15р. в год) в работницах. На требование уездного суда доставить объяснение по поводу жалобы Потаповой, Бабушкин уведомил суд, что «называющая себя солдаткою, Анна Потапова никогда в работницах у меня не жила, а имела жительство у меня во дворе, в моей деревне Коноплянке, вместе с мужем своим, дворовым моим человеком Нефедом Степановым¹ и с детьми, не свободными, а крепостными, в полном моем повиновении, которые в 1809 году и проданы мною г. Баженову»; при этом объяснении и представил купчую, по которой он купил Нефёда Зиновьева с женою его Анною Потаповою и дочерью их Пела-

---

¹ Назван Степановым ошибочно: он Зиновьев [прим. В.И. Снежневского].

гею у полковника Наумова в 1805 году. Вызванный в суд дворовый Бабушкина Нефед Зиновьев показал, что «он холост; наперед сего был дворовым г. Наумова и жил из оброку в Москве, в какое время жила у меня их работница солдатка Анна Потапова и потом сошла от меня; напоследок, в 1805 году, я г. Наумовым был продан г. Бабушкину; как я, Зиновьев оставался должен Потаповой за работу деньги, то она и пришла в квартиру Бабушкина и требовала оных. Услыша, г. Бабушкин дал мне на расплату денег, а между тем уговорил ее ехать к нему в работницы, на что согласясь, она перешла в квартиру его, а после от него, обще со мною, за законную жену, продана г.-майору Баженову, где и ныне жительствоует; но женат я, Зиновьев, на той солдатке никогда не бывал». Через губернское правление потребованы были сведения от полковника Наумова, жившего в Москве; но в течение 9 лет от московского губернского правления «уведомления никакого не последовало» и наконец на посланный запрос г. прокурора «столонячальники того правления ответствовали, что показанного дела (требований нижегородского губернского правления) в производстве не имеется. Требование сделано было вновь и получен был ответ, что Наумова в Москве нет, а от помещицы Философовой, чьей крепостной была солдатка Потапова действительно была ее крепостная и в замужестве за ее крестьянином Иваном Тихоновым, который лет 25 тому назад отдан был в солдаты и получив отставку, жил в Москве, в госпитале, а лет 10 тому назад помер; жена его после отдачи мужа в солдаты ушла в Москву и где ныне находится – неизвестно. Полковника Наумова больше не искали и по этому делу 15 мая 1820 года состоялось наконец такое постановление:

«Из обстоятельств онаго дела видно, что проданная Наумовым в 1805 году ... Бабушкину, а им господину ... Баженову с дворовым человеком Нефедом Зановьевым женка Анна Потапова есть действительно солдатка ..., что явствует из показаний оной Потаповой, Зиновьева и помещицы Философовой ...,

а сие и открывает, что г. Наумов при продаже г. Бабушкину дворового человека Нефеда Зиновьева женку Анну Потапову назвал его женою в купчей несправедливо и продал ее Бабушкину, ему, Наумову, не принадлежащую¹. Что же касается до детей ее, сына Александра и дочери Пелагеи, из коих первый и рожден ею во время проживания ее у Бабушкина, следовательно оба сии дети...родились и воспитывались коштом и иждивением его, г. Бабушкина, к тому же и по ревизиям они написанными значились за ним, а по последней 7-й за г. Баженовым, а по сим обстоятельствам суд сей и постановил: женке Анне Потаповой, как солдатке, предоставить свободу, а детей, рожденных ею, будучи солдаткою, воспитанных г. Бабушкиным, за коим сын Александр и в 6-й ревизии показан ... оставить в настоящем их положении, где кто по ревизии записан и прекратя всякую о них переписку, оставить за г. Бабушкиным, а по продаже ее – за г. Баженовым».

Определение это губернским прокурором «найдено правильным и с законами согласным». Солдатка Потапова решением осталась довольною и просила выдать ей паспорт, которой ей и выдали в июне 1822 года и почему-то пописали в нем содержание всего ее дела.

1822 года.

№ 255-1594. «О разных поступках г. полковника Всеволода Васильевича Баженова».

«Поступки», сделанные Баженовым, заключаются в сопротивлении губернским уездным властям, в оскорблении их, во многих насилиях над своими и чужими крестьянами, в ос-

---

¹ Уездный суд, принимая показания Зиновьева и основывая на них свое заключение, что Анна Потапова солдатка, а не его жена, в то же время совершенно игнорирует ту часть его показаний, где он говорит, что Бабушкин взял ее к себе в работницы как свободную, а не считал ее за жену Зиновьева и свою крепостную и продал ее Баженову, зная, что она ему не принадлежит и основывает дальнейшее свое постановление только на купчей крепости [прим. В.И. Снежневского].

корблении на словах и в письмах брата своего, помещицы Мацневой, и других, в подстрекательстве своих крестьян не повиноваться властям и т.п. Дело о нем начиналось три раза и выросло до огромных размеров. В 1824 году состоялось постановление уездного суда, которым решено его, «как человека буйного и не повинующегося законной власти и правительствам, наносящего своими дерзкими и неблагопристойными поступками дворянскому нижегородской губернии сословию стыд и бесчестие, лиша одного чина, из числа дворянства нижегородской губернии исключить, выслав его на жительство в другую губернию». Но уголовной палатой Баженов был освобожден от наказания, на основании манифеста 1826 года, августа 22 числа, с обязательством начальству оказывать повиновение.

1823 года.

№ 257-1641. «О застрелившемся г. Ступина дворовом человеке Матвее Андреянове».

Сколько лет он жил – из дела не видно. Он был женат на арзамасской мещанке и жену свою очень любил; жили с ней согласно, «никогда от мужа своего в жизнь его не только была бита, но и никакого бранного слова не слыхала, даже и свирепаго его на нее взгляда не видала», рассказывает она на допросе. Перед смертью был весел и от чего он, «такую себе смерть получил» – она не знает. От господ же своих ни она, ни муж даже бранных слов не слыхивали. Другой дворовый Ступина Шведов предполагает, что застрелился Андреянов «не от того ли, что он был начитан разными трагическими книгами»; ту же догадку высказывает и сам Ступин о причине самоубийства – от «начитанности разных сочинений, а в особенности трагических».

1826 года.

№ 261-236. «О учиненном отпущенными г. Зиновьевою в свободные хлебопашцы села Вазьяна крестьянами на отсылку того ж села крестьян Дмитрия Степанова и Григорья Денисова за дурное поведение их в Сибирь на поселение приговоре».

Так как крестьяне села Вазьяна в свободные хлебопашцы были отпущены помещицею с условием повиноваться ей до ея смерти, то казенная палата требовала от уездного суда сведения: известен ли ей приговор крестьян; Зиновьева ответила удовлетворительно; но вслед за тем в палату было подано прошение женою одного из ссылавшихся на поселение, которым она просит рассмотреть это дело, по ее мнению решение неправильное, «так как», объясняет она, «я живу с мужем 12 лет, к коему имею истинную любовь, а потому из за решения онаго уездного суда должна я от того мужа своего быть отвлечительною и браком разрушенною не по силе закона, а по воле помещицы» и палата вновь требовала от уездного суда сведения: согласны ли помещица и крестьяне оную женку сослать туда же. В деле далее есть только постановление суда о сдаче его на хранение в архив.

№ 262-255. «По указу нижегородской казенной палаты, при котором прислано дело о крестьянине села Арати Герасиме Котельникове для решения и о прочем».

Котельников донес сельскому заседателю Емельянову, что крестьянин их же села, княгини Белосельской, Семен Михайлов давал ему в уплату долга до 100 р. фальшивой серебряной монеты и чтобы уличить Михайлова, предложил заседателю надеть крестьянское платье, назваться крестьянином, торговцем краской, и предложить Михайлову, который торгует краской же, купить ее, предупредив, что продавец готов за нее получить плату фальшивой монетой, с известной уступкой, конечно. Михайлов поддался на эту хитрость и был арестован; но он оговорил в сбыте фальшивой монеты и самого Котельнико-

ва, который в этом отчасти только сознался¹, оговорив в производстве и сбыте фальшивых серебряных монет еще мурашкинского крестьянина Обращева; Обращев был уличен.

Затем Обращев и Котельников оговорили еще массу лиц в производстве и сбыте монет из сел Мурашкина и Арати, но те за недостатком улик были оправданы и оставлены в сильном подозрении. Виновные были приговорены к наказанию кнутом и ссылке в каторгу; но арзамасский исправник, не дожидаясь решения этого дела освободил из под стражи Котельникова, а когда последний суду потребовался, то оказалось, что его нет в селе Арати. На требование объяснения по этому поводу, исправник ответил, что он освободил Котельникова «потому самому, что он, как и по следствию видно, был доносителем, а не переводителем и дабы не стеснить участь его».

Между тем Котельников почел себя от суда и следствия свободным и стал хлопотать о другом деле. Котельников был крепостной помещицы Елагиной и приобрел торговлей, как он рассказывает, значительный капитал, захотел выкупиться на свободу; за выкуп его с двумя женатыми сыновьями и двумя дочерьми помещица потребовала 5000 рублей; эти деньги в несколько сроков помещице он выплатил, в чем имеет и ее росписки. «Но тут случилось происшествие», говорил он после на суде и рассказал дело о сбыте фальшивых монет, по которому благодаря его доносу, привлечено было несколько крестьян Елагиной и ее староста; «на меня сильно рассердясь за это, в выдачи мне обещанной вольности г. Елагина остановилась и был я ею угроживаем быть сосласным на поселение». После этого Котельников, не надеясь на защиту местных властей, подал просьбу императору Николаю, во время коронации его в

---

¹ Котельников показал, что не взял от Михайлова 100 рублей фальшивой серебряной монетой, «видя что она сделана нечисто». В другом месте говорил, что в уплату долга от кр. Шаткова брал 4 фальшивых рубля, но потом отдал их обратно Шаткову; и еще соглашался брать фальшивое серебро от Шаткова же по 20 р. за 100 р., но не брал [прим. В.И. Снежневского].

Москве; никакого ответа на нее не последовало и он решился опять обратиться с просьбой к помещице, которая жила тогда в Москве, но его предупредил дворовый Елагиной, что она «располагает сослать его в Сибирь, если он явится»; тогда он пошел в деревню и весь свой дом нашел разграбленным старостою с прочими крестьянами. Он опять пришел в Москву, а потом в Петербург и здесь нашел убежище у знакомого солдата Тихона, служившего в коммерческом училище, который и поместил его к огороднику при училище. Котельников помогал ему в разных работах. Между тем Котельников познакомился с какими-то тремя крестьянами, работавшими поденно при этом же училище и узнал от них, что они хотят подать просьбу на своих помещиков государю императору и все они сговорились свои просьбы послать государю по почте в одном конверте. По этой просьбе и нашли кажется Котельникова местные уездные власти. При нем оказались два прошения: одно государю, другое помещице и третье от всех крестьян и старосты помещицы Елагиной, в котором они, между прочим, пишут ей, что на следствии по поводу сбытия фальшивой монеты они во взятии у Котельникова в заем 1700 рублей «нижайше повинились, а в фальшивых деньгах учинили запирательство, однако, по видимому, остаемся совсем виновными и через оное не знаем и сами, на чем оное дело Котельникова совершится» и просят уважить его, выдать отпускную, боясь новой его просьбы. На это прошение не обращено было никакого внимания, а приговор суда над Котельниковым был приведен в исполнение.

№ 266-332. «О ищущих из владения наследников генерал-майора Баженова вольности, дворовых людях Кудашкина и Чернышевых».

Дворовые эти представили в уездный суд отпускные, данные им от К.Баженова, которым они, по смерти его, отпускались на волю; отпускные были подписаны им и свидетелями: его братом Всеволодом, помещиками Краскевичем, Левашевым, Вишняковым и священником; но вдова К.Баженова пода-

ла заявление в суд, что отпускные эти фальшивые и написаны будто бы Кудашкиным, муж же ее, как ей известно, и не думал отпускать этих дворовых на волю, а напротив, незадолго перед смертью продавал их помещику Матыреву (что и тот подтвердил); при этом ею представлены были черновые отпускные с подписями К.Баженова, сделанные, по ее мнению, Кудашкиным, и несколько клочков бумаги, исписанных одною фамилиею – Баженов, Баженова... с очевидным, также по ее мнению, стремлением дойти до возможного совершенства в подделывании подписи ее мужа, «чем» говорится в заявлении «ясно указывается умысел оных людей фальшиво, без воли, получить свободу и сверх того затаенное покушение принес на высочайшее имя прошение, чтоб людям дать свободу, а господ посадить на жалованье, каковое свое желание вероятно распространяли и в крестьянах». Это «затаенное покушение» усмотрено г. Баженовою из следующего, весьма интересного, кажется, проекта прошения, писанного Кудашкиным и найденного после него г. Баженовою:

«Милостливой Государь Микалай Павлавич Ваше Императорского Величества прошу Вас от господ нельзе аслабадить господ всех на жалованя посадить на нас всю (землю?) по душам разделить а патом просим Вас Ваше Императорского Величества нельзе как-нибудь солдаства аслабадить нас прашайте Микалай Павлович дай бог вам щеслива оставаца – прашай радимай наш залатой».

Свидетели, подписавшие дворовым людям отпускные показали: Баженов Всеволод – что от брата он слышал о желании его отпустить на волю дворовых Кудашкина и Чернышевых и подписал им отпускные – когда Кудашкин приходил к нему от его брата Константина с просьбой подписать их. Краскевич, Левашев и Вишняков – что они подписали отпускные, присланные для этого К.Баженовым с дворовыми его, видя на отпускных его печать и подписи его с братом. Священник показал то же.

Уездный суд, на основании заявления Баженовой и изложенных в нем фактов и предположений, признал отпускные фальшивыми и постановил быть дворовым в прежнем повиновении у г-жи Баженовой, хотя при сличении подписей К. Баженова – подлинных с оспариваемыми – на отпускных, они оказались совершенно сходными; при том же не было доказано, что представленные в качестве вещественных доказательств и улики г. Баженовою бумаги, были писаны Кудашкиным, а напротив, с его рукою оказались несходными. Гражданская же палата, в которую дело по апелляции дворовых поступило на ревизию, нашла, что «решение онаго суда с законами не согласно и наполнено одною неуместною многосложностию» и отменила его, признав отпускные действительными, да сделала при том строгий выговор суду за то, что секретарь этого суда, будучи поверенным со стороны Баженовой по делу, в то же время участвовал в решении его.

№ 267-365. «Опись и оценка имению генерал-майора и кавалера Константина Васильевича Баженова, состоящему в деревне Корине арзамасского уезда по претензии г. Мацневой». - Вместе с другим имуществом была описана и библиотека Баженова.

Книги в кожаном переплете

Полное садоводство	4
История о полиционе	2
Цецилия	4
Конской и хлебник	2
Мальчик у ручья	2
Жизнь императрицы Екатерины Великой	1
Александр и Мария	1
История Тукеня Лувертюра	1

Книги в бумажном переплете

Преступник от игры	1
Явная война	1

Школа деревенской архитектуры	1
О прививании коровьей оспы	1
Другое путешествие в Малороссию	1
Начертание российской истории	1
Горные духи	1
Театр нынешней войны	2
Негр или черный, каких мало бывает белых	5
Разговоры политическая в храме бессмертия	1
Увенчанные победы графа Платова	1
Сенкмер или жертва наук и художеств	1
Наблюдатель нынешних происшествий	1
Несбыточные путешествия	1
Критический разбор	1
Реэстр российским книгам	1
О действиях и силе шалфея	1
Копия с высочайших приказов	1
Довольное и ясное показание	1
Разсмотрение политических происшествий	1
Генеральный смотр	1
Женское мщение	1
Взгляд безпристрастного наблюдателя	1
Прибытие Наполеона	1
Некоторые замечания	1
Граф Платов	1
Московские небылицы в лицах	1

«По повелению вдовы генерал-майорши Марьи Львовны Баженовой, за неумением ее грамоты, дворовый человек И.М. Огистров подписался».

1828 года.

№ 270-633. «О выходе в замужество г. Алымовой, сельца Поровай, крестьянскою женкою Марфою Андреевою от живого мужа своего за другаго».

Ей 16 лет; при ней жила мать ее Тихонова 60 лет, солдатка, родом из арзамасского уезда. Последние 35 лет она проживала в с. Поровай, курской губернии, и в 1827 году уговорила дочь свою Марфу бежать от мужа, с которым она прожила 2 года несогласно, на свою родину, в арзамасский уезд; та согласилась и они убежали. У Тихоновой был паспорт, а дочь свою она выдавала за девицу, рожденную ею, будучи солдаткою. Их принял родственник, староста д.Малаховой. К Марфе присваивался крестьянин казенного ведомства, Герасимов, и она была с ним обвенчана, как девица, за которую сама себя и ее мать выдавали и чему верили все. Алымов, узнав о побеге солдатки с дочерью, женою его крепостного, подал в арзамасский уездный суд заявление и просил обеих их возвратить. Уездный суд и палата уголовного суда приговорили виновных: Тихонову и дочь ее Марфу к наказанию плетьюми, первую 5 ударами, а вторую 10, выдав Тихоновой на свободное проживание ее паспорт и отослав Марфу к ее помещику; старосту, за незаконное держание у себя беглой «женки» и за то, что он поверил ей, будто она девица, вместо наказания палками, по старости – к аресту на 5 дней; а прочих, прикосновенных к делу лиц «учинить от суда свободными».

№ 271-740. «По просьбе г. Караулова, при которой представил условие, сделанное им с г. порутчиком Кутлубицким к засвидетельствованию».

По этому условию Караулов отдавал Кутлубицкому с 1828г. на 10 лет «в арендное содержание» холостого крестьянина с сестрою и теткою, с пашенною и усадебною землею и сенокосными лугами, в количестве 70 десятин, в сельце Забелине, арзамасского уезда и с тем условием, чтобы крестьян употреблять на работы не более 3-х дней в неделю; Кутлубицкий обязался по условию платить за аренду по 200 рублей в год.

№ 272-746. «О застрелившемся академика Ступина ученике, г. Гладкова дворовом человеке, Григорье Мясникове»

(Подробное описание дела см. в прилож. к засед. Комиссии 26 мая 1889 года, стр.154).

1829 года.

№ 275-920. «О браке полковника Всеволода Баженова дочери Аграфены с отпущенником от генерал-майора Константи́на Баженова Сергеем Кудашкиным».¹

Полковник Баженов, воротясь из Петербурга, узнал, что дочь его «вышла замуж за бывшего дворового его брата, Кудашкина. Баженов обратился с прошением к губернатору, которым просит разлучить новобрачных, предать Кудашкина суду, а дочь заключить в монастырь; при этом он жалуется на опекуна своего имения Краскевича, заботам которого он поручил свою дочь, и который допустил похитить ее дворовому из его дома. Интересен ответ на эту жалобу Краскевича, рисующий положение крестьян В. Баженова, самого его и его дочери. Он пишет, что Баженов действительно просил его письмом не оставить его дочь в случае какой просьбы с ея стороны «и хищным его зверям – мордве – в обиду не давать». «Г. Баженов оставил дочь свою без всяких средств к жизни и сам уехал в С.-Петербург, пишет Краскевич; «я обратился к предводителю дворянства с просьбой о доставлении ей пропитания и он указал мне доставить ей содержание с имения г. Баженова; но для исполнения сего по имению не оказалось никаких способов. Г. Баженов крестьян своих довел до такого положения, которое могло привести в содрогание наименее чувствительного человека...Я видел на каждом шагу отпечаток жестокосердия к ним их владельца». Но за помощью пришлось обратиться к этим же крестьянам, «которых, пишет Краскевич, г. Баженов трактовал как хищных зверей. Сии крестьяне, сколь ни были угнетены своим владельцем, вопреки вменяемому им зверству, тронулись положением дочери их владельца и были столь чув-

---

¹ См. дело об отпускных письмах Кудашкину и Чернышевым по описи № 266-332 [прим. В.И. Снежневского].

ствительны, что при всей нищете своей изъявили готовность содержать ее на свой щет пристойным образом». Упомянув далее о том, что Баженов во всем виноват сам, воспитав дочь свою так, что она могла увлечься слугою его брата, Краскевич не упустил случая уколоть Баженова, напомнить ему, что он же защищал свободу Кудашкина от жены своего брата и тем самым своими руками готовил позор себе.

Брак оказался совершенным с соблюдением всех требований закона и всех формальностей. Г-жа Баженова заявила, что она не только по любви вышла за бывшего дворового, а теперь нижегородского мещанина, Кудашкина, но даже и жить без него не могла бы, и Кудашкин ее не похищал, а она сама приехала для бракосочетания.

1831 года.

№ 278-1394. «О противозаконных действиях вотчины гг. Языковых деревни Саблуковки управляющего Денисова».

Денисов обвинялся в оскорблении заседателя суда, предложившего выслать ему крестьян своих для починки мостов и в употреблении крестьян на господские работы в праздничные дни. Староста на допросе показал, что управляющим крестьяне в праздничные дни на господские работы не посылаются, а если он и употреблял иногда, «то разве больных и таких, коим в другие дни нет возможности по одиночеству или другим причинам работать; крестьянам же дается от того г. управляющего на производство своей работы в неделю два дни». Относительно же обвинения в том, что крестьяне их возили на господские десятины навоз в день Вознесения Господня, староста ответил уклончиво: «как от господ их все крестьяне поручены в полное его управление, так иногда б кому что и не хотелось, но заставляют». Крестьяне Языкова под присягой показали: «г. Денисов употребляет всех нас крестьян на господскую работу, а в особенности в летнее время, не исключая ни торжественных и воскресных, ни других праздничных дней, если не воспрепят-

ствуется ему ненастье; ненастные же дни, неспособные ни к каким работам полевым, отдает на занятие нам и в оные, хотя б случился какой-нибудь праздник, употребляем себя на собственную работу». Уголовная палата постановила внушить Денисову, «дабы крестьяне употреблялись на господския работы в положенные законом дни, за чем иметь наблюдение тамошнему уездному суду».

№ 279-1521. «О поступлении с служащим в земском суде за сотскаго с унтер-офицером Медведевым за битые и кование в железы г. Кушников¹ крестьян».

Со 110 душ крестьян гр. Шереметева назначен был рекрут по д. Пантелеевке; в действительности же у Шереметева в этой деревне было только 79 душ, а остальные 31 душа были крепостными Долгоруковой и рекрута не ставили; в этой же деревне были и крепостные помещика Бекетова. Староста крестьян Шереметева получил приказание от исправника и предводителя дворянства постановить за крестьян Шереметева рекрута из крестьян Бекетова; он с сотским Медведевым, командированным от исправника, поехал в д. Пантелеевку к старосте Бекетова Максиму, но он заявил им, что от него всем крестьянам, годным в рекруты, приказано скрыться, потому что послан от него к господину их Бекетову нарочный узнать, следует ли за шереметевских крестьян ставить рекрута. Медведев приказал привести в дом Максимова двух баб и старика и заковав их в цепи, ударить первых двух по лицу, как он сам откровенно сознается, желая узнать, где находятся мужья их, а старику приказал сыскать своих сыновей, угрожая «поставить на сковороду, огнем раскаленную». Но найти все-таки никого не могли, тогда, заковав в цепи самого Максимова и двух крестьян, повезли их для сдачи в рекруты; но тех возвратили «за немолодыми летами»; староста Шереметева с Медведевым вновь явились в деревню и словили трех крестьян Бекетова, из которых один оказался годным и в рекруты был принят. «За употребление по

---

¹ Следует – Бекетова [прим. В.И. Снежневского].

навыку строго исполнять по воинской части приказания начальства, незаконных мер кованием в железы и ударением по щекам женок» хотя бы и следовало, по заключению суда, Медведева наказать плетьюми, «но, как по имению знака св. Анны за беспорочную службу, от телеснаго наказания он избавлен, вместо того, отреша его от должности выдержать под арестом».

1833 года.

№ 282. «О буйственных поступках крестьян села Спаскаго г. Безсоновой».

Крестьяне Безсоновой написали ей на своего управляющего, бурмистра и старосты прошение, в котором жалуются, что управляющий распродал из общественных их магазинов хлеб и им, по случаю прошлогоднего неурожая, обсеменить поля нечем, что они и теперь уже доедают последнюю мякину; лесом своим пользоваться управляющий не дает им, а продает его сам с бурмистром и старостами; к управляющему ездит много гостей, с которыми он постоянно бражничает и уже поел с ними всех их овец и кур. Живет у них какая-то Марья Михайловна и при ней 21 человек челяди, которых они, по приказанию управляющего, продовольствуют, и баб их эта Марья Михайловна холстом одолела: с каждой берет по 10 аршин посконного и 5 льняного; управляющий заставляет их работать на него не в урочные дни и т.д. и слезно просят свою госпожу управляющего с М.М. удалить от них «иначе», говорят, «лучше нам быть по вашей воле на поселении, нежели оставаться в таком тиранстве». Управляющий Десятов узнал об этом прошении и донес суду, что крестьяне «по сему случаю вышли из должнаго повиновения, делают самопроизвольно для себя сходы и хотели сечь тех мужиков, которые не были с ними в согласии, переменили самоизвольно старость и говорить единогласно, что они не будут ходить на господские работы». На место приехал исправник, но в селе все было тихо и только когда потребовал он к себе зачинщиков, указанных Десятовым, то

крестьяне явились все и заявили, что никого не отдадут; впрочем, кого нужно было, исправник ночью взял и посадил в острог; после, по решению суда, они наказаны были плетью. Священник села Спасского заявил, что крестьяне г-жи Безсоновой просили его прочесть всему миру их прошение, но он отказался и в то же время отслужил им молебен, «чтобы Бог помог им в предпринятом деле, но в чем оное дело было - ему неизвестно». Некоторые крестьяне показали, что они молились Богу, «чтобы быть им на свободном хлебопашестве». О священнике, отслужившем молебен, было сообщено духовному начальству. Управляющий Десятов от суда и следствия был освобожден с подпискою не допускать крестьян «до хождения по миру» и неимущим дать способы «к обсеменению полей», а также не доводить их до жалоб на себя. Отпущенник Иван Фролов, написавший крестьянам прошение их помещице (за 50 р.), обязан подпискою, «дабы впредь в дела крестьян противу помещиков вмешательства иметь не осмысливался».

№ 284-2010. «О недаче подписки села Ивашкина и Троицкого г-жи Зубатовой крестьянами о бытии в повиновении у поверенного, г. Хотяинцева».

В 1821 году крестьяне помещика Зубатова заключили с ним условие, по которому увольнялись в свободные хлебопашцы; но через 3 года за невыполнение крестьянами этого условия они были вновь обращены в крепостное состояние. Каковы были условия, на которых крестьяне увольнялись в свободные хлебопашцы и в чем состояло нарушение их – невидно; но крестьяне почему-то не считали себя виновными и добивались перечисления в свободные хлебопашцы, написали прошение на имя государя и послали с ним ходоков в Петербург, поэтому и от подписки быть в повиновении у поверенного Хотяинцева отказались. Уездный суд главных зачинщиков «возмущения» постановил наказать плетью и сослать на поселение в Сибирь, но палата уголовного суда, принимая во внимание, что крестьяне Зубатовой отказались от повиновения ее поверенному

только «по простолюдству» и потому, что не могли понять: как можно за несоблюдение условия только быть обращенными вновь в крепостное состояние, приговорил зачинщиков и ходоков от мира наказать 5-ю ударами розгою и оставить в жительстве.

1835 года.

№ 286-2525. «Об отыскивающим вольности из владения г-жи Симанской дворовом человеке Василье Петрове Молчанове».

Молчанов в прошении в губернское правление пишет, что он рожден незаконно солдаткою 45 лет тому назад и в младенчестве взят был г-жею Симанскою в ее дом. В сказках 5 и 6 ревизий показывался ею родным сыном ее дворового человека Ермила Никитина; по достижении совершеннолетия она женила его на своей дворовой девице; а когда начальство разыскивало всех незаконнорожденных солдатками детей, то она об нем не объявила. Симнаская, ссылаясь на закон 1816 года 15 июня, дозволявший всех незаконнорожденных солдатками детей оставить за теми, за кем в сказках 5 и 6 ревизий они записаны, не признает за Молчановым права на свободу; с ней согласен был и уездный суд; но гражданская палата отменила постановление уездного суда, так как в сказках 5 ревизии В.П. Молчанов ни наличным, на убылым не показан, а сына Ермила Никитина Василья, умершего в 1782 г., за Молчанова принять нельзя и постановила взыскать с Симанской 100 р. штрафа за несправедливое присвоение себе Молчанова. Дело было отослано на ревизию в сенат и там признано было, что Молчанов, как записанный по 6 ревизии помещичьим крестьянином, должен бы быть во владении Симанской, но как она решения гражданской палаты, изъявшей Молчанова из ее владения, не обжаловала в законный срок, то Молчанов должен оставаться свободным. О жене Молчанова в решении палаты и сената не упоминается.

№ 289-2599. «О намерении г. Панютина дворового человека Михайла Куракина лишить себя жизни перерезанием ножом себе шеи».

Куракину 40 л. В одно время он покрывал барскую кровать политурую; Панютин в его работе нашел какую-то неисправность, бил его за это по лицу, а когда тот вышел, то Панютин послал за ним мальчика позвать Куракина к барину, «чего испугавшись», говорит Куракин, «полагая, что будет еще какое нибудь от него наказание, схватил нож и намереваясь зарезаться, порезал им шею» и потерял сознание. Панютин отозвался о Куракине, что он характера злого, делал многиеслушания и даже прибил бывшего управителя; «а доказательно тем более, что я его по лицу не бил, ибо он знаков от побой никаких не имел, а по приходе его от меня в людскую шла из носу кровь от чего - я не знаю и от меня пошел он из горницы не окровавленный. Все дворовые Панютина заявили, что господин их бил - ли когда Куракина, они не видали и не знают. Крестьяне Панютина показали, что Куракин напредь сего в дурных поступках замечаем не был, но только временно занимался пьянством; часть дворовых о нем отозвалась также, а другая подтвердила отзыв господина. На втором допросе Куракин показал, что «намерение зарезаться возымел с осени 1835 года от жестокого наказания г. Панютина, который почти каждый день бил его из своих рук, а особенно на первой неделе великого поста, когда он чистил в господских покоях мебель, господин его бил вручную по несколько раз в день, выискивая всегда причину не ловкости и, будто бы, нерасторопности, таскал за волосы и наказывал через кучера Ивана Леонтьева плетью по спине, в одной рубахе». Свидетели, видевшие, как его наказывали, заявили, что ничего не видали, даже жена Куракина говорила, что ни разу не слыхала от мужа, чтобы его когда-нибудь господин наказывал. Куракин приговорен был к наказанию через палача плетью в г. Арзамасе и ссылке в Сибирь на поселение.

№ 291-858. «По указу нижегородского губернского правления о доставлении в оное разных статистических сведений».

Доставлены были следующие за 10 лет по уездному суду:

	Расторжен-ных браков	Самоубийц	Умерших насильствен-ной смер-тью ¹	Незаконорожденных	Уголовным судом		Гражданским	
					Наказанных	Освобожденных	Наказано	Освобождено
В								
1819	-	10	17	2	29	25	-	-
1820	-	8	13	3	26	7	1	-
1821	-	5	10	1	27	15	-	-
1822	-	8	11	2	37	17	-	-
1823	-	9	14	3	18	39	-	-
1824	-	4	16	2	11	5	-	-
1825	-	5	12	1	15	22	-	2
1826	-	4	17	16	20	26	-	-
1827	-	1	13	7	26	11	-	4
1828	-	3	2	8	29	17	2	3

¹ К этой категории относились утопленники, замерзшие, умершие от угару, убитые молнией и т.д.; но так как, например, в числе деле об утопленниках нам не встречалось ни одного дела об утопившихся, а несомненно, что к этому способу самоубийства прибегали многие из самоубийц, то нельзя по нашему мнению, провести строгой черты между самоубийцами и умершими другой насильственной смертью [прим. В.И. Снежневского].

ТАБЛИЦА ПРАВОВЫХ КАЧЕСТВ ЖИТЕЛЕЙ АРАМАССКОГО УЕЗДА									
За 1819-1828 годы согласно списку					Наказанных преступников			Сколько по суду оправданных	
					Преступников				
					Передано наказанию	оправдано			
57	Самоубийц						1826		
125	Иных насильственных смертных случаев						1827		
1	Расторгнутых браков						1828		
45	незаконнорожденных								
238	Уголовным судом								
3	гражданским								
184	уголовному								
9	гражданским								
20	Уголовным судом								
-	гражданским								
26	уголовным								
-	гражданским								
29	уголовным								
2	гражданским								
26	уголовным								
-	гражданским								
11	уголовным								
4	гражданским								
17	уголовным								
3	гражданским								
31	уголовным								
8	гражданским								
30	уголовным								

№ 292-2705. «О самовольном разборе магазейнаго хлеба всеми крестьянами сел: Вада, Стрелки, Крутаго Майдана, Салалей, Щедровки, Протопоповки, Морозовки, Умайсаго Погосту и деревень: Порецкой, Мордовской и Бокарей».

Крестьяне единогласно заявили, что разобрали из запасных магазинов хлеб по случаю голодовки и неурожая двух последних лет и неудовлетворительного же урожая в нынешнем году; весь крестьянский скот распродан и внести хлеб в магазины ныне не могут, потому что его нет и не обсеменение полей даже не хватит. Уездный суд и казенная палата постановили: всех сельских властей выдержать под арестом за допущение крестьян к самовольному разбору из запасных магазинов хлеба и обязать крестьян недостающее количество хлебасыпать безотговорочно.

1838 года.

№ 295-3161. «Об отыскиваемой вольности от девицы Патрикеевой женкою Терентьевою».

Муж Терентьевой в 1812 году взят в ополчение и в 1815 г. зачтен помещику за рекрута, а жена его помещиком продана в 1822 году г. Патрикеевой. Терентьева просит суд освободить ее, так как она солдатка, но суд ей в просьбе отказал, на основании указа 31 мая 1815 г., которым вдов, оставшихся после мужей, взятых в 1812г. в ополчение, повелевалось считать принадлежащими тем лицам и обществам, где мужья их были записаны. Сенат утвердил решение суда.

№ 297-3175. «О покупном г. Залесским дворовом человеке Петре Семенове».

Залесский купил Семенова у К.В. Баженова по домашнему с ним условию; между тем все имение Баженова состояло под запрещением и условие о продаже Семенова было признано не действительным и в 1838 году (через 13 лет) Семенов был отобран от Залесского и поселен в имение Баженова. Но во время проживания Семенова у Залесского последний женил его

на крестьянской дочери казенного ведомства, при чем заключил с нею, ее родителями и всеми старшими членами ее семьи условие, по которому он обязывался ее с мужем ни кому не продавать и не уступать, а им жить у него в полном повиновении; и когда по решению уездного суда Семенова и жену его от Залесского взяли и назначили в продажу за долги Баженова, то последняя и подала в суд прошение об освобождении ее с мужем на основании условия с Залесским от публичной продажи. Уездный суд и потом губернское правление в просьбе ей отказали, так как условие ее с Залесским не утверждено законным порядком и даже им не подписано и, следовательно, для него не имеет никакой обязательной силы, а на волю отпустить их нельзя потому, что жена не сообщает мужу своего состояния.

1840 года.

№ 299-3697. «Об ударе подпоручика Владимира Бетлинга дворовыми его людьми дубинкою в лоб и в намерении убить его до смерти».

В мае 1840 года подпоручик Бетлинг ехал из г. Арзамаса в село свое Посниково на своей лошади, запряженной в беговые дрожки; с ним ехал дворовый его мальчик 15 лет Григорий Андреев. В сумерки, не доезжая до села Казакова версту, они встречены были тремя человеками, которых, за темнотою, Бетлинг не мог узнать; один из них остановил лошадь за вожжи, а из двух остальных, остановившихся по сторонам дрожек, один нанес Бетлингу сильный удар дубиною в лоб; Бетлинг соскочил с дрожек и спасся бегством к пасущим конское стадо, которых он заметил во время проезда назад от места происшествия в полуверсте, взял у них лошадь и в сопровождении двух верховых пастухов возвратился домой. Сопровождавший Бетлинга мальчик Андреев знал, кто были напавшие на барина, был вместе с ними в заговоре и как только тот соскочил с дрожек, пригласил сесть их на дрожки и догонять убежавшего барина, но те не согласились и должно быть, испугавшись, по-

бежали к селу Козакову. Андреянов оставил лошадь и пошел за барином, которого и застал еще у пастухов, а когда он уехал, воротился к месту нападения и дожидался следователей, приехавших на место на другой день. Допросили Андреянова и он показал, что назад тому с неделю, по случаю переносимых всеми дворовыми Бетлинга жестоких наказаний, он с дворовыми Филиппом Федуловым (24 лет), Сергеем Эншоровым (23 лет), Дмитрием Тихоновым (19 лет) и Иваном Балашовым (19 лет) советовался, «как-бы им того г. Бетлинга побить, как случится», но намерения убить его не имели и решили побить его на дороге из Арзамаса в свое село, когда узнали о его готовящейся поездке. Все обвиняемые сознались, что хотели господина своего «побить хорошенько» за жестокое с ними обращение и для этой цели по три ночи выходили на дорогу поджидать его; но при другом следствии, подтвердив сознание о нанесении Бетлингу побоев, они дали такие показания: Григорий Андреянов, что он вошел в заговор с товарищами, «чтобы проучить своего помещика и даже хоть бы до смерти убить, только бы избавиться от него каким-нибудь образом», потому что он часто бесчеловечно его наказывал; так «в 1839 г., по осени: за неотыскание в бане простыни – розгами, за упуск зайца – розгами ж и за то, что вздремнул – розгами ж, сего 1840 г., зимою: за нескорое поставление тенет – по голове палкой, от чего имеются знаки, за то, что позабыл принести в баню квас – розгами, за слабое привязание к неводу камня – по голове и шее железным аршином, и много в прочее время делал мне наказаний, которых уже не припомню»; Филипп Федулов, - что «хотя и не решился бы сам убить помещика своего до смерти, но очень рад бы был какнибудь от него отделаться; у меня на теле от его побой нет здорового места; бил от нас всегда бесчеловечно и от таковых побой много раз был вытаскиваем односельскими мужиками из конюшни замертво»; Сергей Эншоров – кучер, что «он непременно искал случая убить до смерти помещика своего, хотя во время последнего нападения лично не

находился, а для того оставался дома, чтобы не навлечь подозрения, когда помещик пропадет без вести, по сей причине, что потерял терпение, видя каждодневные жестокие поступки помещика; бил он чем ни попало даже в самые большие праздники; бил он его, например, ружейным прикладом за то, что оборвался какой-то поперечник, бил нещадно за то, что проезжая с ним верхом на лошадах, лошадь его шла не в ногу с лошадейю господина»; Дмитрий Тихонов, что «ударил господина дубинкою по лбу с намерением хоть не убить, а оглушить ударом, впрочем, за последствия не ручался и хотя до сих пор с ним помещик был не так жесток, как с прочими, но решился на такой поступок по требованию товарищей и думая, что и с ним помещик так же будет скоро обращаться, как и с другими»; Иван Балашов, что «он с товарищами своим ходил за село Казаково, чтобы убить наповал помещика своего за жестокость и что и все бы их дворовые приняли в этом участие, да у них были дети»; при этом рассказывает, что весь нынешний великий пост господин держал его в темном чулане, выдавая в день фунт хлеба и фунт воды, а земскому суду объявил, что он убежал; бил его раз бесчеловечно пинками, колом и плетями и он вынужден был ходить на господина с жалобой к предводителю и исправнику и те общались уговорить его обращаться с ним человечнее, а он после того тайно мучил его, «поэтому уже и решился на последнее средство, не имея себе никакой отрады, - принял участие в заговоре на жизнь помещика своего. Рубцы и пятна на голове моей и у других доказывают жесткость наказаний и наше отчаяние». По свидетельствовании голов обвиняемых штаб-лекарем и судьями, оказалось: у Григория Андреянова на темени продолговатый рубец более вершка, у Филиппа Федулова несколько неправильных рубцов на левой стороне головы, оставшихся после ран, у Сергея Эншорова рубец над левою бровью, у Ивана Балашова в разных местах головы рубцы и на затылке большой. В вершок, и у Дмитрия Тихонова рубец на затылке. Предводитель и исправник подтвердили, что

дворовые Бетлинга жаловались им на господина и они уговаривали его от жестокости унять себя. Некоторые крестьяне Бетлинга также заявили о жестоком с ними обращении господина; так, Яков Арсентьев показал: за то, что лошадь господская тряхнув головою оборвала раз узду, и он ее починил, не сказав господину, последний таскал его за волосы, бил кулаками и пинками в бока и живот до того, что он «и теперь еще от этих побой ходить на-низ кровью», впрочем он «готов работать и служить только бы наказания были по крайней мере справедливы». Тит Фомин 66 лет, плотник, показал, что во время господских работ, его, как лучшего мастера, господин всех больше сек розгами: «не проходило недели, чтобы я не был прибит или высечен, хотя бы и другие плотники, товарищи мои по работе, в чем ошиблись». Он жаловался сначала предводителю и исправнику, а потом военному губернатору. Мартын Козмин, плотник-же 47 лет, показал, что г. Бетлинг, хотя и не наказывал его так часто, как Фомина, но за неплотность пола на мельнице «ударил раз кулаком по шее, свалил с ног, из рук своих колом перешиб мне руку»; этот крестьянин и несколько других также ходили с жалобой к губернатору, после чего, Бетлинг их не бил уже. Решительным определением уголовной палаты виновные были приговорены к ссылке в каторжные работы без наказания кнутом и поставления знаков, на основании всемилостейшаго манифеста 16 апреля 1841 года, за исключением Григорья Андреевича, который, за малолетством, представлен к суждению совестному суду.

1841 года.

№ 300-3700. «О нанесении с. Дубенского женкою Натальею Ивановою мужу своему по голове топором ударов, с намерением умертвить его».

22 ноября в селе был праздник и жена крестьянина гг. Михайловских-Данилевских Алексея Иванова, придя с улицы в дом под вечер, пригласила своего мужа в скотную избу, усади-

ла там его на лавку, приласкала и вдруг начала наносить топором по голове удары, сначала обухом, а потом лезвием и полагая, что совсем его убила, вытащила во мшаник, где ставились лошади, в надежде, что найдя там его, люди скажут: «его задавили лошади»; но на допросе чистосердечно повинулась, объясняя свой поступок тем, что она вышла замуж за Алексея Иванова против своей воли, по принуждению и приказанию управляющего гг. Михайловских-Данилневских – Турчанинова, который на несогласие ее отца на брак объявил, что если он не отдаст свою дочь за этого жениха, то он выдаст ее в дальнюю вотчину, а когда она и этого не испугалась и отказалась выйти замуж за Алексея Иванова, то сам отец стал ее принуждать их боязни раздражить управляющего, и она за три недели до покушения на жизнь своего мужа вышла за него замуж, но «имела к нему отвратительность», потому, что он очень мал, дурен собой и кособокий, а имевший с ней несколько раз соитие, едва ли лишил ее девства. Алексею Иванову 18 лет. Раны, нанесенные ему женою топором, признаны опасными для жизни. По свидетельству, он оказался имеющим наружный вид 12-летнего мальчика, телосложения весьма слабого, волосы на голове редкие, грудь плоская, лопатки выдались на подобие крыльев у самой поясницы возвышение, вследствие выдавшихся от английской болезни двух позвонков, росту 1 аршина 15 вершков, детородный член весьма мал, как у 12-летнего ребенка. Определением уголовной палаты Наталья Иванова приговорена с избавлением, по силе всемилостейшего манифеста 16 апреля 1841 года, от телесного наказания, к ссылке в каторжные работы.

ДЕЛО
О ЗАСТРЕЛИВШЕМСЯ В 1828 ГОДУ
УЧЕНИКЕ АКАДЕМИКА А.В. СТУПИНА,
ДВОРОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ Г.ГЛАДКОВА,
ГРИГОРИИ МЯСНИКОВЕ

В.И. Снежневского. (Приложение к заседанию 26 мая 1889 года, стр. 120)¹.

Александр Васильевич Ступин, арзамасский мещанин, первоначально самоучка-иконописец, известный потом художник; благодаря своей настойчивости и счастливой случайности, на 24 году своей жизни (1776-1861), будучи уже женатым, поступил он в академию художеств, где пробыл два года, получил звание художника первой степени; наделенный академией и профессорами богатым запасом художественных произведений, в 1802 году возвратился он в Арзамас; здесь преобразовал уже бывшую у него раньше школу живописи, расширил ее в размерах и дал ей правильное устройство. Академия художеств смотрела на Ступина «яко на первого заводителя дела» в северо-восточном крае России и его художественную школу приняла под свое покровительство.

В описываемое время (1828 год) в Ступинской школе было 28 человек учеников, живших при школе, в числе их 8 человек вольноотпущенных дворовых, трое мещан, но главный контингент учеников составляли крепостные дворовые люди, - их было 17 человек. Из числа последних был и Григорий Мясников, родом из Вольского уезда, Саратовской губернии, помещика П. Гладкова; ему было 22 года. И.С.Ремезов в своей

---

¹ См.: Снежневский В.И. Дело о застрелившемся в 1828 году ученике академика А.В. Ступина, дворовом человеке г. Гладкова, Григории Мясникове. В.И. Снежневского. (Приложение к заседанию 26 мая 1889 года, стр. 120) / Опись делам Арзамасского уездного суда // Действия НГУАК. Т.1. Н.Новгород, 1892 С. 154-156.

книге – «Материалы для истории народного просвещения в России», так описывает Мясникова: «Он отличался пылким воображением и чрезвычайно благородным характером. Чтением книг он настолько развил себя, что, при несомненном таланте ему предстояла, по окончании курса в академии, блестящая будущность». Также, очевидно, смотрел на своего ученика и Ступин; он заботился, как видно из настоящего дела, не только о развитии художественного таланта Мясникова, но влиял, насколько мог, и на его умственное развитие. Они вместе, как можно подумать, доставали книги для чтения от своего хорошего знакомого, московского мещанина Бебина. В день своей смерти Мясников написал портрет со Ступина. К ним зашел Бебин. До обеда все трое беседовали о живописи, а после обеда Мясников ушел к себе во флигель, где были спальни учеников, там через несколько времени нашли его застрелившимся и при нем записку на имя его товарищей учеников; вот ее содержание: «Простите, любезные друзья мои, не порицайте меня за мой поступок. Я показываю вам пример, как должно поступать против надменности честолюбивых. Милый друг, Василий Егорович¹, напиши на моей гробнице, что я умер за свободу. Простите!» Все были перепуганы этой неожиданной катастрофой, а начавшиеся допросы и дознания по этому делу еще более усилили общий страх. Показания учеников отличаются краткостью, а иногда и противоречиями, от которых оказался несвободным и сам учитель; все, очевидно, боялись сказать что-нибудь лишнее и на вопросы следователей отзывались в большинстве случаев незнанием. Василий Егорович, упоминаемый в посмертной записке Мясникова, отказался от дружбы с ним и обращение к нему Мясникова объяснил тем, что он более других учеников был искусен в живописи. От особенной близости к Мясникову отказались, впрочем, все товарищи его по школе, хотя в то же время все отзывались об нем как об умном и кротком человеке и хорошем товарище. О какой свободе

---

¹ Его товарищ по школе [Прим. В.И.Снежневского].

он пишет в своей записке к ним — они не знают «и об одной он с ними не говаривал. Никаких дурных у него склонностей, вольнодумных и богопротивных мнений, кои-бы близко приближали к отчаянному его поступку, не заметили; а о вольнодумстве из них никто и никогда не говорил». Говорил же с ним Мясников о свободе, которую обещал дать ему помещик его, но после отказал отпустить его на свободу и незадолго перед смертью Мясникова, проездом через Арзамас в Москву, сказал ему, что на обратном пути возьмет его с собою в свое поместье. Мясников после этого свидания со своим помещиком тосковал и все ученики, а также и Ступин, причину убийства видят в обманутых надеждах на получение свободы и на свободное развитие своего художественного таланта¹. Некоторые из товарищей Мясникова в своих заявлениях о причинах, побудивших его кончить самоубийством, высказывают свои предположения в такой форме: вероятно Мясников застрелился от оскорбления, нанесенного ему отказом помещика отпустить его не волю. И можно думать, что Мясников видел в этом отказе не корыстные отказы помещика, а только его самодурство. Понятно, каким тяжелым гнетом легло на душу художника сознание, что он вечно останется рабом человека, которого, быть может, считал ниже себя, вещь в руках этого человека, что самый талант, которым он жил, еще крепче затянул на нем путы рабства, что талант этот отныне обречен на удовлетворение одних барских прихотей.

Помещик Гладков, спрошенный по предписанию уголовной палаты, заявил, что он отпускной Мясникову дать не обещался. Свидетельскими показаниями личность Мясникова ос-

---

¹ И.С. Ремезов в упомянутом выше сочинении пишет, что С.-Петербургское Общество поощрения художеств, войдя в затруднительное положение Мясникова, обнаружившего несомненный талант, предложило за него г. Гладкову выкуп в 2000 рублей. Но помещика, как кажется, забавляло, что развитой человек находится в его воле, и потому он наотрез отказал отпустить своего талантливое крепостного не свободу [прим. В.И.Снежневского].

талась почти совсем невыясненною; а городничий и уездный стряпчий, производившие следствие, почти совсем не обратили внимания на частную жизнь его, что заметила и нижегородская палата уголовного суда и указом арзамасскому уездному суду, перечислив некоторые другие упущения, допущенные при следствии, приказала по этому делу сделать исследование.

Особенного внимания в этом деле заслуживает то отношение, какое имели к нему тогдашние губернские власти. Уездный суд, стряпчий и городничий арзамасские не нашли в самоубийстве Мясникова никаких особенностей, которые выделяли бы его из других подобного рода дел; очевидно, они смотрели на него, как и на всякое другое самоубийство в среде крепостных дворовых людей, бесправное положение которых нередко вызывало подобные случаи. Удостоверившись, что смерть Мясникова последовала от самоубийства, что кроме «угнетавшей его горести» других причин самоубийства не оказалось, дело это они почли оконченным и послали его на ревизию в уголовную палату. Но там взглянули на него иначе. Мысли, высказанные в письме самоубийцы, да еще крепостного дворового человека, об освобождении от рабства, самый факт самоубийства, в связи с причинами, породившими его, а также обращение Мясникова к своим товарищам, в котором он как бы путем самоубийства выйти из подневольного существования, все это слишком громко протестовало против существовавших форм жизни, шло совершенно в разрез со строем ее, не укладывалось в рамки сложившихся веками понятий об общественных отношениях и стремилось, хотя и пассивно, к подрыванию основ этих отношений, а потому палата и рекомендовала уездному суду произвести следствие «с особым тщанием», указав при этом, по поводу найденной по смерти Мясникова книги, на то отношение, какое последняя могла иметь к его самоубийству. Книга под названием «Опровержение на заблуждения Вольтера», - говорится в указе ее – дана Ступиным Мясникову «для прочтения от раскрытия истины от заблуждения,

из чего усматривается, что Ступин должен был заметить прежде в Мясникове заблуждение в исполнении им христианской религии и потому, для исправления его нравственности, преподал ему означенную книгу». В другом месте указа говорится: «Мещанин Бебин объяснил, что им дана была Ступину книга под названием «Вольтерово заблуждение», а не «Опровержение на вольтерово заблуждение», как от Ступина о сем заявлено; из сего следует, что Мясникову книга Ступиным первого, а не второго рода, которая могла иметь вредное на Мясникова влияние¹, что явно обнаруживает существенное содержание оставленной Мясниковым по себе записке. Сие обстоятельство обязывало полицию вникнуть в оное».

Еще подозрительней и строже отнесся к факту самоубийства исправляющий должность нижегородского губернатора вице-губернатор Переверзев; он, как представитель власти, оставляя в стороне всю личную жизнь Мясникова, со всеми ее чувствами, идеями и стремлениями, принимая его только как объект правительственных мероприятий и надзора, все значение этого факта сводил к одному положению – к неповиновению властям. Вот что пишет он в своем предписании на имя арзамасского городничего: «Я вижу из оставленного оным Мясниковым письма вредное неповиновение к властям, а потому предписываю обратить особое внимание на производство о сем следствия и открыть: не подается какого-либо повода обучающимся в школе академика Ступина живописи к дерзким и буйственным поступкам, имеется ли за поведением их строгий надзор и ежели есть какие послабления, то от кого оныя происходят и в чем именно состоят».

Новыми вопросами по этому делу ничего существенного в жизни Мясникова не было открыто. Свидетели подтвердили только свои показания о доброй нравственности Мясникова, а

---

¹ Едва ли не от различного понимания названия книги, в сущности, в обоих однозвучающего, высказывает палата эти соображения [прим. В.И. Снежневского].

ученики заявили, что «им внушается своим учителем страх Божий и повиновение властям». Сам Ступин, по поводу своей школы и порядков в ней, объяснил, что за обучающимися в школе учениками имеется надзор, сообразный академическим правилам; «при этом нахожу за нужное поставить в виду правительства», пишет он, «что из учеников школы моей вышли многие рисовальные казенные учителя и получили классные чины». Для большей убедительности своих объяснений Ступин представил в суде «правила нравственности и обращения, начертанные для обучающихся благородному живописному искусству» в его школе. Правила эти исключали всякую возможность самостоятельности в учениках даже вне школы, хотя большая часть их (более $\frac{2}{3}$) были люди взрослые, от 18 до 22 летнего возраста и двое 30 летнего. В одном из параграфов правил между прочим говорится: «никто без ведома учителя не входит в тайные долги и займы, да и собственностью своей не распоряжается».

По заключению уездного суда, сделанному на основании данных полицией сведений, правила в школе соблюдались «строго и неупустительно», всегда наблюдались порядок и упражнения учеников, сообразные их и хозяйской пользе и при таком строгом наблюдении за учениками, а в том числе и за Мясниковым, книга аббата Наната «О заблуждениях в сочинениях Вольтера» не могла иметь влияния на помрачение ума его и на развращение нравственности; а что Мясников «учинил над собою означенное злодеяние от угнетавшей его скорби в неразрешении от рабства обещанной якобы господином его Гладковым свободы, которою он, Мясников, по неосновательным своим соображениям хотел воспользоваться, то истинна сего заблуждения усматривается из оставленной им, Мясниковым, своеручной записки».

Любопытно, что рядом с таким простым взглядом на самоубийство Мясникова естественным определением причин, побудивших его на это и не найдя путем следствия по этому

делу тех фактов, которые бы подтвердили мнение вице-губернатора о неповиновении властям, - уездная администрация вступает на необычный для себя путь критики, так сказать, художественного произведения – писанного Мясниковым портрета – стремясь найти в нем, быть может, из угождению своему начальству, следы тех вредных идей, на которое оно рекомендовало обратить администрации свое внимание. Эта оригинальная экскурсия полицейских чиновников в область искусства так записана в журнале арзамасской полиции: «Из одного заметить было можно его, Мясникова, меланхолическую идею, сходственную оставленной им записке: на снятом им с самого себя грудном портрете изобразил он себя подгрюнившись на правую руку, в левой руке – книгу, вдали, на левой стороне, виден ручеек, на берегу коего урна, к коей подходит прохожий, что заставляет заключить, что он питал в мыслях своих преступные идеи».

Тело Мясникова, как самоубийцы, было зарыто в бесчестном месте.

ОПИСЬ ДЕЛАМ МАКАРЬЕВСКОГО УЕЗДНОГО СУДА 1750-1806 ГГ.¹

В.И. Снежневского. (К заседанию 27 мая 1890 года, стр. 337).

1789 года.

№ 667–991. «О причиненных князем Егором Александровым сыном Грузинским бывшему макарьевскому земскому исправнику Степану Александрову сыну Веселовскому, сельскому заседателю Родионову, канцеляристу Мазовскому и соцкому побоях и ругательных словах для рассмотрения и решения по законам»².

Кроме этих обвинений в деле говорится и «о многих других худых его (Грузинского) следствиях». Дело о нем по указу наместнического правления передано было для решения из макарьевского уездного суда в нижегородский. Грузинский обвинялся в следующем: по предписанию уездного суда Веселовский отправился в имение Грузинских для описи его за неплатеж разным кредиторам долгов; но «онный князь Егор с братом своим князем Александром его, исправника, к описи имения не допустили и оказали многие злодейские поступки: посланного от него сотского Сергеева с письменным приказом для собрания понятых сторонних людей захватя князь Егор Грузинский, у себя в приказной избе означенный приказ отнял, ругая при этом исправника матерными словами». Вскоре исправник снова послал сотского за вотчинным начальником Грузинского, но кто-то из понятых прибежал к исправнику с вестью, «что князь Егор Грузинский бьет команды его сотского и взятого им для письма канцеляриста Мазовского». Веселовский сам отправил-

---

¹ Описание делам Макарьевского уездного суда (1811–1863) В.И. Снежневского (К заседанию 22 октября 1890 года, стр. 388/ Описание делам Арзамасского уездного суда // Действия НГУАК. Т. 1. Н. Новгород, 1892. С. 361–383.

² См. Действия НГУАК. Т. 1. С. 373–375

ся к приказной избе Грузинского, который, бросив Мазовского «выбежав из приказа, бросился на исправника в великом азарте и схватя обеими руками за ворот, начал тащить усильным образом в свою приказную избу, крича: как он смел к нему в вотчину приехать и присылать от себя людей, пойдём, я с тобой разделаюсь! Что видя, исправник стал у него из рук проситься и не идти, отступая далее от приказа»; Грузинский позвал на помощь себе людей и с ними вместе потащил исправника в приказ ... «но он, не видя уже себя от них никакого спасения, упав на землю, держался за лежащие тут бревны, а князь Егор Грузинский, схватя его за волосы, а люди его за руки, старались его от бревна оттащить и тащили его по земле и по грязи: он же будучи в крайней опасности стал кричать на помощь»; оставался один из макарьевских купцов Кляпов из всей толпы понятых и ухватил исправника за руку, «и хотя оные люди были его, Кляпова, по рукам и исправника из рук у него отнимали, однако из рук он его не выпустил». Наконец Грузинский оставил исправника и велел привести из приказной избы Мазовского, который избитый, весь в крови, и был выведен. «Как же исправник из грязи встал, то он, Грузинский, схватя его за ворот, обеими руками тряс и ругал всякими скверными и непотребными словами, называя сверх того вором, мошенником и канальёю, и будучи в великом азарте и бесстрашии, похвалялся убить его до смерти... И снова приступая к нему, оной князь кричал: как он смел к нему приехать! Произнося при том угрожительные слова, что хотя де он 10 или 15 тысяч потеряет, но уже его достанет, а потом объявили оба, что к описи за вексельные долги имения своего не допустят и указов не слушают». Пешком, глухой дорогой («чтобы князь не выехал за ним в погоню»), исправник возвратился домой. Канцеляриста же Мазовского и сотского, взяв за руки, Грузинский повел к щепетильным рядам, ругал их отборною бранью, наконец, взяв обоих за волосы, «бил неоднократно голова об голову и пришедши снова в азарт, потащил опять к приказу, скликая соцких и кара-

ульных, на каковой его крик они сбежались и потащили Мазовского за волосы, а князь Егор сам бил его по лицу кулаками, пинками и травил своей собакой, которая, бросаясь на него, Мазовского, грызла его и сделала на обеих ладвях кровавые две раны». В приказной избе Грузинский снова бил Мазовского. По свидетельству он оказался весь избитым, ноги в «немалых» кровавых ранах от укушения собакою и много волос выдрано, у сотского на голове оказались немалые шишки, а в бороде не оказалось волос «множественного числа». По справке с делами за Грузинским оказались еще следующие деяния, не получившие возмездия: на земле Грузинского, в с. Лыскове, жил своим двором экономический крестьянин Серебренников. Князь с своими крестьянами явился раз в дом Серебренникова требовать поземельные деньги (по его наказанию); увидав подходящего с большой свитой князя, крестьянин убежал на сеновал и там спрятался; в избе осталась его жена. Войдя в дом, князь «из своих рук бил ее палкою и сбив с ног, топтал ногами смертно и требовал мужа ее; она убежала. Ночью с сеновала (дом окружил Грузинский стражей) вышел и Серебренников и спрятался под церковными амбарами, «откуда в самое полуночное время, переплыв Волгу», явился в суд. В 1781 г. возникло другое дело, по жалобе поверенного князя Голицына по откупам – Яловицына. В жалобе Яловицын пишет, что Грузинский, по поводу случившегося в Лыскове убийства, брал к себе в приказ сидельцев из кабаков и допрашивал их, были ли подозреваемы им в убийстве крестьяне в кабаках, при чем одного из сидельцев Ивана «бил по щекам и по голове, а напоследок приказал его раздеть, руки и ноги связать и бить сырыми палками. За такое мучительство определено наказание, о котором он, Грузинский, может совсем не ведает – говорит Яловицын – и надлежало б, до кого сие следует, сделать ему запрещение; но сего не только не сделано, а даже явочного прошения от обиженных не принято. А князь Грузинский, видя, что никто его не возбраняет, сделал еще следующее»: говорится о том, как Грузин-

ский, взяв из одного кабака поверенного и сидельца, избив палкой последнего, заставил его бить своего начальника – поверенного; что тот и принужден был сделать. Далее приводится другой случай избиения по кабакам сидельцев. Наконец Яловицын пишет: «Ходил князь Грузинский с 6 или 7 человеками, свиту его составляющими, всякой день по питейным домам для осмотра, нет ли крестьян его и тем разогнать народ, который бежит от боязни, через что немалое количество питей остается в непродаже и делается неотменно великий подрыв, особливо же, что от сего, князя Грузинского, побои все сидельцы принуждены питейные дома оставить». В 1788 г. сельский заседатель макарьевского уездного суда Радионов явился в приказную избу Грузинского для решения спора между двумя крестьянами, из которых один был крепостной князя и обвинялся в обмеривании при продаже ржи другого. Князь Грузинский прогнал жаловавшегося крестьянина, избив его раньше, а заседателя «схватив за волосы, таскал же и бил по вискам кулаками и велел бывшим тут рассыльщикам прогнать по шее, а как он пошел вон, то догнав его оной князь Егор на крыльце, вторично, схватив за волосы, головой бил об имеющийся на оном крыльце столб немилостивно и взяв за волосы, а рассыльные за руки, втащили его опять в приказную избу, где также бил по щекам кулаками и таскал за волосы, а после онаго велел сковать в железы». В том же году дворянский заседатель, поручик князь Кугушев был у Грузинского по делу о незаконном содержании последним у себя под стражею разбойника и требовал на основании указа объяснений от него; но князь Грузинский «на это начал ему выговаривать: для чего де он по таковому о ворах делу требует с него объяснения, он де его не даст; потом, войдя в великий азарт, кричал на него: как он мог к нему за таковым делом приехать, при чем де его и всех судей города Макарьева ругал бесчестными словами, почему видя он его в великом азарте, более требовать объяснения был опасен». Вскоре после этого из уездного суда в вотчину Грузинского был послан сол-

дат с приказом о взносе недоимки, состоявшей на имении. Солдат передал приказ бурмистру князя, а тот, «встав с места начал его ругать, угрожая посадить на цепь и схватя за руки сказал: пойдем к князю; вчера де судей ваших били, а ты не велик человек». Солдат вырвался из рук бурмистра и побежал к Волге, скрываясь от погони.

В виду всего этого и видя, что князь Грузинский «чем далее в Лыскове жительствоует, тем более происходят от него худыя следствия и что он и вотчинные его смотрители вышли из всякого послушания и повиновения закону, находясь в бесстрашии, и затем отныне впредь в село Лысково для законных исполнений не токмо присутствующих, но и подчиненных посылать никак неможно и остановились некоторые дела без всякого действия», - уездный суд донес о том на рассмотрение в наместническое правление и губернатору. Как решены эти дела нижегородским уездным судом — неизвестно, и только видно, что дело с Веселовским князь кончил миром.

ОПИСЬ ДЕЛАМ МАКАРЬЕВСКОГО УЕЗДНОГО СУДА 1811-1863 ГГ.¹

В.И. Снежневского. (К заседанию 22 октября 1890 года,
стр.388).

1811 года.

№ 710–1660. «По указу нижегородского уездного правления в причинении действительным камергером князь Георгием Александровичем Грузинским г. Бурцевой дворовому человеку Хватову жестоких побой»².

Хватов с 3-мя крестьянами был послан своею госпожею из курмышской вотчины, села Бурцева, для розыскания беглых крестьян ея. Зная по слухам, что беглецы скрываются в с. Лыскове, они явились туда и нашли пять человек из них у одной крестьянки, вдовы; трое беглых скрылись, а двоих они взяли и представили князю Георгию Александровичу Грузинскому; князь приказал арестовать беглецов, а Хватова с товарищами призвать к себе. У них он спрашивал, имеют ли они паспорта, а когда Хватов сказал, что паспорта не имеет, а есть у него только доверенность от госпожи, «то оную, взяв, князь сказал ему, чтоб он впредь к нему не ездил ловить беглых без паспорта и потом начал бить его по зубам кулаками и по лицу, от чего и выбил ему четыре зуба, а наконец велел подать бывшим тут двоим соцким палочья и оным его наказал, от чего и имеются на нем, как на лице, так и на спине боевые знаки». Был также наказан палками один из бывших с Хватовым крестьянин Аверьянов; после наказания Грузинский посадил Хватова в железы, а Аверьянова на стенную цепь, в которых и продержал их целые сутки; а потом представил в макарьевский уездный суд,

---

¹ Описание делам Макарьевского уездного суда(1811-1863) В.И. Снежневского (К заседанию 22 октября 1890 года, стр.388/ Описание делам Арзамасского уездного суда //Действия НГУАК. Т.1. Н.Новгород, 1892 С.416-430.

² См.: Действия НГУК. Т.1. С. 416

из которого, как беспаспортных, их препроводили на родину. Что случилось с отысканными беглыми – неизвестно, кроме того, что они не были высланы помещице. Чем кончилось это дело, тоже неизвестно.

1843 года.

№ 740–3142. «По паспорту села Лыскова вотчинного князя Грузинского правления, о говоренных похвальных словах села Лыскова, князя Грузинского крестьянином Савелием Матвеевым Муромцевым лишить жизни господина своего и поверенного его Овсянникова»¹.

О «похвальных словах» донесла вотчинному правлению Грузинского крепостная его Пелагея Киселева. Грузинский приказал удостовериться в справедливости извета Киселевой и с этою целью вотчинное правление князя отправило в дом Киселевой бурмистра Алексея Овсянникова с тремя крестьянами, которые скрылись за перегородкой, а Киселева пригласила к себе в гости несколько человек знакомых и Муромцева. Гости были предупреждены хозяйкою о цели собрания и один из них навел разговор на поездку Муромцева, по поручению станового пристава, у которого тот служил рассыльным, в Нижний; в разговоре по этому поводу Муромцев между прочим сказал, по показанию свидетелей, «что очень жалеет, что на возвратном пути не имел никакого орудия, ибо дорогою встретился ему поверенный Овсянников и если бы было при нем оружие, сколол бы его, и что он, Муромцев, с сего времени всегда будет иметь при себе ножик или кинжал и с ними на пасхе пойдет христосоваться к помещику и, в случае какого за дурные поступки его и неплатеж податей взыскания, ударить первоначально князя головою в брюхо, а если не удастся сшибить с ног, то, под видом просить прощения, упадет к нему в ноги и схватя за оныя, уронит и лишит жизни». Муромцев на допросе заявил, что ничего подобного не говорил, свидетели же едино-

---

¹ См.: Действия НГУАК. Т.1. С.426

гласно подтвердили вышеописанный разговор его. Крестьяне князя в «повальном обыске» показали, что Муромцев «с самого малолетнего возраста своего поведения был и есть самого развратнейшего, так что и в обществе терпим быть не может. Уездный суд и палата уголовного суда приговорили Муромцева к наказанию 30 ударами плети и ссылке в Сибирь на поселение, если Грузинский не пожелает иметь его в своей вотчине.

ОПИСЬ ДЕЛАМ НИЖЕГОРОДСКОГО УЕЗДНОГО СУДА 1846-1868 ГГ.¹

В.И. Снежневского.

(К заседанию 22 октября 1891 года, стр. 513)

1852.

№ 958–90. «О взятом крестьянине села Кулебак, ардатовского уезда, Андрее Максимове в С.-Петербурге при подаче всеподданнейшего прошения, с товарищами Михаилом Нотаревым и Петром Алексеевым на притеснения своего помещика Федорова»².

Прежде чем обратиться с жалобою на своего помещика, крестьяне села Кулебаки обращались не раз к своему помещику с просьбою облегчить их от обработки его земли «котороюотягчены были до крайности», да кроме того платили ему еще и оброк; но Федоров не внял их просьбе и категорически объявил, что не убавит их повинностей; «я имею – сказал он – полную власть делать с вами то, что толь мне угодно, в чем никто не может меня судить и указывать в моих поступках с вами: ни ардатовское градское и земское начальство, ни военный губернатор, даже и сам император не может мне указать в подобных делах». Видя такие решительные слова и нестерпимое порабощение, крестьяне выбрали из среды себя шесть человек и отправили их с просьбою на своего помещика к губернатору, «но не быв допущены к вам – пишут они в другом прошении к губернатору, года через два после первой просьбы – перехвачены и заключены в ардатовский тюремный замок». После этих неудачных попыток добиться некоторых льгот крестьяне Федорова уже и решили послать трех ходоков к царю, снабдив их

---

¹ Описание делам Нижегородского уездного суда(1846-1868) В.И. Снежневского (К заседанию 22 октября 1891 года, стр.513/ Описание делам Арзамасского уездного суда //Действия НГУАК. Т.1. Н.Новгород, 1892. С.545

² См.: Действия НГУАК. Т.1. С.550-551

одобрительными свидетельствами и общественным приговором. Ходоки благополучно добрались до столицы и подали прошение самому государю. В прошении своем они объяснили, что Федоров владеет ими только по недоразумению и что они имеют полное право на свободу. «Предки наши – говорится в прошении – были вечно свободны и при блаженной для нас памяти государя, царя всероссийского в Бозе почившаго Иоанна Грозного, нам пожалованы все угодья в пользу нашу за участие во взятии в то время царства Казанского, которыми мы и пользовались до блаженной памяти в Бозе почившаго государя императора Павла I, а сим государем пожалованы в награду бывшего в то время московского коменданта Эссена и с сего времени находимся в рабстве». Не имея возможности доказать свое право на свободу документально и зная вероятно, что вряд ли это предание примется за доказательство, они не настаивали особенно на нем и в дальнейшем изложении прошения приводятся только факты их обременения помещиком работами и оброком. Они жаловались, что помещик отнял у них земли до 150 десятин и оставил только на 3 четверти, да покосов на два воза. «Возможно ли (при этом) жить крестьянину, обремененному еще оброком и барщиною» - говорится в прошении. Раньше крестьяне Федорова получали хотя доход от содержания постоянных дворов, а тут «помещик и те отобрал в свою пользу», отобрал также почтовую гоньбу, с которой они получали прибыли до 1000 рублей.

Двое из ходоков дня через три после подачи прошения ушли на родину, а один остался дожидаться объявления монаршей воли на свою просьбу, но был скоро выслан по этапу, а по содержанию прошения от нижегородского губернатора затребованы были сведения. Неизвестно, в чем заключались сведения, доставленные губернатором, но только крестьянам Федорова было объявлено, что просьба их оставлена без последствий, и чтобы они впредь не отваживались подавать такие просьбы государю, в чем и потребована была от них подписка;

«но за всеми сделанными им многократными внушениями – говорится в донесении ардатовского исправника Маслова – они от дачи означенной подписки отказались, словесно же объявили у помещика своего в повиновении». Преступлено было «к полицейскому исправлению», которому исправник подверг семерых, более других говоривших на сходке; но «в это время все кулебакские крестьяне разбежались, и убеждения к подпису заготовленной подписи остались тщетны». Впоследствии крестьян заставили все-таки дать подписку, а какими средствами видно из двух их прошений; в одном между прочим говорится, что «становой пристав и управляющий имением одумали ношным бытом ходить по домам крестьян, и становой бил из своих рук, а староста дверь держал; и в миру убито 20 человек, и мы отцу духовному в тех побоях призывляли». В другом прошении губернатору, князю Урусову, крестьяне писали, что «стеснение нас усугублялось все более и более и заключено в тюремный замок до 23 человек односельских наших крестьян.... Земское начальство представя нас вашему сиятельству как бунтовщиков, непокорных воле владельца, не изъяснило вполне наших происшествий. Под предлогом смирения нас был командирован к нам отряд казаков в 40 человек, которыми мы до того были стеснены и разорены их требованиями на продовольствие их с лошадьми, что не осталось у нас для своих семейств и куска хлеба... Ваше сиятельство, будьте покровителем и защитником поработенных, разоренных и всюду стесненных рабов! Не бунтовщики мы против воли владельца, не свободы мы уже ищем пред лицом вашего сиятельства, но только просим одно хотя малое облегчение... И если вы оставите нас без защиты вашей, то единодушно согласны будем в последний раз предстать пред лицом царя земли русской». Прощение это не имело никаких последствий и кулебакинцы, один за другим, дали, наконец, подписку следующего содержания: «...всепопданнейшая просьба ходоков об отыскании нам вольности и о притеснениях со стороны владельца оставлена

без всякого уважения с тем, чтобы впредь с подобными просьбами не обращаться и никуда не подавать — я слышал и обязуюсь ныне, придя в чувство и раскаяние, быть у г. Федорова в полном повиновении, и послушании, все его законные требования и работы исполнять» и т.д.

Раздел II

Крепостное право в трудах исследователей

История крепостного хозяйства в Нижегородской губернии, как говорилось выше, является основной темой в трудах В.И. Снежневского. В этой связи нельзя не упомянуть его «К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях»¹. Как отметил сам автор, «материалом для настоящего очерка послужили дела старых уездных судов нижегородского округа, а потом губерний, находящиеся в историческом архиве нижегородской ученой архивной комиссии».

Побеги крепостных крестьян были характерным признаком, присущим крепостному хозяйству на протяжении всего времени его существования. В.И. Снежневский обращается к истории данного явления и рассматривает его причины. «Причины, заставляющие крепостных крестьян бежать от помещиков, ... были следующие: обременительные оброки, непосильная барщина, всякие притеснения и побои от помещиков, их бурмистров и управляющих, «за оскудением к пропитанию», рекрутские наборы, иногда религиозные верования, наконец и ещё целая категория причин, которая на языке беглых выражается одним словом: «по глупости»: это — или какая-нибудь сложная психологическая причина, или такая, которую пой-

---

¹ См.: Снежневский В. И. К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях //Нижегородский сборник. Т.Х. Н.Новгород, 1891. С. 517-595.

манный беглый по каким-либо соображениям, не желает высказывать».¹

Положение крестьян, состоявших на барщине, было гораздо хуже положения оброчных и, как пишет В.И. Снежневский, «бегали от помещиков своих они поэтому чаще, чем последние». Автор отмечает, что никаких послаблений в отношении к крепостным крестьянам ни по полу, ни по возрасту помещики не делали. От барщины часто не освобождались даже престарелые люди; так один 75-летний старик, крепостной арзамасского помещика Языкова, судился в 1806 г. за побег из вотчины, хотя он, собственно, не бежал, а ушел только без спроса своих вотчинных начальников в тульскую губернию, где жил его барин, просить «по дряхлости лет» уволить его от господских работ; барин-то и представил его в суд «для суждения и поступления по законам».

Вопрос о том, куда бежали помещичьи крестьяне, где скрывались и как их разыскивали, детально рассматривается в работе В.И. Снежневского. Позднее беглые, хотя и не так прочно и спокойно, оседали в Нижегородском Заволжье, но всё же находили себе там приют. Автор отмечает, что заволжские леса хотя и представляли более надежный приют для беглых, но всё же туда шла сравнительно ничтожная часть их, большинство предпочитает места людные и идет в промышленные города и селения.

Нередко помещичьи крестьяне, уходя по паспортам на заработки, не возвращаются уже к своим господам, а так как такой способ побега самый легкий, то помещики и неохотно отпускали своих крепостных в отхожие промыслы. Некоторым крестьянам удавалось уходить от своих помещиков по поддельным паспортам. Чаще всего они скрывались в других гу-

---

¹ См.: Снежневский В. И. К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях // Нижегородский сборник. Т.Х. Н.Новгород, 1891. С. 519.

берниях. Помещики разыскивали их при помощи правительственных агентов или нанятых сыщиков.

В.И. Снежневский приводит дело о побеге в 1831 году крестьянина Шипова, принадлежавшего помещику Салтыкову. Крестьянин долгое время скрывался не только на территории Российской империи, но и за ее пределами, в Турции. Как сообщается в деле, он был пойман сыщиком и переслан в 1838 году в Арзамас. Дело затянулось надолго, но затем было передано в Сенат и в 1845 году по нему вынесено решение. Во время своего шестилетнего тюремного заключения Шипов не переставал бороться и осаждал суд прошениями на Салтыкова. Но каждое прошение сопровождалось взятками и приказной волокитой. В конечном итоге, Шипов был отдан в рекруты по приговору Сената.

Дел, подобных побегу крестьянина Шипова, было немного. Чаще всего, бежавшие крестьяне быстро попадались в руки властей, а затем силой возвращались своим помещикам. Немало крестьян сами, по своей воле возвращались после побега. Как пишет В.И. Снежневский: «От помещика Трескина из арзамасского уезда бегут несколько человек дворовых, побуждаемые только желанием вольности («захотя быть вольными»). Дошли до села Лыскова; несколько дней перебивались там поденною работою; но такая воля им скоро наскучила: только один старался, а прочие, «будучи угрызены совестью», воротились (1816г.)». Эпизодов подобного поведения крестьян в работе В.И. Снежневского можно найти немало.

Многие помещики боялись грамотности своих дворовых людей. Ее они считали одной из причин «вольнодумства» и тяги к побегам. Нельзя не упомянуть дела о побеге в 1787 году крепостного живописца князя Николая Сергеевича Долгорукова. Он описывает свою жизнь у князя и побег в стихах (см. ниже в приведенном труде В.И. Снежневского). Грамотность дворовых людей считали и причиной их самоубийства. В этой связи приводится дело о самоубийстве дворового человека Анд-

реянова, принадлежащего основателю школы живописи в г. Арзамасе А.В. Ступину.

От своих помещиков бежали не только крестьяне мужского пола, но и женщины. Чаще всего, это были их жены, бежавшие вслед за своими мужьями. Но некоторые жены крепостных бежали и искали воли не от помещиков, а от своих мужей и «богоданных» семей. Они, как пишет В.И. Снежневский, «и не особенно протестовали против нового закрепощения, если по обстоятельствам приходилось им сталкиваться в бегах с этим состоянием и не раз бывали случаи, что они выходили замуж по свободному влечению за крепостных других помещиков, а последние против такого приращения своих крепостных не отклонялись».

Жалобы крепостных на помещиков считались, по-прежнему, противозаконными и преследовались правительством. Но это не могло остановить крестьян, находившихся иногда в безвыходном положении, и они доходят, несмотря на разные препятствия, с челобитьями на господ до государя. Для примера укажем на крестьян арзамасских помещиков Баженовых, дело о которых есть в «Описи делам Арзамасского уездного суда». Причина побегов во всех случаях одна и та же, в какой бы форме она не проявлялась, – крепостной гнет.

Огромную ценность для исследователей представляет и работа В.И. Снежневского «Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля и первые годы после нее». В ней рассказывается о событиях предшествующих отмене крепостного права в России. Главным образом, в труде освещаются факты крестьянских выступлений и других случаев неповиновения помещикам на протяжении нескольких лет до и после проведения Крестьянской реформы в России и в Нижегородской губернии. В работе на основе архивных материалов, собранных В.И. Снежневским, читателю предоставлена возможность познакомиться с событиями этого периода.

Определённый интерес для читателей представляет также работа А.Ф. Можаровского в которой на основе местных архивных материалов рассматривается одно из позорных явлений крепостного строя - брачный обыск, который свидетельствует об абсолютном произволе помещиков в вопросе брака крестьян.

В тексте нижеприведенных работ сохраняются стиль, орфография автора и примечания, сделанные В.И. Снежневским.

В.И. СНЕЖНЕВСКИЙ

К ИСТОРИИ ПОБЕГОВ КРЕПОСТНЫХ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII И В XIX СТОЛЕТИЯХ¹

«Разбрестись розно» - эта исконная привычка русского крестьянства проходит яркою чертою через всю его историю, как неизбежное следствие тех условий, при которых текла жизнь русского народа. Начало её теряется ещё во времена седой древности. Постоянная опасность нападений со стороны варваров, окружавших со всех сторон наших предков, заставляла их селиться в неприступных местах и часто менять свои поселения. Авар и козар сменяют печенеги и половцы, родовые убоицы сменяются княжескими, за печенегами являются татары, - все эти враги и неурядица разоряли народ и вместе с благоприятными географическими условиями страны и привычкой довольствоваться малым сделали то, что «разбрестись розно» от всякого насилия и какой бы то ни было тяжести для народа стало нипочем. Из вековых тяжких испытаний народ вышел победителем. Свергнуто было и татарское иго. Но народная масса представляла из себя бессвязные общественные элементы и лишена была правильного общественного устройства. Для соединения рассеянных, разобщенных сил нужна была власть и она явилась в лице собирателей земли русской - московских великих государей, так или иначе исполнивших свою задачу. По мере развития государственной жизни изменялись мало-помалу и прежние общественные отношения: князья из кочующих родичей сделались оседлыми вотчинниками; с усилением единодержавия служилые люди, потомки прежних кня-

---

¹ Материалом для настоящего очерка послужили дела старых уездных судов нижегородского округа, а потом губерний, находящиеся в историческом архиве нижегородской ученой архивной комиссии [прим. В.И. Снежневского].

жеских дружинников, также постепенно утратили право перехода от одного князя к другому; вслед за ними потеряли право перехода и крестьяне, получило своё начало так называемое крепостное право помещиков на крестьян, поселенных на их землях. Постепенно усиливаясь в интересах помещиков, оно дошло в царствовании императрицы Екатерины II так-сказать до кульминационной точки своего развития. Веками шла тяжелая работа устройства земли русской; народ нес на себе главную долю участия в этой работе; но когда приходилось не в мочь - он «брел розно», бежал от воеводского грабительства, от непосильных разорительных налогов, от приказной волокиты, бежал от помещичьих поборов, от барщины, то за границу, то на север, в юго-восточные степи, на вольные земли, куда ещё не успела проникнуть властная рука правительства.

1

К тому времени, с которого мы начинаем свой очерк, да и далеко после, власть помещиков над своими крепостными крестьянами была почти совсем не ограничена, отношения между ними не урегулированы никакими законами. Таким образом помещицкому произволу был широкий простор и только один закон – указ Петра Великого об отдачи имений тех помещиков, которые разоряли своих крестьян, в опеку их родственникам – служил к ограничению этого произвола; но и его действие на практике сводилось к нулю, по крайней мере, на сколько известно, было весьма мало случаев применения его, хотя в то же время правительство осаждалось массой крестьянских челобитий на притеснения и разорение их помещиками. Подавались челобитья и на имя государыни, хотя это запрещено было под страхом наказания плетьюми и не смотря на эти наказания; но большинство таких челобитий или почиталось «недельными» и вызывало наказания на их подателей, или, в лучшем случае, возвращалось с надписью повиноваться господину. Наконец указом сената 22 августа 1767 года окончательно было запре-

щено крестьянам подавать жалобы на своих помещиков. «Всякая их жалоба, хотя бы поданная и не императрице, заранее считалась незаконною»¹.

Избавиться от тяжелых поборов помещичьих, от непосильной барщины, от всяких притеснений осталось опять одно средство – побег.

Сельский сход

Причины, заставляющие крепостных крестьян бежать от помещиков, как видно из дел об этих побегах, были следую-

---

¹ В.Семевский, «Крестьяне в царств. Екатерины II», стр.315 [прим. В.И. Снежневского].

щие: обременительные оброки, непосильная барщина, всякие притеснения и побои от помещиков, их бурмистров и управляющих, «за оскудением к пропитанию», рекрутские наборы, иногда религиозные верования, наконец и ещё целая категория причин, которая на языке беглых выражается одним словом: «по глупости»; это – или какие-нибудь сложные психологические причины, или такие, которую пойманный беглый по каким-либо соображениям, не желает высказывать. Например, один крепостной крестьянин 32 лет, определивший причину своего побега словом «по глупости», бежал от своей помещицы Березовской из арзамасского уезда в г. Балахну и там прямо объявил о себе властям, называясь бродягою, непомнящим родства, но был узнан кем-то и на вопрос: что за причина заставила его называться «непомнящим», - он и сказал «по глупости и для того, чтобы в жительство своё больше не возвращаться». Чтобы понять, на сколько могли быть серьезны те причины, которые заставили его бросить свою жену и детей, надо помнить, что тогда непомнящие родства гулящие люди подвергались «нещадному» наказанию кнутом, а затем отдавались в солдаты или, за негодностью, ссылались в Сибирь, на поселение. Своим крестьянским обществом он был одобрен.

Какими неумеренными оброками некоторые помещики пользовались со своих крестьян, видно, например, из дела, производившегося в 1842 году по жалобе крестьян с. Красного, арзамасского уезда на своего помещика А.Ф.Зубова.

На суде они показали, что «сбор оброков и прочих податей был, можно сказать, бесконечный, т.е. если есть деньги – подай, а если нет – ложись под розги». Положение их, по следствию, оказалось действительно печальным и для поддержания обедневших крестьян губернская администрация распорядилась выдавать из вотчинной господской конторы за обработку каждой десятины помещичьей запашки по 3 р. 50 коп. и распродать медную посуду с сахарного завода помещика, а вырученные деньги употребить в пользу наиболее бедных из его

крестьян. В том же году имение, по наследству, перешло к брату Зубова П.Ф. Зубову и в 1846 году крестьяне вновь жалуются на обременительный оброк (по 75 р. в год) и на произвольные штрафы, от 150 до 1500 рублей, смотря по состоянию штрафуемых. Но на этот раз крестьяне заявили на суде, что прошение подано не от всего их общества, а одним крестьянином (Карякиным) и при этом поясняют: один, - что не подписался под его прошением потому, «что за сообщество и по прежней жалобе на господина» принужден был занять и отдать господину Зубову 500 рублей; другой, - что господин требовал с него за то же, «как с богатого мужика, 1000 рублей и держал целый год в черной избе и выпущен (я) был тогда уже, как внес 153 рубля»; третий, - что за неплатеж такого же штрафа господин отобрал от него хлеба и переселил в другую вотчину, но через 7 месяцев был им впрочем возвращен на прежнее место; четвертый, - что заплатил господину штрафа за жалобу на него 1000 рублей, и т.д. На требование судом объяснения по поводу взыскания таких штрафов с крестьян, Зубов, в отзыве своем, между прочим, пишет: «Если деньги с крестьян собираемы были, то конечно по моему приказу, но за что именно – я не считаю нужным это объяснить ... Не существует закона, чтобы требовать от помещика отчета в денежных расчетах со своими крестьянами ... и я вполне уверен, что впредь не буду иметь подобных вопросов, которые явно противоречат государственным учреждениям, обеспечивающим права всякого гражданина». (Дело № 425, 1847 года).

На сколько иногда велик был оброк, платимый крепостными, можно видеть также из дела о побеге от помещика Салтыкова его крестьянина, человека, впрочем, сравнительно богатого, занимавшегося торговлей, который рассказывает, что бежал он, предвидя окончательное разорение, так как платил господину своему obroka 3000 рублей в год. Об этом интересном деле мы ещё будем иметь случай говорить впереди. От арзамасского помещика Кутлубицкого бегут в одно время (в 1834г.)

четверо его крестьян, в возрасте один 58 л., а другие от 24 до 34 лет, также от непосильного оброка, оставя своих жен, детей и хозяйство.

Но положение крестьян, состоявших на барщине, было гораздо хуже положения оброчных и бегали от помещиков своих они поэтому чаще, чем последние. До чего обременяли некоторые помещики своих крестьян барщиной и как невыносима была их жизнь – видно, например, из дела о побеге крестьян деревни Колотухи, нижегородского уезда, принадлежавшей помещику Кушелеву. В 1837 году, летом, от него одна за другою бежали две партии крестьян, в хвалынский и вольский уезды, в 24 человека, не считая жен и детей их. Одни из них жили в городе и работали на поденщине, а другие по деревням. Оставшимся крестьянам конечно ещё тяжелее пришлось после побега такой значительной партии односельцев и вот они задумали навсегда избавиться от своего мучителя: в темную осеннюю ночь подложили они под дом, где жил Кушелев, пороху и зажгли его; часть дома и именно ту, где была спальня помещика, взорвало, но сам он, благодаря только счастливой случайности, остался жив, не на радость конечно своим крепостным. И теперь ещё, говорят, у многих крестьян осталось в памяти, как колотухинцы выходили по ночам за сбором милостыни в соседние деревни и как все отличали их по жалкому наружному виду.

От барщины часто не освобождались даже престарелые люди; так один 75-летний старик, крепостной арзамасского помещика Языкова, судился в 1806г. за побег из вотчины, хотя он, собственно, не бежал, а ушел только без спроса своих вотчинных начальников в тульскую губернию, где жил его барин, просить «по дряхлости лет» уволить его от господских работ; барин-то и представил его в суд «для суждения и поступления по законам». Побег стариков от господских работ встречались, впрочем, не редко: один, например, крепостной васильского помещика Разживина, старик 70 лет, убежал от помещика

в 1785 году и лет через 8, «по не способности уже в бегах», приписался к экономическим крестьянам в с. Лысково. Но после как-то стало известным, что он не имел права воспользоваться манифестом, на основании которого был приписан, и его возвратили к прежнему владельцу. Другой старик, крестьянин арзамасского помещика Баженова, рассказывает, что жил он со своею матерью, древней старухой, в келье; хозяйства своего у них никакого не было и его принуждали «завсегда» работать на помещика своего, не выдавая ничего на пропитании «и за старостью – говорит он – сделавшись я продолжать оную не в силах и не имея у себя уже пищи, оставя свою мать, в прошлом 1808 году от помещика своего бежал». Баженов выразил желание взять его из суда без наказания (Дело № 356).

Нередко старики, «отбывая» от тяжких господских работ, бегут из больших семей; так из васильской вотчины Шереметева убежал (1830г.) старик, у которого было два женатых сына и взрослые внуки, и несколько лет прожил в лесу, сошедшись там случайно с зятем, бежавшим из солдат.

Барщинные крестьяне чаще подвергались и всякого рода притеснениям и побоям от своих владельцев, и ещё чаще от их бурмистров, не забывавших и своих интересов; часто бегут от их побоев крестьяне хозяйственные, бросая на произвол случая и на жертву помещика свои семьи. Двое пойманных беглых крестьян (30 и 38 лет) рассказывают, что бежали они «от немилостивого бою» и притеснений и пошли, «куда глаза глядят», бросив и хозяйство, и семьи.

Побеги от рекрутских наборов были также обычным явлением; бегут из боязни попасть в солдаты и сорокалетние крестьяне и шестнадцатилетние их дети. Какой переполох могла сделать одна только брошенная в народ фраза – «рекрутский набор» - видно из следующего случая, бывшего в Арзамасе в 1778 году. Купцы и мещане города собрались в магистрат на сход в базарный день и решили сдать в солдаты, в зачет будущего набора, несколько человек порочных членов своего обще-

ства. Вслед за решением началась ловля по базару и по домам обреченных солдатству. Помещик Салтыков, жалуясь губернатору на «непорядочные поступки» магистрата, допустившего сход в такое время, когда в город съезжалось много крестьян, и ловлю рекрутов, пишет в донесении: «И сделался в городе великий крик, что ловят в рекруты и весь базар кончился скорым разъездом с него людей. И приметно было, что многие из уездных жителей, скавав из города, поспешали в свои жительства с криком, что рекрутский набор и в городе ловят; от которого происшествия и у меня несколько человек скрылось».

Но едва ли не чаще рассчитывавшие быть отданными в солдаты уродовали себя, отрубая пальцы на руках и ногах, подрезая на ногах сухожилия; по крайней мере нам встречалась масса дел о «членовредительстве, избывая рекрутской отдачи», кончавшемся иногда смертью от истечения крови.

Убегая от помещика, крестьянин почти всегда имел определенный план побега; места, где укрывались беглые, были ему известны от тех же беглых; так или иначе он сносно устраивал свою жизнь в бегах и редкий добровольно являлся назад, к своему помещику; принудить к этому могла разве только тоска по брошенной семье или старость и желание умереть на родине. Большинство беглых идет на Волгу, до Астрахани, на Урал, на Дон, в Крым. Там они или батрачат по степным хуторам, или промышляют на рыболовных ватагах; другие идут в бурлаки, а некоторым удается обзавестись и своим хозяйством. Один крестьянин васьковского уезда, крепостной помещика Короваева, должен был, по его приказанию, переселиться (1778г.) в другую дальнюю вотчину, в бежецкий уезд; «но в отбывательство оного — рассказывает крестьянин — из того села Воскресенского, оставя дом свой и пажить, написав себе отпускное письмо в питейном доме, через целовальника, взяв со двора господина лошадь и ружье, с намерением тем, чтоб в случае иногда нападения оным обороняться — бежал. И не доезжая до д. Неверова, на лесу, повстречались мне того села Воскресенского крестьяне

... у коих усмотря везущую к тому господину моему в бежецкую вотчину жену свою Татьяну Мосееву с детьми (сын и две дочери) и остановя их, тою жену свою с детьми отбил. Но точию она к тому побегу со мною не согласилась и воротилась с дочерьми в помянутое село Воскресенское, почему я и взял сына своего без всякого сопротивления и посадя оного в телегу, увез царицынского уезду в село Безродное, на государев шелковый завод... Уведомясь (года через два) об умертвии первоначальной жены своей, женился (я) на другой жене, которую взял тамошнего завода вдову и житьельство имел с нею с полтретия года, работая на том заводе, заведомо что беглый, из одного пропитания, а из оного, по намерению дабы себе сыскать наилучший для житья способ, и с женою своею и сыном поехал в казачье в донское местечко, в Медведевскую станицу, в хуторы Березовские, где и жил у казака, прозванием Каменного, заведомо он что беглый, производя на оного разную работу, а потом построя во дворе его себе избу, в которой и жил». В одну из частых отлучек из дому он был пойман (Дело № 518, 1781г.).

Крестьянин Новиков, крепостной арзамасского помещика Бахметева, бежавший в 1786 году со всей семьей своей, «чтобы приискать, где ни есть к житию место», на допросе показал: по побеге поселились они «вольского округа, помещика Баронина в с. Рыбном, по допущению и согласию того села крестьян, в выстроенном мною доме, и у крестьян того села я пас по найму каждогодно скотское стадо... Назад тому лет шесть за сына своего, по пришествию его в совершенный возраст, взял в замужество жившую в том же селе, оставшую после умершего беглого, того же господина нашего Бахметева крестьянина, дочь, девку Анну, которых венчал того села священник Иван Петров; и жили мы в том выстроенном доме... Но напоследок (через 17 лет) крестьяне, не захотели нас более держать в своём селении, взяв всех, представили в земский суд» (Дело № 328, 1803г.).

Принимая беглых, крестьяне не везде относились к ним дружелюбно и при этом преследовали часто только свои личные и общественные интересы. Так крестьяне вятского наместничества, вновь образовавшегося починка Потушки, приняли в своё общество в 1797 году крестьянина помещика Головина, бежавшего из его балахонской вотчины, с ткацкой фабрики, и приписали каким-то образом его к своему обществу, а перед первым рекрутским набором, «мирским согласием заковав в железы», через 5 недель сдали в рекруты (Дело № 540, 1798г.). Хотя в то же время нередко бывали примеры и противоположного свойства, когда крестьяне оказывали беглым покровительство и защиту даже от властей, особенно когда нуждались в их дешевых рабочих руках, как это видно из одного случая, относящегося к тому же времени (1796г.). Беглый крепостной из костромской губернии пришел в Балахну и нанялся там в работу на соляные варницы к генералу Ивану Михайловичу Ребиндеру, а летом ушел к его крестьянам в деревню и там нанялся у одного из них на сенокос; но крестьянину кажется не хотелось заплатить беглому за работу и чтобы отделаться от него, он донес о его местопребывании властям. За беглым из Балахны пришли солдаты, когда тот вместе с крестьянами был на работе, взяли, заковали его в цепи и повели; но крестьяне большой толпой, вооружась косами, напали на солдат, избili их, приговаривая, «чтобы они брать от них крестьян никаких не отваживались», сбili с беглого цепи и отпустили его.

Многие беглые рассказывали, что в низовых губерниях по Волге и на Урале начальство «имеет за ними смотрение не очень усердное и что там прожить весьма можно без всякой опасности» даже и без паспортов. И часто по этим случаям помещичьи крестьяне бегут туда целыми семьями, забирая, что можно, из своего имущества. Так бежали, например, (1802г.) три семьи из арзамасского уезда от притеснений помещика Полозова; в одной из них было пятеро детей, в возрасте от 1 до 14 лет, а старуху-мать они оставили на родине. Крестьянин из по-

следней семьи, возвращенной впоследствии к помещику, на допросе показал, что до побега от господина своего ему как-то повстречались однажды трое уральских казаков на дороге из г. Владимира в Арзамас, «которые во время пути – передавал беглый – между разговорами преподавали мне советы, чтобы от господина своего бежать со всем своим семейством в г. Уральск, ибо де там на хуторах весьма можно прожить до окончания века моего без всякой от кого-либо опасности». По этим-же слухам нашли себе убежище в саратовской губернии и крестьяне Кушелева. Один крестьянин, добровольно явившийся из бегов через 19 лет (в 1806г.), рассказывает, что первые 10 лет жил он по хуторам саратовской губернии, а остальные 9 также по хуторам, близ Уральского и везде без паспорта, «заведомо беглого». Другой говорит, что назад тому лет 12 (в 1795г.) он бежал от помещика с женою и дочерью в саратовскую губернию и поселился на хутор у польского выходца; дочь была у выходца вместо жены и имела от него детей, он же работал то у него на хуторе, то уходил в другие места «и посредством принятых оным выходцем мер имел везде свободный ход». Крепостной арзамасского помещика Кашкарова, бежавший от него в 1796 г. в саратовскую же губернию, рассказывал, что по приходе в Саратов встретил там какого-то крестьянина, который обещал ему найти место и привел к помещику Тарарину; помещик его принял и наказал называться его крестьянином. «Когда я пообжился у него – говорит беглый – то уже был с данными билетам отпускаем для работ крестьянских вокруг города Саратова и Камышина и в Дубовское селение (посад). По истечению же семи лет присвоитель мой согласился отпустить меня на волю» и написал уже отпускное письмо, но, не успев его выдать, умер; оставшаяся после Тарарина жена отпускной беглому не выдавала, тогда он украл письмо и бежал с ним, но был пойман и хотя Тарарина предъявила на него свои права, но уже и сам беглый не захотел называться её крепостным и объявил о настоящем своём владельце, да и Та-

раина ничем не могла доказать своих прав на него (Дело № 331, 1809г.).

Особенно же манила к себе беглецов привольною свободно жизнью Астрахань; туда направлялась по Волге главная масса их и нанималась или на многочисленные рыболовные ватаги, или в бурлаки на суда, ходившие по Волге с товарами. Здесь также свободно добывались всякие виды на жительство. Нанялся, например, беглый в бурлаки на судно и если есть у него деньги, то он идёт и через известных ему агентов, обитающих всегда по кабакам, рубля за два, за три, выправляет паспорт, засвидетельствованный в полиции. Да и самый взгляд на паспорта был тогда свободнее. В Саратове, на заставе, задержано, например, было пятеро беглых без всякого письменного вида; они заявили, что отпускную своего помещика дорогою потеряли и для обратного проезда им выдали из полиции вид, с которым они и приехали в Астрахань, где паспорт уже не требовался. На бесчисленных заставах и сторожевых постах, через которые приходилось проходить и беглым, солдаты, в большинстве случаев люди безграмотные или малограмотные, довольствовались часто тем, что подозрительный прохожий или проезжий показывал им вместо паспорта какую-нибудь бумагу с печатью. Спрос на фальшивые паспорта был велик и фабрикация их велась широко и почти открыто во многих городах и промышленных селениях. В Нижегородской губернии село Лысково и Мурашкино считались центрами торговли фальшивыми паспортами, куда шёл всякий желающий и покупал себе не за дорогую плату вид на свободное проживание. Были такие мастера этого дела, что сфабрикованные ими паспорта не отличали от настоящих даже и набившие руку на «тончайших» исследованиях всякого рода подвохов казуисты-приказные. Один беглый, дворовый князя Долгорукова, с таким паспортом отважился даже проситься (1787г.) в истопники во дворец императрицы Екатерины II и хотя ему и отказали, но не «по сомнительству в паспорте» (Дело №306, 1787г.). Такие пас-

порты конечно были редки, чаще же всего писались они настолько плохо, что если попадались в руки грамотного, то подлог скоро обнаруживался. Один беглый взят был с таким, например, паспортом:

«Крестьянин Григорий Михайлов отпущен от меня арда-товской округи из деревни Ямищах того ради и прошу оному Григорию давать в селениях свободный пропуск без задержания и дано ему на пять месяцев до февраля месяца а вступит в работу разную в чем сей которое свидетельствую по № 187».

Паспорт этот оказался «сумнительным» потому, что на нём не было печати.

Не мало беглых скрывалось по Нижегородскому Заволжью, в лесах семеновских и макарьевских, у старообрядцев, охотно их принимавших, и по тамошним многочисленным ски-там.

Наплыв беглых в нынешний семеновский уезд был особенно значителен во второй половине XVII и в начале XVIII столетий. В семеновском уездном суде в течение одного 1831 года возникают одно вслед за другим одиннадцать весьма любопытных дел о крестьянах, «ищущих от помещиков вольности». Подали губернскому прокурору прошения крестьяне следующих помещиков: Кухарского, Леонтьева, Степанова, Око-рокова, Овцыной, Кулебякиных, Пасмуровых, Перепелкина, Михайловых, Коробовых и Зварыкиных. Содержание дел в общем совершенно одинаково; из них оказывается, что предки крестьян, ищущих вольности, были «неведомые беглые», поселившиеся на местах, где теперь живут потомки их, - по деревням казенных и удельных крестьян, за долго до первой ревизии. Земли тогда было много и старожилы не стесняли новых пришельцев в пользовании ею. В первую ревизию 1719 года все эти беглые крестьяне были записаны в бобыли казенного, дворцового и удельного ведомств; но уже во вторую ревизию некоторые из них оказались записанными за помещиками, в третью же и все они числились помещичьими. Как это про-

изошло – ни крестьяне, ни их помещики объяснить не могли; ни у кого из упомянутых помещиков не оказалось ни на земли, ни на крестьян никаких крепостных актов, когда в 1798 году возникли споры у их крестьян с старожилами – крестьянами казенного и удельного ведомств – из-за земли, которой уже оказалось недостаточно для приросшего в течение более 100 лет населения. Из этих помещиков один только Кухарский мог дать хотя какие-нибудь объяснения своего права на крестьян; он заявил суду, что предки теперешних его крестьян убежали от его прапрадеда около 1655 года и поселились в семеновском (балахонском тогда) уезде, а в первую и вторую ревизии записались в дворцовое ведомство по своему желанию, «дабы им через то иметь земли и прочие угодья, принадлежавшие дворцовым крестьянам, и чтобы оные их не выгнали вон». (Кухарский, в доказательство прав своих на крестьян, ищущих от него вольности, указал на дело о побеге одного из предков этих крепостных; в деле изложено интересное показание беглеца, которое мы приводим ниже).

Губернская администрация была встревожена таким обилием возникших одновременно дел о крестьянах, ищущих вольности и опасалась беспорядков. Назначено было следствие, на котором крестьяне заявили, что главной причиной заставившей их искать вольности от помещиков, было крайнее малоземелье (у некоторых помещиков не более полутора десятин пахотной земли на душу), а также обременительные платежи, взыскиваемые теперь некоторыми помещиками, тогда как раньше они не были стесняемы владельцами, «платя оброк по мере состояния своего»¹. В то же время крестьянам известно

---

¹ Не в этом ли и следует искать причину, по которой крестьяне, не протестовали в начале против захвата их помещиками, особенно приняв во внимание, что для казенных крестьян чиновники были тоже, что для помещичьих их господа, а последние своих крестьян всегда могли защитить от приказной волокиты [прим. В.И. Снежневского].

было, что их помещики ни каких прав на них, кроме фактического владения, не имеют.

Сенат отказал крестьянам в их просьбах на основании указа 21 сентября 1815 года, а в нём сказано, что тем крестьянам, которые не были записаны по 1-й и 2-й ревизии за владельцами, в следующих же ревизиях оказались в помещичьем владении, отказать в иске вольности, если искать её они начали после издания этого указа (См. дела №№ 580-587, 590 и 597).

Дело о побеге от Кухарского его крестьянина происходило в 1735 году. В суд к допросу представлен был внук этого крестьянина Березин. Вот его показания: «Ему 50 лет, а чей подлинно крепостной крестьянин, про то он не знает, только слышал от деда своего родного Григория Андреева и отца своего родного же Алексея Григорьева, что оный дед его был подлинно крепостной крестьянин владимирского уезда, вотчины И.М. сына Кухарского, ерополческой волости, деревни Большого Острога. И в прошлых же годах, тому ныне лет с 90, оный дед его из той деревни от одного помещика Кухарского бежал, а бежав жил в суздальском уезде, дворцовой елахонской волости, в деревне Козлах 30 лет и в той деревне женился.... И живучи в той деревне, оный дед прижил отца его и женил на крестьянской дочери Акулине.

И прижив его, Анисима, из той деревни Козлов отец его и с матерью, и с ним, Анисимом, покиня в той деревне отца своего и мать ... бежал, а бежав жил в балахонском уезде, в дворцовой толоконецкой волости, в деревне Юровской, по приему той волости подьячего Лариона Овчинникова, своим двором лет с 20, и за скудостью своею из той деревни, покиня двор свой, отец его и мать с ним, Анисимом, бежали, а бежав жили в том же балахонском уезде, в дворцовой керженской волости, в деревне Медведеве, по приему той волости старосты Василия Колосова, своим двором и поныне, тому лет с 40». Далее говорится, что, кроме его, у отца в этой деревне родилось 5 братьев, из которых двух отдали в солдаты, а остальные жени-

лись и народили 17 человек детей. «И живучи по оным деревням как дед, и отец его, и он, Анисим, с братьями и племянниками до переписи мужеского полу душ всякие подати и дворцовые доходы, купно тех деревень с крестьян, платили в равенстве, а во время нынешней поголовной переписи в подушном окладе написаны отец их, и с ним, Анисимом, и братьями его, и с племянниками в той же деревне Медведевой, и подушные деньги в той деревне с крестьян платят они в равенстве же от кавалерии в новотроицкий полк. И в той деревне и по ныне жительство они имеют на тяглых крестьянских жеребьях четырьмя своими дворами. И оный же дед их и бабка, живучи в вышеобъявленной деревне Козлах, померли, тому лет с 30; а отец же, их покиня, живучи в чернораменских лесах, в устинской волости, в келье, умер, тому другой год»...(Дело №608, 1735 года).

Позднее беглые хотя и не так прочно и спокойно оседали в Нижегородском Заволжье, но всё же находили себе там приют. В лесах, за р. Ветлугой и по её притоку Усте, такие беглые образовали даже небольшие поселки. В известных краснораменских лесах, преимущественно против с. Работок, и невдалеке от него, в потаенных местах, куда вели глухие лесные тропинки, были понастроены беглыми кельи, где они и проживали, иные по несколько лет. Во многих делах, преимущественно конца прошлого столетия, часто указывается на одни и те же урочища, где жили беглые, напр.: Матвеево озеро, речка Савинка, Липовая и Сосновая гривы. Мужчины занимаются в этих кельях плетением лаптей, а женщины прядут лен, и то, и другое сбывается ими на базаре в с. Работках. В кельях обыкновенно живут по несколько человек, иногда до 6, часто и мужчины, и женщины вместе. В случае смерти кого-нибудь из них, они сами хоронят мертвецов в лесу (Дела №№ 42, 442, 703, 765, 773, 814 и 1900, 1784-1819 гг.).

В этих же лесах по кельям часто скрывались разбойники из беглых. Как легко переходил беглый от мирных занятий к

разбою, видно из следующего рассказа одного из них. Он бежал из деревни Торчилова, макарьевского уезда, от помещика Мусина-Пушкина в 1780г. «и шел через разные селенья, по дошедшему ему слуху, в краснораменские леса, в которые пришед, нашел незнаемо кем, построенную келью, в которой прожил с год... Пришед к нему женка Анна, выпросившись жила у него по сие время (по 1786г.), а минувшего мая пошел он из той кельи для разгулки по тому краснораменскому лесу, и нашед он тое ж деревни Торчилова крестьянина Фокина, который ловил рыбу, и выпросил у него оной рыбы; тогда Фокин сказал: полно шататься, пойдем в деревню Сукино к бурмистру и разобьем его, на что он тогда и согласился». По соседним кельям в лесу они собрали ещё 5 человек и пошли на грабеж. Далее идет спокойное повествование о том, как они поджаривали зажженной лучиной тех из ограбленных ими, которые отказывались отдать им добровольно свои деньги. Ремесла своего они уже не кидали, пока не переловили их на макарьевской ярмарке, где они «находились в безмерном пьянстве», пропивая по кабакам награбленное (Дело № 11, 1786г.).

Любопытно, что разбойники, не смотря на свою жизнь, полную деяний, противных и божеским и человеческим законам, примиряют как-то её со своими религиозными верованиями. Вот что, напр., говорит один из них на суде: После одного грабежа «пошли они (12 человек) вверх р. Волги, по берегу, и пришли в состоящую от г. Макарьева пустыню Медолазную, где им находящийся там старец и молебен отслужил, коему дали они рубль да на свечи 20 копеек; и отслуживши молебен, послали одного за вином в г. Макарьев» (Дело № 116, 1787г.).

Заволжские леса хотя и представляли более надежный приют для беглых, но всё же туда шла сравнительно ничтожная часть их, большинство предпочитает места людные и идет в промышленные города и селения. Их охотно принимают в тогдашнем промышленном центре Нижегородского Поволжья, в Балахонском Усолье, на частные и казенные соляные варницы,

на ткацкие фабрики, которые были в моде некоторое время у богатых помещиков и существовали во многих вотчинах. Одна пойманная беглая дворовая девица арзамасского помещика Алексеева на допросе, напр., говорила: «По побеге от господина (1817г.), не заходя никуда, прямо явилась я макарьевской округи в село Лысково, на учрежденную в оном князем Георгием Александровичем Грузинским суконную фабрику, к управляющему оною дворовому человеку Ивану Афанасьеву, коему о своем поступке рассказала, и он принял меня на оную фабрику, с платою за каждый месяц по 1р. 50 коп., кроме содержания, однако с тем, что если господа меня каким-нибудь случаем отыщут, то тогда им меня возвратить; где я и жила с прочими, находящимися на оной фабрике как крепостными князя Грузинского, так и прочими такового же сорту разных господ, беглыми людьми».

Гостеприимство, какое оказывали князья Грузинские беглым помещичьим людям, было известно далеко за пределами нижегородской губернии и в лысковскую их вотчину стекалось много беглецов. Известно это было и властям. Несколько раз возникали в макарьевском уездном суде дела о пристанодержательстве беглых Грузинским, но почему-то беглых у него не находили, а если и находили, то человек 5-6. Например, в 1832 году, сыщик Кочуров сделал извет на Грузинского в пристанодержательстве беглых и представил в суд список последним, живущим в Лысково, назвав более 60 имен. В извете он писал, что указанные им беглые могут сами назвать таких же беглецов, скрывающихся в Лысково, до 400 человек. Начавшееся по этому извету дело тянулось с большими проволочками, и на этот раз также было мало поймано беглых (Дело №340). Объяснение такой неуспешности розысков мы видим из других дел, из показаний беглых, которые говорили, что им приказано было на время розысков, о которых вотчинное начальство узнавало заблаговременно, удалиться из Лыскова недели на две (Дела за №№ 2140, 2229 и 2891).

Грамотные беглые иногда занимались даже обучением крестьянских ребят по деревням; так один беглый рассказывает, что несколько лет (в 20-х годах нынешнего столетия) жил он в семеновском уезде и там по деревням каждую зиму до фоминной недели учил грамоте крестьянских детей, которые попеременно собирались в каждой избе всей деревни, а по летам шил и починял сапоги в тех же местах. И вообще по деревням бродило много беглых помещичьих крестьян. Большая часть так называемых пристанодержателей эксплуатировала их, как только было возможно. Были люди из тех же крестьян, которые всё свое благосостояние строили руками этих бесправных работников. Один из таких, добровольно явившийся к своему помещику после нескольких лет, проведенных в бегах, рассказывает на допросе в суде, что жил он в работниках в деревне Менщикове арзамасского уезда, у крестьянина Большакова. Большаков был богатый крестьянин, имел много земли и пчельник, а в деревне пять изб и некоторые из них были приспособлены для проживания беглых – с тайниками, куда прятались, в случае опасности, его работники, исключительно беглые, и с подземными выходами. Таких работников у Большакова было несколько человек постоянных, а других, также беглых, он держал временно, только на летние полевые работы. Несколько человек из постоянных работали в его мастерских, другие жили на пчельнике, а прочие исполняли разные домашние работы. В деревне, да, наверное, и по соседству с ней, не могли не знать об этой своеобразной колонии и на Большакова делали местные уездные власти несколько раз облавы, а из беглых почему-то всякий раз никого не находили и только впоследствии, в 1819 году, удалось одновременно переловить почти всех, успели скрыться двое. Никакой платы от своего хозяина они не получали и жили у него только из хлеба, да изредка давал он им водки.

Труд беглых был выгоден для тех, кто им пользовался, потому что в силу нелегального их положения оплачивался

дешевле, а то и вовсе не оплачивался: ведь требовать плату с хозяина беглый на законном основании не мог. Везде, где требовалось много рабочих рук, как например, на заводах и фабриках, их охотно принимали в работу, но не церемонились с ними и зачастую притесняли и подвергали наказаниям наравне с заводскими крепостными; защищать они себя не могли и только резвые ноги уносили их от всяческих нападений. Любопытно, что беглый крестьянин, попадая на какой-нибудь завод или фабрику, считал уже себя как-бы прикрепленным к ней и находил настолько же естественным и законным все те взыскания и наказания, каким подвергало его заводское начальство, насколько почитал естественным и законным применение их к крепостным заводским рабочим и если тяжелыми казались ему условия заводской жизни, то он не уходил с завода, а бежал, бежал также, как и от своего помещика – «тайным образом». Для примера приведем один случай, относящийся уже к 20-м годам нынешнего столетия. Бежали от помещицы Мансуровой, из ардатовского уезда, крестьянин 62 лет, его жена и дочь; шли, побираясь Христовым именем, дочь свою по дороге они оставили у какого-то крестьянина в няньках и наконец сами остановились на винокуренном заводе у саратовского губернатора, где нашли беглых крестьян своей же помещицы; там жизнь сначала им понравилась и старик пошел на родину звать своего сына, который побоялся сначала идти с ним и остался дома; сын согласился и пошел с отцом; по дороге отец взял дочь и все трое пришли на завод. Но обстоятельства скоро переменились: «от заводского утеснительства жить стало немочно», говорил после старик и он с сыном «тайно с завода бежал», оставив там жену и дочь, живших у кого-то из заводских в прислугах. С год побирались они Христовым именем. Сын заболел и скоро умер; похоронив его в Вольске, старик решился пойти с повинной к своей помещице и воротился один: жена и дочь не захотели идти с завода.

Не делая никаких обобщений и выводов, укажем ещё на один случай, показывающий насколько человек, под влиянием тогдашнего общественного строя, отвык смотреть на себя, как на самостоятельную личность и не мог вообразить себя, хотя на время, в силу исключительных обстоятельств, не крепким тому лицу или месту, где пришлось ему жить, хотя-бы только временно. Случай этот тем более заслуживает внимания, что касается не крепостного, как вообще понимается это состояние, а горожанина. Балахонское мещанское общество уволило в 1755 году одного своего члена, по случаю его болезни, во Флорищеву пустынь «для получения от скорби исцеления»; там он прожил года три и неизвестно выздоровел ли, только в одно время, оставя в монастыре свой паспорт, «самовольно, без всякого позволения, из оного бежал», как рассказывал он, будучи лет через 10 после этого побега пойман, очевидно считая себя как-бы собственностью монастыря и не рассчитывая, что его добровольно оттуда пустят.

Нередко помещичьи крестьяне, уходя, по паспортам, на заработки, не возвращаются уже к своим господам, а так как такой способ побега самый легкий, то помещики и неохотно отпускали своих крепостных в отхожие промыслы, выдавая паспорта только более или менее надежным из них; некоторые же помещики применяли в своих имениях особую систему поручительства и отпускали по паспортам крестьян своих не иначе, как если уходивший мог найти по себе надежного поручителя из одновотчинных же крестьян. Такой порядок заведен был, между прочим, в поместьях князя Голицына; но и такая система выдачи паспортов не всегда гарантировала помещику обязательное возвращение из отлучки крепостного. Один, например, крестьянин того же Голицына, по поручительству другого его крепостного, был отпущен в 1807 году в Москву; здесь он взял подряд свезти, вместе с другими извозчиками, в действующую армию казенную аммуницию. Под одним местечком, при отступлении русских войск, его воз с казенными вещами и

паспортом попался в руки неприятеля. В Белостоке, по приказанию командовавшего отрядом, ему выдано было свидетельство на свободное проживание, с которым он и пристроился к армии маркитантом. Дело оказалось выгодным и крепостной совсем забыл о своем помещике, но тот его не забыл и по истечении срока его паспорта заставил поручителя отыскать и водворить его на место; поручитель принужден был отправиться на поиски и через несколько месяцев, по каким-то темным слухам, ему удалось найти, поймать беглеца и представить его помещику.

Между беглыми помещичьими крестьянами встречалось немало людей с громадной силой воли и с замечательной энергией. Куда только не забирались эти землепроходцы в своих поисках лучшей доли. Не было угла в обширном нашем отечестве, куда бы не проникал беглый, не было соседней страны, куда бы он ни заглядывал; то промышленником, то рабочим, то монахом, то удалым добрым молодцем бродил он по всем направлениям государства и за его пределами, тяготея, впрочем, больше к востоку. Припомним, что изумительной, отчаянной храбрости этих людей, поражающей их выносливости и терпению обязана Россия присоединением к своей территории обширной Сибири и первоначальным заселением ее пустынь. Этим натурам, рассеянным в народе, было тесно под крепостным гнетом, не мирились они с крепостным ярмом, но и не боролись с ним, потому что бежать было легче: какова ни была, - всё же воля под боком и воспользоваться ею было легко, а идти против всего строя жизни, бороться с гидрой трудно и опасно, - и они бежали. Бежит, например, в 1849г. от помещика Бестужева-Рюмина, из семеновского уезда, кузнец; дома он оставил жену и работал то в Казани, то в Астрахани, то в Уральске; года через четыре, раз ночью, пришел он в свою деревню, взял жену и с нею снова отправился на волю. Переходя из города в город, дошли они таким образом до башкирских кочевьев и там целый год работали по улусам для башкир таганы; от них от-

правились на Казань; но жене не под силу показалась такая бродячая жизнь и она стала проситься у мужа на родину, тот отпустил её, а сам ушел в Сибирь. Другой крестьянин, также ремесленник, судостроительный мастер, жил по паспортам в Астрахани и Уральске, но помещик отказал в следующий раз выдать ему паспорт, тогда он купил себе для прохода фальшивый и ушел в Персию. Один бежит в Сибирь, на железные заводы Демидова, живет там два года, но житье оказывается плохое, работа тяжелая, а плата ничтожная и он бежит «глухими» дорогами в Польшу, куда и приходит через шесть месяцев. Более энергичные из беглых помещичьих крестьян направляются за границу и преимущественно в Турцию. Упомянутый уже выше крестьянин Салтыкова, Шипов, бежавший от помещика в 1831 году, так рассказывает о своем побеге и о причинах, побудивших его на это. «Родитель мой с малолетства начал торговать и со временем приобрел значительный капитал и кредит, выстроил в деревне большой каменный дом; но вместе с возрастанием капитала увеличивался и оброк помещику, так что в последнее время он платил ему более 4000 рублей. Богатство и связи родителя побудили помещика возложить на него обязанности управляющего и вотчинного поверенного. В этой должности он пробыл к совершенному своему отягощению семь лет, не получая никакого вознаграждения и даже оброк с него господин не уменьшил. Отец помер. Не прошло и 17 дней со дня его смерти, как вотчинные начальники посадили меня под строгий караул, приказчиков и рабочих от меня отослали и из кладовых и амбаров расхитили разного имущества тысяч на десять. На мою просьбу о защите и возвращении растащенного имущества помещик приказал освободить меня и дал снисхождение в том только, что вместо 4 т. рублей положено взыскивать с меня ежегодно оброка 3000 рублей. Но искатели мой гибели разгласили о моём положении и тем лишили меня кредита, без которого, а также и без имения я не предвидел никаких средств к выполнению положения г. Салтыкова, а потому

видя предстоящую очевидную мне гибель, сделал я расчет с кредиторами, прекратил промысел и оставя семилетнюю дочь свою, вместе с женою отправился сначала в Москву». В Москве Шипов жену оставил, а сам поехал в Харьков, где жил его родственник Ланин, бежавший от Салтыкова же и по манифесту в 1828г. приписавшийся в Харькове в мещанство. Ланин какими-то путями из онуфриевского уездного казначейства достал ему паспорт на имя кишиневского жителя Григория Кислова с женою; с этим паспортом отправился он за женою и вместе с нею приехал в Кишинев; с ними же бежал из Харькова и Ланин и хорошо зная все тамошние порядки, выправил от кишиневского губернатора одиннадцатимесячный заграничный паспорт, с которым все трое и отправились в Молдавию, в г. Яссы, торговали здесь месяца 4, затем переехали в Галац. Отсюда Ланин, взяв у Шипова значительную часть его капитала, тысяч 6, с своими 4 тысячами рублей отправился за товаром в Константинополь, но захворал там и помер. Шипов с женою возвратился в Яссы; здесь он выправил паспорт, чтобы ехать за имуществом Ланина в Константинополь, но по каким-то обстоятельствам раздумал и вместо того, переправясь через Дунай, направился в турецкие владения, к некрасовцам; там он жил некоторое время, занимаясь у них рыболовством, а потом снова воротился в Яссы и через каких-то доброжелателей выправив от австрийского консульства паспорт на имя австрийского подданного, отправился через Австрию в Одессу. С этого времени начинается упорное преследование Шипова сыщиком Салтыкова. Надобно заметить, что от этого помещика каждый год бежало по несколько крестьян и все народ промысловый, приносивший хороший доход своему господину; бежали они преимущественно в Турцию и Молдавию, постоянно переписываясь с оставшимися на родине родственниками. Помещики перехватили несколько таких писем, в которых беглецы рисуют соблазнительную картину свободной жизни без помещика, без бурмистров и без рекрутчины и советуют перебираться к

ним. Такие письма имели своё действие и побеги не прекращались. Наконец Салтыков, не надеясь на правительственных агентов, сам нанял сыщика, и снабдив его полномочиями, отправил за границу ловить своих беглых крепостных. Неизвестно, имел ли успех его поверенный за границей, но Шипова, благодаря его торговой деятельности сыщику удалось проследить и в Одессе Шипов едва не попался к нему в руки, но как-то умел ускользнуть от него и переезжая из города в город, то в Каменец-Подольск, то в Киев, то в Харьков, то в Херсон и т.д., в то же время ухитрялся вести торговлю, конечно не без «доброжелателей» и посторонней помощи; наконец совсем скрылся на некоторое время из виду сыщика, пробрался в кавказскую область и поселился в Ставрополе, занимался там также торговлей и комиссионерством. Благодаря своему нелегальному положению, тревожимый при том же сыщиком, он много терпел от недобросовестности людей, с которыми приходилось ему вести дела, два раза он терял таким образом почти весь свой капитал, но как-то снова поднимался и опять достигал прежнего благосостояния. Сколько нужно было сил и энергии, чтобы находясь в положении травимого волка, не опустить рук!.. И действительно, его не оставила энергия даже в тюрьме, которой он всё-таки не избежал. Пожив несколько лет в Ставрополе, он начал хлопотать о приписке к пятигорскому купечеству, но тут наконец и был пойман сыщиком и переслан в 1838 году в Арзамас. Дело затянулось на долго и шло с переменным для него счастьем, но наконец передано было в сенат и в 1845 году состоялось окончательное по нему определение. Во всё время шестилетнего тюремного заключения Шипов не переставал бороться и осаждал суд прошениями на Салтыкова и так как каждое прошение сопровождалось взятками и приказной волокитой, то сам он истощенный, выжатый, как лимон, отдан был наконец в рекруты по приговору сената, а растолстевшее по той-же причине до 6-ти громадных томов, более чем в тысячу листов, дело о нём – в архив.

Но личности, подобные Шипову, да и вообще искавшие в бегах определенного положения, постоянных занятий и оседлости, составляли меньшинство между беглыми; большая же часть их, вырвавшись на свободу только с готовыми работать руками, бродяжила по всему государству, перебиваясь поденной работой и пополняла собою многочисленные отечественные тюрьмы, в которых беглые помещичьи крестьяне составляли главный контингент колодников. По всем большим и проселочным дорогам непрерывно пересылались они небольшими группами. Насколько обычным в тогдашней крепостной России было это явление можно заключить уже из того, что, например, для пересылки от деревни до деревни трех, четырех беглых зачастую употреблялись два 12-13 летних мальчика или женщина и благополучно доставляли их по назначению. Бежали конечно нередко беглецы от такого конвоя, но большинство их, ввиду ли безработицы или зимних холодов, пользовалось тюрьмами как временным приютом и покорялось своей участи, тем более, что в тюрьме всегда можно было рассчитывать хотя бы быть сытым; а некоторые из тюрем за своё хлебосольство пользовались особенною любовью у беглых и когда тюрьма была для них неизбежною, то они спешили назваться беглыми из того округа, в районе которого стояла их излюбленная тюрьма. Зима действительно была главной причиной, заставлявшей беглого идти в тюрьму; это можно заключить, просматривая списки о колодниках старых уездных судов; из них видно, что число беглых, содержащихся по тюрьмам, в зимние месяцы увеличивалось в два и три раза, в сравнении с летними; наплыв их начинался с октября, в декабре доходит до высшей своей точки и с января начинал понижаться, а в марте, апреле, мае и июне процент их там самый незначительный, в другие же месяцы беглых по тюрьмам и совсем не было.

Бездомный бродяга жил уже другой жизнью, чем домовитый; он не искал места, чтобы осесть на нём, не искал даже и постоянного заработка, а «шатался, мотался по рекам – по ре-

кам глубоким, по степям широким», шел туда, где было больше торговых сношений и людского движения. Непрерывным потоком двигалась масса этого бесприютного люда по исконной «вольной Божьей дороге», что

*Из-за гор высоких,
Из-за лесу темного
Повышла, повытекла
Широка, глубока под Казань пошла,
Пошире, подальше – под Астрахань.*

Она, эта масса, главным образом, выводила на себе многочисленные караваны судов с рыбой, хлебом, солью и т.п., шедшие на макарьевскую ярмарку, в Рыбинск и дальше, до Петербурга. Если по заводам, фабрикам, помещичьим имениям держали беглых, то на Волге, где контроль за ними был труднее и подавно принимали их охотно. Даже на судах с казенным имуществом, шедших под надзором правительственного агента, нередко можно было встретить беглого. Один беглый, крепостной Головина, рассказывает, например, что он нанялся в бурлаки на баржу, шедшую с казенным запасом от Свияжска до Рыбинска, за 8 рублей, а оттуда до Петербурга за 12р. 50к. (это было в 1871г.), а оттуда воротился в Нижний с поручиком, который отправлял имущество. Многочисленные разбойничьи шайки, ещё так недавно свободно разъезжавшие по кормилице Волги, также составлялись из этой шатавшейся голодной голоты. Волга служила богатым рассадником и опытной школой для выработки людей этого сорта. Иногда попадавшие туда случайно рабочие втягивались в этот заколдованный круг, соблазняясь легкой наживой¹. В делах о беглых часто встречаются рассказы их о том, как они ушли от помещиков по паспорту на работы и бежать не думали, а когда истек срок паспорту, то возвратиться уже не захотели, а иногда и нельзя было по какой-нибудь причине; и вот человек вступает в число бродяг и про-

---

¹ Аристов, «Об историческом значении русских разбойничьих песен» [прим. В.И. Снежневского].

мышляет или бурлачеством, или разбоем, или тем и другим попеременно.

Не меньшую массу бродячего люда кормила другая такая-же вольная Божья дорога – тихий Дон: там также ходили всякие суда с товарами и большинство бурлаков на них набиралось из беглых. Бродили беглые и по многочисленным хуторам широких придонских степей, переходя из одного в другой, с одной речки на другую, нигде не засиживаясь подолгу.

Сегодня он работник на хуторе у казака или помещика, завтра бурлак на купеческом или казенном судне, пройдет в лямке до Рыбинска, а то и до Питера, оттуда снова идет на юг наняться к промышленнику на рыболовные ватаги Урала, Волги, Дона, на черноморское побережье и т.д.; другие же, забравшись на север, остаются там и также промышляют или рыболовством по берегам Балтийского моря, или батрачат по немецким мызам.

2

Никого так не давила помещичья власть, как дворовых людей, поэтому и бежали они от помещиков гораздо чаще, чем вообще крепостные крестьяне. Каждый раз на вопрос судьи, почему бежал от своего господина, беглый дворовый отвечал, что убежал, или от тиранства, или нестерпимых напрасных побоев, или, иногда, от «изнурения в пище». Как ни разнообразны типы беглых дворовых, но всем им присуща одна общая черта – это крайняя непрактичность, наивность и совершенное незнание жизни вне барского двора.

Читая показания возвратившихся из бегов или пойманных беглых дворовых, все равно – стариков или молодых, попадаешь как будто в мир детей, детей запуганных, со странными фантастическими представлениями о действительном мире, со сказочными понятиями о каких-то вольных низовых странах. Вам кажется, что вы слушаете не взрослых людей, а наэкзальтированных романами Майн-Рида детей, бегущих от своих ро-

дителей в Америку искать приключений, с тою только разницею, что дворовым беглецам не до приключений, их желание – хоть день один побыть на вольной воле и не чувствовать над собой господской плети, не слышать грозного барского окрика. И действительно, у всех их один девиз – «хоть на час воли». Они бегут без всяких определенных надежд на будущее, без всякого плана, бегут, только бы скрылся из глаз каторжный барский дом; а если и есть у иного из них какой-нибудь план, созданный болезненною под влиянием господской тирании фантазиею, то при первом столкновении с действительностью он разлетается в прах и человек все равно попадет в какую-то сказочную страну, только не с молочными реками и кисельными берегами, а лицом к лицу с голодом, холодом, оказывается совершенно незнакомым с жизнью, не приноровившимся к ней, без воли, без энергии, - понятий совершенно чуждых дворовому, и при том под постоянным страхом поимки шныряющими по всем дорогам сыщиками и с неизбежными в перспективе плетями.

Вот шестеро дворовых в 1801 году сговорились бежать из г. Арзамаса от помещика Чемоданова, человека очень лютого, по показаниям дворовых, бегавших от него весьма часто, сговорились и бежали ночью; днем скрывались в лесу, боясь показываться на глаза людям, а с наступлением ночи снова пускались в путь; через несколько суток, пройдя уже довольно значительное расстояние от Арзамаса, несколько ободрились и пошли днем, обходя, впрочем, попутные села и ночуя в лесу или овинах. Так прошли они несколько дней, совершенно не зная, куда их приведет дорога; известно им только было, что впереди скоро должен встретиться г. Шацк, о котором они от кого-то слышали, дальше же если и не конец света, то совершенно неизвестная страна и неизвестные люди; да и не думал никто из них, куда они придут и что с ними будет, одно было желание – лишь бы куда-нибудь уйти. Они сами после говорили, что «не знали, где иметь совершенное укрывательство и

проживание» и шли, «только б где можно было пробыть сколько-нибудь времени и удалиться от господина своего». В этих словах слышится совершенная безнадежность на какое-нибудь человеческое существование впереди; они даже мечтать не смели, что совсем оставили своего мучителя, что могут и не встретиться с ним никогда, нет, «только бы пробыть где сколько-нибудь времени без барина», передохнуть бы малость от каторжной жизни, хоть раз в жизни ощутить в себе человека, а там, пожалуй, и опять в то же ярмо и на бесконечное трепетание перед грозным баринком. Да и трудно человеку, обращенному уже в машину, не знавшему другой воли и другого желания, кроме воли и желания своего господина, ориентироваться в новых обстоятельствах, когда от него, лишенного самых необходимых качеств человека, потребовалось вдруг решить: куда идти, что делать, как поддержать своё существование. Прежде у него была одна только забота – исполнить приказание барина, а затем так или иначе он будет одет и накормлен и вообще размышлять и действовать за себя ему не приходилось. С барского двора его гнал инстинкт самосохранения, и несознательное разумное решение. И человек не выдержал этой воли, требовавшей от него сил и энергии. Прошло только десять дней, как они бежали, а уже двое отказались искать лучшей доли и воротились. Одному из них было 37, а другому 39 лет. Что случилось с прочими – неизвестно (Дело № 324, 1801).

От того же помещика бегут двое дворовых, ещё молодых – парикмахер и повар, бегут от истязаний; они направились в Уральск, где, как они не раз слышали, «беглые проживание свободное имеют», но и на этот раз один из них дошел только до Ардатова, симбирской губернии; неизвестность и непривычная дальняя дорога пугали его пуще барского мучительства и он воротился с повинной к своему барину. Другой пошел далее и дошел уже до Самары, но повстречал на дороге какого-то казака, ехавшего в город с сыном, в разговоре с ним откровенно назвался беглым и тот представил его в полицию; в полиции

показал на допросе, что бежал от помещика, не стерпя его истязаний, но будучи отправлен в арзамасский уездный суд заявил там, что на барина «наклепал», что он у них добрый и что бежал «по глупости». И вообще редкие из беглых в своих уездных судах решались говорить дурно о помещиках: каждый знал, что помещик от этого ласково с ним обращаться не будет, потому то и показания большинства беглых отличаются краткостью и неполнотою, чувствуется, что допрашиваемый боится сказать лишнее на свою голову и только иногда одна меткая фраза, сказанная будто невзначай, говорит более, чем сколько желал бы допрашиваемый. Любопытно в этом отношении суждение одного современника, васьковского исправника, лица, следовательно, административно-судебного, который, защищая крестьянина, обвинявшегося в неуважительном отзыве о каком-то указе, не существовавшем, впрочем¹, и объясняя, почему крестьянин ничего не скрывал от сельских властей из сказанного им об указе, а в уездном суде во всем «учинил запирательство», говорит: «поелику я довольно при производимых следствиях заметил, что крестьяне в ответах своих весьма несообразны с правдоподобием от единого их недоразумения, ибо они думают – что ими сказано или сделано, которое дошло до присутственного места, есть совершенная беда». И едва ли кого, кто хоть сколько-нибудь знаком с нашими старыми уездными судами, удивить такое к ним отношение крестьян и их «недоразумение».

Пока дворовый человек осязательно и непрерывно чувствует тяжесть своего подневольного существования, выражающегося в той или другой форме, в нем, естественно, конечно,

---

¹ Указ выдумал крестьянин села Толбы Молев, заявляя на мирском сходе, что у него есть царский указ, «коим повелевается престарелым людям не жить в ряду с крестьянами, а селиться в отдалении», на что крестьянин Маторин, старик 76 лет, и сказал, что «на таковой указ он, Маторин и к... испустить не боится» (Дело № 50 – 2863, 1802 года) [прим. В.И. Снежневского]

желание избежать этой тяжести, фантазия его работает, случайно слышанные разговоры о дальних неведомых странах, о вольных казаках слагаются в полуфантастическую картину и при первом предстоящем наказании за какое-нибудь плохо вычищенное платье, за разбитую тарелку страх и соблазнительная картина вольной жизни, заставляют дворового бежать; но дойдя до первого села, человек вдруг теряется, у него и на лице написан испуг и нерешительность, он сразу бросается в глаза своим странным видом; как же ему миновать рук, обязанность которых брать за шиворот подозрительного человека? И он не избежит их. Бежит, например, один дворовый, «убоясь побой, с намерением таковым, чтобы пробраться в дальние низовые страны, к армянам». Где эти дальние страны, он не знал, и пока что, бродил по окрестностям; дня через три его взяли, били плетью и водворили к барину. Барин обещал его также бить и продать, как человека ненадежного, и он снова бежал, хотел пройти на макарьевскую ярмарку, «чтобы сыскать казака или другого какого человека, которые б его увели в дальние страны». В этот раз он уже боялся свободно ходить по селениям и «укрывательство имел» больше в оврагах, и лесах, выходя в деревни только выпросить хлеба, хотя в Макарьев идти медлил и бродил в окрестностях, выжидая какого-нибудь товарища. Дней через пять после побега зашел он в торговое село, в базарный день; здесь какой-то сотский спросил его, кто он и откуда, тот растерялся, назвался сначала нищим, а потом и сознался.

Как образец крайней запуганности, совершенного отсутствия способности управлять своими действиями и жить за свой страх, приведем в пример побег другого дворового, 20 лет от роду. Барин его, васильский помещик Станиславский, за неисправную чистку платья, побил его «келейно», а на утро велел приготовиться к битью батогами.

Предстоящая экзекуция, с которой он уже не раз был знаком, так устарила его, что после ужина, когда в доме все

заснули, он оделся в тулуп (дело было зимою) и ушел, чтобы скрыться куда-нибудь подальше и «проживать в безызвестии».

Этой ночью дошел он до села Русского Моклокова, где знал одного крестьянина, но к нему не зашел, а пролежал весь тот день в овине и только к вечеру, проголодавшись, подошел к его дому и попросил накормить себя; на вопрос крестьянина, кто он и откуда, сказал, что г. Станиславского дворовый и идет недалеко, «но как-то спутался в речах, говорил он после на суде – и сознался ему, что бежал от барина»; крестьянин не впустил его к себе в дом, боясь очевидно ответственности за укрывательство и дав ему 15 к., велел уходить. После этого он побоялся идти в какой-нибудь крестьянский дом; а между тем наступила ночь, на дворе холодно, и не зная, что делать, пошел он в кабак; здесь встретил какого-то крестьянина, прозванием Бушуя и припомнил, что этот Бушуй за что-то назад тому несколько лет барином его был наказан кнутом «и по подозрительному таковому случаю решился», передает он, «открыться оному Бушую». Встреча эта весьма его обрадовала и не только потому, что с Бушuem можно было поговорить и получить какой-нибудь практический совет, как от человека, не питавшего нежных чувств к его барину, сношения с которым у него были запечатлены поркой, но пожалуй, и более действительную помощь. И он не ошибся: Бушуй принял его под своё кровительство и укрыл в своём доме. Но у этого Бушуя был брат, отставной сержант, который, проведая об укрывающемся, «возымел намерение поймать его»; тогда Бушуй передал нашего беглеца своему сыну, сидельцу в кабаке; тот поместил его где-то за печкой и держал несколько дней; но сержант очевидно следил за ним и узнал о его пребывании в кабаке; Бушуй ночным временем опять его берёт к себе и видя беспомощность своего клиента, до времени укрывает. Через несколько времени Бушуя встретила надобность ехать в соседнее село на базар и беглец боится остаться без него, «поелику» объясняет он ему, «реченный сержант придет и меня поймают», тогда Бушуй бе-

рет его с собою и по дороге оставляет в одной деревне у знакомого татарина, назвав его своим зятем и сказав, что он дорогой заболел. Дворовый, должно быть, имел такой вид, что на постороннего производил действительно впечатление больного и сердобольный татарин истопил для него баню. Но сержант не дремал, он проследил, накрыл мнимо-больного в бане и доставил его, куда следовало (Дело № 550, 1803г.).

Удивляться нужно, как при грубом, часто бесчеловечном обращении помещиков с дворовыми, последние ещё могли сохранить в себе веру в человека, тем более в барина. Один старичок, дворовый 67 лет, рассказывает, что барин его с дворовыми обращается жестоко, «почасту и немилостивно бьет» и как, не стерпя мучительства, он убежал от него; «в бегах, по дряхлости, быть мне было неспособно: а знал я в пензенской губернии одного доброго помещика и дворовых он не тиранил и подумав пошел к нему выпросить на выкуп себя денег, чтобы после заслужить их ему». «Добрый помещик» отправил его в полицию. В уездном суде, за побег, его наказали 15 ударами плети, спросив предварительно, желает ли он их получить, так как для стариков телесное наказание заменялось арестом, на что старик «выразил удовольствие».

Другой дворовый, вместе с женою и детьми, был продан своим барином васьилюскому солянному приставу. Жить у новых господ было плохо и вот, «не стерпя от госпожи своей телесных мучений», вздумали они бежать (в 1786г.).

Но жить в бегах с женою и малыми детьми, да ещё не зная ни ремесла, ни крестьянских работ, было бы, пожалуй, не лучше, чем у пристава; и задумал дворовый такую комбинацию: видел он часто у барина в кабинете лежит на столе какая-то гербовая бумага, думается ему, что это купчая крепость на его семью: желание украсть купчую совсем поселило в нём уверенность, что это она именно и есть. Взять этот документ, явиться к прежнему своему барину, думает он, тот его возьмет, а пристава нельзя будет без документа доказать, что он со сво-

ей семьей принадлежит ему – и тогда конец мучительству. Так он и сделал, но прежний барин их не взял и отправил в суд.

Один такой же наивный дворовый бежал от жестокого барина и года через три был пойман и чтобы не попасть опять к нему, назвался дворовым другого помещика, которого знал за человека доброго, думал, что он возьмет его и наказывать не будет, но также ошибся в расчетах.

Не одна жестокость помещиков заставляла бежать от них их дворовых, были и другие причины. Так пойманные беглые дворовые княгини Мансуровой, из арзамасской её вотчины, показали, что разбежались, «будучи не в состоянии переносить голода от мало выдаваемой госпожою пищи», а также от «излишних во дворе её взысканий и изнурения», но за то она заботилась о просвещении своих дворовых: все они были грамотные. Излишняя экономия делала иногда господ бесчеловечными в отношении к своим крепостным, особенно потерявшим доходность. Помещица Безсонова, например, своего дворового, 75-летнего старика, послала из села своего Спасского, арзамасского уезда, в Нижний Новгород искать работы и для него ещё нашлась какая-то, но он потерял паспорт и был выслан к своей госпоже. Другой дворовый, также старик 65 лет, портной, был отпущен на оброк; он пошел искать работы зимой, но на дороге замерз, потому, полагать надо, что одет был в какое-то тряпье, а зима была холодная.

Многие помещики лишние непроизводительные рты из своих дворов сдавали в аренду для услуг лицам, не имеющим права владеть крепостными, чаще купцам и мещанам, по так называемым верющим письмам, всё значение которых заключалось в том, что помещик, отдавая своего крепостного (якобы для продажи) известному лицу, предоставлял ему право, пока тот не продаст крепостного, пользоваться им для своих услуг, даже женить или выдавать замуж, наказывать и вообще пользоваться всеми прерогативами помещика; отданные по таким письмам крепостные обыкновенно и оставались у того лица,

кому были переданы, неопределенное время, пока в них имелась надобность. Эти верющие письма, хотя и противоречили смыслу закона (1812 года), запрещавшего выдавать их и совершать по ним купчие крепости на продажу людей по одиночке и без земли, но всё-таки выдавались помещиками ещё и в 20-х годах нынешнего столетия¹. Положение этих арендованных людей было часто худшее, чем в дворне помещика и дел о побеге их от разночинцев встречается, сравнительно, очень много. Арендаторы смотрели на них не как на постоянную доходную статью, которая перейдет и к их наследникам и которую истощить во всяком случае нерасчетливо, а как на временную, и старались, конечно, как можно более её эксплуатировать. По такому верующему письму князь Чегодаев в 1802 году отдал нижегородскому купцу. Кузнецову детей своего дворового – двух девочек и мальчика лет 10. Какова была жизнь девочек – неизвестно, но мальчик рассказывает, что последние годы, когда ему было лет 17-18, Кузнецов отдавал его в работу в год за 40 рублей, из которых выдавал ему на одежду и другие потребности 5 рублей, и он «не стерпя такого налога и разных чинимых ему притеснений, подговоря своих сестер», вместе с ними бежал к своему помещику. Приведем другой случай, где астраханским помещиком Гартановым был продан дворовый мальчик 15 лет астраханскому же купцу Баранову (1795г.). В данном случае ни купец, ни помещик и не подумали сделать какой-нибудь обход закону, запрещавшему купцам приобретать крепостных, да и не было в этом очевидно ни какой надобности, потому что уездный суд не препятствовал совершению незаконной купчей крепости. Мальчик прожил у купца только один год, потому что тот всегда его бил, часто безвинно, и убежал от него. В Астрахань стекалось много всякого бродячего бездомного люда и селилось, как в самом городе, так и по окрестным деревням и только крайняя голытьба обитала по

---

¹ См. книгу В.И.Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века», стр.487 и 488 [прим. В.И. Снежневского].

густым камышам близ города. Мальчик скоро повстречал в городе какого-то беглого, а они всегда помогали, чем могли, своему брату, и в этом случае беглый оказал своему маленькому собрату некоторое покровительство: он свел его на суда, отправлявшиеся с товарами вверх по Волге, чтобы наняться на какое-нибудь из них в бурлаки и пробраться, как хотелось мальчику, «в верхние селения и найти там себе к жительству безопасное место». Какой-то купец принял их обоих на свою баржу, шедшую с солью, но, как беспаспортных, без ряды. Шли они в бечеве только до Казани и получив там расчет (мальчику дал купец 5 р.), пошли вверх по Волге, кажется без всякого определенного плана и дошли до Ярославля, пропитываясь на те деньги, что получили в Казани. Наступила осень; приближалась зима; нужно было искать какое-нибудь пристанище до теплых весенних дней, когда можно будет рассчитывать на гостеприимство полей, лесов в реке. Дело это было нелегкое; каждому приходилось промышлять о себе самом и товарище, да ещё несмышленный слабый мальчик, был бы в этом случае одной тяжелой обузой. И вот маленький скиталец остался один, в незнакомом городе, - товарищ бросил его.

Что было делать, куда идти? Теплого платья нет, а осень уже наступила... Он пошел назад, без цели, без надежды; в кармане оставались последние гроши от летнего заработка, да и они скоро вышли; пришлось выпрашивать хлеб под окнами. Дождливая ненастная погода сменилась стужей поздней осени. Добравшись до Нижнего, он совсем изнемог. Оставался один исход – проститься с этой ужасной волей и идти в тюрьму и он объявил о себе в уездном суде. Секретарь суда, за малолетством, до окончания об нём дела, взял беглеца к себе на поручительство (всё же дворовая прислуга). Но здоровье мальчика было подломлено; он заболел и скоро умер.

Как непрочна была насильственная связь дворовых людей со своими помещиками, даже если последние и не отличались жестокостью в обращении с ними, видно из того, что она об-

рывалась как-бы ненамеренно, случайно, при каком-нибудь малозначительном обстоятельстве, напоминавшем дворовому о его положении. Барин (вышеупомянутый помещик Станиславский) посылает своего слугу к какой-то солдатке за своей иконой. Он отправился, ни о чем, кроме приказания господина, очевидно не думая; приезжает и передает солдатке приказание барина; но ей почему-то самой нужно передать барину эту икону и они едут вместе. Дорогою заходит у них разговор о том, что живут они не по-божески; слуга передает ей о своей горькой подневольной жизни; жизнь солдатки тоже не богата радостями. У обоих сильное желание иной, лучшей жизни. Знают они, что в лесах за Волгою есть старообрядческие скиты и живут там люди в тиши, вдали от мира. И недолго думая круто поворачивают они свою лошадь и направляются за Волгу. Их скоро задержали.

От помещика Трескина из арзамасского уезда бегут несколько человек дворовых, побуждаемые только желанием вольности («захотя быть вольными»). Дошли до села Лыскова; несколько дней перебивались там поденною работою; но такая воля им скоро наскучила: только один старался, а прочие, «будучи угрызены совестью», воротились (1816г.).

Также неудачно кончилась попытка жить на свободе другого мечтателя. Он был слугой князя Голицына и жил при нем в Москве (1835г.). Понятия о воле теоретически он имел более разработанными, чем у дворовых, встречавшихся нам до сих пор. Умственная жизнь столицы хотя отчасти всё же проникала в лакейские барских домов и кругозор этих дворовых был шире, чем у их деревенских братьев; но в практическом осуществлении этих запретных для них понятий они также оказывались неспособными; не осуществил их и наш дворовый, которому, как и вообще всем дворовым, находившимся при личных услугах своим господам, жизнь трудовой массы народа была чужда. Выйдя из обычной колеи своей жизни и попадая в трудовые массы, они не могли справиться с теми требованиями,

какие предъявляла им жизнь этой среды и недолго неумелые горемыки-пловцы могли продержаться на поверхности житейского моря; они или гибли в чуждой им стихии, или выбрасывались ею в родную, хотя и ненавистную сферу своей жизни. Наш дворовый (27 лет), имея в кармане 6 рублей, вышел из Москвы и направился в низовые города. Пока ещё не были израсходованы все деньги, он не изменял курса и, хотя медленно, но подвигался к Волге; но вот деньги все вышли и оказалось, что они были единственной гарантией его предприятия и вольнодумных вожделений или, как он выразился после в суде, - «предрассудка быть свободным»; а что его стремление к свободе было предрассудком, - в этом он убедился, когда «пропитание стало трудное, пристанища, которые он имел раньше на постоянных дворах, нигде без денег не мог иметь». Добравшись кое-как до г. Макарьева, он передал себя на попечение тамошних властей и благополучно доставлен был ими по назначению.

Не могли конечно верить в привязанность к себе своих дворовых и сами помещики и для предупреждения их побегов придумывали разные способы; к числу этих способов относится и гонение на грамотность, которая считалась некоторыми из помещиков одною из причин, способствовавших побегу их крепостных (что, впрочем, было не безосновательно) и исключалась из обихода дворни. Так арзамасская помещица Недосекина, заявляя уездному суду о побеге в 1808 году двух своих дворовых людей, которые, написав от её имени отпускное письмо, получили из казначейства паспорта, пишет в своём заявлении, что она не позволяла никому из своих дворовых учиться грамоте, опасаясь, что они будут писать себе фальшивые паспорта и разбегутся от неё, и отбирала от них чернила и бумагу, если у кого-нибудь их замечала; но дворовый, написавший фальшивое отпускное письмо, грамоте выучился тайно и хотя об этом она и узнала после случайно, но никогда не позволяла ему писать от её имени никаких писем, а приглашала для этой цели дьякона.

Нередки были случаи подобного злоупотребления грамотностью дворовыми, но иногда они пользовались ею и для более высоких целей. В одном деле о побеге в 1787 году от князя Николая Сергеевича Долгорукова дворового его человека, по ремеслу живописца, нам встретились весьма интересные по содержанию стихи его, найденные при нем вместе с другими бумагами; в этих стихах он описывает свою жизнь у князя и побег, а потому мы и приводим их здесь.

*Ох, как было-то я добрый молодец во неволюшке,
Во неволюшке, в доме господским.
Служил я своему князю верой-правдою,
Уж тому князю строгому,
Князю Николаю Сергеичу Долгорукову;
Служил я ему тринадцать лет,
Не заслужил я себе славы доброй.
Славы доброй, чести-милости.
Не видал я дней веселых.
А всегда я был во кручинушке.
Без резону он всегда гневался.
Без вины он нас наказывал,
Он наказывал нас всегда палочьем,
А после того под караул сажал,
Под караул сажал на хлеб, на воду.
Заставлял работать в зеленом саду,
По прешпехтам березовым,
По дорогам зеленым.
Что копали мы пруды глубокие.
Огораживали дворы птичные.
Запретил он нам по ночам гулять,
По ночам гулять, в хоровод ходить,
Заказал он нам и пьянствовать;
Сего я от роду не знал и за то я присягу принял.
И тому князь вспыльчивый не уверился.
Уж он стал склонять во массонию,*

*Во массонию – веру проклятую.
И за то меня хотел жаловать:
Он давал мне платья цветные,
Награждал меня золотой казной;
И он сим страхом не прельстил меня,
За которое беззаконие он прогневался.
Посадил меня на круглый стул,
Надел на меня ожерелочек,
Еще сковал мне ноги скорые,
Ноги скорые, руки белые.
И хотел меня наказывать.
И того мне не случилось;
Все железцы с меня свалилися,
Ожерелочек с меня и так скочил.
Что с того время я гулять пошел,
На чужую дальну сторону,
Что во ту ли землю шведскую,
В которой жил я ровно два года.*

В богатых помещичьих усадьбах не редкостью были целые оркестры своих музыкантов, хоры певчих и даже целые труппы артистов, набираемых из своих крепостных. Помещики не жалели денег на обучение дворовых разным искусствам, чтобы потешить своё тщеславие, блеснуть перед заезжим гостем талантами своих рабов. Иногда из среды этих рабов-артистов, музыкантов, художников выделялись действительно высокоталантливые люди. Легко себе представить, какова была участь этих на погибель себе образованных рабов. Стоять иногда во всех отношениях неизмеримо выше своего самодуроповелителя, сознавать это и в то же время чувствовать себя в его власти, исполнять все его капризы, одним словом, быть вещью в руках этого человека – положение ужасное. А между тем в эпоху крепостничества такие трагические положения часто разыгрывались в жизни барских усадеб. Мы приведем здесь, для примера, одно дело о самоубийстве дворового-

художника Мясникова, разбиравшееся в арзамасском уездном суде в 1828 году. Он учился в художественной школе Ступина. Своими талантливыми картинами обратил он на себя внимание Академии Художеств и С.-Петербургского Общества поощрения художеств. Последнее предложило за него его помещику выкуп в 2000 рублей. Помещик ранее и сам обещал своему крепостному отпустить его на волю, как рассказывали со слов Мясникова, его товарищи; но узнавши, должно быть, что крепостной его стал не простой богомаз, а художник, за которым признан недюжинный талант даже академией художеств, отказал отпустить его на волю и объявил Мясникову, что его художественное образование кончено и чтобы он собирался к нему в поместье. Талантливая натура крепостного, жаждавшая знаний, надеявшегося на дальнейшее развитие своего таланта и уже предвидевшего в скором будущем желанную свободу, до того потрясена была этим неожиданным решением господина, что он не вынес и через несколько дней застрелился.

Года за два перед этим самоубийством аналогичное ему произошло в художественной мастерской того-же Ступина. На этот раз застрелился дворовый человек самого Ступина Андреянов. Он был женат и жену свою очень любил; («даже свирепого взгляда никогда от него на меня не было», говорит она), но имел «гибельную» страсть к чтению книг и она-то привела его к самоубийству. Все ученики, его товарищи, жена и сам Ступин объяснили причину его самоубийства «начитанностью разных сочинений». Между тем положение его у Ступина было лучше, чем положение большинства дворовых: Ступин, по заявлению жены Андреянова, даже никогда не ругал их. Как опасно было задумываться о своем положении крепостному дворовому, видно из того, что большинство их самоубийств происходило от этой задумчивости. За двумя, тремя исключениями, когда причины самоубийства, подобно вышеприведенным, называются более или менее определенно, во всех остальных случаях он, обыкновенно, выражаются свидетелями

одной фразой: «от имеемой в нем задумчивости». Невольно приходит при этом на память щедринский «Баран непомнящий», который, увидев во сне большого барана, не вынес этого зрелища, затосковал. Зачах и издох.

Не везде, конечно, между дворовыми были таланты, большая часть крепостных музыкантов, артистов, поэтов, художников и т.д., как и везде в жизни, была заурядной посредственностью, и всё же жизнь их у помещиков была хуже, чем какого-нибудь кучера, повара, камердинера; нравственный мир их более и чаще подвергался насилию господского самодурства.

Помещик часто отрывает парня прямо от сохи, дает ему в руки флейту и заставляет учиться музыке; непривычные крючковатые пальцы не могут конечно скоро овладеть этой диковинной для него штукой; все мысли его улетают туда, на деревню, к обычным занятиям и обстановке; и вот посыпались на недоумевающего парня затрешины, зуботычины от немца «Егора Мистиславича», скоро усвоившего на святой Руси нехитрую систему обучения. Так именно рассказывает один горемычный музыкант, бежавший от учебы заморской музыке и воротившийся через несколько месяцев к своему господину проситься опять к сохе. От того же помещика (Баженова из арзамасского уезда) в следующем году бегут трое таких музыкантов и между ними мальчик 13 лет, тоже от побой «за нескорое понятие». Мальчика взяли в одном селе крестьяне в подпаски, а двое других первое время жили в соседнем лесу и драли на продажу лыки.

Описанные раньше случаи и характер побегов крепостных дворовых слуг, составляют так сказать общую типичную их картину. Встречаются, конечно, и исключения, где дворовый слуга, благодаря какой-нибудь счастливой случайности, имел возможность приноровиться в бегах к новой жизни, пристраиваясь к работе, не требующей ни особенного умения, ни выносливости; но уже по своей малочисленности подобные

случаи не изменяют общего характера побегов людей этой категории. Дворовые, исполнявшие какую-нибудь отдельную функцию барского дома, не сталкивавшиеся с барином так часто, как слуги, душевный мир которых не был так изуродован барским произволом и самодурством и воля не атрофирована, - были счастливее своих собратьев в незаконных попытках найти себе «скрытное и безопасное житие». К числу их можно отнести всякого рода ремесленников, бывших почти в каждом поместье, как-то: сапожников, портных, садовников, кузнецов, слесарей, столяров и т.д. Будучи более или менее знакомы с жизнью, а, главное, зная ремесло, последние всегда находили себе работу в бегах и могли, в большинстве случаев, свободно укрыться от своих господ, чему мы и приведем несколько примеров.

Один дворовый садовник рассказывает, что лет 20 тому назад (в 1796г.) в барском саду позябло несколько плодовых деревьев и за то, что он их не уберег, его дважды наказывали палками, да барин обещал ещё бить кнутьями и он ночью бежал; через некоторое время он пришел в воронежскую губернию и там жил на разных хуторах, промышляя у хохлов крестьянской работой; из воронежской перешел в другую, и так в несколько лет исколесил почти весь юг, живя то по хуторам, то в рыболовных ватагах, то на соляных промыслах. Другой, дворовый же, ремесленник царицынского помещика Бекетова прожил в бегах с 1780г. 17 лет; работал на Дону, у казаков в Михайловской станице года 4, от них ушел на казенные соляные ломки на озере Малиновском и там работал лет 9, с этого озера пробрался за город «Опской» (вероятно Псков) и жил у чухны, промышляя более рыболовством, где, кроме его, по его словам, было много «таковых же беглых». Там он явился в городническое правление, рассчитывая по манифесту на прошение и приписку в городе в мещане; но его отправили к прежнему помещику.

Приведем ещё рассказ беглого дворового, который в то же время весьма типичен, по своему содержанию, за немногими исключениями для большинства крепостных, бежавших от помещиков в конце прошлого столетия.

«...Прошлого 1785 года, в июле месяце послан я был от господина своего Сущева пензенского наместничества в инсарскую округу поверенным по межевым делам, где и находился года с три. По случившейся надобности к землемерам поехал было я на бывших со мною господских лошадях в город Пензу и едучи туда нечаянно обронил данные мне от показанного моего помещика на его земли крепости; убоясь за то строгого наказания, вознамерился бежать и проживать, где случится, и прибывши туда, пристал к господину бригадиру Жандринскому на двор, с коего, когда заснул бывший со мной извозчик, господина моего крестьянин..., то я, взявши себе из бывшего у нас для дороги несколько хлеба, вышел из города в степь и шатаясь по оной, на рассвете увидел дорогу, на которую вышедши, шел до тех пор, пока не достало у меня хлеба, для выпрашивания коего выходил в неизвестные мне слободы, близ дороги лежащие, и таким образом через восемь дней добрался до реки Медведицы, куда по прибытии, пришел в слободу Краснояровку и показавшись пензенского наместничества, мокшанской округи, слободы Стрелецкой и что данный мне для пропуска на год паспорт нечаянно потерял, просил о даче в том свидетельства, которое и дано мне с приложением громадской печати, за которое заплативши писарю два рубля денег, пошел из той слободы и шатался до осени по разным неизвестным мне хуторам, на реках Медведице и Хопре лежащим; по наступлении же оной, пришедши в станицу Етеревскую, прожил в оной всю зиму, работая у разных людей сапоги; по большей же части прибегал той станицы к казакам Тютину и Дериглазову. По наступлении весны перешел я в станицу Скуришенскую и побывши во оной несколько времени, пошел вниз по Дону и зашедши по дороге в Преображенский монастырь, пробыл (там)

дня с три; выпросивши же там себе хлеба, пошел по хуторам и проходя оные, кормился выпрашиваемым хлебом и пришед в Сиротинские, жил у полковника Льва Степановича Созонова два года с половиною заведомо беглого; не хотя же более у него жить, пошел в станицу Голубинскую, в коей побывши месяца с два казака Марахтана у жены, а как её звать – не упомяну, пошел на речку Иловлю, в слободу господина Персидского¹, называемую Ольховку и проживал в оной у малороссиянина Михайлы Антонова два года, а из оной послан с двумя малороссиянами, а как прозываются – не упомяну, к означенному господину Персидскому для работы, у коего работав одну зиму, при наступлении весны опять возвратился на речку Иловлю, куда по приходе жил иловлинской станицы у казака Ивана и Саввы Писарева всё лето; от него же пошел в станицу Иловлинскую и когда сделался болен, выпросился у казака Старикова на квартиру, у коего пролежал всю зиму в болезни. По наступлении нынешней ревизии приписался (я) к сотнику той же станицы Федору Калачеву в подданные под именем малороссиянина, у коего и находился до сего времени. Приехавший же в Иловлинскую станицу господин секунд-майор Буш требовал от всех помещиков приписных к обревизованию, почему и я с прочими представлен был к нему, который спросил, какой я человек; я, убоясь побоев, показался беглым»... (Дело № 2080, 1795г.).

Бесправный крепостной дворовый, как бы плохо ему ни жилось, каких бы мучений не переносил он, нигде не мог искать защиты. Только крайне вопиющие случаи зверства вызывали возмездие, да и то не всегда. Ярким примером этому может служить приведенное в сочинении В.И.Семевского- «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II»(стр. 201 и 202)-дело о помещице Салтыковой, решенное в 1768 году. Салтыкова была обвинена в убийстве 38 человек и оставлена в подозрении в убийстве 26 лиц. Усердным посещением властей и

---

¹ Войсковой атаман волжского войска [прим. В.И. Снежневского].

взятками она умела добиться того, что дело о ней, начинавшееся 21 раз, каждый раз оканчивалось без всяких для неё последствий и только несколькими челобитными, поданными её дворовыми и крестьянами на имя самой императрицы, дело о ней было вновь возбуждено и кончено после шестилетней волокиты. Простые же побои, не сопровождавшиеся «членовредительством» или смертью, и вовсе не были в числе деяний наказуемых и широко практиковались в барских дворнях. Не было там конца всяческой неправде от самовластия и насилия, с одной стороны, и злобы и хитрости – с другой. Чувство и сознание этой неправды заставляло иногда бежать от неё и искать не только «скрытного жития», но и душевного умиротворения и «жития по-божески». В одном деле нам встретилось очень трогательное письмо двух бежавших дворовых к своей госпоже, в котором они прощают ей свои обиды и просят им простить их побег и говорят, что бегут, желая найти «такое место, где-бы можно было принести Господу Богу покаяние, с усердием и со слезами помолиться Ему, а ежели такового места не найдем», пишут они, «то будем обратно назад», в чем и клянутся ей. Оставили они также письма своим женам и знакомым и тоже в духе покаяния и смирения. Один, впрочем, при этом не упустил случая попенять своей жене за то, что она не известила его, имея на то полную возможность, об одной готовившейся и полученной «встряске» от своей госпожи, «какого случая и теперь я очень опасюсь», добавляет он.

К сожалению, как уже мы заметили, беглые на допросах редко пускались в объяснение причин, заставлявших их бежать, говоря только односложные фразы в роде: «от несносных и тяжких побой, от мучительства, от истязаний» и т.п.; да едва-ли, впрочем, их и расспрашивали, в чем состояли эти мучительства и истязания; но несомненно, что они были жестоки. Нельзя думать, чтобы человек, без уважительных причин, бросал дом, часто жену и детей и менял их на бездомное бродяжество, на голод, холод, всевозможные лишения и болезни, на

жизнь под постоянным страхом быть пойманным и нещадно битым плетью, иногда до 75 ударов. Чтобы составить себе приблизительное понятие об этом рода наказании, достаточно сказать, что 100 ударов плетью были равносильны смертной казни, а палачи, мастера своего дела, убивали плетью и меньшим количеством ударов. Боясь быть отданным своему тирану-барину, пойманный беглый дворовый часто объявляя себя непомнящим родства, предпочитая быть нещадно битым плетью и отданным в солдаты или сосланным на поселение в Сибирь. Как и по каким ничтожным причинам подвергали помещики своих дворовых наказаниям, заключаем из того, что бегут они из боязни наказаний, например: за неделанную вовремя на окнах замазку, за плохо вычищенное платье, за разбитую тарелку, «за непорядочное» накормление лошадей в дороге и т.д. Находились между помещиками и их управляющими и такие, которые умели выводить своих крепостных из терпения и заставляли их бежать не истязаниями, а... мерами кротости. Вот двое дворовых, портной и кучер, семеновского помещика Мусина-Пушкина-Брюса пошли со двора в первый день Пасхи на своё село к знакомому и пили там брагу, как они говорят, или пьянствовали, как говорит управляющий имением Фомин. «Не терпя в управляемых мною людях таких непорядков, послал я за ними», говорит он, снял с них праздничное платье, одел в ветхие сермяжные кафтаны, а на ноги велел надеть лапти, обрил у одного половину головы и в таком виде поставил их на позор у сельских ворот, пригрозив побить палками и отдать в рабочий дом. Ночью они бежали в другую вотчину своего господина, в сызранский уезд, откуда их представили в суд. Фомин, в отзыве своём по этому делу, пишет, что «хотя бы все сие и было справедливо,- не заключает в себе жестокости, ибо всё иное чадолубивому помещику над людьми своими чинить не воспрещается.... а я в управлении своем стараюсь истреблять наказание». И в заключение жалуется на уездный суд, возбудивший следствие о наказаниях, каким он подвергает своих людей,

потому что «оное может сделаться между людьми, вверенными управлению моему, гласным и снова возбудить в них волнение, от какого в недавнем времени они были усмирены» (волновались они и неповиновались властям, по случаю тяжелых повинностей, наложенных на них со вступлением в управление имением этого чадолюбивого управителя). К своему объяснению Фомин приложил копию со свидетельства, данного ему Брюсом, в котором после длинного перечня неоспоримых достоинств управителя говорится: «Фомин знанием дела и распорядительностью довел мои поместья и крестьян до возможной степени благосостояния; вступив в управление имением, в котором из 1500 человек было до 600 раскольников, он с мая по декабрь 1835 года только мерами кротости, которыми он всегда руководствуется, умел обратить к православию до 500 из них».

Положение дворовых женщин было конечно не лучше положения мужчин. Находясь в тех же условиях жизни, как и последние, они подвергались и тем же взысканиям и разным жестокостям от своих господ; зачастую, впрочем, им приходилось нести гораздо худшую долю, чем мужской половине двора. Досужий ум помещиц был изобретательнее на всякого рода наказания, что не раз уже было замечено исследователями помещичьего быта; у помещиков в большинстве случаев жизнь была всё-таки содержательнее, чем у их жен: у них были те или иные общественные интересы, служба, забота по управлению имением и вообще хозяйство; помещица же была всегда дома и ведала только домовое хозяйство; вся жизнь дворовых была на её глазах, самодурству её не было границ, и имея суженный до минимума круг интересов, при грубости нравов старых времен, уму её, мало находившему себе пищи в окружающем, естественно было выражаться в уродливых формах,- в изобретении разных утонченных наказаний. А поводов к наказаниям было не мало: каким бы слепым повиновением ни отличался человек, как бы ни был он обезличен,- проявление своей индивидуальности в нем могло сказаться каждую минуту, а грубый дес-

потизм и этого не терпел, не говоря уже о действительных пороках, развитию которых барская дворня более благоприятствовала, чем какая-нибудь другая среда в среде крепостничества. Разврат был, кажется, самым распространенным пороком девиц барских домов и шел туда с двух сторон: развращаемые барином, они развращались и его лакеями. Боясь наказания и стараясь скрыть свой позор, дворовые девицы прибегали иногда к ужасным средствам. Так одна пойманная беглая дворовая девица на суде рассказала, что несколько лет тому назад, обольщенная барином, почувствовала себя беременною и желая скрыть начавшую уже обнаруживаться беременность от своей госпожи, своими руками выдавила из себя плод и закопала где-то между конюшнями¹. Каков должен быть страх, побудивший на такой поступок! Явно опозоренные девицы не составлялись в барском доме, а или отдавались в скотницы и вообще назначались к занятиям, считавшимися низкими, или выдаваемы были замуж за каких-нибудь лядящих крепостных. Не мир конечно несли с собою в семьи эти браки – результат барского гнева – побег мужа или жены или обоих, одного вслед за другим – являлся в таких случаях обыкновенным исходом. Одна из таких жертв рассказывает, что «по несогласному житию с мужем неоднократно бегала, в бегах чинила непотребство и пьянствовала»; муж становился всё жесточе, бил, морил её голодом и она снова от него убегала, снова её ловили, и так прошла добрая половина её жизни. У другой бежал муж, она вступала в связи с дворовыми, барыня её жестоко за эти била и она также убежала; какой-то священник взял её в работницы, но её выдали суду и возвратили помещице. Не дожидаясь возмездия за побег, она убежала опять. Жены дворовых нередко от жестокости своих господ бросали и мужей, и детей и мыкались по

---

¹ Заслуживает внимания то обстоятельство, что при общей жестокости тогдашних наказаний, она, по решению уездного суда, приговорена была к 20 ударам плети, тогда как за один побег иногда назначалось 20-50 ударов [прим. В.И. Снежневского].

свету то в услужении у разных лиц «из одного пропитания», то побираясь милостыней.

Бежавшие из девичьих от тирании ли или избегая отдачи в замужество, если и попадались в руки властям, то редко называли своих господ, предпочитая участь непомнящих родства – сидеть всю жизнь в рабочем доме.

Судебными процессами о беглых иногда выяснялось, что бежавший или бежавшая вовсе по праву и не принадлежит помещику, а закрепощен или закрепощена незаконно; особенно часто это открывалось относительно женщин, мужья которых отдавались в солдаты, после чего солдатка становилась свободною, а они часто, по прежнему, оставались у помещика, считая себя их крепостными; и сами помещики не обращали внимания на это право солдаток, продолжая держать их в своих имениях, наравне с прочими крепостными.

Так арзамасский помещик Полозов сдал одного из женатых своих дворовых в 1808 году в ратники; семья состояла из отца, слепого 70-летнего старика и двух братьев, из которых один был холостой и числился в бегах. В первое время, когда все ратники находились в Арзамасе, жена жила там с мужем, а потом пришла оттуда к своему дяде, крепостному крестьянину того же помещика. По приказанию Полозова от дяди её взяли и привели к помещику, как беглянку; господин запер её на скотном дворе и заковал в цепи, в которых она и просидела трое суток; цепи оказались слишком велики для неё и освободясь от них, она убежала опять к своему мужу; тот достал ей от своего нового начальства пропуск и она пошла с ним в Нижний за паспортом; здесь узнала от кого-то, что отец её, слепой старик, «отпущен господином своим на собственное пропитание»¹ и

---

¹ Помещики обязывались не допускать своих крепостных крестьян до нищенства, но обязанность эта им редко соблюдалась; между тем, если случайно попадался в руки властей нищий из крепостных крестьян, то ответственности в этом случае подвергался не помещик его, а из крестьян же вы-

собирает по окрестным деревням милостыню; она разыскала его, и ходила по миру вместе с ним. Через год или два она узнала, что муж её возвращен на родину, после чего возвратилась и она с отцом. Помещик представил её в суд и просил наказать за побег, но суд отказал ему в этом, так как за беглую её не признал.

Другие из помещиков, чтобы не лишиться, при сдаче в солдаты женатого своего крестьянина, за раз двух человек – мужа и жены, спешили вслед за сдачею мужей в рекруты жен их, не давая, так сказать, им опомниться, выдавать замуж за других своих крепостных. И солдатки выходили замуж часто, не зная, живы ли их мужья-солдаты, да и не справлялись об этом, так как надежды на их возвращение было мало, потому что срок службы был велик, и правительство указом 1812 года разъясняло, что вторые браки солдаток, без законного удостоверения о смерти первых мужей, должно считать противозаконными.

3

Большую долю тяжести помещичьей власти нёс на себе крепостной крестьянин, – глава семьи; к нему непосредственно относились все требования помещика и он отвечал за исправное их исполнение. Крепостная крестьянка несла, так сказать, пассивную долю крепостного ярма, и как бы ни была велика эта доля, она была все же меньше доли мужчины. Побег от помещика мужа, отца, брата редко влечет за собою побег женской половины семьи. По большей части муж или отец бросает свой дом, своё хозяйство и семью и идет искать, где лучше.

Причина побегов в этих случаях всегда одна и та же, в какой бы разнообразной форме она ни являлась крепостному крестьянину – крепостной гнет. Другие причины гнали из семьи на

борные вотчинные начальники, которых били плетью, за дозволение крестьянину их вотчины ходить по миру [прим. В.И. Снежневского].

бесприютную одинокую, полную всевозможных лишений, скитальческую жизнь крепостную крестьянку. Ещё ребенком 13-14 лет её выдавали замуж, не спрашивая конечно на это ни о её желании, ни о желании её родителей. Браки между крепостными заключались только по воле помещика и только в видах размножения крепостных тяглых душ; в этом отношении человека не отличали от рабочего скота; не обращалось внимания ни на умственные и нравственные особенности бракосочетавшихся, ни даже на физические их стороны. Некоторые помещики даже не знали в лицо тех своих крепостных, которых назначали для брачной жизни, а живя где-нибудь вдали от своих поместий и ведя списки холостым и девицам, произвольно назначали из них пары для образования новых семейных единиц. Даже с домашними животными в подобных случаях поступали более осмотрительно. Не редкостью, конечно, между крестьянами в помещичьих имениях, были и умственные и физические уроды, и если не удавалось помещику, под каким-нибудь предлогом, сослать такого на поселение с зачетом себе за рекрута, то его нужно было женить: холостой крестьянин был для помещика убытком. Насильственно созданные даже и не из таких элементов семьи конечно не могли быть прочными и если не распадались только благодаря власти помещика, то несли с собою разложение нравственное, разврат и уж конечно не служили к созданию в народе понятий о святости семейного союза.

В чужой семье к молодой бабе сразу предъявляют требование, как к рядовой работнице. От легкого сравнительно труда в родной семье, от родительской ласки, она попадает в положение не лучшее батрацкого и часто против желания семьи, в которую её отдают. Много, конечно, нужно сил, чтобы перенести этот крутой перелом, приспособиться к новой обстановке, к новым людям, быть в повиновении и выполнять все требования каждого старшего члена новой семьи, угодить и понравиться всем им; а не оказалось этих сил, - и пошла гулять по спине молодой бабы традиционная русская плеть, редкая впрочем рос-

кошь в бедной крестьянской семье. Кто знаком с деревней и жизнью крестьян, тот наверное не раз слышал и знает, какой безысходной тоской и отчаянием веет от тех многочисленных народных песен, где молодуха-баба оплакивает свою волю девичью и свою жизнь, в семье мужа и до каких мельчайших подробностей разработали они горе-горькое своего замужества. Видно, что эти песни не творческие фантазии поэта, а подлинная жизнь, стон замученного человека.

Крестьянская невеста

От неудачной семейной жизни, от тиранства женщина-ребенок бежит сначала в родную семью искать в ней защиты,

но там только и могут дать ей совет терпеть, слушаться мужа, свекра и всех домочадцев. Искать защиты больше нигде; остается один крайний исход – бежать из дому, куда глаза глядят, и она бежит. И много этих 14-17 летних беглянок скитается «где день, где ночь» «от несогласного жития с мужем, от изгони, от нападения деверя и нестерпимых побой мужа, от склонения свекром побоями к грехопадению» и т.д., как сами беглянки выражаются о причинах, заставлявших их бежать. Положение их в бегах по истине ужасно и многосложной, но многозначущей фразой – «где день, где ночь» - исчерпывается все содержание их жизни. Редко идут они за пределы своего уезда, очутившись на воле, как в темном лесу; редко приходится найти им какую-нибудь постоянную работу, хотя бы из одного хлеба, большинство живет мирским подаванием, если же и удастся некоторым пристать к какой-нибудь крестьянской семье, то наверное при условии каторжного труда. Одна беглая рассказывает, например, что бежавши от мужа, крепостного крестьянина из арзамасского уезда, когда ей было 16 лет, долго скиталась по миру и наконец поселилась у одного вдового крестьянина, который не смог сыскать себе жены, потому что у него было пятеро детей; она прожила у него четыре года вместо жены, исполняла всякую крестьянскую работу и нянчилась с его детьми; но этот крестьянин женился наконец на какой-то вдове; ему она сделалась более ненужною и снова пошла бродить, пока не была поймана. Но и при таких тяжелых условиях нечасто могла найти себе приют беглая крестьянка, особенно в местах, куда часто проникал глаз начальства. Так одна молоденькая баба, выданная замуж 14 лет, прожив с мужем года два и «не имея с ним любви», бежала в арзамасскую женскую Алексеевскую общину, но там её не приняли без паспорта и она ушла в село Выездную Слободу, лежащее в версте от города; жила там у разных крестьян недели по две (дольше держать её опасались), занимаясь пряжею льна за один хлеб; но и этот источник существования скоро прекратился; сотские начинали

уже её гнать из села, если она попадалась им на глаза и никто не стал её принимать; только одна одинокая старушка дала ей приют, с тем, чтобы во время её отлучек из дому (она торговала калачами), она присматривала за домом и там жила у неё, пропитываясь мирским подаянием, пока не встретил её случайно муж. Старушке пришлось жестоко поплатиться за гостеприимство: «во уважение её шестидесятилетней старости только 20 ударами батожья», как сказано в определении суда. Другая в бегах работала из одного пропитания у священника, а на летние работы нанялась к одному крестьянину, но тот отказал ей, узнавши, что она беглая и не имеет паспорта и она опять воротилась к священнику; наконец, староста, боясь перед начальством ответа за укрывательство беглой, прогнал её из села. Шатаясь по разным местам и перебиваясь по деревням поденной работой, она познакомилась с какой-то солдаткой, которая за 2р. достала ей паспорт и «жить с тех пор стало свободнее», рассказывала после она.

Беглых «женок» ловили, наказывали плетью и водворяли к их мужьям. Жизнь с мужем после побега редко, конечно, изменялась к лучшему и побег снова являлся средством избежать семейной каторги. Раз бежавшая от мужа жена, не задумывалась уже над побегом во 2, 3 раз, если жизнь с мужем её по-прежнему тяготила. Часто в делах о побегах «женок» встречаются заявления мужей об «утечке» от него жены в 5-й, 6-й раз, да и сами беглые при поимке не скрывали своих неоднократных побегов от мужей и нежелания жить с ними, старались затягивать дела о них, возводя на себя небывалые преступления, чтобы только отдалить от себя момент водворения в постылую семью мужа. Как бы ни тяжела была жизнь в бегах, всё же она была для них лучше семьи, где всякий из членов её был начальник, даже смиренный дом они не меняют на жизнь в такой семье. Одна девочка крепостная васьинского помещика Зубова была выдана замуж 12 лет, через год (1780г.) от мужа сбежала, года с два мыкалась по разным местам и наконец на-

нялась в работницы к крестьянину. Неизвестно сколько времени она прожила у него, только в одно время, сманив с собою жену своего хозяина, убежала и стали они бродяжить вместе. Их поймали, но не желая возвратиться к своим мужьям, они назвались непомнящими родства; за бродяжество их били плетью и навечно заключили в смиренный дом. Месяца через два старшая из них с двумя другими заключенными женщинами бежала; но через несколько лет все три были пойманы и сосланы на поселение в Сибирь; после этого из смиренного дома бежала и другая, но была скоро взята и при этом узнана.

Положение более взрослых беглых женщин представляется уже несколько иным. В бегах они не бродят бесцельно из местности в местность, а имеют в большинстве случаев определенное направление. Большая часть их бежит за Волгу. Лесная заволжская сторона была привольна для беглых и туда шли не только из нижегородской, а и из других отдаленных губерний, селились иногда целыми общинами в землянках или кельях, расположенных не вдалеке одна от другой, по глухим местам. В семеновских лесах и далее на северо-восток, за рекой Ветлугой, было несколько старинных богатых старообрядческих скитов, которые также оказывали покровительство беглым, давали им работу и приют, а местные власти, получавшие от скитов значительные подачки, смотрели на это сквозь пальцы и даже выдавали таким беглым паспорта, называя в них беглых местными жителями что открылось в начале тридцатых годов нынешнего столетия, когда предпринята была, по распоряжению губернской администрации, проверка паспортов скитниц, живших в семеновских скитах, между которыми оказалось несколько человек беглых. Одна девица, на вопросы чиновника¹ так рассказывала о себе: «Зовут меня Марьей, а сколько мне лет и кто у меня родители – не знаю. С тех пор,

---

¹ Чиновник этот был П.И.Мельников (Дело № 798, 1848 года) [прим. В.И. Снежневского].

как стала себя помнить, воспитывалась в Комаровском скиту, у настоятельницы Манефы, а по смерти её у матери Александры Кузнецовой; обучалась у ней грамоте, а в 1825 году настоятельница выдала мне годовой паспорт, взятый из семеновского уездного казначейства, под именем экономического ведомства медведовской волости Комаровского скита девки Татьяны Фроловой и отправила в Козьмодемьянск, для чтения по усопшим у разных людей; жила я там более года, а воротившись узнала, что матушка Александра померла, и сама перешла в обитель старицы Александры Московкиной».

В среде беглых женщин чаще, чем между беглыми мужчинами, наблюдается стремление удалиться от людей и мирской суеты; последние если и уходят в леса, то чаще по религиозным побуждениям. Один, например, говорит о себе, что бежал «от помещика Толстова, из с. Воскресенского васильского уезда (в 1774г.) с женой, оставя дома детей, по причине расколу и пришел в леса варнавинского округа, на р.Усту (приток Ветлуги), жил в лесу в келье пять лет и вышел оттуда, услышав о манифесте, с намерением приписаться к крестьянам экономического ведомства». Другой крепостной, 38 лет, бежал от помещика и от своей семьи в сороковых годах нынешнего столетия в пошехонские леса, сделал там себе хижину и жил в молитве и трудах, пока начальство не стало выгонять людей из лесов. Он, между прочим, рассказывает, что «находя исповедуемую веру неправильно, крестился в реке сам и назвал себя Борисом. Один 80-летний старик, поповец, пойманный в семеновских же лесах в 1844 году, говорил, что убежал от помещика своего, из московской губернии ещё будучи мальчиком, вместе с отцом; поселились они на островах Каспийского моря, около г. Гурьева, вместе с какими-то старцами, откуда через несколько лет перебрались на материк, опасаясь розысков начальства. В последствие он пришел в семеновские скиты, а потом поселился один в лесу. Женщины бегут в леса от семейной тирании и неурядицы. Лесная глушь привлекала их к

себе тихую спокойною жизнью. Многие проводили там всю свою жизнь. Народ всегда сочувственно относился к этим пустынножителям и помогал им, чем мог. Само начальство не особенно усердно преследовало там их, особенно до 30-х годов нынешнего столетия, насколько можно судить из рассказов об этом самих беглых. Одна женщина, крепостная нерехотского помещика Куцена уже старушка, так рассказывала о своей жизни: «сначала скиталась я по разным губерниям и под конец пришла в лес, за Волгу, около Нижнего, и поселилась там в келье у другой беглой из костромского уезда. Мы прожили с ней около 30 лет. Рядом с нашей кельей были и другие кельи и землянки, в которых тоже жили люди». Эта лесная колония не была, впрочем, совершенно замкнута и вела сношения с окружающим её миром и даже корреспонденцию с отдаленными местами; письма к ним присылались сначала через нижегородского купца Смирнова, от него передавались крестьянам ближней деревни Кобылина, а ими передавались уже по значению. «Когда семеновский уездный суд», рассказывала беглая, «начал по лесам все землянки уничтожать, то опасаясь, чтобы меня не поймали, назад тому другой год (1833) из лесу ушла». Другая старуха же, воротилась к своему помещику Бахметеву добровольно и на суде показала, что жила в бегах вместе с другими женщинами в брянских лесах более 20 лет и воротилась, когда их осталось только две; другие померли.

Беглым крестьянкам известны были также и пути, которыми бежали от помещиков их мужья; как и последние, они проникали и довольно часто, особенно до 2-й четверти нынешнего столетия, в такие общественные притоны беглых, как Уральск, Астрахань и вообще губернии низовьев Волги. По сравнительной малонаселенности их там жилось свободнее. Немало проживало беглых крестьянок и по городам у чиновников, духовенства и военных, по дешевизне охотно принимавших их в прислугу; но не только люди средней зажиточности, а и высшие административные лица провинции не брезгали

пользоваться дешевым трудом беглых. Так в Астрахани у генерал-майора Попова были из беглых организованы рыболовные ватаги на Каспийском море. Один из них рассказывал, будучи взят в 1815 году, по смерти генерала, что он явился к нему и просил взять его в казаки, а генерал, вместо того, взял его в свою дворню и вместе с другими посылал на рыбные ловли. Один кавказский губернатор Скаржинский, в конце прошлого столетия ловил беглых в том крае и населял ими свои поместья; между тем эти беглые правительством были остановлены на местах их жительств свободными, а помещикам, от которых они бежали, их зачли за рекрут. По доносу одного из помещиков об этом сделалось известным сенату, но Скаржинский не был привлечен к ответственности. Да и редко кто из привилегированных «пристанодержателей» подвергался ответственности за это деяние, хотя правительством назначались с них большие штрафы в пользу тех из помещиков, кому принадлежали укрывавшиеся у первых беглые крестьяне. Нам встречалось весьма много дел о побегах крепостных, из которых положительно открывалось, что беглый жил у какого-нибудь помещика или чиновника и ни одного случая, где бы помещик бежавшего крестьянина возбуждал иск против того, кто пользовался трудом его крепостного. Происходило ли это из боязни неизбежной разорительной и многолетней волокиты, сопровождавшей всякого рода дела по дореформенным судебным учреждениям или по другим каким причинам — неизвестно, вероятнее же по первой причине. Один тамбовский помещик, например, в течение десяти лет не мог взять бежавшую от него крестьянку из нижегородского поместья другого помещика, у которого та проживала, хотя за всё это время он непрестанно осаждал уездный суд массою прошений «поступить по законам». При таком порядке судопроизводства для взыскания убытков с пристанодержателя беглого потребовалось бы конечно вдвое больше времени; потому то вероятно потерпевшие

и не пускались в такие «предприятия» без уверенности при том же в счастливом их окончании для себя.

Так как жены крепостных бежали и искали воли не от помещиков, а от своих мужей и «богоданных» семей, то они и не особенно протестовали против нового закрепощения, если по обстоятельствам приходилось им сталкиваться в бегах с этим состоянием и не раз бывали случаи, что они выходили замуж по свободному влечению за крепостных других помещиков, а последние против такого приращения своих крепостных не отклонялись. В 1778 году из вотчины Измайлова, васьского уезда, бежала от мужа жена 20 лет. Она пришла в Чебоксары и жила там в няньках у воеводского товарища Овцына года полтора; уйдя от него, вышла замуж в том же городе за крепостного крестьянина гражданского уезда, вотчины генерала Козлищева, назвавшись ему вдовою пономаря, который «в бывшее возмущение был истреблен». С этим мужем прожила она три с половиною года и родила детей. Соскучившись по своим родственникам, она поехала к сестре в какой-то праздник, а там встретила мужа, который и взял её к себе с бывшею при ней дочерью; но прожила она у него только недели три и «не хотя по несогласию с мужем своим жить, а более от изгони» бежала от него назад к другому, её поймали, наказали за побег, а за выход замуж от живого мужа, вместе с дочерью, представили духовному суду, который наложил на неё эпитимию. Церковным бракам кажется и не придавали тогда значения таинства, а смотрели на брак, как на один формальный обряд и случаи выхода замуж при живом муже или женитьбы при живой жене были явлением настолько обычным, что даже и не преследовались, как преступление против религии и виновные в этом подвергались только церковному покаянию, да и то не всегда. Нижегородский помещик Толстой сманил от одного крестьянина воронежской губернии его жену (дело происходило в 1751 году) и увез её в своё поместье. В доме она прожила с год. Избегая ссор со своей женой, Толстой приказал своему старосте выдать

крестьянку замуж за своего крепостного. В новом замужестве она родила одного сына и двух дочерей. Муж помер и она прожила лет 10 вдовой; во вдовстве родила ещё сына и наконец была продана Толстым соседнему помещику за 11 рублей и четверть пшеницы, а детей её он оставил у себя. Новый её господин выдал её замуж за своего крестьянина. Толстой продал и всех детей крестьянки. Жизнь их была, по-видимому, очень тяжела, так что одну из дочерей она сама выкупила за 20 рублей и наконец решилась подать челобитье в суд об освобождении из рабства и остальных, да и себя. И её действительно освободили, как незаконно закрепощенную, отослав в воронежское наместничество «к бытию в замужестве» за первым мужем, который ещё был жив, а детей, как незаконнорожденных, оставили у помещика. Толстой за своё преступление даже и не привлекался к ответственности: не привлекались и церковнослужители, совершавшие незаконные браки; да и вообще при совершении их священники не требовали от брачующихся никаких документов, веря им на слово или руководствуясь, как в вышеприведенном случае, приказанием помещика. Браки заключались тогда беспрепятственно и между беглыми. Так одна крепостная васильского помещика Сущева, овдовев на 33 году своей жизни, не захотела жить у него и бежала. В казанском уезде, на дороге, сошлась она с беглым же крестьянином. Пожив некоторое время вместе, вздумали они обвенчаться и обратились к одному сельскому священнику; тот обвенчал их. Жене наскучило скоро бродяжничать и она уговорила своего мужа идти к её помещику и они явились. Мужа своей крепостной помещик, впрочем, не взял и представил его в суд, где он назвался бродягой, непомнящим родства и был сослан на поселение в Сибирь.

Попадая в бегах в среду людей безнравственных, воров и мошенников, женщина, под их влиянием, падала нравственно и сама. Одну беглую крестьянку встретили раз в лесу близ села Кочупова, сергачского уезда, как она рассказывает, беглые лю-

ди и привели в свой стан, расположенный в овраге, в зарослях; там жила их большая ватага; работой они никакой не занимались, часто куда-то уходили и к ним приходили разные неизвестные люди; был между ними и один грамотный и всё писал какие-то бумаги. Она была у них стряпкой, а когда не было провизии, то ходила по деревням за сбором для них милостыни. С ними она приучилась пьянствовать, а под конец и совсем спилась и пропивала часто собранный по деревням хлеб; наконец ушла от них.

Публичные наказания женщин кнутом за побегі приносили такие же плоды, и во всяком случае ими достигались результаты совсем противоположные тем, каких от этих наказаний ожидали: опозоренная всенародно женщина заливала свой стыд вином, пускалась в воровство, разврат, убегала снова и уже окончательно падала в бегах; никакие преграды и наказания не удерживали её в доме мужа и пойманная она вновь бежит. Одна, например, говорит на суде: «чинила и от мужа своего неоднократно побегі, а сколько оных учинила, того по множеству доподлинно сказать не могу» (Дело №519, 1781 года).

Одним из средств удержать неисправимую беглянку дома были цепи, и они считались принадлежностью едва ли не каждого крестьянского дома, потому что всякого рода колодники почти непрерывно пересылались по всем большим и проселочным дорогам, а повинность эта лежала на крестьянках же и отправлялась ими поочередно, натурою; но и цепи часто оказывались средством недействительным: одни от них освобождаются и бегут, а другие находят возможным бегать скованными, не обращая на свои кандалы никакого внимания. Вот как, например, повествует о себе одна из этих, по необходимости, подвижниц, крепостная князя Д.В. Голицына: «Находилась я, по приказанию господина своего, скованною в кандалах, за производимые мною из дома мужа неоднократно побегі, и проживала с того времени в доме своего мужа, вместе со свек-

ровью, не быв никогда выпускаема из кандалов, почему и вознамерилась от такого мною чувствуемого истязания и от делаемых мне тою свекровью нападков и неправильных по дому их взысканий куда-либо бежать и бежала, не снимая с себя тех кандалов». В селе Собакине её увидел сотский «и по усомнительству имеемых на оной кандалов» взял и представил её в суд.

Вступая в категорию беглых, женщина должна была подавить в себе естественные желания привязанности и любви: жизнь в бегах в постоянном страхе быть пойманною, необходимость прятаться часто от людей исключали возможность естественного проявления в ней этих чувств; если же, не смотря на эти условия жизни, некоторые из беглых женщин, на беду себе, и привязывались к людям с легальным положением, что и случалось нередко, то эти привязанности, в силу одной только разницы в их положении, всегда оканчивались печально для беглой и часто губили её.

4

По своей многочисленности и вековому постоянству побеги крепостных не могли остаться без влияния на народную жизнь и мы попытаемся уяснить, в чем именно и на каких сторонах народной жизни отразилось это влияние.

Образованный человек в привилегированном сословии, дворянстве, был явлением весьма нечастым даже и в первой половине нынешнего столетия, не говоря уже о конце прошлого, когда даже грамотных дворян было весьма немного, как это видно, например, из следующей таблички о числе грамотных и неграмотных дворян, подписавших указы депутатам в комиссию уложения при Екатерине II¹.

---

¹ Табличку эту мы заимствуем из ст. Шашкова, помещенной в «Деле» за 1880г, кн. 1-4: «Комиссия уложения и крестьянское дело при Екатерине II» [прим. В.И. Снежневского].

	Грамотных	Безграмот- ных
Боровское дворянство	22	5
Михайловского уезда	49	81
Судиславское дворянство	49	13
Калужского и медынского	17	10
Зарайское дворянство	41	7
Рязанское	88	42
Ростовское	55	13
Алексинское	56	7
Белозерское	51	8
Устюжское	28	10
Бежецкое	150	29
Вологодское	74	33
Чухломское	51	22
Кологривское	4	6

Нечего конечно уже говорить о народном образовании в тот период, и действительно, народной школы до начала земских учреждений у нас почти не было. Некоторыми помещиками она признавалась не только бесполезною, но часто вредною, даже в узко практическом смысле; припомнить приведенный раньше случай, когда помещица всячески старалась устранить возможность научиться грамоте своим крепостным, боясь чтобы они не стали писать себе фальшивые паспорта и убегать от неё. Встречались конечно, да и нередко, помещики, которые не жалели больших денег для обучения своих крепостных искусствам и наукам, но это делалось не для пользы крепостных, а для барской прихоти, и нам приходится только пожалеть об этих несчастных, получавших образование лишь для того, чтобы глубже сознать и сильнее чувствовать своё злосчастное положение. Вообще же народ коснел в глубоком невежестве, и если проникали к нему какие знания, то только путем практическим, но и этому весьма часто стояло препятствием нежела-

ние помещиков отпускать от себя крепостных на посторонние заработки, из боязни побегов. В этом именно смысле, т.е. в распространении практических знаний в народе беглый крепостной и послужил некоторым образом проводником.

Не говоря уже о самой России, в которой не было угла, куда бы ни заходил беглый, он был и на дальнем востоке, в Сибири, Персии, бродил в Турции, Австрии, Польше т.д., сталкивался со всевозможными положениями, наблюдал разнообразнейшие условия народной жизни; тоже разнообразие, смотря по условиям жизни, было и в его случайных занятиях, за которые он брался, чтобы заработать свой хлеб. Естественно, что, переходя из места в место, от одних людей к другим, беглый делился богатым запасом своих наблюдений, а иногда был и основателем какого-нибудь промысла в местностях, благоприятных для его развития: беглые же бывали иногда в роли странствующих учителей, обучая по деревням грамоте крестьянских детей, как это видно, например, из одного случая, который был приведен раньше; от них же крестьяне узнавали о привольных безопасных местах, куда можно было бежать в случае крайности. Многие из беглых не прерывали сношений с родиной и вели со своими родственниками переписку даже из-за границы, как, например, крестьяне Салтыкова, описывавшие свое житье и тамошние порядки. Наконец беглые крестьяне, заселяя юго-восточные окраины государства, служили им щитом от постоянных набегов разных кочевников; они же, главным образом, были первыми пионерами Сибири и мирными завоевателями этого разноплеменного края, основывая там прочные поселения и внося туда свою культуру.

Но едва ли эта благоприятная сторона побегов искупала всё то зло, какое несли они в народную жизнь. Из массы просмотренных нами дел о побегах крепостных крестьян побег холостых встречались только в виде исключений, в весьма малом количестве; большинство убежавших люди женатые, имевшие семьи; самый значительный процент бежавших пада-

ет на крестьян в возрасте от 20 до 50 лет. Явление это делается понятным, если принять во внимание, что помещичий гнет ложился преимущественно на хозяина семьи; холостой, как не имевший в хозяйстве самостоятельного значения, в редких только случаях мог сталкиваться с властью помещика, а потому и редки были причины, заставлявшие его бросать семью и мыкаться по белу свету. Побег домохозяина неизбежно влек за собою расстройство хозяйственной единицы, а иногда и совершенное разорение её; неблагоприятно отзывался он и на бюджет всего крестьянского общества, на обязанности которого оставалась уплата всех государственных платежей за своего бежавшего члена. Но всего больше терпела и расстраивалась от побегов крестьянская семья. В помещичьей вотчине она создавалась не свободным союзом, а насильственным соединением, которое обуславливалось только хозяйственным расчетом и властью помещика и которому до своих крепостных работников, как до людей думающих и чувствующих, не было никакого дела, и неудивительно, что созданная на таких началах семья шла врознь, раздиралась по всем швам, как сшитое гнилыми нитками платье; муж бежит, не задумываясь о судьбе оставленных им жены и детей, также легко бросает и жена своего мужа и своих детей; никакой внутренней духовной связи между ними не было или она была настолько слаба, что не могла удерживать их. После побега мужа или жены с обеих сторон возникали незаконные связи, а иногда даже и «законные браки», не остававшиеся конечно, без вредного влияния на нравственность народа и на понятия его о святости семейных уз. Но этим ещё не исчерпывается всё зло, какое вносили в жизнь народа побег; дурное влияние их отразилось, гораздо глубже на народной жизни с другой стороны. Через побег общество лишалось наиболее сильных энергичных своих членов, не хотевших мириться с неблагоприятными условиями жизни, давая этим условиям без борьбы укорениться в своей среде. Выделяя из себя элементы силы, борьбы, народ только приспособлялся

ко всяким невзгодам, без протеста вынося на своих плечах все тяготы, какие клало на него в своем историческом развитии государство; он выработал идеал беспредельного терпения, создал бесконечную песню о горе-злосчастье и надолго задремал под её унылые звуки, по временам прислушиваясь к другим вольным песням, которые распевала там, далее к востоку, ушедшая от него вольница; отголоски этих вольных звуков то замирали, то вновь доносились: вольница рассыпалась по бесконечным пустыням Сибири, расплывалась в её беспредельном просторе,- пока лет через сто широкие волны её вновь не залили нижнего Поволжья. Забушевали дикие стихийные силы, из нестройного гула пронесся голос, обещавший вольность,- и народ снова приподнял голову. Но вольница рассеяна и опять всё затихло; народ снова замер в томительном ожидании, пока не пришел, наконец сказочный царевич и не разбудил его от векового сна.

К сожалению, мы не имеем под руками точных данных о количестве побегов крепостных крестьян и об отношении числа бежавших к общему числу крепостных в более или менее

обширном районе; нам удалось только собрать некоторые данные, относительно побегов крепостных, из явочных челобитных, какие подавались в уездные суды вотчинными начальниками о бежавших, и то только по одному арзамасскому уезду, за двадцатипятилетие 1787-1811 гг. Хотя приводимые ниже цифры и не могут дать ответа на интересующий нас вопрос, в виду незначительности местности и времени, которые они обнимают собою, но они всё-таки не лишены интереса.

Начало таблицы

Бежало крепостных	1787	1788	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799	1800
Крепостных женатых	20	16	16	11	16	12	30	17	16	25	26	26	21	28
Холостых	2	-	-	1	1	-	4	6	-	3	1	1	1	2
Замужних женщин	5	3	5	7	5	2	9	13	6	22	15	6	6	8
Девки	2	-	-	2	2	-	4	7	-	-	-	2	2	1
Дворовых мужчин	15	9	7	5	12	9	14	8	2	9	8	6	11	15
Дворовых женщин	7	3	3	-	3	-	6	4	3	4	2	-	3	3
Семьями	1	-	-	1	-	-	4	4	-	6	2	-	-	4
Всего в год	51	31	31	26	39	23	55	55	27	63	52	41	44	57

Продолжение таблицы

Бежало крепостных	1801	1802	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1811	В % общ.	Средний числом год	Всего
Крепостных женатых	25	34	35	29	25	19	19	30	10	23	23	48	22	552
Холостых	1	-	-	1	-	1	1	3	-	1	1	3	1	30
Замужних женщин	11	14	14	11	11	12	12	9	9	13	9	21	10	237
Девки	-	-	-	-	1	-	1	2	2	-	-	2	1	28
Дворовых мужчин	19	7	6	7	6	12	-	13	13	6	11	20	9	231
Дворовых женщин	2	2	2	2	3	1	3	3	3	3	-	6	3	65
Семьями	-	-	1	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	
Всего в год	58	46	57	50	46	45	36	60	36	46	44	100	46	1143

Прежде всего из этой таблицы мы видим, что побеги женатых крепостных повторялись, за это время, из года в год, более или менее правильно, значительно усиливаясь лишь в 1793, 1802, 1803 и 1808 годах и уменьшаясь в 1790, 1792 и 1809 годах, и что они составляли почти половину всего числа бежавших; можно поэтому с уверенностью заключить, что и причины, заставлявшие крестьян бежать от помещиков, были всегда одни и те же и обладали теми же свойствами постоянства. Следующее место, по числу бежавших, занимают замужние крепостные женщины, и хотя число их, за первую половину двадцатипятилетия, сильно колеблется, но за то обнаруживает стремление к правильности за последнюю его половину; за ними далее следуют дворовые мужчины, составляя 20% всего числа бежавших; но если принять во внимание, что дворовые едва ли составляли двадцатую часть всего числа крепостных, то, чтобы получить более точное понятие о количестве их побегов, сравнительно с крестьянами, мы должны будем увеличить число побегов дворовых людей по крайней мере в двадцать раз и признать, что они несравненно чаще бежали от помещиков, чем крепостные прочих категорий. Что касается холостых крепостных крестьян, то они обнаруживают весьма слабое стремление к побегам¹, о чем мы уже ранее имели случай заметить. Побег крепостных крестьян целыми семьями в нынешнем столетии бывали редко, но прежде повторялись весьма часто, что и понятно, так как крестьяне, бежавшие от помещиков, могли тогда почти свободно селиться по юго-восточным окраинам государства. Наоборот, побег целыми партиями были сравнительно чаще к концу крепостного права и вызывались, или какими-нибудь экстраординарными случаями, как например жестокостью и систематическим разорением своих крестьян большими поборами нижегородским помещиком Кушелевым, от которого в 1839 году бежали одна за другою две партии крестьян в 9 и

---

¹ Из числа беглых холостых крестьян и девиц нужно ещё исключить тех, которые бежали не самостоятельно, а с семьями [прим. В.И. Снежневского].

15 человек, не считая их жен и детей, - или вообще слишком обострившимися отношениями между помещиком и его крестьянами; так в 1850г. был случай побега всех крестьян из имения помещицы Поливановой, владимирской губернии, в то время, когда туда явился командированный губернатором чиновник особых поручений для восстановления порядка между неповиновавшимися помещице крестьянами.

Неизвестно, как повторялись побеги крестьян по отдельным имениям и только в одном деле нам попался реестр беглым крепостным помещика Салтыкова из села Выездной Слободы, близ Арзамаса; из этого реестра также видно, за небольшими исключениями, некоторое постоянство в числе бежавших в течение семи лет. Вот этот реестр.

Бежало: в 1829 году 1 крестьянин.

- 1830 - 2 крестьянина.

- 1831 - 3 -

- 1832 - 3 -

- 1833 - 3 -

- 1834 - 2 -

- 1837 - 3 -

Правительство конечно не могло не обратить внимания на побеги и целым рядом манифестов приглашало беглецов возвратиться то на прежние места, то на свободные земли или приписаться по городам в мещане и по деревням в крестьяне удельного и казенного ведомств. Не у многих, конечно, являлась охота возвращаться к своим помещикам, вставать в прежнюю зависимость от них и в прежние условия жизни, от которых они и бежали, - но случаи приписки по манифестам в мещанство и в свободные крестьянские общества бывали нередки. Этими манифестами иногда и злоупотребляли помещичьи крестьяне, убегая от помещиков для того только, чтобы приписаться в мещане; так, например, помещик Короваев отправил

своего крестьянина из владимирской в нижегородскую вотчину (1783г.). Приехав в Нижний, крепостной услыхал о манифесте 1782 года и, назвавшись беглым, просил приписать себя к нижегородскому мещанскому обществу. Его приписали.

Злоупотребляли манифестами часто и чиновники, приписывая, за взятку, по городам в мещане таких беглых, которые не имели права пользоваться милостями манифестов. Но незavidна была участь этих бедняков, новых бесхозяйственных: они или закабались к зажиточным членам своего общества, или снова пускались в бега, а иногда даже возвращались к прежним своим помещикам, как это сделал, например, и приписавшийся к нижегородскому мещанству беглый, о котором мы только что говорили; промаявшись года полтора в батраках, он воротился к помещику. Да и коренные мещане смотрели недружелюбно на этих новых пришельцев, неисправныхплательщиков, которым зачастую и не было другого исхода, как только снова бежать. Большая часть их, не имея возможности обзавестись своим хозяйством, должна была искать заработка на стороне; между тем выдача паспортов приписавшимся в мещанство из беглых была обставлена большими затруднениями: в этих случаях от получившего паспорт требовали уплаты подушных за год вперед и кроме того поручительства кого-нибудь из мещан в том, что уходящий по паспорту в срок явится; без соблюдения же этих условий магистраты выдавать им паспорта «смелости не имели», как отвечал балахонский магистрат губернатору на жалобу некоторых мещан из беглых. Понятно, что удовлетворить этим требованиям могла только самая ничтожная часть вновь приписавшихся в мещанство, остальные же, как уже было замечено, принуждены были снова бежать, что и было на самом деле. Прекрасным подтверждением этому могут служить имеющиеся у нас два реестра беглым, один – приписавшимся в балахонское мещанство в 1780-1783 годах, на основании манифестов 1779, 1780 и 1782 годов и дру-

гой-приписавшимся в тоже мещанство в августе 1787 года, которые мы и приводим.

«Явилось из бегов и приписалось в балахонское мещанство в 1780 году:

В апреле 3 семьи и 5 человек, всего 14 человек

- мае - 1

- июне - 1

- августе - 6

- ноябре - 1

В 1781 году, в феврале - 4

- марте - 3

- 1782 году, в октябре - 8

- ноябре - 4

- декабре - 1

- 1783 году, в январе - 1

- феврале - 2

- марте - 2

- июле одна семья в 3 ч., и 4 ч. всего 7

Итого 55 человек

По справке в 1874 году из них оказалось: «По неспособности в мещанстве» отдан в рекруты 1 человек, по своему желанию нанялись в рекруты за мещан трое, утонула одна, по своему желанию нанялись в город Судиславль трое (семья), по своему желанию возвратились к помещику трое, бежало 27 человек, а всего выбыло 38 человек. Следовательно на месте из 55 осталось только 17 человек.

Из другого реестра беглым, приписавшимся в балахонское мещанство в августе 1787 года, видно, что к 1789 году из 10 человек осталось только пятеро, да и о тех сказано, что питаются подаением, остальные бежали, двое – в сентябре того же года, а трое в мае 1788.

Вследствие манифестов, дававших беглым право приписываться в мещанство, прилив их в города, в конце прошлого столетия, был весьма значителен, например, только в течение 5 лет (1780-1784) приписалось «явившихся из бегов» в нижегородское мещанство 168 мужчин и 17 женщин, не считая детей при некоторых из них, всего же 185 человек. В Нижнем в 1779 году мещан считалось 1391 человек¹, следовательно за такое короткое время беглые увеличили число их на 13%. Но и здесь, как в Балане, многие из беглых пришлось «не ко двору»: уже в декабре 1784 года из 185 человек в городе не оказалось и половины, - 58 человек бежало, 7 человек умерло, 5, по своему желанию, переселились в другие города, 1 сдан за мещан в рекруты и 24 человека были возвращены помещикам, так как оказалось, что они не имели права на приписку, за разные преступления, сделанные ими при побегах; нелишне при этом заметить, что преступление большинства их заключалось в проживании в бегах и приписке под чужим именем, что также лишало беглого права на милости манифестов.

К концу крепостного права побегі крепостных хотя и не прекращались, но стали повторяться сравнительно реже и не потому, чтобы условия жизни их изменились к лучшему, но потому, что беглому стало труднее укрываться от помещика и от властей; места, считавшиеся прежде безопасными и гостеприимными для беглых, мало-помалу утратили благоприятные для беглецов свойства. Масса недовольного люда накапливалась поэтому в помещичьих имениях и протест против крепостного ярма стал принимать другие формы: чаще стали жалобы крестьян на своих помещиков, мирские ходатаи чаще появляются в Петербурге, учащаются бунты крепостных против помещи-

---

¹ Сведение это заимствовано нами из рукописной книги: «Ведомость селениям и о числе во оных душ, составляющих нижегородского наместничества нижегородскую округу», принадлежащей А.С.Гацискому [прим. В.И. Снежневского].

ков, во многих местах крестьяне отказываются им и властям повиноваться и нередко решаются на убийства своих господ.

Жалобы крестьян на помещиков, подаваемые в местные суды и губернаторам, редко приводили к облегчению их участи, да и сами крестьяне, когда являлись к ним чиновники производили следствие, пугались затеянного дела и один за другим отказывались от своих обвинений, а бывали случаи, когда они не сознавались даже и в том, что писали жалобу на помещика; тогда привлекали к ответу писаря и так как тот не мог доказать, что писал жалобу по просьбе крестьян, то его наказывали и писали в разряд ябедников. Если же крестьяне и подтверждали свои обвинения при следствиях, то всегда находились из них люди, неподписавшиеся под жалобой и главные зачинщики, подговорившие крестьян подписаться под просьбой. Зачинщиков, как возмутителей спокойствия и нетерпимых в обществе, ссылали, по просьбе помещиков, на поселение в Сибирь, а прочих участников в жалобе наказывали за оболгание помещика плетью, внушая им этим традиционным способом быть послушными господину и покорность своей судьбе. Плеть, и только одна плеть прописывалась тогда против всех многочисленных недугов крепостного права.

Как смотрели местные суды и администрация на отношения между помещиками и крестьянами и на жалобы последних на слишком большие поборы и разные несправедливости, видно, например, из следующего дела, производившегося в нижегородской уголовной палате в 1833-1835 годах. Крестьяне помещицы Безносовой написали ей жалобу на её управляющего Десятова, и приведя в прошении длинный список безвиннонаказанных им и поборов, каких они прежде не платили, пишут, что пришли в крайнюю нищету, обсеменить поля, по случаю прошлогоднего неурожая, им нечем, что и теперь уже они доедают последнюю мякину, а управляющий продал последних их овец и кур, да он же распродал из запасных общественных магазинов весь хлеб, и слезно просят удалить от них Десятова,

«иначе», говорят, «лучше нам быть по вашей воле на поселении, нежели оставаться в таком тиранстве».

Прежде чем послать прошение помещице, крестьяне отслужили молебен, «чтобы Бог помог им в предпринятом деле», как объяснил священник, хотя, по его словам, ему не было известно - «в чем оное состояло». Десятков, узнавши, что крестьяне послали жалобу на него госпоже, сообщил об этом в суд и заявил, что крестьяне «по сему случаю» вышли из повиновения, собираются самопроизвольно на сход и не хотят ходить на господские работы. Прошение своих крепостных Безсонова также представила в суд на рассмотрение. Зачалось дело. Крестьяне обвинялись и были обвинены в буйстве и в неповиновении управляющему. Зачинщики были наказаны плетью, а остальным, подписавшим прошение, в наказание было вменено долговременное тюремное заключение (2 года). В разбирательство жалобы крестьян на управляющего уголовная палата не входила, признавая претензию их не подлежащею рассмотрению суда, так как она (претензия), сказано в постановлении палаты, «имела стремлением затруднить владельцу пользование своим имуществом», и только констатирован был факт продажи управляющим хлеба из запасного общественного магазина, что, впрочем, для него не имело никаких последствий, кроме подтверждения — не допускать крестьян до нищенства. Священник, отслуживший по заказу крестьян молебен, не был оставлен судом без внимания и о нем сообщено было на рассмотрение духовного начальства.

Жалобы крепостных на помещиков хотя и считались, по-прежнему, противозаконными и преследовались правительством, но это конечно не могло остановить от жалоб крестьян, находившихся иногда в безвыходном положении и они нередко доходят, не смотря на разные препятствия, с челобитьями на господ до государя. Для примера укажем на крестьян арзамасских помещиков Баженовых. В 1807г. они послали троих ходяков в С.- Петербург, с жалобой к государю, на отяготительные

поборы, и перестали платить оброк. Один из ходоков прожил в столице, то на воле, то по гауптвахтам, около года и наконец был выслан на родину, где объявил крестьянам, что приказано ждать устройства их участи государем. Крестьяне поняли это в благоприятном для себя смысле и продолжали отказывать помещику в оброке. Результатом просьбы крестьян и следствия, возникшего по ней, было назначение над имением опеки, и так как на нем накопилась масса долгов, то крестьян обязали выплачивать их в течение 25 лет, при чем на каждую душу в год приходилось платежа по 35 рублей; но «за совершенным разорением» крестьяне наотрез отказались платить такую сумму и соглашались выплачивать не более, как по 10 рублей в год с души. Угрозы и увещания не действовали, крестьяне упорно продолжали стоять на своем, тогда в имение Баженовых были вызваны войска. Ходоки и главные зачинщики из крестьян были биты кнутом и сосланы в каторгу, а все остальные крестьяне от десяти девятый, по жеребью, наказаны плетью. Но и это не помогло: обедневшие крестьяне оказались действительно не в состоянии выплатить в назначенный срок долги помещиков и правительство принуждено было перевести их на барщину.

Не находя защиты в судах от жестоких помещиков, выведенные из терпения крепостные расправлялись с ними иногда сами. Интересное в этом роде дело разбиралось в 1840 году в нижегородской уголовной палате. Покушались на жизнь арзамасского помещика Бетлинга его дворовые. Прежде чем решиться на убийство помещика, дворовые несколько раз обращались с жалобой на жестокие побои господина к исправнику и местному предводителю дворянства; последние подтвердили показания дворовых и заявили, что вследствие этих жалоб советовали Бетлингу удерживаться от жестокостей. Но он не переменился в обращении со своими крепостными и, как показывали дворовые, тайно мучил их за доносы властям. Наконец пятеро холостых дворовых, в возрасте от 19 до 24 лет, сговорились убить его; они напали на Бетлинга ночью, когда тот воз-

вращался из Арзамаса в своё поместье; один из нападавших ударил его в лоб дубиною; но Бетлинг соскочил с дрожek и успел спастись от них бегством. Все обвиняемые на суде даже не пытались оправдывать себя и скрыть цель нападения и откровенно сознались, что имели намерение убить помещика, а один из них, даже неучаствовавший в нападении, а только бывший в заговоре с нападавшими, заявил, что не пошел на дорогу поджидать с товарищами своего господина только потому, что хотел отклонить от себя подозрение в убийстве, если бы оно случилось, и при этом сказал, что приняли бы участие в заговоре и все женатые дворовые, если бы не боялись за участь своих семей. А вот как рассказывали они о причинах, побудивших их на убийство Бетлинга и о тех наказаниях, каким он подвергал их. Один говорит: «наказывал меня барин очень часто и бесчеловечно, например: за неотыскание в бане простыни розгами, за упуск на охоте зайца розгами ж и за то, что раз вздремнул – розгами, нынче, зимою, за нескорое поставление тенет – по голове палкою, за то, что позабыл принести в баню квас – розгами, за слабое привязание к неводу камня – по голове железным аршином, и много в разное время делал мне наказаний, которых уже не припомню». Другой: «у меня на теле от его побой нет здорового места и много раз меня вытаскивали из конюшни после наказаний односельские мужики замертво» Третий, кучер: «потерял и всякое терпение, видя каждодневные жестокие поступки господина; бил он нас чем ни попало, не разбирая даже и самых больших праздников, бил меня, например, ружейным прикладом, за то, что оборвался поперечник, бил нещадно за то, что проезжая верхом на лошадях, я не мог заставить ехать свою лошадь так, как хотелось барину то очень шибко, то очень тихо». Четвертый: «бил меня барин всячески и пинками, и кулаками, и плетью, и колом, за всякую малость; а весь нынешний великий пост продержал в темном чулане, выдавая по фунту хлеба и по фунту воды, а земскому суду объявил, что я в бегах; от несносных и частых пробой потерял я па-

мать, поэтому уже и решился на последнее средство, не имея никакой отрады; рубцы и пятна на голове моей и других доказывают жестокость наказаний и наше отчаяние». Штаб-лекарь по последнему заявлению свидетельствовал головы всех обвиняемых и действительно нашел, что у каждого были на голове следы от заживших ран, а у некоторых головы оказались буквально исполосованными во всех направлениях. Спрашивали на суде некоторых крестьян Бетлинга, каким он их подвергает наказаниям, и те также жаловались на его жестокость. Один из крестьян, плотник 66 лет, рассказывал, что во время господских работ его, как лучшего мастера, господин чаще чем прочих сек розгами; «не проходило недели», говорил он, «чтобы я не был высечен или прибит, хотя бы и не я, а товарищи мои в чем ошиблись на работе»; другой, плотник же, рассказывал, что хотя его не так часто бил барин, но наказания не избежал же, так «раз, за неплотность пола на мельнице, ударил он меня по шее, свалил с ног и из рук своих колом перешиб мне руку».

Уголовной палатой виновные были приговорены к ссылке в каторжные работы. Бетлинг остался тем же полноправным помещиком, каким был и до этого процесса; судом ему даже не сделано было обыкновенного в подобных случаях «подтверждения», чтобы он человечнее обходился с своими крепостными, потому что показаниям обвиняемых суд не давал вероятия, при том же и крестьяне заявили, что после жалобы на помещика жестоким побоям он их не подвергал больше.

Следует ещё упомянуть об одном роде протеста против крепостного состояния, протеста хотя и пассивного и менее всего влиявшего на изменение к лучшему быта крепостных, но за то сильного своим трагизмом и красноречиво говорившего об отчаянном положении этих протестантов,- это о самоубийствах. Мало обращали прежде внимания на такого рода происшествия и следователи не особенно усердно доискивались причин, побуждавших крепостных к самоубийству. Этим, вероятно, и объясняется, главным образом, что в делах о самоубийст-

---

вах редко встречаются свидетельские показания, более или менее определенно указывающие на причины самоубийств. Большинство свидетелей ограничивается в этих случаях одной почти всегда неизменной фразой, что такой то вероятно лишил себя жизни «от имеемой в нем задумчивости»....

В.И. СНЕЖНЕВСКИЙ
КРЕПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ
И ПОМЕЩИКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ
ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ
19 ФЕВРАЛЯ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ
ПОСЛЕ НЕЁ¹

«Нет такого нелепого слуха, нет такого неправдоподобного повода, который бы не служил для крепостных достаточным предлогом для предъявления старинных притязаний на освобождение», - писал в 1855 году в своей «записке об освобождении крестьян в России» К.Д. Кавелин.² Так живуча и сильна была в крепостных крестьянах жажда свободы. Особенно благоприятствовали распространению между крепостными слухов о воле предпринимаемые правительством с начала нынешнего столетия меры к постепенному ограничению и уничтожению крепостного права. Строгая тайна, с какой подготавливались эти меры и нерешительность, с которой проводились они, только усиливали общее настроение. Многие чувствовали, что что-то замышляется, но никто не знал намерений правительства. В обществе стали ходить невероятные слухи и предположения. Проникли они и в народ. Крепостные с жадностью ловили далекие, смутные отголоски, верили всякому намеку на волю, откуда бы и в какой форме они им не являлись.

В Нижегородской губернии между крепостными толки о воле появились еще задолго до их освобождения и уже с 1812 года все чаще и чаще стали доходить до местных властей. В этом году между дворовыми людьми помещиков, живших в

---

¹ Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля и первые годы после нее// Действия НГУАК. Т.1. Вып.16. Н.Новгород, 1898 С.57-86

² «Рус.Ст.» 1886, кн. 1, стр. 160 [прим. В.И. Снежневского].

Нижнем Новгороде, появились слухи о том, что «французы скоро их освободят от зависимости помещикам и что господские крестьяне оброк им платить не будут». Такие разговоры открыто велись в народных трактирах¹.

В 1842 году, когда был опубликован указ об обязанных крестьянах, предоставлении помещикам право выделять своим крепостным участки земли в пользование за установленные повинности и заключать с ними договоры по взаимному соглашению, в арзамасском, васильевском и семеновском уездах произошло несколько случаев недоразумений крепостных с помещиками; во многих местах крестьяне перестали повиноваться своим господам, будучи убеждены, что помещиков обязали заключать с ними договоры. Кое-где крепостные прямо заявляли, что вышел указ отбирать их на волю; говорили даже, что за вольность будут брать по 25 руб. с души.

Часто дело не ограничивалось одними толками; жадная до всяких слухов о «вольности», крепостная крестьянская среда быстро претворяла слухи в убеждения. Громадные округа, охваченные будто эпидемией, волновались, и наиболее энергичные из крепостных неудержимо стремились к блеснувшему во мраке свету; но обманчивый свет оказался блуждающим огоньком и они гибли. Такие волнения были в Нижегородской губернии, как и в некоторых других во время Восточной войны 1853 – 1856 гг. Начались они в 1854 году в ардатовском уезде, между заводскими крестьянами Шепелевых. В течении второй половины июня со Сноведского, Выксунского и Вильского заводов бежало 127 человек. Все они пошли в Москву, чтобы поступить на военную службу. «Через три года, говорили они, - за службу царь дает волю и жалование». Вслед за заводскими крестьянами из многих вотчин в уезде стали убегать крестьяне в Москву. В следующем году движение перешло в княгинин-

---

¹ Дело историч. Архива Нижегород. ученой архив. комиссии № 2175 1812 г. Все дела, на которые делаются ссылки в этой статье, хранятся в этом архиве [прим. В.И. Снежневского].

ский уезд. Сначала крестьяне убегали мелкими партиями, но вскоре движение усилилось, и крепостные открыто стали уходить от помещиков, а оставшиеся перестали им повиноваться¹.

Наступило, наконец время, когда из сфер фантастических давно ожидаемая воля спустилась в область действительности; но не вдруг, в начале, так сказать, инкогнито, под скромным именем «улучшение быта».

1

В конце 1857 года стали известны взгляды правительства на крестьянский вопрос, высказанные по поводу решения дворян ковенской, виленской и гродненской губерний освободить помещичьих крестьян от крепостной зависимости. Циркуляр об этом министра внутренних дел от 24 ноября 1857 года, полученный нижегородским губернатором Александром Николаевичем Муравьевым, произвел, как доносил министру губернатор, какое-то общее недоумение. «Дело было слишком ново, писал Муравьев, никто его не ожидал в такой скорости, и потому не вдруг могли с ним освоиться». Вскоре, на дворянских выборах 18 декабря, в среде дворян определилось два положения: одни признавали необходимость присоединиться к видам правительства, другие же надеялись уклониться от этого. Убеждение первых, взяло, однако, верх, и нижегородское дворянство сделало постановление «с глубокою признательностью исполнить высочайшую волю»². 30 декабря был получен в Нижнем Новгороде Высочайший рескрипт, данный 24 декабря нижегородскому военному губернатору, об открытии в Нижнем губернского комитета для составления проекта положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян Нижегородской губернии.

---

¹ Дело № 340 1854 г. [прим. В.И. Снежневского]

² Дело о занятиях комитета по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян № 18 т. 1, стр. 18-22. [прим. В.И. Снежневского]

Весть о предстоящем «улучшении быта помещичьих крестьян» быстро разнеслась по всем захолустным уголкам губернии. Все поняли ее, как весть о воле, и уже конечно крепостные ее встретили без «недоумения»: они давно ее ждали, и вскоре многие из крепостных, под влиянием этого известия, стали сомневаться в праве помещиков пользоваться их трудом. Так, уже в конце декабря 1857 года крестьяне деревни Шарголей, горбатовского уезда, вотчины князя Черкасского, запретили своему бурмистру отправить господину собранный оброк, будучи убеждены, что скоро все получат свободу, и деньги их пропадут; а двое из крестьян этого же села, узнав о продаже поверенным князя 6 десятин лесу, в январе 1858 года отправились от мира с жалобой на него губернатору, так как лес должен был перейти, по их убеждению, в их владение.

Такой же взгляд на помещичьи владения объявился между крепостными васильского уезда, но там он выразился в более резкой форме. В начале июня 1858 года крестьяне помещика А.В. Тимофеева, сельца Полянок, узнав о приказании помещика своему бурмистру продать 30 десятин леса, принадлежавшего к этому имению, толпою пришли в лес, когда туда явились покупатели, «с топорами и дубинами угрожали изрубить всю их посуду и выжечь их деревни, если только они купят у них этот лес, потому что они скоро будут вольными, и весь лес достанется им». Покупатели разъехались и взяли свои задатки.

Васильский предводитель дворянства Суцев еще раньше этого случая, 9 апреля того же года, писал губернатору: «Распространившиеся вообще между крестьянами превратные толки о предоставлении им свободы, как мне известно, чрезвычайно усилились. Действительному положению этого дела они верят очень мало, и некоторые из них твердо убеждены, что в скором времени непременно последует такое распоряжение, по которому вся господская земля перейдет к крестьянам, и они будут освобождены от всякого влияния на них помещиков».

Такие убеждения крестьян в предстоящем решении аграрного вопроса создались не вдруг, а издавна были лелеемы и не только помещичьими, но и вообще всеми крестьянами; они упорно держались в их среде, выражались весьма часто в разных местах и иногда в довольно положительной форме. Например, один удельный крестьянин, Железнов, из села Дубовки, ардатовского уезда, проезжая разнопоместным селом Серякушами, того же уезда, говорил крестьянам, возившим в поле навоз: «напрасно вы навоз-то возите: через восемь дней будете вы вольными, и земля вся перемешается; об этом получено уже и письмо из Питера от предводителя дворянства Карамзина»¹. (д. № 261 1858 г.)

Вот другой небезынтересный факт в отношении затронутого нами вопроса о взглядах крестьян на земли помещичьи.

В 1826 году, по одному частному делу, производившемуся в арзамасском уездном суде, открылось весьма любопытное прошение в бумагах дворового человека помещика К. Баженова, Кудашкина, на имя государя Николая Павловича, «со знатным покушением подать его на высочайшее имя». «Милостивый Государь Михаил Павлович Ваше Императорское Величество, - говорится в прошении, - просим Вас от господ всех на жалования посадить на нас всю землю по душам разделить, а потом просим Вас Ваше Императорское Величество нельзя как-нибудь солдатово ослабить нас прощайте Михаил Павлович дай бог вам счастливым оставаться прощай родимый наш золотой».

Между распространявшимися слухами о «вольности» помещичьих крестьян встречались иногда люди с признаками явного помешательства на этой идее. Васильский исправник 9 июля 1858 года представил губернатору крестьянина Климова, из деревни Федоровки, вотчины помещика Эрдман, который в торговом селе Спасском Васильевского уезда, в базарный день

---

¹ Александр Николаевич Карамзин – один из деятельных членов либерального меньшинства губернского комитета [прим. В.И. Снежневского].

«разглашал волю». На вопрос исправника: «по какому случаю он толкует о воле», Климов отвечал, что имеет на то бумаги, присланные ему Государем Императором. А бумаги были вот какие: лист из высочайших приказов по гражданскому ведомству, неизвестно какого времени, конверт с адресом на имя генерал-супер-интендента Санкт-Петербургской духовной консистории Флинтер, от пастора ораниенбаумской дворцовой церкви и оболочка с $\frac{1}{4}$ фунтов табаку 2 сорта, фабрики Бостанджогло. К сожалению, в деле (№ 270 1858 г.), из которого мы заимствуем этот случай, нет сведения о том, в чем состояло «разглашение воли» Климовым, и о дальнейшей судьбе его по передаче для испытания во врачебный кабинет.

Упоминаемый раньше васильский предводитель Суцев 4 апреля в письме к губернскому предводителю писал, что какие-то неизвестные люди распространяют в уезде между крепостными «неблагоприятные слухи о воле» и волнуют народ, и доказывал даже необходимость дать ему дозволение требовать воинскую команду для подавления волнения в самом начале (д.№146 1858г.) Страх предводителя оказался, впрочем, преувеличенным, по крайней мере в васильском уезде присутствие военных команд не потребовалось, хотя случаи неповиновения крепостных помещичьей власти, отказ их исполнять некоторые работы и платить оброк, под влиянием неопределенных и преувеличенных слухов о воле, стали оказываться довольно часто по всем уездам губернии; но, по большей части, они прекращались «полицейскими мерами» или простым внушением уездной администрации. Вот несколько таких случаев.

В начале 1858 года крепостные помещика Салова, деревни Пузырихи княгининского уезда, отказались платить помещику оброк и на требование бурмистра отвечали с грубостями, что теперь уже они вольные. Становой пристав, приехав в деревню, прочитал крестьянам рескрипт государя на имя нижегородского губернатора и разъяснил им, что они должны быть по-прежнему в полном повиновении у помещика. Крестьяне

убедились доводами пристава и сказали, что до сих пор не знали о настоящем своем положении, а по слухам в народе считали уже себя вольными, потому полагали, что и оброка платить не следует (д.№86 1858г.)

Также мирно окончился случай, подобный вышеприведенному, бывший в имении макарьевского помещика В.К.Дмитриева, в деревне Ташлыковой. Управляющий имением С.В. Лапша 21 января 1858 года доносил господину, что крестьяне его, «взяв себе лживый толк, с твердым духом отказались платить оброк потому, яко бы, что непременно скоро будут вольными. Удивительно, как глупо, даже жалко». Прибавляет управляющий, не разделяющий очевидно, ни надежд, ни заблуждений крепостных. Крестьяне Дмитриева, по приезду к ним помещика, оброк ему уплатили сполна.

Несколько позднее, в апреле того же года, крепостные князя Голицына, села Казаково арзамасского уезда, отказали управляющему имением от всяких господских работ и в частности от рубки леса, говоря: «будет, поработали ..., да и лес этот скоро будет наш». На приказания исправника слушаться управляющего крестьяне единогласно заявили, что кроме оброка по 18 рублей 80 копеек в год никаких других повинностей в пользу помещика исполнять не будут, и вслед за этим одного крестьянина послали в село Великий Враг, другую вотчину князя, чтобы убедить ее крестьян действовать с ними заодно. Крестьяне были подвергнуты, в числе 10 человек, телесному наказанию и смирились после этого.

Помещик сергачского уезда Кузнецов писал предводителю дворянства, что его крестьяне села Березников «открыли явное возмущение» и не только не платят оброка, но, собравшись, однажды к дому его, начали с дерзостью кричать, что они свободны со всей землей.

Крестьяне помещика П.А. Купреянова, семеновского уезда, отказались от некоторых господских работ. Староста их пришел к помещику и объявил ему, что теперь его крестьяне не

обязаны ни сена его косить, ни дрова рубить, и что он, помещик, над ним старостой, власти уже никакой не имеет. Староста по приказанию станowego пристава был наказан розгами, «что произвело на крестьян самое благоприятное действие», как доносил он губернатору (д. №10 1958г.).

Такое же действие на крепостных крестьян оказывают телесное наказание и в других имениях, где они сомневались в своем политическом положении или в праве помещиков на все те повинности и поборы, какие существовали раньше, и полицейские власти доносили губернатору, что при помощи этих полицейских мер в таких имениях «водворены покорность и спокойствие по прежнему». Так было в имениях: С.С. Каменского, Мессинг, Прутченко, С.П. Чегодаева, М.Н. Сущего и А. Мезенцевого Княгининского уезда, Г.Н.Виноградова, Г. Юрлова и князя Кочубей Лукояновского уезда, госпожи Салтыковой, княгини Вадбольской, Маркова, Шидловского и других, более чем в двадцати имениях Сергачского уезда, П.В. Чирикова, Шишкова и г. Поповой Нижегородского уезда, Зварыкина и З.С. Дивого Семеновского и гг. Волковых Васильковского уездов (д. д. №№10, 86, 118, 220, 328, 356, 309, 369, 406, 146 за 1858-1860г.). В некоторых же имениях недоразумения крестьян разъяснялись и без всяких полицейских воздействий на них одними внушениями. Но волнения и беспорядки не прекращались, но напротив число их все увеличивалось. Вот что писал губернатору 30 июля 1860года васильский предводитель дворянства о положении дел в уезде, который надо заметить был еще одним из самых спокойных в губернии в то возбужденное время.

«...Дух народа в уезде чрезвычайно дурен и неблагоприятен спокойствию: во многих имениях возникают беспрерывно беспорядки и неповиновения властям, так-что приходится почти беспрестанно разъезжать мне самому, и только благодаря моему влиянию на крестьян восстанавливается порядок и спокойствие. Но случаи неповиновения учащаются и это влияние,

наконец, начинает ослабевать. Были примеры, что по отъезде моем из имения, где водворялся порядок, снова начинались беспорядки. Причины всего этого понятны, - говорится далее в отношении предводителя, - крепостные отношения на самом деле уже рушились, хоть закон этот еще не существует; и вот, из неопределенного отношения двух сословий происходят волнения или, иначе, проникший в народ принцип свободы вступил в борьбу с отжившим свое время крепостным правом. А с продолжением такой неопределенности, кто знает, какие размеры может принять эта борьба». (д. № 369 1860 г.)

Жалобы помещиков на непослушания и грубости своих крепостных поступали к губернатору из всех уездов десятками. Становые пристава и исправники почти не возвращались на свои квартиры и, в свою очередь жаловались на помещиков и их управляющих, которые часто сами вызывали в своих имениях беспорядки разными несправедливыми требованиями. Почувяв волю, крепостные не относились к своим господам с прежней покорностью и подобострастием, нередко грубили им и хотя не выходили совершенно из повиновения, но делали мелочные ослушания и приказания господ исполняли лениво, а другие и вовсе не исполняли. Помещики, привыкшие почти к неограниченной власти над крепостными и к их безусловной покорности, раздражались, озлоблялись на своих, пока еще, рабов, но которые не сегодня-завтра получают свободу, и, опасались применять к ним те крутые меры, какими раньше держали их в повиновении, - осаждали начальство жалобами на «бунтовщиков и ослушников» и в то же время требовали от своих крепостных, чтобы те выплачивали им все оброки и недоимки, несмотря на то, что крестьяне зачастую были совершенно не в состоянии выполнять эти требования. Перечислять все такие жалобы было бы довольно трудно, и мы укажем только на некоторые из них.

Князь Ф.Ф. Мышецкий жаловался на своих крестьян села Нершева горбатовского уезда, что они «под влиянием ложных

понятий о свободе, оглашая себя волными», отказались от уплаты оброка. По исследованию исправника оказалось, что крестьяне Мышецкого никогда не выходили из должного ему повиновения и «не думали оглашать себя свободными»; оброк ими был весь уплачен, и только оставалось 10 рублей недоимки за одним крестьянином, который своего хозяина не имел и жил в работниках со стороны, да и тот просил у помещика отсрочки только на месяц (д. № 153 1859 г.).

Помещица Попова в январе 1858 года заявила начальству, что крестьяне села Постниково арзамасского уезда выходят из повиновения. Крестьяне ответили приехавшему водворять порядок исправнику, что они действительно отказались ехать за дровами для помещицы в лес, так как своего леса у помещицы нет, и пришлось бы его воровать на соседних дачах. Крепостные Поповой найдены были исправником в самом разоренном состоянии: по случаю крайнего недостатка земли у них совсем не было хлеба, и они почти поголовно ходили по миру. Попова же объяснила, что крестьяне никогда недостатка в продовольствии не имеют, «а ходят по миру в свободное от работы время лишь по принятому в том околотке обычаю» (д. № 29 1858 г.).

Помещик семеновского уезда П. Кривский в июне 1858 года обратился к губернатору с просьбой о взыскании с его крестьян деревень Пумры и Сукина оброка за первую половину этого года. Оказалось, что крестьяне Кривского не заплатили ему 117 руб.34 коп. по случаю наступления полевых работ, так как они оставили на это время свой кузнечный промысел, который только и давал им средства к жизни (работали они «на хозяев»). Все они были в страшной бедности, как доносил исправник. 74 души их, разделенные на 31 тягло, платили помещику оброка по 20 руб. с тягла. Своего хлеба им хватало только до декабря. Крестьяне обязались уплатить оброк как только получат задатки под работу.

С такими просьбами помещики обращались не только к губернатору, но и в высшие правительственные учреждения.

Так, помещица нижегородского уезда М.Е. Чевакинская подала в начале 1858 года две просьбы, одну министру внутренних дел и другую управляющему III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в которых писала, что крестьяне ее деревни Отерева отказались платить ей оброк под предлогом, что от царя будет какое-то новое положение». Следствием по этому делу выяснилось, что крестьяне Чевакинской не заплатили ей за первую треть года 250 рублей и просили у помещицы платеж отсрочки. Исправник и предводитель заявили, что крестьяне находятся в крайне стесненном положении, и если теперь принудить их к уплате оброка сполна, то половина их совершенно разорится. При просьбе Чевакинской министру было приложено письмо старосты ее вотчины, отчасти само объясняющее положение дел. Староста писал, что крестьяне на требование его уплатить оброк сказали: «нам теперь взять негде; куда хотите нас девайте, а уплатим, когда подрядимся на волжскую работу и возьмем задатки. А мы без вашего приказанья, - говорится далее в письме, - у них продать скотину-лошадь и корову - не можем. Да и потому еще крестьяне не платят, что проникли слухи, будто от царя будет новое положение» (д. № 62, 1858г.).

За самое короткое время слово бунт стало настолько общим в лексиконе уездной и губернской администраций, что потеряло уже свойственную ему остроту, совсем, так сказать, выдохлось, и к нему стали относиться совершенно равнодушно, без всякой критики. Примером может служить следующий случай.

Сотский разнопоместной деревни Шеменеевки, васильского уезда, Зайцев представил 30 марта 1858 года приставу 2 стана Подгурскому рапорт, в котором писал: «вотчины умершего помещика Козьмина-Караваева бурмистр Федосеев по два дня вынуждал крестьян к подписке сделать бунт и вынудя их, средь бела дня разбил амбар и разбил замки и выгреб ржи до 20 четвертей, пшеницы и овса у крестьянина г. Караваева-

Самойлова». В тот же день пристав рапорт сотского представил в васьковский земский суд для производства по нему следствия. Суд передал 1 апреля дело для исследования исправнику и об этом происшествии донес тогда же губернатору; губернатор, в числе других происшествий по васьковскому уезду, донес о нем государю. 5 мая того же года министр внутренних дел по Высочайшему повелению просил губернатора уведомить, что обнаружено следствием «по делу о принуждении бурмистром Федосеевым крестьян Козьмина-Караваева к неповиновению, и какой дан ему дальнейший ход». По справке оказалось следующее: 28 марта, на мирском сходе, по призыву бурмистра Федосеева, крестьяне Караваева рассудили, что с крестьян Федора и сына его Михайла Самойловых следовало взять известное количество ржи и овса, которое Самойлов, отец, был должен отчасти обществу и отчасти своему племяннику; а так как Самойловы добровольно выдать хлеб отказались, то миром решено было взять его силой, что и было тогда же произведено в исполнение. Рапорт приставу, по безграмотности сотского и по его просьбе, писал отставной солдат Коснов «и неуместными выражениями придавал делу вид высшего преступления, имеющего в себе действие поступка особенно важного», как доносил губернатору васьковский уездный суд (д. №71, 1858г.).

Во многих имениях беспорядки возникали не столько под влиянием возбуждения крепостных мыслью о свободе, сколько несправедливым и под час жестоким обращением с ними их господ и особенно управляющих и бурмистров, при чем толки о свободе только усиливали недовольство крепостных и вызывали их на протест.

Крепостные помещика А.Д. Черткова деревень Березников, Воронцова и села Балабанова Сергачского уезда отказались платить оброк и повиноваться бурмистру. Оказалось, что бурмистр присвоил себе более 7000 руб. мирских денег, которые собирал и расходовал бесконтрольно. Крестьяне заявили сергачскому предводителю, что слушаться своего бурмистра не

будут, жалованья и продовольствия, следующего ему по положению, не дадут и на коленях просили предводителя сменить бурмистра. Предводитель сказал им, что сменить бурмистра без согласия на это помещика он не может, и что если они не будут его слушаться и повиноваться его распоряжениям, то будут наказаны; но на это крестьяне ему ответили: «за бурмистра наказывать всех не станут, а если и будут, то мы наказание перетерпим, а слушаться и повиноваться ему все таки не будем» (д. №86, 1858г.).

Отказались платить оброк и повиноваться управляющему крепостные помещика Пашкова в сергачском уезде. Крестьяне его, как доносил министру внутренних дел губернатор, доведены были крутым и не справедливым обращением до того, что боялись в числе двух или трех человек открыто сойтись и поговорить в деревнях (д. №№ 568 и 86, 1857 и 1858г.г.).

В имении баронессы Жомини, в деревне Большом Андосове сергачского же уезда, благодаря бурмистру, также происходили значительные беспорядки. Бурмистр собирал с крестьян лишние деньги и сумел лишить их возможности лично обратиться к помещику с жалобой на него; кроме того он был до того развратен, что женщины боялись ходить в лес и на господские работы. Крестьяне перестали повиноваться бурмистру, не ходили на работы, травили господский хлеб; и все это происходило от того, как характерно объяснил бурмистр, что «ныне нельзя стало никого зашибить» (д. № 86, 1858 г.).

Во всех этих трех имениях вотчинное начальство ничего не сделало для умиротворения крестьян и в них введены были войска, а крестьяне приведены были к повиновению своим властям телесным наказанием.

Донося государю и министру внутренних дел о случаях неповиновения и беспорядках между помещичьими крестьянами сергачского уезда, бывших в начале 1858 года, губернатор Муравьев писал, что хотя туда и вызваны для водворения порядка войска, но в их особенно строгих мерах не встретилось

надобности. Беспорядки же, как показало исследование, происходили в большинстве случаев или от худого и нерадивого управления вотчинных начальников, или же от притеснений и незаконных требований мелкопоместных владельцев, в некоторых же случаях прямо от жестокого обращения помещиков с крепостными. Губернатор, между прочим, указал при этом на имение Зиновьева, где, «не смотря на предстоящее улучшение быта крепостных, помещиком употреблялись при вотчинной конторе кандалы», в которых недавно содержалась, и при том совершенно безвинно, одна женщина, изъявившая желание следовать со своим мужем в Сибирь на поселение.

Благодаря неповиновению и непослушанию крепостных своим владельцам, по некоторым имениям обнаружилось страшное обременение крепостных крестьян большими оброками и всевозможными поборами в пользу помещиков. Помещик горбатовского уезда И.Н. Менделеев обратился с жалобой на своих крестьян села Арапова, которые «не слушают его, делают крайние дерзости, не платят оброки, утверждая, что оброки уже отменены; многие вовсе отказались от господских работ, а прочие работают крайне небрежно». Посланный губернатором в село Арапово чиновник сделал дознание, которым обнаружил, между прочим, что из числа 45 душ м. п. крестьян Менделеева по малоземелью 6 тягол состояли на оброке, а остальные на господской запашке. Оброчные в год платили по 60 рублей ассигнациями с тягла и кроме того курицу, 10 яиц, 13 арш. холста, $\frac{1}{2}$ ф. шерсти, тальку пряжи и барана, а также обязаны были выставлять для помещика неограниченное число подвод куда бы то ни было, и все 6 тягол обрабатывали одну десятину господской земли, т.е. пахали, сеяли, жали и свозили с нее снопы. Барщинные работали по 3 дня в неделю и, за исключением оброка, обложены были остальными сборами наравне с оброчными. Крестьяне жаловались также на бесчеловечное тиранство помещика «из своих рук». (д. № 418, 1860 г.)

У другого помещика Д.М. Познякава в селе Борисовском и деревне Ройке нижегородского уезда поборы и повинности были еще тяжелее. Он также жаловался на своих крепостных, которые, по его словам, «при обыкновенном своем легкомыслии и тупом понятии о полезных и законных распоряжениях правительства с начала настоящего (1858) года, получивши от неблаговидных людей ложные слухи о долженствующей будто бы ныне же им представиться из крепостного состояния полной свободы, - уклонились от платежа оброка вперед до получения ожидаемой ими ежедневно вольности». В селе Борисовке было 45 м. п. душ (в том числе 11 человек дворовых); составляли они 25 тягол, а в Ройке 36 душ разделены были на 28 тягол, тогда как крестьяне села Борисовки самое большое могли составить только 17 тягол, а Ройке 18 (обыкновенно за норму тягла брались 2 ½ души). С каждого тягла помещик получал 80 рублей ассигнациями оброка, 5 мер ржи, 7 мер овса, 1 меру пшеницы, 1 меру льняного семени, 2 ф. коровьего масла, 1 барана и 10 яиц; с каждой женщины собиралось по 1 рублю серебром холщевых денег по ½ ф. шерстяной пряжи, по 20 коп. ягодных, 25 коп. орешных и 20 коп. швейных. Сверх того бабы села Борисовского мыли господское белье, а с баб деревни Ройки собиралось за то с каждой по 80 коп. в год (д. № 447, 1858 г.).

Крестьяне помещицы нижегородского уезда, села Малой Пицы, г. Чуприковой, на которых помещица жаловалась, что они делают ей дерзости, обиды и не слушаются ее,- в числе 19 душ м.п. составляли 10 тягол, из которых тягло старосты возложено было на остальных крестьян, три тягла были на оброк, платили по 100 руб. ассигнациями подушный и мирской сборы, а остальные 6 на запашке. Эти последние работали на госпожу 6 дней в неделю и как милости просили дать им два дня в неделю работать на себя. Все крестьяне г. Чуприковой жили в крайней бедности (д. №3 8, 1858г.).

Если такие поборы с крепостных и такие барщины свободно существовали в помещичьих имениях и их не считали противозаконными, то можно себе представить, что считалось тогда злоупотреблением властью помещика, за которые поместья отбирались по закону в опеку. Таких имений в нижегородской губернии в конце 1858 года было всего одиннадцать; пять из них, с населением в 217 душ м. и 302 ж.пола, поступили в опеку за злоупотребления владельцам своей властью в течении 1843-1853 годов, а остальные шесть, с населением в 570 душ м. и 602 ж.пола, - в течение 1857 и 1858 годов.

Совершенно особенный характер носит дело о притеснении крепостных села Богородского горбатовского уезда помещиком С.В. Шереметевым.

С первыми известиями о предполагаемом освобождении крестьян от крепостной зависимости у многих помещиков явилось стремление до окончательного решения крестьянского вопроса извлечь как можно больше выгод из своих крестьян. Стремление это существовало, конечно, и раньше но оно умерялось собственными выгодами самих же помещиков, которые требовали ограничить доходы с крепостных только действительными доходами крестьянского хозяйства и не посягать на оборотный капитал этого хозяйства. С вестью о скором падении крепостного права расчеты хозяев-помещиков изменились, хищническое хозяйство для многих стало прямой целью, и они упорно стремились ее проводить в управлении своими имениями. Это не могло, конечно, укрыться от губернской администрации, и в одном из своих донесений министру, как увидим ниже, Муравьев, между прочим, отмечает и это явление. В имениях мелкопоместных дворян, где крепостные и раньше пользовались весьма незавидным благосостоянием, хищнические стремления помещиков имели мало простора и мало бросались в глаза. Совсем не то было в крупных богатых имениях, таких, например, как Богородская вотчина Шереметева, справедливо считавшаяся богатейшим имением в губернии.

В этой вотчине (селе Богородском и 28 деревнях) считалось 4908 душ м.п. В селе была устроена больница на 50 кроватей, при ней находился доктор, аптека и богадельня с отделением для рожениц, три училища, запасные хлебные магазины и усыпальница при одной из четырех каменных церквей. Система вотчинного общественного управления состояла в следующем: Богородское разделено было на 20 участков: в каждом участке домовладельцы избирали посредством баллотирования по 2 кандидата в должность думчих, или окладчиков, из которых одного и утверждал помещик. Думчие ежегодно делали раскладку всех податей и повинностей, существовавших в имении, наблюдали за порядком, спокойствием и благочинием каждый в своем участке и разбирали все тяжбы и споры между крестьянами. Делалось это так: тяжущиеся из 20 человек думчих отводили тех, которым они не желали поручать разбирательство своего дела; из остальных же избирались трое по жребию. Приговор думчих представлялся на утверждение помещика и по утверждении приводился в исполнение. Бурмистр и староста также избирались обществом. Кроме того в имении существовал сиротский суд. Но все эти прекрасные учреждения нисколько не ограждали крестьян от произвола помещика.

Одна вотчина Шереметева в нижегородской губернии, село Юрьино васильского уезда, служила помещику местом ссылки для его крестьян, Сибирью своего рода, куда ссылались крестьяне из других его вотчин «за закоренелое упорство», как заявлял сам Шереметев, и «где они, - по его словам, - поправлялись как состоянием, так и поведением». Не так говорили об этом благотворительном учреждении сами крестьяне Шереметева. Когда они узнали, что и над таким дотоле всесильным человеком, перед которым трепетали местные власти, тоже есть власть, они стали приносить на него жалобы; из числа последних несколько жалоб было и от сосланных им в Юрьино крестьян. Крестьянин Смахотворов жаловался, например, что Шереметев сослал его со всем семейством в Юрьино и там дал одну

только ветхую избенку без сеней, да и за ту отдал сына его в солдаты, и обложил 53 руб. серебром оброка, не дав ни одной пядени удобной земли, тогда как в Богородском у него был богатый двор, кожевенный завод, две дубильни и две зоильни, плодовый сад, в котром было до 200 деревьев лучших сортов. И все это от него помещик отнял и до основания разорил; он отнял также несколько участков земли, купленных Смахотворовым на имя помещика. Таких земель сотни десятин были куплены многими крестьянами Шереметева, и все эти земли в 1850 году он отобрал от крестьян вместе с документами и на одной части земель поселил деревню Антенеевку, крестьянам же зачел за отобранную землю не более 1/110 ее стоимости оброка. Всех, сосланных в Юрьино, было до 60 семей, и дома их на родине, как жаловались крестьяне, были Шереметевым разорены.

Богородское было селом исключительно торгово-промышленным. Кожевенное производство составляло главный промысел его жителей. Они вели обширную торговлю с Москвой, Петербургом, Псковом, Новгородом, Дерптом и другими городами. Все крестьяне состояли на оброке. Минимум оброчного оклада было 25 руб. серебром с души; меньше этой суммы не платил никто в селе, большинство же платило гораздо больше, а с некоторых Шереметевым собирались такие оброки, каких не собирал средней руки помещик со всего своего поместья. Вот общие цифры окладов, взятые из книги села Богородского за 1858 год: 9 человек платили в год оброка от 500 до 1530 рублей, всего 7560 рублей, 24 человека – от 200 до 375 руб., 53 человека – от 50 до 95 руб., всего 5126 рублей и т.д. Оброк собирался с крестьян по третям, и недоимщики платили за каждый месяц штраф в размере 4 коп. с рубля.

И вот, когда Шереметеву стало ясно, что крепостное право доживает последние дни и что скоро это обильный источник перестанет приносить ему десятки тысяч рублей годового дохода, он задумал сразу исчерпать его до дна. Шереметев прика-

зал в конце 1858 года своим думчим склонять народ к выкупу на волю; крестьяне его, едва ли не раньше своего помещика узнавшие о близкой свободе, не согласились на это коварное предложение. Думчие за неуспех в склонении крестьян дать подписку о согласии на выкуп были подвергнуты взысканию с них двойного оброка. В феврале следующего года Шереметев собрал вновь избранных думчих и лично предложил им подписать условия, на каких он отпускал всех крестьян на волю; а условия заключались в следующем: за каждый оброчный рубль крестьянин должен был заплатить 25 руб. капитальной суммы, что составило бы сумму выкупа, например, с крестьянина, платившего оброка 1530 руб., 38,250 руб. Новые думчие тут же не согласились на предложение помещика. Шереметев вышел из себя и тут же двоих из них собственноручно избил, четверых отправил для наказания к становому приставу, семь человек посадил в местную тюрьму, с намерением сдать их в солдаты, и запретить выдавать торговые свидетельства и паспорта многим торгующим крестьянам.

Крепостные Шереметева испугались такого оборота дела, собрали сход, избрали на нем ходоков и отправили их с жалобой на помещика губернатору. Губернатор сообщил жалобу богородских крестьян губернскому предводителю дворянства с просьбой, на основании 3 п. рескрипта, данного 6 сентября 1856 года министру внутренних дел, внушить Шереметеву об избавлении его крестьян от беспримерно тяжелых требований; в то же время он донес об этом министру внутренних дел и спрашивал у него дозволения произвести по жалобе крестьян формальное следствие, так как, сказано в донесении «при обыкновенном пренебрежении г. Шереметева к законным требованиям местного начальства нельзя было надеяться на успех внушения г. предводителя и действительное облегчение крестьян, а напротив, должно ожидать, что если он и даст подобное обещание то, увлекаясь произволом и нынешним, общим для многих помещиков, стремлением извлечь до решения пра-

вительством крестьянского вопроса как можно более выгод из крестьян своих, - не сдержит своего слова». На это донесение ответа долго не получалось, и через месяц, 22 марта 1859 года, Муравьев вновь послал министру телеграмму и другое донесение, в котором писалось, что Шереметев усиливает стеснение крестьян и покушается захватить вотчинные документа и бумаги, могущие служить уликою в его незаконных действиях, и что он, губернатор, распорядился опечатать шкафы и сундуки, в которых хранятся документы. Муравьев при этом снова доказывал необходимость назначить следствие над действиями Шереметева, которое бы послужило к удержанию других владельцев от «несовременных» тяжелых поборов с крестьян, находя при том, что, по причине весьма значительного влияния его на дворян и должностных лиц губернии, следствие может быть вверено только одному вице-губернатору, как лицу непоколебимой честности и, притом, помещику другой губернии.

Между тем горбатовский предводитель, по сообщению от нижегородского, поручившего ему исполнить требование губернатора, сделал секретное дознание по делу и отвечал, что Шереметев действительно предлагал в 1858 году крестьянам своим откупиться на волю за сумму, какая составитя по раскладе 25 руб. на каждый оброчный рубль; но крестьяне не согласились на это, и вопрос о выкупе на волю помещиком не возбуждался; «что он, Шереметев, встретив в народонаселении села Богородского такое настроение умов, какого прежде не было, и вследствие дошедших до него слухов о разных нелепых толках в народе по поводу ожидаемой вольности, усилил строгость в управлении; увлекаясь за пределы благоразумной и справедливой строгости, он стал прибегать к мерам взыскания, возбудившим сильнейшее неудовольствие»; что, наконец, он, предводитель, надеется совершенно убедить Шереметева отменить эти чрезмерно строгие меры в управлении имением. Предводитель находил при этом, что «в нынешнее время, особливо в таком имении, как имение Шереметева, ничто не могло

бы произвести такого вреда как формальное следствие, которого с нетерпением ждут его крестьяне».

28 марта получено было, наконец, и предписание министра внутренних дел, в котором было сказано, что по всеподданнейшему докладу о стеснительных действиях тайного советника Шереметева с крестьянами нижегородской, а также оренбургской губернии Государь Император соизволил повелеть командировать флигель-адъютанта графа Бобринского, поручив ему «войдя в личные сношения с Шереметевым, истребовать от него объяснения по сему предмету, и, проверив это, если это окажется нужным, убедить его к прекращению неблагоприятных и стеснительных для крестьян действий; в случае же уклонения от того Шереметева, распорядится о производстве формального следствия». В чем заключались действия графа Бобринского в селе Богородском нам неизвестно. 10 апреля он писал Муравьеву «Благодаря снисхождению тайного советника Сергея Васильевича Шереметева, мне удалось привести крестьян его в повиновение(?), чему лучшим доказательством может служить то, что перед моим отъездом крестьяне служили благодарственный молебен за милости, оказанные им их помещиком». Милости же Шереметьева, как видно из описи с приказа бурмистру, приложенной к письму Бобринского, заключались в том, что он слагал с оброчного годового налога по 25 коп. с рубля.

Такой неожиданный поворот получило дело «о притеснении помещиком Шереметевым своих крестьян». Муравьев был поражен. Поражен и обижен был он еще более, когда прочитал письмо Шереметева графу Бобринскому, сообщенное последним губернатору в копии. В этом письме Шереметев, оправдываясь от возводимых на него объяснений писал, что никаких стеснений его крестьяне от него не терпят, что они пользуются значительным благосостоянием, и оброки, платимые ими, ни для кого не обременительны; что он, действительно, предлагал им выкупить долю всем миром, но мысль эта оставлена им без

дальнейшего развития; насильственных же мер при этом никаких не предпринималось; что некоторые его крестьяне были наказаны, иные посажены в острог, другим же не были выданы торговые свидетельства и паспорта не за несогласие выкупиться на волю, а за распространение в имени его вредных для общественного спокойствия слухов. Переходя затем в обвинительный тон по отношению к губернатору, Шереметев делает в некоторых местах письма грубые намеки на политическое прошлое Муравьева. Говоря о том, например, что губернатор будто бы не имел даже права принимать от его крепостных жалоб на него, а обязан был послать их к уездному предводителю, Шереметев пишет, что «вместо того он их принял с особым радушием, обласкал их, предложил им подать просьбу письменно и отправил ее в С.-Петербург... Некоторые же крестьяне, собирая подписи к прошению с остальных, угрожали им, в случае отказа подписаться, переселением на Амур, к Муравьеву. Тождественность этих имен, неясно, но тесно связанных с понятием о Сибири, сбивали многих с толку, и они подписывались. Вскоре, - пишет далее Шереметев, - получено было от начальника губернии приказание все бумаги, хранившиеся в вотчинном правлении, опечатать, что, как мне известно, делается только с государственными преступниками, к числу которых я не могу быть причислен по долговременной и преданной моей службе престолу и отечеству; к тому же в роду Шереметевых (мы все гордимся этим) изменников никогда не было и с Божьей помощью не будет. Вполне проникнут убеждением, что ограждение крестьян от стеснений есть обязанность святая для тех, кто с этой целью волей царя облечены на то властью, но полагаю также, что при нынешних обстоятельствах, при натянутости и неясности отношений между крестьянами и помещиками, всякое со стороны этих лиц потворство неосновательным жалобам крестьян, а тем более подстрекание их к послушанию, вряд ли может обеспечить общественное спокойствие. В таком

случае строгой ответственности должны подвергаться не крестьяне, выходящие из повиновения, а те, кто их поджигают».

Это письмо было помечено 6 апреля. В другом конфиденциальном письме графу Бобринскому, от 8 апреля, вероятно по забывчивости, Шереметев уже пишет: «Хотя я никогда не требовал от моих крестьян, чтобы они выкупались на волю ни отдельно, ни целым миром, я, в уважение теперешних обстоятельств, обещаю вам отныне даже не предлагать им этого, а еще менее понуждать, предоставляя жить спокойно и заниматься своими промыслами, и, ожидая в скором времени окончательного преобразования быта помещичьих крестьян, вполне согласен не употреблять более переселения, как меру наказания, равным образом и отдавать своих крестьян в рекруты без согласия на то уездного предводителя дворянства». В заключение же Шереметев просит не преследовать его крестьян за произведенные ими беспорядки, так как «поводом ко всему случившемуся было не личное их неудовольствие на меня и не желание их произвести беспорядки, а единственно наветы и подстрекания злоумышленных людей, которые, пользуясь своим влиянием и властью, побуждали их к противозаконным действиям».

Муравьев вынужден был в письмах графу Бобринскому и министру внутренних дел Ланскому во всей подробности восстановить истинный ход дела о Шереметеве. В письме к министру он писал: «Теперь когда флигель-адъютант граф Бобринский принял от Шереметева извет на меня, переполненный наглою и гнусною клеветою и обольщенный его речами и вынужденными обстоятельствами уступками именуется уже делом о притеснении помещиком своих крепостных делом о приведении их в повиновение, тогда как не было ни одной минуты никакого неповиновения, и никого, кроме самого Шереметева, не нужно было усмирять, - мне ничего не остается делать, как подать в отставку, что я и не замедлил бы исполнить, если бы предвидел другой способ существования». Губернатор просил

министра вывести его из того положения, в которое поставил его извет Шереметева. Вместе с этим он доводил до сведения министра, что горбатовский предводитель дворянства Стремоухов распространяет о нем нелепые слухи, что будто бы он возбуждал крестьян Шереметева к жалобам на своего помещиков вместо того, чтобы для умиротворения обеих сторон прислать крестьян к нему, предводителю. Муравьев заметил при этом, что он был вынужден не обращаться к Стремоухову уже потому, что последний подвергал крестьян телесному наказанию за то только, что они обращаются с жалобами к начальнику губернии.

Результатом этого письма Муравьева было то, что Стремоухову по высочайшему повелению был сделан выговор установленным порядком. Не осталось оно, кажется, без влияния и на окончательное решение дела о Шереметеве. Губернатором получен был на имя Шереметева таинственный пакет от министра и переслан был через исправника конфиденциально по назначению.

Местное дворянство, очевидно, с большим интересом следило за делом Шереметева с его крестьянами и главным образом в виду того положения, какое пришлось занять по отношению к этому делу губернатору. Многие радовались видимой его неудаче и в торжестве Шереметева видели торжество дворянства и посрамление администрации. Горбатовские дворяне, во главе с своим предводителем Стремоуховым, при отъезде графа Бобринского, поднесли ему даже адрес и в следующих выражениях благодарили графа: «Восстановив в глазах крестьян влияние и значение местных властей, дворянством избранных, ваше сиятельство на долгое время упрочили общее спокойствие не только в уезде, но и во всей губернии нашей. И оставили по себе неизгладимую память в умах обеих сословий. Такая одинаковая признательность со стороны того и другого сословия будут каждому, кто только сочувствует и тому просвещенному взгляду и тем прекрасным рыцарским чувствам».

ниям, которые ваше сиятельство столь блестящим образом проявили в кратковременное пребывание ваше в горбатовском уезде».

С первыми еще неясными вестями «об улучшении быта крепостных крестьян» вековой мрак, царивший в отношениях к крепостному люду местной администрации, начал проясняться. В массе дел, возникших за это время по поводу разных недоразумений между помещиками и их крестьянами, зачастую встречаются в донесениях исправников и становых, такие гуманные взгляды какие еще год, два тому назад названы бы были вредным вольнодумством. Не встречается уже больше огульного обвинения крепостных в неповиновении помещичьей власти, и в тех случаях, когда неповиновение вызвано было несправедливыми поступками помещиков - их жестокостью или слишком большими требованиями, всегда указывается на эти причины и делаются даже мелкими административными лицами в этих случаях соответствующие внушения и распоряжения, - тогда как раньше в личные распоряжения помещиков по их имениям, если последние проявлялись не слишком в уродливых формах, никто не считал себя в праве вмешиваться. Сознание того, что безграничный произвол, господствовавший ранее в управлении крепостными уже отжил свой век, стало проникать даже в среду низших исполнителей помещичьей власти. Припомним жалобу бурмистра баронессы Жомини, что «ныне нельзя уже стало никого зашибить».

И значительной долей этих лучей, блеснувших на крепостном горизонте еще задолго до освобождения, нижегородская губерния была обязана своему начальнику. В своих циркулярах по земской полиции он писал, что «необходимое для нее нравственное влияние на крестьян она приобретет не палками и розгами, которые так без разбора привыкли употреблять при всяком случае, а только тогда, когда крестьяне увидят в ней строгую исполнительницу ее обязанностей». На обеде, бывшем в честь губернатора, после его назначения в 1861 году сенато-

ром, бывший нижегородский предводитель дворянства Н.П. Болтин в своей речи говорил между прочим: «Вы, с самого начала настоящего переворота, когда губернский комитет только что открыл свои заседания, в частных беседах со мною, постоянно развивали мысль, что для сохранения спокойствия в губернии необходимо не безусловное наказание крестьян без суда и следствия, как многие полагают, а напротив того, надо стараться, чтобы этот многочисленный класс людей, в течении двух с половиною веков терпевший всевозможные стеснения и насилия, мог бы почувствовать теперь на самом деле, что и для него есть правосудие». Многим, впрочем, весьма не по душе была деятельность Муравьева. В Нижнем в то время во множестве ходили по рукам пасквильные самодельные стихотворения, в которых грубо осмеивалась семейная жизнь и общественная деятельность губернатора¹. Из дальнейшего изложения

---

¹ В одном, например, под заглавием «Вопрос о Сибирском Коте и его семье» говорится: *Грустны вы, нижегородцы:/ Давят вас, гнетут умы,/ Вас грызут землепроходцы – / Чада Ржева и чумы.* В другом – «Союз с нечистым» - повествуется о том, что черт в 1854 году заключил союз с «Муравьем», по которому тот обязался «зло одно творить», за что черт его устроил впоследствии губернатором в Нижнем. И вот здесь: *Что ни день, он зло творит: / То чиновника сместит, / То надует он крестьян, / То притеснит дворян. / Зло вседневно так и пишет. / А сам циркуляры пишет, / Проповедуя о том, / Что де надо жить добром, / Надо кроткие брать меры; / Выставляет он примеры: / Палки, розги – все де прочь, / А сам давит во всю мочь...* В библиотеке Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, откуда мы заимствуем и эти стихотворения, есть еще одна рукописная статья неизвестного автора, написанная по поводу корреспонденции из Н.Новгорода, помещенной в № 11 «Москов. Ведом.» за 1861 г., под заглавием «Прощание Нижнего Новгорода с А.Н. Муравьевым». Неизвестный автор, возражая на мысли, изложенные в упомянутой корреспонденции, говорит, что «там, где прежде народ был смирен, где с покорностью исполнял все требования не только помещиков, но и бурмистров и старост, теперь буйными толпами врывается в конторы, ругается над вотчинными начальниками и требует отчетов. Каково будет пробуждение его, когда придется тащить последнюю деньгу, взамен беспутно растраченных в золотой век лени, гульбы и праздности под управлением бывшего начальника губер-

мы увидим, в чем заключалась главная причина этой антипатии к Муравьеву.

2

Насколько позволили имевшиеся в наших руках документы, мы видели, чего и как нетерпеливо ждали от реформы крепостные крестьяне, видели, что надежды на широкую волю «со всею землею» не были между крестьянами явлением единичным. Теперь посмотрим на отношение к крестьянскому вопросу дворянства нижегородской губернии. Для этого мы располагаем весьма интересными материалами, заключающимися в трудах губернского комитета по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян. В этом комитете дворянство, через своих представителей, весьма ярко выразило свои взгляды на крестьянскую реформу. Для нашей цели будет достаточно только в общих чертах проследить деятельность комитета.

Как мы уже раньше заметили, дворянство нижегородской губернии в общем собрании на выборах сочувственно относилось к намерениям правительства в крестьянском вопросе. Часть дворянства если и выразила свою антипатию, то как-то робко и вяло: нравственная сила была не на их стороне. Безграничный восторг перед царем, объявившим свою волю, охватил другую часть дворянства, глубоко убежденную в необходимости реформы, и робкие голоса недовольных замолкли¹.

нии...Везде молчаливое устройство, везде презрение к законам, везде беззаконность, поблажки и потворство народу, везде скрытая анархия, не раздражавшаяся до времени, не встречая препятствий. Одним словом, везде все тлеет, горячий разрушительный материал разбросан повсюду, а пламя прикрито...» [прим. В.И. Снежевского]

¹ Губернатор доносил министру внутренних дел, что особенно живое участие в содействии видам правительства по устройству крестьян выразили на дворянских выборах предводители дворян: Астафьев, Болтин, Карамзин, Сущев, Стremoухов, Ладыженский, Потемкин, В.Хотяинцев, М.Русинов и дворяне: князь Звенигородский, Нестеров, кн. Гагарин, барон Розен, А. Хо-

«Троекратное ура, огласившее все собрание, - писал министру Муравьев, - послужило единогласным выражением общего мнения».

В конце декабря был получен Высочайший рескрипт на имя губернатора с выражением удовольствия «за новое доказательство всегдашней готовности нижегородского дворянства содействовать исполнению намерений правительства» и решением открыть комитет. Комитет был открыт в день восшествия на престол, 19 февраля, прекрасною речью Муравьева. «Стремление к предпринимаемому великому и благому делу не ослабевает, - доносил он, - и предвещает успешное продолжение и окончание его». Первые заседания прошли в распорядках по устройству комитета и в некоторых общих рассуждениях между прочим обсуждался вопрос о выкупе крестьянами в собственность полевой земли с учреждением для этой операции губернского банка. 1 марта комитет сделал постановление разъехаться, в виду наступавших праздников, до 1 мая, чтобы собрать точные сведения о положении помещичьих имений и войти в ближайшие обсуждения и совещания с дворянами.

После двухмесячного перерыва, 5 мая, комитет возобновил свои заседания. Но на первых же порах в нем не оказалось того единодушия, с каким дело было начато: только меньшинство комитета (девять человек) продолжало оставаться верным торжественно данному обещанию «с полной готовностью и глубокою признательностью исполнить Высочайшую волю». «Руководители большинства, - доносил министру губернатор, - старались вести дело в оттяжку, уничтожая важность его значения и распространяя слухи, что все это изменится, что правительство переменило свои намерения, и все останется в прежнем положении». Такие речи подкреплялись верными, будто бы, известиями из столицы, и под влиянием их комитет едва собирався в числе нескольких человек и то очень поздно; и

только после постановления комитета, что определения его будут считаться действительными, если он соберется даже в числе трех (!) члов., - собрания стали многолюднее, и занятия хотя вяло, но продолжались. 16 июля губернатор обратился в комитет с предложением ускорить свои занятия, так чтобы привести их к концу, по крайней мере в главных чертах, в виду того, что уже приближался срок (шестимесячный) окончания работ комитета, а главным образом потому, что в августе ожидался приезд государя в Нижний Новгород. Надеясь расшевелить патриотические чувства членов комитета, губернатор писал при этом, что государю, «при встрече его теми из его поданных, которые первые вызвались исполнить священную его волю, ничто не может быть приятнее как видеть их первыми и в совершении ее».

Комитетом окончены были уже из 10-6 глав проекта положения по данной правительственной программе и притом важнейших, и губернатор надеялся, что комитет примет его предложение. Действительно, часть членов комитета, меньшинство¹, согласились с мнением губернатора, но большинство комитета поступило совершенно неожиданно: предводитель большинства Я.И. Пятов на предложение губернатора подал отзыв, подписанный двенадцатью членами²; автор отзыва находил, что все, доселе сделанное комитетом, «легкомысленно, вследствие какого-то чуждого дворянскому делу влияния, какого-то ничем необъяснимого недоброжелательства к своему сословию некоторых членов. Из нас, - говорится в отзыве, - одни стремились достичь возможно скорого освобождения наших крестьян, одаряя их всеми преимуществами, другие же при-

---

¹ Председатель комитета Н.П. Болтин, члены: А.Н. Карамзин, М.Н. Сушев, Н.И. Русинов, А.В. Демидов, А.И. Эшмань, Е.И. Лагода, А.Х. Штевень, граф Н.С. Толстой, Г.Н. Нестеров, кн. С.П. Гагарин и А.А. Инсарский. [прим. В.И. Снежневского]

² С.В. Шереметьев, П.Д. Стремоухов, В.В. Аристов, Г.Н. Виноградов, М.И. Гриневич, А.П. Козлов, П.А. Кондратьев, А.Е.Крюков, В.Е. Купреянов, А.Н. Саламыков и В.И. Яшерев[прим. В.И. Снежневского].

держивались спасительной постепенности; заботясь в то же время о будущей участи дворян, своих доверителей. Мы шли среди упорной борьбы двух начал, взаимно неприязненных, и из этого вышел горький и незрелый плод». Пятов предлагал приняться снова за пересмотр и переделку всего проекта, с самого начала его, «приняв за основание денежный выкуп крепостной личности и обязательного труда». Выкуп должен был, по мнению автора отзыва и подписавших его членов комитета, сверх вознаграждения помещика, обеспечивать поступление всех податей, и предоставлялся вообще непосредственно усмотрению помещика¹. «Окончательно забывший писатель, - как Муравьев называет Пятова в своем донесении министру внутренних дел, - находит, что обязанность комитета при настоящих событиях состоит в охране прав дворянства от стеснений».

Такой ретроградный поворот большинства членов комитета, накануне приезда государя в Нижний положительно ошеломил губернатора, и он 20 июля писал министру Ланскому: «По нелепости этого отзыва, дерзкому и прямому противоречию его с высочайше утвержденными правилами и наконец, по неприличному, бранному изложению его относительно благомыслящей половины комитета, я смею представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, что вижу одно только средство для устранения этого духа бессмысленной строптивости: поименованные тринадцать членов комитета должны быть тотчас исключены из состава его и, казалось бы, с запрещением въезда в Нижний на время пребывания здесь государя императора; затем остальные двенадцать, составляющие с двойным голосом предводителя ровно половину, могли бы

---

¹ Отзыв Пятов, прочитанный в заседании комитета в первоначальной своей редакции, был переполнен неприличными, бранными выражениями по адресу меньшинства, и после заседания большинством, без согласия остальных членов, был несколько изменен; вычеркнуто, напр., такое выражение «вы – антидворяне, лукавые рабы» [прим. В.И. Снежневского].

продолжать дело. Если же признанно будет пополнить комитет членами, то это едва ли можно будет предоставить выборами: в этом случае нельзя будет рассчитывать на успех». – Выражение весьма знаменательное: оно показывает как сильно изменились в короткое время взгляды дворян на крестьянскую реформу. – Склонение в сторону реакции оказалось даже в среде тех членов комитета, которые, как например, горбатовский предводитель Стремоухов, вначале оказали «особенно живое участие и содействие видам правительства».

После этого инцидента председатель комитета губернский предводитель дворянства Болтин отказался от звания председателя и передал председательство Пятову. Подали докладную записку губернатору с просьбой об увольнении от звания членов комитета Русинов, Суцев, Демидов. Болтин писал, что «вместе с многими членами комитета, понимающими свое назначение в этом деле, они вынуждены удалиться, тем более, что энергичные их воззвания к добросовестным действиям не только ни к чему не послужили, но заклеены были большинством недоброжелательством к своему сословию». Вслед за председателем и тремя членами меньшинства подали губернатору протест против незаконных действий большинства и остальные члены меньшинства. В своем протесте они писали: «Мы представляем большинству комитета ответственность за его действия, но сами ни в коем случае не намерены удалиться от возложенной на нас обязанности, которую мы почитаем священной». Недолго, впрочем, держалась решимость в оставшихся членах меньшинства: они вскоре были вынуждены оставить комитет. «Остались, - доносил губернатор министру, - одни сопротивляющиеся высочайшей воле, которые, в дополнение к своим безрассудным действиям, постановили: все, доселе бывшие, постановления и мнения комитета сообщить всем помещикам губернии.

Губернатор, в предупреждении волнений и беспорядков в губернии принял, конечно, меры, чтобы большинство комитета

не исполнило своего постановления и вместе с тем объявил им, чтоб имени комитета они себе больше не присваивали. Таким образом, комитет фактически перестал существовать.

Еще долго до этого, 26 июня, в комитете состоялся журнал по 4 главе проекта положения об усадебном устройстве крестьян, по которому большинство комитета постановило, что крестьяне могут приобретать приусадебную землю (строения отдавались безвозмездно) под строением огородами, гуменниками, коноплятниками и внутренним выгоном только целым обществом, при согласии помещика и по цене, им назначенной. За пользование усадебной землей крестьяне должны платить аренду вместе с арендою за пользование прочими угодьями. Рассмотрев этот журнал комитета, губернатор нашел, что он противоречит тем основаниям, которые государю императору угодно было указать комитету для составления проекта положения в рескрипте губернатору 24 декабря 1857 года¹, и потому он 8 июля предложил комитету изменить свое положение об усадебном устройстве крестьян и уведомить его категорически, согласен или не согласен комитет это сделать. Упомянув о торжественном обещании дворянства нижегородской губернии исполнить волю царя, губернатор в предложении писал: «Но что делают теперь представители сего благородного сословия? Они журналом 26 июня отняли у крестьян право определенного выкупа усадьбы их, уклоняются от торжественно данного государю и всей России обета, ...они отказом и уклонением сим подают повод к ропоту тому сословию, которому право сего выкупа торжественно государем обещано; они, таким образом, воздвигают преграды его благосостоянию, лишая его возмож-

---

¹ Вот подлинные выражения рескрипта: «Помещикам выражается право собственности на всю землю; но крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую он, в течении определенного времени, приобретает в свою собственность посредством выкупа; сверх того предоставляется в пользование крестьянам надлежащее ... количество земли»... [прим. В.И. Снежневского]

ности некогда приобрести ту самостоятельность, которую дарует ему и суд общественный и правда царева, и ввергают его в несметное количество безземельных пролетариев! Таково ли должно быть улучшение быта, ожидаемое и правительством, и всем образованным миром, и, наконец, самими крестьянами?» Делая далее некоторые предположения о том, какие последствия могут произойти от постановления комитета, губернатор пишет: «ужасно может выразиться приговор и пробуждение народа, признавшего себя по одному произволу дворян лишенным права и надежды выкупом приобрести то, что ему всенародно обещано словом монаршим».

Освобожденный от меньшинства комитет нашел невозможным отвечать категорически на предложение губернатора, заявив ему (24 июля), что «отказ в обязательной уступке крестьянам усадебной земли» он основал не на произволе, а на многих статьях свода законов и на необязательности беспрекословного принятия соображений, предложенных министром внутренних дел на обсуждение комитетов. Вместе с тем, 25 июля 1858 года, комитет препроводил министру все бумаги, относящиеся до этого вопроса с вышеприведенным предложением губернатора. Предложение губернатора, говорится в донесении комитета, «есть в сущности ничто иное, как обвинительный акт, произнесенный над комитетом гласно, открыто, перед лицом всех сословий. Это – обличение и предрекание того незаслуженного мщения, которое само же оно накликает. Это, верное, - «слово и дело», официальной властью произнесенное и пущенное в народ посредством чернил и бумаги... наводя панический страх на дворянское сословие оно (предложение) так возбuditельно может подействовать на низшее, которое и без того уже в нижегородской губернии чрезвычайно взволновано, что за последствия его никто не может поручиться».

В числе объяснительных документов об устройстве крестьянской оседлости и об отношении к этому вопросу членов

комитета особенно интересны мнения гр. Толстого и Яшера. Первый из них писал: «В отношении пролетариата, обеспечиваемого (чит. устраняемого), по мнению его пр-ва, покупкою усадебной оседлости и земли под ней (?), я, со своей стороны, думаю, что такая покупка не предохранит государство от этого бича Западной Европы, ибо, при безусловном произволе купить и продать, новые граждане в несколько лет на треть, если не на две, будут уже нищими и совершенно бездомными пролетариями, что могли бы предотвращать лишь власть и обязанности помещичьи; а между народом свободным и полноправным, неограниченным в правах отчуждения, пролетариат есть язва неизбежная, отвращаемая лишь коммунизмом, т.е. такими утопиями, которые в больших размерах доступны только при полном торжестве евангельского слова, при высшей едва ли достижимой образованности и при началах правления, совершенно нам чуждых, но лишь изредка, в малых размерах, проявлявшихся на земном шаре. А потому не считаю меру комитета средством распространения пролетариата, тем более, что новые граждане получают право приобретать землю везде, где найдут для себя удобным и доступным, без стеснения воли, чьей бы то ни было; а следовательно, каждый исправный и радивый крестьянин может всегда сделаться собственником, как и мы сами».

Яшеров еще откровение высказал свое мнение. Он также не находил противоречия в журнале комитета 26 июня с высочайшим рескриптом и программю главного комитета, ибо, писал он, «при даровании крестьянам личной свободы, журналом этим нисколько не отвергается право крестьянина на покупку и выкуп усадеб, но указывается только порядок и более возможный легчайший способ приобретения ими в собственность усадебной земли, а именно принцип добровольного соглашения, как наилучший и наиудобнейший для свободных сословий, с целью сохранить с тем вместе с помещиком неприкосновен-

ность прав собственности на всю землю, что буквально предписывается и самым высочайшим рескриптом».

28 июля получено было губернаторское предписание министра Ланского, в котором сообщалось следующее высочайшее повеление по поводу «разногласий» в комитете:

1. «Мнение, подписанное тринадцатью членами нижегородского комитета, отвергнуть, ибо в нем выразилось явное побуждение к превратному толкованию высочайше одобренных начал устройства быта помещичьих крестьян.

2. «Надворному советнику Пятову, позволившему себе в изложении своего отзыва выражения, обидные для других членов комитета, сделать по высочайшему его величества повелению строгий выговор; *дворянам же, подписавшим ни с чем не сообразное мнение Пятова, сделать строгое замечание*¹».

3. «Председателю и тем членам, которые в мнениях своих руководствовались началами человеколюбия и государственной пользы, объявить благоволение его величества и за их труды призвать к продолжению занятий комитета»,

Далее предлагается губернатору лично открыть прерванные заседания и принять все меры к своевременному окончанию возложенного на комитет поручения.

Выслушав, при открытии заседания 4 августа, высочайшее повеление многие члены большинства, а главным образом С.В. Шереметев, не стеснясь присутствия губернатора приступили к председателю комитета Болтину с упреками за то, что он довел отзыв Пятова до сведения губернатора. Под влиянием только что выслушанного выговора большинство во всем винило губернатора. Впрочем, и долго спустя известная часть дворянства не переставала обвинять его даже в своих добровольных действиях в комитете, оправдывая известные свои постановления какими-то «невольными сомнениями и недоверием», навеянными, будто бы, на дворянство «действиями и рас-

---

¹ Написанное курсивом есть собственноручная резолюция государя [прим. В.И. Снежневского].

поряжениями лиц, стоящих между ними и государем и их официальной пропагандой».

Интересное в этом отношении объяснение есть в упомянутом раньше адресе горбатовских дворян, поднесенном 21 апреля 1859 года графу А.П. Борбринскому по случаю окончания им дела Шереметьева. Вот подлинные выражения адреса, написанного местами несколько темновато:

«К несчастью, мысли и чувства дворян — помещиков в наше время слишком часто искажаются в мнении общественном и глазах самого возлюбленного государя нашего. Мнение, будто мы равнодушны к положению крестьян наших и не сочувствуем предпринятой для улучшения быта их реформе, ставит нас в тот ложный свет, в котором тяжело и чувствуется и мыслится. Мы всегда горячо сочувствовали высоким и благим видам государя нашего, что и выразили в постановлении своем 17 декабря 1857 года. Мы твердо верим, что лишь крепкий и тесный союз наш с монархом нашим составляет надежнейший оплот спокойствия и счастья России. — Но действия и распоряжения лиц, стоящих между им и нами, но официальная пропаганда бюрократии нашей, поселяли не один раз в сердцах наших сомнение недоверия невольные.

«Вот источник того разлада, последствия которого так часто и так грустно выражались в отношениях правительственных лиц с сословием нашим, и который, к несчастью, вследствие понятного раздражения, ими производимого, приводил к столкновениям, бросавшим тень на дворянское сословие».

Как бы то ни было, большинство комитета в дальнейших своих трудах, когда, кажется, уже не было места никаким «сомнениям», не оставило ни своих убеждений, ни своих взглядов на крестьянскую реформу и в том же составе (15 человек) продолжало проводить их в проект положения. Освобождая крестьян от крепостной зависимости помещику, большинство освобождало их и от земли, ни на минуту не забывая известной фразы рескрипта, что «вся земля остается собственностью по-

мещика», - фразы, служившей большинству исходным пунктом в его занятиях.

Занятия комитета начались 5 августа с пересмотра первой главы положения. К 30 сентября проект положения был окончен.

По окончании трудов комитета губернский предводитель дворянства Болтин, в письме к губернатору, в следующих общих чертах характеризовал деятельность комитета: «Большинство комитета трудно расставалось с интересами прошедшего, другая же его половина, напротив того, хорошо знакомая с несчастным положением остзейских крестьян, и не видя без прав собственности крестьян на земли прочного залога в будущем для благосостояния нашего отечества, постоянно протестовала против большинства и, не разделяя его убеждений, составила свой проект положения».

Трудно, конечно, было ожидать от дворянства той эпохи ясного сознания общегосударственной пользы и требовать, чтобы оно, во имя государственной необходимости, отрешилось от своих узкосословных интересов, когда даже само правительство не имело еще в то время ясного и определенного взгляда, например, на выкуп и надел крестьянам полевой земли – один из самых главных пунктов крестьянской реформы. Хотя в то же время нельзя не признать, что многое в деятельности комитета вовсе не оправдывается исторической необходимостью. Зато с тем большим уважением будем мы вспоминать имена представителей другой части дворянства, которые сумели в этот важнейший момент истории русского народа стать на высоте своего положения и не ослабеть в борьбе, часто злобной и ненавистой.

3

Наконец, «порвалась цепь великая»... Но не вдруг. По положению 19 февраля прежние обязательные отношения продолжали еще оставаться с некоторыми ограничениями между

крестьянами и помещиками до введения в действие уставных грамот, для чего назначен был двухгодичный срок. Крестьяне обязаны были до истечения этого срока платить владельцу оброк или отрабатывать барщину в прежнем размере, с тем, однако же, чтобы барщина не превышала трех дней в неделю с тягла, а все существовавшие ранее добавочные сборы и дани сельскими произведениями отменялись.

Не того ждали крепостные. Они надеялись на полную и единовременную отмену всех прав над ними помещиков и своих обязанностей по отношению к последним, и многие не верили новому положению, полагая, что от них скрывают настоящую волю. Вскоре после обнародования положения 19 февраля стали получать об этом известия из уездов. Так, 21 апреля 1861 года лукояновский предводитель дворянства писал губернскому предводителю, что «почти все крестьяне ждут чего-то нового и настоящему положению положительно не верят» (д. № 18, 1861 г.).

Около того же времени губернатором получено было донесение от сергачского предводителя, который тоже писал, что «крестьяне резко обнаруживают полное недоверие к местным властям, так что, по прочтении им некоторых пунктов высочайше утвержденного положения, они требовали, чтобы исправник дал им расписку в том, что прочтено, за общим со мною подписом» (д. № 192, 1861 г.).

В иных местах крестьяне не понимали самого положения и просили не читать его, а растолковать; но были и такие исправники, как, например, лукояновский, которые доносили по начальству, что таких просьб крестьян «исполнять не решались, не имея ни от кого ни дозволения, ни предписания на этот предмет» (д. 19, 1861 г.).

Понятно, крестьяне стали обращаться в таких случаях за разъяснением положения к грамотеям из своей среды или к «просьбенникам». Первые искали в новом положении ответа на свои заветные мечты о воле, искали исполнения своих желаний

и часто находили то, что им было нужно, - по-своему истолковывая непонятные им места положения; «просьбенники» же из корыстных видов старались поддерживать в крестьянах заблуждения, и нередко были причиной волнений между бывшими крепостными. Княгининский предводитель дворянства жаловался, например, на одного такого просьбенника в г. Княгинине, некоего отставного канцеляриста Антонского, в квартиру которого крестьяне помещичьих имений постоянно приходили толпами для сочинения просьб и истолкования положения, «вследствие чего возникали в вотчинах большие беспорядки и крестьяне оказывали неповиновение местным своим начальникам» (д. № 241, 1861 г.).

Случаи неповиновения и беспорядков в помещичьих имениях стали скоро обнаруживаться в разных местах губернии. 12 апреля горбатовский предводитель дворянства писал губернатору, что «многие из временнообязанных крестьян, водворенных на помещичьих землях горбатовского уезда, уклоняются от исполнения законных повинностей, как мирских, так и в отношении к помещикам». В начале июня сергачский исправник доносил, что крестьяне в имении Кузнецова, селе Березовке, не платят помещику оброка потому, что, как он узнал, один из крестьян, Свайкин, получил от сына солдата из С-Петербурга письмо, в котором он, по словам крестьянина, писал, «что бы оброка господам не платить и работ не производить¹» (д. № 236, 1861 г.).

---

¹ Вот это интересное письмо «о воле». «Милые мои родители, уведомляю я вас 1861 года, марта месяца 5 числа государь император изволил разрешить и объявить волю всем господским людям. Теперь, я уведомляю вас, что вы вольные. У нас 5 числа марта читали *ее* и объявляли. Имею честь вас поздравить вольными. И никаких податей на два года не брать – правда и правда» [прим. В.И. Снежневского].

«Милый мой брат, Федор Николаевич, имею честь вам объявить, что ты имеешь право поклониться своему барину: ты теперь вольный и поздравляю тебя с волей» [прим. В.И. Снежневского].

Сергачский уезд был особенно обилен разными недоумениями в среде бывших крепостных. Ахматов, предводитель дворянства, еще 1 мая доносил губернатору, что «положение дел в уезде чрезвычайно дурно и почти во всех селениях заметно общее волнение и беспорядки». К 5 мая поступили к предводителю жалобы от следующих помещиков: Станкер, Зыбиной, Кондратьева, Воронежской, Крюкова, Болтиных, Козлова, кн. Урусова, Пашкова, Черткова, Раевских, гр. Бобринской, Ахматова, Новосильцева и Кузнецова. Крестьяне этих помещиков отказались от барщинных работ или вовсе, или соглашались производить их в меньших размерах, чем это требовалось от них положением. Крепостные помещиков Крюкова и кн. Урусова отказались производить полевые работы не только на помещицкой, но и на земле, отведенной им в пользование, недовольные малым наделом и дурным качеством земли. Впрочем, во всех этих имениях, за исключением имения Крюкова, куда введена была для усмирения крестьян военная команда, крестьяне согласились исполнять свои повинности по отношению к помещикам после простого внушения исправника. Встречались, однако, и такие имения, где крестьяне не имели никакой возможности выполнить законные требования бывших своих владельцев. Вот что оказалось, например, в имении Е.А. Станкер, в деревни Новой. Крестьяне ее, составлявшие 97 тягол, имели в пользовании полевой земли всего 97 десятин. Такое же количество земли, но лучшего качества, состояло в пользовании самой владелицы. При таком малоземелье крестьяне г. Станкер с каждым годом беднели и большая их часть впала в крайнюю нищету. Последним ударом, разрушившим остатки их благосостояния, было градобитие в 1861 году, когда весь посеянный хлеб пропал. Когда настала рабочая пора, крестьяне, давно бывшие без хлеба, вместо того, чтобы идти на барщину, шли побираться по соседним деревням. Бедность, хотя и не в таких размерах, заставила крестьян князя Урусова от-

казаться от полевых работ на помещика. Своих же полей крестьянам нечем было засеять.

Помещики не хотели знать тяжелого положения бывших своих крепостных и требовали от них исполнения всех обязательств; а между тем на них по прежнему лежала обязанность, до введения уставных грамот, по продовольствию и по призрению крестьян их, определенная статьями 1103, 1104, 1105 т. 9 свод. зак. о сост.; но, впрочем, эта обязанность для многих владельцев крепостных была одною мертвою буквою закона и в период существования крепостного права, и неудивительно, что о нем не вспомнили после освобождения крестьян. Зато были такие, например, случаи, когда помещики жаловались на то, что бывшие их крепостные не отправляют подводной повинности (сельцо Екатериновка Сергачского уезда неизвестного помещика).

И не хотят исполнять более трехдневной барщины, а также платить все те поборы, какие требовались прежде (в имении Шипилова сергачского же уезда); и сергачский предводитель Ахматов, лицо, на котором лежала прямая обязанность объяснить и растолковать новое положение, который, следовательно, не мог не знать содержания положения хотя бы даже только как помещик, - доносил об этих отказах крестьян исполнять незаконные требования помещиков, как о неповиновении. Повторение таких неосновательных жалоб¹ заставило губернаторов просить губернского предводителя разъяснить уездным предводителям, а через них – помещикам и управляющим имениями, чтобы они не преувеличивали своих жалоб на крестьян и что «нельзя считать за бунт недоразумений, происходящих большей частью от неточного понимания крестьянами высочайшего манифеста и положения и от неисполнения самими владельцами и их управляющими и бурмистрами всех статей,

---

¹ От А.Я. Келейникова, В.К. Дмитриева и других помещиков макарьевского уезда и кн. Голицына нижегородского уезда (д. №№ 18 и 158 1861 года) [прим. В.И. Снежневского].

коими определяются некоторые права, дарованные крестьянам со дня обнародования высочайшего манифеста; и такого рода случаи, в которых недоразумения произошли благодаря несвоевременной взыскательности и неосновательным требованиям, - не могут выставляться за неповиновения и беспорядки». (д. № 18, 1861 г.).

Земская полиция также была завалена просьбами помещиков о приведении к повиновению крестьян и также часто находила просьбы их неосновательными. Макарьевский исправник П.Зубов доносил, например, губернатору 20 марта 1861 г., что «крестьяне готовы повиноваться всякому законному требованию вотчинного начальства, но, к сожалению, сии последние свои действия и распоряжения стараются облекать в такие формы, которые неизбежно ожесточат народ и сделают его крайнем недовольным. Я каждую минуту должен опасаться, чтобы натянутое положение не выразилось каким-нибудь беспорядком и только потому, что двум, трем лицам грустно расстаться с прежним самоуправством и своеволием». Между тем крестьяне «тихи в действиях и скромны в желаниях, не смотря на усилия вотчинных начальников вывести на вид во чтобы то ни с тало неповиновение их».

Незаконные требования вотчинных начальников, не хотевших расстаться со своей прежней властью или отказаться от всех прежних поборов с крестьян, вызывали иногда со стороны их отказ от каких бы то ни было платежей; так было в вотчинах кн. Трубецкой и В.Е. Куприянова семеновского уезда и А.Д. Черткова, А.В. Пашкова и А.П. Новосильцева сергачского уезда (д.д. №№ 192, 213, 1861 г. и 20, 1862 г.). В вотчине последнего, в селе Чуфарово, крестьяне до того озлобились на старосту, что однажды ночью жестоко избили его, и он умер на другое утро; а крестьяне и после этого два раза разграбляли господский амбар.

Введение уставных грамот в нижегородской губернии также не обошлось без некоторых затруднений для мировых

посредников. Кой-где крестьяне все еще продолжали надеяться, что им пришлют «настоящую волю» и недоверчиво относились к распоряжению властей, а в иных местах даже сопротивлялись им. Так, в имении граф Блудова, в селе Гарях ардатовского уезда, крестьяне отказались от избрания и полномочия шести добросовестных крестьян для присутствия при проверке составленной владельцем уставной грамоты, не смотря на все убеждения местного мирового посредника. – «Мы ожидаем, - говорили крестьяне, - грамоты от царя, и какую пришлет царь, так и будет; грамоте барина веры не даем и объявленному положению не верим, а ожидаем нового». – Другой, подобный приведенному, случай был в васьильском уезде, в имении князя Гагарина, в деревне Высоковой. Крестьяне с дерзостью отказались принять от мирового посредника уставную грамоту, не дали рабочих землемеру, а с становым приставом, которого посредник вызывал для приведения крестьян к порядку и послушанию, обошлись еще грубее (д. № 158, 1861 г.). Крестьяне села Богородского горбатовского уезда, вотчины С.В. Шереметьева, не доверяя составу волостного правления и подозревая правление в доставлении для состава уставной грамоты ложных сведений о числе и роде промышленных заведений, - запечатали 5 февраля 1863 года все дела волостного правления и приставили к ним караул, а наконец, выбрали нового старосту (д. № 263, 1863 г.).

Недовольство полученным по уставным грамотам наделом крестьяне выражали, впрочем, и мирным протестом. Бывшие крепостные князя Чегодаева, села Ново-Воскресенского васьильского уезда выразили свое несогласие на принятие надела тем, что не засеяли озимое поле. Однако неприменный заседатель земского суда, стоявший еще одной ногой по ту сторону реформы, донося об этом факте губернатору, писал, что крестьяне «учинили упрство и возмущение».

А.Ф. МОЖАРОВСКИЙ¹
БРАЧНЫЙ ОБЫСК
ВО ВРЕМЕНА КРЕПОСТНИЧЕСТВА
(К заседанию 27 мая 1890 года, стр. 337).

Уже 29 лет протекло со времени отмены у нас на Руси крепостного права, и за это сравнительно немногие годы сошла с жизненной сцены не одна тысяча крепостников и не одна сотня тысяч их бывших крепостных. Пройдет времени и еще столько и мы будем иметь на жизненной ниве столько же представителей из той и другой среды крепостничества, сколько остается после жнитва колосьев на полевой ниве и при том с памятью, подобной тем случайно забытым колосьям, в которых вы не встретите зерна, а одни пустые ячейки: зерно, или осыпалось от спелости, или выбито ветром. Поэтому нам надобно пользоваться памятью народной, пока она «в живых обретается», об удаляющейся от нас с каждым днем отжившей свои века крепостнической эпохе, тем более, что о некоторых чертах взаимоотношений владельцев и владеемых и их быта нельзя прочесть ни в какой бумаге: ни в официальной, ни в семейно-фамильной архивной, ни в воспоминаниях и мемуарах, ибо официия – знает официию, фамильные архивы – односторонни, а воспоминания и мемуары больше пишутся радужными красками и скользят по верхам, не углубляясь во внутренние сцепления.

В данное время и имею честь предложить вниманию гг. членов нижегородской ученой архивной комиссии об одном явлении, практиковавшемся в эпоху крепостничества со ссылкой на официальный документ, именно о брачном обыске.

---

¹ Брачный обыск во времена крепостничества А.Ф. Можаровского (К заседанию 27 мая 1890 года, стр.337/ Опись делам Арзамасского уездного суда //Деяствия НГУАК. Т.1. Н.Новгород, 1892. С.342- 343

То не тайна, что помещики (в большинстве), держа в своих ежовых рукавицах (вместо рыцарских перчаток) крестьян, позволяли себе гладить тою же рукавицей и приходское духовенство на своих землях. И хотя они в данном случае не проявляли захвата на симонию и инвеституру, что практиковалось на западе, но в то же время не прочь были за лишний воз соломы закабалить того или другого духовного отца из причта, так, что он должен был во всем слушаться господской струнки. И горе было тому отцу, которому

подчас изменяло ухо, и он, не слыша господской струны, выступал самостоятельно в отправлении своих духовных обязанностей, например, звонил к обедне не в указанный господином час. А тогдашняя епархиальная власть (угодливая) в большинстве винило духовенство.

Самое выдающееся вторжение в права церкви и ее пастырей чинили помещики при заключении браков своих крепостных. Здесь не требовалось любви и взаимного согласия на брак жениха и невесты и никаких справок о возможности брака от духовенства: сватом был сам помещик; он приказывал такому-то взять такую-то, не спрашиваясь их согласия или даже желания, но руководствуясь исключительно своими экономически-

ми соображениями. Делом вотчинной конторы, судного ее правления (у помещиков до мелочей был развит бюрократизм), было собрать потребные справки, не привлекая к этому причта, и потом отписать священноцерковнослужителям о барской воле повенчать таких-то. В церковно-приходской летописи села Еделева сергачского уезда, составитель ее священник Сергей Красовский приводит дословно (но удержал почему-то имена) следующий документ, хранящийся в церковном архиве.

«Деревни Селище господина статского советника Петра Павловича Званцова, из судного его правления причту села Еделева.

Честнейший иерей Никита Михайлович священствуи, а также вашему церковному притчу всякому благополучия и доброго здравия не веки желаем. Сим представляем вам в том, жених вашего прихода деревни Тарталей крестьянин вдовец (такой-то) понимает за себя в замужество одновотчинного господина нашего статского советника Петра Павловича Званцова деревни Селище у крестьянина (такого-то) дочь девицу (такую-то) и мы об оном рассматривая по своей вотчине (нашли), что к бракосочетанию как жених, так и невеста между собою никакого родства, кумовства и крестного братства не имеют, также и невеста с нашей стороны каждый год на исповеди и у святого причастия была и у священника нашего села Чукал иерея Иоанна Петрова в росписях духовных значится писана 24 лет. И по рассмотрению вашему и представлению от нас сей брак состоит беспрепятственно и об оном свидетельствуем и подписуем деревни Селищ бурмистр (такой-то), староста (такой-то), соцкий (такой-то), а вместо их вышеозначенных начальников оной же деревни земской (такой-то) по их прошению руку приложил. Января 16 дня 1812 года».

По приведении этого документа священник Красовский в своей летописи замечает: «позволения помещиков лично или от конторы их крестьянам сватать, а причту венчать давались до самого открытия воли: крестьяне без воли помещиков сва-

тать, а причт венчать не имели права. Вдовым же крестьянам сам помещик назначал невест-вдов, нисколько не справляясь, желает ли вдова идти в замужество за известного вдовца, или не желает, или и вовсе не желает идти в замужество за кого бы то ни было; это дело было не ее». Позовут, бывало, говорят старики, отца вдовы или мать, да прикажут к назначенному сроку готовиться к венцу, и делу конец.

III Раздел. Мемуары

**Воспоминания
современников
о крепостном праве
и крепостниках**

Н.Н. ШИПОВ ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ И МОИХ СТРАНСТВИЙ

Печатаю на страницах «Русской старины» «Историю моей жизни», я надеюсь, что встречу искреннее сочувствие у всякого человека, кому только на пути его жизни досталось испытать какие-либо превратности и тревожнения. В продолжение моей многострадальной и скитальческой жизни я претерпел много несчастий, но всегда переносил их благодушно и хладнокровно, - никогда не терял присутствия духа, даже в самых тяжких и горестных обстоятельствах. События моей жизни, от самого младенчества, я передаю в том самом виде, в каком сохранила их моя память. Отдавая на суд читателям повесть о моих похождениях, я всецело вверяюсь их благосклонной снисходительности.

Николай Шипов

1802-1813

Родился я в 1802 году в слободе Выездной, близ города Арзамаса¹, Нижегородской губернии. Отец мой был помещи-

---

¹ Арзамас - слово мордовское и означает «красная девушка» [прим. Н. Шипова].

чий крестьянин; имел хорошее состояние; занимался торговлею скотом, для чего ежегодно ездил в Симбирскую и Оренбургскую губернии за баранами. Он был человек грамотный, начитанный; пользовался почетом и уважением.

На шестом году от рождения меня отдали в ученье грамоте местному священнику. Как могу теперь припомнить, бабушка повела меня в церковь; отслужили молебен пророку Науму. Так обыкновенно делалось в старину. Читать я выучился скоро, и в какой-нибудь год или два «мы прошли» уже Псалтирь; но письмо мне не давалось; как ни бились, я все-таки писал старинным почерком, сходственно с родительским.

Так прошло года четыре. Наступил достопамятный 1812 год. Тут пошли разные толки о войне, а в июле месяце распространилась молва, что французы идут в Москву. Хоть и при глупом, детском разумении, но я понимал, что нам грозит какая-то беда. В последних числах августа тронулась наша матушка-белокаменная; день и ночь не умолкала большая дорога: ехали жители из Москвы. В сентябре месяце дошла до нашей слободы весть, что Москва занята французами. Народ упал духом; торговля прекратилась, а в том числе и моего отца. Наступили большие холода. Приходило много войска; солдаты размещались по избам жителей, человек по 20 и более в каждой, отчего происходила теснота ужасная. Гнали пленных французов, которые были в старинных смешных костюмах: смесь русской одежды с французской, и притом в изорванном, очень неприглядном виде. Мы, дети, немало смеялись над таким потешным одеянием несчастных галлов. За пленными французами шли обозы раненых; везли полуживых, даже мертвых, которых хоронили человек по 50 вместе. Зима была ужасно холодная; морозы стояли жестокие. Я очень хорошо помню, что когда мы с товарищами делали снеговую гору, то трудно было поливать ее водой - тотчас замерзала; бывало, бросишь из ковша вверх воду - она падает в виде града. Поневоле приходилось сидеть в избе, а здесь были солдаты с пленными французами.

Скажу о своем доме: он был в двух жилых с пристроенною сбоку маленькою горенкою. Весь дом занимали солдаты и два офицера; семейство же наше, состоящее из четырех душ - отца, матери, меня и 15-летней сестры моей, теснилось в горенке. О каких-либо удобствах, разумеется, тут не могло быть и речи; особенно доставалось бедной моей сестре. Дело в том, что тогда существовал в крестьянском быту старинный обычай, сходный с татарским: девушка на возрасте, особенно невеста, не могла в родительском доме видеть лицом к лицу чужого мужчину, а была обязана, как скоро завидит гостя, идущего к ним во двор, или закрыться платком и выбежать в другую избу, или к соседу, или же, в случае невозможности бежать, скрыться под кровать, или даже запрятаться под перину. Моего отца посещали разные лица, и сестра каждый раз убегала к соседу, у которого не было постоя, потому что он и был в ратниках, - простудилась, получила чахотку и скоро умерла. - Впрочем, и без того в слободе за это время смертность была большая; умирали от 5 до 10 человек в день. Да, тяжелое было тогда житье для нас, а в других местах и того хуже.

Но вот прошла жестокая зима; наступил май месяц 1813 года. В слободе стало тихо, - войска не было; только вновь сформированные ратники проходили. Отец мой начал производить прежнюю торговлю. Он отправился в степи Симбирской и Оренбургской губерний для покупки скота. Взял и меня с собою. Это была моя первая поездка в степи наших северо-восточных губерний. Потом он часто возил меня в Оренбургский край, приучая мало помалу к производимому им промыслу. Считаю, по этому случаю, не лишним рассказать здесь мною слышанное, виденное и испытанное.

1814-1819

Поездки наши в уральские степи производились в разное время года, но обыкновенно мы отправлялись из дому в марте месяце или в первых числах апреля. Это для того, чтобы забла-

говременно купить скот, а потом удобнее было гнать его летом. Почти от города Симбирска, по ту сторону Волги, начинались степи и тянулись до города Уральска и далее, а отсюда - к Каспийскому морю. Степи обширные, раздольные. По ним протекают небольшие речки, изобилующие всякого рода рыбой. Разной дичи пернатой водилось здесь весьма довольно, и мы с отцом никогда не пропускали случая поохотиться. К северу, по отраслям Уральских гор было множество диких уток; но охота на них трудна и небезопасна. - В степях, на значительном друг от друга расстоянии, находились небольшие селения уральских казаков; по реке Уралу, на так называемой «линии», построены были казачьи форпосты, вроде маленьких земляных крепостей, для защиты от набегов немирных киргизов. (Эти киргизы причиняли немало вреда: угоняли скот, иногда и людей, которых обыкновенно продавали в Хиву.) Казаки занимались преимущественно скотоводством и рыбной ловлею; сеяли дыни, арбузы и разные овощи, но в незначительном количестве. Они были грубы, однако довольно гостеприимны; русского православного крепко недолюбливали, с ними вместе из одной посуды не ели, а всегда давали особую; впрочем, вино и водку пили из одной рюмки. Казачки - добры, милостивы и богомольны. На огромном пространстве от Уральска до Юрьева Городка все жители от мала до велика говорили по-киргизски; это происходило от близкого соседства и частых сношений с киргизами.

Город Уральск стоит на реке Урале и притоке его Чагане. В то время он был необширен, с тремя храмами и одной старообрядческой часовней; населяли его преимущественно казаки, и находился он под управлением войскового атамана. Урал - река быстрая, многоводная и обильная рыбою, которой здесь, близ Уральска, бывало особенно много. Объяснить это можно таким образом: весной, во время разлива Урала, рыба, большими партиями, шла с низовьев реки, от Каспийского моря, вверх по течению. К этому времени, по издавна заведенному обычаю, казаки забивали близ города поперек реки большие бревна на-

подобие свай; эти бревна тесно приходились одно к другому и таким образом представляли род прочного забора (по местному названию «учуг»). При такой преграде рыба уж не могла идти далее вверх по реке, разве разлив реки был необыкновенно велик. Прибавлю к сему, что когда происходила постройка описанного забора, то собирались все городские казаки, присутствовал сам атаман и войсковые чиновники. По окончании постройки бывала закуска, так что день этот почитался веселым, праздничным. - Рыба в Уральске была очень дешева, например, в 1817 году осетрина стоила 15 и 12 копеек асс. за фунт; свежая икра - 25 и 30 копеек.

Теперь скажу о покупке скота и о пригоне его к месту назначения - в Слободу Выездную. Скот мы покупали обыкновенно у разных лиц: у казаков, у кочующих киргизов и у русских купцов, занимающихся, подобно нам, этим промыслом. В Оренбурге или чаще в Уральске покупали лошадей, повозки и провизию; нанимали человек 18-20 работников из крестьян Нижегородской или Симбирской губернии, приходящих сюда весною на заработки, - и отправлялись в степи. Скот покупался в различных местах, на дальнем между собою расстоянии, небольшими сравнительно партиями или гуртами, которые рабочими и сгонялись к определенному месту в степи.

Цены на скот существовали неодинаковые. Отец мне говорил, что в начале нынешнего столетия баран стоил 1 рубль 70 копеек асс., а вскоре после 1812 года платили уже по 3 рубля 50 копеек асс. за штуку, и даже по 5 рублей. Случалось и так, что в один год скот покупали дороже, а в другой дешевле. Это происходило от многих причин; бывало, как наедет в степи много русских купцов, - ну и набьются цены. Если стояла слишком суровая зима, то скот непременно дорожал, так как его много погибало от морозов. Но главное, при покупке скота обращалось внимание на то: так называемый зауральский это скот или букеевский; первый был мельче, особенно бараны, а последний крупнее и жирнее. Поэтому мы покупали в разные

годы неодинаковое количество скота, - обыкновенно несколько тысяч голов, приблизительно пять, восемь, десять тысяч и более.

Купленные в разных местах гурты баранов сгонялись главным образом к Общему Сырту - на речки Чуган, Деркул и Ембулатовку; это с форпоста Сорочика¹. Тут за прогон скота по степи никому ничего не платили. Зато нередко бывали случаи, когда казаки или башкиры нападали на приказчиков и рабочих при гуртах, били их нагайками и силою вымогали дань за то будто бы, что при прогоне скота испорчены луга, которых казаки никогда не косили. Если рабочие останавливали стада для пастьбы по хребтам гор, казаки и башкиры на то не сетовали. Одному приказчику давалось обыкновенно два гурта, каждый по 900 баранов, и при них 6 человек рабочих два передовых или гуртоправов и четверо так называемых задних; был еще кашевар. Давалось им три повозки с тремя упряжными лошадьми для клади провизии, да сверх того 4-я лошадь - верховая. Бывало, ранним утром, когда солнце только что обогреет степи, баранов поднимут и погонят со стану. Гуртовой, идя впереди баранов, помаленьку начинает разгонять их, чтобы они шли реже, не скучиваясь; задние рабочие подгоняют отставших от гурта, но делают это осторожно, с известной сноровкой, чтобы не испугать весь гурт, который расходится иногда, особенно по хорошей траве, в ширину более полверсты. При этом гуртоправ старался приучить баранов идти рядами, стройно, в порядке. Опытные гуртоправы весьма скоро достигали того, что бараны слушали их, как солдаты своих командиров. В течение дня несколько раз давался скоту отдых. В это время гуртоправ быстро осматривал баранов, отыскивая, нет ли между ними больных; если таковой находился его тотчас отделяли от

---

¹ На этом месте существовал некогда хивинский городок, развалины которого видны и поныне. Здесь отыскивают хивинские монеты и разные другие древние вещи. Говорят, городок тот разорен был разбойниками Нечаева [прим. Н. Шипова].

гурта, чтобы другие не заразились, и лечили. Пастбища выбирались, понятно, с хорошей, сочной травой. Вообще, в продолжение всего пути приказчик, гуртоправ и рабочие заботились всеми мерами о хорошем продовольствии скота, чтобы бараны были жирные, шерсть на них чистая и мягкая. Вечером, с закатом солнца, гурты останавливались на ночлег; для этого место избиралось такое, чтобы и пастбище было тучно, и водопой обильный. В этих именно видах заблаговременно нанимались некоторые степи, с платою по уговору. Так шло дело до города Бугуруслана, куда приходили гурты никак не позднее второй половины июля месяца. Здесь стригли с баранов шерсть и отправляли ее в Выездную слободу. От Бугуруслана гурты прогонялись или на Симбирск, или к Бугульме и Казани. Здесь также случалось не без препятствий и задержек от чуваш и калмыков. Чувашаи народ зловредный. Зная, что в известное время по их дачам и лесам прогоняются гурты баранов, они вырывают в лесу ямы и ставят в них петли; проходящий скот падает в эти ямы и таким образом делается добычею чуваш. Если же такая уловка им почему-либо не удавалась, то они прибегали к другому средству. Со мной был такой случай. Прогнали мы свои гурты близ одной чувашской деревни (Имуткиной), по проселочному пути, минуя чувашские степи верст 5. Желая попользоваться от нас за проход какой-нибудь добычей, чувашаи, более ста человек, догнали нас и остановили, говоря, что скот наш потоптал их луга. Я понял, что при сопротивлении могут быть для нас худые последствия, и поэтому, приказав своим приказчикам гнать гурты далее - на дачу Обошную, сам поехал с чувашаами в их деревню на отличной верховой лошади. Дорогою, как ни зорко наблюдали за мною чувашаи, как ни стерегли, но я перехитрил их и прискакал на моем резвом коне к своим гуртам, которые я догнал близ Шалашниковой степи, у мельницы, на речке Сохе. Отсюда шли мы на Сергеевское, Ормянку, Хилково, Тростянку, Хорошеньку, Киянку, на Новый Буян и Узуково. Далее пролегали, верст на

50, калмыцкие степи, которые примыкали к Волге, и я почел за нужное спросить позволения у калмыцкого начальника, проживающего в Ягодном улусе, пройти по этим степям. Послал к нему с этою целью одного из приказчиков; чрез несколько времени явился ко мне сам начальник, из калмыков, с двумя драбантами. Я его почтительно принял, достоподобно угостил и на дорогу снабдил бараниной; за это он позволил мне свободно прогонять гурты по степи и беспрепятственно пользоваться пастбищем. Придя к Волге, я договорил климовских крестьян перевезти на другой берег баранов, по 5 копеек за штуку. Переправа эта очень хлопотлива. Отсюда мы погнали гурты обыкновенным путем - на Боинск, Курмыш и домой, в слободу, куда скот обыкновенно приходил около 20 сентября или к половине октября месяца тут же, немедленно принимались его резать в особо устроенных при доме бойнях и салотопнях.

Кроме указанных мною неудобств, встречающихся при прогоне скота, приходилось еще ведаться с разбойниками, которые властвовали в тех местах поистине беспрепятственно. Например, по эту сторону Волги, близ села Собакина (Симбирской губернии), грабил и разбойничал отставной солдат Безрукий со своими удалыми товарищами. В 1816 году отец отправил домой нашего приказчика Баранина, верного и надежного человека, с двумя гуртами и семьёю рабочими. Гурты остановились на ночлег, в четырех верстах от Собакина, близ леса. Рано утром выезжает из лесу этот Безрукий со своими молодцами и требует от Баранина денег. Рабочие оробели, приказчик на коленях перед разбойником говорил, что у него нет денег более 10 рублей. Получив десятка два ударов нагайкой, Баранин отдал все имеющиеся при нем деньги и лучшую лошадь. Разбойники удалились в лес, а верный приказчик, приказав рабочим гнать гурты далее, сам тотчас же отправился верхом в село Собакино и заявил о случившемся с ним происшествии сельским властям. И что же услышал? «Эх, любезный, - сказали ему, - эти разбойники ограбили не тебя одного, а многих лиц, и не на

столько. Мы тебе не можем оказать никакой помощи: ведь они теперь, может быть, гуляют уже по пензенской столбовой дороге. Ступай себе с Богом». Так Баранин и ушел. На той стороне Волги, по Общему Сырту, где пролегают дороги в Оренбург и Уральск, разбойничал борской казак Иван Григорьев Мельников с товарищами. Этот разбойник был страшен для всех проезжающих; о нем и его подвигах ходили в народе разные рассказы, в которых была перемешивалась с небылицей. Например, говорили, что он имел заговор от ружья, т.е. что его нельзя было ни убить, ни ранить пулей. В течение нескольких лет земская полиция не могла поймать его; а если это случилось и Мельникова сажали в острог, то он уходил отсюда, как бы ни была бдительна стража и крепки запоры. Мельников никого не убивал, разве только в каком-нибудь редком и исключительном случае; любил послушание и покорность; ослушников же его приказаний и требований строго наказывал нагайкой и брал больше дани. Однажды крестьяне нашей слободы в количестве более 20 человек на десяти повозках отправились в Оренбург за баранами. Подъезжая к Общему Сырту, они условились между собою, что в случае нападения разбойникам не поддаваться. Через несколько времени крестьяне заметили шибко едущих им навстречу вооруженных людей: то был атаман Мельников с своими товарищами. Поравнявшись с обозом, атаман закричал передовому крестьянину: «Остановись!»; но этот не послушался и продолжал ехать. Тогда атаман приказал одному из своих товарищей бить непослушного по спине нагайкой. Крестьяне перепугались, забыли о своем уговоре - не поддаваться разбойникам. После того Мельников приказал подать для себя кошму; когда разостлали ее, он сел. - Крестьяне же молча стали перед ним; их окружили разбойники. Атаман обратился к перепуганным крестьянам с такою речью: «Я знаю, вы едете в Оренбург за покупкой скота и у каждого из вас есть деньги; я мог бы вас совсем обобрать. Но так как вы оказали мне послушание, то я беру только по 5 рублей ассигнациями с

повозки. Когда будете ехать обратно, я с вас не спрошу тогда ничего, разве дадите баранины на кашницу». Один из крестьян тотчас же вынул свой бумажник и отдал атаману деньги. «Как тебя зовут?» - спросил Мельников. - «Иван Григорьев Минев», - отвечал тот. - «Ты, братец, мне тезка, - сказал разбойник. - Сними с себя крест и дай мне, а мой возьми себе, - и мы будем крестовые братья». Поменялись крестами. После этого Мельников, возвращая деньги Миневу сказал: «Возьми, брат, свои деньги назад: мы с тобой породнились. А вы, ребята, раскошеляйтесь».

Получив со всех деньги, атаман потребовал вина и закуску - велел пить всем. Заплатив за угощение 2 рубля, Мельников уехал. Крестьяне были очень довольны, что так дешево отделались.

Минев рассказывал, что после того, прогоняя гурты из Оренбурга, он встречался с Мельниковым, который никогда денег с него не брал; вместе угощались и бражничали, а однажды Мельников, пригласив Минева к себе в стан, подарил ему лошадь и 25 рублей медными деньгами.

Приобшчу к сему, что Мельников был пойман исправником верст за 50 от города Самары, куда повезли его, заключенного по рукам и ногам в деревянные колодки. На шею также надели колодку, которая в дороге и задушила его. Так память о нем погибла с шумом!

Производя торговлю скотом, мой отец торговал также салом, мехами, кожами и вообще пушным товаром. Этот товар продавали мы в разных городах, но главным образом в Ростове на Макарьевской ярмарке и в Москве. Моя первая поездка по этим торговым делам была в апреле месяце 1816 года, когда отец отправил меня с одним из старых и опытных наших приказчиков. Перед отъездом отец и бабушка (в это время мать моя была уже умершею) приказали списать мне из Псалтири псалом: «Живый в помощи Вышнего», выучить его наизусть и каждый день читать. Мне внушили, что при чтении этого псал-

ма можно миновать нападения разбойников и всякого лихого человека. Ехали мы на города Муром и Суздаль, где ходили чуть ли не по всем церквям и прикладывались к св. мощам. В Ростове, распродав весьма выгодно товар, мы пошли помолиться великому русскому чудотворцу - Димитрию Ростовскому и попросили отслужить святителю молебен. Потом всходили на колокольню и слушали звон по нотам. Скоро мы оставили Ростов и отправились в первопрестольный славный град Москву.

Как я ни был мал и несведущ, но уже за три года перед сим довольно наслышался о матушке-белокаменной. Двенадцатый год крепко запечатлелся в моей памяти. По приезде в Москву я купил по совету приказчика новомодный картуз и красивый шелковый кушак. Пошли осматривать Москву и ее достопримечательности. Здесь все меня поражало и удивляло: длинные, извилистые улицы, наполненные идущим и едущим народом; большие высокие дома, из которых иные были обгорелые, неотстроенные - печальный след пребывания в Москве французов; множество церквей; златоглавый кремль с его соборами, дворцами и палатами; высочайшая ивановская колокольня, при которой лежал огромный колокол. В Вознесенском девичьем монастыре меня очень удивляли печи, в которых французы пекли для себя хлеб. Так как мы пробыли в Москве около трех недель, то я довольно хорошо познакомился с нею. Расхаживая по городу, я был очень доволен и думал: «Вот и я побывал в Москве; все видел и о всем расскажу, как приеду домой». Действительно, рассказам не было конца.

В мае месяце этого года мой отец неожиданно женился во второй раз; взял нашу соседку, девушку лет 14, с которою до сего времени я занимался детскими играми. После свадьбы отец приказал мне, чтобы я не называл его молодой жены матерью. Так и было.

1820-1823

Через четыре года после женитьбы отца, когда мне минуло 18 лет, отец задумал и меня женить. Из арзамасских купцов каждый охотно отдал бы за меня свою дочь с большим приданым и деньгами; но помещик позволял нам жениться только на крепостных. У нас в слободе было три невесты, дочери зажиточных крестьян. По заведенному обычаю отец мой созвал на семейный совет близких родственников; призвали меня и спросили: «Которую невесту сватать?» Отвечал, что как ни одной из них не знаю, то и сказать ничего не могу. Решили сватать дочь довольно богатого крестьянина Ланина, 2 ноября, поутру, дядя мой, купец Феоктистов, отправлен был в дом Ланина для переговоров. Выслушав предложение Феоктистова, Ланин сказал, что он теперь не может дать никакого положительного ответа, потому что предварительно должен сходить в церковь и отслужить молебен, - потом всех родственников на совет, и просил Феоктистова пожаловать через день, вечером. Дядя передал это нашему собранию; решили ждать. На совете у Ланина, как мне потом рассказали, происходило следующее: некоторые из родственников были против того, чтобы выдать за меня дочь Ланина; порочили мое поведение и указывали на то, что у меня молодая мачеха, с которою жене моей худо будет жить. Большая же часть Ланиной родни была того мнения, что дочь Ланина выдать за меня следует, потому что дом наш богатый, один из первых в слободе. 4 ноября родственники наши снова собрались у нас в доме и того же дядю Феоктистова вновь послали к Ланину. Здесь приняли дядю с уважением и посадили на почетное место. Священник прочитал молитву. Потом, как бы в виде задатка, вынесли дяде 5 платков и полотенце с богатым кружевом, да кроме того дали хороший платок для самого дяди, и начали угощать его как почетного гостя. Мой же отец и родственники ожидали его возвращения. Дядя пришел с платками и навеселе. Призвали меня, начали поздравлять и показывать платки, в числе которых был один и

для меня, т.е. я должен был носить его в своей шляпе; потом приказали мне поклониться отцу и дяде в ноги; я это исполнил. Затем началось веселье и продолжалось до глубокой ночи.

На другой день, 5 ноября, мы ожидали к себе рубашечницу, т.е. женщину из дома отца невесты за моей рубашкой, по образцу которой у невесты должны были нашиваться для меня рубашки. Этою женщиною бывала обыкновенно одна из близких родственниц невесты; она почиталась гостьею почетною; ее должны встретить ближайшие родные жениха и угостить как можно лучше. В 3 часа пополудни приехала рубашечница, которая оказалась женой брата моего будущего тестя, т.е. родная тетка невесты. Тотчас мои родные вышли к ней навстречу, привели в горницу и начали усердно угощать. Она пробыла у нас до 6 часов вечера. Условились, когда должно быть смотренью, запою, девичнику и свадьбе. Положили смотренью быть сегодня. После того эта новая сваха взяла мою рубашку и поехала в дом Ланина. Дорогою она непременно должна петь песни. Невеста встречает ее на дворе и приглашает войти в комнату.

По отъезде рубашечницы мы собрались к невесте на смотренье. Со мной поехали дядя Феокистов, называющийся с этого времени дружкой, и его жена. Мы взяли с собой фунтов 20 гостинцев, каждый фунт в особом свертке; кроме того, отец дал мне два полуимпериала, завернутые в бумажку 5 рублей серебром в свертке и 5 рублей по одному рублю - в бумажках. Эти деньги предназначались для того, что когда невеста станет меня дарить, то я должен полагать их на поднос и целовать невесту три раза. - Приехали мы во двор к Ланину. Навстречу к нам вышли: нареченный мой тесть, его жена, сын и близкие родственники. Сначала они целовались с моим дядею и теткою, а потом со мной. Поцеловавшись, все вошли в горницу, где уже находился священник. Меня посадили за стол, впереди; рядом со мною, по правую руку, сел священник и дядя, а по левую - тетка; далее поместились за столом родственники Ланина. На

столе поставлен был сладкий пирог с разными украшениями. Несколько минут посидели молча; потом тетка моя начала: «Время нам посмотреть и пирожницу, которая для стола пирог готовила», т.е. невесту. При этих словах я будто оробел. Тотчас же родственница Ланина вывела из другой комнаты нареченную мою невесту. Она была в шелковом, вышитом золотом сарафане и в белой, как снег, рубашке; на шее было ниток 40 разной величины жемчуга, в ушах жемчужные серьги, на голове жемчужная повязка и в косе целый пучок алых лент. При входе женщины с невестой все встали. Они помолились Богу, приняли благословение от священника и поцеловались с моим дядею и теткой. После сего невеста взяла поднос, на котором лежал для меня подарок - жилет, подошла ко мне и в полпояса поклонилась. Я принял подарок, положил взамен его на поднос два полуимпериала и также поклонился в полпояса; затем три раза поцеловались и вновь поклонились друг другу. Тогда священник спросил меня и невесту: «Желаете ли сочетаться браком?» Мы отвечали, что желаем с охотою. Священник благословил нас и прочитал молитву. После этого меня посадили с невестою рядом и началось угощение всех гостей, кроме нас; мы только сидели. Чай же подавали и нам. В особой комнате девушки - подружки невесты пели свадебные песни и с разными веселыми прибаутками выговаривали дружке, что он скуп для них на гостинцы. После чаю невеста начала дарить меня платками, а я дарил ей деньги, - и при этом каждый раз мы троекратно целовались. Так продолжалось несколько часов. Уже за полночь подали ужин, после которого гости поразъехались, а я остался с невестою и девушками; занимались разными играми, пели веселые песни. Я просидел до света.

7 ноября положено быть запою. К этому дню отец мой пригласил к себе близких сродников, несколько почетных гостей и священника с супругой. Всех съехалось человек 15. Напитки и закуски должны быть привезены от жениха. Отец на это не поскупился, дал мне 10 рублей, завернув каждый в бу-

мажку, и один полуимпериал. Поехали мы вечером на семи санных, из коих одни были с разной провизией. У будущего тестя моего, Ланина, кроме родственников, знакомых и девушек, собралось множество народа из любопытства. Приехавши во двор, все вышли из саней. Впереди шел священник, за ним - отец мой с мачехой и я, потом родственники и почетные гости. Нас встретил тоже священник, за ним невестин отец с матерью и т.д. Все мы приехавшие целовались с хозяевами и их гостями; после сего нас пригласили в горницу и сажали за стол по известному порядку. Стол был накрыт человек на 40. На столе стояли четыре окорока и белый большой круглый сладкий пирог с разными украшениями и фигурами. В комнате стало тихо; за столом сидели безмолвно минут 5. После этого моя мачеха, обращаясь к Ланину и его жене, сказала: «А что, сватушка и свашенька, где у вас пирожница, которая готовила такой прекрасный пирог?» Ланин отвечал, что если угодно, то можно позвать ее сюда. В это время вышла из другой комнаты моя невеста, разряженная и богато украшенная; ее сопровождала ее родная тетка - прежняя рубашечница. Помолились они Богу, всем низко поклонились, подошли под благословение к священникам и начали целоваться, сперва с моим отцом, мачехой и далее, по порядку. Когда целованье кончилось, невесте дали в руки поднос, на котором лежал красивый шейной платок; она подошла ко мне и поклонилась в пояс. Я взял платок с таким же ей поклоном, положил на поднос полуимпериал и, поддерживая одной рукой подбородок невесты, поцеловал ее 3 раза из стороны в сторону, после чего опять поклонились друг другу. Потом невеста начала дарить всех моих сродников разными подарками, а ей отвечали в благодарность деньгами. После этого невесту посадили со мной рядом. Пришло время угощенья. По первой рюмке всем гостям поднес отец невесты, а затем угощением распоряжались уже наши сродники. В это время мы с невестой очень часто целовались по требованию гостей: один говорил: «Не видал, как наши молодые целуются»; другой:

«Вино очень горько, надо подсластить», третий еще что-нибудь придумывал. Так прошло не менее часа. Затем начали подавать чай; девушки запели веселые песни, и - пошел пир горой. Около полуночи начался ужин и продолжался часа четыре. В половине ужина меня с невестой вывели из-за стола к девушкам поиграть, попеть и повеселиться. В 6 часов утра веселье кончилось; гости разъехались по домам. С рассветом и я пошел домой; невеста и девушки провожали меня за ворота с песнями.

Начали готовиться к свадьбе, которая должна была совершиться 10 ноября. За день до этого от невесты пришли к нам вечером девушки с брагой, которую станут поддавать в бане на каменку, когда они последний раз будут парить невесту с прощальными песнями. Потом приехали к нам из дома невесты коробейники и постельницы - четыре мужчины и две женщины с родственником моего будущего тестя. На трех парах лошадей они привезли имение и постель невесты. Сундуки поставили в особо приготовленную в сенях палатку, а постель внесли в спальную, где постельницы и принялись убирать ее. Этих лиц мы хорошо угостили. В этот же день отец мой разослал гонцов к своим родственникам, друзьям и приятелям с приглашением их пожаловать к свадебному столу, который готовился на 80 человек. Отец мой почитался настоящим русским хлебосолом, а потому распорядился, чтобы всего было в изобилии. Накануне свадьбы около полуночи поехал я на кладбище проститься с усопшими сродниками и испросить у покойной родительницы благословения. Это я исполнил с пролитием слез на могиле. 10 числа, к вечеру, собрались к нам все наши родственники и знакомые; священник с диаконом и дьячками тоже пришел. В это время, по обычаю, двое наших холостых сродников посланы были к невесте с башмаками, чулками, мылом, духами, гребешком и проч. Посланных у невесты приняли, одарили платками и угостили. Между тем отец начал меня обувать и в правый сапог положил 3 рубля, для того что, когда моя молодая жина станет разувать пеня, то возьмет эти деньги себе.

Когда я был одет, отец взял образ Божией Матери, в серебряном окладе, благословил меня им и залился слезами; я тоже прослезился: недаром старики говорили, что свадьба есть последнее счастье человека. Потом благословили меня своими иконами отец крестный, мать крестная и посадили меня в переднем углу, к образам. Все, начиная с отца, со мною прощались, после чего, помолившись Богу, священник повел меня в церковь; за нами следовало несколько человек, называющиеся провожатыми. В церкви народу было множество. Между тем сваха и дружка с хлебом-солью поехали за невестой. Здесь на столе находился так же хлеб и соль. Сваха взяла эту соль и высыпала себе, а свою отдала; хлебами тоже поменялись. Потом невесту, покрытую платком, посадили за стол. После благословения невесты от родителей иконами все с невестой прощались и дарили ее по возможности деньгами. Затем священник вывел невесту из комнаты и поехали в церковь с свахой, дружкой и светчим, который нес образа невестины и восковые свечи. За ними ехали на нескольких повозках мужчины и женщины, называющиеся поезжанами. По окончании таинства брака мы, новобрачные, по обычаю несли образ Божией Матери из церкви в дом моего отца. На улице было совершенно темно; шел большой снег. Народ прорекал, что новобрачные будут счастливы. (Увы! пророчество это не вполне исполнилось). В доме встретил нас отец с иконою и хлебом-солью; мы приложились к образу и поцеловались с отцом. После этого начался Божией Матери молебен. По окончании молебна сваха нас, молодых, привела в спальню, посадила рядом и дала нам просфору. Так как в настоящий день я и новобрачная постились, то после чаю нам дали немного закусить. Потом сваха убрала голову молодой так, как это бывает у замужних. После этого мы вышли к гостям, и вскоре начался стол или брачный пир. Кушанье было перемен десять; все в чисто русском вкусе, без всяких супов и соусов. К концу стола подали сладкий пирог, который должны были подносить гостям мы, молодые. Перед

этим надели на мою молодую жемчужный кокошник, и я с нею и свахою разносили пирог, а каждый из гостей поздравлял нас с законным браком. Стол окончился далеко за полночь. После того сваха с дружкой увели нас в спальню, убрали постель и заставили мою молодую жену меня разувать; уложили в постель и, пожелав нам доброй ночи, удалились. На другой день встал я рано; дверь оказалась запертою снаружи. Делать нечего, приходилось ждать. Наконец сваха отперла спальню и вместе с дружкой повели нас в баню; дверь за собою опять заперли. Из бани привела нас сваха в спальню, где уже приготовлен был стол. Через несколько времени пришла к нам от моего тестя женщина, называемая блинницею, принесла горячие блины и разное пирожное. Мы покушали. После блинницы явилась к нам родственница моей жены с подарками, которыми моя жена должна была дарить моего отца и мачеху. Отец и мачеха, получив эти подарки, отблагодарили ее деньгами. В этот день отец мой пригласил родных и знакомых к себе на вечер; а я с молодою, свахой и дружкой отправился в гости к тестю. Потом попеременно бывали то Ланины у нас, то мы у них. И тем вся церемония нашей свадьбы кончилась.

Я упоминал, что мы были помещичьи крестьяне и платили барину оброк. Сам помещик по фамилии Салтыков в нашей слободе не жил; сам проживал в Петербурге, а летом в подмосковном своем имении - Сергеевском; к нам приезжал редко. У нас в слободе был управляющий и бурмистр, которые творили расправу с крестьянами и заботились о взыскании с них помещику оброка. Мой отец, как человек богатый и уважаемый, неоднократно бывал бурмистром. Эта должность, завидная для других, ни мне, ни отцу моему не нравилась: во-первых, потому, что наши торговые дела требовали частых отлучек отца из дому, а тут надо было постоянно находиться в слободе; во-вторых, потому, что при взыскании оброка невольно приходилось входить в неприятные столкновения с крестьянами и наживать себе врагов. К тому же отец постоянно опасался, как бы

не подпасть под гнев помещика и не подвергнуться какому наказанию. При нашем помещике, человеке довольно взбалмошном, это случалось нередко. Например, однажды в 1820 году, - не припомню, по какому случаю, - помещик прислал к моему отцу из другой вотчины крестьянина с приказанием посадить его на цепь и кормить однажды в сутки по фунту черного хлеба, впредь до нового распоряжения; при этом было объявлено отцу, что если узник убежит или его будут лучше кормить, то с отца строго взыщется. Приковали мужичка цепью к стене в нашем старом доме и одного человека приставили его караулить; есть же из человеколюбия отец приказал давать узнику довольно. Прошло с полгода. Отец отлучился ненадолго из дому по торговым делам. В это время узник бежал. Донесли помещику, который немедленно и приказал взять с отца 7000 рублей штрафа. Через несколько времени бежавший крестьянин был пойман; но деньги остались, разумеется, у помещика.

А то, бывало, неожиданно шлет барин строгий приказ, чтобы отец явился к нему и представил оброк, примерно тысяч тридцать или сорок. С крестьян деньги еще не собраны; а не исполнить приказания помещика - опасно. В этих случаях отец поступал так: если у него были под руками свои деньги, то он прилагал недостающее количество; если же таких денег не было, то занимал у арзамасских купцов, уплачивая проценты собственными деньгами. Таким образом, дело сходило с рук, хотя и не без ущерба для отцовского кармана. Но однажды именно в самый год моей свадьбы (1820) отец не мог представить помещику всего оброка, указывая в свое оправдание на то, что все торговцы и ремесленники понесли в этот год большие убытки и потому платить оброк затруднялись. Помещик и слышать этого не хотел; грозил посадить отца в смиренный дом или сослать его в Сибирь на поселение. Однако дело кончилось тем, что помещик приказал сменить отца с должности бурмистра. Мы были весьма этому рады, тем более что количество

оброка, зависевшее от произвола барина, год от году не только не уменьшалось, а напротив - увеличивалось.

Странные бывали у нашего помещика причины для того, чтобы увеличивать оброк. Однажды помещик и с супругою приехал в нашу слободу. По обыкновению, богатые крестьяне, одетые по-праздничному, явились к нему с поклоном и различными дарами; тут же были женщины и девицы, все разряженные и украшенные жемчугом. Барыня с любопытством все рассматривала и потом, обратясь к своему мужу, сказала: «У наших крестьян такие нарядные платья и украшения; должно быть, они очень богаты и им ничего не стоит платить нам оброк». Недолго думая, помещик тут же увеличил сумму оброка. Потом дошло до того, что на каждую ревизскую душу падало, вместе с мирскими расходами, свыше 100 рублей асс. оброка. Помещик назначал, сколько следовало оброчных денег со всей вотчины; нашей слободе приходилось платить 105 000 рублей асс. в год. У нас в слободе числилось до 1840 ревизских душ. Но не все одинаково были способны к платежу, например, крестьянин богатый, но ему приходилось платить за одну или две души; а другой бедный, и у него 5 или 6 ревизских душ; были престарелые и увеченные, отданные в рекруты и беглые, которых налицо не состояло, но за которых следовало платить оброк. Помещик всего этого не хотел знать и требовал, чтобы назначенный им оброк был ему представлен сполна. Тогда делали раскладку оброка на богатых и зажиточных плательщиков. Таким образом выходило, что, например, мы с отцом платили помещику оброка свыше 5000 рублей асс. в год; а один крестьянин уплачивал до 10 000 рублей.

Казалось бы, при таких распорядках состоятельным крестьянам следовало бы откупиться от помещика на волю. Действительно, некоторые и попытались это сделать; но без всякого успеха. Один крестьянин нашей слободы, очень богатый, у которого было семь сыновей, предлагал помещику 160 000 рублей, чтобы он отпустил его с семейством на волю. Помещик

не согласился. Когда через год у меня родилась дочь, то отец мой вздумал выкупить ее за 10 000 рублей. Помещик отказал. Какая же могла быть тому причина? Рассказывали так: один из крестьян нашего господина, подмосковной вотчины, некто Прохоров, имел в деревне небольшой дом и на незначительную сумму торговал в Москве красным товаром. Торговля его была незавидна. Он ходил в овчинном тулупе и вообще казался человеком небогатым. В 1815 году Прохоров предложил своему господину отпустить его на волю за небольшую сумму, с тем, что эти деньги будут вносить за него будто бы московские купцы. Барин изъявил на то согласие. После того Прохоров купил в Москве Большой каменный дом; отделал его богато и тут же построил обширную фабрику. Раз как-то этот Прохоров встретился в Москве с своим бывшим господином и пригласил его к себе в гости. Барин пришел и немало дивился, смотря на прекрасный дом и фабрику Прохорова; очень сожалел, что отпустил от себя такого человека, и дал себе слово впредь никого из своих крестьян не отпускать на свободу. Так и сделал.

В конце 1823 года отец мой вновь был назначен бурмистром; при этом помещик приказал брать с нашей слободы вместо 105 000 - 61 000 рублей асс. оброка. В то время я находился в Оренбургском крае и об этом ничего не знал. Когда я приехал и отец рассказал мне о случившемся, мы стали советоваться, каким бы образом уволиться отцу от ненавистной для нас должности бурмистра? В слободе временно находился тогда камердинер нашего господина, его любимец, который иногда устраивал крестьянские дела к обоюдному для нас и помещика удовольствию. Отец и обратился к этому камердинеру с просьбой - походатайствовать перед господином об увольнении его от бурмистерской должности, за что и дал ему 1000 рублей. Камердинер написал барину, от которого получен был следующий ответ: «Если Шипов станет даже помышлять об увольнении, то я сделаю с ним то, чего он никогда не ожидал: его самого сошлю в Сибирь на поселение, а сына его отдам в

солдаты». Прискорбно было нам слышать это известие, и в порыве горести я сказал отцу, что лучше мне идти в солдаты: за Государем служба не пропадает. «Нет, - с грустью возразил мне отец, - такой разлуки с тобой я не перенесу. Будем жить вместе. Какое бы горе и страдание ни случилось с нами, будем терпеть и творить волю господскую. Хорошо бы было, - продолжал отец, - если бы новое положение господина насчет 61 000 оброку было навсегда; но я знаю хорошо нашего барина: он будет недоволен и скоро снова увеличит оброк. Боюсь, чтобы против моей совести я не сделалался крестьянам ненавистен». Потом, после некоторого раздумья, отец сказал! «Да, я буду править дела крестьянские; а ты занимайся торговлею и распоряжайся, как знаешь. Ты теперь уже можешь». Скрепя сердце, я выслушал это решение отца и ничего не возражал, зная, что уж если что решил он, то так тому и быть.

1824-1827

С 1824 г. я очень часто начал отлучаться из дому по торговым делам. Торговля была по-прежнему уральским скотом и пушным товаром. После 1822 г., когда в Оренбургском крае стояла жестокая зима, баранов там много поубавилось и цены на них были не совсем подходящие. И вот я задумал отправиться для покупки скота к букеевским киргизам в барханы¹. Хотя во время прежних моих поездок я неоднократно имел дело с киргизами и мог немного говорить по-киргизски, но счел за нужное нанять толмача. Таковой скоро нашелся, один из уральских казаков, и я подрядил его за 100 руб. асс. ехать со мною. Мы с этим толмачом и несколькими моими работниками отправились на повозках в киргизские аулы, верст за 40 от линии, где киргизы почивали в своих кошомных кибитках. Прие-

---

¹ Барханами называются пески с небольшими неровными возвышенностями; они простираются верст на 100, а далее носят название «рын-пески». В наших обыкновенных повозках ездить по барханам весьма затруднительно [прим. Н. Шипова].

хали в аул, к старшине, который назывался Бек-Мухамедом-Утемисом. Он нас принял. Я подарил ему чаю и сахару; Мухамед же дал нам особую палатку, угостил меня аряном (кислым молоком) и вареной ягнятиной. Арян мне не понравился, вероятно потому, что он содержится киргизами обыкновенно в сырых кожаных мешках. Скоро мы с Мухамедом сделались хорошими знакомыми. Он пригласил меня с толмачом в гости к своему двоюродному брату, Ковдобаю, который находился в другом ауле, верст за 5 от нашего. Я, разумеется, не отказался. Хозяин нас встретил радушно; мы сидели, покуда не было все прибрано в кибитке для приема гостей, Потом нас пригласили в кибитку. В ней были развешаны ковры: разноцветные сундуки стояли открытыми: на полу также разостланы ковры и положены подушки, на которые мы и сели. Хозяин спросил, что мы будем есть: старого барана или ягненка? Мы согласились на последнее. Жена хозяина была в шелковых штанах и рубахе; голова покрыта платком, на ногах надеты красные киргизские, с большими каблуками, сапоги: это для удобства при верховой езде. Она начала раскладывать из тезека¹ огонь посреди самой кибитки; потом поставила на четырех ножках таган, а на него большой котел с водою. Принесли кожаный мешок, из которого хозяйка вытаскивала говядину или кобылятину и клала в котел. Когда говядина сварилась, она вынимала ее из котла вилкой и накладывала в красную деревянную чашку; хозяин, же мелко разрезывал ее ножом. После того хозяйка варила ягненка; хозяин и его разрезал на мелкие кусочки. С нами обедали 6 человек киргизов. Хозяин брал всеми пятью пальцами кусочки говядины и угощал ими прямо в рот; гости подползали к нему на коленях, причем старались, чтобы кусок не выпал изо рта, так как в противном случае им было бы стыдно. Для меня хозяин положил говядины и ягнятины в чашку. Затем хозяйка сготовила еще два кушанья: жидкую молочную кашу с соро-

---

¹ Тезек, или коровий кирпич, служит обыкновенным топливом у киргизов [прим. Н. Шипова].

чинским просом и жареную в масле сметану, что по-киргизски называется «ремчук». Обед продолжался довольно долго. Разговаривали о баранах, о лошадях. Хозяин предложил мне свои услуги: завтра он объедет свой род и объявит, чтобы киргизы приходили ко мне для продажи баранов; при этом будет стараться о выгодной для меня покупке, только я должен ему что-нибудь подарить. Поблагодаривши хозяина, я в свою очередь пригласил его к себе на чай. Он не отказался. Приехали в мою палатку; пили чай. У меня были мягкие булки и пшеничные сухари; я дал их моему новому знакомцу. Он положил их в свою кожаную сумку. Такие сумки киргизы всегда носят при себе на ремне, а русский гостинец роздают понемногу своим женам, детям и приятелям. Настал вечер, и мы отправились к старшине ужинать. На другой день я встал утром рано. Начали собираться киргизы - одни на лошадях, другие на верблюдах, а иные - на быках. Богатые киргизы были в шелковых бухарских халатах, лисьих шубах, в синем или красном чекмене, в лисьих бархатных шапках. У некоторых лошади были в серебряных уборах. Через толмача я стал торговать у киргизов баранов; но они объявили дорогую цену и, не сторговавшись, разъехались по своим аулам. Вечером приехал ко мне мой новый знакомец из киргизов, Ковдобай, и, узнав, что мы не сторговались с его единоплеменниками, обещался завтра уговорить их быть уступчивее. Мы расстались. На следующий день киргизов собралось в мой табор множество; иные приезжали просто посмотреть на русских людей. Прибыл и Ковдобай. Он просил меня некоторых почетных киргизов напоить чаем и дать им сухарей. Это я исполнил. После того, при киргизах, Ковдобай спросил меня: «Почем даешь, купец, за дюнана, кунана, буйдака?» Дюнан - это самый старый баран, кунан - средний, а буйдак - молодой. Через толмача я ответил, что за первого - 9 руб. 25 к., за среднего - 8 руб. и за буйдака 6 руб. 25 коп. Тогда мой знакомец закричал: «Я согласен на эту цену и завтра же пригоню своих баранов, а другие как хотят». Это подействовало на кир-

гизов, и они разъехались с обещанием пригнать баранов. В продолжение двух дней я купил около 3000 штук, расплатился серебряными деньгами; славно угостил старшину Бек-Мухамеда с Ковдобаем, простился с ними и отправился в Уральск. Здесь я купил еще до 7000 баранов, поручил их приказчикам и рабочим, а сам отправился домой, где мой отец встретил меня с моею новорожденною дочерью. Сердце мое забилося радостно.

Впоследствии мне каждый год приходилось иметь дело с киргизами по покупке баранов на всем пространстве их кочевья до Нового Узеня и далее. Я даже завел особую торговлю с киргизами красным товаром, который покупал в Москве и в первых месяцах каждого года отправлял его с приказчиками к Уральску, а потом в барханы. По-киргизски я научился говорить недурно. Поэтому мне представлялось возможным довольно хорошо познакомиться с жизнью киргизов.

Киргизы - народ очень любопытный; обыкновенно спрашивают: кто едет, куда и зачем? Разъезжая по барханам, мы обыкновенно останавливались ночевать близ аулов; это для безопасности, потому что у киргизов существует обычай оберегать своих гостей. На степи рек почти совсем нет; во многих местах вырыты колодцы, к которым пригоняется скот для водопоя; ведра везде кожаные, а корыта сделаны из досок. У некоторых киргизов были большие стада баранов, лошадей, рогатого скота и верблюдов. Я знал одного киргиза, Танинского рода: у него было более 7000 лошадей. Киргизы питаются главным образом овечьим и коровьим молоком; употребляют и верблюжье. Летом они готовят молоко для зимы: сушат его на солнце до того, что оно делается твердым, и хранят в кожаных мешках¹. Такое молоко называется по-киргизски «крут»; его растворяют в воде и едят. Если в дороге киргизу

---

¹ Киргизы вырывают не очень глубокие ямы, в которых коптят сырые лошадиные кожи, из этих кож и делают мешки как для твердого, так и для жидкого молока [прим. Н. Шипова].

путь лежит аулами, то он ничего не берет с собою съестного, потому что киргизы имеют обычай путешествующего родича накормить и напоить безмездно. Киргизы никогда долго не остаются на одном месте; как только скот поест траву, они перекочевывают на другое место, отыскивая тучные и привольные пастбища. Зимую они проводят обыкновенно близ Каспийского моря, к западу, с мелким скотом; лошадей же пасут на степи, под надзором старого опытного киргиза. Случается, что во время бурана скот замерзает, но это беда небольшая: киргизец, у которого это случилось, отправляется в отдаленные аулы, где бурана не было; здесь родичи дадут ему вдоволь скота, с тем что если у них случится такое же несчастье, то он должен помочь им. Киргизские свадьбы совершаются таким образом: невест засватывают в малом возрасте, лет десяти; при этом отец жениха дает родителям невесты «калым», т. е. будущее приданое скотом, когда придет время отдавать невесту жениху, то приданое возвращается, и с приплодом; кроме того, отец невесты дает близким родственникам своего зятя разные подарки. В известное время женихи на хороших резвых лошадях и невесты на иноходцах скачут по степи. Каждый из женихов старается догнать свою невесту и схватить ее за грудь. Впрочем, только та невеста позволяет жениху брать себя за грудь, которая жениха любит; в противном же случае бьет его плетью. Когда для женщины-киргизки наступает время разрешиться от бремени, то все ее домашние принимаются отыскивать христианские волосы. На вопрос мой - для чего эти волосы? - мне отвечали, что их должно сжигать во время родов, в кибитке роженицы, от чего облегчаются и ускоряются роды. Вскоре после родов муж режет баранов, созывает гостей, и происходит пиршество.

1828-1831

В 1828 году, вскоре после пасхи, я отправился по обыновению в Уральский край, на реку Узень, где с моим приказчиком находились гурты баранов. Здесь я получил известие,

что от жестокой зимы погибло до 1000 штук. 2 табуна я отправил к Уральску, приказав купить там еще баранов, а сам вознамерился отправиться степями в Астрахань с красною юфтью, которой у меня было более 100 пудов. Хотя меня и отговаривали ехать степною дорогою, где кочуют киргизы, калмыки и тухменцы, но мне непременно хотелось узнать эту дорогу. Я взял 2 повозки, 7 лошадей и 5 верблюдов; при мне находились два приказчика, два работника и один киргизец - опытный по этой дороге вожак. 17 мая мы выехали. Дорога была жесткая. На третий день встретили ужасные пески, называемые рынами, где кочевали киргизы. Этими местами мы ехали несколько дней, совершая не более 15 верст в день. Жара была нестерпимая; лошади уморились и не могли поспевать за верблюдами. В седьмой день нашего путешествия мы получили известие, что невдалеке от нас стоит лагерем букеевский хан и покупает верблюдов по случаю войны с турками. Из любопытства, я с вожаком отправился туда. Хан сидел в палатке с киргизскими старшинами и казачьим майором; конвой его составляли 60 донских казаков. Отдав хану надлежащее почтение, я объявил ему, кто я. Он несколько времени разговаривал со мною по-русски о нашей торговле и предложил мне купить у него баранов. Распростившись с ханом, приехали к своему каравану. На девятый день нашей езды песку стало меньше, дорога становилась легче и удобнее, но трава повсюду совершенно засохла, воды нигде не было. Ехали еще два дня, и вожак сказал мне, что скоро будет колодезь. Мы с усилием и нетерпением подвигались к этому колодезю, однако воды в нем не оказалось. С досады я начал выговаривать вожаку, что он повел нас такой скверной дорогой, где нет вовсе воды; вожак уверял, что в прошлом году здесь воды было достаточно, а ныне она от необыкновенной жары высохла. Нечего делать: двинулись далее. Мы и лошади выбивались из сил, да и верблюды изнурились. Наконец я послал вожака отыскивать воду, а сами медленно подвигались вперед. Скоро бывшие при нас собаки, должно

быть, почуяли воду и побежали, мы - за ними. Спустя немного времени мы действительно увидели воду. Но что это была за вода? Темно-белого цвета, густая, негодная к употреблению не только для людей, но и для животных. Я велел вскипятить эту воду к чаю; но, устоявшись в чае, она превратилась в тесто, и чай нельзя было пить. Тогда я приказал налить воды в котлы и насыпать туда соли; вода приняла обыкновенный цвет и хотя стала соленою, но годною для питья. Мы утолили жажду и отправились далее по назначенной вожатым дороге. Отъехавши верст 10, мы встретили нашего вожака, который объявил, что в недалеком расстоянии находится колодезь с хорошей водой. При нашей усталости и истощении лошадей мы едва достигли до этого колодезя. Здесь мы отдохнули с истинным удовольствием, дав волю и скоту насытиться кормом и водою. Вода нам показалась особенно вкусною и прекрасною, хотя на самом деле она, быть может, вовсе не была такою. При дальнейшем отсюда путешествии в воде мы не нуждались; но у нас истощались съестные припасы. Дорога стала твердая, жесткая, и мы ехали скорее. Через несколько времени мы увидели калмыцкие аулы. Я послал вожака купить в этих аулах муки и крупы; сами же расположились на удобном месте отдыхать. Это был 14-й день нашего странствования. Солнце склонялось к западу; наступил и вечер, а вожак не возвращался. Я подумал, что одно из двух: или калмыки взяли его в плен, или же он изменил нам и решился предать нас в руки калмыков. Поэтому на ночь я приказал рабочим взять ружья и пистолеты и не спать. Около полуночи слышался топот лошадей и голос каких-то песен. То были калмыки, которые скоро прискакали к нашему табору. Я спросил по-киргизски: «кто едет?» Один из них ответил: «калмык, толмач барма», т. е. калмыки, есть ли переводчик? Я сказал, что нет, и просил их не подъезжать к нашему табору близко, так как в противном случае мы будем стрелять из ружей и пистолетов; если же что им нужно, то они могут переговорить с нами завтра днем, а не ночью, когда ездят одни раз-

бойники. Моя ли угроза подействовала или что другое, только калмыки, поговорив о чем-то между собой, удалились, не причинив нам никакого вреда. Спустя немного времени возвратился вожак. Я ему рассказал о случившемся; он заметил, что если бы мы пустили калмыков в табор, они непременно разграбили бы нас. В эту ночь спать мы не ложились. Вожатый уверял, что до Сентовской пристани осталось не более 35 верст, что скоро калмыцкие аулы кончатся и начнутся кочевья трухменцев или волжских ногайцев. Это народ смирный и безопасный. Действительно, верст через 15 мы увидели ногайские аулы; они очень отличаются от киргизских. Почти при каждом из них стоят для перевозки небольших тяжестей арбы, или телеги на двух колесах. Убранство в кибитках мне не понравилось. У молодых женщин и девушек в ноздрах повешены серьги. Оставив караван с рабочими и вожакom, сам я отправился вперед; доехал до реки Бузана. Отсюда оставалось до Астрахани 60 верст водяного пути. Плавание по рекам Бузана и Волге на лодке было непродолжительно, и я прибыл благополучно в Астрахань. Через два дня пришли сюда с товаром и приказчики, которых я оставил в ногайских степях. Юфть я разменял на бухарские товары - бумажные и шелковые халаты и кумачи.

Из Астрахани я опять отправился в Уральск, но не степной дорогой, а другой, гораздо лучшей и удобной. Отсюда поехал в Оренбург. Здесь, однако, не пришлось мне купить баранов по случаю дороговизны цен. Так как наступило время Макарьевской ярмарки, то я через Казань отправился в Нижний-Новгород. Прожив три дня и оставив в лавке с пушным товаром приказчика, сам поехал домой.

Здесь я услышал от отца, что к нему в помощники по управлению слободой назначен помещиком дворовый человек Тархов. Это известие было для меня крайне неприятно, потому что Тархов, по какой-то злобе к отцу, а также в видах, может быть, занять его место бурмистра, старался всеми мерами навредить отцу и всему нашему семейству. В настоящее время он

распустил слух, что на моем отце состоит большой начет по управлению вотчиною и что поэтому наш скот и все товары будут арестованы. Слух совершенно ложный; но он дошел до купцов, с которыми мы имели торговые дела, как правдоподобный. На Макарьевской ярмарке, куда я вскоре приехал из дому, купцы мне в долг не доверяли, во внимание именно к этому нелепому слуху. Мне стоило больших хлопот и усилий, чтобы поддержать наш кредит. Хотя мне и удалось этого достигнуть, но мы в 1828 г. понесли убытку около 18 000 руб. асс.

В следующем году Тархов продолжал свои коварные происки против моего отца; некоторых из крестьян он подговаривал подавать управляющему Рагузину на отца разные жалобы. Был у нас родной племянник отца и его крестный сын, Раев, которого отец очень любил, чуть ли не больше меня. По наущению и подговорам Тархова этот Раев подал прошение Рагузину о том, что будто бы мой отец не выдал ему всех денег, оставшихся после смерти его матери. Эта неприятность так подействовала на отца, что он сделался нездоров. Торговля наша пошла плохо. Мы получили опять значительный убыток. Оброк с нас не умаляли. За право торговли платили по-прежнему 800 рублей асс. в год. Я видел, что если и впредь так пойдет дело, то мы совершенно разоримся. Надо было что-нибудь придумать к улучшению своего положения. Но что именно? Мы попробовали обратиться с просьбой к управляющему Рагузину, чтобы он исходатайствовал у помещика мне свободу за 50 000 рублей асс, с тем, что отец мой останется крепостным. (Моей мачехи в это время уже не было в живых). Но управляющий наотрез отказался даже докладывать об этом господину. Тогда я задумал бежать из дому и более не возвращаться к отцу. Хотелось попытать счастья на чужой стороне. Это было в конце 1830 года.

Не говоря ни отцу, ни жене о своем намерении, я собрался в дорогу. Взял с собою 13 000 рублей денег. Отцу сказал, что еду в Уральск купить сала и рыбы. Когда я расставался с от-

цом, сердце мое сильно тосковало; на глаза навертывались слезы, как я ни старался удержать их. Прощаясь, отец твердил, мне «Приезжай скорее». Жена проводила меня до Арзамаса. При прощании я взял у ней ее обручальное кольцо, а свое отдал ей. Мне было грустно. Я поехал в Уральск, а отсюда на Узень, чтобы устроить некоторое дело по торговле. 10 января 1831 года я прибыл в Самару. Здесь встретил одного из наших приказчиков, от которого узнал, что отец мой очень болен и его лечит доктор. Это известие меня поразило. Разные мысли кружились в моей голове. «Если я не приеду скоро домой, - думал я, - и обо мне не будет никакого слуху, отец непременно пошлет отыскивать меня в Уральск; здесь меня не найдут, отцу скажут, что я пропал без вести. Он - больной - не перенесет такого удара и умрет; тогда я должен считаться его убийцей». При этой мысли сердце мое обливалось кровью. Жаль было моего доброго отца, не говоря об оставленной жене и шестилетней дочери. Выехал я из Самары с помянутым приказчиком. В дороге я долго боролся с своими мыслями и заливался горькими слезами. Я снова спрашивал приказчика: «В каком положении остался отец?» Он твердил одно и то же, что отец очень слаб. На третьей станции находился поворот дороги: одна была на Сызрань, а другая в Симбирск. Тут я приказал ямщику остановиться. Сердце мое сильно билось, во мне не было решимости: ехать ли направо, по дороге в дом родительский, или налево - почти неизвестно куда? - Наконец, я сказал самому себе «Твори Господи волю свою! Я не оставлю отца в его тяжелой болезни. Бог даст, он выздоровеет, и тогда свершу задуманное мною дело». Я велел ямщику ехать направо по симбирской дороге.

Дома я застал отца лежащим в постели. У него была водянка. Он сердечно обрадовался моему приезду. В первые дни после этого болезнь стала легче; отец начал поправляться. Но тут неожиданно приехал к нам управляющий Рагузин, по поводу новых жалоб на отца, которые были поданы некоторыми крестьянами по наущению Тархова. Это сильно подействовало

на отца: с ним приключилась горячка, а через 9 дней моего незабвенного родителя не стало.

Я не буду описывать горести, обуявшей мое сердце. У меня была одна только мысль, что более нет моего дорогого отца - руководителя и советника в моей жизни. Теперь живи, как знаешь; поступай, как умеешь. В то же время я предчувствовал, что враги покойного отца, во главе с Тарховым, не оставят меня в покое и будут вредить мне. Предчувствие не обмануло меня.

Отдавая последний долг покойному, я устроил пышные и богатые похороны: пригласил архимандрита арзамасского Спасского монастыря, настоятеля Высокогорской пустыни Антония¹ и 16 священников с причтами. Народу собралось множество. Во время литургии и панихиды пели певчие; священники говорили проповеди и надгробные речи. На обеде, после погребения, присутствовало более 100 человек родственников и друзей покойного. На могиле был поставлен гранитный памятник, под балдахином с крестом, вызолоченным червонным золотом. Некоторым бедным должникам я простил их долги; роздал нищим и убогим более 100 рублей; выкупил на волю двух бедных девушек. Потом я отправился к управляющему Рагузину и донес, что за покойным отцом не осталось никакого начета по управлению им вотчиной в должности бурмистра. Вскоре Тархов назначен был преемником моего отца.

Еще за несколько дней до смерти родителя я, в видах предосторожности, отдал арзамасскому купцу Подсосову 15 000 рублей под векселя, а движимое имущество, наиболее ценное, отправил в 14 сундуках к своим родственникам - дяде Феокистову и Потехину. Теперь я рассудил не торговать более скотом и салом. Поэтому 13 котлов из своей салотопни я продал помянутому купцу Подсосову на завод и велел своему приказчику туда их перевезти. Это было 1 марта. В тот же день я приехал к Подсосову. Через несколько времени пришел ко мне

---

¹ Ныне наместник Московской Сергиевской лавры[прим. Н. Шипова].

приказчик и рассказал, что когда он с рабочими повез котлы, то на дороге несколько человек крестьян, по распоряжению Тархова, их остановили и возвратили ко мне в дом. Я немало этому удивился. Вслед за тем пришел сельский староста, приятель мне и кум, Павельев, с требованием, чтобы я сейчас же явился в контору к Тархову. Контора помещалась у меня в доме, занимающая одну из угловых комнат. Я приехал домой, но в контору не пошел, хотя присылали за мной неоднократно.

К вечеру этого дня последовало такое распоряжение: приказчиков и рабочих согнали со двора моего вон; дверь у одного крыльца заперли замком, а к другому крыльцу приставили караул, так что я не мог выйти. На ночь около дома находились тоже караульщики. На другой день Тархов потребовал от меня паспорт; я отдал. Родственников и знакомых ко мне не допускали. Прошло недели две. О таком несправедливом заключении меня я писал помещику и управляющему Рагузину; но никакого ответа или распоряжения от них не последовало. Наступил 40-й день после смерти отца; я хотел помолиться на его могиле. Но мне не позволили исполнить и это. В грусти и унынии проходили для меня дни и ночи.

Ровно через месяц, именно 29 марта, утром, я увидел в окно, что караула у моего дома нет. Это было для меня непонятно. Но скоро все объяснилось. В комнату вошел сельский староста Павельев, отдал мне паспорт и письмо от управляющего Рагузина на мое имя. Рагузин писал: «Слободское начальство заметило за вами какое-то сомнение, по которому сделали над нами арест. Я предписал Тархову снять оный и куда вам угодно отлучаться. Распоряжайтесь своею торговлею, как и прежде». Я сейчас же пошел осмотреть двор, кладовые, амбары; везде замки были сбиты и много товару расхищено. Написал об этом объявление и послал его в земский суд, а сам отправился в Петербург для личных объяснений с Рагузиным и помещиком.

По приезде в Петербург я остановился в господском собственном доме; здесь жил и Рагузин. Он принял меня ласково; сожалел о моем отце и о случившемся со мною происшествии; обещался взыскать с виновных причиненные мне убытки и восстановить мой кредит. Я плохо верил в обещания Рагузина; но приходилось ждать и надеяться. Притом же еще раз я решился попробовать откупиться у помещика на волю. Как-то за чаем я начал говорить об этом Рагузину, указывая на то, что если теперь господин не сделает меня свободным, то жить в Выездной мне будет невозможно. За свое освобождение я предложил 25 000 рублей асс. Рагузин с недовольным видом сказал мне, что надобно повременить докладывать об этом помещику; потом прибавил, что я по-прежнему прекрасно могу жить в нашей слободе и, может быть, буду на отцовском месте бурмистром. Я решительно возразил Рагузину, что от должности бурмистра навсегда отказываюсь: чрез то и отец мой умер, не получив от господина за свою службу никакой милости. Тем разговор наш и кончился. Идти к помещику для личного объяснения по моему делу я не посмел, так как это было совершенно против желаний Рагузина. В Петербурге я пробыл дней пять. Ходил в Казанский собор, Александро-Невской монастырь и в Петропавловский собор, где поклонился всем в Бозе почившим императорам и императрицам. Я уже собирался ехать обратно на родину, как прошел слух, что 15 мая должен быть на Царицыном лугу смотр войск, на котором будут присутствовать Государь Император, Наследник и только что приехавший из Тифлиса граф Паскевич-Эриванский. Я дождался 15 мая и утром отправился к павловским казармам. Войска на плацу было множество, а народу смотреть собралось еще больше. Около полудня приехал Государь с Паскевичем верхами и начался смотр. Наследник в парадной гусарской форме командовал взводом. По окончании смотра народ побежал на плац, где находился Государь с Наследником и Паскевичем. Мне удалось попасть вперед толпы и довольно насмот-

реться как на Государя с Паскевичем, так и на Наследника. У Государя взор был строгий, повелительный. Мне показалось, что видевший раз эти взоры не мог забыть их во всю свою жизнь. На Наследника я долго и пристально смотрел и не мог вдоволь насмотреться. Как сейчас вижу: милый - беленький, круглолицый, румяный, как наливное красное яблочко; улыбка добрая и невыразимо приятная, на лице выражалось что-то важное, царственное. Предчувствие у меня тогда было, что этот царь будет великий и покровитель всем угнетенным. - На другой день я отправился домой.

В это время мои торговые дела шли плохо; но прекратить торговлю мне было нельзя. Поэтому, приехав из Петербурга домой, я отправил оставшийся у меня пушной товар на Коренную ярмарку (Курской губ.) с приказчиком. Потом, чрез несколько дней и сам уехал туда же, как будто для продажи этого товара. На самом же деле цель моего отъезда была та, чтобы разыскать шурина моего Степана Ланина. Этот Ланин лет пять тому назад бежал из дому в Бессарабию; потом находился в Валахии, состоял во время похода русской армии маркитантом. Шурина мне надо было отыскать потому, что он своими указаниями и содействием мог помочь мне в осуществлении моего намерения - скрыться из дому, так как это дело ему было хорошо известно по опыту. Где находился мой шурин, я не знал; но мне был известен адрес одного купца в Одессе, через которого Ланин получал письма от родных и знакомых. Так как, по случаю холеры, торговля на Коренной ярмарке была очень плохая, то я с товаром и приказчиком поехал на Ильинскую ярмарку в Ромны (Полтавской губ.). Здесь продал товару тысяч на 8; оставшийся товар препроводил с приказчиком в Харьков на Успенскую ярмарку. Сам я отправился в Одессу, где чрез известного купца скоро отыскал моего шурина Ланина: он недавно прибыл сюда с вином из Константинополя и торговал в погребе на Рыбном базаре. Я объяснил шурина свои обстоятельства и просил его помочь мне бежать из дому. Он согла-

сился с радостью. Тогда я дал ему 2000 рублей асс. на расходы; он обещался приписать меня с женою в Кишинев или где окажется более удобным, и паспорта лично мне доставить в Харьков на Крещенскую ярмарку следующего 1832 года. Разумеется, все это должно было оставаться в секрете.

Из Одессы я поехал в Харьков, а отсюда домой, куда и прибыл в первых числах сентября месяца. Свое продолжительное отсутствие я объяснял родным и знакомым тем, что по дороге из Ромен, в Полтаве, заболел холерою и долго лечился. - На другой день после моего приезда ко мне пришли за оброком на последнюю треть года и требовали 1150 рублей асс. Тогда я послал к управляющему Рагузину слезное письмо, в коем просил его сбавить с меня хотя сколько-нибудь оброка, по той именно причине, что в настоящий год я понес большие убытки и разорение. На это письмо мною получен был от Рагузина ответ, чтобы требуемый оброк я заплатил беспрекословно; а когда он сам придет в слободу, то дело разберет и оброк сбавит. Нечего делать, отдал оброк. После этого, чего я мог ожидать от Рагузина по тем обещаниям, которые он дал мне в Петербурге относительно взыскания убытков с виновников моего ареста и разорения и относительно восстановления моего кредита? Разумеется, ничего. Мало того. Стороною до меня начали доходить слухи, будто бы все мое имение скоро будет арестовано, а меня самого если не отдадут в солдаты, то, наверное, сошлют в дальнюю вотчину. Быть может, эти слухи были преувеличены, не верны. Но ведь кто знает? Все может случиться с крепостным рабом. Так мне в то время думалось.

В декабре месяце я начал приготовляться к побегу и сделал последние распоряжения. Решено было ехать мне с женой; семилетнюю же дочь нашу оставить до поры до времени на попечении ее бабушки Ланиной. Наступил новый, 1832 год. Не радостно привелось мне встретить его...¹

---

¹ В настоящем издании мы опускаем главы, посвящённые жизни Н.Н.Шипова в южных губерниях [Прим. сост.].

Не припомню, в феврале или марте месяце 1839 года в Ставрополе получено было из арзамасского уездного суда отношение, коим требовалось, чтобы я выслан был в Арзамас, на мою родину, для очных ставок с крестьянином Кожевниковым, который содержался в арзамасском остроге. (Вероятно, все это сделалось по проискам и домогательствам Тархова с Рагузиным.) 19 апреля меня с женою и сыном отправили по этапу из Ставрополя на родину. Здесь посадили меня в арзамасский острог, обрили мне половину головы и бороды и заковали в кандалы, - а жена моя с сыном, по распоряжению Тархова, была отправлена на жительство в село Ларионово (100 верст от Арзамаса), где жил управляющий Рагузин и где находилась моя дочь. - Скоро родные, знакомые и слободские крестьяне узнали о моем печальном прибытии и положении; хотя всем им запрещено было навещать меня, но это не всегда соблюдалось. Поэтому жить мне в остроге было не особенно тяжело; я собрал даже с прежних моих должников порядочно денег, благодаря которым в октябре месяце и выпущен был из острога на поручительство.

Я поселился у дяди своего Феоктистова; ко мне приехала жена с сыном¹. В декабре месяце родилась у меня еще дочь, и я, в память освобождения моего из острога на поруки, 10 октября, назвал ее Евлампией. Сын начал учиться грамоте. Мы стали жить не совсем худо, особенно по сравнению с только что пережитым временем.

Не прошло и полгода, как стали доходить до меня слухи, что Тархов, по приказанию Рагузина, хлопочет и домогается, чтобы вновь посадить меня в острог. Действительно, 30 июля 1840 года я призван был в уездный суд, где судья прочел мне указ из Нижегородской уголовной палаты о заключении меня вновь в арзамасский острог. Делать нечего: пришлось покориться необходимости.

---

¹ Взять к себе мою дочь Рагузин мне не позволил [прим. Н. Шипова].

Между тем дело мое рассматривалось в уездном суде, который решил: по наказании, сослать меня в Сибирь. Уголовная палата это решение утвердила. Но Сенат, согласно ходатайству нижегородского губернатора Панова, определил: водворить меня к помещику.

5 ноября 1841 года я был выпущен из острога.

1842-1844

В январе месяце приехал в нашу слободу главноуправляющий Рагузин, и я упросил его выдать мне полугодовой паспорт на случай куда бы то ни было моей поездки из дому. Я постарался собрать с прежних своих должников кое-какие деньги, до 1000 рублей; получил от Тархова полугодовой паспорт и 15 мая выехал в Москву. Здесь отыскал я жену моего покойного друга, у которого некогда мною оставлены были деньги и часть имущества. Эта женщина оказалась уже вышедшею замуж; она сказала мне, что не знает никаких денег и имущества, которые я будто бы оставил у них, и в завещании покойного об этом ничего не сказано. Я прослезился и с тем ушел от нее.

В Москве нашлись некоторые старые мои приятели, сделали мне посильное денежное пособие, и я отправился через Коренную ярмарку в Херсон. Здесь служил двоюродный брат мой военным писарем у коменданта; он переведен был сюда из Брест-Литовска. С этим братом я не видался более 11 лет. Какая радость у нас была при свидании!.. Хотя он был и солдатом, но дышал свободно; за верную и добросовестную службу его любили начальники и давали препоручения, какие выпадают на долю не всякого. А я все еще находился под бременем своих гонителей и влачил жизнь свою, как в поле былинка, засохшая от бездожия. И за что же? За то единственно, что я желал вольности до последнего моего издыхания; искал не чести, славы и богатства, а только независимости себе и моему потомству от жестокосердного помещика. Но мне предлежало еще

много перенести горя и лишений, пока не пробил для меня возделенный час...

В Херсоне у брата я пробыл недели две; потом поехал на Одессу, а отсюда через Тирасполь в Кишинев. Тут я случайно узнал, что упоминаемый мною прежде Годунов имел здесь собственный дом, несправедливыми делами воздвигнутый. Теперь мне нечего было страшиться, как прежде, когда он вместе с Павельевым разыскивал меня в Яссах. Поэтому я пошел к нему. Он знал меня только по портрету, бывшему в то время у Павельева. Придя к Годунову, я сказал:

- Когда-то вы с Павельевым задорого желали посмотреть на Шипова. Теперь можете даром его видеть и не стараться его разыскивать. Я - Шипов.

Годунов, по-видимому, обрадовался мне и просил меня остановиться у него в доме. Я согласился. В разговорах мы припоминали прошлые обстоятельства моей жизни, в которых Годунов принимал столь неприятное для меня участие. Между прочим, я узнал от него, что покойный шурин мой Ланин оставил часть наших денег и имущества у одного кишиневского купца. Эти деньги и вещи отданы были в полицию; но мне получить их не привелось: сказывали, что все они были раскрадены.

Из Кишинева я отправился в Яссы. Здесь я получил от кума моего, скопца Чукова, часть своих денег, золотые вещи и жемчуг. Вещи эти я распродал и думал было заняться в Яссах какою-либо торговлею. Но это показалось мне неудобным потому, что мое слободское начальство опять могло приняться меня разыскивать, и тогда уж мне несдобровать. Я распростился с Чуковым и возвратился в Кишинев, где случайно узнал, что одна купчиха сдает в наем свой клейный завод с шерстяною мойкою, стоящий на реке Бычке. Мне показалось это дело выгодным, и я снял этот завод на три года с тем, чтобы вступить в него 18 февраля следующего 1843 года. Задаток, материал для выгонки клею и проч. - все это стоило мне 1200 рублей.

12 декабря я возвратился на родину. Рагузин был в это время в Петербурге. Я пришел к Тархову и объяснил, что выгодно снял в Кишиневе клейный завод, употребив на то почти все свои деньги, и просил его дать мне паспорт. Тархов снесся об этом с Рагузиным, который чрез несколько времени писал ему, что помещик не приказал выдавать мне более паспорта. Тогда, желая, чтобы деньги мои не пропали, я в начале 1843 года нанял в Арзамасе мастера, приказчика с работником и отправил их на завод в Кишинев. Однако без меня они ничего не могли там сделать и возвратились ко мне ни с чем. Так погибло для меня это предприятие, а вместе с ним - и последняя надежда поправить свои денежные обстоятельства.

В апреле месяце 1843 года начали сватать мою дочь женихи - из хороших и богатых домов, с тем, чтобы отдать за нею в приданое мой дом, на что я был согласен; но от помещика разрешения на это не последовало. Видя, что зажиточные люди дочь мою не возьмут замуж, я решился выдать ее за одного небогатого слободского крестьянина - Пузакова, по ремеслу сапожника. Свадьба у нас была самая бедная, и скоро молодые уехали в Нижний Новгород, на ярмарку, для занятия сапожным мастерством.

В это время я находился в бедственном положении. В услужение меня никто не принимал; меня боялись, как медведя. К тому же я должен был платить 400 рублей оброку, которых мне решительно негде было взять. В сих крайних обстоятельствах я решился обратиться к не раз упоминаемому прежде дяде моему Феоктистову, у которого все-таки оставалась часть моего имения; но он не хотел отдать мне его. Я подал об этом прошение в магистрат, который решил дело так, что имение мое принадлежит Феоктистову на основании десятилетней давности владения им. Я обратился с жалобой в гражданскую палату; но она рассудила, что по этому делу должен был хлопотать сам помещик или его управляющий. Я просил Тархова

войти в мое положение; но он наотрез отказал мне. Тем дело и кончилось.

Ходя по этому моему делу, я познакомился с одним столначальником, который давал мне читать законы. Однажды он принес мне IX том Свода Законов, и я нашел тут статью, в которой было сказано, что крепостные люди, бывшие в плену у горских хищников, по выходе из плена освобождаются на волю со всем семейством и могут избрать род жизни, где пожелают, в течение девяти месяцев. Тогда я решился испробовать и это крайнее средство, лишь бы избавиться от власти помещика. Затаив от всех такое мое намерение, я в декабре месяце выхлопотал кое-как у Рагузина полугодовой паспорт, собрал от добродушных людей 25 рублей на дорогу и 3 января 1844 года покинул свою родину...

---

¹ Следующие главы снова посвящены жизни автора на юге России, и поэтому в настоящем издании не воспроизводятся [Прим. сост.].

М. Е. НИКОЛАЕВ МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Посвящается моим детям

*Бог труды любит.
Русская пословица*

Есть пословица «От трудов праведных не наживешь палат каменных», т.е. другими словами: честным трудом не разбогатеешь. Эту мысль часто высказывают люди, которые собственно даже не знают, что такое настоящий труд - упорный, настойчивый, разумный, и отвергают успех честного труда, чтобы тем самым оправдать собственный неуспех. За свою долгую жизнь я убедился в другом: праведным честным трудом, при хорошей жизни (аккуратности, бережливости, трезвости) и для себя можно нажать обеспечение, чтобы не только не нуждаться в чужой помощи, но и самому быть опорой родных и близких; и потомство свое, которому ты дал жизнь, наградить и тем избавить от чужой заботы и тяжелой нужды, в которой часто понапрасну теряется много сил; и на доброе дело что-нибудь уделить. Я начинал свою жизнь с твердой верой в святость труда, я верил в то, что Бог труды любит, благословляет трудящихся и помогает им. Как бы труд ни был для меня тяжел, но если я видел, что он кому-нибудь нужен, я никогда его не избегал. Вера в Божью помощь поддерживала меня в те минуты, когда мне приходилось особенно трудно.

Честным упорным трудом старался я прожить всю свою жизнь, и Господь благословил меня и наградил больше, чем я стою. На память своим детям я хочу рассказать простую незамысловатую историю своей жизни.

Родился я во Владимирской губернии, в Гороховецком уезде. Есть здесь село Фоминка, которое некогда принадлежало помещице Жеребцовой. Имение это было очень большое, состояло еще из нескольких сел и деревень, крестьян было до пя-

ти тысяч. Еще во второй половине прошлого столетия жил при барском дворе выборный одной из деревень, Моисеевки некто Лукоян Петров - это был мой прадедушка.

В нашей семье о прадедушке сохранилось воспоминание как об очень горячем охотнике. Рассказ о том, как он ходил на медведя, повторялся у нас много раз и был чрезвычайно интересен для меня в детстве.

Вокруг Фоминки лежали вплоть до Мурома огромные леса, куда так и тянуло нашего прадедушку поохотиться. Однажды полесовщик сообщил прадедушке Лукояну, когда он объезжал лес, что в лесу он усмотрел медведя, который, зарывшись в куче травы и хворосту, проживал здесь всю зиму. Охотничье сердце прадедушки разгорелось. Он велел полесовщику следить за медведем. В скором времени, пригласив себе в товарищи одного из моисеевских крестьян и своих двух взрослых сыновей, Павла и Архипа, и запасшись ружьями, железными рогатинами, лыжами, прадедушка отправился на охоту. Разместились на значительном расстоянии друг от друга. Добрая охотничья собака прадедушки скоро учуяла медведя, полезла прямо в нору и выгнала оттуда разозлившегося зверя. Медведь прямо направился на прадедушку; для настоящего охотника великая радость, если зверь, даже такой, как медведь, идет прямо на него. Прадедушка Лукоян живым манером приготовился к достойной встрече, поспешно снял с ног лыжи, обмял вокруг себя снег, схватил в руки ружье, быстро прицелился и выстрелил. Пуля попала в грудь медведя. Разъяренный зверь встал на задние лапы, взревел и двинулся прямо на охотника, кровь из него лила ручьями, зарядить ружье в другой раз было уже некогда. Тогда прадедушка Лукоян схватил рогатину - стальную, насаженную на трехаршинный шест, - и в то время, когда медведь, рывкая, широко разинул пасть, быстро и ловко всунул ему в горло рогатину, но повалить медведя назад не удалось. Медведь с рогатиной в горле, сам на нее налезая, двинулся вперед, затем так сильно ударил лапой по рогатине, что

вышиб ее из рук, и прадедущка, потеряв равновесие, упал вниз лицом прямо под медведя. Медведь, трясаясь и задыхаясь от ран, тем не менее бросился на прадедущку и начал царапать ему когтями спину, но чрез несколько мгновений окошел, упавши на охотника. Другие охотники, услышав выстрел, бросились к тому месту, где стоял прадедущка, но подоспели уже в то время, когда медведь испустил дух. Сыновья прадедущки страшно перепугались, стали кричать, думая, что отец уже мертв. Старший, Павел, прицелился в медведя, полагая, что тот жив, и попал пулей ему в лоб. Но пуля отлетела от кости, не пробив черепа, и попала в ель, толщиною больше вершка, которую и перешибла пополам. Решившись подойти поближе, сыновья прадедущки увидели, что медведь уже окошел, а когда свалили его с прадедущки, то оказалось, что прадедущка только находится в глубоком обмороке. Долго после этого прохворал прадедущка, но все же раны, которые, по обычаю, смазывали жиром того же медведя, совершенно зажили, и он прожил еще немало годов.

Два сына прадедущки, Павел и Архип, поженившись, скоро обзавелись немалым числом детей. А в ту пору с больших семейств брали рекрутскую повинность. Тогда прадедущка, чтобы этого избежать, задумал разделить семью. В село Расстригино, принадлежавшее тем же господам, была у него выдана дочь, у которой детей не было, прадедущка и выделил сына Павла в семью зятя. Дело это было в конце прошлого столетия (1798), имущества Павлу Лукоянычу дано было по крестьянству не очень много, но и не мало. Дали ему две лошади, три коровы, пять овец; затем - ветряную мельницу, сарай и амбар, замечательные тем, что пол, потолок и сусеки в них были сделаны из досок, шириною не менее 16-18 вершков, колотых и тесаных, а не распиленных. Кроме того, дано было ржи 10 четвертей, овса 12 четвертей, пшеницы 5 четвертей, льняного семени 3 четверти.

Переехавши к зятю, Павел Лукояныч лет пять жил очень хорошо. Два мужика работника - он и зять, две женщины работницы, жены их, держали хозяйство в исправности. Но хорошая достаточная жизнь оказалась во вред зятю. Чем далее, тем беззаботнее и нерадивее стал он относиться к своему делу, а затем стал настолько пьянствовать, что в кабак начал тащить что попало. Началось настоящее разорение. К тому же случился неурожайный год, и хлеб сильно вздорожал. Горюя о своей семье, положение которой становилось все печальнее, Павел Лукояныч собрал сход и попросил дать ему место для постройки отдельного дома. Сход уважил просьбу, и Павел Лукояныч, забрав своих уцелевших еще коров, лошадей, овец и свои постройки, перешел на новое место. Так как год был неурожайный, то хлеба ему совсем не дали.

Как раз к этому времени подрос у него и второй сын - Николай (старшего звали Егором). По правилам того времени ему приходилось отбывать воинскую повинность или вместо того уплатить 500 рублей. Солдатский служба в то время была, как известно, делом очень трудным, и чтобы избавить сына от нее, решили, несмотря на трудные обстоятельства после раздела и неурожайных годов, продать что только возможно и откупиться от повинности.

Такие обстоятельства привели семью Павла Лукояныча в большую бедность. Заработки на стороне тогда были очень плохие. Избавившись от воинской повинности, сын Николай стал ходить в бурлаках от Самары до Нижнего. Нанимать бурлаков в наше село хозяева судов приезжали сами. Плата за труд была очень дешева. За путину¹ давали 18 рублей ассигнациями, из них десять рублей задаточные тотчас же отдавались управляющему в оброк, а остальные 8 рублей почти все уходили на харчи бурлаку, путину же из Самары приходилось, если Бог не давал попутного ветра, тащить лямкой недель десять. Таковы-то были тогда заработки.

---

¹ Путина - ход бурлаков в один конец.

Старший сын Павла Лукояныча Егор с женой жил всегда при отце и занимался земледелием. Первая жена его скоро умерла. Тогда новый управляющий, некто Комаров, приказал Егору взять невесту в соседней деревне – Ивачеве. В то время не было обыкновения спрашивать о желании жениха и невесты повенчаться. Указанная Егору невеста Татьяна Федоровна была еще очень молода - пятнадцати лет - и замуж идти ни за что не хотела. Когда приехали за нею в Ивачево, ее так спрятали, что долго не могли найти. Наконец она была найдена на дворе под корзиной, насильно ее увезли в Расстригино и там обвенчали.

Детей у них родилось много, но все вскоре умирали. Это страшно огорчало обоих супругов, и они все молили Бога, чтобы Бог послал им детище и помог его вырастить. Построили даже на свои скудные средства часовню посреди села. И вот явился у них на свет Божий сын Матвей - это был я.

О первых годах моего детства остались у меня самые приятные, самые дорогие воспоминания. Отец и мать горячо любили меня, хотя баловства не допускали. Отец охотно брал меня всюду с собой и любил со мной разговаривать. Совсем еще маленькому он показывал и рассказывал мне, как все делается у нас в крестьянстве. Ему самому нравилось со мной поговорить, а для меня это было лучшее удовольствие. Мать учила меня молиться Богу, приучала ходить в церковь, соблюдать посты. В праздничные дни есть рано не давала, «подожди, когда солнце взойдет на эту дощечку, - говорила она, показывая на половицу в избе, - тогда и можно будет поесть».

Я терпеливо дожидался этого времени, с интересом следя за показанной половицей; так время незаметно проходило, и я не надоедал матери беспрестанными приставаниями. За большие проступки мать строго наказывала. Один такой случай особенно врезался мне в память.

Гуляя часто на улице, я не раз слышал, как взрослые ребята бранятся всевозможными дурными словами. Однажды мать и от меня услышала такие же бранные слова. Она сильно

рассердилась, схватила меня на улице, растворила дверь в избе, положила мою голову на порог, взяла в руки косарь¹ и, замахнувшись им на меня, грозным голосом сказала: «Если ты только еще раз посмеешь ругаться, я на этом самом месте отрублю тебе голову».

Я сильно перепугался и стал молить ее, чтобы она только пустила меня живого, что с этих пор я никогда, никогда не стану больше браниться. С этих пор и по сие время Господь сохранил меня от позорных слов.

Сама мать моя была образцом доброй нравственности, и я не припомню ни одного ее поступка, который бы я мог осудить. Жила она сама в страхе Божиим и тому же старалась научить и меня.

Так счастливо, среди любящих людей, текло мое раннее детство. Но затем многое изменилось.

Помню, было мне лет шесть-семь, пошли у нас неурожай. Не уродились ни рожь, ни лен - ровно ничего. Крестьяне накопили недоимки², а в том числе и мой отец³. В это время главным управляющим всего имения был некто Потанин, а старостой в нашем селе Расстригине его двоюродный брат. Человек это был крайне несправедливый, своею властью он часто пользовался во вред другим и при всем том сильно любил выпить.

Как-то раз он обратился к моему отцу:

- Не грех бы тебе, говорит, угостить меня - за тобою ведь недоимки много.

На это отец отвечал:

- Рад бы я тебя угостить, Степан Петрович, да денег у меня на это нет. Были бы деньги, неужели я не отдал бы их в оброк?

---

¹ Косарь - большой тяжелый нож для щепления лучины, рубки костей, который обычно делался из обрубка косы.

² Недоимки - недобранные, невзысканные повинности крепостного крестьянина помещику в деньгах или припасах.

³ Дедушка Павел уже умер.

- Ну ладно, ладно, - сердито ответил ему староста. - Будешь ты меня помнить!

Один раз староста пришел из Фоминки выпивши и призывал к себе в дом отца, а дом был новый, только что отстраивался: в сенях пола не было, а положены были одни переклады, в избу ходили по одной дощечке. Как только отец вошел в избу, староста начал его бранить и укорять за то, что он и недоимки не платит, и его угостить не хочет. Отец, видя, что добра ждать нечего, пошел из дому, а староста кинулся за ним и толкнул его в сенях изо всей силы. Отец так ударился грудью о перекладь,¹ что едва мог подняться.

С этой поры он стал сильно кашлять и задыхаться.

Во время болезни отца все наши недостатки все больше и больше исчезали, между тем раздражение старосты все не проходило. Он нажаловался на отца управляющему, а тот велел высечь отца розгами. Этот позор так сильно подействовал на отца, что он совсем слег в постель и лежал три месяца. Болезненное состояние его стало заметно ухудшаться. Скоро нам стало очевидно, что он не жилец на белом свете. За неделю до смерти он приготовил себя по христианскому обычаю: причастился, пособоровался. Затем перед самой смертью позвал своего младшего брата Николая и стал его просить:

- Братец! не оставь ты моего сына сироту. Воспитавай его до совершенного возраста. Вся надежда на Бога да на тебя. Я надеюсь, что ты его не бросишь, и Господь Бог тебе за это поможет.

А потом обратился к нам и сказал:

- Собирайте скорее обедать, а то я вас замну.

Только что мы пообедали, подошли к нему, как он стал страдать. Собрались соседи, мы все, стоя кругом, плакали, как вдруг отец поднялся, обвел нас всех глазами и сказал, обращаясь к соседям:

---

¹ То есть о дверную перекладину.

- Братцы, милые соседи! Пожалейте вы моих сирот! Жена и сын остаются без всяких средств! Не подуйте на них холодным ветром! Простите меня все Христа ради, и вас Бог простит!

Затем он перекрестился три раза и, сказавши: «Господи благослови!», упал навзничь, стал дышать реже и реже, и чрез минуту его не стало.

Упавши с матерью ему на грудь, мы долго без памяти плакали. Остались мы беспомощными сиротами и свое тяжелое горе облегчали только постоянными слезами и горячею молитвою к Богу.

Спустя шесть недель по смерти отца, мать, взявши с собою меня, поехала в Фоминку к управляющему. Войдя в контору, мы оба стали на колени и так дожидались прихода управляющего. Когда явился управляющий, мать упала ему в ноги и начала умолять его, чтобы он не брал за тягло¹ после отца оброку. Управляющий сжалился над нами и, обратиться ко мне, сказал:

- Слушай, мальчик! за твоим отцом восемьдесят два рубля недоимки. Смотри, как вырастешь, чтобы ты заплатил за него; а покуда пользуйся льготой и оброку за тягло не плати. Поезжайте с Богом домой!

Но недолго мы пользовались дарованной милостью. Тот же староста, который доставил столько огорчений моему отцу и довел его до могилы, и нас не оставил в покое. Он донес управляющему, что будто бы мой дядя может уплатить оброк, и его заставили выплачивать недоимку. Между тем при большой бедности дядя, кроме меня с матерью, должен был кормить жену, четырех дочерей, малолетнего сына - всех девять душ.

И в это время опять пошли сильные неурожаи.

Помню, какую страшную нужду мы терпели.

---

¹ Тягло - группа трудоспособных людей семьи как единица обложения оброком и барщиной.

Раз, вставши утром, мы, дети, по обыкновению сели за стол, чтобы поесть. Сидим и ждем, а ничего не дают. Глядим, а наши матери, стоя у печки, обе горько плачут. А я и говорю им;

- Что же вы нам есть не даете?

- Милые, дать-то нечего - мука вся вышла.

- Неправда, - сказал я, - как вышла? Я пойду погляжу в сусеке.

Прихожу к сусеку, а он совсем пуст, стал я сметать рукою пыль, что осталась на дне, набрал ее две горсти, принес и говорю:

- Вот, испеките нам из этого лепешку.

Собрали остатки толченого семени, смешали с принесенными остатками муки и испекли нам лепешку. Разделили ее на шесть частей детям, и этим мы были сыты весь день.

А так как на следующий день снова приходилось голодать, то дядя решил обратиться к старосте. Но как к нему подойти? Тогда дядя одолжил у соседей косушку водки и с нею отправился к старосте, староста с удовольствием выпил и велел дяде прийти в магазин, где выдал ему две меры ржи¹. Покуда кое-как перебивались ею. Из Моршанска по реке пригнал крепостной нашей же госпожи Воронов мокшан² с хлебом. Воронов был очень добрый человек, и весь свой хлеб раздал нашим крестьянам в долг. Дядя тоже выпросил у него куль муки, и этою мукою кое-как впроголодь пробивались до новой муки.

На следующий год опять был неурожай - весь хлеб съел червь. Помню, в этот год зимою мы ездили с дядей в лес за дровами. Одежка у меня была так плоха, что, не проехавши и полпути, я стал совсем замерзать. Испуганный дядя Николай начал меня тереть, потом водить, а потом стал бегать со мной, и таким образом едва-едва я согрелся.

Обратной дорогой мы все толковали о нашей нужде.

---

¹ Мера - единица веса в хлебной торговле, равная 24 пудам.

² Мокшан - речное судно, вмещающее до 5000 четвертей зерна.

- Вот, Матвей, приходит у нас престольный праздник, - говорил мне дядя, - приедут, наверное, к нам гости, а как нам справить праздник, коли у нас нет ни гроша. Нужно бы купить немного рыбы, четверть меры пшена, десять фунтов гороховой муки, льняного масла два фунта и вина бы надо восьмушечку¹. Не знаю, как нам Господь поможет.

Только что приехали домой, как входят какие-то проезжие и спрашивают, нельзя ли переночевать. Переночевали, взяли у нас немного овса и сена и за все заплатили 1 рубль 20 копеек на ассигнации. Для всех нас это была большая радость.

- Эх, кабы еще столько, - сказал дядя, - мы бы и отбыли весь праздник.

Дядя опять уехал в лес, а без него пришли к нам еще проезжие и попросили продать овса. Я решился продать без дяди пять мер по двадцать пять копеек.

Я все-таки боялся, как бы дядя не рассердился на это, так как и для самих овса было мало, но все очень обрадовались, когда узнали о моей продаже, потому что всем было бы очень грустно совсем оставаться без праздника.

- Слава тебе, Господи, - сказал дядя. - И мы теперь будем с праздником. Денег теперь нам на все хватит.

К празднику к нам обыкновенно приходил, бывало, дедушка Архип. Придет заранее и наплетет нам новых лаптей, и мы в праздник с гордостью щеголяли в них и больше ими дорожили, чем теперь дорожат сапогами. В роду у нас в это время были только одни сапоги. Их купил еще прадедушка Лукоян, когда жил при барском дворе, и подарил их моему отцу перед женитьбой. Они все время лежали заперты в коробе и были торжественно вручены мне матерью, когда я женился. Впрочем, тогда и везде вообще у нас царствовала простота. Крестьяне все в церковь ходили в лаптях. Даже священники сами себе плели лапти. Однажды бабы, отправившись в лес по грибы, увидали на дороге сапожный след. Этот след всех их страшно

---

¹ Восьмушка - восьмая доля штофа, стакан (четверть литра).

перепугал, и они бегом пустились домой. Тогда сапожного следа боялись!

Сидя у нас долгие зимние вечера за плетением лаптей, дедушка Архип все время что-нибудь нам рассказывал, и так как он по наследственности от прадедушки был ретивый охотник, то его рассказы всего больше касались его охотничьих приключений. Особенно помнится мне один его рассказ.

Однажды, идя лесом, он увидел на тропе медвежьи следы. Мысль, как бы изловчиться и полегче овладеть медведем, с этих пор не давала ему покоя. Наконец он придумал. Принес он из дому веревку, потом срубил большую березу, положил ее поперек на толстые сучья большой сосны, привязал к одному концу березы веревку и так натянул ее, что конец березы опустился книзу, как оцеп¹ в колодцах. Затем в другой соседней сосне он провернул дыру, продел сквозь нее веревку, сделал на конец петлю, расположил ее как раз над медвежьей тропой и укрепил ее на кустике так, что если только медведь пройдет по тропе, то непременно должен будет попасть в петлю, причем петля соскочит с кустика, а затем уже береза, как оцеп, потянет ее и притянет медведя к сосне, так что он очутится как бы повешенным.

Спустя несколько времени прибегает в деревню Моисеевку, где жил дедушка Архип, деревенский пастух, который в это время пас в лесу моисеевский скот, и с волнением говорит:

- Архип Лукояныч! Поспешай скорее в лес, в твою петлю попал медведь!

Дедушка торопливо с сыновьями запряг лошадь и покатил в лес. Лошадь оставили у лесу, а сами побежали по тропе, чтобы скорее полюбоваться на добычу. Увидавши издали висящую огромную тушу, все радостно закричали:

- Вон он! вон он! Ага! попался-таки!

---

¹ Оцеп - журавль, жердь над колодцем, использующаяся как рычаг для подъема воды.

И что же! Подбегают ближе, а вместо медведя висит в петле их собственная лучшая бурая телка.

- Батюшка, - сказал старший сын, который первый разглядел телку, кажись, это наша телка.

- А вы, ради Бога, помолчите, - сказал сильно сконфуженный и огорченный дедушка Архип. - Теперь уж нечего делать.

Чтобы никто ничего не узнал, поскорее содрали с телки кожу и увезли ее домой. Но скрыть этого происшествия не удалось; от пастуха скоро узнали всю правду, и долго все в деревне трунили над дедушкой:

-Архип, Архип! Поезжай скорей в лес: не попал ли опять в твою петлю медведь?

Мало того. Эта история разнеслась и далеко кругом, так что мужики соседних деревень стали дразнить уже всех моисеевских мужиков:

- Эй, вы, моисеевские, - говаривали они дедушкиным односельчанам, когда хотели им за что-нибудь досадить, - поезжайте-ка в лес, у вас там медведь попался в петлю.

Любовь к охоте от моих предков перешла и ко мне. Сначала я просто сопровождал в лес дядю Николая, а затем так приистрастился к этому занятию, что в свободные праздничные дни встанешь чуть свет и с наслаждением, перекинувши ружье через плечо, бродишь по лесу. Дичи тогда было много, и домой всегда вернешься с добычей. Мать часто сердилась на меня за то, что я брожу по лесу, вместо того чтобы идти в церковь; но природная склонность одолевала все препятствия. Помню случай, благодаря которому я совсем избавился было от своей страсти.

Как-то в один из праздников я ушел в лес с товарищем с двух часов ночи. В это утро мой дядя Николай пошел кормить лошадей и, взглянув на церковь, в которой недавно отошла заутреня, он увидел там огонь. И раньше было два раза, что в запертой церкви ему виделся огонь; и когда он сказал об этом старосте, тот не поверил и даже разворчался.

- Бог знает, что ты выдумываешь! Уж который раз ты видишь огонь? А все ничего не оказывается.

Но не прошло и четверти часа, как огонь выбился из-под крыши. Ударили в набат, дошедший и до нас в лес. Мы живо взобрались на сосну и ужасом увидали, что горит в нашем селе. Оставивши в лесу ружья, мы, себя не помня, бросились бежать домой. Оказалось, что церковь так быстро охватило огнем, что ее не успели даже отпереть. Немногие иконы, бывшие у двери, успели выхватить, да и то едва не задохлись от дыма. Даже колокола погибли - все расплавились.

Мы все с горечью глядели, как пламя все сильнее и сильнее охватывало нашу родную, существующую почти двести лет, святыню, как прогорела кровля, как повалились в пламя кресты. Вдруг все увидали, как из пламени вылетела точно белая птица и полетела вверх...

- Это благодать Божия улетела на небеса, - сказала стоявшая вся в слезах моя тетка.

Село Бог сохранил. Только во многих домах, даже довольно далеко от церкви стоявших, перелопались стекла в окнах. Этот пожар произвел на меня сильное впечатление. Мне казалось, что будто именно меня Бог наказал им за то, что в праздники я не посещал храма Божьего. Шесть лет после того я вел с собой борьбу и всеми силами старался избегать леса. Но не стерпишь – пойдешь. Когда набродишься до сильной усталости, наголодаешься и назябнешься, то опять заречешься ходить; но как только отдохнешь, забудешь все зарок и опять неудержимо потянет на охоту.

Так дожил я до семнадцати лет. Учиться мне нигде не пришлось. Школ у нас тогда не было. Некоторым из деревенских детей нанимали одного старичка, некоего Димитрия Салынского, которому платили по три рубля в зиму за мальчика. У нас же нечем было заплатить за меня, и я так и остался неграмотным. «Ученому свет, - говорят, - неученому тьма». Часто мне приходилось очень сожалеть о своем недостатке. Часто от

этого мне приходилось терпеть большие затруднения, и только вера в то, что Господь и темного не оставляет своей помощью, служила мне поддержкою. «Веруй в Бога, вера твоя спасет тебя». Вера в Бога и надежда на него всегда помогали мне переносить все жизненные невзгоды, выходить из всевозможных затруднений.

Салынский сам был человек малоученый и мог обучить только начальной грамоте. Впрочем, он знал и священную историю и охотно беседовал и с детьми о Боге, Страшном суде. Рассказывал, как грешники будут мучиться в аду, убеждал не грешить, чаще ходить в церковь. Я любил слушать его рассказы и наставления и от него немало научился страху Божьему.

Никакому мастерству у нас тоже негде было научиться. Помню, лет десяти я впервые начал зарабатывать деньги. Впрочем, первые деньги, которые стали моею собственностью, были мне подарены. Раз как-то я с целой ватагой наших деревенских мальчиков стоял в базарный день у магазина. Сюда в эти дни мы собирались, чтобы у прохожих и у проезжих с базара выпросить что-нибудь себе. Видим, идет старый дряхлый нищий. От такого ничего не выпросишь. Поэтому ребята начали озорничать и дразнить старика: «Эй ты, Сергей-мощи! Давно тебе пора во щи».

Старик ничего не сказал шаловливым детям. Я стоял, молча в стороне. Он подошел ко мне, погладил по голове и сказал:

- На, вот тебе, полушку¹. Береги ее. У Бога нет сирот. Он тебе поможет, и ты будешь жить хорошо.

Эта полушка были первые мои собственные деньги. Я с радостью побежал домой, рассказал дяде, как мне досталась полушка, и попросил его спрятать ее, чтобы денежки стали водиться. После этого я вскоре стал зарабатывать деньги своим трудом. Подрядился я у одного крестьянина рубить дрова – по

---

¹ Полушка - медная монета в четверть копейки.

грошу¹ в день. А было это в апреле месяце, и день был очень долог. Затем в мае месяце я ходил драть корье и за месяц заработал двадцать копеек на ассигнации. Так дешево ценился мой, во всяком случае, нелегкий труд!

С семнадцати лет я стал заниматься тем промыслом, который был почти и единственным в наших местах. Жили мы поблизости многих рек - Волги, Оки, Клязьмы, Мокши, Цны, которые то долгое, то короткое время в году судоходны, и потому взрослый народ наших деревень уходил в бурлаки, тянуть суда лямкой или тащить их лошадьми. Наиболее трудная работа была бурлацкая. Я был очень мал ростом и слаб силами, и тянуть лямку меня не брали, а потому я сделался коноводом, т.е. погонщиком лошадей, которые тащили барку. Большею частью мне приходилось быть шишководом, т.е. погонщиком передней лошади. Хотя это дело и легче, чем тянуть лямку, но и оно было далеко не из легких. Вставать нужно было с четырех часов утра и без отдыха, часто без обеда, работать до десяти часов вечера. Нестерпимо захочется поест, - сбросят тебе с барки кусок хлеба, обмакнешь его в воду, наскоро проглотишь, и то еще, слава Богу. Пища рабочему люду полагалась самая простая: сварят жидкую кашу, сольют с нее воду на искрошенный хлеб и получают два кушанья - тюря и каша, из которых и состоит весь обед. Бурлакам, впрочем, выдавалась пред обедом порция водки. Вести шишку хотя и было сравнительно полегче, но приходилось часто терпеть немало неприятностей. Закричат с барки: «Стоять!» Не расслышишь за ветром, и сильно отругают, а то и за волосы оттаскают и избыют. А заработок в неделю был два рубля на ассигнации!

Но, несмотря на трудность работы и на незначительность заработка, мы все благодарили Бога, что он посылает нам хоть такую работу, так как, благодаря этому заработку, который я весь, за исключением траты на еду, на обратном с промысла пути отдавал дяде, при нашей крайне аккуратной жизни, мы

---

¹ Грош - медная монета в полкопейки.

понемножку и старые недоимки заплатили, и даже накопили семьдесят рублей. Тогда старушка мать моя стала просить дядю, чтобы меня женили. В нашем селе было много невест, но, когда стали сватать, ни одна не соглашалась идти. У всех был один ответ:

- Он беден, собою мал и тощ, и жену ему не прокормить.

Затем объехали еще двадцать деревень, и так как, как говорится, слухом земля полнится, там тоже знали, что я слабосилен, и ни одна из невест и там не пошла за меня.

Тогда пришел мой крестный и говорит дяде:

- Николай Павлович! Крестника надо бы женить.

Дядя мой, уже отчаявшийся найти мне невесту, отвечал:

- Да многих уж сватали, а до суженой все не доехали.

Крестный предложил поехать в село Реброво к его родственникам и уверил нас, что его послушают и отдадут невесту за меня. Так и вышло. Невесте на стол мы дали семнадцать рублей на ассигнации. По обычаю того времени мы не выдали друг друга до тех пор, пока нас не привезли в церковь. Церкви в нашем селе в то время еще не было, и наше Расстригино даже было уже переименовано в деревню¹, а потому венчали нас в кладбищенской церкви. К слову скажу, что все-таки с течением времени наш новый владелец, князь Орлов, выстроил в Расстригине новую каменную двухэтажную церковь, наложивши для этой цели на каждое тягло по три рубля.

Женившись, я продолжал заниматься тем же промыслом. Помню, как грустно мне было один раз вскоре после женитьбы (мне уже было лет двадцать), когда меня не взяли вести мокшан по Клязьме, потому что я был мал ростом, и я должен был вернуться домой ни с чем!

На следующем году я был счастливее: мой двоюродный брат, который был лоцманом на одном из мокшанов, взял меня к себе в бурлаки.

---

¹ Селом называли крестьянское селение с церковью.

Шло разом пять мокшанов, и все торопились раньше друг перед другом попасть на Холуйскую пристань. Хозяин нашего мокшана был молодой и задорный. Чтобы подзадорить нас работать усерднее, он выставит ведро водки - пей каждый, сколько хочешь! Помня частью наставления матери, которая неоднократно предостерегала меня от употребления этого пагубного напитка, я не хотел даже пробовать ее. Но все кругом стали меня поддразнивать:

- Что ты как плохо работаешь! А все оттого, что не хочешь выпить. Выпей - и силы прибавится, и веселее станешь.

Я взял стакан и решительно хлебнул. Весь рот у меня обожгло, как огнем, и в горле запершило; я выплюнул поскорее водку и с той поры никогда ее больше не пробовал.

Вскоре после этого я надумал решиться взяться самому вести барку. А лошадь у меня была только одна. Тогда я, пригласивши себе в компанию товарища, нанял работников с лошадьми и взялся провести барку от Нижнего до Владимира. Барку мы провели благополучно. Таким образом, я стал теперь уже подрядчиком и с первого же раза убедился, что мне это по силам. Тогда я стал прикупать и своих лошадей и принимать и работников с лошадьми. А тем временем в помощь мне вырос сын дяди, мой двоюродный брат, который стал ходить у меня в коноводах и водить шишку.

Дела наши тогда наладились прекрасно. При хорошем заработке на стороне и земледелие у дяди пошло лучше. Кроме своей земли, дядя еще обрабатывал нанятую, хорошо ее удобрял, и у него прекрасно родился и хлеб, и лен, и все прочее. Все пошло - слава Богу.

Но за радостью и счастьем часто следует и горе. Мать моя, которой было около шестидесяти лет, стала с этого времени прихварывать все больше и больше и наконец, вовсе слегла. Видя свою близкую кончину, она благословила меня иконой и сказала: «Молись Богу, поминай родителей, а паче всего - живи честно. Не пей чаю и кофею, не ешь картофелю, не кури таба-

ку, пуще же всего - не пей водки¹. А если не сохранишь эту мою заповедь, не будет на тебе моего благословения».

Чрез два года после смерти матери нас отпустили на волю. И у нас, как и во многих местах, это дело обошлось не без волнений. Надо сказать, что все господа, которые владели нами, были очень хорошие люди: крестьян не отягощали ни оброками, ни барщиною; а потому крестьянам жилось хорошо. Еще несколько ранее господа предложили нам купить у них лесу по очень дешевой цене, чтобы построить себе хорошие дома. За десятину леса взяли с нас семьдесят рублей, и из десятины выстроили по четыре дома. Обстроились прекрасно, и вышло почти задаром.

Когда пошли слухи о предстоящей воле, управляющий, зная наши хорошие отношения к владельцу, посоветовал нам относительно надела войти в соглашение с ним.

- Князь наградит вас, и вы век будете счастливы, - уговаривал он нас.

Вотчину нашу разделили на пять волостей. Наша волость и желала бы войти в соглашение с князем, но старосты остальных волостей отговаривали, уверяя, что и без всяких обстоятельств все будет принадлежать крестьянам. Волнения и несогласия наши продолжались три года. Три года мы не делали никаких взносов, и тогда из Владимира пригнали команду солдат. Главным возмутителем был староста села Реброва, - в этой деревне солдаты и остановились. Со всей вотчины собраны были все домохозяева, и в их присутствии по одному были наказаны розгами пять главных смутьянов. На всех прочих это так сильно подействовало, что немедленно водворилось согласие и спокойствие.

Около этого времени пошли слухи, что вскоре будет строиться дорога от Москвы через Владимир и до Нижнего. В самом деле, скоро на барках стали возить рельсы и всякий материал, нужный для постройки дороги. Я принял работников

---

¹ Перечислены запреты, соблюдаемые старообрядцами.

с лошадьми и, пользуясь тем, что работы можно было достать вдоволь, работал изо всех сил.

Тут случилось было мне между прочим взять одно очень подходящее дело. Для железнодорожного моста, который строили через Клязьму, нужно было из Коврова возить на барках камень к Боголюбову, чтобы засыпать в воде котловины. Я охотно взял этот подряд и начал водить барки с камнем. Когда пришли барки к месту выгрузки, то камень был выгружен без выкладки. Инженер, который в Коврове отпускал камень, узнав, что его выгружают без меры, приписал на другую барку лишних пять кубов, а на третью уже десять, и с меня за это стал требовать на чай по пяти рублей с барки. Пять рублей я отдал, но, видя, что тут дело несправедливое, я не мог продолжать здесь работать, так как меня все мучила совесть, и я отказался от подряда. Вместо меня подрядились мои два бывшие работника. Проработавши лето, они осенью по приезде домой разделили заработок, и оказалось, что каждому пришлось по полторы тысячи рублей. Все село им завидовало, и все говорили:

- Вот умные люди! Из ничего сделались богачами!

А я на это говорил: «Неправильно у них это нажито, - как пришло, так и уйдет».

Так и вышло. С небольшим в год прожили они свои денежки, и ничего у них и в помине не осталось. А для меня дело нашлось. Бог послал мне и честную, и выгодную работу.

Известная фабрика братьев Морозовых нуждалась для провоза своих товаров в большом количестве барок. Подрядчиком по этому делу состоял у Морозовых некто Шерстнев, который перевозил фабричный товар и на своих барках, и на фабричных (конторских), ему сдававшихся для этой цели. Вот на этого подрядчика Шерстнева я и стал работать. Сначала я у него надзирал за лошадьми, водил его барки и проч. Но, прослуживши некоторое время, я увидел, что я не хуже его понимаю дело и что я так же, как и он, мог бы работать от самих Морозовых.

Фабричные служащие, все благоприятели Шерстнева, узнавши от меня о моем желании, стали уверять меня, что добиться мне работы от Морозовых очень трудно, так как конторские барки все сданы Шерстневу, а своих у меня нет. Тогда я решился купить две свои барки. Денег у меня был еще очень мало, так что я мог купить только подержанные две барки за триста рублей.

Сделавшись владельцем барок, я явился к управляющему и стал просить для себя работы от фабрики; но управляющий мне решительно ответил, что работы мне не будет, так как вся она сдана Шерстневу.

Опечалился я несказанно. «Купил, - думаю я, - барки, истратил деньги, а работы не дают, да и Шерстнев теперь не даст, потому что наверное рассердился на меня, что я сам хотел работать от Морозовых». Стою я у ворот повеся голову и не знаю, что делать. Вдруг, гляжу, идет хозяин, Давид Абрамович Морозов¹, с управляющим.

- Это что за человек? - спросил Давид Абрамович.

- Да это новый барочник, - ответил управляющий. - Работал на Шерстнева, а теперь просит работы от конторы.

- А как он, исправный и трезвый человек?

Управляющий не мог меня похулить, и тогда хозяин приказал дать мне работу.

Тут я осмелился вставить свое слово: «У лесоторговца Арзамасова, - говорю, - на пристани есть много дров, ему охота их продать; поэтому выгодно можно купить их».

Хозяин тотчас приказал купить дрова, а мне поручил их перевозку. С этой поры я стал работать от самих Морозовых. Через год мне уже доверили вести барку товара в ярмарку; в

---

¹ Морозовы - русские текстильные фабриканты. Родоначальник династии - Савва Васильевич (1770-1860) - организовал в селе Зуево Московской губернии шелкоткацкую фабрику; во второй половине XIX в. им были основаны еще четыре хлопчатобумажные фабрики. Морозов Д. А. (1843-1893).

следующем году сдали мне треть всей работы, а затем половину, и конторские барки разделили нам с Шерстневым пополам.

Между тем Шерстнев, уверенный в том, что все за него, стал относиться к делу (что мною давно уже было замечено) все небрежнее; благодаря же недостатку присмотра с его стороны, у него стал пропадать товар. Он и его сын оба пили и, разумеется, не могли исполнять аккуратно и добросовестно своих обязанностей. В 1874 году я не решился работать у Морозовых вместе с Шерстневым. Я опасался и, как оказалось не без основания, что, работая в компании с ним, при его невнимательности, я могу попасть в какую-нибудь неприятную историю. К тому же человек он был мстительный и все еще косился на меня за то, что я стал работать от Морозовых, и мог, чтобы оконфузить меня перед хозяевами, «сбить» меня, т.е. сделать мне какую-нибудь каверзу, неприятность. Один раз это уж и случилось. На барки с товаром от Морозовых присылались артельщики. Все они были приятели Шерстнева, так или иначе им задобренные, - и как-то раз в моей барке в дождь оказался раскрытым товар. В этом деле я мог подозревать только артельщиков, которые по просьбе Шерстнева хотели подвести меня под ответственность. Чтобы избежать вперед таких неприятных случайностей, которые могли бы запятнать мою репутацию, я отказался от перевозки товара и взял только дрова. На остальных же барках возил глину купцов Кузнецова и Костина.

Но отказ от работы у Морозовых меня очень огорчал. Я видел, что Шерстнев работает все хуже и хуже (у него опять случались пропажи). Тогда в следующем году я снова поехал в морозовскую контору. В это время Морозовы разделились: Давид Абрамович стал управлять Тверской мануфактурой, а Тимофей Саввич - Ореховской. Придя в контору, я спросил у управляющего, будет ли мне дело? Он ответил: «А вот я узнаю, как вы работали в последнее время, и вечером вам скажу».

Вечером он предложил мне взять работу пополам с Шерстневым и тут же спросил, как моя фамилия. Фамилии у меня до сих пор не было, и я так сказал: Николаев, и с той поры стал прозываться Николаевым. В конторе же меня научили писать свое имя и фамилию. Приказчики, привыкшие держать руку Шерстнева, стали говорить управляющему, что работу непременно следует отдать Шерстневу, потому что он уже давно работает.

- Эх, - сказал я с огорчением, - за Шерстнева все стоят, а у меня нет защитников, потому что сухая ложка рот дерет.

Затем объявил управляющему, что не могу брать работу пополам, потому что меня как-нибудь подведут и выйдет только один грех. Пускай уж берет один Шерстнев.

Управляющий мне ответил, что Шерстневу всей работы отдать не может, потому что он человек нетрезвый и чем дальше, тем все хуже следит за делом.

Когда, управляющий ушел в кабинет, я решился войти за ним и говорю:

- Михаил Иванович, отдайте мне всю работу.

- Да справишься ли ты?

- Господь поможет мне. Я всегда в трезвом виде и сам захожусь при деле.

- Ну ладно, приходи завтра утром. Там увидим.

Утром я пришел очень рано и дожидался у ворот. Пришел управляющий и велел бухгалтеру писать условие - работа вся отдавалась мне.

Когда у нас уже все дело было кончено, пришел и Шерстнев. Приказчики, видя его неуспех, стали над ним подшучивать:

- Ты, знать, Шерстнев, проспал, а работу тем временем отдали Николаеву.

Тогда дела у меня закипели. Я прикупал все более и более барок, нанял сто лошадей да купил своих десять. Морозовы были мною довольны и доверяли мне весь товар, который от-

правляли на ярмарку. В этом году чистого барыша у меня осталось шесть тысяч рублей.

Таким образом семейство наше из бедного постепенно стало богатым. Все свои заработки я по-прежнему отдавал дяде. Между прочим, он придумал было еще новое занятие - открыть винную лавку. Но это дело нам не понравилось. Пьяные крики, гам, брань, всякое безобразие так стали нам противны, что с общего согласия лавка была закрыта.

Около этого времени случилось важное в крестьянской семье событие - мы разделились с братом. Случилось это так. У брата неожиданно умерла жена, оставивши ему двоих детей. Брат вскоре снова надумал жениться и, ничего никому не сказавши, стал сватать понравившуюся ему девушку. Но она решительно ему ответила, что ни за что не пойдет за него, если он не разделится со мной, так как у меня очень велика семья, - у меня к тому времени было три сына и три дочери. Брат стал говорить об этом отцу, а дядя Николай мне.

- Матвей, пока я жив, разделитесь вы с братом.

- Дядюшка, - сказал я, - если тебе со мною жить неудобно, то дели нас как хочешь.

- Нет, Матвей, - сказал дядя, - ты лучше знаешь. Разложи все пополам и кинь жребий.

Всю ночь после этого разговора мне не спалось, и я все думал, как лучше и справедливее нам разделиться, и надумал так: дом, двор, амбар, три сарая, овин, мельницу и пять тысяч рублей положить в одну часть, а в другую - бывшие у нас девятнадцать барок, один мокшан и те деньги, которые еще останутся. Хлеб, лошадей, коров и овец пополам. Наутро я предложил дяде взять любую часть. Они с братом ушли в горницу посоветоваться и выбрали первую часть.

- Тебе барки больше к рукам, - сказал дядя, - ты и дело это знаешь, и хозяев знаешь - бери их себе.

Я на все был согласен и только просил позволения пожить в доме, покуда не выстроюсь.

Односельчане мои очень осуждали меня за то, что я так разделился. Как это ты остался и без денег, и без дому, и без строений? Напрасно ты так согласился. Но я отвечал, что надеюсь на Господа, как он устроит.

Понемногу я принялся заготавливать материал для дома. А денег у меня теперь было всего восемьсот рублей. Для постройки и для оборота в моих делах это была очень ничтожная сумма.

Тогда надумал я весною съездить в Моршу и нагрузить там на свой мокшан хлеба для продажи, чтобы этим хоть что-нибудь покуда заработать.

Но опять-таки моих денег было слишком мало, чтобы за это взяться. Пока я думал-раздумывал, как мне обернуться, является ко мне, еще задолго до начала весны, один мой знакомый.

- Я слышал, - говорит, - что ты хочешь ехать в Моршу (Моршанск).

- Хотеть-то хочу, - отвечаю, - да денег нет - нечем взяться.

- Полно, не нуждайся, - сказал он мне, - на пятьсот рублей. За тобой не пропадет.

А потом я заехал к Морозовым, и они дали мне две тысячи рублей под работу, да управляющий одолжил две с половиной тысячи. Я съездил в Моршу, купил очень удачно хлеба, нагрузил им половину мокшана, а другую половину - чужою поставкою. Хлеб продал с пользой. Благодаря этому обороту и дом выстроил, и с долгами расплатился.

На Морозовых я продолжал по-прежнему работать, и чрез два года после раздела у меня был уже свой приличный капитал. Не забывай Бога, трудись, и Бог не оставит тебя своею милостью!

Немало пришлось мне в жизни своей вынести и испытаний, которые Господь посылает нам наравне со своими милостями.

Так, в 1881 году зима началась 3-го октября. Я нагрузил из Нижнего двадцать барок, и все они замерзли в дороге. Товар пришлось доставлять лошадьми на свой счет. И хотя это было большое и очень хлопотливое дело, но пользы не было. В следующем году меня постигло новое огорчение - выбрали меня в волостные старшины¹. Подавал я прошение, прося освободить меня от этой должности, так как я много лет работаю у Морозовых; но получил ответ, что можно освободиться только в том случае, если имеешь казенный подряд. И должен я был прослужить три года. Поставленный мною над всеми моими делами сын мой не мог, по молодости своей, справиться с ними. По своей неграмотности учесть дела я не мог, а отпускали меня самого только на короткий срок в Нижегородскую ярмарку. В этом же году случился неурожай; овес и харчи были очень дороги. Коноводы все просили денег вперед и забрали до шести тысяч рублей. К тому же реки опять замерзли очень рано, и в пути осталось двадцать две барки. И раньше, и позже немало несчастий и огорчений пришлось мне претерпеть. Несколько раз случались крупные пожары, а больше того было несчастий с судами. Стою я в одно лето в церкви в Орехове, - вдруг подают телеграмму, что мой мокшан сел на мель. Перегрузить и стащить его стоило очень дорого. В другой раз затонул пароход: река пробила новое русло, а лоцман был неопытный и налетел на подводный огромный пень. Убытки опять были большие. Но всегда я старался не падать духом. Все нужно переносить без ропота и благодарить Бога: нашего ничего нет - все Божье; Бог дает, Бог и отнять может. Писано бо есть: «Сегодня богат, завтра убог». Старался я жить с покорностью воле Божией, не унывать, а молитвою и трудом снискивать себе Божию помощь.

---

¹ Волостной старшина - главный начальник из крестьян в пределах волости; согласно высочайше утвержденному в 1866 г. положению о волостном управлении это управление составляли: сход, волостной старшина и волостной крестьянский суд.

Проработавши Морозову около пятнадцати лет, я, как-то раз явившись в контору для расчета, узнал, что хозяин Тимофей Саввич приехал на фабрику и дает всем служащим награду.

Я решился войти в кабинет хозяина.

- Тебе чего? - спросил он меня,

- Тимофей Саввич, - сказал я ему, - вы всем даете награду.

- А разве и тебе хочется награды? Тебе награды не полагается - ты подрядчик.

- Как же это, Тимофей Саввич? Всем вы дали награду - и служащим и десятникам; а мне вы вверяете товару слишком на миллион, и я его сохраняю, поэтому и желаю получить от вас награду, - хоть бы пять копеек, чтобы я знал, что получил награду.

Тимофей Саввич усмехнулся и говорит:

- Разве дать сот пятаков?

- Не пятьсот - хоть пятачок, да только бы была награда.

- Ну, хорошо, шестьсот будет с тебя.

Взял лоскуток бумаги и написал синим карандашом: «Выдать шестьсот рублей» - и отдал мне.

Служащие очень удивлялись, что мне, не служащему, была выдана такая награда.

Когда я вернулся в кабинет благодарить Тимофея Саввича, он сказал мне:

- За то тебе награда, что ты человек трезвый и верный. Наживай деньги, покуда я жив, а помру, может все перемениться.

Так и вышло. Пока он был жив, много у них было мне работы. После его смерти товар стали отправлять по железной дороге.

Умер Тимофей Саввич в Ливадии, а хоронить его привезли в Москву. Я ездил отдать ему последний долг и видел его пышные похороны. На гробе лежало более ста венков.

С проведением железных дорог на барках дел становилось все меньше и меньше. Тогда мне пришлось купить по случаю три старых парохода за восемнадцать тысяч рублей, а вслед за тем я решил выстроить свой новый пароход. Мои пароходы стали ходить по Клязьме, а так как до сих пор на Клязьме пароходов не было, то дело наше наладилось было очень хорошо. И пассажиров, и товара для перевозки было очень много.

Но как-то на нашем пароходе проезжал нижегородский купец Щербаков. Наш пароходный капитан рассказал ему, что наше дело золотое дно и что стоит только выстроить большие мелководные пароходы, и деньги можно будет загребать лопатой.

Щербаков вскоре же построил три парохода и переманил к себе нашего капитана. Началась между нами конкуренция. Товар стали возить за полцены, а пассажиров чуть не даром - только иди да садись.

Вся команда новых пароходов стала насмехаться над нами.

- Эй, Николаев, причаливай свои пароходы к берегу. Будет им работать - наработались.

Их пароходы были действительно сильнее и удобнее наших. Перегоняя наши пароходы, они всегда кричали нам:

- Где вам за нами гнаться? Разве вы не видите, что мы куда сильнее вас!

Один раз я сказал капитану:

- Напрасно вы хвалитесь. Наполеон, например, тоже хвалился своей силой и думал, что сильнее его только Бог на небеси, а как попал в Москву, и пришлось идти назад по дороге, которую он же опустошил, то сам едва живым остался. Так и вы, думаете взять верх, а можете ошибиться. Все дело Божье. Кто надеется на Бога, тот да не погибнет. Может, Господь нам поможет.

Три года продолжалась между нами конкуренция, и оба мы потерпели убытку тысяч по тридцати. Наконец мне удалось объяснить Щербакову, что дела его идут, гораздо, хуже, чем он думает, и что служащие ведут его к разорению. Тогда только Щербаков согласился упорядочить наше дело. Мы установили расписание, по которому наши пароходы должны были ходить поочередно. Наконец у нас установился должный порядок.

На своих пароходах я поручил надзор своим трем сыновьям: старшего сделал управляющим, второго - кассиром, а третьего поставил вести книги.

Все, казалось, теперь обстояло отлично.

Но враг-диавол, который постоянно строит людям свои козни, посеял вражду в моем семействе.

Как-то раз во время разгара пароходного дела - я был дома - приезжает вдруг домой мой старший сын. Я удивился и спросил его, для чего он приехал. Он три дня молчал, а потом и говорит:

- Отделите меня, батюшка.

Услыхавши это, я и мать заплакали. А он сказал:

- Если не хотите ничем наградить, то только благословите, я и так уйду, а если не благословите, то жизнь свою решу.

- Чем жизнь свою тебе решать, - сказали мы с матерью, - то лучше мы тебя наградим и отпустим с Богом.

Мы наградили его, давши ему из нашего имущества то, что он указал, и кроме того три барки, лавку с товаром и уступили ему самую выгодную поставку.

Потом, как ни горько было отпускать его от себя, благословили его на новую жизнь, причем я сказал ему:

- Живи по правде. Будь трезв. Служащих не обижай. Если же будешь заниматься дурными делами и пьянствовать, не послушаешься родительского приказа - промотаешься, тогда на меня не рассчитывай, я тебе не помощник. Если же будешь вести себя хорошо и заботиться о деле, то я тебя не оставлю, и Бог тебя благословит. Иди, живи с миром.

Дела мои и после этого раздела, благодарение Богу, шли по-прежнему. Из достатков своих я мог уделить кое-что и на доброе дело.

Раз как-то, еще очень давно, наш батюшка сказал мне, когда я ехал в Нижний:

- Надо бы, Матвей Егорыч, поусердствовать что-нибудь для церкви Божией.

Я купил сначала Евангелие, а затем у меня вошло в обычай уделять постоянно что-либо на нужды храма Божьего. Бог помог мне построить придел в нашей церкви, купить колокола и вообще своей посильной лептой постоянно поддерживать благолепие его.

Не могу умолчать в своих воспоминаниях о происшествии, которое случилось однажды со мною и которое укрепило меня, впавшего было в разные сомнения, в православной вере христианской.

Мать моя, происходя из раскольничьей деревни, под старость стала придерживаться раскола. Большое влияние еще оказал на нее бывший у нас во время крепостного права управляющий Комаров, который усердно совращал всех в вотчине в раскол и покровительствовал тем, которые отказывались от православной церкви. Меня мать моя не отвлекала от православия, а, напротив, всегда настаивала, чтобы я посещал храм Божий. Помню в детстве несколько случаев, которые даже восстановили меня против раскола.

Священник у нас был тогда добрый и простой, но имел тот недостаток, что любил выпить. Он очень старательно убеждал старообрядцев посещать церковь, но они отказывались, говоря, что в православной церкви нет благодати, и не внимали его увещаниям.

Один раз в соседней деревне раскольник-пчеловод, у которого было до ста ульев, стал весной кормить пчел. Наложил он из кадки меду в корытца – не едят пчелы. Пошел поглядеть в кадушку - что такое? А в кадке мышь. Как он ни бился с пче-

лами - не едят меду. Тогда позвали раскольникьего наставника читать над медом молитвы - пчелы все не едят меду. Как раз случился в деревне наш батюшка. Он пришел к раскольнику и говорит: «Пойдем-ка, Тимофей, на пчельник. Я прочту над медом молитву и окроплю все святою водою. А потом и сами меду отведаем, и пчелы будут есть».

Раскольник согласился. Прочитавши молитву и покрывши водою пчельник, священник сам поел меду и уехал домой. Пчелы вскоре же стали есть мед. Этот случай подействовал на пчеловода, и он с этих пор всегда с уважением принимал нашего батюшку.

Из этого случая я понял, что благодать Божия от священника не отнята, хотя бы он и имел человеческие недостатки.

В другой раз напало на наше и соседние поля несметное количество червей. Народ очень опечалился. Обратились тотчас же к священнику, прося помолиться. Помню, в молитве батюшка читал: «Господи, пошли птиц собрать насекомых». Не прошло и двух часов после молебна, как на наши поля налетело множество птиц, точно облако, и к вечеру все черви были ими уничтожены.

Эти наглядные случаи были для меня в молодости убедительнее всех раскольникьих рассуждений, и я неизменно оставался верным православной церкви.

Но когда я стал работать на фабрике у Морозовых, тут все чаще и чаще приходилось мне сталкиваться с раскольниками и часто против желания вступать с ними в споры. Они стали убеждать меня не посещать церкви, так как там молятся тремя перстами, священники сребролюбцы, бреют усы, курят табак, пьют водку, следовательно, на них не может быть благодати Божией и от них нельзя принимать св. Таин.

Тогда я поехал в Москву и купил разных книг: книгу о вере, Златоуст¹, книгу Ефрема Сирина¹, большой и малый кате-

---

¹ Златоуст - наиболее распространенный в Древней Руси сборник текстов нравоучительного содержания, названный так, поскольку основу его со-

хизис² и еще несколько древних книг Иосифовской печати³. Все эти книги я давал читать моим сыновьям и знакомым. Из этих книг я понял, что все нападки раскольников ложны. Как-то раз я разговорился об этом с нашим батюшкой. Он сказал мне, между прочим:

- Если ты хочешь убедиться окончательно, насколько несправедливы толки раскольников о мощах, о трехперстном сложении, то съезди в Киев и попроси открыть тебе мощи, - там есть святые с трехперстным сложением.

Спустя некоторое время я отправился в Киев вместе с женой. Остановился в гостинице Киево-Печерской лавры. Обошли все святые места, побывали и в пещерах. Я стал просить монахов открыть для меня мощи. Некоторые старцы начали меня уговаривать:

- Вас здесь каждый год бывает несколько тысяч. Возможно ли для всякого тревожить святые мощи?

Но я сказал, что нарочно затем ехал издалека, что в нашей губернии много раскольников, которые вводят в большое сомнение, говоря, что мощей нет, что все они поддельные, и что я только затем и приехал, чтобы удовлетвориться.

Иеромонах сказал мне:

- Веруй, не сомневайся.

Но я отвечал, что живу шестой день и без того не уеду, пока не увижу открытых мощей.

ставляли проповеди византийского церковного деятеля Иоанна Златоуста (между 344 и 354 - 407).

¹ Ефрем Сирий (IV в.) - один из учителей церкви.

² Катехизис - учебное руководство, популярно излагающее учение христианской церкви.

³ Иосиф - пятый патриарх Московский и всея Руси (с 1642 по 1652). В истории православной церкви известен изданием «поучений» к русской иерархии и духовенству и печатанием церковно-богослужебных и церковно-учительных книг (38 названий). В нескольких из них отражены раскольнические мнения о двуперстии крестного знамения, о «сугубой» аллилуйи и т.д.

Доложили игумену. Мощи приказано было открыть.

Меня предупредили, что на другой день после ранней обедни мое желание будет исполнено.

Ночью во сне моей жене явился старец с белыми волосами и бородою и сказал ей:

- Зачем вы сюда приехали? Испытываете, точно евреи неверные! Господь накажет за неверие!

И скрылся.

Утром в церкви ко мне подошел монах:

- Ты, что ли, владимирский?

- Я.

-Ты один?

- Нет, с женой,

- Ну, идите за мной оба.

Повел он нас под собор. Лампады там ярко горели. Отперев раку¹ одного из угодников, монах помолился и стал поднимать одну за другою пелены, и, когда он поднял последнюю, я вдруг окаменел, - стал недвижим, глаза закрылись, и дыхание замерло.

Тогда жена моя и монах пали на колени и со слезами стали молиться Богу.

Монах сказал жене:

- Вот за неверие ваше вас постигла кара Божия.

Состояние окаменения продолжалось со мною немало времени. Наконец заметили, что я пошевелился. Монах подошел ко мне. Тут я открыл глаза. Он велел мне перекреститься, и я наконец очнулся совсем. Потом я приложился к святому. Я видел, что руки у него сложены на груди крестообразно, пальцы показались мне мягкими, как у спящего человека. Лица же я не видел - не мог поворотить глаз. Жена, видевшая лицо святого, говорит, что в нем узнала именно того старца, который являлся ей в ночи.

---

¹ Рака - в христианской церкви гробница, в которой хранят мощи святых.

- Должно быть, по чьим-нибудь молитвам Бог тебя помиловал, - сказал мне монах. - Иди с Богом, веруй, и вера твоя спасет тебя.

Чрез двенадцать лет я снова приехал в Киево-Печерскую лавру. По пещерам с нами ходило много народу. Выйдя из пещер, сели на лавочку и стали рассказывать, кто откуда приехал. Были здесь и из Оренбурга, и из Перми, и из Сибири. Один из богомольцев стал рассказывать, что ему передавали старцы, как здесь двенадцать лет назад случилось чудо: один владимирец настоятельно требовал, чтобы ему открыли мощи, и когда сделали по его желанию, то он пришел в состояние окаменения и долго так оставался, пока наконец, после молитвы иеромонаха и жены своей пришел в чувство.

- Все это верно, друзья мои, - сказал я. - Все это было двенадцать лет назад со мною.

Все слушающие были поражены рассказом, и многие прослезились.

Всякие раскольничьи увещания и разговоры я слушать перестал, и никакие религиозные сомнения меня уже больше не смущают. Я кончил. Жизнь моя, можно сказать, прожита. На склоне лет своих я ежечасно благодарю Господа Бога за то, что он вложил в меня любовь к труду и дал мне возможность еще в детстве научиться бояться Бога, веровать в него и надеяться на него.

Б.А. РЕБИНДЕР ПРО МАКАТЕЛЕМ – ИМЕНИЕ КАРАМЗИНЫХ¹

Записки эмигранта

За непосильное дело принимаюсь я. Вполне это сознаю, но когда раздумаюсь о возлюбленных моих родственниках, близкое знакомство, и, могу сказать, дружба с которыми составляла столь дорогие для меня воспоминания, - все больше хочется собрать эти воспоминания воедино. Хочется, чтобы остался для моих и их молодых родственников если неяркий, то хоть понятный облик этих чудных людей: Александра Николаевича Карамзина и жены его Натальи Васильевны, рожденной кн. Оболенской. Она была моей родной теткой - сестрой покойной матери моей, княжны Софьи Васильевны Мещерской, также рожденной кн. Оболенской.

О молодости Натальи Васильевны рассказывать особенно нечего. Она росла в Москве при рано овдовевшей, обожаемой всеми детьми матери княгине Екатерине Александровне, рожденной граф. Мусиной-Пушкиной. На лето вся семья их переезжала в небольшое, но очень любимое ими имение Ольхи Юхновского уезда Смоленской губернии. Наташа была младшей из семи детей. Училась, конечно, дома, с гувернанткой, очень милой Laure Welche, выписанной бабушкой из Швейцарии, по горячей рекомендации ее пастора в Лозанне.

Не могу не рассказать, кстати, подробности этого приезда в Россию швейцарки, прожившей в семье Оболенских много лет, оказавшей, конечно, большое влияние на склад характера и склонности Наташи и оставшейся в дружбе с ее семьей на всю жизнь.

---

¹ В основу материала, положены мемуары родной сестры бабушки Б.А. Ребиндера Н.В. Оболенской – жены А.Н. Карамзина, сына русского историка.

Бабушка просила прислать ей для воспитания младшей дочери серьезную девушку, но отнюдь не слишком молодую и красивую, так как у нее было тогда уже четыре сына на возраст. Выехала из Швейцарии поздней осенью, конечно, не в шубке, а лишь в суконной кофточке. Ехала она в дилижансе и доехала до места назначения уже зимой в сильные морозы, причем сострадательные спутники не раз обкладывали ее в дилижансе сеном, опасаясь, что она замерзнет. И вот наконец доехала она до Москвы и зашла в дом, где ее давно ожидали.

Бабушка тотчас вышла к ней навстречу, но, взглянув на нее, всплеснула руками, воскликнула: «Как, да ведь я просила особу не молодую и не хорошенькую!»

Можно себе представить отчаяние молодой девушки, изнуренной дорогой, осознающей себя столь одинокой на далекой, чужой стороне. Рыдая, упала она в близстоящее кресло, представляя себя уже отправленной со стыдом обратно, как совсем не подходящую особу. Конечно, бабушка и дочери тотчас окружили ее заботами и лаской. Вскоре убедились все, что это чудная серьезная девушка, истинная христианка и самой высокой нравственности.

Я была у нее в Швейцарии четверть века спустя. Она была уже вдова господина Мауеих. Жила в прелестном имении близ Лозанны и тщательно воспитывала своего единственного сына - красивого, похожего на мать юношу.

Когда ее воспитанница была лет двадцати, они с матерью жили уже вдвоем в Москве. Сестры ее были замужем, а братья служили в Петербурге. Был великий пост. Обе - и бабушка, и Наталья Васильевна говели и приобщались святых таинств, как раз в тот день, когда Александр Николаевич Карамзин, проездом из деревни в Петербург, остановился в Москве и заехал с ними повидаться.

Наталья Васильевна, в белом платье, счастливая и спокойная после принятия святых таинств, произвела на него совсем новое впечатление. Он часто видел ее и раньше, будучи

дружен с ее братьями, но тогда она казалась ему лишь веселой, оживленной - но почти девочкой. На этот раз взглянул на нее совсем иначе и по приезде в Петербург не скрыл этого от матери, с которой был в самых искренних и дружеских отношениях.

Княгиня Оболенская следующей зимой приехала в Петербург, где служили ее сыновья. Заметив, как ласково относятся к ее дочери Николай Михайлович Карамзин и его жена, она поняла судьбу, ее ожидающую, и сознавала, как счастлива была бы отдать свою дочь за Александра Николаевича, которого давно знала и любила.

Вскоре он снова появился в Петербурге, встретился с Наташей, и при самых счастливых условиях свадьба их в том же году и состоялась.

Детство и молодость мужа Наташи прошли гораздо более блестящим образом, чем ее юность. Отец его, знаменитый историограф, Николай Михайлович Карамзин, был, как известно, из числа самых приближенных ко двору императора Александра Павловича, а затем и Николая I. Он с женой, а впоследствии и с детьми проводили лето в Царском Селе, в так называемых «китайских домиках», куда приглашались самые симпатичные и уважаемые царями особы и их семейства.

Еще в 1812 г. Карамзин читал части своей «Истории государства Российского» сестре императора, принцессе Ольденбургской, в Твери, где она тогда во дворце проживала из-за деятельности принца, ее мужа, по мобилизации наших войск. Карамзин часто бывал в Твери проездом из Петербурга в Москву, собирая материалы для продолжения своего труда, причем все архивы были ему, конечно, открыты. Семья же его оставалась в Петербурге или в Царском Селе, и сыновья его, будучи ровесниками с великими князьями, постоянно бывали, приглашены во дворец и находились с великими князьями в товарищеских отношениях.

Помню, дядя рассказывал, как однажды мяч их застрял на одной из люстр залы, где они играли. Юноши стали прыгать, но не могли его достать.

«Обопрись о мое плечо», - сказал государь (Николай Павлович). Дядя прыгнул - и вдруг государь охнул, отошел и стал закрывать лицо рукой. Оказалось, что дядя изо всей мочи оперся как раз о ключицу, которая была сломана при падении царя из экипажа. Дядя страшно испугался: жаль было государя и думалось: что же это - немилость, наказание?

Но государь тотчас же оправился и велел продолжать игру. Я рассказала это пустяковое событие, чтобы показать близость сыновей Карамзиных ко двору, причем Александр Николаевич был особенно близок, можно сказать дружен с наследником, цесаревичем Александром Николаевичем.

Сыновья Карамзины окончили образование вполне классическое, причем древние языки, особенно латинский, были пройдены в совершенстве, и Александр Николаевич поступил на службу, что не мешало ему вместе с тем вести самый светский образ жизни. При этом он не смог не сделаться душой общества. Высокий, красивый, с чудными синими глазами и здоровым цветом лица, он был всегда оживлен, весел и замечательно остроумен.

Уже немолодым, когда, бывало, приезжал он с женой к нам в деревню, весь дом тотчас оживлялся, и мы, дети, страшно радовались их приезду. Он шутил, рассказывая, смешил всех обыкновенно на чудном французском языке. Рассказывал однажды, как они, сыновья нашего историографа, почерпнули первые уроки русской истории из французской книжки, которую читали со своим дядькой-французом. Между прочим: «*Le Czar Jean IV, jurnomme Vassilievitch pour sa granore cruaute*» (царь Иоанн IV прозванный «грозный» за его ужасную жестокость).

Несколько лет продолжалась его холостая светская жизнь в Петербурге, а также и в Москве, где он жил в доме деда

моего князя Мещерского, с сыновьями которого был дружен так же, как и я с будущими родственниками – Оболенскими.

В Петербурге он имел самое блестящее положение, особенно из-за близости к наследнику цесаревичу. Как ни весело, однако, проводил он время, но понемногу настоящая духовная жизнь в нем пробудилась. Истинный сын своего отца, столь высокого патриота, проникнутого такой живой любовью к России и народу русскому, Александр Николаевич через несколько лет, когда ему минуло года 24, стал все менее удовлетворяться и службой и окружением и сказал родителям, что вести дольше свой образ жизни положительно не может.¹ Желание его было бы получить от них одно из их имений и ехать управлять им и жить в деревне, где, казалось ему, присутствие помещика должно быть особенно полезно. Через несколько времени, убедившись в серьезности его намерений и вообще взглядов на жизнь, родители решили отделить ему большое имение Мака-телем Ардатовского и Арзамасского уездов Нижегородской губернии.

Пригласив ехать туда с собой доктора и отличного садовника-немца, Александр Николаевич отправился туда с прислугой и, конечно, в своих экипажах и на собственных лошадях. Господа в Макателеме не живали, и никаких приспособлений к мало-мальски культурной жизни ожидать там не приходилось.

Поселился молодой помещик в двух беленых избах, соединенных сенями. Там он и принялся за самую кипучую деятельность. Однако не управление имением легло в основу ее да так и осталось на всю жизнь. Не помышляя еще о постройке дома, он утвердил проект большого сада, составленного садовником.

С доктором же разработал план больницы, которая тотчас и была построена и оборудована. На селе возникла школа.

---

¹ Существует версия, согласно которой отказаться от светской жизни Александра Николаевича заставила последняя дуэль А.С.Пушкина, свидетелем которой он, по некоторым сведениям, был [Прим. сост.].

Школьное дело облегчило ему то, что в Нижегородской губернии, не так, как, например, в Московской, Тверской и других, крестьяне были расселены во множестве небольших деревень. В карамзинском имении находились только три села: Малый Макателем, Большой Макателем и еще одно село. Оттуда в большую школу легко могли приходиться все дети школьного возраста. Это непереносимое требование этого помещика было осуществлено на целые десять лет раньше, чем в других местах Российской империи, т. е. то пресловутое обязательное народное образование, которое с таким трудом продвигалось вперед в то и в последующие царствования.

Больницы, как и школы, были также выстроены при каждом селе. Фельдшера оставались при них лишь трезвые и добросовестные, а молодой доктор, приобретающий все более ответственность, посещал их постоянно.

Очень скоро убедились, как безобразно происходят роды в крестьянских избах. В каждом селе на задворках было устроено по большой избе, вдоль стен ее и с печью со вделанным в нее большим котлом для горячей воды (так в тексте – прим. сост.). По выбору доктора несколько подходящих женщин были посланы в Нижний для обучения там в несколько месяцев основным знаниям повивального искусства.

Вскоре крестьянки стали сами приходиться в эти избы, когда «наступал их час». Оставались они там несколько дней и возвращались со своим младенцем домой уже оправившиеся и избежавшие всех ужасов, причиняемых неумелыми, дикими приемами их старух, - приемами, от которых так часто погибали и здоровые матери, и сами их младенцы.

Так прошло несколько лет. Больницы и школы были оборудованы или строились. Сад был засажен и радовал своим ростом и начинающейся красотой. Розы в изобилии благоухали в клумбах вдоль дорожек и среди лужаек вблизи дома. Через дорогу, невдалеке от обиталища хозяина, против первой больницы, был посажен другой сад и среди него - огромный пруд,

питаемый небольшим ручьем - речкой, протекающей по ложбине близ села. В больнице была устроена домовая церковь, в которой назначенный туда особо причет прекрасно исполнял божественные службы.

Жизнь была полна дела и хлопот, но чего-то все же недоставало! Во-первых, полное отсутствие общества - обмена мнений с развитыми людьми - все же давало себя чувствовать. Соседей близких не было. Да и далеко не сочувственно относились соседи ко всем начинаниям Карамзина. Они считали их блажью молодого богача, транжира, которая до добра его не доведет. И вот Александр Николаевич стал чувствовать, что все же «не добро быть человеку одному».

Как я уже упомянула, при проезде через Москву образ княжны Натальи Васильевны Оболенской запал ему в сердце. Чувство это не только не изгладилось, но вылилось в глубокое желание иметь именно ее подругой той жизни, которую он избрал, и которая пришлась ему так по душе, захватывая все потребности его ума и сердца.

И вот на следующий год в Макателеме появилась молодая хозяйка. На вид еще совсем молодая, она была среднего роста, с правильным симпатичным лицом, большими карими глазами и огромной темной косой. Увлеченная деятельностью мужа, она всецело вошла в нее. Помогала ему и советом, и сама наблюдала за исполнением его предназначений в его духе.

С одним не мирилась она - это с его полным равнодушием ко внешнему укладу его жизни. Впрочем, еще до женитьбы он кое-что уже устроил: над первыми двумя избами, в которых он первоначально поселился, он построил еще две комнаты, в которые из сеней, превращенных в хорошую, светлую переднюю, вела неширокая, но удобная лестница. Теперь же, ввиду действительной необходимости расшириться, что было понято Натальей Васильевной как вновь приехавшей, за передней был выстроен кабинет для хозяина, служащий им зимой и столовой, а за кабинетом шла стеклянная галерея, ведущая в буфет, баню,

комнаты прислуги и кладовые. Все это сделало внешний уклад жизни удобнее как для прислуги, так и для самих хозяев. Полы были теперь сделаны паркетные, стены оштукатурены и убраны портретами. Молодая хозяйка была вполне довольна.

Так потекла жизнь в первые годы их счастья, вполне удовлетворяя их обоих. К сожалению, слишком равнодушное отношение хозяина к способу ведения хозяйства и доходности его со временем дало себя знать. С женитьбой расходы увеличились, разные семейные события вызывали их все чаще в столицы, да и положение помещиков вообще становилось труднее. Большинство соседей не любили Карамзина, считая его опасным либералом. Гораздо позднее он говорил: «Конечно, я был либералом. Я жаждал реформ, с ранней молодости мечтал об освобождении крестьян от крепостной зависимости, о праведном суде, о местном самоуправлении - но теперь, когда все это нам даровано государем, - я становлюсь настоящим консерватором и нахожу, что нам только осталось из-за всех сил добросовестно работать, чтобы все эти реформы были правильно - на пользу народа и во славу Божию введены на Руси».

Карамзин был глубоко религиозным человеком, проникнутым любовью и преданностью православной церкви. Он придерживался ее уставов, службы церковные посещал часто, постился во все посты и среды и пятницы, но в дороге, если это стесняло хозяев, не считал грехом оскоромиться. Любовь к ближнему, как основная заповедь, завещанная нам Спасителем, наполняла неизменно его сердце и лежала в основании всей его деятельности.

Наталья Васильевна по характеру своему была порывистая и даже экзальтированная. Всецело предалась она ведению и развитию всех начинаний своего мужа, но о практической стороне дела она вначале не имела никакого понятия. Александр Николаевич не был склонен сузить дело ввиду больших, требуемых для него средств. Средства же как раз в это время очень сократились. Началась Севастопольская кампания со

всеми потребованными ею и от помещиков громадными жертвами - и в Макателеме наступил кризис. Больницы и школы существовали, но на ведение их средств, получаемых с имения, не хватало.

Родители Александра Николаевича в то время уже скончались; Наталья Васильевна состояния не имела. Единственным источником доходов был Макателем, а имение в Нижегородской губернии, даже очень значительное, для принесения доходов требовало упорного труда, направленного именно к достижению этой цели, как самой важной для существования всего остального. Дело в этом отношении было поставлено в Макателеме неправильно, и в трудную минуту это дало себя знать.

Пришлось делать долги.¹ В конце войны с имения нужно было поставить еще известное число людей на ополчение. В ополчение же призывались и дворяне - Александр Николаевич как бездетный не считал себя вправе не идти на этот призыв. А Наталья Васильевна не согласилась отстать от него в его патриотическом порыве. Она решила поступить в число сестер милосердия, которые впервые тогда, но уже так самоотверженно действовали среди наших раненых солдат-страдалцев.

Обеспечив займом и назначив будущие доходы с имения на поддержку основанных им благотворительных учреждений, Карамзин уехал на юг. Дальше Киева, однако, ополчению не пришлось подвинуться: молодой государь наш остановил военные действия, и перемирие было заключено. В губернских городах стали собираться дворяне, умоляя царя не соглашаться на условия, предложенные нашими врагами. Однако из самых красноречивых воззваний было Нижегородское, написано оно всецело Александром Николаевичем Карамзиным и восторженно принято всем дворянским сословием.

Государь благодарил всех за выраженные чувства, но решения своего не изменил, и мир был заключен. Вернувшись в

---

¹ Первый раз имение было заложено уже в 1839 году [Прим. сост.].

собственный дом, Александр Николаевич первым делом обратил внимание на то, что за 20 верст от усадьбы, в лесах его, были открыты признаки нахождения железной руды, которой богаты и другие места Ардатовского уезда. Собрав образцы этой руды, он отвез их к специалистам в столицу. Все они признали образчики эти особенно богатыми как по содержанию, так и по составу железа, в них находящегося.

Среди добрых нижегородских знакомых Карамзиных был инженер Узатис, женатый на дочери сибирского золотопромышленника Бенердаки (?) (так в тексте – прим. сост.). Александр Николаевич обратился к нему,¹ и по изучению местности оказалось, что она из самых богатых в тех краях как по пространству, так и по расположению пласта, содержащего руду.

К великой радости округи, дело тотчас загорелось. Руда, топливо и т. д., Карамзин, умение Узатиса и капитал его жены, необходимый для оборудования дела, - все это соединилось, и был создан в очень скором времени Большой Ташинский завод. Карамзин и Узатис стали директорами его, и жизнь Александра Николаевича и Натальи Васильевны делилась впредь между Ташином и Макателемом, где все стало снова процветать, шириться и расти, так как хозяева были убеждены, что из-за дорогих их сердцу учреждений и посланы им милостивым Господом новые средства для поддержания. Обе усадьбы и все, существовавшее в них, превратилось в царство любви и духовной радости.

Приблизительно с этого времени, т. е. с половины шестидесятых годов, я стала бывать в Макателеме и сознавала, что вряд ли есть где-нибудь такой образец истинно христианской жизни. Опрощения, которое появилось тогда в известных передовых кругах среди русской интеллигенции, не было никакого,

---

¹ Помощь Александру Николаевичу также оказал его брат Андрей Николаевич, женившийся на вдове промышленника Демидова Авроре Карловне Шернваль (в макателемском парке есть «Аллея Авроры») и управлявший тогда металлургическими заводами Нижнего Тагила [Прим. сост.].

хотя дядя стал носить везде русское платье, т. е. синюю шелковую, а летом белую вышитую красным рубашку-косоворотку, подпоясанную шелковым шнурком, черные суконные шарованы, мягкие сапоги из тонкого сукна, недлинный, русского покроя кафтан, а летом - такой же, но белый. Тетя также ходила иногда летом в сарафане, но когда она стала постарше, перестала его надевать. Муж же ее находил, что нет удобнее русского платья, и только приезжая в Петербург, как он говорил, «в Европу», - он облакался в европейский костюм. Мужская и женская прислуга в Макателеме также носила русское платье, но отношение всех к хозяевам было самое почтительное и вместе с тем близкое, любовное. Я, положительно, живя там целыми месяцами, не слыхала дурного слова, ни брани, ни какого-либо крика, даже между служащими. Каждый был при своем деле, охотно исполняя его, причем все решалось сообща между хозяевами и служащими. Хозяева распоряжались, объясняя, как поступить, но без мысли о том, чтобы именно их воля была исполнена. Всякий мог возразить и высказать свой взгляд, если ему казалось возможным лучше устроить дело, и очень легко они приходили к общему согласию, так как самолюбие ни в ком не было затронуто. Опекаемые же - как больные, дети в приютах, так и старики в богадельнях, столько видели сердечной заботы о них, что примирались со своими испытаниями.

Это казалось идиллией, но вместе с тем при таких простых, естественных между всеми отношениях чувствовалось - нет, это не идиллия - это истинная христианская жизнь, такая, какой она должна быть среди всех христиан.

Бросая общий взгляд на жизнь Карамзиных в Макателеме, нельзя не обратить внимания на то, что у них не было детей. Будь они многосемейными, возможно, они бы не решились поступиться всеми доходами, а в конце концов и почти всем своим состоянием на пользу окружающего их народа. Но Александр Николаевич, можно сказать, не походил на обыденных людей. В таких еще молодых годах, окруженный тем, что осо-

бенно ценится большинством людей, т.е. пользуясь большим успехом в свете, особенно положением из-за дружбы с наследником, цесаревичем, имея впереди, без сомнения, блестящую служебную карьеру, пользуясь хорошими средствами и окруженный даже сравнительной роскошью, - все это он, не задумавшись, бросил, когда совесть подсказала ему о другой, более отрадной душе его деятельности.

В самой простой обстановке повел он новую, избранную им жизнь, но это была жизнь среди народа, столь нуждающегося и в просвещении, и в попечении о больных и во всякой заботе о нем. В письмах его к матери, которые я держала в руках, но лишь на несколько часов и которые затем, увы, пропали, этот совсем еще юный человек удивительно ярко рисует эту жизнь. Такое чувствуется в них горенье духа, столько любви ко всему окружающему и такое полное удовлетворение жизнью, которую он вел в Макателеме.

Я забыла упомянуть о том, что план будущего дома был со временем совсем заброшен. Года три после женитьбы они как-то зараз пришли к мысли, что детей Господь им не дает, - к чему же строить большой дом, когда им и в этом так хорошо живется. Очень красивая была у них высокая, четырехугольная оранжерея, пристроенная вплотную к боковой стене комнаты, где они жили.

В этот, можно сказать, зимний сад выходили окна из их гостиной, и тепличные растения, посаженные не в кадки, а просто в грунт, как всегда при этом условии, чудно разрастались и, достигнув второго этажа, наполняли комнату запахом цветущих растений - померанцев, олеандров и др. Но эта красота была лишь с одной стороны дома. С другой стороны вытянулись бесконечные невысокие пристройки, не имеющие никакого вида. Это был приют для детей, который вела Екатерина Ивановна, или просто Катя, молодая, очень маленькая ростом особа, обожающая своих воспитанников, держащая их в удивительном порядке и послушании, причем почти никогда она их

не наказывала. «Что-то скажет Наталья Васильевна» - этого было достаточно, чтобы тотчас стали иными всякий шалун или шалунья.

За этой постройкой заворачивала другая, в которой находилась «слабосильная команда» под управлением Марьи Моисеевны, бывшей горничной тети. Это были полукалеки, плохо видящие, однорукие и т. п., из тех, что составляют обузу и часто очень страдают в крестьянских семьях, особенно если хозяин не на высоте положения или сам плохой человек. Случайно узнав о тяжелом таком положении и убедившись в его безвыходности, Карамзины не могли не изъять такого человека из враждебной ему среды и не приютить у себя.

Еще тянулась в другую сторону пристройка. Это была небольшая богадельня для старух, случайно очутившихся на пути Карамзиных. Совсем одинокие, слабые, наполняли они отведенные им комнаты.

Однажды при нас пришли в сад, где мы сидели после обеда, доложить, что привезли попадью. «Какую попадью? Откуда?» - «Откуда-то издалека. Говорят, что привезли к вам. Не возьмете ли?»

Тетя, очень удивленная, встала и пошла к воротам, где в хорошей телеге, на сене лежала почтенного вида старушка.

«Вот, сударыня, - рассказали двое сопровождающих ее, - это с нашего села матушка. Батюшка наш, старичок, помер. Сыну бы получить его место, да и того Господь прибрал. Назначили к нам другого священника - издалека - много семейного. Житья нет у него старушке».

Привезенная вдовица только кивала головой в знак согласия со всей этой скорбной повестью, и слезы струились у нее по щекам. «Да оттуда-то, из села, верст за 60 от вас. Да наслышались мы об вашей милости. Думали, не покинете вы несчастливую». - «Нет, говорит тетя, - это невозможное дело. Мы и не знаем вас. Как же это так: взять незнакомого человека? Да и верно ли вы все рассказали?» - «Матушка, да ведь не за горами

наше село. Извольте навести справки - все сущая правда. А у вас и богадельня есть». - «Во-первых, богадельня полна, а затем, не могу же я поместить вдову священника среди крестьянок. Может быть, неприятных ей, старухе... Нет, это невозможно. Отдохните до завтра, а завтра пораньше поезжайте лучше к себе обратно, чтобы доехать до вечера».

Тетя вернулась, рассказала все это мужу и задумалась. Через несколько времени она обратилась к мужу: «К чему нам раздевальная комната около нашей бани? Ведь у нас ванна, и мы раздеваемся близ нее. А в раздевальне можно было бы все отлично устроить для этой пощады»,

Сказано - сделано. Все охотно принялись за работу. На другой день комната была готова, старушка помещена в ней, и восемь лет прожила она еще у Карамзиных, ежечасно молясь и благословляя Бога милосердного за то, что так успокоил ее одинокую старость.

Для понимания их жизни скажу, что хотя детей у Карамзиных не было, но как раз в то время, когда материальное положение их так улучшилось, оказалось, что трое их троюродных племянников - также Карамзиных - остались круглыми сиротами. Тотчас явился к ним совершенно незнакомый им родственник и переселил их в Макателем, их полюбили, окружили заботой. Со временем старшего, Александра, поместили в гимназию, второго, Володю, - в кадетский корпус; третий, маленький Коля, остался гораздо дольше у них.

Затем две дочери близкого родственника Александра Николаевича, отданные на воспитание нашему священнику в Женева, О. Петрову, пришли в возраст, и неудобно было их оставлять в Швейцарии. Карамзины им предложили приехать жить с ними. Помню, как и к нам в деревню они приезжали так - целой семьей. Девушки были очень умные, воспитанные и были совсем как родные дочери Карамзиных.

Настроение и вся духовная жизнь Карамзиных никогда не изменялись, но материальное положение их через несколько

лет снова ухудшилось. На этот раз они не были этому причиной. Все железное производство в России испытывало тогда глубокий кризис.

Помню, как дядя приезжал в Петербург с проектом сделки с Министерством государственных имуществ. Хлопотал, имел, конечно, доступ в высшие учреждения, но решился, наконец, бросить свои хлопоты. «Вижу, что проект мой мог бы осуществиться, если бы он кому-нибудь здесь принес большую пользу, но спасти наши заводы, ничего не потеряв, но и ничего не получив за это, - никого не интересует. Впрочем, - прибавил он, - обещают, что скоро будет изменение таможенного тарифа и что все мы тогда оживем».

В следующие годы их жизни я досуживалась иногда летом предпринимать путешествия в Макаелем. Эти путешествия были нелегкие, но с детства дороги моему сердцу. Ехали мы по железной дороге до Рыбинска, затем по Волге до Нижнего, затем на почтовых 150 верст до Арзамаса и еще 30 верст до Макаелема уже на карамзинском экипаже и на их лошадях. Общее настроение у них снова было идеальное, хотя материальные средства становились почти ничтожными. Из-за этого больницы, школы и, главное, богадельня на 70 человек были переданы земству.

Это был год борьбы земства с правительством. Все права, дарованные для самоуправления, были недостаточны. Старые заветы должны были все быть попорчены - всякое наблюдение за правительственным расходом общественных сумм принималось за оскорбление общественных деятелей. Уроки религии едва допускались в школах. Каково было это видеть сыну историографа Карамзина, унаследовавшему высокий патриотизм своего отца. Проникнутый той же любовью к нашей великой святой Руси, он боготворил память отца, вполне понимал его мысли и взгляды, - он знал, что Николай Михайлович Карамзин еще в 1815 г. умолял императора Александра I не присоединять к своему царству Польшу и Варшаву - предоставить

Австрии владеть ими, а к нам присоединить Галицию, родную нам и нашему народу.

Судьбы Божии неисповедимы, и суждено было нам пережить все испытания, навлеченные тогдашним разделом Польши. Но Александр Николаевич был, прежде всего, христианином. Всякое испытание считал для себя ниспосланным свыше, и путь был для него всегда ясен. И теперь, что значат люди, захватившие в свои руки его начинанья и пытающиеся, по его мнению, их исковеркать, - он с ними не ссорился, как всегда отличался полным спокойствием и шел своей дорогой и все время, по мере своих сил, проводил то, что считал полезным для народа и для дела.

Он был тогда ардатовским предводителем дворянства. С величайшим терпением председательствовал на земских собраниях - выслушивал речи красных деятелей. Крестьяне же, столько лет его знавшие и проникнутые уважением к нему и его словам, всегда были готовы поддержать его мнение. Да и само дело большей частью показывало практичность их.

Своих денег Александр Николаевич не жалел, но всегда горячо отстаивал народную копейку от излишней траты. Большую бучу подняла, однако, на собрании предложенная совсем неожиданно мысль его, - следя так близко за положением больных в их больницах, он и Наталья Васильевна страдали, видя плохой уход за ними сиделок, взятых среди крестьянок, шедших на эту должность не по призванию, а единственно по нужде. В Нижегородской же губернии, как известно с давних времен, существует очень много женских монастырей. Часто монахинь в нем насчитывают сотнями и доводят до тысячи. Карамзины через викария московского преосвященного Леониды довели свою просьбу до известного митрополита Филарета - о принятии в рассуждение возможности дозволить монахиням, желающим предаться этому труду, ухаживать за больными в больницах, находящихся в селах и деревнях.

Довольно долго шла переписка об этом, но результат ее был благоприятен: высокопреосвященный митрополит не считал нужным запретить это начинание. И вот в больницах, где Наталья Васильевна была попечительницей, сиделки были заменены монашками.

Не знаю, была ли эта замена осуществлена в других больницах, но в карамзинских и ардатовских перемена была разительна. Обращение с больными из грубого стало ласковым и внимательным, одним словом, совсем в карамзинском духе.

В начале 80-х гг. Александр Николаевич стал ощущать первые признаки сердечной болезни.

Летом я была у них. Все шло по-прежнему, только средства самих хозяев стали самыми ограниченными.

Будущность Макателема стала очень озабочивать Александра Николаевича, и он стал просить свою племянницу, графиню Клейнмихель, рожденную Мещерскую (сестра его отца, Екатерина Михайловна, была замужем за князем Петром Ивановичем Мещерским), приехать к ним, чтобы ознакомиться с Макателемом и решить, согласна ли она получить его в наследство со всеми лежащими на нем долгами. Несколько лет перед этим графиня получила очень большое наследство от брата Александра Николаевича - Владимира Алексеевича Карамзина, женатого на Александре Николаевне Дука, которая скончалась бездетной. Она оставила все свое состояние своему мужу в полную собственность.

Несколько раз графиня собиралась исполнить просьбу дяди, но, будучи слабого здоровья, то уезжала лечиться за границу, то не чувствовала себя в силах предпринять это трудное путешествие из Курской губернии, где находилось полученное майоратное имение.

В 1887 году лето было, в начале его, особенно дождливое, дороги стояли ужасные, местами даже непроездные. И вот в конце июня Карамзины получили телеграмму, что графиня решилась теперь же ехать к ним с четырьмя детьми, привержен-

ной гувернанткой и прислугой и просит подо всех них выслать к такому-то числу экипажи в Нижний Новгород!

Можно себе представить, какой поднялся переполох. Телеграммой же было отвечено, что «счастливому приезду рады», но предупреждают, что дороги испорчены дождями. Получили ответ: «Радуемся свиданию, выезжаем!»

И вот в назначенный день приезжают эти дорогие гости, удивленные состоянием «Большого тракта», но здоровые, довольные, и тот час погружаются во все подробности макателемской жизни. Это пребывание продолжалось три недели. Графиня вникала в интерес всей жизни ее родственников и в Макателеме, и на заводе. Дети ее учились и играли и делили занятия и веселье приютских детей. Пили чай и угощались; дети играли и веселились - пора было и расходиться. «Ну теперь, - сказал Александр Николаевич, - закончим наш праздник гимном за царя». Он встал и стал дирижировать хором. Приютские дети хорошо пели и три раза очень стройно пропели стоя наш дорогой гимн. Все были проникнуты общим, чудным настроением и под этим впечатлением возвратились домой. Тетя, уставшая от всего дня, пошла к себе прилечь и отдохнуть до ужина. Дядя с графиней перешли в кабинет, и он просил ее сказать ему откровенно, каково ее впечатление от этих трех недель их пребывания в Макателеме. Надо было знать, поняла ли она и финансовое положение Макателема, и согласна ли она взять его на себя. Графиня ответила, что сам Макателем им страшно понравился. «Обещаю вам, дорогой дядя, что заветы ваши не будут позабыты. Все будет сохранено и вестись как при вас и дорогой тете и в вашем духе. Я счастлива, что мои средства позволяют мне за это взяться, и чувствую, что мы уже полюбили и будем беречь и любить Макателем и все дорогие ваши учреждения».

Дядя был очень счастлив, благодарил ее от всего сердца, и они разошлись. Он пошел в свою комнату, но, умывая руки перед ужином, почувствовал себя плохо и сильно позвонил.

Наталья Васильевна быстро приготовила лекарство и понесла его в галерею, куда прошел муж между тем. Он сидел в своем кресле. Она подала ему капли. Он немножко отпил их, но вдруг встал во весь рост, взглянул на образ Спасителя, перекрестился большим крестом, сел, опустил голову на грудь, и все было кончено.

Прибежала графиня, все собрались, но его уже не было. Душа его уже отлетела к тому, кому он посвятил всю свою жизнь, по воле кого шел всякий день, точно прислушиваясь к этой воле. И спокойно, бодро и в радости, и в горе неизменно следовал его заповедям.

Что только было в Макателеме - да и не только в Макателеме - за десятки верст - две, три недели сряду шел народ к нему на поклоненье, на прощанье, на молитву - панихиды, службы целый день.

Вот, можно сказать, «тропа народная не зарастала». Так глубоко понял и оценил Александра Николаевича народ русский.

И, не помню, 10-го или 14 октября получила я телеграмму о тихой кончине тети.

До 1917 г. графиня Клейнмихель свято исполнила данное Александру Николаевичу обещание. Но сохранилось ли дело Карамзиных там, на месте? Никто из нас в настоящее время этого не знает.

Дай бог, чтобы сохранилось!

В. Е. РАЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

(фрагмент)

В мое время в школе Ступина из самых лучших и талантливых учеников были двое: Григорий Мясников и Николай Михайлович Алексеев. Эти двое очень хорошо рисовали и славно писали красками. Еще был Кузьма Александрович Макаров, он не был учеником Ступина, но его Ступин нанимал для писания иконостасов. Макаров имел практику в красках, писал скоро и хорошо, знал отлично перспективу. Он был прежде крепостной, кажется, г.Кашкарева. Потом Макаров получил свободу и поступил в Пензу в училище учителем рисования и открыл у себя маленькую школу живописи. Сын его, Иван Кузмич, теперь прекрасный портретист и живет в С.Петербурге.

Учитель мой, Григорий Мясников, кроме того, что был прекрасным художником, но и имел милую нежную душу и светлый ум. Все его любили, и я привязан был к нему душой, и он меня любил. При школе Ступин имел порядочную библиотеку. Мясников был ее библиотекарь. Он много читал и меня заохотил читать книги и выбирал их для меня самые полезные. Помню первое, что он мне дал, это были Овидиевы превращения, которые я читал с восторженным увлечением. До чтения Овидиевых превращений я ни малейшаго понятия не имел ни о каких поэтах, но тут для меня раскрылся совершенно новый мир, весь светлый Олимп с своими благодатными богами. Природа как бы одушевлялась в моих глазах, во всяком предмете мне подразумевалось скрытое божество. Я стал жить в мире фантазии.

Мясников был доволен, что я увлекаюсь этим чтением. После Овидия дал читать книгу Аполлодора, тоже о богах. Потом Геродота, Диадора Сицилинова, Иосифа Флавия, путешествие Антенара, Анахорсия, Кади и Гармония, путешествие

Телемаха. (Потом читал книги по естествознанию славного д.Ламберта, Бюффона.) Так года три-четыре постоянно завлекаясь новым чтением под руководством Мясникова, я ощутил великую пользу в чтении естественных книг.

Мясников хотел учить меня грамматике, но его преждевременная смерть лишила меня этого счастья. Мясников писал стихи и всегда дарил их, но моя кочевая жизнь растеряла их все, лишь несколько отрывочных стихов сохранилось в памяти. Вот оне:

*«Чародейка старина
Уж не кажет в нас утех,
Все оне охоронены,
В устах умер прежний смех,
Лишь унынье, житель хладный,
В сердце у меня живет,
И унылаго отрадной, темный глас
В гроб зовет...
И луна тот холм осветит,
Где сокрыт мой будет прах,
Тень блуждающую приметит
Робкий путник в тех местах».*

Эти стихи последнего времени его жизни. История его жизни печальна и трагична. Кончилась она ужасно, несчастных причин столпилось много. Он учил рисовать дочь Ступина Клавдию Александровну и влюбился в нее. Ступин хотел Мясникова выкупить от его господина Гладкова, но этот помещик был зол и свиреп, и слышать не хотел, чтобы дать свободу Мясникову, и засек до смерти его отца, когда об этом узнал Мясников, это известие погрузило его в беспредельную грусть. Он не выдержал этого положения и застрелился.

За четверть часа до его смерти я встретился с ним на лестнице. Он шел из спальни вниз, а я наверх отдохнуть, лицо его было до крайности печально. Он взглянул на меня с особенным чувством, но не сказал мне ни слова. Я взошел в общую нашу

спальню, подошел к окну и, думая о Мясникове, подошел к моей постеле и увидел на моем столике записку, читаю: «Прощай Васенька, я умираю за свободу», и в один момент я понял все – и печальный вид, и взор прощальный. Со мной сделалась лихорадка. Я весь лишился чувств и ноги подломились, не могу бежать, в комнате никого нет, сообщить некому, но, собравшись с духом, побежал в мастерскую, не встречу ли его там. Вдруг выстрел. Я понял значение его и едва мог добежать до кабинета Александра Васильевича, и не мог вымолвить ни одного слова. Отдал ему роковую записку. Он болезненно вскричал: «Гришенька!» - и бросился в мастерскую, расстроенным голосом спрашивает учеников – где Гриша?

Все слышали как-будто выстрел, но приняли этот звук за что-то упавшее. Все выскочили, начали искать Гришу – кто в саду, кто в галерее. В здании галереи наверху стояли пустые комнаты, где жил сын Ступина, в то время он был в Петербурге. В эти комнаты нашли запертую дверь изнутри, начали стучаться – не отвечают. Поставили к окошку лестницу и увидели Гришу, лежащего с разможенной головой и пистолет возле его.

Все мы плакали и наш добрый Александр Васильевич плакал вместе с нами. Он не велел отпирать дверь к покойнику и сей час поехал к городничему. В то время городничим был в Арзамасе Бабушкин, великий друг и приятель Александру Васильевичу, а в добавок и кум. Не замедлил приехать городничий с чиновниками и полицейскими солдатами. Отперли дверь, осмотрели покойника Гришу. Александр Васильевич отдал городничему записку, которую Гриша писал ко мне. Городничий стал меня допрашивать – не знал ли я о намерении Григория лишить себя жизни. Спрашивали и всех учеников школы – никто не знал о его намерении. Городничий приказал полиции тот же вечер похоронить мертвеца. Солдаты привезли гроб, уложили в него Гришу и повезли за город. Версты за две в поле. Пошли и мы несколько учеников провожать дорогого любезна-

го товарища и друга, которого весь свет должен любить. Гриша был достоин этого.

Пришли на место, где должен был похоронен Гриша. Полицейские солдаты начали рыть могилу. Когда она была готова, мы все поклонились гробу и солдаты на веревках опустили гроб, засыпали его землей. Эта вся работа происходила при свете фонаря. Мы все поклонились могиле, пожелав усопшему вечного покоя, и пошли домой.

КОММЕНТАРИИ К III РАЗДЕЛУ

Николай Николаевич Шипов

Печатается по изданию: Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века/ Вступ. статья, сост. В.А. Кошелева; коммент. В.А. Кошелева, Б.В. Мельгунова и В.П. Бударагина. М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 784 с., ил.

Первая публикация: Рус. Старина. 1881. № 5. С. 133 – 148; № 6. С. 221 – 240; № 7. С. 437 – 478; № 8. С. 665 – 678; № 9. С. 137 – 162. Автограф не обнаружен.

Публикация сопровождалась примечанием редакции, в котором раскрывались обстоятельства ее появления:

«1 декабря 1877 г. бывший крепостной крестьянин, ныне херсонский мещанин Н.Н. Шипов представил, через посредство А.Н. Труворова, в редакцию «Русской старины» автобиографию, в рукописи, под заглавием «История моей жизни и моих странствий», которая выше и напечатана. Рукопись Шипова, убористого писарского почерка состоит из 175 листов обыкновенной писчей бумаги и заключает в себе рассказ о своей жизни автобиографа со дня его рождения по 1862 год включительно. События своей жизни автор излагает в хронологическом порядке, год за годом, местами – день за днем, так что рассказ его представляется в виде хроники или дневника.

В конце 1863 года Шипов представил свою рукопись в Императорское русское географическое общество, которое присудило за нее автору серебряную медаль. Член-сотрудник этого общества А.Н. Труворов в отзыве своем об автобиографии Шипова, указав на главные ее достоинства, в заключение говорит, что «рукопись Шипова заслуживает внимания и сама по себе, как произведение крестьянина-самоучки, передающего все виденное и испытанное им без малейших прикрас, со всеми достоинствами и недостатками, свойственными умному и наблюдательному простолюдину» (Отчет Императорского Рус-

ского географического общества за 1864 г. Прил. III. С. 101 – 103).

В громадной рукописи Шипова наряду с рассказами, не лишенными интереса и значения для знакомства с тяжкими условиями быта русского крестьянства пережитого времени, содержится довольно много подробностей, не имеющих значения ни в историческом, ни в народно-бытовом отношении или по их общеизвестности, или по сомнительной достоверности, или же потому, что касаются фактов частной обыденной жизни автора; при этом изложение событий страдает растянутостью, излишними подробностями, повторениями и т.п. Ввиду этого редакция «Русской старины» сочла необходимым значительно сократить рукопись Шипова, каковой труд, с согласия автора, и поручен был Н.М. Востокову. В таком сокращенно-исправленном виде автобиография Шипова и напечатана.

Как видно выше, рассказ Шипова оканчивается 1862 годом. Из последующей за тем жизни его следует упомянуть о том, что он, будучи уже преклонных годов, совершил в 1866 году вторичное путешествие в Иерусалим; в 1868 году отправился в Ташкент, где прожил до 1876 года, когда возвратился к родным своим в Нижегородскую губернию. Во время печатания автобиографии, в 1881 году, Николай Николаевич Шипов находился в С. Петербурге. Ред.»

В Описи делам нижегородского уездного полицейского управления В.И. Снежневского, напечатанной в первом томе НГУАК, содержится уникальная информация. Под 1839 годом в деле № 565-3183 сообщается: «О побеге от помещика Салтыкова, из Выездной Слободы, арзамасского уезда крестьянина Николая Шипова». (Действие НГУАК, том первый. - С. 320).

Матвей Егорович Николаев

Печатается по изданию: Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века/ Вступ. Статья, сост. В.А.

Кошелева., коммент. В.А. Кошелева, Б.В. Мельгунова и В.П. Бударagina. М.: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 656 – 679. Воспоминания Матвея Егоровича Николаева записаны со слов автора.

Борис Александрович Ребиндер

Печатается по изданию: Памятники Отечества, № 2 (20), 1989, с. 94 – 99.

Борис Александрович Ребиндер – человек сложной судьбы. После октября 1917 года он вместе со своими родителями оказался в эмиграции. Работал инженером. Получив пенсионное содержание, стал заниматься языкознанием. Автор ряда научных трудов по этой теме, теперь хорошо известных специалистам. Присланные им воспоминания об одном из российских имений являются интересным историческим материалом, составленным автором со слов своих соотечественников, переживших трудные годы на чужбине, но сохранивших светлые чувства к своему Отечеству. В 1988 году Б.А. Ребиндер скончался во Франции.

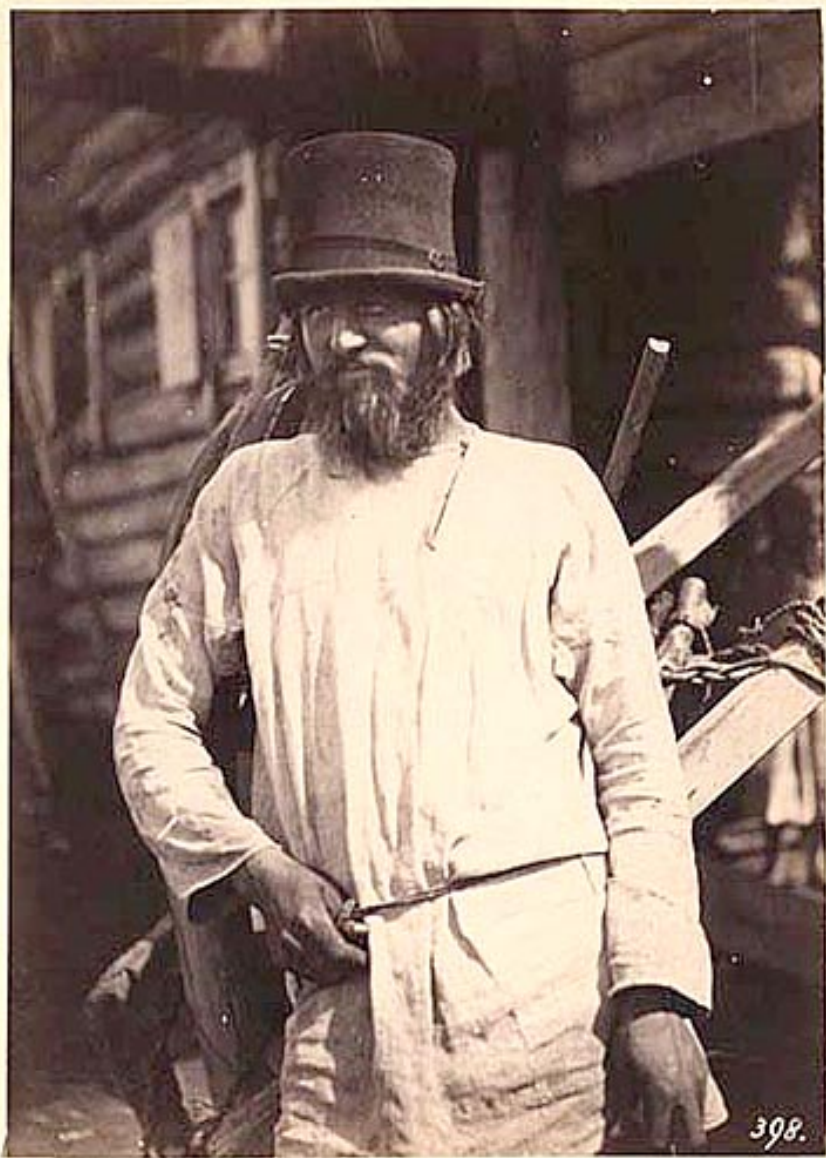
Василий Егорович Раев

Печатается по изданию: Филатов Н.Ф. Арзамасская школа живописи академика А.В. Ступина. К 200-летию открытию школы посвящается. – Арзамас: АГПИ, 2002. – С. 126 – 129. (Материал заимствован из следующего архива: ГПВ ОР. Ф. 178. Д.М. 6498. 2-а. Тетрадь 1-я).

Раздел IV

Нравы и обычаи нижегородского барства

П.И. МЕЛЬНИКОВ

СТАРЫЕ ГОДЫ

Рассказ

Довелось мне раз побывать в большом селе Заборье. Стоит оно на Волге. Место тут привольное.

Это гнездо угасшего рода князей Заборовских. Теперь оно принадлежит разбогатевшему откупщику Кирдяпину, родитель же его некогда был поднощиком в Разгуляе. А Разгуляй - любимейший народом кабак в селе Заборье: стоит он между пристанью и базаром, место веселое, бойкое.

Местность в Заборье живописная. Крутой, высокий берег Волги тут перемежается, образуя обширную, покатую к реке ложину, в ней построено Заборье. Там до десятка златоглавых церквей, сорок либо пятьдесят двухэтажных каменных домов, больше тысячи деревянных, городской постройки, обширный гостиный двор, несколько фабрик и заводов: всюду кипучая деятельность. По волжскому берегу тянется длинный ряд амбаров для складки хлеба и других товаров, у пристани стоит не одна сотня барок, расшив, ладей, паузков и других разной величины парусных судов. Поодаль, у особой пристани, устроенной в Кривоборском затоне, дымятся пароходы. В стороне мель, на ней обсохшая коноводка.

И справа и слева тесно застроенного и шумно оживленного Заборья великанами высятся крутые горы из красного

мергеля. На одной красуются величественные храмы XVII века, украшенные снаружи стенописью, увенчанные золотыми шатрами и куполами. Вместе с громадными двухэтажными зданиями они обнесены зубчатыми белокаменными стенами, высокими, башнями и бойницами. Ни казанские татары, ни лисовчики, ни сообщники Разина не могли взять тех твердынь, хоть не раз пытались овладеть Заборским монастырем, зная о сокровищах, в нем сохранявшихся. Теперь не то, теперь здесь тихое и безмятежное пристанище немногих иноков, просторно разместившихся по уголкам громадных келий, где в старые годы тесно было жить многочисленной братии и толпам слуг и служебников Заборской обители.

По другую сторону Заборья высятся на горе палаты князей Заборовских. Величественный дворец, строенный в прошлом столетии по плану Растрелли, окруженный полуразвалившимися флигелями и службами, господствуя над Волгой и Заборьем, угрюмо смотрит на новую, развившуюся под его ногами деятельность. Запустелый, обветшалый, точно переглядывается он с древними зданиями монастырскими. Ведут меж собой каменные старцы беззвучную беседу о суете мирской, что внизу гулом тысячи голосов и звуков дает знать о себе, о прихвосте места и о довольстве народа. Ведут угрюмые старцы беседу, а сами будто сокрушаются, что минули старые годы, когда наверху былолюдно и шумно, а внизу говорить громко не смели.

Исправник предложил мне показать заборский дворец, но нескоро добился ключей. Трое дворовых, приставленных для охраненья гнезда угасших князей Заборовских, рассчитав, что злонамеренные люди не украдут вверенного им здания, отправились на пристань шить кули, чтоб, заработав по пятиалтынному у брата, провести веселый вечерок в Разгуляе.

Покамест сотский их отыскивал, мы пошли в сад. Сад огромный, версты на полторы, тянется он по венцу горы, а по утесам спускается до самой Волги. Прямые аллеи, обсаженные

вековыми липами, не пропускающими света божьего, походили на какие-то подземные переходы. Местами, где стволы деревьев и молодых побегов срослись в сплошную почти массу, чуть не ощупью надо было пробираться по сырым грудам обвалившейся суши и листьев, которых лет восемьдесят не убирали в запущенном саду.

Кой-где уцелели каменные постаменты, на них в старые годы стояли статуи. Известный богач прошедшего века, князь Алексей Юрьич скупил много статуй за границей и поставил их в своем Заборье. Куда после девались они, бог знает. Вот на одном постаменте уцелели буквы: «Iov... omnipoten...»¹, На другом ясна надпись; «Venus et Adonis»².

Повернув из главной аллеи в сторону, очутились мы перед глубоким оврагом, что, простираясь до самого волжского берега, разделяет сад на две части. Смелой аркой перекинут был через тот овраг каменный мост, на дне шумел родник, скрывавшийся в сочной густой зелени. За мостом каменный павильон - это Parc aux cerfs³ Заборья старых годов. Давно свалились его двери, давно вышиблены из окон его рамы, ветер да зимние вьюги свободно гуляют по комнатам, где чего-то ни бывало в старые годы!.. В одной комнате уцелели фрески, и какие фрески! Недюжинный маляр их работал. Вот Венера в объятиях Марса - хорошо сохранились свежие, роскошные перси и руки богини красоты, досадная улыбка безобразного Вулкана до сих пор мерещится мне, только что вспомню павильон заборский. На другой стене нагая Леда страстно прижимает лебедя, на третьей свеженькая нимфа лениво отталкивает обхватившего ее сатира, а на четвертой сладострастно раскинулась юная вакханка, и ее

Налитые негой груди.

Чуть прикрытые плющом,

---

¹ Юпитер... всемогущий... (лат.)

² Венера и Адонис (лат.).

³ Олений парк (франц.).

*И белее снега зубы
И пурпуровые губы -
Манят поцелуй...*

Плафон осыпался, но по сохранившимся остаткам заметно, что он изображал торжество Приапа... Сколько белобрысых Акулек и чернявых Матрешек перебывало здесь в качестве живых нимф и вакханок.

- Вон там был другой такой же павильон! - сказал исправник, указывая на груды кирпичных осколков, выглядывавших из лопушника, полины и черно были.

- Развалился?

- Нарочно сломали.

- Зачем?

- Да видите ли, что здесь болтают: князь Данила Борисович, годов тридцать тому назад, приезжал в Заборье и в том павильоне находку, слышь, какую-то нашел, да после того и приказал его сломать.

- Что ж он нашел?

- Да болтает народ... оно, может, и вздор, а все-таки намолвка идет, будто в том павильоне одна комната исстари была заложена, да так, что и признать ее было невозможно. А князь Данила Борисович тайно ото всех своими руками вскрыл ее.

- Ну?

- Ведь это одна намолвка, Андрей Петрович, а правда ли, нет ли, господь ведает. Клад, что ли, какой-то там нашли, только на стене, слышь, гвоздем было что-то нацарапано. Как только князь Данила Борисович прочитал, тотчас стену своими руками топором зарубил, а потом и весь павильон сломать приказал.

- Что ж такое там было?

- Чего здесь в старые годы ни бывало?.. Да вы изволили, конечно, читать «Удольфские тайнства» госпожи Ратклиф?

- Читал. А что?

- У нас по уезду старики-помещики говорят, будто госпожа Ратклиф те таинства с Заборья списывала. Правду ли, пустяки ль говорят, доложить не могу. А болтают.

- Скажите, пожалуйста, не осталось ли стариков, что жили в Заборье при князе Алексее Юрьиче?

- Где же? Помилуйте! Ведь князь-от Алексей Юрьич лет сто тому как помер. За пятнадцать лет до Пугачевщины скончался, считайте, сколько тому времени. Сын его, князь Борис Алексеич, и внук, князь Данила Борисович, подолгу здесь не живали, а княжна Наталья Даниловна и вовсе здесь не бывала. После нее имение за долги продано, теперь стало кирдяпинское. Старина и забылась. А долго-таки кое-что поддерживалось... Вот и я еще помню псарню здесь, музыкантов, арапа старого да карлика - древний-на-древний был. Мало-помалу переводили все, а как вотчина к Кирдяпиным перешла, все пошло. Сами изволите знать, уж как оно ни на есть, а все чужое. Оттого и не жаль... Был здесь старик Прокофьич. Чуть-чуть его помню. Да вот уж лет сорок, как и он помер. Вот он так уж всю подноготную про здешние старые годы знал. Дожил до ста лет, а в молодые года при князе Алексее Юрьиче в стрелецких бывал. Мне про того Прокофьича Валягин Сергей Андреич много рассказывал, управляющим здесь был. Посажен был на вотчину Сергей Андреич князем Данилой Борисовичем, умер при княжне. Славный был человек, хороший, умный такой. Он даже записывал все, что ни рассказывал ему Прокофьич. Видал и я у покойника такую тетрадку.

- Куда ж она девалась?

- У наследников, должно быть, коли на подвертку свеч да на пироги не извели. После Сергея Андреича две дочери-девушки остались, у них должна быть.

- А где его дочери?

- А как Сергей Андреич помер, уехали они к тетке по то в Херсонскую, не то в Костромскую губернию, хорошенько ска-

зять не могу. Слышно было, что замуж повышли, а за кого - тоже доложить не могу.

Между тем, сотский привел одного из хранителей заборовского дворца. Исправник приличным образом поругал его, посулил березовой лапши с ременным маслом и приказал отпереть дом.

Сыростью и затхлою гнилью пахнуло, когда отворили двери чертогов князей Заборовских. На каждом шагу из-под ног густая пыль поднималась, а ворвавшийся в растворенные двери поток свежего воздуха колыхал отставшие от стен и лохмотьями висевшие дорогие, редкостные когда-то шпалеры. Не грустью, не печалью веяло со стен запустелого жилища былой роскоши и чудовищного своенравия: будто с насмешкой и сожалением смотрели эти напудренные пастухи и пастушки, что виднелись на обветшалых дырявых гобеленах, а в портретной галерее потемневшие лики людей старых годов спесиво и презрительно глядели из потускневших резных рам. «Зачем вы зашли сюда, незванные гости? - будто спрашивали они. - Чего не видали... Вон ступайте, жалкие люди, мы вас не знаем, да и вам никогда не изведать нашей раздольной, веселой жизни, нашего буйного разгула, барских затей и ничем неудержимых порывов!...»

- Вот князь Алексей Юрьич! - сказал исправник.

Высокий, тучный князь стоял перед нами. Открытое лицо с римским носом и выдавшеюся вперед нижней губой выражало спесь непомерную и крутую волю, никогда и ни в чем не знавшую противоречия. Князь улыбался, но улыбка лукава была и коварна. Вот-вот сейчас нахмурится это высокое чело, и хитрые, слегка прищуренные, черные глаза заблестят неукротимым гневом. Рядом стоял портрет статной высокой женщины в желтом атласном помпадуре с черными кружевами. Лицо было прекрасно, в глазах много ума, но тихая затаенная грусть виднелась в них. Немного радостей, должно быть, видела она на веку своем!

- Это княгиня Марфа Петровна,- сказал исправник,- супруга князя Алексея Юрьича.

Один портрет особенно поразил меня. В голубой робе на фижмах, с тонко и кокетливо перегнутою талией, стояла, вероятно, молодая женщина: прекрасная ее рука, плотно обтянутая длинною перчаткой, играла розою. Но лицо, все лицо было густо замазано черною краской.

- Это что значит? - спросил я у исправника.

- А господь их знает, должно быть, не похожа была.

- Однако ж что у вас про это толкуют?

- Да говорить-то много говорят. Сказывают, что это первая супруга князя Бориса Алексеевича. В замужестве, слышь, недолго находилась, а взята была откуда-то издалека. Только что молодые успели, слышь, сюда к отцу приехать, князь Борис Алексеевич на войну ушел, супруга его стосковалась, в полк к нему поехала, да на дороге и померла. А скоро после того и сам князь Алексей Юрьич помер. Говорят, будто по смерти молодой княгини очень он тосковал... Пошел, слышь, раз в портретную один да и упал без памяти перед этим портретом. А как в чувство пришел, велел замазать лицо. И как замазали, на другой же день богу душу отдал, А другие говорят, что хлебнул чего-то. С мышьячком, должно быть, потому что перед смертью он ведь под суд попал...

В кабинете на стене висела писанная на пергаменте родословная. Похвально поступили господа Кирдяпины, оставив чуждый им пергамент в запустелом жилище князей Заборойских. Будто живой повествователь об угасшем роде, он здесь на своем месте.

Вот у корня родословного древа красуются имена Гедмина литовского, Монтевида керновского, Любарта волынского. Вот князь Минигайло Зимовитович - Приехал он в Москву на службу к великому князю Василию Дмитриевичу, крещен самым митрополитом Фотием и прозван князем Заборовским. И пошел от него ряд бояр, воевод и думных людей: водили Забо-

ровские московские полки на крымцев и других супостатов: бывали Заборовские в ответе¹ у цесаря римского, у короля швейского, у польских панов Рады и у Гаванских статов; сиживали Заборовские и в приказах московских; были Заборовские в городских воеводах, но только в городах первой статьи: в Великом Новгороде, в Казани или в Смоленске... А вот сын окольничего князь Юрий княж Никитич Заборовский, уже бритый, сидит оберштер-кригс-комиссаром в кригс-комиссариатской конторе военной коллегии... Скончался в Питербурх-городке после попойки с голландскими матросами и знатными персонами из российского шляхетства...

Единственный его сын, князь Алексей Юрьич, большой службы не сослужил, а в случае бывал. При Петре Великом ходу ему не было, потому что в дело не годился, зато ловкий князь после умел навестать и взять свое: вовремя подбил к Меншикову, вовремя вошел в дружбу с молодым Долгоруковым, вовремя съездил в Митаву на поклонение Бирону, вовремя перекинулся к Миниху, вовремя сблизился с Лестоком. И когда правительственные перемены сопровождались казнями и ссылками, благополучие князя Алексея Юрьича оставалось неизменным: чины и деревни летели к нему при каждой перемене.

Нельзя сказать, чтобы он был человек умный: образование получил плохое, от природы был коварен, тщеславен, к тому же был великий мастер лгать и хвастать непомерно. При Петре Великом приходилось ему сдерживать свой неукротимый нрав, в то время мог он давать полную волю одной только страсти - бражничанью. Много тогда было важных людей, сбивших бороды, надевших немецкие кафтаны, но оставшихся верными той стороне русской народности, про которую еще равноапостольный Владимир сказал: «Руси есть веселие пития». Но напиваясь, под защитой вельможных бражников, князь Алексей Юрьич вел себя так увертливо, что ни разу

---

¹ В послах.

не отведал родительского наставления от петровской дубинки. Не понимая и не сознавая важности дела сближения русского общества с Европой, Заборовский полюбил, однако, общество иностранцев, в особенности близок был с венским резидентом Гогенцоллерном, с голштинским бароном Стамбкеном, с прусскими баронами Мардефельдами, а они, как гласит история, были горькие пьяницы¹.

Никогда князь Алексей Юрьич не был так доволен судьбой, как в короткое царствование Петра II. Хоть в то время было ему уж под сорок, но вошел он в тесную дружбу с даровитым, обаятельным, но беспутным юношей, князем Иваном Алексеичем Долгоруковым и был с ним все три года его могущества неразлучен. Князь Заборовский, под защитой всесильного кутилы, дал полную волю своему разгулу. Под прикрытием драгун, ровно сумасшедший, скакал он с князем Иваном по московским улицам, буйствовал днем, а по ночам нагло врывался в мирные семейства честных людей. Но когда Долгоруков девятилетней ссылкой и смертью на колесе платил за грехи молодости, ловкий князь Алексей Юрьич, ругая на чем свет стоит павшего собутыльника, с прекрасным аппетитом изволил кушать за роскошными герцога Эрнста-Иоанна Курляндского. Будучи знатоком в лошадях и проводя ночи в попойках с братом герцога, Карлом, был он в ходу при Бироне, достиг генеральского ранга и получил кавалерию Александра Невского... Но в 1743 году счастье повернуло к нему спину: сказано было князю Алексею Юрьичу ехать в свои деревни. Такую немилость современники объясняли близкими отношениями его к царице всех балов и ассамблей, графине Ягужинской, и дружбою с первой красавицей Петербурга, Натальей Федоровной Лопухиной. Под шумок поговаривали, будто Ягужинская в числе немногих принимала князя Заборовского во время своего таинственного затворничества, будто фавориту Натальи Федоровны, графу Рейнгольду Левенвольду, князь Алексей Юрь-

---

¹ Записка Дюка де-Лириа.

ич проигрывал в фаро огромные суммы, будто близок он был с венским резидентом, маркизом Боттой, будто раз на охоте арапником отдул самого Разумовского. Правда ли, нет ли - кто теперь разберет?..

Когда ветреных красавиц, приятельниц князя Заборовского, постигла плачевная участь, сам он хоть не совсем чист вышел из дела, но так сумел обделать делишки, что ему только велено было отправиться в свои вотчины для приведения в порядок расстроенных дел. Таким образом жив, здоров, невредим приехал князь Алексей Юрьич в свое Заборье; здесь он начал строить великолепный дворец, разводить сады и вести жизнь самую буйную, самую неукротимую. В деревенской глуши, в забытом уголке, никем и ничем не удерживаемый, он предался той жизни, что так по сердцу пришлась ему во дни могущества князя Ивана. Не только в Заборье, - по всей губернии все ему кланялось, все перед ним раболепствовало, а он с каждым днем больше и больше предавался неудержимым порывам необузданного нрава и глубоко испорченного сердца. Вскоре для князя не стало иной законности, кроме собственных прихотей и самоуправства... При таком состоянии человека до преступления один шаг, и князь Алексей Юрьич совершал преступления, но, совершая их, нимало не помышлял, что грешит перед богом и перед людьми. О последних-то, впрочем, он не заботился и, щедро оделяя вкладами монастыри, строя по церквам иконостасы и платя за молебны пригоршнями серебра, твердо уповал на божье милосердие. И до того дошел князь Заборовский, что рассказы про его жите-бытье в наше время кажутся страшной сказкой.

Женат был князь Алексей Юрьич на княжне Марфе Петровне, последней в роде князей Тростенских. Своим приданым увеличила она и без того огромное богатство князей Заборовских. Единственный сын их, князь Борис Алексеевич, крестник императрицы Анны Иоанновны, вахмистр гвардии в колыбели, двадцати лет уехал из Заборья в Петербург искать счастья. На-

ходясь с полком в каком-то захолустье России, влюбился он в дочь небогатого дворянина Коростина, женился на ней без родительского благословения и, за неимением наличных денег, приехал через год после свадьбы в Заборье, кинуться вместе с женой к стопам оскорбленного родителя. Ждали страшной грозы; дело кончилось благополучно. Молодая княгиня была так прекрасна, так была образованна, так умна, что с первого свидания умела растопить каменное сердце сурового свекра... Вскоре началась Семилетняя война; молодой князь Заборовский поспешил под знамена Апраксина, оставив в Заборье молодую жену. Стосковавшись по муже, поехала она к нему в новопокоренный Мемель, но умерла по дороге...

После войны вдовый князь Борис Алексеевич поселился в Петербурге, женился в другой раз и, прожив до 1803 года побарски, скончался от несварения в желудке после плотного ужина в одной масонской ложе. Целую жизнь, будто по заказу, старался он расстроить свое достояние, но дедовские богатства были так велики, что он не мог промотать и половины их, оставив все-таки три тысячи душ единственному своему сыну и наследнику, князю Даниле Борисовичу. Этот последний князь в древнем роде князей Заборовских как ни старался поправить грехи родительские, но не мог восстановить дедовского состояния. Впрочем, и сам он протирап-таки глаза отцовским денежкам исправно. С воронцовским корпусом во Франции был, денег, значит, извел немало; в мистицизм, по тогдашнему обычаю, пустился, в масонских ложах да в хлыстовском корабле Татариновой малую толику деньжонок ухлопал; делал большие пожертвования на Российское библейское общество. Душ восемьсот спустил понемножку. Дочь его, княжна Наталья Даниловна, как только скончался родитель ее, отправилась на теплые воды, потом в Италию, и двадцать пять лет так весело изволила проживать под небом Тасса и Петрарки, с католическими монахами да с оперными певцами, что, когда привезли из Рима в Заборье засмоленный ящик с останками княжны, в вот-

чинной кассе было двенадцать рублей с полтиной, а долгов на миллионы. Близких родственников у княжны не было, из дальних не оказалось ни в одном столь нежных родственных чувств к покойнице, чтоб воспользоваться Заборьем да кстати уж принять на себя и долгишки итальянские. Кончилось тем, что Заборье пошло под молоток. Сын подносчика в Разгуляе стал владельцем гнезда знаменитого рода князей Заборовских, а кредиторы княжны получили по тридцати пяти копеек за рубль...

О, Гедимины и Миниайлы! Как-то встретили вы последнюю благородную отрасль вашего благоцветущего корня - княжну Наталью Даниловну?.. Князь Алексей Юрьич! Вы-то, батюшка, ваше сиятельство, как изволили встретить свою правнучку?.. Ну, он-то разве пожалел только, что встретился с нею не в здешнем свете. Здесь-то бы он расправился...

Лет через пять после того, как был я в Заборье, в одном степном городке на верховьях Дона, по случаю, досталась мне связка бумаг, принадлежавших какому-то господину Благообразову. Они состояли большею частью из черновых просьб, сочинением которых, как видно, занимался господин Благообразов. Но, представьте, каково было мое удивление, когда, разбирая кипу, в заглавии одной тетради я прочел:

СТАРЫЕ ГОДЫ

Писано по словам столетнего старца Анисима Прокофьева с надлежащими объяснениями коллежским секретарем Сергеем Андреевым сыном Валягиным 17-го мая 1822 года в селе Заборье.

- Записки Валягина!

- Это, должно быть, тестя,- заметил случившийся на ту пору у меня один старожил того городка.- Благообразов-от на дочери Валягина был женат.

Вот «Записки Валягина».

I. РОЗОВЫЙ ПАВИЛЬОН

Вскоре по приезде нашем в Заборье, только что принял я в управление вотчину, пошел я поутру с докладом к князю Даниле Борисычу. Он был не в духе.

- Я, говорит, сегодня ни на волос уснуть не мог. Что это за вой был у нас на рассвете?

- Должно быть, на псарном дворе собаки зверя учуяли,- докладываю ему.

А князь спрашивает с неудовольствием:

- Разве, говорит, у меня есть псарный двор?

- Как же, говорю, псарня у вашего сиятельства хорошая; собак пятьсот борзых да сотни полторы гончих. Псарей и доезжачих при них до сорока человек.

- Как! - закричал князь, - шестьсот пятьдесят собак и сорок псарей - дармоедов!.. Да ведь эти проклятые псы столько хлеба съедают, что им на худой конец полтора ста бедных людей круглый год будут сыты. Прошу вас, Сергей Андреич, чтоб сегодня же все собаки до единой были перевешаны. Псарей на месячину, кто хочет идти на заработки - выдать паспорта. Деньги, что шли на псарню, употребите на образование в Заборье отделения Российского библийского общества.

- Слушаю, ваше сиятельство,- сказал я и тотчас же отдал приказ вешать собак.

Через полчаса приходит к князю древний старец. Лицо у него все сморщилось; длинные, по плечам лежавшие волосы пожелтели, во рту ни единого зуба, а черные глаза так и горят. Одет был он в старинный чекмень с золотым галуном, опоясан черкесским поясом.

- Я вековечный холоп вашего сиятельства, Анисим Прокофьев,- зашамкал старик,- а был, государь мой, первым стрелянным у вашего дедушки, у князя Алексея Юрьича.

- Здравствуй, здравствуй, старик, садись-ка, устал, чай! - говорит ему князь.

- Сидеть мне перед вашим сиятельством не приходится. А пришел я к вам, государь мой, челом ударить,

- О чем, Анисим Прокофьич?

- Да слышно, ваше сиятельство, что изволили на нас свой княжеский гнев положить.

- Я?.. Что ты, Прокофьич?.. В уме ли?

- Не мудрое дело, ваше сиятельство, и ума лишиться от такого бесчеловечия!.. Избить шестьсот шестьдесят восемь собак, ничем неповинных!.. Это дело, сударь, не малое!.. Ведь это все едино, что как царь Ирод неповинных младенцев избивал!.. Чем бедные собачки провинились перед вашим сиятельством? Ведь это не шутка: шестьсот шестьдесят восемь собак задавить!.. Надо ведь будет вашему сиятельству и богу на страшном судище ответ отдавать...

- Полно, старик, успокойся, перестань...- говорит ему князь.

-Чего мне перестать... Коль я не буду говорить, кто тебе скажет? - гневно вскричал старый стремянный.- Да как же тому стать, чтоб всех собак перевешать?.. Дедами, прадедами псарня установлена, больше ста годов держится, прошла про нее слава по всему, почитай, свету, и вдруг ни с того ни с сего разом перевести ее!.. Да от такого дела, князь Данила Борисович, кости твоих родителей во гробах повернутся, все твои деды, прадеды из гробов встанут, руки на тебя протянут, проклятье тебе изрекут. Знаешь ли ты, государь мой, что псарня-то наша со дней царя Петра Алексеича нерушимо стоит? За что ж ее порушить хотите?... Да ведь это роду вашему вечный покор, всему вашему княжому племени бесчестье, не говорю уж про то, что на совесть свою такое душегубство хотите принять!.. Собака-то, батюшка, тоже тварь божия, а в писании что сказано!..- «блажен иже и скоты милует». Идете, ваше сиятельство, супротив божией заповеди!.. И вот, сударь, ваше сиятельство, надел я на старости лет жалованный чекмень вашего дедушки - двадцать лет в сундуке лежал, думал я, что придется его только

в могилу надеть; вот, сударь, одел я и пояс черкесский, а жаловал мне этот пояс родитель ваш в ту самую пору, как, женившись на вашей матушке, княгине Елене Васильевне, привез ее в вотчину и в первый раз охоту своей княгиню изводил показывать: ни кто из наших не мог русака угнать, а сосед Иван Алексеич Рамиров уже совсем почти угонял, я поскакал, угнал русака и тем княжью честь перед молодой супругой сохранил... Власть ваша, князь Данила Борисыч, с места не сойду, покамест милости собакам не выпрошу.

- Да чего ж ты хочешь? - спрашивает у него князь.

- А того я хочу, ваше сиятельство, чтобы вы мне прежде голову приказали снять, а потом бы уж и собак вешать изволили. В этом чекмене, в этом поясе предстану я пред вашими родителями, дедами и прадедами, подведу к ним собачек, вами задавленных... А они-то, старики-то ваши, яко зеницу ока их берегли!.. Пусть же ваши родители судятся с вами на страшном суде за такое злодейство.. что не хотели вы уберечь родительского благословенья, пролили кровь неповинную!.. Дело мое, государь мой, старое, а порядки у вас новые, отпустите меня, ваше сиятельство, к господам моим: прикажите рубить голову, а там уж и собак вешайте.

От сильного волнения у Прокофьича дух занялся и ноги подкосились; он бы упал и расшибся, если б мы с князем его не поддержали. Без чувств вынесли старика из дома. Горячее заступничество девяностолетнего стремянною спасло на время собак. Псарный двор в Заборье был уничтожен лишь после смерти князя Данилы Борисыча и Прокофьича...

Князь полюбил старика, часто призывал его к себе и расспрашивал о старых годах. По несколько часов, бывало, просиживали они вместе.

Раз, вечером, после долгой беседы с Прокофьичем, послал князь за мной, требуя, чтоб я тотчас же явился к нему.

Я нашел князя сильно возволнованным.

- Сергей Андреич,- сказал он,- в состоянии ли вы несколько часов, вместе со мной, проработать ломом?

- Как проработать ломом, ваше сиятельство?

- Пробить каменную стену... Видите ль, Прокофьич сейчас рассказал мне один необыкновенный случай старого времени... Мне бы хотелось узнать: вздор болтает старик или правду говорит... Посторонних, особенно своих крепостных, в это дело мешать не годится... Будьте так любезны, Сергей Андреич, не откажите...

Я согласился, дал слово и спросил князя, что ж такое рассказывал ему Прокофьич?

- Э, да все это, может быть, еще вздор... Прокофьич, кажется, из ума стал выживать, рассказывает вещи несодержательные. А все-таки хочется удостовериться. Завтра, надеюсь, вы исполните данное слово.

Я повторил обещание, и князь тотчас же завел речь о хозяйственных делах, но занятый другим, вовсе не слушал слов моих. Наконец, отпустил меня.

- Так завтра? - сказал он, подавая руку.

- Слушаю, ваше сиятельство.

Таинственность предстоявшей работы, какое-то необыкновенное событие старых годов, волнение князя-все это до такой степени распалило мое воображение, что я всю ночь заснуть не мог. Чем свет присылает за мной князь.

- Пойдемте! - сказал он, когда я вошел в кабинет.

Пошел за ним. Князь отдал приказание, чтобы никто не смел входить в сад до нашего возвращения. Пройдя большой сад, мы перешли мост, перекинутый через овраг, и подошли к «Розовому павильону». У входа в тот павильон уже лежали два лома, две кирпичи, несколько восковых свеч и небольшой красного дерева ящик. Князь на рассвете сам их отнес туда.

В павильоне было пять или шесть комнат. Пройдя три, князь ударил в глухую стену и сказал:

- Здесь!

Мы принялись за работу; часа через полтора стена была пробита. Князь зажег свечи, и мы пролезли в темную, наглухо со всех сторон закладенную комнату.

Среди развалившейся и полусгнившей мебели лежал человеческий остов...

Князь перекрестился, заплакал и тихо проговорил:

- Упокой, господи, душу рабы твоея.

- Старик сказал правду! - прибавил он, немного помолчав.

- Что это? - спросил я, немного оправившись от первого впечатления.

- Грехи старых годов, Сергей Андреич... После все расскажу; теперь помогите собрать это...

Бережно собрали мы кости и положили их в ящик красного дерева. Князь запер его и положил ключ в карман. Когда мы собирали смертные останки, нашли между ними брильянтовые серьги, золотое обручальное кольцо, несколько проволок из китового уса, на которых кой-где уцелели лохмотья полуистлевшей шелковой материи. Серьги и кольцо князь взял к себе.

Утомленные трудом и сильными впечатлениями, вынесли мы ящик из сада.

- Сейчас же собрать человек полтора с ломами и топорами да нарядить пятьдесят подвод! - сказал князь бурмистру, проходившему через двор.

Я зашел в свой флигель умыться и переодеться. Когда пришел к князю, его не было в кабинете.

- Где князь? - спросил я попавшегося лакея.

- В портретную галерею прошли! - отвечал тот.

Там, запыленный, запачканный, как вышел из павильона, стоял князь перед портретом женщины, у которой по какой-то прихоти прежних владельцев лицо было замазано черной краской. Знакомый ящик стоял на полу перед портретом. Я взглянул на князя. Он плакал.

И рассказал он страшную повесть старого времени. Подробнее узнал я ее после от Прокофья...

Когда рабочие были собраны, князь приказал им сломать «Розовый павильон» до основания, а кирпич отвезти к строившейся тогда в Заборье церкви. Когда потолок с павильона был снят, мы еще раз вошли в ту комнату.

На стене чем-то острым было нацарапано: *1757 года октября 14-го. Прости, мой милый, твоя Варенька пропала от жестокости тв...*

- Топор! - вскрикнул князь, прочитав эти слова.

Подали топор. Князь быстро изрубил штукатурку.

- Живей ломайте! - торопил он рабочих. - Скорее, скорей!

К вечеру павильон был сломан.

На другой день чем свет подали карету. Мы сели вдвоем с князем и взяли с собой обернутый в черное сукно ящик.

- В монастырь! - сказал князь.

Там, в усыпальнице князей Заборовских, зарыли мы ящик с костями, а на другой день слушали заупокойную обедню и панихиду *о упокоении души рабы божией княгини Варвары*.

Через неделю князь Данило Борисыч уехал в Петербург. Больше мы с ним и не видались. Через три года он скончался. В духовном завещании не забыл ни меня, ни Прокофья.

Молва о таинственной работе нашей и о сломке павильона быстро разошлась по народу. Толковали, что князь в «Розовом павильоне» нашел целый ящик золота. Чтоб поддержать этот слух, он сам после рассказывал своим знакомым, что Прокофья открыл ему тайник, где князем Алексеем Юрьичем заложены были некоторые родовые драгоценности. Мы с Прокофьем ту же сказку рассказывали. Так все и уверились.

II. ПРОКОФЬИЧ

- Да, батюшка Сергей Андреич, - говорил мне однажды Прокофья, - в старину-то живали не по-нынешнему. В старину - коли барин, так и живи барином, а нынче что? Измельчал

все, измалодушествовалось, важности дворянской не стало. Последние годы мир стоит. Скоро и свету конец.

Совсем, сударь, другой свет ноне стал. Посмотришь - посмотришь, да иной раз согресишь и поропщешь: зачем, дескать, господи, зажился я у тебя на здешнем свете? Давно бы тебе пора велеть старым моим костям идти на вечный покой, не глядели бы мои глазыньки на годы новые... А все-таки, батюшка Сергей Андреич, мил вольный свет, хоть и подумаешь эдак, а помирать не хочется.

А уж так измельчало, так измельчало все, что и сказать невозможно. У барина, например, не одна тысяча душ, а во дворе каких-нибудь десять - пятнадцать человек - и дворней-то нельзя назвать. Псарня малая, ни музыкантов, ни песенников, а уж насчет барских барынь, шутов, карликов, арапов, скороходов, немых, калмыков,- так, я думаю, теперь ни у одного барина и в заводе нет; все стали ровно мелкопоместные. Я так полагаю, сударь, что теперь вряд ли где можно сыскать кучера, чтоб сумел карету цугом заложить. Все на парочках - ровно мелкого рангу, аль купцы какие... А ведь и в законе написано, что столбовому барину шестериком ездить следует. Да чего уж тут шестериком? - до такой срамоты дошли, что и сказать нельзя: заложат куцу лошаденку в каку-то чухонску одноколку, сядет лакей с барином рядом - сам руки крестом, а барину вожжи в руки. Смотреть даже скверно... Вот до какого унижения дошли!.. И хоть бы неволя нудила, ну, делать нечего,- так ведь нет: сами захотели... Просто, сударь, можно сказать - никакого благородства не стало, один бог знает, что это значит такое... До чего ведь иные дворяне дошли? Торговать пустились, на купчихах поженились, конторские книги сами ведут! Ну, сами умный человек, посудите ради Христа - дворянское ли это дело?.. Да хоть бы богатство от того какое получили; и того нет - все профуфынились, всяк должен век, а платежу нет как нет... Эх, встали бы дедушки да прадедушки, царство им небесное!.. Уж свели бы любезных внучков на конюшню, да, по старому

заведению, такую бы ременную масленицу в спину-то им засыпали, что забыли бы после того дурь-то на себя накидывать.

Хоть бы нашего князя Данилу Борисыча взять! Что ни говорите, беден он, беден, а все ж не одна тысяча душ у него найдется - стало быть, барин настоящий. А похож ли хоть маенько на барина-то? Ну, сами вы скажите - похож ли?.. В Москве в каком-то ниверситете обучался, с портными да с сапожниками там на одной скамье, слышь, сидел,- товарищем ихним звался. Ну, возможно ль сапожнику с князем в товарищах быть?.. Что же вышло? Сапожников да всяких других разночинцев не облагородил, а сам вокруг них холопства набрался. Хотя бы вот тогда приезжал он с вами в свою вотчину - что делал? Чем бы на охоту съездить, аль банкет сделать, бал, гулянку какую, - по мужичьим избам на посиделки почал таскаться, с парнями да с девками мужицкие игры играть; стариков да старух сказки заставлял рассказывать да песни петь, а сам на бумагу их записывал. Княжеское ли это дело?.. Старые книги да образа за большие деньги стал покупать. Кто ни скажет ему: вот, мол, ваше сиятельство, в такой-то деревне у такого-то мужика есть редкостная книга, - глазенки у него так и загорятся, так и забегают. В полночь ли – лошадей!... И поскачет, сломя голову, верст за тридцать либо за сорок к мужику за книгой. Курганы почнет копать, сам с мужиками в земле роется, черенки там попадутся аль жеребейки какие, он их в хлопчатку бумагу ровно драгоценные камни, да в ящики, да в Питер. Не видали, знать, там этакой дряни!.. Увидал раз нищего слепца, стоит слепец на базаре, Лазаря поет. Батюшки светы!.. Наш князь Данила Борисыч так и взбеленился, берет слепца за руки, сажает с собой в карету; привез домой, прямо его в кабинет, усадил оборванца на бархатных креслах, водки ему, вина, обедать со своего стола, да и заставил стихеры распевать. Тот обрадовался да дурацкое свое горло и распустил, орет себе как бурлак какой, а князь Данила Борисыч все на бумагу да на бумагу... Ну хорошее ли это, сударь, дело?.. Ведь грязью играть - только ру-

ки марать, дело это не княжеское. Три дня тот нищий у нас выжил, пил, ел с княжого стола, на пуховой постели, собака, дрыхнул, а как все стихеры перепел, князь ему двадцать рублей деньгами, одежи всякой, харчей, повозку велел заложить да отвезти до села, где он в кельенке при церкви живет. А сам-то после носится со стихерами: «золото, говорит, неоцененное сокровище!» Хорошо сокровище, нечего сказать! Просто сказать, ума лишился, и все тут.

Нет, сударь, в стары годы жили не так. В стары годы господа держали себя истинно по-барски, такую дрянь, как нищий слепец, на версту к себе не допускали. Знай, дескать, сверчок свой шесток. Компанию с ровней водили, другой хоть шляхетного роду, да не богат, так его разве только из милости в «знакомцы» принимали, чтоб над ним когда потешиться, аль чтобы в доме было полуднее. И должен был тот «знакомец» ходить по струнке, а чуть проштрафился, шелепами его на конюшне. Да иначе и не следует: как бы на горох не мороз, он бы через тын перерос. Так вот, сударь, как в стары-то годы жилали! А теперь что! Тьфу!

Хоть бы, например, при князе Алексее Юрьиче здесь в Заборье было!.. Подлинно, не жизнь, а рай пресветлый. Богатство-то, сударь, какое, изобилие-то какое было! Одного столового серебра сто двадцать пудов, в подвале бочонки с целковыми стояли, а медные деньги, что горох, в сусеки ссыпали: нарочно такие сусеки в подвалах были наделаны. Музыкантов два хора, на псарне не одна тысяча собак, на конюшне пятьсот лошадей верховых да двести езжалых; шутов да юродивых десятка полтора при доме бывало, опричь немых арапов да карликов. Шляхетного рода «знакомцев» из мелкопоместных, человек по сорока и больше проживало. Мужики ли, бывало, у кого разбегутся, деревню ль у кого судом оттягают, пропьяется ли кто из помещиков, промотается ли, всяк, бывало, в Заборье на княжие харчи. Опять барыни-приживалки, барышни: этих тоже штук по тридцати водилось. Уж именно дом был, как

полная чаша. А сам-то князь какой был барин! Такой, сударь, важности, что теперь, весь свет исходи, днем с огнем не сыщешь... И все-то прошло, все-то миновалось!.. Да, сударь, стары годы были годы золотые, были они, сударь, да и прошли, прошли и не воротятся. Красно лето два раза в году не живет!

А куда каково давно тому времени, как в Заборье-то было житье-бытье раздольное да привольное! Мне теперь десятый десяток идет, а в ту пору и тридцати годков не было, как батюшки-то нашего, князя Алексея Юрьича не стало. А скончаться изволил лет семидесяти без малого... Да я уж что за жизнь застал? Тогда уж князь-от в немилости был, в опале, то есть, а вот как, бывало, родитель мой - дай ему бог царство небесное, а вам добро здоровье - порасскажет про те годы, как князь-от Алексей Юрьич в настоящей своей поре был и в Питере «во-времени» находился, а в Заборье бывал только наездами, так вот тогда точно что жизнь была золотая, И умирать не надо было.

А батюшку моего покойника князь Алексей Юрьич изволил жаловать своей княжею милостью. Перво-наперво он у него в доезжачих находился, а потом в стремянные попал, да проштрафился однажды: русака в остров упустил. Князь Алексей Юрьич за то на него разгневался и тут же, на поле, изволил его из своих рук выпороть, да уж так распалился, что и на конюшне еще велел пятьсот кошек ему вклепить и даже согнал его со своих княжих очей: велел управляющим быть в низовой вотчине... Однако ж после того годов этак через пяток помиловал - гнев и опалу изволил сиять.

Вот как то дело случилось. Князь Алексей Юрьич на охоту по первой пороше поехал. Время стояло холодное, на Волге уж закраины, только самые еще что называется стекольные, значит, лед пятаком можно еще пробить. Ста полтора русаков заповелевали, за монастырем, на угоре, привал сделали. А гора в том месте высокая, что стена над Волгой-то стоймя стоит. Князь Алексей Юрьич весел был, радощен, потешаться изво-

лил. Сел на венце горы верхом на бочке с наливкой, сам целый ковшик изволил выкушать, а потом всех тут бывших из своих рук поил, да, разгулявшись, и велел доезжачим да стремянным резака делать. А чтоб сделать резака, надо под гору торчмя головой лететь, на яру закраину головой прошибить да потом из-подо льда и вынырнуть. Любимая была потеха у покойника, дай бог ему царство небесное! На ту пору никто не сумел хорошо резака сделать: иной сдуру, как пень, в реку хлопнется, - а это уж не то, это называется паля, и за то пятнадцать кошек в спину, чтоб она свое место знала и вперед головы не совалась. Другой, не долетевши до льда, на горе себе шею свернет, а три дурака хоть и справили резака, да вынырнуть не сумели: пошли осетров караулить. Осерчал князь Алексей Юрьич: «Всех, закричал, запорю до смерти!» За мелкопоместное шляхетство принялся, им приказал резака справлять. Те еще хуже: один и прошиб было головой лед, да тоже к осетрам в гости поехал.

Заплакал индо князь Алексей Юрьич, навзрыд зарыдал: таково ему стало горько и прискорбно.

- Видно, говорит, последние мои дни настают, что нет у меня молодца, чтоб резака сумел справить!.. Все равно бабы!.. А где, говорит, Яшка Безухой?.. Вот удалец-от: по три резака, бывало, сряду делывал.

А это он про батюшку-покойника изволил вспомнать. А батюшка-покойник и в самом деле безухий был. Лево-то ухо ему медведь отгрыз: раз как-то князь Алексей Юрьич изволил приказать батюшке с любимым своим медведем побороться, медведь, видно, осерчал да ухо батюшке и прочь, а батюшка-покойник не вытерпел да охотничьим ножом Мишку под лопатку и пырнул. У того дух вон. Так за то, что осмелился без спросу княжего медведя положить, князь Алексей Юрьич приказал для памяти батюшке - покойнику и другое ухо отрезать и прозвал его потом Яшкой Безухим. А батюшку-покойника все не Яковым, а Прокофьем звали.

- Где, кричит, Яшка Безухой. Подавай сюда Яшку Безухого!

Доложили, что Яшка Безухой под гневом находится пятый год, низовой вотчиной управляет.

- Давай сюда Яшку Безухого - он у меня на резаке не прорежется, как вы, шельмецы.

Поскакали за покойным батюшкой. Ну, Саратов - место не ближе: когда батюшку оттуда ко княжескому двору привезли, лед-от такой уж стал, что будь у покойника свинцовая голова, так и тут бы ему резака не сделать. Допустили батюшку до светлых очей князя Алексея Юрьича.

- Здравствуй, говорит, Яшка Безухой!

Батюшка в ноги; князь его пожаловал, велел встать.

- Что, говорит, резака завтра с того угора вальнешь?

- Можем постараться, батюшка, ваше сиятельство, надеючись на милость божию да на ваше княжеское счастье!- отвечал покойник родитель мой.

- Ладно, говорит, ступай на псарный двор. Жалую тебя сворой муругих.

А к утру вьюга. Да так поля засыпала, что охота совсем порошилась. Остался резак за батюшкой до другого ледостава. Зато уж какого же резака на другую-то осень он справил... И за такую службу его и за великое радение жаловал его князь Алексей Юрьич своей княжеской милостью; изволил к ручке допустить, при своей княжой охоте приказал находиться, красный чекмень с позументом пожаловал, на барской барыне женил, и сказано было ему быть в первых псарях. И до самой кончины князя Алексея Юрьича батюшка у него в самых ближних людях и в большой милости находился. А как я родился, князь Алексей Юрьич сам изволил меня от святой купели воспринимать, а восприемницей была Степанида-птичница, гайдука Самойлы жена. Тоже из барских барынь.

Подрос я, сударь, у батюшки на псарне, а как приехал князь сюда совсем на житье и мне шестнадцать лет исполни-

лось, изволил он и меня своей высокой милостью взыскать. На само светло Христово воскресенье, после заутрени, сказал свое жалование: велел в комнатных казачках при себе быть, есть с княжьего стола, а матушке-покойнице давать за меня месячину мукой, крупой, маслом, да по три алтына в месяц деньгами. В грамоту с прочими казачками меня отдали, драли, сударь, немилосердно, однако ж дьячок Пафнутий до своего дошел: грамота всем далась, цифирному делу даже маленько навыкли. А когда исполнилось мне двадцать годов, стали нас распределять по наукам: кого в музыканты, кого в часовщики, кого в живописцы, кого французскому учиться, чтоб с молодым князем с Борисом Алексеевичем в Париж отправить. Меня же, за многую службу матушки-покойницы и по ее великой слезной просьбе, по собачьей части князь определить изволил.

Было, сударь, мне лет двадцать с небольшим, как сподобил и меня господь перед светлыми очами князя Алексея Юрьича малую службишку справить и тем его княжеского жалования и милости удостоиться. Верстах в двадцати от Заборья, там, за Ундольским бором, сельцо Крутихино есть. Было оно в те поры отставного капрала Солоницына: за увечьем и ранами был тот капрал от службы уволен и жил во своем Крутихине с молодой женой... А вывез он ее из Литвы, аль из Польши, а может статья, из хохлов, доподлинно не знаю,- только красавица была писаная, теперь, думать надо, изойти весь белый свет, такой не найдешь. Князю Алексею Юрьичу Солоничиха приглянулась: сначала хотел ее чеством в Заборье сманить, однако ж она не поддавалась, а муж взъерошился, воюет: «Либо, говорит, матушке государыне подам челобитную, либо, говорит, самого князя зарублю». Выехали однажды по лету мы на красного зверя в Ундольский бор, с десятков лисиц затравили, привал возле Крутихина сделали. Выложили перед князем Алексеем Юрьичем из тороков зверя травленного, стоим, ждем слова ласкового.

А князь Алексей Юрьич кручинен сидит, не смотрит на красного зверя травленного, смотрит на сельцо Крутихино, да так, кажется, глазами и хочет съесть его.

- Что это за лисы, говорит, что это за красный зверь? Вот как бы кто мне затравил лисицу крутихинскую, тому человеку я и не знай бы что дал.

Гикнул я да в Крутихино. А там барынька на огороде в малинничке похаживает, ягодками забавляется. Схватил я красотку поперек живота, перекинул за седло да назад. Прискакал да князю Алексею Юрьичу к ногам лисичку и положил. «Потешайтесь, мол, ваше сиятельство, а мы от службы не прочь». Глядим, скачет капрал; чуть-чуть на самого князя не наскочал... Подлинно вам доложить не могу, как дело было, а только капрала не стало, и литвяночка стала в Заборье во флигеле жить. Лет через пять постриглась, игуменьей в Зимогорском монастыре была, и князь Алексей Юрьич очень украсил ей обитель, каменну церковь соорудил, земли купил, вклады большие пожаловал.

Добрая была барынька, дай ей бог царство небесное, милостивая: как жила в Заборье, завсегда умела утолить сердце князя Алексея Юрьича. Только что он на своих ли холопей, на мелкопоместное ли шляхетство распалится, завсегда, бывало, уймет его. Много за нее бога молили.

За эту самую службу изволил меня князь Алексей Юрьич беспримерно пожаловать. «Коли верен раб, так и князь ему рад», - при всех сказать изволил и велел мне быть при своем князем стремени. Чекмень малиновый с позументами изволил пожаловать, полтора рубля деньгами, чарку серебряную, три полушубка мерлушчатых, лисью шубу, да кусок сукна немецкого. А сверх того соизволил женить меня на барской барыне. Однако ж матушка-покойница князя укланяла: за молодостью лет в брачное дело мне вступить было отказано. Милость князя была ко мне великая: заместо женитьбы с птичного двора девуку Акульку в наложницы мне пожаловал. Да ведь не то, чтоб я

просил о том, нет, сударь, сам пожаловать изволил, без просьбы... После того, года через два, меня на певиче женили, на родной сестре Василисы Бурылихи, что в Заборье надо всеми порядок держала. Презлющая баба была эта Василиса, а с рожи такая, что как во сне, бывало, приснится, вскочишь да перекрестишься. А у князя Алексея Юрьича в великой была милости, для того, что по девичьим ладно дела вела. Мне с женой из-за нее куда как хорошо было жить.

III. НА ЯРМОНКЕ

«Отселе,- сказано в записках Валягина,- заношу в сию тетрадь со слов Анисима Прокофьева и по рассказам других стариков».

В старые годы бывала в Заборье ярмонка, приходилась она в летнюю пору. Съезжались на ту ярмонку люди торговые со всякими товарами со всего царства русского, а также из других краев, всякие иноземцы бывали, и всем был вольный торг на две недели. Сказывали купчины, что наша Заборская ярмонка малым чем Макарьевской уступала, а украинских и иных много лучше была. Теперь совсем порешилась.

Была она на земле монастырской, оттого все сборы денежные; таможенный, привальный и отвалный, пятно конское и австерские, похомутный и весчая пошлина сполна шли на монастырь. Монастырскую землю заборские дачи обошли во все стороны, оттого ярмонка в руках князя Алексея Юрьича состояла. Для порядку наезжали из Зимогорска комиссары драгунами: «для дел набережных» и «для дел объезжих», да асессоры провинциальные,- исправников тогда и в духах не бывало,- однако ж вся сила была в князе Алексее Юрьиче.

Наступит девята пятница, начало ярмонке. С раннего утра в Заборье все закишит, ровно в муравейнике: в парад зачнут собираться, пудриться, одеваться, конем седлать, кареты закладывать. И когда все по чину устроится, пойдет к князю старший дворецкий с докладом,- а бывал в том чине не из холопей,

а из мелкопоместного шляхетства. Доложит он, что время на ярмонку ехать, и велит князь в ряды строиться. Доложат, что построились, выйдет на крыльцо во всем наряде: в алом бархатном кафтане, шитом золотом, камзоле с серебряными блестками, в парике по плечам, в треугольной шляпе, в красной кавалерии и при шпаге. За ним с сотню других больших господ, «знакомцев» и мелкопоместного шляхетства и недорослей - все в шелковых кафтанах и париках. Потом выйдет на крыльцо княгиня Марфа Петровна - в помпадуре из серебряной парчи с алыми разводами, волосы кверху очесаны и напудрены, наверху кораблик, а шея, грудь и голова так и горят камнями самоцветными. За ней барыни - все в робронах, в пудре, приживалки в киягининых платьях, комнатные девки - в золотых шугайчиках, в летниках и собольих шапочках.

- Трогай! - крикнет, севши в карету, князь Алексей Юрьич, и поезд поедет к монастырю.

Впереди пятьдесят вершников, на гнедых лошадях, все в суконных кармазинных чекменях, штаны голубые гарнитуровые, пояса серебряные, штиблеты желтые, на головах парики пудренные, шляпы круглые с зелеными перьями.

За вершниками охота поедет, только без собак. Псари и доезжачие региментами: первый регимент на вороных конях в кармазинных чекменях, другой регимент на рыжих конях в зеленых чекменях, третий - на серых лошадях в голубых чекменях. А чекмени у всех суконные, через плечо шелковые перевязи, у одних белые, шиты золотом, у других плюсовые шиты серебром. За ними стремянные на гнедых конях в чекменях малиновых, в желтых шапках с красными перьями, через плечо золотая перевязь, на ней серебряный рог.

За охотой мелкопоместное шляхетство и «знакомцы» верхами, кто в мундире, кто в шелковом французском кафтане, все в пудренных париках, а лошади подо всеми с княжей конюшни. За шляхетством, мало отступя, сам князь Алексей Юрьич в открытой золотой карете, цугом, лошади белые, а

хвосты да гривы черные,- нарочно чернили. За каретой четыре гайдука на запятках да шестеро пешком, все в зеленых бархатных кафтанах, а кафтаны вкруг шиты золотом, камзолы алого сукна, рукава алого бархату с кондырками малыми, золотой бахромой обшитыми. Шапки на гайдуках пюсового бархату с золотыми шнурами и с белыми перьями. И у каждого гайдука через плечо цепь серебряная. За каретой арапы пешком в красных юбках с золотыми поясами, на шее у каждого серебряный ошейник, на голове красна шапка. Потом другая золотая карета, тоже цугом, в ней княгиня Марфа Петровна, вокруг ее кареты скороходы, на них юбки красного золотого штофа, а прочее платье белого штофа серебряного, сами в париках напудренных больших, без шапок. За княгининой каретой карет сорок простых, не золоченых, каждая заложена в четыре лошади без скороходов, а только по два лакея в желтых кафтанах на запятках; в тех каретах большие господа с женами и дочерьми, барыни из мелкопоместного шляхетства и вольные дворянки, что при княжом дворе проживали. Потом, на княжих лошадях, что поплоче, видимо-невидимо мелкопоместного шляхетства.

Приедут к монастырю, у святых ворот из карет выйдут и в церковь пешком пойдут. А как службу божественную отпоят, с крестным ходом кругом монастыря отправятся, да, обошедши монастырь, на ярманку, ради освящения флагов. Как станут воду святить, пальба из пушек пойдет и музыка. Тут князь Алексей Юрьич к архимандриту ярмоночный флаг поднесет, тот святой водой его покропит; а князь на столб своими руками вздернет. Пушки запалят, музыка играет, трубы, роги раздадутся, а народ во все горло: ура! и шапки кверху. Это значит ярмонка началась, и с того часу всем купцам торг невольный, а смей кто допрежь урочного часу лавку открыть, заперет князь Алексей Юрьич того до полусмерти и товар в Волгу велит покидать, либо среди ярмонки сожжет его.

К архимандриту обедать! А на поле возле ярмонки столы накроют, бочки с вином ради холопей и для черного народу

выкатят. И тут не одна тысяча людей на княжой кошт ест, пьёт, проклажается до поздней ночи. Всем один приказ: «пей из ковша, а мера душа». Редкий год человек двадцать, бывало, не обопьется. А пьяных подбирать было не велено, а коли кто на пьяного наткнулся, перешагни через него, а тронуть пальцем не смей.

На другой день в Заборье пир горой. Соберутся большие господа и мелкопоместные, торговые люди и приказные, всего человек, может, с тысячу, иной год и больше. У князя Алексея Юрьича таков был обычай: кто ни пришел, не спрашивают, чей да откуда, а садись да пей, а коли есть хочешь, пожалуй, и ешь, добра припасено вдосталь... На поляне, позадь дому, столы поставлены, бочки выкачены. Музыка, песни, пальба, гульба день-деньской стоном стоят. Вечером потешные огни да бочки смоляные, хороводы в саду. Со всей волости баб да девок нагонят... Тут дело известное: что в поле горох да репка, то в мире баба да девка, значит, тут без греха невозможно, потому что всяка жива душа калачика хочет. Потешные-то огни как потухнут, князь Алексей Юрьич с большими господами в павильон, а мелкопоместное шляхетство в садочке, на лужочке да по овражкам всю ночь до утра прокуражатся.

Да так всю ярмонку и прогуляют. Каждый божий день народу видимо-невидимо. И все пьяно. Крик, гам, песни, драка - дым коромыслом.

А на ярмонку ради порядку князь Алексей Юрьич каждый день изволил сам выезжать. Чуть кого в чем заметит, тут ему и расправа. И суд его был всем приятен, для того, что скоро кончался; тут же, бывало, на месте и разбор и взысканье, в дальний ящик не любил откладывать: все бы у него живой рукой шло. Чернил да бумаги беда как не жаловал. Зато все торговые люди, что на Заборскую ярмонку съезжались, как отца родного любили его, благодетелем и милостивцем звали. И они до бумаги-то не больно охочи. До челобитных ли да до приказных дел купцу на ярмонке, когда у всякого каждый час дорог?

Не любил тех князь Алексей Юрьич, кто помимо его по судам просил. Призовет, бывало, такого, шляхетного ли роду, купчину ли, мужика ли, ему все едино: перво-наперво обругает, потом из своих рук побить изволит, а после того кошки, плети аль каша березовая, смотря по чину и по званию. А после бани тот человек должен идти к князю благодарить за науку.

-То-то и есть,- скажет тут князь,- ты как гусь: летаешь высоко, а садиться не умеешь, вот и дождался. Разве нет тебе моего суда, что вздумал по приказным ходить? Смотри же, вперед будь умнее...

И ничего, еще ручку пожалует поцеловать и велит того человека напоить, накормить до отвала.

Купцам на ярмонке такой был приказ; с богатого сколь хочешь бери, обманывай, обмеривай, обвешивай его, сколько душе угодно; бедного обидеть не моги. Раз позвал князь к себе в Заборье одного московского купчину обедать: купец богатейший, каждый год привозил на ярмонку панского и суровского товару на многие тысячи: парчи, дородоры, гарнитур, глазеты, атласы, левантины, ну и всякие другие материи. А товар-от все прочный был - лубок лубком; в нынешне время таких материй и не делают, все стало щепетильнее, все измельчало, оттого и самую одежду потоньше стали носить. Пообедавши, говорит князь Алексей Юрьич купчине:

- Ты почем, Трифон Егорыч, алый левантин продаешь?
- По гривне, ваше сиятельство, продаем и по четыре алтына, смотря по доброте.
- А была у тебя вчера в лавке попадья из Большого Врагу?
- Не могу знать, ваше сиятельство, народу в день перебывает много. Всех запомнить невозможно.
- Попадья у тебя аршин алого левантину на головку покупала. Почем ты ей продал?
- Не помню, ваше сиятельство, хоть околеть на этом месте, не помню. Да еще может статься, не сам я и товар-от ей отпускал, из молодцов кто-нибудь.

- Ну ладно,- сказал князь Алексей Юрьич да и кликнул вершника. А вершников с десяток завсегда у крыльца на копиях стояло для посылок.

Вошел вершник. Купчина ни жив ни мертв: думает на конюшню. Говорит вершнику князь Алексей Юрьич:

- Проводи ты вот этого купчину до ярмонки, там он даст тебе кусок алого левантину самого лучшего. Возьми ты этот левантин и духом отвези его в Большой Враг, отдай отца Дмитрия попадье и скажи ей: купец, мол, московский Трифон Егорыч Чуркин кланяться тебе, матушка, велел и прислал, дескать, кусок левантину в подарок за то-де, что вчера он с тебя за аршин такого же левантина непомерную цену взял. А ты, Трифон Егорыч, за молодцами-то приглядывай, чтоб они бедных людей не обижали, а то ведь я по-свойски расправлюсь. Пороть тебя не стану, а в сидельцы к тебе пойду. Так смотри же, держи у меня ухо остро.

Недели не прошло, спроведал князь про Чуркина, однодворца какого-то канифасом обмерил. Только услышал про это, ту ж минуту на конь, прискакал на ярмонку, прямо к Чуркину в лавку.

- А ты, говорит, Трифон Егорыч, приказ мой позабыл? Экая, братец мой, у тебя память-то короткая стала! Нечего делать, надо мне свое княжое слово выполнить, надо к тебе в сидельцы идти. Эй вы, аршинники, вон из лавки все до единого!

Чуркин с молодцами из лавки вон, а князь Алексей Юрьич, ставши за прилавок да взявши в руки аршин, крикнул на всю ярмонку зычным голосом:

- Господа честные, покупатели дорогие! К нам в лавку покорно просим, у нас всякого товару припасено вдоволь, есть атласы, канифасы, всякие дамские припасы, чулки, платки, батисты!.. Продаем без обмеру, без обвеса, безо всякого обману. Сдачи не даем и сами мелких денег не берем. Отпускаем товар за свою цену за наличные деньги, у кого денег нет, тому и в

долг можем поверить: заплатишь - спасибо, не заплатишь - бог с тобой.

Навалила в лавку чуть не целая ярмонка. А князь за прилавком аршином работает: пять аршин чего ни на есть отмеряет да куска два-три почтения сделает. Таким манером часа через три у Чуркина весь товар распродал, только наличной выручки оказалось число невеликое.

- Вот тебе,- сказал князь Алексей Юрьич Чуркину,- выручка, а остальной товар в долг продан. Ищи, хлопочи, собирай долги, это уж твоя забота, а мое дело сторона. Да ты у меня смотри, попадью с однодворцем не забывай. Поедем теперь в Заборье обедать; оно бы, по-настоящему, с тебя магарычи-то следовали, ну, да так и быть: пожалуй, уж я накормлю. Садись в карету.

Замаялся Чуркин, не лезет в карету, стоит, дрожит, как зачумленный.

- Не бойсь, хозяин, садись,- говорит ему князь Алексей Юрьич.- Ты, чай, думаешь, драть тебя стану, не бойся: сказано, не стану пороть, значит, и не стану! Захотел бы плетью поучить - и здесь бы спину-то вздул. Садись же, хозяин!

Сел Чуркин с князем в карету, поехал в Заборье обедать. А за обедом Чуркина на перво место посадили, и князь Алексей Юрьич сам ему прислуживал: за стулом у него с тарелкой стоял, хозяином все время называл: «Я, говорит, у Трифона Егорыча в услужении».

А пороть не порол. На прощанье еще жалованьем удостоил: от любимой борзой суки Прозерпинки кобелька да сучонку на племя подарил.

С той поры Чуркин на ярмонку ни ногой.

А кто с князем Алексеем Юрьичем смело да умно поступал, того любил. Раз один купчина прогневал его: отобедавши в Заборье, не пожелал с барскими барынями да с деревенскими девками в саду повеселиться, спешным делом отговаривался, получение-де предвидится от сибирских купцов. Соснувши ма-

ленько после обеда, узнал князь, что купчина его приказу сделан был послушен: тихонько на ярмонку съехал.

- Ну, говорит, черт с ним: была бы честь предложена, от убытка бог избавит. Пороть не стану, а до морды доберусь - не пеняй.

И попадись он князю на другой день за балаганами, а тут песок сыпучий, за песком озеро, дно ровное да покатое, от берега мелко, а на середине дна не достанешь; зато ни ям, ни уступов нет ни единого. Завидевши купчину, князь остановился, пальцем манит его к себе: поди-ка, мол, сюда. Купчина смекнул, зачем зовет, нейдет, да, стоя саженьях в двадцати от князя, говорит ему:

- Нет, ваше сиятельство, ты сам ко мне поди, а я не пойду для того, что ни зуботрещин твоих, ни кошек, ни плетей не желаю.

- Ах ты, аршинник этакой! - закричал князь Алексей Юрьич да к нему.

А купчина - парень не промах, задал к озеру тягача, а песок тут сыпучий, ноги так и вязнут. Князь Алексей Юрьич вдогонку, распалился весь, запыхался, все бежит, сердце-то уж очень взяло его. Вязнут ноги у купчины, вязнут и у князя. Вот купчина догадался: оглянулся назад, видит, князь шагах во ста от него. «Эх, думает, успею»; сел, сапоги долой, да босиком дальше пустился: бежать-то ему так вольготнее стало. Видит князь, купчина умно поступил, сам сел, тоже сапоги долой, да босиком дальше. Купчина к озеру, князь тоже. Забрел купчина по горло, а князь по грудь, остановился да перстиком купчину и манит.

- Подь, говорит, ко мне, разделаться с тобой хочу.

А купчина в ответ тоже пальцем манит да свое говорит:

- Нет, ваше сиятельство, ты ко мне подь, а уж я не пойду.

- Да ведь ты, подлец, утопишь?

- Там уж, что бог даст, а к тебе не пойду.

Перекорялись-перекорялись, а друг к дружке не пошли. Хоть время стояло и жаркое, а оба, стоя в воде, продрогли.

- Ну,- говорит князь,- люблю молодца за обычай, едем в Заборье обедать, зло твое я забыл.

- Врешь, ваше сиятельство,- говорит купчина,- обманешь, выпорешь.

- Пальцем не трону,- отвечал князь Алексей Юрьич,- ей-богу, пальцем не трону.

- Обманешь, ваше сиятельство.

- Ей-богу, не обману, право, не обману.

- А ну перекрестись!

И стал князь, стоя в воде, креститься и всеми святыми себя заклинать, что никакого дурна над купчиной не учинит. Дал купчина веру, поехал в Заборье. Не то чтобы выдрать - приятелем сделал его, дом каменный в Москве подарил. Бывало, что есть - вместе, чего нет - пополам. Двух дочерей замуж повывал; в посаженных отцах у них был, сына вывел в чины; после в Зимогорске вице-губернатором был, от соли да от вина страх как нажился...

- А ведь утопил бы ты меня, Конон Фаддеич, как бы я к тебе тогда подошел? - скажет, бывало, князь.

- А как знать, чего не знать,- отвечает купчик, - что бы бог указал, то бы я над тобой, ваше сиятельство, и сделал.

И захохочут оба, да после того и почнут целоваться.

И всегда и во всем так бывало: кто удалую штуку удерет, либо тыкнет князю прямо в нос, не боюсь-де тебя, того жаловал и в чести держал. Да вот какой случай был.

В летнюю пору после обеда садился, бывало, он в кресла подремать маленько. Кресла ставили на балконе, задние ножки в комнате, а передние на балконе, так на пороге и дремлет. И тогда по всему Заборью и на Волге на всех судах никто пикнуть не смей, не то на конюшню. Флаг над домом особый выкидывали, знали бы все, что князь Алексей Юрьич почивать изволит.

Дремлет он этак раз, а барчонок из мелкопоместных «знакомцев», что из милости на кухне проживал, тихонько возле дома пробирается. А в нижнем жилье, под самым тем балконом, жили барышни-приживалки, вольные дворянки, и деревни свои у них были, да плохонькие, оттого в Заборье на княжеских харчах и проживали. Барчонок под окна. Говорить не смеет, а турысы на колесах барышням подпустить охота, стал руками маячить, а сам ни гугу. Барышням невтерпех: похотеть охота, да гроза наверху, не смеют. Машут барчонку платочками: уйди, дескать, пострел, до греха. А барчонок маячил-маячил, да как во все горло заголосит: «Не одна-то во поле дороженька». Заорал да и драпа. Вершники, что у крыльца стояли, его не заметили, сами тоже вздремнули; час был полуденный. Так барчонок и скрылся.

Пробудился князь. Грозен и мрачен, руки у него так и дергает.

- Кто «Дороженьку» пел? - спрашивает.

Побежали сломя голову во все стороны. Ищут.

А барчонок себе на уме, семью собаками его не сыщешь. Улегся на сеннике, спит тоже будто. Кроме барышень, никто его не приметил, а те, известное дело, не выдадут.

- Кто «Дороженьку» пел? - кричит князь Алексей Юрьич.

Бегают холопы, не могут найти.

- Кто «Дороженьку» пел? – кричит князь. На крыльцо вышел, арапник в руке.

Не знают, что доложить, бегают, рыщут, дознаться не могут.

- Кто «Дороженьку» пел? - на все село кричит князь Алексей Юрьич.- Сейчас передо мною поставить, не то всех запорю!

Не могут найти. Рычит князь, словно медведь на рогатине. Ушел в дом, зеркала звенят, столы трещат.

Старший дворецкий и холопы все кланяться стали Ваське-песеннику: «возьми на себя, виноватого сыскать не можем».

Васька себе на уме, уперся. «Спина-то, говорит, моя, не ваша, да еще, чего доброго, пожалуй, и в пруд угодишь». Не желает.

Стали ему кучиться со слезами: «дворецкий, мол, тебя выручит, а на всякий случай вот тебе десять рублей деньгами». А десять рублей в старые годы деньги были большие.

Почесал в затылке песенник: и спины жаль, и с деньгами расстаться не охота. «Ну, говорит, так и быть, идет. Только смотри же, коль не из своих рук станет пороть, так вы, черти, полегче».

А тем временем князь распалился без меры.

- Всему холопству, кричит, по тысяче кошек, все шляхетство плетью задеру. Да спросить у барышень, они должны знать... Не скажут, юбки подыму, розгами угощу!

Страх смертный. Пикнуть не смеет никто, дышать бояться.

- Кошек! - зарычал. Зычный голос по Заборью раздался, и всяка жива душа затрепетала.

- Ведут, ведут,- кричат комнатные казачки, завидев дворецкого, а за ним гайдуков: волочили они по земле по рукам по ногам связанного Ваську-песенника.

Сел князь на софу суд и расправу чинить. Подвели Ваську. Сами ни живы, ни мертвы.

- Ты «Дороженьку» пел? - спросил у песенника князь Алексей Юрьич.

- Виноват, ваше сиятельство,- отвечал Васька-песенник.

Замолк князь. Помолчал маленько и молвил:

- Славный голос у тебя... Десять рублей ему да кафтан с позументом!

IV. ИМЕНИНЫ

А именины справлял князь на пятый день покрова. Пирывывали великие; недели на две либо на три все окружное шляхетство съезжалось в Заборье, губернатор из Зимогорска, вое-

воды провинциальные, генерал, что с драгунскими полками в Жулебине стоял, много и других чиновных. Из Москвы наезжали, иной раз из Питера. Всякому лестно было князя Алексея Юрьича с днем ангела поздравить.

Каждому своя комната, кому побольше, кому поменьше: неслужащему шляхетству, смотря по роду; чиновным, глядя по чину. Губернатору флигель особый, драгунскому генералу с воеводами другой, по прочим флигелям большие господа: кому три горницы, кому две, кому одна, а где по два, по три гостя в одной, глядя, кто каков родом. А наезжее мелкопоместное шляхетство и приказных по крестьянским дворам разводили, а которых в застольную, в ткацкую, в столярную. Там и спят вповалку.

С вечера накануне именин всенощну служат. Тут всем приказ: у службы быть неотменно. Князь сам шестопсалмие читает и синаксарь. Знал он церковный устав не хуже монастырского канонарха, к службе божией был не ленокстен, к дому господню радение имел большое. Сколько по церквам иконостасов наделал, сколько колоколов вылил, в самом Заборье три каменные церкви соорудил.

Ужина не бывало, чтоб грехом до утра не забражничаться, обедни не проспять бы. Подавали каждому есть-пить в своем месте, а хмельного ставили число невеликое.

На другой день, после обедни, все, бывало, поздравлять пойдут. Сядет князь Алексей Юрьич во всем наряде и в кавалерии на софе, в большой гостиной, по праву руку губернатор, по левую - княгиня Марфа Петровна. Большие господа, с ангелом князя поздравивши, тоже в гостиной рассядутся: по одну сторону мужчины, по другую - женский пол. А сажались по чинам и по роду.

Пиита с виршами придет - нарочно такого для праздников держали. Звали Семеном Титычем, был он из поповского роду, а стихотворному делу на Москве обучался. В первый же год, как приехал князь Алексей Юрьич на житье в Заборье, нанял

его. Привезли его из Москвы вместе с карликом - тоже редкостный был человек; ростом с восьмигодового мальчишку, не больше. Жил пиита на всем на готовом, особая горница ему была, а дело только в том и состояло, чтобы к каждому торжеству вирши написать и пастораль сделать. И каждый раз, перед делом, недели на три запирали его ради трезвости на голубятню; бывало, как только вытрезвят, так и пойдет он вирши писать да пастораль строить.

Придет Титыч в гостиную, тоже напудренный, в шелковом кафтане, почнет поздравительные вирши сказывать. Гости слушают молча. А когда отчитает, подаст те вирши князю на бумаге, князь ручку даст ему поцеловать, денег пожалует и велит напоить Титыча до положения риз, только бы наблюдали, чтобы богу душу не отдал, для того, что человек был нужный, а пил без рассуждения. В старые годы пиитов было число невеликое, найти было их трудновато, оттого и берег князь Титыча. Таков был приказ: пииту беречь всякими мерами и ради потехи вреда ему не чинить.

Раз одного знакомого из благородного шляхетства так вздрал князь за Титыча, что небу стало жарко. Похрыснев Иван Тихоныч - было у него дворов тридцать своих крестьян, да разбежались, оттого и пошел на княжие харчи - с Титычем был приятель закадычный: пили, гуляли сообща. Насмотрелся Иван Тихоныч, каковы в Заборье забавы. И холопи и шляхетство так промеж себя забавлялись; кого на медведя насунут, кому подошвы медом намажут да дадут козлу лизать; козел-от лижет, а человеку щекотно, хохочет до тех пор, как глаза под лоб уйдут и дышать еле может. Насмотревшись таких потех, Иван Тихоныч подметил раз друга своего во пьяном образе лежаща и сшутил с ним шуточку, да и шутку-то небольшо обидную: ежа за пазуху ему посадил. Вскочил пиита, заорал благим матом, спьяну да спросонок не может попить, что такое у него под рубахой возится да колет. Ровно угорелый на двор выбежал, «караул! режут!» - кричит. На грех сам князь тут случись; узнав

причину, много смеяться изволил, а Ивана Тихоныча выпорол и целый день ежа за пазухой носить приказал.- «Ты, говорит, знай, с кем шутить: Титыч, говорит, тебе не пара: он человек ученый, а ты свинья». Вот как ученых людей князь почитал.

А как в день княжих именин Семен Титыч из гостинной выйдет, неважные господа и знакомцы пойдут поздравлять, также и приказный народ. Подходят по чинам, и всякому, бывало, князь Алексей Юрьич жалует ручку свою целовать. Кто поцеловал, тот на галерею, а там от водок да от закусок столы ломаются.

Чай станут подавать, но только большим господам. В стары-то годы чай бывал за диковину, и пить-то его умели только большого рангу господа; мелочь не знала как и взяться... Давали иной раз мелкопоместному шляхетству аль приказного чина людям, ради потехи, позабавиться бы большим гостям, глядя, как тот с непривычки глотку станет жечь да рожи корчит. Шуты, бывало, призывают, передражничать барина-то прикажут, чай у него отнимать, кипятком его ошпарить. Шуты с барином подерутся, обварят его, на пол повалят да мукой обсыплют. А как назабавится князь, в шею всех и велит вытолкать.

Пьют, бывало, чай в гостинной: губернатор почнет ведомости сказывать, что в курантах вычитал, аль из Питера что ему отписывали. Московские гости со своими ведомостями. Так и толкуют час-другой времен. Приезжал частенько на именины генерал-поручик Матвей Михайлыч Ситкин,- родня князю-то был; при дворе больше находился, к Разумовскому бывал вхож.

- Слышно,- говорит он однажды,- про тебя, князь Алексей, что матушка-государыня хочет тебя в цесарскую землю к венгерской королеве резидентом послать.

- И до меня такие ведомости, сиятельнейший князь, доходили, - промолвил губернатор, - а когда Матвей Михайлович из самого дворца матушки-государыни подлинные ведомости привез, значит, оне вероятия достойны.

И стали все поздравлять князя Алексея Юрьича. А у него лицо так и просияло. Помолчал он и молвил:

- Не еду.

- В уме ль ты, князь, али рехнулся? - ужаснулся даже генерал-поручик, родня-то.

- Сказано - не поеду, так значит и не поеду,- молвил князь Алексей Юрьич. - Пускай меня матушка-государыня смертью казнит, пускай меня в дальни сибирски города сошлет, а в цесарскую землю я ни ногой.

А говорил он так ради того, что знал роденьку своего Матвея Михайлыча: любил генерал красным словцом речь поукрасить, любил и похвастаться перед людьми: я-де при государыне нахожусь, все великие и тайные дела до тонкости знаю.

- Да что ты, что ты? - стал он приставать к князю. - Есть ли резон человеку от фортуны отказываться?

Губернатор стал допытываться, драгунский генерал, воевода, из больших господ два-три человека. Другие не посмели.

- Как же мне возможно ехать в цесарскую землю? - молвил наконец князь Алексей Юрьич. - Без меня лысый черт всех русаков здесь затравит, а об красном звере лет пять после того и помину не будет.

А лысым чертом изволил звать Ивана Сергеича Опарина. Барин был большой, по соседству с Заборьем вотчина у него в две тысячи душ была, в старые годы после князя Алексея Юрьича по всей губернии был первый человек.

- Не взыщи, князь Алексей, - подхватил Иван Сергеич, - всех перетравлю. Ты там у венгерской королевы резидируй, а я тебе мышонка не покину.

Смеяться изволил князь. И все большие господа смеялись, а в других комнатах и на галерее знакомцы, шляхетство мелкоместное и приказные тоже на тот смех хохотали, хоть к чему тот смех - и не ведали.

- А ты лучше скажи-ка мне, честный отче, подобает ли нам вот это китайское зелье лить? Греха тут нет ли? - спросил князь Алексей Юрьич.

А это он тому же Ивану Сергеичу молвил. Звал его лысым чертом потому, что голова у него была наподобие рыбьего пузыря, а честным отче потому, что в старых уставах Опарин был сведущ. Хоть бороду и брил, а париков не надевал и табаку не курил, поставляя в том грех великий. Всю жизнь пробыл в нетях¹, пятидесяти лет недорослем писался, и хоть при Петре Великом не раз был за то батогами бит нещадно, но обычай свой снес - на службу в Питер не явился. Спервоначалу и немецкого платья надеть на себя не хотел, да супруга обрядила. Был женат на богатой, супруга на ассамблеях упражнялась, нраву была сварливого, родня у ней знатная, потому мужу бить себя не соизволила; и он у нее из рук смотрел. Хоть через великую силу, бородой и охабнем супружеской любви поступился. А родитель Ивана Сергеича, в прежни годы, с князьями Мышецкими заодно был, у расколыщиков в Выгорецком ските и жизнь скончал.

- Нет ли, - говорит ему князь Алексей Юрьич,- в этом пойле греха? Не опоганили ль мы с тобою, честный отче, душ своих?

- А что ж в чаю поганого? - отвечает Иван Сергеич.- Не табачище!.. Об чае и в Соловецкой челобитной не обозначено, стало быть, погани в нем нет никакой.

- А видишь ли, честный отче, вычел я в одной французской книге, что когда в Хинской земле чай собирают, так языческие тамошние жрецы богомерзкое свое служение на полях совершают и водой идоложертвенной чай на корню кропят. А по уставу идоложертвенное употреблять не подобает. Поведай же нам, честным отче, опоганили мы свои души аль нет?

---

¹ Нетями назывались не явившиеся на службу дворяне.

- А может статься, на тот чай, что мы у тебя пьем, оно мерзкая-то вода и не попала? - молвил Иван Сергеич, накрывая чашку. - Вот тебе и сказ.

- Ох, ты, ответчик! - крикнул князь Алексей Юрьич, немножко прогневавшись. - Все-то у тебя ответы. Сказывают, что смолоду ты немало и раскольниковых ответов Неофиту писал... Правда, что ли? - молвил князь, подмигнув губернатору. - Сколько, лысый черт, на твою долю поморских ответов пришлось написать? Сочти-ка да скажи нам.

- Тебе бы, князь Алексей, цыплят по осени считать, а такого дела не ворошить. Не при тебе оно писано.

- Смотри, лысый черт, ты у меня молчи. Не то господина губернатора и владыку святого стану просить, чтоб тебя с раскольщиками в двойной оклад записали. Пощеголяешь ты у меня с желтым козырем да со значком на вороту.

Хоть и разгневался маленько князь Алексей Юрьич, но Иван Сергеич барин был большой, попросту с ним разделаться невозможно, сам сдачи даст, у самого во дворе шестьсот человек, а кошки да плети не хуже заборских.

На счастье, под самое то слово чихнул губернатор. Встали и поклон отдали. Привстал и князь Алексей Юрьич. И все в один голос сказали:

- Салфет вашей милости!¹

А губернатор кланяется да приговаривает:

- Красота вашей чести.

На ту пору дверь распахнулась, четыре лакея, каждый в сажень ростом, закуску на подносах внесли и на столы поставили. Были тут сельди голландские, сыр немецкий, икра яикская с лимоном, икра стерляжья с перцем, балык донской, колбасы заморские, семга архангелогородская, ветчина вестфальская, сиги в уксусе из Питера, грибы отварные, огурцы подновские, рыжики вятские, пироги подового дела, олады и пряжен-

---

¹ При дворе говорили салют (salut) вашей милости, в провинции салют переделали в салфет. В глухих городах салфет до сих пор водится.

цы с яйцами. А в графинах водка золотая, водка анисовая, водка зорная, водка кардамонная, водка тминная, - а все своего за- вода.

Закусывают час либо два, покамест все графины не опорожнят, все тарелки не очистят, тогда обедать пойдут.

А в столовой, на одном конце княгиня Марфа Петровна с барынями, на другом князь Алексей Юрьич с большими гостями. С правой руки губернатору место, с левой - генерал-поручику, за ними прочие, по роду и чинам. И всяк свое место знай, выше старшего не смей залезать, не то шутам велят стул из-под того выдернуть, аль прикажут лакеям кушаньем его обносить. Кто помельче, те на галерее едят. Там в именины человек пятьсот либо шестьсот обедывало, а в столовой человек семьдесят либо сто - не больше.

Подле князя Алексея Юрьича, с одной стороны, двухгодовалого ручного медведя посадят, а с другой - юродивый Спиря на полу с чашкой сядет: босой, грязный, лохматый, в одной рубахе; в чашку ему всякого кушанья князь набросает, и перцу, и горчицы, и вина, и квасу, всего туда накроет, а Спиря ест с прибаутками. Мишку тоже из своих рук князь кормил, а после водкой, бывало, напоит его до того, что зверь и ходить не может.

В столовой на серебре подавали, а для князя, для княгини и для генеральства ставились золотые приборы. За каждым стулом по два лакея, по углам шуты, немые, карлики и калмыки - все подачек ждут и промеж себя дерутся да ругаются.

Уху, бывало, в серебряной лохани подадут - стерляди такие, какие в нонешни годы и не ловятся: от глаза до пера два аршина и больше. Осетры - чудо морское. А там еще зад быка принесут, да ветчины окорока три - четыре, да баранов штуки три, а кур, индеек, гусей, уток, рябков, куропаток, зайцев - всей этой мелкоты без счету. Всех кушаний перемен тридцать и больше, а после каждой перемены чарки в ходу. Подавали вина ренские, аликантское, эрмитаж и разные другие, а больше до-

машиние наливки и меда ставленные. В стары годы и такие господа, как князь Алексей Юрьич, заморских вин кушали понемногу, пили больше водку да наливки домашние и меды. Дорогие вина только в праздники подавались, и то не всем: подавать такие вина на галерею в заведении не было. А шампанское вино да венгерское только и пивали в именины...

Под конец обеда, бывало, станут заздравную пить. Пили ее в столовой шампанским, в галерее - вишневым медом... Начнут князя с ангелом поздравлять, «ура» ему закричат, певчие «многие лета» запоют, музыка грянет, трубы затрубят, на угоре из пушек палить начнут, шуты вокруг князя кувыркаются, карлики пищат, немые мычат по-своему, большие господа за столом пойдут на счастье имениннику посуду бить, а медведь ревет, на задние лапы поднявшись.

Встанут из-за стола, княгиня с барынями на свою половину пойдет, князь Алексей Юрьич с большими господами в гостиную. Сядут. Оглядится князь, все ли гости уселись, лишних нет ли, помолчит маленько да, глядя на старшего дворецкого, вполголоса промолвит ему: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Дворецкий парень был наметанный, каждый взгляд князя понимал. Тотчас, бывало, смекнет, в чем дело. Было у князя в подвале старое венгерское - вино дорогое, страх какое дорогое! Когда еще князь Алексей Юрьич при государыне в Питере проживал, водил он дружбу с цесарским резидентом, и тот цесарский резидент из своего королевства бочек с пятью того вина ему по дружбе вывез. Пахло ржаным хлебом, оттого князь и звал его хлебом насущным. А подавали то вино изредка.

Принесут гайдуки стопки серебряные, старший дворецкий разольет хлеб насущный. Возьмет князь Алексей Юрьич стопку, привстанет, к губернатору обернется: «будьте здоровы», - скажет и хлебнет хлеба насущного. Потом опять привстанет, генерал-поручика тем же манером поздравствует и опять хлебнет хлеба насущного. И прочих также, все по роду и

по чину. А кого князь здравствует, тому и прочие, привставая, кланяются и хлеба насущного прихлебывают. А певчие поют многолетие, в галерее «ура» кричат, на угоре из пушек палят, трубы, рога, музыка. И питаются, бывало, хлебом насущным, когда час времени» когда и больше.

- Ну, - скажет, вставая, князь Алексей Юрьич, - бог напитал, никто не видал, а кто видел, тот не обидел. Не пора ль, господа, к Храповицкому? И птице вольной и зверю лесному, не токмо человеку разумному, присудил господь отдыхать в час полуденный.

И пойдут по своим местам, а князю Алексею Юрьичу на балконе кресло уж поставлено. И станет по Заборью тишина. Только храп слышно... отдыхают...

Соснув маленько, начнут к вечернему балу снаряжаться, и весь дом станет вверх дном. Господа, барыни и барышни сидят в пудрамантах, девушки да камердинеры так и спуют; кто с робой, кто с утюгом, кто с фижмами, кто с камзолом глазетовым. В одном месте пряжки к башмакам прилаживают, в другом барышню две девки, что есть мочи, стягивают, в третьем барыни мушки на лицо себе лепят... К семи часам все готовы и соберутся в дом. А там уж восковых свечей зажжены тысячи, перед домом и в саду плошки, по горе смоляные бочки горят, а за Волгой, на том берегу, костры разложены.

Выйдет князь Алексей Юрьич с княгиней Марфой Петровной во всем параде, и грянет музыка. Полонез заиграют; губернатор, в зеленом кафтане на красном стамеде, в алом камзоле, в большом парике, с кавалерией через плечо, к княгине подлетит, реверансы друг другу сделают и пойдут. После того другие господа кто барыню, кто барышню поднимут и пойдут водить полонез по залам и галереям, и водят немалое время, А барынь поднимают и в полонез водят также по роду и по чинам. Находившись досыта, в боковую галерею пойдут «пастораль» смотреть. Там подмостки с декорацией сделаны, и как

гости войдут, музыканты итальянские кантаты играть зачнут, и играют, покамест гости по местам рассядутся.

Тут занавеска на подмостках поднимется, сбоку выйдет Дуняшка, ткача Егора дочь, красавица была первая по Заборью. Волосы наверх подобраны, напудрены, цветами изукрашены, на щеках мушки наклеплены, сама в помпадуре на фижмах, в руке посох пастушечий с алыми и голубыми лентами. Станет князя виршами поздравлять, а писал те вирши Семен Титыч. И когда Дуня отчитает, Параша подойдет, псаря Данилы дочь.

Эта пастушком наряжена: в пудре, в штанах и в камзоле. И станут Параша с Дунькой виршами про любовь да про овецек разговаривать, сядут рядом и обнимутся... Недели по четыре девок, бывало, тем виршам с голосу Семен Титыч учил - были неграмотны. Долго, бывало, маются, сердечные, да как раз пяток их для понятия выдерут, выучат твердо.

Андрюшку-поваренка сверху на веревках спустят. Мальчишка был бойкий и проворный, - грамоте самоучкой обучился. Бога Феба он представлял, в алом кафтане, в голубых штанах с золотыми блестками. В руке доска прорезная, золотой бумагой оклеена, прозывается лирой, вокруг головы у Андрюшки золоченные проволоки натканы, вроде - сияния. С Андрюшкой девять девок на веревках, бывало, спустят: напудрены все, в белых робронах, у каждой в руках нужная вещь, у одной скрипка, у другой святочная харя, у третьей зрительна трубка. Под музыку стихи пропоют, князю венки подадут, а плели тот венок в оранжерее из лаврового дерева.

И такой пасторалью все утешены бывали. Велит, иной раз князь Алексей Юрьич позвать к себе Семена Титыча, чтоб из своих княжих рук подарок ему пожаловать, но никогда его привести было невозможно, каждый раз не годился и в своей горнице за замком на привязи сидел. Неспокоен, царство ему небесное, во хмелю бывал.

Опять полонез заиграют, господа в большую залу пойдут. Тут Матвея Михайлыча - генерал-поручика - маршалом сдела-

ют, княгиня Марфа Петровна букет цветов пожаловать ему изволит. Приколет он те цветы к кафтану и зачнет танцами разпоряжаться. Сперва менуют танцуют, кланяются, реверансы делают, к сердцу руки прижимают, на разлет ими отмахивают, а барышни приседают, на сторонку перегибаются и веер тихонько поднимают. После менуэта манимаску начнут, а там матрадур, гавот и разные другие танцы. Чуть не до полночи, бывало, промаются.

Вперемежку танцев питье подавали: воду брусничную, грушевку, сливянку, квас яблочный, квас малиновый, питье миндальное. Заедки всякие, бывало, разносили: конфеты, марципаны, цукаты, сахара зеренчатые, варенье инбирное индейского дела; из овощей - виноград, яблоки да разные овощи полосами: полоса дынная, полоса арбузная да ананасная полоска невеликая. Дынную да арбузную всем подают, ананасную не всякому, потому что вещь редкостная, не всякому гостю по губам придется.

А в других комнатах столы расставлены, на них в фаро да в квинтич играют; червонцы из рук в руки так и переходят, а выигрывает, бывало, завсегда больше всех губернатор. Другие кости мечут, в шахматы играют - кому что больше с руки. А меж игрой пунши да взварцы пьют, а лакеи то и дело водку да закуски разносят.

Вечерний стол бывал не великий: кушаньев десять либо двадцать - не больше, зато напитков вдоволь. Пьют, друг от дружки не отставая, кто откажется, тому князь прикажет вино на голову лить. А как после ужина барыни да барышни за княгиней уйдут, а потом и из господ кто чином помельче аль годами помоложе по своим местам разойдутся, отправится князь Алексей Юрьич в павильон и с собой гостей человек пятнадцать возьмет. И пойдет там кутеж на всю ночь до утра. Только что войдут туда князь Алексей Юрьич, и кафтан и камзол долой, гости тоже. Спервоначалу кипрским вином серебряную дедовскую ендову нальют, «чарочку» запоют и пустят ен-

дову вкруговую. Не то попарно, как гребцы в лодке, на пол усядутся. «Вниз по матушке по Волге» зятанут и орут себе что есть мочи. А запевалой сам князь Алексей Юрьич.

- Нет, скучно так, ребята,- скажет, бывало, - богинь, богинь сюда с Парнаса!

И влетят богини: Дуняша, Параша, Настенька, Машенька, Грушенька, девять сестер, что в пасторали были, да еще сколько нужно на придачу по числу гостей. Все разряжены: которая в пудре и роброне, ровно барышня, которая в сарафане, а больше так, как в павильонах на стенах писано.

Красавицы-то были какие! Хоть бы Дуню взять. Беленькая, крепонькая, черные глазенки в душу так и смотрят. Пойдет плясать: старик растает, на нее глядя! Бубен в руку; вверх его над головой вскинет, обведет всех глазами, топнет ножкой да вольной птичкой так и запорхает, а сама вся, как змейка, изгибается, от сердечной истомы щеки пышут, глазки горят, а ротик раскрыт у голубушки... Настенька опять - девочка славная, кровь с молоком, голосок соловьиный. Войдет, в сарафане алого бархату, в кружевных рукавах, на голове золотая повязка, коса у Настеньки по колена,- на кого ни взглянет, рублем подарит, слово кому скажет, мурашки у того по всему телу забегают... Или Груша опять!.. Машенька!.. На подбор были собраны красавицы, а выбирались из целой вотчины. Все-то состарелось, а состарившись примерло!..

Заря в небе зарумянится, а в павильоне песни, пляс да попойка. Воевода, Матвей Михайлыч, драгунский, Иван Сергеич, губернатор и другие большие господа,- кто пляшет, кто поет, кто чару пьет, кто с богиней в уголку сидит... Сам князь Алексей Юрьич напоследок с Дуняшей казачка пойдет.

- Эй, вы, римляне! - крикнет под конец.- Похищай сабинынок, собаки!

Схватит каждый гость по девочке: кто посильней, тот на плечо красоточку взвалит, а кто в охапку ее... А князь Алексей

Юрьич станет средь комнату, да ту, что приглянулась, перстиком к себе и поманит... И разойдутся.

Тем именины и кончатся.

V. В МОНАСТЫРЕ

Охоту больше на красного зверя князь Заборовский любил. Обложили медведя - готов на край света скакать. Леса были большие, лесничих в помине еще не было, оттого не бывало и порубок; в лесной гущине всякого зверя много водилось. Редкую зиму двух десятков медведей не поднимали.

Только станет зима, человек сорок пошлют берлоги искать. Опречь того мужики по всей окружности знали, какое жалованье за медведя князь Алексей Юрьич дает, оттого, бывало, каждый, кто про медведя ни проведает, вести приносит к нему. А сохрани, бывало, господи, ежели кто без него осмелится медведя поднять! Не родись на свет тот человек!..

Сам любил мишку повалить. Таков приказ у него бил: «бей медведя, коли драть тебя станет, аль под себя подберет, - до тех пор тронуть его не моги».

Из ружья редко бивал, не жаловал князь ружейной охоты, больше все с ножом да с рогатиной. - «Надобно ж, говорит, бывало, Михайле Иванычу, господину Топтыгину, перед смертным часом дать позабавиться: что толку пулей его свалить, из ружья бей сороку, бей ворону, а с мишенькой весело силкой помериться!»

Сорокового бил из ружья. Сороковой медведь - дело не простое, редкому счастливо сходит он с рук - любит сороковой человека без костяной шапки оставить.

А всего медведей сто, коль не больше, повалил князь Алексей Юрьич в приволжских краях, и все ножом да рогатиной. Не раз и мишка топтал его. Раз бедро чуть не выел совсем, в другой, подобрав под себя, так зачал ломать, что князь закричал неблагим матом, и как медведя порешили, так князя чуть

живого подняли и до саней на шубе несли. Шесть недель хворал, думали, жизнь покончит, но бог помиловал.

Берлогу отыщут, зверя обложат. Станет князь против выхода. Правая рука ремнем окручена, ножик в ней, в левой – рогатина. В стороне станут охотники, кто с ружьем, кто с рогатиной. Поднимут мишку, полезет косматый старец из затвора, а снег-от у него над головой так столбом и летит.

И примет князь лесного боярина по-холопски, рогатиной припрет его, куда следует, покрепче. Тот разозлится да на него, а князь сунет ему руку в раскрытую пасть да там ножом и пойдет работать. Тут-то вот любо, бывало, посмотреть на князя Алексея Юрьича - богатырь, прямой богатырь!..

А по осени, как в отъездное поле соберутся, недель по шести, бывало, полкуют, провинции по две объезжали. Выедет князь Алексей Юрьич, как солнце пресветлое: четыреста при нем псарей с борзыми, ста полтора с гончими, знакомцев да мелкопоместных человек восемьдесят, а большие господа - те со своими охотами. Один Иван Сергеевич Опарин приедет, бывало, так свор восемьдесят с собой приведет... Народу видимо-невидимо. Двинутся, в рога тотчас, и такой трубный глас пойдет, что просто ума помраченье. А за охотой на подводах припасы везут, повара там, конюхи, шуты, девки, музыканты, арапы, калмыки и другой народ всякого звания!

Дадут поле - тотчас на привал. А у каждого человека фляжка с водкой через плечо, потому к привалу-то все маленько и наготове. Разложат на поле костры, пойдет стряпня рукава стряхня, а средь поля шатер раскинут, возле шатра бочонок с водкой, ведер в десять.

- С полем! - крикнет князь Алексей Юрьич, сядет верхом на бочонок, нацедит ковш, выпьет, сколько душа возьмет, да из того ж ковша и других почнет угощать, а сам все на бочонке верхом.

- С полем, честной отче! - крикнет Ивану Сергеичу. Подойдет Иван Сергеич, князь ему ковшик подаст.

- Будь здоров, князь Алексей, с чады, с домочадцы и со всеми твоими псами борзыми и гончими,- молвит Иван Сергеевич и выпьет.

- Целуй меня, лысый черт.

И поцелуются. А князь все на бочонке верхом. По одному каждого барина к себе подзывает, с полем поздравляет, из ковша водкой поит и с каждым целуется. После больших господ мелкопоместное шляхетство подзывает, потом знакомцев, что у него на харчах проживали.

А для подлого народу в сторонке сорокоуша готова. Народу немало, а винцо всякому противно, как нищему гривна: по малом времени бочку опростают.

Ковры на поляне расстелют, господа обедать на них усядутся, князь Алексей Юрьич в середине. Сначала о поле речь ведут, каждый собакой своей похвалятся, об лошадях спорят, про прежние случаи рассказывают. Один хорошо сморозит, другой лучше того, а как князь начнет, так всех за пояс заткнет... Иначе и быть нельзя; испокон веку заведено, что самый праведный человек на охоте что ни скажет, то соврет.

- Нет,- молвил князь Алексей Юрьич,- вот у меня лошадь была, так уж конь. Аргамак персидский, настоящий персидский. Кабинет-министр Волынский, когда еще в Астрахани губернатором был, в презент мне прислал. Видел ты у меня его, честный отче?

- А какой же это аргамак? Что-то не помню я у тебя, князь Алексей, такого.

- Э! нашел я спросить кого, точно не знаю, что ты до седых волос в недорослях состоишь и Питера, как черт ладану, боишься... Так вот аргамак был. Каковы были кони у герцога курляндского, и у того такого аргамака не бывало. Приставал не один раз курляндчик ко мне, подари да подари ему аргамака, а не то бери за него, сколь хочешь.

- Что же, продали, князь? - спросил Суматов, Сергей Осипыч, тоже барин большой.

- Эх, ты, голова с мозгом! Барышник, что ли, я конский, аль цыган какой, что стану лошадами торговать? В курляндском герцогстве тридцать четыре мызы за аргамака мне владеющий герцог давал, да я и то не уступил. А когда регентом стал, фельдмаршалом хотел меня за аргамака того сделать,- я не отдал.

- Ну уж и фельдмаршалом! - усмехнулся Иван Сергееч.

- Да ты молчи, лысый черт, коли тебя не спрашивают. Знаешь, что во многоглаголении несть спасения, потому и молчи... Просидел век свой в деревне, как таракан за печью, так все тебе в диковину... Что за невидаль такая фельдмаршал?.. Не бог знает что!.. Захотел бы фельдмаршалом быть, двадцать бы раз был. Не хочу да и все.

- Полно-ка ты, князь Алексей. Ну что городишь? Слушать даже тошно... Ну как бы ты стал полки-то водить, когда ни в единой баталии не был.

- Ври да не завирайся, честный отче! - крикнет на то князь Алексей Юрьич.- Как я в баталиях не бывал? А Очаков-от кто взял? А при Гданске кто викторию получил?.. Небось, Миних, по-твоему? Как же!.. Взять бы ему без меня две коклюшки с половиной!... Принял только на себя, потому что хитер немец, везде умеет пролезть... А я человек простой, вязаться с ним не захотел. Ну, думаю себе, бог с тобой, обидел ты меня, да ведь господь терпел и нам повелел... И отлились же волку овечьи слезки! Теперь проклятый немец в Польше с ледяными сосульками воюет, а мы вот гуляем да красного зверя травим!.. Да!

И подвернись на грех Постромкин, Петр Филипыч, из мелкопоместных. Служил в полках, за ранами уволен от службы. Вступишь он за Миниха - под командой у него прежде служил.

Как вскочит князь Алексей Юрьич, пена у рта.

- Ах, ты, шельмец! - закричал,- Смеешь рот поганый распускать... Эй, вы!.. Вздуть его!

Выпил ли чересчур Петр Филипыч, азарт ли такой нашел на него, только как кинется он на князя, цап за горло, под себя, да и ну валять на обе корки.

- Смеешь ты, говорит, честного офицера шельмецом обзывать!.. Похвальбишка ты паскудный!.. Да я сам, говорит, тебя вздую.

И вздул.

А князь:

- Полно, полно, Петр Филипыч... Больно ведь!.. Перестань... Лучше выпьем!.. Я ведь пошутил, ей-богу, пошутил.

И с той поры приятели сделались. Водой не разольешь.

Наедут, бывало, на вотчину Петра Алексеича Муранского. Барин богатый, дом полная чаша, но был человек невеселый, в болезни да в немощах все находился. А с молодую «скосырем» слыл и, живучи в Питере на ассамблеях и банкетах так шпынял¹ больших господ, барынь и барышень, что все речей его пуще огня и чумы боялись. С Минихом под туркой был, под Очаковым его искалечили, негоден на службу стал и отпросился на покой. Приехал в деревню и ровно переродился. Был одинок, думали – женится, а он в святость пустился: духовные книги зачал читать, и хоть не монах, а жизнь не хуже черноризца повел. Много добра творил, бедным при жизни его хорошо было: только все это узналось лишь после кончины его, для того, что милостыню творил тайную. И такой был мудреный человек, что всем на удивление! Была псарня, на охоту не ездил; были музыканты, при нем не играли; ни пиров, ни банкетов не делал; сам никуда, кроме церкви, ни ногой и холопам никакого удовольствия не делал, не поил их, не бражничал с ними... И что же? И господа и холопы как отца родного любили его. Недаром князь Алексей Юрьич «чудотворцем» его называл. А другие колдуном считали Муранского.

К нему, бывало, охотой двинутся. Табор-от в поле останется, а князь Алексей Юрьич с большими господами, с шля-

---

¹ Шпынять — подсмеиваться, острить.

хетством, с знакомцами, к Петру Алексеичу в Махалиху, а всего поедет человек двадцать, не больше, Петр Алексеич примет гостей благодушно, выйдет из дома на костылях и сядет с князем рядышком на крылечке. Другие одадь - и ни гугу.

- Ну, чудотворец, - скажет, бывало, князь Алексей Юрьич,- мы к тебе заехали потрапезовать: припасы свои, нынче ведь пятница, опричь луку да квасу у тебя, чай, нет ничего. Благослови на мясное ястие и хмельное питье!.. Эй, ты, честный отче!... Лысый черт!.. Куда запропастился?

А Иван Сергеич чинным шагом выступает с задворка, ровно утка с боку на бок переваливается. Маленький был такой да пузатенький.

- Здравствуйте, говорит, государь мой, Петр Алексеич. Как вас господь бог милует? Что ты, князь Алексей, меня кликал! Аль заврался в чем-нибудь, так на выручку я тебе понадобился?

- Я-те заврюсь! У меня, лысый черт, ухо остро держи. Проси-ка вот лучше у чудотворца на трапезу благословенья,.. Эх! да ведь у меня из памяти вон, что ты, честный отче, раскола держишься - сам сегодня ради пятницы, поди, на сухарях пробудешь? Нельзя скоромятины - выгорецкие отцы не благословили,

И пойдут перекоряться, а Петр Алексеич молчит, только ухмыляется.

- Пошпыняй ты его хорошенько, пошпыняй лысого-то черта,- скажет князь Алексей Юрьич,- вспомни старину, чудотворец!.. Помнишь, как, бывало, на банкетах, у графа Вратиславского всех шпынял.

- Полно-ка, миленький князь,- ответит Петр Алексеич.- Мало ль чего бывало? Что было, голубчик, то былью поросло. А обед вам готов; ждал ведь я гостей-то... Еще третьего дня пали слухи, что ты с собаками ко мне в Махалиху едешь. Милости просим.

- Ну, вот за это спасибо, чудотворец. Погреб-то вели отпереть, не то ведь- народ у меня озорной, разбойник - на разбойнике. Неровен час: сам двери вон - да без угощенья, что ни есть в погребу, и выхлебают. Не вводи бедных во грех - отдай ключи.

- Ох ты, проказник, проказник, миленький мой князинька! - с усмешкой промолвит Петр Алексеич.- Что с тобой делать!.. Пахомыч!

Подойдет ключник Пахомыч.

- Отдай княжим людям ключи от второго, что ли, погреба. Пускай утешаются. Да молви дворецкому: гости, мол, есть хотят.

Из табора нагрянут и выпьют весь погреб. А в погребе сорокоуша пенного да ренское, наливки да меды. А погребов у Муранского было с десятков.

Посередь Заборья, в глубоком поросшем широколистным лопушником овраге, течет в Волгу речка Вишенка. Летом воды в ней немного, а весной, когда в верхотинах мельничные пруды спустят, бурлит та речонка не хуже горного потока, а если от осеннего паводка сорвет плотины на мельницах, тогда ни одного моста на ней не удержится, а на день или на два нет через нее ни перехода, ни переезда.

Раз, напировавшись у Муранского, взявши после того еще поля два либо три, князь Алексей Юрьич домой возвращался. Гонца наперед послал, было б в Заборье к ночи сготовлено все для приема больших господ, мелкого шляхетства и знакомцев, было б кого накормить, напоить и где спать положить псарей, доезжачих, охотников.

Ветер так и рвет, косой холодный дождик так и хлещет, тьма - зги не видно. Подъезжают к Вишенке - плотины сорваны, мосты снесены, нет пути ни конному, ни пешему. А за речкой, на угоре, приветным светом блещут окна дворца Заборского, а налево, над полем, зарево стоит от разложенных кост-

ров. Вкруг тех костров псарям, доезжачим, охотникам пировать сготовлено.

Подъезжает стремянный, докладывает: «нет переезду!...»

- Броду! - крикнул князь.

Стали броду искать - трое потонуло. Докладывают...

- Броду!.. - крикнул князь зычным голосом. - Не то всех перепорю до единого! - И все присмирели. Лишь вой ветра да шум разъяренного потока слышны были.

Еще двоих водой снесло, а броду нет.

- Бабы!.. - кричит князь. - Так я же вам сам брод сыщу!

И поскакал к Вишенке. Нагоняет его Опарин, Иван Сергеич, говорит:

- Ты богатырь, то всем известно... Ты перескочишь, за тобой и другие... Кто не потонет, тот переедет... А собаки-то как же? Надо ведь всех погубить. Хоть Пальму свою пожалей.

А Пальма была любимая сука князя Алексея Юрьича - подаренье приятеля его, Дмитрия Петровича Палецкого.

- Правду сказал, лысый черт,- молвил князь, остановив коня.- Что ж молчал?.. Пятеро ведь потонуло!.. На твоей душе грех, а я тут ни при чем.

Поворотил коня, стегнул его изо всей мочи и крикнул:

- В монастырь!

А монастырь рядом, на угоре. Был тот монастырь строевые князей Заборовских, тут они и хоронились; князь Алексей Юрьич в нем ктиторм был, без воли его архимандрит пальцем двинуть не мог. Богатый был монастырь: от ярмонки большие доходы имел, от ктитора много денег и всякого добра получал. Церкви старинные, каменные, большие, иконостасы золоченой резьбы, иконы в серебряных окладах с драгоценными камнями и жемчугами, колокольная высокая, колоколов десятков до трех, большой - в две тысячи пуд, риз парчовых, глазетовых, бархатных, дородоровых множество, погреба полнехоньки винами и запасами, конюшни - конями доброезжими, скотный двор - ко-

ровами холмогорскими, птичный - курами, гусями, утками, цесарками.

А порядок в монастыре не столько архимандрит, сколько князь держал. Чуть кто из братии задурит, ктитор его на конюшню. Чинов не разбирал: будь послушник, будь рясофор, будь соборный старец - всяк ложись, всяк поделом принимай воздаянье. И было в Заборском монастыре благостроение, и славились старцы его великим благочестием.

Только что решил князь в монастыре ночлег держать, трое вершников поскакали архимандрита повестить. Звон во все колокола поднялся...

Подъехали. Святые ворота настезь, келарь, казначей, соборные старцы в длинных мантиях по два в ряд. По сторонам послушники с фонарями. Взяли келарь с казначеем князя под руки, с пением и колокольным звоном в собор его повели. За ними большие господа, шляхетство, знакомцы. Псари, доезжачие, охотники по широким монастырским дворам, костры разложили - отец казначей бочку им выкатил. Греются - Христос с ними - под кровом святой обители Воздвижения честного и животворящего креста господня... А собаки вокруг них тут же отдыхают, чуя монастырскую овсянку. Отец эконоом первым делом распорядился насчет собачьего ужина... Знал старец преподобный, сколько милы были псы сердцу ктитора честный обители... Оттого и заботился...

В церкви князь встретил архимандрит соборне, в ризах, с крестом и святою водою. Молебен отпели, к иконам приложились, в трапезу пошли. И там далеко за полночь куликали.

Разместились гости, где кому следовало, а князь с архимандритом в его келье лег. Наступил час полуночный, ветер в трубе воет, железными ставнями хлопает, но крыше свистит. Говорит князь шепотом:

- Отче архимандрит... Отче архимандрит... Спишь аль нет?..

- Не сплю, ваше сиятельство. А вам что требуется?

- Страх что-то берет!.. Что это воет?..
- Ветер, - говорит архимандрит.
- Нет, отче преподобный, не ветер это, другое что-нибудь.
- Чему же другому-то быть? - отвечает архимандрит. - Помилуйте, ваше сиятельство! Что это вы?
- Нет, отче святой, это не ветер... Слышишь, слышишь?..
- Слышу... Собаки завывали.
- Цыц, долгогривый!.. Собак тут нашел!.. Слышишь?.. Душа Палецкого воет... Знал ты Палецкого Дмитрия Петровича?
- Разве могут души усопших выть? - молвил архимандрит.
- Это не говори... Не говори, отче преподобный... Мало ль что на свете бывает!.. Это Палецкий!.. Он воет!.. Слышишь? Упокой, господи, душу усопшего раба твоего Дмитрия... Страшно, отче святой!.. И лампадка-то у тебя тускло горит... Зажги свечу!..
- Зажгу, пожалуй, - молвил архимандрит. - Да полноте, ваше сиятельство. Как это не стыдно и не грех?
- Толкуй тут, а я знаю... Это меня зовет Палецкий... Скоро, отче, придется тебе хоронить меня.
- Что это вам на ум пришло? - говорит архимандрит.- Конечно, памятование о смертном конце спасительно, да ведь и суеверие греховно... Уж если о смерти помышлять, так лучше бы вашему сиятельству о своих делах подумать.
- А что мои дела?.. Какие дела?.. Украл, что ли, я у кого?.. Позавидовал кому?.. Аль мало вкладов даю тебе на монастырь, подлая твоя душа, бесстыжие поповские глаза!.. Нет, брат, шалишь! На этот счет я спокоен, надеюсь на божье милосердие... А все-таки страшно...
- То-то страшно: страшен-то грех, а не смерть... Так-то, ваше сиятельство,- молвил архимандрит.

- Привязался, жеребьячья порода, с грехами, что банный лист! И говорить-то с тобой нельзя. Тот час начнет городить черт знает что... Давай спать, я и свечку потушу.

- Спите с богом, почивайте, покойной ночи вашему сиятельству,- проговорил архимандрит.

Замолчали, и ветер маленько стих. А князь Алексей Юрьичь все вздыхает, все на постели ворочается. Опять завыл ветер.

- Что это все воздыхаете, ваше сиятельство? - спросил архимандрит.

- О смертном часе, отче святой, вздыхаю. Слышишь?.. Слышишь?.. Упокой, господи, душу раба твоего Дмитрия!.. Его голос...

- Да это собака завывала.

- Собака?.. Да... Да... Собака, точно собака... Только стой!.. погоди!.. Пальма - ее голос... А Пальма Палецкого подаренье... это - она его душу чувствует, ему завывает... А это?.. Да воскреснет бог и расточатся враги его!.. Это что? Собака, потвоему, собака?

- Ветер в трубе.

- Ветер!.. Хорош ветер!.. Упокой, господи, душу раба твоего Дмитрия! Хороший был человек, славный был человек, любил я его, душа в душу мы с ним жили. Еще в Петербурге приятелями были, у князя Михайлы ознакомились, когда князь Михайла во времени был. Обоим нам за одно дело и в деревни велено... Все, бывало, вместе с ним... Ох, господи!.. Страшно, отче святой!..

- Полноте, ваше сиятельство, перестаньте... Вы бы перекрестились да молитву сотворили. От молитвы и страх и ночное мечтание яко дым исчезают... Так-то...

- Молюсь... молюсь, отче преподобие... Прости, господи, согрешения мои, вольные и невольные... Опять Пальма!.. Чует, шельма, старого хозяина!.. Яже словом, яже делом, яже ведением и неведением!... Видишь ли, отче, когда умирал Дмитрий

Петрович, царство ему небесное, при нем я был... И он, голубчик взял меня за руку, да и говорит: «Нехорошо, князенька, мы с тобой жили на вольном свету, при смерти вспомнишь меня»... Да с этим словом застонал, потянулся, глядь - не дышит... Ох, господи!.. Чу!.. Поминает, что смерть подходит ко мне... Слышишь, отче?..

- Одно суеверие,- сказал архимандрит. - Предзнаменованиям веры давать не повелено... Кто им верит - духу тьмы верит... Пустяками вы себя пугаете.

- У тебя все пустяки!.. Нет, отче святой, разумею аз, грешный, близость кончины: предо мной стоит... Слышишь?.. Скоро предамся червям на съедение, а душу неведомо како устроит господь.

- Да отчего это вам в голову пришло?

- Мало ль отчего?.. И Палецкий воет, и Пальма воет, и сны такие вижу... Сказано в писании: «старцы в сониях видят». У пророка Иоилия сказано то! А мне седьмой десяток, стало быть, я старец... Старец ведь я, старец?..

- Дело не молодое,- молвил архимандрит.

- Так видишь ли: «старцы в сониях видят». А что я вчор во сне видел?.. С Машкой-скотницей венчался... Видеть во сне, что венчаешься - смерть.

- Полноте, греховодник вы этакий!

- Тебе все полно да полно! Не тебе, чернохвостнику, в гроб-от ложиться... А это, по-твоему, тоже «полно» что намени Дианка тринадцатую оценилась? Да еще одного трехпалого принесла, сам борзой, щипец ровно у гончей, и без правила. Это, по-твоему, тоже ничего?

- Не повелено, ваше сиятельство...

- Да ты молчи, коль я с тобою говорю, черт ты этакий!.. По-твоему и это ничего, что нынешнего года в самое мое рожденье зеркало в гостиной у меня лопнуло?..

- Слышал я, что сами же свечу под то зеркало подставили.

- Врешь, отче преподобный, ничего ты не смыслишь!.. Коли зеркало лопнуло - кончено дело. Тут уж, брат, как ни вертись - от смерти не отвертишься. А тебе все ничего... Ты, пожалуй, скажешь, и это ничего, что намерен ко мне воробей в кабинет залетел?.. По-твоему, и это ничего, что на прошлой неделе нас ужинать село тринадцать?.. Отсчитал от себя тринадцатого - вышел Скорняков. Знаешь Скорнякова? В знакомцах у меня проживает - рыжий такой, губа сеченая... Думаю, пусть же над ним надо псом оборвется тринадцатый. Велел ему пить - жизнь бы свою тут же покончил, собака... С полведра вылакал, бестия, без памяти под стол свалился, ни духу, ни послушания. «Ну, думаю, слава тебе, господи - опился. Тринадцатый-то, значит, он...» Что ж ты думаешь?.. На другой день поутру глядь, а он в буфете похмеляется... Так меня варом и обдало!.. Кто ж, по-твоему, тринадцатый-то вышел?.. А?..

- Великий грех суевериям предаваться,- говорил архимандрит.

- А ты молчи, жеребьячья порода!.. Видишь, к смертному часу готовлюсь, так ты молчи... Слышишь!.. Опять Палецкий!.. А вот и Пальма его учуяла!.. Страшно!.. Помолись обо мне, отче преподобный, не помяни моих озлоблений, помолись за меня, за грешного, простил бы господь прегрешения мои, вольная и невольная... Молись за меня, твое дело. Еще году не прошло, большой вклад тебе положил, колокол вылил - значит, не даром прошу святых молитв твоих... Духовную писал, душеприказчиком тебя сделал. Сам знаешь, oprичь тебя такого дела поручить некому, народ все пьяный, забулдыжный... Так уж я тебя... Помру, положи ты меня в ногах у родителя моего, князя Юрия Никитича; сорок обеден соборне отслужи за меня, в синодик запиши в постенной и в литейной, чтобы братия по все годы молилась за меня беспереводно. А панихиды по мне петь: на день преставления моего да пятого октября, на день московских святителей Петра, Алексия, Ионы - ангела моего день,- и служить те панихиды каждый год беспереводно... И в те дни

корм на братию и велие утешение... Так и вели записать в синодик, и те бы архимандриты, которые после тебя будут, ведали и чинили по моему завещанию каждым год безо всякий поруки. А душу свою тебе поручаю. Будь ты на покон моей души памятник, умоли ты господа бога об отпущеньи грехов моих, будь моим ходатаем, будь моим молитвенником, изведи из темницы душу мою...

И, заливаясь слезами, повалился в ноги архимандриту, ноги у него и срачицу целует, а сам так и рыдает.

Архимандрит утешает его, а князь так и разливается, плачет.

- Получишь ты по духовной большие деньги, сколько получишь, теперь не скажу: не добро хвалиться о делах своих... Четверть тех денег себе возьми, делай на них, что тебе господь на сердце положит; другой четвертью распорядись по совету с братиею, как устав велит... На соборе-то главы позолоти, со всем ведь облезли; говорил я тебе, и денег давал, и бранился с тобой, а тебе все неймется, только и слов от тебя: «лучше на иную потребу деньги изведу»... А владычице жемчужный убрους устрой, жемчуг княгиня Марфа Петровна выдаст, да выдаст она еще тебе пять пудов серебряного лому, из того лому ризы во второй ярус иконостаса устрой. В Москве закажи... Зубрилову серебрянику не сметь заказывать; я еще с ним, с подлецом, покамест жив, разделаюсь... Отведает, каналья, вкусны ль заборские кошки бывают... Представь ты себе, отец архимандрит, на ярмонке смел он, шельмец, до моего парадного выезду лавку открыть. Счастлив, что тотчас же уехал, а то б я ему штук пятьсот середь ярмонки-то вlepил бы.

Под это слово ставень - хлоп! Побледнел князь, задрожал.

- Упокой, господи, душу раба твоего Дмитрия!.. За мной пришел. Слышал?..

- Ставень хлопнул,- ответил архимандрит.

- У тебя все ставень!.. У тебя все... А Пальма-то, Пальма-то так и завывает!

- Да полноте же, ваше сиятельство!.. Как это не стыдно?.. Ровно баба деревенская.

- Ругаться, черт этакий?.. - во все горло закричал князь и кулаки стиснул. - Не больно ругайся, промозглая кутья!.. Кулак-от у меня бабий?.. Ну-ка понюхай.

И поднес кулачище к архимандричьему носу.

- Ложитесь-ка лучше с богом на покой... Давно уж пора, - кротко и спокойно промолвил архимандрит.

- Без тебя знают!.. «Баба»!.. Дам я тебе бабу, долгогривый черт!.. Ох, господи, помилуй, опять Пальма... Нет, отче святой, надо умирать, скоро во гроб положишь меня, скоро в склеп поставят меня, темно там... Сыро... Ох, господи, помилуй, господи, помилуй!.. Да!.. Ведь я не докончил тебе про духовную-то... Третью четверть денег раздай по всей епархии протопопам, попам, дьякам, пономарям и иным, сколько их есть, причетникам по рукам, каждому дьякону против попа половину, каждому причетнику против дьякона половину. И закажи ты им, и попроси ты их, усердно бы молились всемилостивому спасу и пресвятой богородице о прощении грешной души раба божия князя Алексия, искупили бы святыми молитвами своими велия моя прегрешения... Кирчагинскому дьякону не смей ни копейки давать!.. Вздумал на меня в губернскую канцелярию челобитну подать?.. Поле, слышь, у него я вытоптал, корову застрелил!.. Так разве хотел я у него хлеб-от топтать? Виноват разве я, что заяц в овес к нему кинулся?.. Упускать русака-то ради дьяконского овсишка?.. А корову?.. Разве сам я стрелял?.. Со мной вон сколь всякой сволочи ездит, усмотришь разве за всеми?.. Усмотришь разве?.. Нет, ты скажи, отче преподобный, можно ль за этими дьяволами усмотреть?.. А?... Можно?.. Да ты молчи, коли я говорю, губы-то не распускай: во многоглаголении несть спасения, так ты и молчи... Нечего тебе рассказывать: к духовному чину завсегда респект имею, потому что вы наши пастыри и учителя теплые об нас молитвенники, очищаете нас, окаянных, в бездне греховной валяющихся, ото всякие

мерзости и нечистоты... Оттого даже ни один пономарь отродясь в Заборье на конюшне у меня не бывал... А кирпичинский помни!.. Помни, подлый кутейник, овес да корову... Еще доберусь до шельмеца!.. Останную четверть денег изведи на похороны... Покрова не покупай, в Париж к двоюродному брату, князь Владимиру, посланы деньги, самой бы наилучшей лионской парчи там купил. Боюсь только, не спустил бы мои денежки в фаро. В Версали большую игру ведет. Ему, шалопаю, и в голову не может прийти, что по его милости могу я на тот свет голышом пред богом предстать... Прошлого года просил его купить сочинения Вольтера да гобеленов в угольную. До сих пор не шлет... Шапку архимандричью устрой себе, у княгини Марфы Петровны жемчугов и камней спроси, - давно ей от меня приказано... А не княгиню, так капральшу крутихинскую спроси, она тоже знает... Да делай шапку-то поразвалистей, а то срам глядеть на тебя - в каких шапках ты служишь: ни фасону, ни красоты, нет ничего... На похороны все шляхетство созови, и столповых, и молодых, и мелкопоместных; хорошенько помянули бы меня за упокой... Белавина Федьку не смей только звать... Он меня знать не хочет, и я его знать не хочу... Эка важна персона!.. А тоже сердце имеет!.. Поучил я его прошлого года маленько, так он и губу надул... Да это бы наплевать, я бы за это и вспороть его мог. В Петербург что-то писал про меня. До двора дошло; отписывали мне, будто по этому делу на куртаге говорили про меня немилостиво. А я ведь хоть не в опале, да и не во времени... Много ль надо меня уходить... Будь это при втором императоре, будь при владеющем курляндском герцоге - я бы Федьку в рудниках закопал, - а теперь я что?.. В подлости нахожусь - не хуже тебя долгогривого... Оттого и махнул я рукой на Белавина... Что с дураком связываться? Наплевать да и все тут... А ведь поучил-то его за что... Ради его же души спасения... Видишь ли, как было дело: обедал Федька у меня в воскресенье, великим постом. Сам знаешь, большие посты я соблюдаю, устав тоже знаю... Подают

кушанье как следует: вино, елей, злаки и от черепокожных. А Федька Белавин, когда подали стерляжью уху, при всех и кричит мне с другого конца стола: «вы, говорит, ваше сиятельство, сами-то постов не соблюдаете, да и гостей во грех вводите».- «Что заврался, говорю, в чем ты грех нашел?» - «А в этом», - говорит да на стерлядь и показывает. Велел подать «Устав о христианском житии», подозвал Федьку Белавина: «Читай, говорю, коли грамоте знаешь». А он: «Тут писано про черепокожных, сиречь про устерсы, черепахи, раки и улитки, яже акридами нарицаются». Зло меня взяло, слыша такое ругательство над церковью божиею... Как?.. Чтобы нам святыми отцами заповедано было снестать такую гадость, как улитки?.. А Федька богомерзкий свое несет, говорит: «Стерлядь-рыба, черепа на ней нет». Поревновал я по «Уставе», взял стерлядку с тарелки да головой-то ему в рыло.- «Что, говорю, есть череп, иль нет?» Кровь пошла - рассадил ему рожу-то. Только всего и было... Не драл его, не колотил, волосом даже не тронул, об его же спасении поревновал, чтобы в самом деле, по глупости своей, не вздумал христианскую душу скверно улиткой поганить... Так поди ж ты с ним... В доносы пустился: дивлюсь еще, как слово и дело не гаркнул... Погубить бы мог, шельмец... Плюнул я на Федьку, знаться с дураком не хочу и на поминках моих кормить нечестивую утробу его не желаю. Не зови его, отче святой, никак не зови... Позовешь, будем с тобой на том свете перед истинным спасом судиться. Помни же это... Мне что!.. Господь с ним, с Белавиным, меня, маленького человека, обидеть легко, а каково-то ему на том свете будет... Вот что!.. Ну, давай спать, старина.

Ветер затих. По малом времени и князь и архимандрит захрапели.

На заре проснулся князь Алексей Юрьич, говорит архимандриту:

- Надо мне, отче, на тот свет собираться. Надо, как ты ни мудри. Только заснул я, Палецкий в овраге стоит и Пальма с

ним, а в враге жупель огненный, серой пахнет... Стоит Палецкий да меня к себе манит, сердце даже захолонуло...

- Что ж такое? - спросил архимандрит.

- Говорит: «подь сюда; сколь вору ни воровать, виселицы не миновать»... Ужаснулся я, отче, пот холодный прошиб меня, проснулся, а он воет, и Пальма воет... Нет, отче преподобный, вижу, что жить мне недолго: сегодня же князю Борису пишу, ехал бы в Заборье скорей, мать бы свою не оставил, отца бы предал честному погребенью... Шабаш охота!.. Поеду от тебя прямо домой - с женой проститься, долг христианский исполнить. Приезжай вечером исповедать меня, причастить... На своих приезжай, мои-то кони в разгоне... Свадьбу сегодня у меня справляют... Устюшку-то замуж выдаю. Знаешь Устюшку-то мою? Маленькая такая, чернявенькая... ух, горячая девка какая!.. Так уж ты, отче святой, на своих приезжай, к непостыдной кончине готовить меня многогрешного...

- Слушаю, ваше сиятельство, слушаю, беспрременно приеду, не премину - говорит архимандрит.- А к княгине Марфе Петровне поезжайте, примиритесь с нею по-христиански: знаю ведь я, что вот уж шестой год как вы слова с ней не перемолвили... Замучилась она, бедная!

- Что княгиня?.. Баба!.. Бабе плеть...

- Эх, ваше сиятельство!.. Чем бы суевериям предаваться да сны растолковывать, лучше бы вам настоящим делом о смертном часе помыслить, укрощать бы себя помаленьку, с ближними бы мириться.

- Что мне с ними мириться-то!.. Обидел, что ли, я кого?.. Курица, и та на меня не пожалуется!.. А страшно, отче преподобие!.. Ох, голова ты моя, головушка!.. Разума напилась, к чему-то приклонишься?.. В монахи пойду.

- Княгиню-то куда же?

- Ну ее к бесу! Мне бы свою-то только душу спасти... А она как знает себе, черт с ней.

- Ах, ваше сиятельство, ваше сиятельство!.. Что с вами делать? Не знаю, что и придумать.

- «Что делать? Что делать?..» - передразнил князь архимандрита.- Ишь какой недогадливый!.. Да долго ль, в самом деле, мне просить молитв у тебя?.. Свят ты человек пред господом, доходна твоя молитва до царя небесного? Помолись же обо мне, пожалуйста, сделай милость» помолись хорошенько, замоли грехи мои... Страшен ведь час-от смертный!.. К дьяволам бы во ад не попасть!.. Ух, как прискорбна душа!.. Спаси ее, отче святой, от огня негасимого...

И заплакал, и упал к ногам архимандрита... Ноги у него целует, говорить не может от душевного смирения, от сердечного умиления.

Вдруг за оградой гончие потянули по зрячему... Грянули рога на зверя на красного... Как вскочит князь!

- На-конь! - крикнул в окно зычным голосом.

И, кое-как одевшись, не простясь с архимандритом, метнулся на крыльцо и вскочил на лошадь...

Во весь опор помчалась за ним охота к оврагу Юрагинскому.

VI. КНЯГИНЯ МАРФА ПЕТРОВНА

Много горя натерпелась в свою жизнь княгиня Марфа Петровна, мало красных дней на долю ей выпало,- великая была мученица,- царство ей небесное!

Родитель ее, князь Петр Иванович Тростенский, у первого императора в большой милости был. Ездил за море иностранным наукам обучаться, а воротясь на Русь, больше все при государе находился. В Полтавской баталии перед светлыми очами царскими многую храбрость оказал, и, когда супостата, свейского короля, побили, великий государь при всех генералах целовал князя Тростенского и послал его на Москву с отписками о дарованной богом виктории.

Отпуская в путь, дал ему государь письмо к старому боярину Карголомскому. А тот Карголомский жил по старым обычаям. И с бородой не пожелал было расстаться, но когда царь указал, волком взвыл, а бороды себя лишил. Зато в другом во всем крепко старинки держался. Был у него сын, да под Нарвой убили его, после него осталась у старика Карголомского внучка. Ни за ним, ни перед ним никого больше не было. А вотчин и в доме богатства - тьма тьмущая.

Отдает великий государь письмо князю Тростенскому, сам такой приказ ему сказывает:

- Будучи на Москве, изволь отдать письмо Карголомскому, и что в том письме писано, изволь, с своей стороны, чинить по нашему указу. В накладе не будешь... - Да поцеловавши князя в лоб, примолвил: - С богом.

Приехавши на Москву, подал князь Петр Иванович царское письмо Карголомскому. Прочитал старик, охнул, затрясся, пот на лбу у него выступил. Положив три земных поклона перед спасовым образом, сказал князю Тростенскому:

- Воля государева, а мы все его да божьи.

А в государеве письме было писано:

«Понеже господин майор князь Тростенский в европейских христианских государствах науке воинских дел доволно обучался и у высоких potentatov при наших резидентах не малое время находился, ныне же во время преславной, богом дарованной нам над свейским королем виктории великую храбрость пред нашими очами показал, того ради изволь выдать за него в замужество свою внучку, и тем делом прошу поспешить. А дело то и вас всех поручаю в милость всевышнего».

Горька пришлась свадьба старику Карголомскому: видел он, что нареченный его внучек - как есть немец-немцем, только звание одно русское. Да ничего не поделаешь: царь указал. Даже горя-то не с кем было размыкать старику... О таком деле с кем говорить?... Пришлось одному на старости лет тяжкую думушку думать. Не вытерпел долго старик - помер.

Молодые жили душа в душу. Великий государь и родные, глядя на них, не могли нарадоваться. Через год после Полтавской баталии даровал им господь княжну Марфу Петровну. Конца не было радостям. Сам государь княжну изволил от святой купели принимать и когда стала она подрастать, все, бывало, нет-нет, а у отца и наведается, чему крестница обучается и каково ей наука дается. Ливонскую немку сам приставил ходить за ней, пленного шведа пожаловал для обучения княжны всякой науке и на чужестранных языках говорить, француза для танцев сам князь от себя наймовал. Придет, бывало, великий государь к князю Тростенскому, - а ездил к нему нередко, - анисовой спросит, кренделем закусит и велит княжну к себе привести, почнет ее расспрашивать чему дареный швед выучил, по-чужестранному заговорит с ней, менуэт заставит проплясать, а потом поцелует в лоб да примолвит: «Расти, крестница, да ума копи, вырастешь большая - мое будет дело жениха сыскать». Не сподобил царя господь при себе пристроить крестницу: пятнадцать годочков княжне не минуло, как взял к себе бог первого императора.

По восьмому годочку осталась княжна после матери, а родитель через полгода после великого государя жизнь скончал. Оставалась княжна сиротиночкой, кровных, близких, родных нет никого, одна, что хмелинка без тычинки, и нет руки доброй, ласковой, поддержал бы сиротство да малость ее... За опекой дело не стало - сирота богатая, не обьест... Взяла княжну тетка ее внучатная - княгиня Байтерекова. Стала с ней княжна во дворец на куртаги ездить, на ассамблеи к светлейшему Меншикову, к графу Головкину, к князю Куракину, а к иным знатым персонам на балы, на банкеты, и с визитою. И не было в Питере подобных красавиц и разумниц, как княжна Марфа Петровна Тростенская.

В коем дому невеста богатая, в том дому женихи, что комары на болоте толкутся. Так в старые годы бывало, так повелось и в нынешни дни... У княжны отбою от женихов не было,

а были те женихи из самых знатных родов, а которые не родовиты, иль родов захудалых, те знатные чины при дворе иль в гвардии имели. Однако княжна хоть и молоденька была, но честь свою наблюдала крепко, многие ею «заразились», а она благосклонности никому не показала.

Девьеров сын, Петр Антоныч, был счастливей других. На куртагах княжну на любовь склонил, через тетку Байтерекову присватался, через отца своего доложил государыне... Перед обручением Екатерина Алексеевна изволила княжну иконой благословить, а свадьбу велела отложить, пока не пошлет ей господь облегченья. Была государыня нездорова, а крестницу первого императора сама хотела замуж отдать и тем обещанье Петра Великого выполнить.

Ждут жених с невестой месяц, ждут другой, третий, царице все хуже да хуже. Болезнь становилась прежестокая, стали тихомолком поговаривать, вряд ли поднимет царицу господь. А кому, отходя сего света, земное царство откажет, не ведал никто. И печальны все были... Не до пиров, не до свадеб... Государыня едва дух переводила, как женихова отца, графа Девьера, взяли под караул... Дом его опечатали, к княгине Байтерековой драгунский капитан приезжал; все вещи княжны Тростенской пересмотрел, какие письма от жениха к ней были, все отобрал, а самой впредь до указа никуда не велел из дома выезжать.

Перед вешним Николей, дня за три, по Питеру беготня пошла: знатные персоны в каретах скачут, приказный люд на своих на двоих бежит, все ко дворцу. Солдаты туда же маршируют, простой народ валит кучами... Что такое?.. Царицы не стало, бегут узнать, кто на русское царство сел, кому надо присягу давать. Услыхавши ту весть, княжна на пол так и покати-лась... Вечеру сказали: женихова отца кнутом бить, чести, чинов, имения лишить и послать в Сибирь, а жениха в дальнюю деревню вместе с его матерью. И родную сестру не пожалел светлейший Меншиков.

И проститься жениху с невестой не дали. Хотела было княжна с другом своим в несчастье ехать, да тетка Байтерекова и многие другие знатные персоны ее отговорили.

Год прошел; новый царь со всем двором в Москву переехал. Байтерекова с племянницей туда же... Там приглянись княжна князю Заборовскому. Человек был уже не молодой, лет под сорок, вдовец, хоть и бездетный. Княжна и слышать про него не хотела. А князь Алексей Юрьич с государевым фаворитом, князем Иваном Алексеичем Долгоруким, в ближней дружбе находился... Стал ему докучать про невесту, фаворит доложил государю... И сказано было княжне: «крестный твой отец, первый император, дал тебе обещанье, когда в возраст придешь, жениха сыскать, но не исполнил того обещания, волею божиею от временного царствования в вечное отыде, того ради великий государь, его императорское величество, памятуя обещание деда своего, указал тебе, княжне, Марфе Петровой, дочери Тростенского, быть замужем за князем Алексеем княж Юрьевичем Заборовским».

Только что стала зима, на Москве торжества и пиры пошли. Сам государь с сестрой фаворита обручался, фаворит с Шереметевой, князь Заборовский с княжной Тростенской. Ровно знал князь Алексей Юрьич, что скоро перемена последует: только святки минули и свадьбы играть стало невозбранно, он повенчался с княжной.

Невеселая свадьба была: шла невеста под венец, что на смертную казнь, бледней полотна в церкви стояла, едва на ногах держалась. Фаворит в дружках был... Опоздал он и вошел в церковь сумрачный. С кем ни пошепчется - у каждого праздничное лицо горестным станет; шепнул словечко новобрачному, и тот насупился. И стала свадьба грустней похорон. И пира свадебного не было; по скорости гости разъехались, тужа и горя, а о чем - не говорит никто. Наутро спознала Москва, - второй император при смерти.

Княгиня Марфа Петровна и до свадьбы и после свадьбы ходила словно в воду опущенная; новобрачный тоже день ото дня больше да больше кручинился... Про великого государя вести недобрые: все тяжелей становилось ему. А была в ту пору «семибоярщина». С семьей верховными боярами и с фаворитом князь Заборовский заодно находился и каждый божий день во дворец к больному царю езжал. Только что великий государь преставился, пропал князь Алексей Юрьич, найти не могут, девался куда. Ни молодой княгине, ни в дому ничего не известно: пропал без вести да все тут. Месяца через два на Москве объявился: с Бироном вместе из Митавы приехал.

У курляндца все время в чести пребывал, сама царица Анна Ивановна великим жалованьем его жаловала. Оттого и княгиня Марфа Петровна при дворе безотменно находилась, и даже когда, бывало, сам - от князь отпросится от службы в Заборье гулять, княгиню Марфу Петровну государыня с мужем отпускать не изволила, каждый раз указ объявляла быть ей при себе. Сына родила княгиня Марфа Петровна, князь Бориса Алексеича. Государыня изволила его от купели принять и в конную гвардию вахмистром пожаловать.

Мало радостей видала дома княгиня Марфа Петровна. Горькая доля выпала ей, доставалось супружество скорбно. Князь крутенок был, каждый день в доме содом и гомор. А приедет хмелен да распалится не в меру, и кулакам волю даст... Княгиня тихая была, безответная; только, бывало, поплачет.

С первого же году стал князь от жены погуливать: ливонские девки у него на стороне жили да мамзель из француженок. По скорости и в дому завелись барские барыни. И тут никому княгиня не жалобилась, с одной подушкой горевала.

Покамест в Питере жили, княгиня частенько езжала во дворец и в дома знатных персон. Весело ль было ей, нет ли, про то никому не известно. Только, живучи в Питере, она ровно маков цвет цвела.

Получивши прощение, приехал в Петербург Девьеров сын. Свиделись... И с того часу в конец разлютовался князь на жену свою. Зачахла она и локоны носить перестала... Князь редко и говорить с нею стал, с каждым днем лютей да лютей становился... Пока сын подрастал, княгиня с ним больше время проводила. Хоть учителей из французов и немцев приставлено было к маленькому князю вдоволь, однако ж княгиня Марфа Петровна сама больше учила его и много за то от князя терпела; боялся он, чтоб бабой княгиня сына не сделала... Отпустивши его уж из Заборья в Питер на царскую службу, стала княгиня ровно свеча таять и с той поры жила, как затворница. Только ее и видали, что в именины да в большие праздники, когда, по мужнину приказу, во всем параде к гостям выходила... И тут, бывало, мало кто от нее слово услышит, все, бывало, молчит. Сидя почти-что безвыходно в своей горнице, книги читала, богу молилась, церковные воздухи да пелены шила. Гостей, бывало, наедет множество, господа и барыни с барышнями пляшут до полночи, а княгиня молится. Там музыка гремит, танцы водят, шумное пиршество идет, а княгиня на коленях перед образом... Сколько раз и спать приходилось ложиться ей не ужинавши: девки круг нее были верченые - бросят, бывало, княгиню одну и пойдут глазеть, как господа в танцах забавляются... Начала княгиня глазами болеть, книги читать стало ей невозможно.

Жил у князя на хлебах из мелкопоместного шляхетства Кондратий Сергеич Белоусов. Деревню у него сосед оттягал, он и пошел на княжие харчи. Человек немолодой, совсем богом убитый: еле душа в нем держалась, кроткий был и смиренный, вина капли в рот не бирал, во святом писании силу знал, все, бывало, над божественными книгами сидит и ни единой службы господней не пропустит, прежде попа в церковь придет, после всех выйдет. И велела ему княгиня Марфа Петровна при себе быть, сама читать не могла, его заставляла.

Выехал князь на охоту, с самого выезда все не задавалось ему. За околицей поп навстречу; только что успел с попом расправиться, лошадь понесла, чуть до смерти не убила, русаков почти всех протравили, Пальма ногу перешибла. Распалился князь Алексей Юрьич: много арапником работал, но сердца не утолил. Воротился под вечер домой мрачен, грозен, ровно туча громовая.

Письмо подают. Взглянул, зарычал аки лев... Зеркала да окна звенят, двери да столы трещат. Никто не поймет, на кого гнев простирает. Все но углам да молитву творят...

- Княгиню сюда! - закричал.

Докладывает гайдук Дормедонт: княгиня сверху сойти не могут, больны, в постели лежат. Едва вымолвил те слова Дормедонт: пал аки сноп. Пяти зубов потом не досчитался.

Сам вломился к княгине, Кондратий Сергеич возле постели сидит, житие великомученицы Варвары княгине читает.

- А! - зарычал князь. - И сына до того развратила, что на шлюхе женился, и сама с любовниками полуночицаешь!..

И дал волю гневу...

На другой день Кондратий Сергеич без вести пропал, а княгиня Марфа Петровна на столе лежала.

Пышные были похороны: три архимандрита, священников человек сто. Хоть княгиню Марфу Петровну и мало кто знал, а все по ней плакали. А князь, стоя у гроба, хоть бы слезинку выронил, только похудел за последние дни да часто вздрагивал. Шесть недель нищую братию в Заборье кормили, каждую субботу деньги им по рукам раздавали, на человека по денежке.

В сорочины весь обед с заборским архимандритом князь беседу вел от писания. Толковали, как душу спасать, как должно Христов закон исполнять.

- Вот хоть бы покойницу мою княгинюшку взять,- со смирением и слезами говорил князь Алексей Юрьич: - уж истинно угодовала себе место светло, место злачно, место покой-

но в селении праведных.. Что за доброта была, что за покорность!.. Да, отцы святии, нелицемерно могу сказать, передал я господу на пречистые руки его велию праведницу... Не по делам наградил меня царь небесный столь многоценным сокровищем. Всему нашему роду красой была, аки лоза плодовая; в моем доме процветала, всем была изукрашена: смирением, послушанием, молчанием, доброумием, лощением, нищелюбием, нескверноложием... Единая у меня радость была!.. Ох, господи, господи!.. Уж какво мне, отцы святии, прискорбно, уж какво-то мне горько, и поведать вам не могу... Как я без княгинюшки останную-то жизнь стану мыкать?.. Кто дом мой избильем наполнит?.. Кто за меня бога умолит?

Утешают князя архимандриты и попы словами душеполезными, а он сидит, кручинится, да так и разлипнется, плачет.

- Нет, говорит, отцы преподобные, прискорбна душа моя даже до смерти! Не могу дольше жить в сем прелестном мире, давно алчу тихого пристанища от бурь житейских... Прими ты меня в число своей братии, отче снятый, не отринь слезного моления; причти мя к малому стаду избранных, облеку во ангельский образ. - Так говорил архимандриту монастыря Заборского.

- Намерение благое, сиятельнейший князь, но дело божие должно творить с рассуждением,- отвечал архимандрит.

- Чего еще рассуждать-то?.. В накладе не останешься: сорок тысяч вкладу. Мало - так сто, мало - так двести! Копить мне некому.

- Сын у вас есть,- заметил другой архимандрит.

- Князь-от Борька?.. Да коль хочет он, шельмец, живым быть, так не смей ко мне на глаза казаться!.. И меня погубил, злодей, и матери своей смерть причинил!... Осрамил, злодей, нашу княжью фамилию!.. Честь нашу потерял, всему роду князей Заборовских бесчестье нанес!.. Без спросу, без родительского благословенья на мелкой шляхтенке женился!.. Да ей бы,

каналье, за великую честь было у меня за свиньями ходить!.. Убил, шельмец, скаредным делом мою княгинюшку!.. Как услышала, сердечная, про князь-Борькино злодейство, так и показилась, тут же с ней кровавой удар и приключился...

И громко, навзрыд зарыдал князь Алексей Юрьич, поникнул головой на край стола.

- В несчастьи смиряться должно, ваше сиятельство,- заметил один архимандрит.

- Не перед князем ли Борькой смиряться мне?..- вскрикнул князь Алексей Юрьич, быстро закинув назад голову и гневно засверкав очами.- Хотя ты и архимандрит, а выходишь дурак, да и тот дурак, кто тебя, болвана, архимандритом сделал!.. Мне перед щенком, перед скверным поросенком, князь - Борькой смириться!.. Нет, брат, жирно съешь!.. Ты кутейник, ты не можешь понять, что такое значит шляхетская честь!.. Да еще не просто шляхетская, а княжеская... Мы Гедиминово рожденье!.. Этого в пустую башку твою не влезет, хоть ты и в Киеве обучался!.. Все вы едино - одна жеребьячья порода!.. Не понять вам чести дворянской!.. Смерды вы, в подлости рождены, в подлости и помрете, хоть патриархами делай вас!.. Перед князем Борькой смиряться мне!.. Эк что выдумал, долгогривый космач! Я еще его в бараний рог согну, покажу, как отца уважать надо... Полушки медной шельмецу не оставлю... Сам же нюсь, я еще, слава богу, крепок. Другие дети будут; им все предоставлю. А князь Борька с своей подлой шляхтянкой броди себе под оконьем, кормись Христовым именем... За невестами у меня дело не станет: каждая барышня пойдет с удовольствием. Не пойдет, черт с ней,- на скотнице Машке женюсь!..

Под эти слова стали «тризну»¹ пить. Архидьякон Заборского монастыря «Во блаженном успении» возгласил, певчие «Вечную память» запели. Все встали из-за стола и зачали во свят угол креститься. Князь Алексей Юрьич снопом повалился

---

¹ На покоренных обедах сливают вместе виноградное вино, ром, пиво, мед и пьют в конце стола. Это называется «тризной».

перед образами и так зарыдал, что, глядя на него, все заплакали. Насилу архимандриты поднять его с полу могли.

На другой день много порол, и всех почти из своих рук. На кого ни взглянет, за каждым вину найдет, шляхетным знакомцам пришлось невтерпеж, - бежать из Заборья сбирались. В таком гневе с неделю времени был. Полютовал-полютовал, на медведя поехал. И с того часу, как свалил он мишку ножом да рогатиной, и гнев и горе как рукой сняло.

Стареть стал, и грусть чаще и чаще на него находила. Сядет, бывало, в поле верхом на бочонок, зачнет, как водится, из ковша с охотой здравствоваться - вдруг помутится, и ковшик из рук вон. По полю смех, шум, гам - тут мигом все стихнет. Побудет этак мало времени - опять просияет князь.

- Напугал я вас, - скажет. - Эх, братцы, скоро умирать придется!.. Прощай, прощай, вольный свет... Прости, прощай, житье мое удалое...

Да вдруг и гаркнет:

- Пей, гуляй, перва рота,

Втора рота на работу...

Тысяча голосов подхватит. И зачнутся пляс, крик, попойка до темной ночи...

VII. КНЯГИНЯ ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА

Через год после кончины княгини Марфы Петровны привезли в Заборье письмо от князя Бориса Алексеича. Прочитал его князь Алексей Юрьич, призвал старшего дворецкого и бурмистра и дал им такой приказ:

- Завтра князь Борька с своей паскудной шляхтянкой в Заборье приедет. Никто б перед ними шапки не ломал, попадется кто навстречу, лай им всякую брань. Ко мне допустите, а коней не откладывать. Проучу скаредов да тем же моментом назад прогоню. Слышите?

- Слушаем, ваше сиятельство.

- Смотрите ж у меня! Ухо остро...

Чего не натерпелись князь Борис Алексеич с княгиней, ехавши по Заборью! Он, голову повесив, молча сидел, княгиня со слезами на глазах, кротко, приветно всем улыбалась. На приветы ее встречные ругали ее ругательно. Мальчишек сотни полторы с села согнали; бегут за молодыми господами, «у-у!» кричат, языки им высовывают,

Князь в зале - арапник в руке, глаза, как у волка, горят, голова ходенем ходит, а сам всем телом трясется... Тайным образом на всяк случай священника с заднего крыльца провели: может, исповедать кого надо будет.

Вошли молодые. Гневно и грозно кинулся к ним князь Алексей Юрьич... Да, взглянув на сноху, так и остамел... Арапник из рук выпал, лицо лаской-радостью просияло.

Молодые в ноги. Не допустил сноху князь в землю пасть, одной рукой обнял ее, другой за подбородок взял.

- Да ты у меня плутовка! - сказал ей ласково. - Глянь-ка, какая пригожая!.. Поцелуй меня, доченька, познакомимся... Здравствуй, князь Борис,- молвил и сыну, ласково его обнимая. - Тебя бы за уши надо подрать, ну да уж бог с тобой... Что было - не смей вспоминать!..

Все диву дались. И то надо сказать, что княгиня Варвара Михайловна такая была красавица, что дикого зверя взглядом бы своим усмирила...

Зашумели в Заборье, что пчелки в улье. Всем был тот день великого праздника радостней. Какие балы после того пошли, какие пиры! Никогда таких не бывало в Заборье. И те пиры не на прежнюю статью: ни медведя, ни юродивых, ни шутов за обедом; шума, гама не слышно; а когда один из больших господ заговорил было про ночной кутеж в Розовом павильоне, князь Алексей Юрьич так на него посмотрел, что тот хотел что-то сказать, да голосу не хватило.

А все было делом княгини Варвары Михайловны. Бывало, скажет только: «полноте, батюшка-князь, так не годится», - и он все по ее слову. Миновались расправы на конюшне - кошки ве-

лел в кучу собрать и сжечь при себе... Барских барынь замуж повыдал, из мелкопоместного шляхетства, которые оченно до водки охочи были и во хмелю не спокойны, по другим деревням на житье разослал. В доме чистота завелась, во всем порядок. Даже на охоте не по-прежнему стало. Полно на бочонки садиться, полно пить через край; выпьет, бывало, чарку-другую, другим даст хлебнуть, а без меры пить не велит. «Нехорошо, говорит, неравно доченька узнает, серчать станет».

И князя Бориса Алексеича полюбил, все на его руки сдал: и дом и вотчины. «Я, говорит, стар становлюсь; пора мне и на покое пожить. Ты, князь Борис, с доченькой заправляйте делами, а меня, старика, покойте да кормите. Немного мне надо, поживу с вами годочек-другой, внука дожусь и пойду в монастырь богу молиться да к смертному часу готовиться».

Сына родила княгиня Варвара Михайловна. Сколько было радости! У всех на душе так легко, как будто светло воскресенье вдругорядь пришло, а князь Алексею Юрьичу ровно двадцать годов с костей скинуло. Возле княгининой спальни девятю суток высидел, все наблюдал, чтоб кто не испугал ее. Носит, бывало, внука по комнатам да тихонько колыбельные песенки ему напевает. Чуть пискнет младенец, тотчас бережно его в детскую, и там сядет дедушка у колыбельки, качает внука. В крестины всей дворне по целковому рублю да по суконному кафтану пожаловал, двести отпускных выдал, барских барынь, которые замуж не угодили, со двора долой. Павильоны досками велел забить, не было б туда ни входу, ни выхода... Одну Дуняшку оставил, и то тайком от княгини Варвары Михайловны.

Шести недель не прожил маленький князь. С такого горя князь Алексей Юрьич в постелю слег, два дня маковой росинки во рту у него не бывало, слова ни с кем не вымолвил. Мало-помалу княгиня же Варвара Михайловна его утешала. Сама, бывало, плачет по сынке, а свекра утешает, французские песенки ему сквозь слезы тихонько поет...

Году не длилось такое житье. Ведомость пришла, что прусский король подымается, надо войне быть. Князь Борис Алексеич в полках служил, на войну ему следовало. Стал собираться, княгиня с мужем ехать захотела, да старый князь слезно молил сноху, не покидала б его в одиночестве, представлял ей резоны, не женскому де полу при войске быть: молодой князь жене то ж говорил. Послушалась княгиня Варвара Михайловна - осталась на горе в Заборье.

Слезное, умильное было прощанье!.. После молебна «в путь шествующих» благословил сына князь Алексей Юрьич святою иконой, обнял его и много поучал: сражался бы храбро, себя не щадил бы в бою, а судит господь живот положить - радостно пролил бы кровь и принял светлый небесный венец. «Об жене,- князь говорил, - ты не кручинься: будет ей и тепло и покойно»... А когда княгиня Варвара Михайловна с мужем стала прощаться, господа, шляхетные знакомцы и дворня навзрыд зарыдали... Смотреть без слез не могли, как обвилась она, сердечная, вокруг мужа и без слов, без дыханья повисла на шее. Так без чувств и снесли ее в постелю. Перекрестил жену князь Борис Алексеич, поцеловал и в карету сел.

По отъезде заборовская жизнь еще тише пошла от того, что княгиня много грустила. Приезд бывал невеликий, праздников, обедов не стало. Князь Алексей Юрьич не отходил от снохи, всячески ее покоил, всячески утешал. Письма стали доходить от молодого князя; про баталии писал, писал, что дальше в Прусскую землю идти ему не велено, указано оставаться при полках в городе Мемеле. Княгиня веселей стала, она весела - и всем весело. Опять стали гости в Заборье собираться; опять пошли обеды да праздники. И все было добро, хорошо, тихо и стройно.

Позавидовал враг рода человеческого. Подосадовал треклятый, глядя на новые порядки в Заборье. И вложил в стихшую душу князя Алексея Юрьича помысл греховный, распалил старого сластолюбца бесовскую страсть... Стал князь сноху на

нечистую любовь склонять. В ужас княгиня пришла, услышавши от свекра гнусные речи... Хотела образумить, да где уж тут!.. Вывел окаянный князя на стару дорогу...

- А! еретица!.. Честью не хочешь, так я тебе покажу.

И велел кликнуть Уляшку с Василисой: бабищи здоровенные, презлющие.

- Ну-ка,- говорит.- По старине!..

Закрутили бабы княгине руки назад и тихим обычаем пошли по своим местам. А князь гаркнул в окошко:

- Рога !

В двести рогов затрубили, собачий вой поднялся, и за тем содомом ничего не было слышно...

И пошла-поехала гульба прежняя, начались попойки денно - ночные, опять визг да пляску подняли барские барыни, опять стало в доме кабак-кабаком... По-прежнему шумно, разгульно в Заборье... И кошки да плети по-прежнему в честь вошли.

А про княгиню Варвару Михайловну слышно одно: больна да больна. Никто ее не видит, никто не слышит- ровно в воду канула. Болтали, к мужу-де в Мемель просилась, да свекор не пустил, оттого-де и захворала.

Был в княжеской дворне отпетый головорез Гришка Шатун. Смолоду десять годов в бегах находился: сказывали, в Муромском лесу у Кузьмы Рощина, в шайке он жил. Когда разбойника Рощина словили, Шатун воротился в Заборье охотой... И князь Алексей Юрьич мало-помалу его возлюбил, приблизил к себе и знал через него все, что где ни делается. Терпеть не могли Шатуна, ровно нечистой силы боялись его.

Перехватил окаянный письмо, что княгиня к мужу послала. Прочитал старый князь и насупился. Целый день взад да вперед ходил он по комнатам, сам руки назад, думу думает да посвистывает. Ночи темней - не смеет никто и взглянуть на него...

Из Зимогорска от губернаторского секретаря письмо подают. Пишет секретарь, держал бы князь ухо востро: губернатор-де с воеводой хоть и приятели вашего сиятельства, да за были хлеб-соль; получивши жалобу княгини Варвары Михайловны, розыск в Заборье вздумали делать.

Опять молча, один-одинешенек, целый день ходил князь по комнатам дворца своего. Не ел, не пил, все думу какую-то думал... Вечером Гришку позвал. Держал его у себя чуть не до свету.

На другой день приказ - снаряжать в дорогу княгиню Варвару Михайловну. Отпускал к мужу в Мемель. Осенним вечером - а было темно, хоть глаз уколи - карету подали. Княгиня прощалась со всеми, подошел старый князь - вся затряслась, чуть не упала.

- С богом, с богом,- говорит он,- прощай, сношенька... Сажайте княгиню в карету.

Посадили. Сзади сели Уляшка с Василисой, на козлах Шатун.

Ночью князь в саду пробыл немалое время... Своими руками Розовый павильон запер и ключ в Волгу бросил. Все двери в сад заколотили, и был отдан приказ близко к нему не подходить,

В ту же ночь без вести пропала Никифора конюха дочь. Чудное дело!.. Недели четыре девку лихоманка трепала - жизни никто в ней не чаял, и вдруг сбежала... С той поры об Аришке ни слуху, ни духу... Много чудились, а зря язык распускать никто не посмел...

Проводивши княгиню, Гришка Шатун с обеими бабами домой воротился. Докладывает, княгиня де Варвара Михайловна на дороге разнемоглась, приказала остановиться в таком-то городе, за лекарем послала; лекарь был у нее, да помочь уже было нельзя, через трое суток княгиня преставилась. Письма князю подал от воеводы того города, от лекаря, что лечил, от

попа, что хоронил. Взял письма князь и, не читавши, сунул в карман.

По кончине князя Алексея Юрьича Василиса каялась, что княгиню Варвару Михайловну, только что из Заборья они выехали, задней дорогой подвезли к Розовому павильону, а на место ее посадили в карету большую Аришку. Когда же дорогой Аришке смерть приключилась, вместо княгини ее схоронили.

Гришки с Уляшкой скоро не стало. На другой либо на третий день после того, как они воротились, послал их князь по какому-то делу за Волгу. Осень была, по реке «сало» пошло. Поехал Шатун с Уляшкой, стало их затирать, лодчонка плохая - пошли ко дну... Когда закричали в Заборье, наши-де тонут, на венце горы стал недвижим князь Алексей Юрьич, руки за спину заложивши. Ветер шляпу сорвал, а он стоит, глаз не сводит; зорко глядит на людскую гибель, седые волосы ветер так и развевает... Пошли ко дну, перекрестился и тотчас домой...

Василиса накануне того дня сбежала. Разлютовался князь: «Подавай Василису живую иль мертвую». Докладывают: пошла к свату в соседнюю деревню, захмелела, легла спать в овине, овин сгорел, и Василиса в нем... Строгие розыски делал, сам на овинное пожарище ездил, обгорелые косточки тростью пошевырял. Уверился, стих... А те обгорелые кости были не Василисины, а некоего забеглого шатуна, что шел в Заборье на княжие харчи... Шел на волю да на пьяное житье, попал в овин, а оттуда в жизнь вековую... И то дело Василисин деверь состряпал. Был он на ту пору велик человек у князя Алексея Юрьича.

«Концы в воду, басни в куст, - утешает себя князь.- Двадцать розысков наезжай - ничего не разыщут».

Запили, загуляли - чуть не все погребла опростали. Две недели все пьяны были без просыпу. А из города вести за вестями -розыск едет, а князю и горюшка, нету - гуляет!.. Больших господ на ту пору уж не было, и мелкое шляхетство стало редеть,

знакомцы и те каждую ночь по два да по три человека зачали бегать. Иные, помня княжью хлеб-соль, докладывали ему, поберегся бы маленько, ходят де слухи, розыск в Заборье готовят... У князя один ответ: «Это будет, когда черт умрет, а он еще и не хварывал. Приедет губернатор - милости просим: плети готовы»... А шляхетство все тягу да тягу. Пришлось под конец князю с одними холопами бражничать. На что пиита - и тот сбежал.

Середь залы бочонки с вином. И пьют и льют, да тут же и спят вповалку. Девки - в чем мать на свет родила, волосы раскосмативши, по всему дому скачут да срамные песни поют. А князь немытый, небритый, нечесаный, в одной рубахе на ковре середь залы возле бочонка сидит да только покрикивает: «Эй, вы, черти, веселее!.. Головы не вешай, хозяина не печаль!..»

Что денег он тогда без пути разбросал... Девкам пригоршнями жемчуг делил, серьги, перстни, фермуары брильянтовые, материи всякие раздаривал, бархаты... Раз под утро узнают: розыск наехал... Стихла гульба.

- По местам! - сказал князь. - Были бы плети наготове. Я их разыщу!

Приходит майор, с ним двое чиновных. Князь в гостиной во всем параде: в пудре, в бархатном кафтане, в кавалерии. Вошли те, а он чуть привстал и на стулья им не показывает, говорит:

Зачем пожаловать изволили?

- Велено нам строжайший розыск о твоих скаредных поступках с покойной княгиней Варварой Михайловной сделать.

- Что-о? - крикнул князь и ногами затопал, - Да как ты смел, пашенок, холопский свой нос ко мне совать?.. Не знаешь разве, кто я?... От кого прислан?.. От воеводы-шельмеца аль от губернатора-мошенника?.. И они у меня в переделе побывают... А тебя!.. Плетей!..

- Уймись, - говорит майор, - Со мной шкадрон драгун, а прислан я не от воеводы, а из тайной канцелярии, по именному ее императорского величества указу...

Только вымолвил он это слово, всем телом затрясся князь. Схватился за голову да одно слово твердит:

- Ох, пропал... ох, пропал!..

Подошел к майору смирнехонько, божится, что знать ничего не знает и ни в чем не виноват, что если б жива была княгиня Варвара Михайловна, сама бы невинность его доказала.

- Покойница княгиня о твоих богомерзких делах своей рукой ее императорскому величеству челобитную писала. Гляди!

И показал княгинино челобитье.

- Прозевал, значит, Шатун!.. - прошептал князь. - Счастлив, что на свете нет тебя.

- В силу данного нам указа, - говорит майор, - во все время розыска быть тебе, князь Алексей князь Юрьев сын Заборский, в своем доме под жестоким караулом. Для того и драгуны ко всем дверям приставлены. Выхода отсель тебе нет.

Голосу у князя не хватает.

Столы раскладывают, бумаги кладут, за стол садятся, ничего князь не видит: стоит, глаза в угол уставивши, одно твердит:

- Ох, пропал, ох, пропал!..

А майор розыск zaczynaет. Говорит:

- Князь Алексей князь Юрьев сын Заборский. По именному ее императорского величества указу из тайной канцелярии изволь нам по пунктам показать доподлинную и самую точную правду по взведенному на тебя богомерзкому и скаредному делу...

- Не погуби!... Смилуйся! Будьте отцы родные, не погубите старика!.. Ни впредь, ни после не буду... будьте милостивы!..

И повалился князь в ноги майору.

Велик был человек, архимандритов в глаза дураками ругал, до губернатора с плетями добраться хотел, а как грянул царский гнев - майору в ножки поклонился.

- Не погубите!.. - твердит. - В монастырь пойду, в затвор затворюсь, схиму надену... Не погубите, милостивцы!.. Золотом осыплю... Что ни есть в дому, все ваше, все берите, меня только не губите...

- Встань, - говорит майор. - Не стыдно ль тебе? Ведь ты дворянин, князь.

- Какой я дворянин!... Что мое княжество!.. Холоп я твой вековечный: как же мне тебе не кланяться?.. Милости ведь прошу. Теперь ты велик человек, все в твоих руках, не погуби!.. Двадцать тысяч рублей выдам, только бы все в мою пользу пошло.

- Полно бездельные речи нести, давай ответ в силу данного нам указа.

Поднялся князь на ноги, скрепил себя, грозно нахмурился и глухо ответил:

- Знать ничего не знаю, ведать не ведаю.

- Смотри, не пришлось бы нам ту комнату застенком сделать. Не хочешь добром подлинной правды сказать - другие средства найдем: кнут не ангел - души не вынет, а правду скажет.

Опустился на кресло князь, побагровел весь, глаза закатились, еле дух переводит.

- Ой, пропал!.. - твердит. - Ой, не снесу!..

Посмотрел на него майор... Остановил розыск до другого дня.

К князю никого не допускают. Ходит один-одинешенек по запустелому дому, волосы рвет на себе, воет в неточный голос.

Идет по портретной галерее, взглянул на портрет княгини Варвары Михайловны - и стал как вкопанный.

Чудится ему, что лицо княгини ожило, и она со скорбью, с укором головкой качает ему.

Грянулся о пол... Язык отнялся, движенья не стало...

Подняли, в постель уложили. Что-то маячит, но понять невозможно, а глаза так и горят. Майор посмотрел, за лекарем послал, людей допустил.

Кинул лекарь руду. Маленько полегчало. Хоть косно, а стал кое-что говорить. Дворецкого подозвал,

- Замажь, - говорит, - лицо на портрете княгини Варвары Михайловны. Сию же минуту замажь.

Замазали, докладывают.

- Ладно, - молвил. - Не скажет теперь майору.

Думали - бредит, взглянули - духу нет...

Так розыску и не было.

П.В. ЕРЕМЕЕВ КРИК СВОБОДЫ

«1-го сентября случилось в доме моем ужасное происшествие. Ученик мой Мясников г-на Гладкова, будучи с отличными талантами, которого Общество поощрения художеств обещало выкупить на волю и которому было барин обещал свободу, но после отказал, будучи пылкого характера, заперся в комнате и из пистолета застрелился».

Академик А. В. Ступин, 1828г.

«Мясников был молодой человек с пылким и благородным характером. Чтением хороших книг - он успел образовать свой любознательный ум настолько, что как в этом, так и в других отношениях был далеко выше своего помещика... Не в этом ли надобно искать разгадку странного упорства г. Гладкова. Как бы то ни было, но отказ помещика поверг Мясникова в глубокое отчаяние, из которого, не видя никакого исхода, он застрелился».

Н. Е. Рачков, 1862 г

НОВИК

Грузный угрюмый бурмистр неловко откланялся и вышел, осторожно прикрыл за собой дверь кабинета Ступина. Два высоких окна, близ которых стоял письменный стол, были полны полуденным июньским солнцем, трепетный свет вспыхивал на золоченых шандалах, что стояли по бокам фарфорового чернильного прибора, на массивном багете рам живописных полотен, на накладной бронзе изящного книжного шкафа под стеклянными дверцами. Взблескивал и крашеный в светлую краску пол.

Ступин еще раз оглядел стоявшего у двери молодого человека, почти отрока с мягкими белокурыми, чуть выющимися волосами и заметной синевою глаз. Стоял тот с внимательной

готовностью комнатного казачка, который только и ждет оклика или прямого приказа своего барина.

- Так, ты, стало быть, Григорий сын Андреев Мясников.

- Да! Вольского уезда Саратовской губернии, господина Гладкова дворовой человек.

- Много у хозяина дворовых?

- Хватает челяди.

Академик знал, кто перед ним: помещик с оказией прислал письмо еще в марте. Соглашался: отдает он мальчика на шесть лет с ежегодною платою двести рублей ассигнациями за учение рисованию, живописи и содержание, кроме платья...

- Грамоте навыв?

- Довольно научен в письме и счете арифметическом – дьячок вразумлял.

- Ну, а как ты к карандашу, к краскам приобвык? - Ступин вспомнил свое далекое детство. - Небось, углем все заборы исчеркал...

Глаза юноши взглянули весело, с интересом,

- Было! Не без того-с. Как-то комнаты в барском доме украшали после покраски: боскеты цветочные и заморские виды являли - довелось мне помогать приезжему живописцу. А потом рисунки разные из книг священника переносил на бумагу - сходственно выходило!

Александру Васильевичу сделалось почти весело.

- Сходственно! А мы, следственно, сейчас объявим тебе нашу волю, как ты отныне ученик сей школы.

Художник в светлом длиннополом сюртуке и узких панталонах встал из-за стола, подошел к шкафу, открыл легкую дверцу, вынул оттуда тонкую тетрадь в сафьяновой обложке и позвал юношу к себе.

- Чти-ка, новик мой, да не робей!

Григорий начал довольно бойко:

«Правила нравственности и обращения, начертанные для обучающихся благородному живописному искусству. Первое:

страх Божий яко начало и источник всего блага и Премудрости, полагается в основание нравственности и поступков...»

Ступин легко запохаживал по кабинету. Живые темнокоричневые глаза его под сильными черными бровями пытливо поглядывали на Григория. Он остановил чтение поднятием руки.

- Теперь пункт пятый.

Юноша читал без запинки:

«Учитель почитается за отца, которому ученики как дети оказывают почтение и совершенное послушание, без воли его никто ни куда не отлучается, никто не выбирает сам себе занятий, никто не входит в тайные долги и займы, да и собственности своей не располагает... Во время обучения у учителя старший ученик, избранный от него, пользуется его правами и по возвращении одного дает отчет за себя и за поведение младших товарищей....»

- Будет! - остановил прибывшего академик. - Читаешь приятно. Остальное из правил познаешь в рабочей зале под стеклом. А теперь краткое устное наставление. - Александр Васильевич подошел к своему письменному столу, вскинул свою красиво посаженную голову с шапкой длинных черных волос. Заговорил слегка окая по-нижегородски: - Вижу, устал ты с дороги. Потерпи малость. Поучение - первая моя обязанность перед теми, кто приходит в школу. Усердствуй вседневно! Промысли: ты в зависимости от помещика. Помни, только своими успехами в художестве можешь ты получить одобрение и даже медали Академии, коими награждаются и мои воспитанники. Медаль, юноша, это уж возможность просить у барина вольную. За обладателя медали и начальство Академии поднимается со своим высоким словом. В классах, на занятиях старайся, чтобы глаз становился у тебя зрячим - особо зрячим, художественным! Что еще-то назиданием...

- Готов внимать...

- Внимай, хуже не будет! Поощряй ум чтением. У меня, смею думать, неплохая библиотека. И пусть чтение добавляет к

твоим добрым порывам души - за них бранить себя не придется. Теперь о житейском: ученики у меня на пансионе, кроме платья. Но не сокрушайся о последнем. Будешь обретать мастерство - станешь подрабатывать. Пишем иконы, церкви расписываем, пишем и картины, портреты - все это миру надо, а нам надо школу содержать. В школе шестнадцать комнат, исчисли-ка, сколь саженой дров на осень и на зиму заготовить - за все плати Ступин... У нас так заведено: пришедший в школу - приставник к старшему. Определяю тебя к Афанасию Надежину, он славным мастером становится. Он и станет всенедневно присматривать за твоей учебой. Уважай его, вмени себе в обязанность уважать и всех остальных товарищей. Особо помни; ябедников у нас не любят. Ну, ступай, новик, и набирайся соревновательного духа!

Надежин оказался рослым, крепким и расторопным парнем.

Свел в столовую избу, потом сводил купаться на реку - надо же омовение телес свершить после дальней дороги, затем определил новика место в спальном комнате - ученики жили в мезонине школы.

Сошли вниз. В ограде напротив заведения академика стояло довольно большое красивое здание с антресолями, окна которых выходили в загустевший сад с цветником.

Афанасий остановился у массивных дверей и картинно вскинул руку.

- Вот, Гришенька, альма-матер нашей школы - галерея или сиречь собрание художественных произведений - как же художественной школе быть без этого! Будь сведом, как работали большие мастера и древности, и более поздних времен. А на антресолях живет Рафаил Александрович - сын Ступина. Тож совершенствовался в Академии в Петербурге. Преподает славно. Нет, в обращении прост, барина из себя не корчит.

В зале античной скульптуры уютно разместились на подиумах и подставках бюсты великих людей древних веков: не уходят они из памяти просвещенного человечества.

Теплого окраса стены зала четко выявляли все совершенства человеческого тела и портретные особенности мифологических богов и героев древности. Надежин уже заученно представлял и гипсовые бюсты, и скульптуры в рост:

- Это вот грудной с драпировкой бог муз у греков. Прозванием Аполлон. Сие Венера Медицейская. Явлена она как образец красоты женского тела. Тут, в углу, удобно стоять Лаокоону с сыновьями. По сказанию древних, родителя и двоих его сыновей удушили две огромные змеи.... А гляди, Гриша, как выразительна Анатомия скульптора Гудона. Тут же, на обрезках канелюрованных колонн грудные бюсты апостола Петра, Александра Великого, греческого сказителя Гомера, Антиноя и Ариадны. Почему посмеивается этот забавный... Бахус - греческий бог вина и веселья. В подпитии, как же не быть довольную как не ухмыляться, коли охота...

Если в зале скульптуры веселили на полу полосы яркого предвечернего света, в зале картин свет оказался приглушенным светлыми парусами оконных штор, и потому на спокойных серых стенах в массивных багетных рамах ярче взблескивали плавающие краски парадных портретов, мифологических сцен и сложных натюрмортов.

Надежин охотно соглашался: такое нечасто увидишь в гостиных и у богатых бар. Александр Васильевич, когда Академию заканчивал, признался учителям, что хочет открыть в родном городе своим иждивением художественную школу. Профессора, радевшие о русском искусстве, тотчас одобрили намерение арзамасца и стали дарить ему картины, портреты, эстампы, а сама Академия - скульптуру.

Что мы тут имеем... После ты постоишь у каждого полотна подоле, будешь учиться видеть и читать картину. Вот Варнек - приятель Ступина по Академии - подарил Александру Ва-

сильевичу работу своей нежной кисти. Это портрет конференц-секретаря Академии Лабзина - благодетеля нашего учителя. Любуясь! Знаменитый Левицкий, его портрет графа Шувалова. Глянь, как легко, воздушно написано! А это профессор Академии Егоров, его написал Ступин и недурственно написал! Тут - Пилигрим немецкого мастера. На этой стене очень смотрятся полотна французских художников - библейский Лот с дочерьми и Диана на охоте. Наконец Вирсавия в итальянском вкусе...

- Какое же богатство здесь обжилось! - не удержался на выходе из галереи Григорий. И тотчас перевел разговор на другое: - Афанасий, а ты сколько годов в школе, ты так славно мне изъяснялся...

Надежин охотно отозвался:

- Поднаторел малость в слове. С четырнадцатого года тут обретаюсь. Стараюсь достичь похвал от Академии. Прикидываю со временем, как и Александр Васильевич, школу свою открыть и чтобы она также под покровительство Академии попала.

- Добрая мечта!

- У Ступина хранятся еще сотни и сотни эстампов и лучших ученических работ. И все это, Гришенька, для нас - радуйся! Академик подлинно предан искусству, школе и говорит неложно: к чуду творения приобщаю ребятку. Искусство благодетельно!

У калитки в сад Надежин заторопился со словом:

- Пойди, отдышись малость в наших райских кущах. А у меня теперь другие заботы по школе...

Славно было сидеть на чистой лавочке в тени старой развесистой липы. Мясникову все еще не верилось, что так счастливо обернулась для него прежде невеселая сиротская судьба, что давняя, затаенная мечта становится явью: вот он - прекрасный сад. Вот рядышком прекрасная галерея, в которой забываешь обо всем на свете и переносишься в волшебство искусства. А вон, сквозь узорчатую листву яблонь проглядывает красивый

дворовой фасад ступинской школы - явным она украшением городу, да только ли одному Арзамасу!

ПЕРВЫЙ УРОК

В этот тихий летний вечер тщательно одетый, в цилиндре господин Ступин неспешно совершал променад возле своей школы и уже вторично про себя проговаривал то, что скажет он завтра своим ученикам. В школе набралось несколько новеньких, и вот должно, как и прежде, недавним крестьянским и мещанским сынкам передать заветы профессоров петербургской Академии художеств.

Два с небольшим года - 1800-1802-й - проучился он у тех профессоров, что были в конце XVIII и начале XIX веков в большой славе: адъюнкт-ректора Ивана Акимовича Акимова - крупного теоретика искусства и знаменитого рисовальщика Алексея Егоровича Егорова. Эти distinguished мужи умели возвысить перед воспитанниками Академии искусство в целом и назначение художника в обществе. И, если Егоров был силен в карандаше, пластической анатомии, то Акимов красноречиво трактовал о живописи. Он бывало возглашал: художник, постигая тайны прекрасного, не будет одиноким в миру людском. Ему дано находить сладкую отраду в своем таланте... Настоящего мастера Муза, гений вознесет над обыденностью жизни, он будет весь мир созерцать в самом наилучшем виде...

Александр Васильевич неторопливо шагал по Прогонной улице от дома купца Ивана Алексеевича Попова. С удовольствием оглядел свою школу, выстроенную арзамасцем Михаилом Коринфским, которого он отвез в 1809 году в Академию к знаменитому архитектору Воронихину - автору проекта Казанского собора. В 1813 году «собиный друг» Мишенька вернулся в родной город уже с аттестатом и шпагою... Какое было время! Отстраивалась Москва, вставали из пепла другие города, ожили торговля, завелись у купцов хорошие денежки, и начали они строить для себя новые хоромы с пригожим обличем...

Строительное рвение захватило и Ступина. И вот они с Коринфским подняли школу... Девять окон по лицевому фасаду, что выходит на Троицкую улицу. Деревянный сруб, обшитый тесом под руст украсили четырьмя колоннами с портиком и фронтоном. Три окна в портике с полуциркульным завершением. Стройная чугунная решетка оградила фасад. Торцовая часть школы, выходящая на Прогонную улицу, украшена малым декоративным портиком. Таким же портиком с четырьмя малыми колонками украсили и галерею.

Академик обогнул выкрашенный в светло-серую краску дом, немного прошелся Прогонной, что вела к Соборной площади. Навстречу выплыла из калитки соседнего дома полная барыня, и художник церемонно раскланялся.

У Дровяной площади Александр Васильевич остановился и поднял себя опять на открытое слово:

- Благородное искусство, говорил Иван Акимович, приносит нам велию пользу уж потому, что пленяет наше зрение картинами изображенной жизни, а это верный путь к сердцу, к знаниям, к вящей пользе. Искусство показывает нам наши обязанности, диктует добрые правила людского существования, содействует нас более чуткими к добру, утишает, остерегает человека от дурных наклонностей, ведет к добродетели, наконец, дает обретение светлого мира в душе.

Ступин повернул обратно к дому, подосадовал малость: не высок ли штиль его речения?..

Слева в закатных лучах солнца тепло высветилась южная сторона Троицкой церкви, что стояла противу школы. Академик, довольный тем, что вспомнил слова и Алексея Егоровича Егорова, постоял у калитки.

- Художество любит и даже требует усердия и трудов. И чем больше трудностей в достижении цели, тем надежнее успехи художника!

Ладно, завтра сыщутся в закромах памяти и другие слова добрым прикладом. Вот к чему надо понуждать еще учеников:

записывать следует учительные слова - сгодится после, как сами обретут учеников своих...

Художник вставал рано, рано поднимались, по заведенному порядку, и ученики школы. В кабинете Ступина знакомо напомнили о скоротекущем времени большие в футляре красного дерева напольные часы, и тотчас заявили о себе намеченные на день очередные дела. С утра он всегда писал деловые письма, а потом, когда ребята уже могли показать свои рисунки, отправлялся в гипсовый класс. Теперь же предстояло известить Академию художеств, пожалуй, и пространным отчетом. С 1809 года регулярно отсылаются в Петербург не только письменные отчеты, но и работы питомцев, а Академия извещает о своих наградах достойных ребят.

...Они сидели за мольбертами так тихо, что было слышно, как за окнами школы будочник у Троицкой церкви точил свою потешную алебарду, как стучали телеги, тащившиеся с поклажей в Нижний, как женщины, громко и весело разговаривая, спешили с Соборной площади, где торговали на базаре.

Художник всегда тщательно одевался. Нет-нет, да и говаривал по сему поводу: неряшливо облаченный человек неряшлив и в мыслях, да и в делах. В свежем сюртуке, с художническим бантом на груди, он стоял прямо и с нарочитой торжественностью излагал давно продуманное:

- Мудро изрек наш знаменитый пиит Херасков:

«Без просвещения напрасно все старанье:

Скульптура - кукольство, а живопись – маранье».

- Я это сказываю вам, новикам, к тому, что сторонне слышал слова, мол, зачем приходящие учителя из уездного училища приватно преподают в школе Ступина отечественную грамматику, арифметику, историю и географию... Художнику нужен твердый камень образованности, ибо общая образованность поднимет творящего человека и в области искусства. Так-то! Ну, а теперь к пониманию рисунка и живописи. Посредством рисования олицетворяются слова и мысли наши. Ри-

сунок, живопись - это прямой путь к душе человека. Гоните от себя лень, старайтесь, свет мой, дабы юные годы не пропали безвозвратно даром, насыщайтесь работой, пусть рука ваша хранит память, как явить на бумаге любой предмет рукодельный и природный... Живопись же более стихотворства имеет силу над людьми потому, что она действует посредством зрения, которое более других свойств человека имеет власть над существом нашим...

Ступин передохнул, оглядел своих питомцев ласковыми глазами и ободрил:

- Сказываю я вам витиевато, штилем высоким, может быть. Ништо, дорогие! Корень ученья всегда горек, зато плод сладок. Понуждаю вас рисовать гипсы подоле с тем, чтобы закрепили накрепко азы рисунка - без этого двигаться далее нельзя.

Он пошел по классу, присаживался к мольберту то одного, то другого ученика.

- Помни, Васинька Раев: рисовальщик должен иметь, что называется, циркуль в глазу, как изрекает знаменитый наставник Прейслер, чтобы была точная соразмерность, скажем, в голове того же Александра Великого.

- Ну-с, а что у тебя, Гриша Мясников... Эва-а, да ты уж и светотень уловил. Изрядно подал рисунок! Вот только свяжи покрепче голову бюста с плечами. Светотень - природное явление. Опять же помните: природа - лучший учитель наш.

- Приглядывайтесь ко всему, ищите контрасты - они-то и лепят живую голову!

Академик подсел еще и к Ивану Зайцеву, но тут где-то за стеной раздался бодренький, веселый даже звон - недельный дежурный звонил на обед. Художник широко развел руками.

- Арш, ребяташки, в столовую избу, вкушайте от хлеба насущного! Нынче стряпуха, знаю, щи с бараниной подаст - воздайте же ей хвалу...

Кто-то охотно отозвался:

- Молодо-зелено, поестъ велено!

Ребята дождались, пока не вышел из класса учитель. Мясникова малость задержал Иван Зайцев.

- Тебя, Гришенька, что-то рано отличать начат Александр Васильевич...

- Скажешь тоже! - отмахнулся Мясников и тепло, открыто признался: - Ищу твоей дружбы!

- Судьба нас свела, неволя... - хмуро отозвался Зайцев и вдруг громогласно заревел:

- Вперед мой чичероне, вперед!

ВЕСЕЛЫЕ СВЯТКИ

Как почти и все посты - этот, Рождественский, тянулся томительно долго. Это томление исходило, конечно, из глухой зимней поры. Такое уж время! То стояли промозглые дни неожиданной оттепели, а потом взъярился такой крутой студень, что по ночам крикали и ухали углы большого ступинского дома, и так сиротливо стыли старые черные липы в заснеженном саду. Скоро кончались серенькие деньки, и долго-долго угасали тоскливые вечера в синеве пышных, еще не слежалых снегов.

Томились ученики академика и оттого, что зима надолго усаживала их в четырех стенах, подваливала много и дворовой работы. Мало ли той же уборки снега из большой ограды, а дров, дров-то ежедневно сколь натаскать, чтобы нагреть шестнадцать комнат - прорву!

И только в последнюю неделю до Рождества в школе Ступина наступало веселое оживление. Из деревень, сел и ближних уездных городков приезжали родичи ребят и увозили их домой на всю святую неделю.

Благоговейно стояли на праздничной службе Александр Васильевич, его семейные, ученики, прихожане - стояли и радовались: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение...»

И по возвращении в школу ребят не покидала святая торжественность в душах.

В теплом свете оплывающих свечей ярко горело золотое шитье на высоком воротнике академического мундира - академик еще не полнел и в торжественные дни надевал свой мундир, которым всегда гордился. Молодо посверкивали его темно-карие глаза, мягко искрились первые сединки в гуще длинных волос.

Стройно начинали ребята рождественский тропарь:

«Рождество Твое Христе Боже наш

Возсия миру свет Разума-а...»

Художник пел вместе со всеми. Он знал церковную службу, еще мальчонкой прислуживал в храме. А затем его напряженное красивое лицо сменилось благостным домашним выражением. Принимая поздравление с праздником, слегка кланялся каждому.

- Чувствительно благодарствую, светы мои!

На зеленом сукне рабочего стола Ступина поблескивала горка монет - каждый одаривался. Младшие ученики получали по пятьдесят копеек, а старшие по рублю. Кончив раздачу денег, академик упредил шутливо:

- Далеко не разбегаться - обед парадный!

До застолья порадовались. Ваня Зайцев открыто ликовал:

- Да на рубль-то - целую неделю я с лесными орешками в кармане. Щедротами учителя живы!

После обильного обеда все ринулись на улицу. Святочные недели в Арзамасе ярки, шумны. Всяких увеселительных затей хватало с утра и до поздней ночи. От тех же ряженных отбою не было.

... Уже в сумерках к дому по свежему снегу стали подкапывать ковровые санки с гостями. Вскоре в столовой за праздничным столом весело захлопали пробки, красно зазвенел тонкий хрустать Бахметьевского завода.

Отвели хлебосольные хозяева гостевой стол, почтенные господа из уездных чиновных присели к игорному столу, пожилых дам увела на свою половину Екатерина Михайловна, молодежи предоставили желанную свободу.

Уж так заведено было, что званные с родителями молодые люди, девицы, молодожены собирались отдельно в большой мастерской школы - она загодя готовилась к святочным вечерам. Из нее вытаскивались мольберты, полотна, краски. Принесенные скамейки, что выстраивались вдоль стен, покрывались мягкими тканями. Гирлянды из еловых ветвей и можжевельника с красивыми бумажными цветами обрамляли высокие с полукруглым верхом окна. А над всем этим нависал красивый потолочный декор ампирного стиля. В неглубоких кессонах синего цвета мягко выступали круглые лепестковые розетки. Боковые карнизы связывали изображения величественных античных кариатид, верх торцовых сторон зала украшали мифологические божества наук и искусства.

Увеличивалось число настенных канделябров, и разом становилось празднично уже от ярких женских нарядов, цветных мужских сюртуков, а более от молодых лиц и веселой разноголосицы.

Первой игрой собравшихся всегда «Заинька».

Так величаво плывет по залу хоровод. И среди званных подруг - она, дочь Александра Васильевича Клавдинька. На ней открытое белое платье с высокой талией, черные волосы, завитые локонами, обрамляют миловидное лицо. Брови вразлет. И так зовущи карие отцовские глаза, так свеж румянец на круглых щеках, так выразителен трепет ее нежных губ. Ножки в летящем шаге в атласных башмачках - Гриша нет-нет, да и успевает взглянуть на любимую...

Уж так выпало, что в живом шумном кругу хоровода - Мясников. Ему должно вырваться на волю, за пределы круга, но как?!

Хороводники поют задорно, вызывно:

Заюшка по сенюшкам дыбы-подыбы.

Беленький, по новым дыбы-подыбы.

Некуда заюшке вы-ыскочить.

Некуда белому вы-ыпрыгнуть...

Он и вправду мечется, зайчик. Кидается то туда, то сюда, но живая, плотная цепь хоровода не дает бедняжке проскочить на волюшку: сцепленные ладони то и дело решительно отгоняют зайку на середину круга.

Семеро ворот, все на заперти стоят.

Семеро ворот, все на заперти стоят.

Мать ушла, золоты ключи взяла.

Мать ушла, золоты ключи взяла.

Кинулся было заюшка еще раз между шумных женских платьев - ан нет! Один уж смех, смешливые выкрики гонят бедняжку прочь. Но вот голоса поют уже сочувственно, со спасительной подсказкой:

Зайка, попробуй у ворот,

Беленький, попробуй у новых...

Однако и теперь еще не кончилась явная угроза зайке-попрыгайке.

Некуда зайке вы-ыскочить.

Некуда белому вы-ыпрыгнуть.

Григорий на бегу вскидывает просящее лицо на Клавдиньку - похоже, она подмигнула ему горячим глазом, готова разомкнуть хороводную цепь. Ее теплая ладонь как бы нечаянно скользнула по его спутанным волосам и... он проворно выбежал из круга счастливым: ее глаза сказали ему все то, что он ждал от девушки.

Умеря дыхание, подошел к Николаю Алексееву - тот в хороводе почему-то не участвовал. Чуток наклонился к Григорию Николай и холодно, отстраненно прошептал:

- Да ты, парень, уж не влюблен ли?! - и далее, как ледяной водой обдал. - Не один ты, Гришенька, льстишь себя сладкой

надеждой. Только не забывай, крепостной, о своем положении. А она, Клавдия, пригожая барышня...

В конце вечеринки Рафаил Александрович - он много танцевал в этот вечер, попросил Мясникова сразу-то не уходить в мезонин.

В зале гасили настенные канделябры, воздух еще не остыл, волнительно пахло пудрой и женскими духами.

- Слушаю вас, Рафаил Александрович!

- Гриша, завтра сразу после обеда поднимись ко мне в галерею.

- Нужда какая?

- А тебе невдомек... Ты же знаешь, что завтра вечером даем представление «Слуга двух господ». У тебя - главная роль. Да знаю, что ты ее затвердил. Еще раз проверю твои голосовые интонации.

- Много будет зрителей?

- Отец сказывал, что сам городничий Бабушкин с супругою пожалуют. Стряпчий Зевакин опять же с супругой. Лекарь Костомаров. Само собой надзиратель нашего квартала Белкин, Господин Чемоданов из села Водоватово прикатит. Ну и сосед наш купец Иван Попов. Да, опять явится офицер Бутурлин - вчера он из Нижнего – полная зала гостей наберется. Постой, а ты чево так хмурен?

- Все-то мы комедии играем, смехом тешим и тешимся...

- Вона ты о чем... Уясни: какой смех и над кем, над чем смеемся... Смех тоже назидателен и разит человеческие пороки. А наши трагедии на сцене и в жизни - они, однако, еще впереди. Житейского-то и на кривой кобыле не объедешь - так говорят в народе. Ну беги, отдыхай!

Комедию Карло Гольдони «Слуга двух господ» ступинцы давали на третий день святок. В школе хранилось множество эстампов и с видами итальянских мест - славные декорации написал Василий Раев. Ступин пришел в залу до спектакля и придиричиво посмотрел на работу своего ученика. Похвалил:

- Ну, Васинька, воздушную линейную перспективу ты, кажется, усвоил. Кисть у тебя волшебная, право!

Уже после спектакля, когда ступинцы ложились спать в мезонине школы, когда и свечи погасили, Иван Зайцев не вытерпел, сел на кровати и белым видением в ночной рубаше качнулся в рассеянном лунном свете.

- А что, братцы, не посрамили вы себя сегодня. Гриша сам себя превзошел - живо слугу подал!

Своим глуховатым баском отозвался Иван Каширин.

- Други, а ведь не спасовали бы мы и перед заезжей труппой настоящих актеров. Лапотники, да не лыком шиты!

Подавал свой голос из угла всегда вроде молчаливый Николай Алексеев.

- Мудрено ли! Недаром Рафаил Александрович дает нам и сценические уроки. Сказывал мне: когда он в Петербурге учился - постоянно играл в театре. У них там, в Академии, спектакли готовил известный трагик Яковлев. Многое перенял от него Рафаил Александрович.

Подхватил разговор Иван Зайцев:

- А когда в Арзамасе московский актер Ширяев случайно застрял... Ведь и он нам преподнес свои уроки. Как же славно читал он монологи из трагедий Озерова!

- Ему и купцы наши бисировали в трактире Монахова!

- А помните, в прошлом же году. Как подивили мы господ офицеров... - Каширин даже с постели вскочил. - Сидели они до конца спектакля у нас и не распознали того, что женские роли играли ребята. Кинулись после занавеса за кулисы с Лизеттой познакомиться... Дождались... Предстала перед господами военными наша Лизетта в мужском дезабилье - Бутурлин так смутился: так это вы столь искусно девицу изображали... Только ретировались поклонники Мельпомены, мы и дали себе волю: едва не покатались со смеху - знай наших! Рассказали после Ступину, и он зашелся смехом.

Григорий молча слушал веселый переговор старших учеников и радовался тому, что живет он теперь в кругу славных ребяток, что учится любимому делу, что, наверное, нравится Клавдиньке, что любимая рядом, совсем рядом!

ПУСТЫЕ МЕЧТАНИЯ

Семик - коренной, веселый праздник молодежи - встреча лета. Он празднуется православными в четверг на седьмой, русальской неделе после Пасхи, накануне Троицы. В Арзамасе по стародавнему обычаю устраивались в Семик детская ярмарка и гуляние на Ивановских буграх - это на южном выезде из города по Саратовскому тракту.

Ступинцы ждали этот день - день желанной свободы от ученья.

Шли нижней уже частью города мимо Владимирской церкви, что близ Святого Спасского озера. Ватагу ребят вел Рафаил Александрович.

Афанасий Надежин, уже немало поживший в Арзамасе, просвещал. Рядом с ним шагал Мясников.

- Семик, Гришенька, здесь называют еще «зелеными святками». Нынче поклон всему растущему и цветущему, особая честь березоньке...

Григорий простодушно признался:

- Мне Клавдия Александровна сказывали вчера вечером: сегодня с подругами пойдут они в березовую рощу, станут там ветки заламывать да загадывать о судьбе девичьей. Чья веточка засохнет к Троице, та девица замуж в этом году выйдет.

Надежин отозвался:

- У Клавдиньки-то судьба станется подобру-здорову. А вот ты задумайся над своей судьбиной, что тебе и другим крепакам нашей школы улыбнется...

Денек разгулялся. Нынче улицу Мостовую и не узнать. В будние-то дни она зело шумна и пыльна по летам. Шесть важнейших русских трактов пересекаются в Арзамасе, и множест-

во саней и колес круглый год скрипит и стучит по улицам. А нынче, с утра по крайней мере, ни телег, ни тяжелых груженных фур с товарами, ни легких экипажей - сегодня улица полна принаряженных горожан, которые степенно шествуют с чадами и домочадцами туда, на взлобок Ивановских бугров.

За мостом через малую речку Шамку широко открывалось отлогое зеленое подгорье. Свежая трава тут еще не выгорела, и потому так бросались на ней в глаза невысокие белые столбики с двускатным завершением. Среди них выделялись каменные безоконные часовенки с крестами на ветхих крышах. Правее сих странных для стороннего человека строений недовольно высоком мысу коренной фунтовой крепі возвышалось пять-шесть стояков ветряных мельниц. За ними под ласковым ветерком шумели пышные березы Ивановской рощи.

Ярмарка проводилась почти у самого Саратовского тракта, что начинался тут, на Ивановских буграх. Торговлю уже начали - там и тут стояли палатки, лавочные выгородки и столы, заваленные всевозможными детскими игрушками. Широким выкладом лежат и разные манящие сласти. Особенно много предлагали ярких кукол, которых так искусно шили арзамасские старушки, зная, в память о своем далеком детстве.

- Шумит ярманка, бахвалится! - Василий Раев широко раскинул руки.

Торжище и впрямь шумело не столько голосами взрослых, сколько звонким детским восторгом. В этот день одаривался тут каждый, и каждому хотелось улыбаться, говорить разные приятности - праздник!

Солнце поднималось все выше, в людской толчее - духота, Иван Каширин, глядя, как манит мальчишек и девчонок мороженщик, ринулся промочить горло.

Квасник в белом фартуке у своей тележки со льдом и с запотевшими бутылками будто ждал парня. Зачастил словами:

- Есть квас и для вас, господин. Хоша бы и щи - в брюхе полощи. А есть и славный монастырский, что жажду утолит, бодрости добавит. Вот вам шипящий, в животе кипящий...

Иван Зайцев углядел лесные орехи и немедля раскошелился на них.

Мясников, радуясь веселому базарному гомону, детским счастливым лицам, яркости нарядов горожан, скоро сыскал торговца свистульками.

- Беру, беру парочку певунов!

Ему вдруг вспомнилось родное село Жуково, старый оставной солдат Никандр, который радовал ребяток вылепленными из глины птичками. Вставлял он в свое незамысловатое изделие горошинку, и свисток заливался мягкими трелями.

Ступинцы полакомились мороженым и не сразу выбрались из плотной людской сутолоки, отошли ближе к мельницам. Раев не дал Мясникову опробовать свистульку.

- Неловко, Гриша, не след свистеть рядом с божьими домами. Не принято это здесь у кладбища.

- Божьи домики - это что?

- У нас, у школы-то сторожевая будка... Старый будошник сказывал мне: божедомки ставили арзамасцы на могилах тех, кто скончал дни своя не своей смертью - кто был коварно убит, зашибся на смерть или повесился, утонул, застрелился... По старому русскому обычаю таковых несчастных доставляли сюда вот, зарывали, а в Семик отрывали, находились сердцебольные, которые обмывали, облачали трупы в чистые одежды, и только после этого священники отпевали лежащих zde. Ну, а над общими могилами и ставили каменные голубцы или вот эти убогие домики. Да, этот обычай, как будошник сказывал, древен у нас.

- Как трогательно! По человеколюбию добрый обряд арзамасцы творят.

- Да только ли в Арзамасе! В Москве на месте древнего такого кладбища после поставили Покровский монастырь. Так вот у православных!

Подошли Рафаил Александрович и Каширин с Николаем Алексеевым. Сын Ступина уловил слова Раева, принялся дополнять:

- Тут, ребяташки, не только несчастных предавали земле, но и воров государственных - разинцев. Осенью семидесятого года – это уж, почитай, полтора ста лет назад - согнали сюда на казнь тысячи. Сажали ярых мужиков на колья, рубили им головы, вешали – адом казалась тут земля...

- Ну, а пугачевцев? - осторожно спросил Григорий. - У нас на Волге и в саратовских пределах грозно погуляли ребяташки Емельяна.

Рафаил Александрович и на этот раз не отмолчался:

- Бабушка моя, мещанка Анися Ступина, рассказывала, что пугачевцев в Арзамасе не казнили, но спины иным плетями погрели изрядно. Так, таскали на расправу купца Дубова.

- Купца-то за что же?

- А за то, что назвал Емельяна храбрым российским воином.

- А я что слышал от Троицкого батюшки. - Вмешался в разговор Иван Каширин. - Пугачева через Арзамас увезли на казнь в Москву. Так ли, Рафаил Александрович?

- Было, было! Осенью, в начале ноября прошлого семьдесят четвертого года, телегу с клеткой Пугачева поставили в нашем городе на ночлег во дворе купца Сулимова. Ну, ясно, что обыватели сбегались посмотреть на Пугача... Приплелась одна старая барыня и стала журить Емелю за душегубство. А Пугачев так грозно на нее воззрися, так цепями потряс, загремел, что бедная старуха замертво пала. Много разного на памяти у арзамасцев, ребяташки...

Ивану Зайцеву помечталось. И он спросил с явным вызовом:

- А не написать ли, братцы, картину о тех же разинцах или пугачевцах? Все ж мечта у них была добрая, не разбойниками же шли на ратную брань, на смерть!

- Пустые мечтания! - задумчиво отозвался Рафаил Александрович. - Нам что разрешено писать? Портреты господ и толстосумов, подвиги древних. Ну, еще там уличные сценки...

- Цветочные боскеты в домах помещиков! - вставил свое памятное Мясников.

- Сельские пасторали, - со вздохом добавил Раев.

- Ты, Васенька, у нас в мастера пейзажа метишь... Впору написать бы тебе вид уездного града Арзамаса, - предложил Николай Алексеев. - Глянь, какая красота открывается отсюда, с бугров...

- Да-а... Завидно красиво местоположение Арзамаса, - согласился Раев. - По-над рекой царственно город поставлен. Говорят, Иван Грозный, когда Казань воевать шел, повелел срубить тут, на мордовском селище, новую крепость... Смотрите, ступинцы: белые колокольни, купола церквей плывут золотыми облаками... Воскресенский собор поднимается белыми колоннадами...

- А не пора ли, други, и восвояси? - предложил Рафаил Александрович. - Родители нынче в гости всем домом приглашены. Велено мне быть в наличии к сроку...

Ребята поднялись с укладки длинных связанных бревен, что лежали возле крайней мельницы.

Раеву уходить не хотелось, он видел уже полотно с изображением Арзамаса и сейчас настраивал себя на работу, горячо говорил Мясникову:

- Недаром же утвердилось: Арзамас-городок - от Москвы уголок. Да, здешние купцы недаром славятся любочестием, не скупятся на красоту: каких домов понаставили, и все с колоннами. А храмы...

Уже почти на выходе из ярмарочной толчеи остановил знакомый сбитенщик в белом фартуке. Весело закричал постоянным своим покупателям на городском базаре:

- Сбитень сладок,

Кто падок?

Вот вам, господа, кружки -

Цена полушка.

- Так уж и полушка! - поворчал Афанасий Надежин и полез в карман за кошельком.

- Да я так, для складу-ладу, - наливая в кружки густой сбитень, смеялся полноватый мужик с рыжими плутоватыми глазами. - Гуляйте, господа художники. Чай, нонь годово́й праздник!

ОЧЕРЕДНЫЕ НАГРАДЫ

Семь лет с 1802 года - года открытия в Арзамасе первой провинциальной художественной школы в России, выпускник Академии художеств А. В. Ступин, не жалея сил, готовил своих питомцев для гражданского служения дорогому Отечеству.

В 1809 году он впервые отчитался перед своими учителями о преподавательской деятельности. Профессор И. А. Акимов - тот, что некогда два года пестовал Александра Васильевича не только в стенах Академии, но и у себя дома, поглядел на представленные арзамасцами работы и признался:

- Не ожидал... Все нарисовано хорошо. Дай Бог, хоть бы и у нас так рисовали!

Конференц-секретарь Академии А. Ф. Лабзин, ознакомившись с мнением профессоров, сказал:

- Быть тебе академиком! Первая в провинции частная художественная школа... Дело нужное! Тебя надобно наградить. А не желает ли Александр Васильевич трудиться под постоянным покровительством императорской Академии? Только и делов - то, что надлежит регулярно присылать рисунки и картины питомцев ваших для верной оценки...

В том памятном 1809 году художник явился в родной городок академиком. Трем его ученикам: Ивану Горбунову, Ивану Лебедеву и Александру Соколову - были присуждены за представленные рисунки серебряные медали, а троих арзамасцев: сына Ступина Рафаила, Ивана Горбунова и Михаила Коринфского - Академия приняла в число своих учеников.

Арзамасская школа живописи, а о ней заговорили и в столичной печати, развивалась в доброй атмосфере общественного сочувствия, со временем стала действительно рассадником талантов из народных низов. Принимались в нее дети разных социальных условий, в том числе и дети крепостных. Потребность в художнике всегда была постоянной в дворянской усадьбе. Живописец не только писал портреты и картины для своих господ, он был необходим для оформления различных празднеств, для обучения господских детей основам изобразительной грамоты, для росписи церквей, написания икон для храма... Вот почему дворяне поволжских губерний были весьма довольны открытием школы, тем более, что обучение и содержание учеников у Ступина было дешевле, нежели в Академии художеств.

В начале этого 1825 года после окончания большой работы - росписи нижегородского ярмарочного собора, академик опять поехал в Петербург.

Попечительный родитель скорбел.

А все сын занозой для чуткой отцовской души. Семь уж лет Рафаил правит работы учеников в натурном классе, учит ребят перспективе, рисунку пером без карандашного абриса - это славно. Тридцать годков скоро минет парню. Жениться не захотел... Да, кончил курс Академии, но не аттестован: не написал выпускную программу, звания классного художника нет. И все это по собственному небрежению...

Забота отца о сыне являлась заботой Александра Васильевича и о судьбе школы. Ему сорок девять лет, на пороге старости, пора озаботиться и о своем детище. Конечно, как частная школа, она перейдет к Рафаилу, но ежели он не получит

аттестат Академии, что дает и гражданский чин, и право на гражданские награды... Трудно будет сыну сохранить важные взаимоотношения с Академией, без которых школа может превратиться в обычную ремесленную мастерскую...

Художник поехал в Петербург не налегке. Повез четыре картины и тридцать один рисунок учеников. Кроме работ питомцев, вез на суд профессоров и заданную прежде композицию Рафаила «Велизарий».

В пути от Москвы до Петербурга академик познакомился с адъютантом генерала Алексея Петровича Ермолова майором Павловым. А последний, в свою очередь, уже в столице познакомил Александра Васильевича с генералом Петром Андреевичем Кикиным, который ведал канцелярией по принятию прошений на высочайшее имя.

Подать просьбу государю художник не собирался, искал он внимания Кикина потому, что тот был одним из основателей «Общества поощрения художеств». Не откладывая дела, наш арзамасец тут же испросил позволения у Петра Андреевича представить работы своих учеников уважаемым членам Общества, Кикин, уже давно наслышанный об Арзамасской школе, охотно согласился и назначил день выставки.

На заседании Совета Академии был зачитан рапорт художника о делах его школы, профессора осмотрели работы и тут же дружно выразили слова удовольствия от виденного, заговорили, что некоторых учеников из Арзамаса надобно примерно наградить за их вящие успехи в рисунке и живописи.

Осмотрели члены Совета и эскиз Рафаила Александровича. И такое определение вышло: предложить младшему Ступину для получения звания художника написать к будущему торжественному собранию Академии масляными красками картину, изображающую Иоанна Крестителя в полуфигуре с руками с тем, чтобы фигура была писана с живой модели. «Велизарий» в своей живописной основе не совсем удовлетворил профессо-

ров. Таким образом, решение о даче Рафаилу художнического аттестата откладывалось...

«Общество поощрения художеств» возникло противоземлемом цеховой замкнутости Академии художеств в 1820 году. Оно ставило своей целью через благотворительность способствовать профессиональному развитию самоучек. В эпоху крепостничества Общество помогло обрести свободу десяти талантливым крепостным художникам, в том числе Тарасу Шевченко и арзамасцу Василию Раеву. При обществе работали рисовальные классы для начинающих, на средства Общества посылались стипендиаты за границу.

В доме Кикина, в обширной светлой зале, где художник выставил для обозрения работы своих учеников, оказалось довольно много незнакомых людей: столичное общество уже давно считало хорошим тоном появляться на всякого рода художественных выставках.

Картины и рисунки ступинцев вызвали у собравшихся искренний интерес, восхищение даже, и потому к Ступину подходили знакомиться со всех сторон.

- А вот и сенатор Кутайсов Павел Иванович, - шепнул Василий Иванович Григорович. - Наш нынешний председатель Общества, Прошу! А я теперь ретируюсь...

Пришлось академику представить устный доклад о своей школе. Трудно ли говорить о любимом!

- Так вот, господа... В двадцать втором году я справил именины... Двадцать лет исполнилось школе, и подбивал я цифирь. Если угодно, похвалюсь: заведение мое окончило пятьдесят ребяток! Воспитанники получили девять серебряных медалей, в Академии совершенствовалось девять же, шестеро теперь служат рисовальными учителями в нашей губернии...

Кутайсов крепко пожал руку художнику и порадовал:

- Члены Общества положили дарить вашей школе тридцать девять литографических голов с работ Рафаэля и прочих великих мастеров. А к тому, - тут граф взял виновника торже-

ства под руку и повел в конец залы: - Присмотритесь-ка к моему Аполлону.

В арочной нише увиделась очень выразительная мраморная статуя бога света и искусства. Академик не сдержался от искреннего восхищения.

- Прекрасного мастерства работа!

- Так, я дарю вашей школе гипсовый слепок...

- Благодарю, Павел Иванович. Вы меня отличили!

Они пошли вдоль залы. Художник осмелел.

- Учится у меня Григорий Мясников. Несомненный талант этот юноша. Да нужно ли много говорить, вон труды его налицо. Нет, левее, ближе в окну... Работы Григория получили хорошие одобрения в Академии. Не дать бы сгнуть таланту. Мясников крепостной, мечтает об Академии.

Кутайсов кивал головой, соглашался. Увидевши в углу залы высокого Кикина, подозвал того к себе. Сели втроем на диван, и академик опять, теперь уже для Петра Андреевича, говорил о Мясникове.

Кутайсов скосил глаза на Кикина.

- Пусть казначей Общества скажет, сколько у него в кошельке... Петр Андреевич потер тонкие, с краснинкой веки, вытянул свою большую голову с реденьким хохолком волос.

- Что я скажу... Общество уже не единожды занималось выкупом крепостных художников. Полагаю, что две тысячи рублей ассигнациями - это та самая приличная сумма, которая и позволяет начинать разговор с владельцем Мясникова. Как бишь, фамилия барина, а где его вотчина?

Ступин готовно отозвался.

- Хозяин Григория - Гладков Павел Александрович, помещик Саратовской губернии. Человек крутой и, сдается мне, мало сговорчивый.

Кутайсов пристукнул ладонью по коленке.

- Уламывали всяких! Сговор такой, Александр Васильевич. Войдите в сношения с тем Гладковым на предмет серьез-

ного разговора. Пусть назначит окончательную цену. А как придете к согласию, тогда вступит в действие и Общество.

Ступин посветлел лицом.

- Успокоили вы меня, Павел Иванович!

ПРАЗДНИК

Пасха была ранней - Ступин спешил на родину. Ну какой же праздник дома без главы семейства!

Он вернулся в Арзамас в Великую субботу - 28 марта, и так уж случилось, что на улице, жмурясь от яркого солнца, первой его встречала Клавдинька.

Она уж девицей поднялась... Повисла на шее отца, зашептала с давней надеждой:

- Папенька, привезли петербургских даров?

- Как же-с, мадемуазель, не извольте сомневаться... Дома, в школе все ладно? Ну слава Богу!

Как и водилось, в пасхальную ночь стояли в церкви на службе всем семейством, ученики так славно пели на клиросе - хор ступинцев славился в городе. После службы восхищенно смотрели, как зябкое серое предутрие рвали красноватым огнем стоявшие у стены Воскресенского собора медные сигнальные пушки. А потом, уставшие, повалились спать.

Настал день, пора бы и разговляться за столом; ученики расписанные акварелью яички приготовили, академик велел кликнуть своих питомцев не в столовую, а в картинную галерею.

...Их выстроилось двадцать шесть в этом красивом зале с четырьмя колоннами. В окна светлыми парусами врывались солнце и веселый «целодневный» праздничный перезвон колоколов.

Придирчиво оглядывая своих питомцев, Александр Васильевич выделил из всех Ивана Каширина. У парня над вырезом полосатого жилета, на белоснежной рубашке, чей воротник подпирал молодые крепкие щеки, вздымался какой-то особой

пышности галстук... Углядел художник, что Григорий Мясников появился в новом темно-зеленом сюртуке, в нанковых панталонах, на шее у него выделялся легкий тафтяной платок...

Помня о заведенных в Академии добрых порядках, а там высшие золотые медали вручались воспитанникам под громкие звуки фанфар при стечении столичной публики, художник и у себя соблюдал возможную торжественность при вручении заслуженных наград.

Он стоял в своем форменном мундире с золотым шитьем на высоком стоячем вороту. Чуть в стороне у колонны стояли Кузьма Макаров, Иван Горбунов, Рафаил Александрович, а также взволнованная, со следами смущения на полном приятном лице Екатерина Михайловна. Сперва супруга не хотела идти в галерею, да муж выставил твердый резон: ну, что бы такое моя школа без тебя, Катенька? Ты кормишь и поишь во-она какую семейку. Да весь домовой распоряд на тебе. Не-ет уж, извольте, сударыня, быть на торжестве! Пришла в галерею и Клавдинька.

Поднимая голос, не торопясь, Ступин начал читать отношение Академии:

«Господа члены академического Совета с особым удовольствием заметили, какие большие успехи в сравнении с прежними годами оказывают ученики ваши как в рисовании, так и в живописи... Ученикам вашим, наиболее успевшим в рисовании и живописи, и по засвидетельствованию вашему отличным и в поведении, определено дать награду серебряные медали, а именно, первого достоинства Кузьме Макарову, 2-го достоинства Ивану Соколову, в рассуждении же ученика Афанасия Надежина, хотя его успехи, особенно в живописи, заслуживают второй награды, т. е. серебряной медали, даются токмо людям свободного состояния, то ему определено дать свидетельство в том, что успехи его в живописи императорскою Академией художеств признаны достойными упомянутой медали, которая и имеет быть выдана ему, как скоро он получит от

господина своего отпуск на волю, прилагая при сем упомянутые медали и свидетельство, я, в звании Президента императорской Академии художеств, поручаю вам оныя от имени Академии упомянутым ученикам Вашим... Президент Императорской Академии художеств А. Оленин, Марта 4-го 1825 года».

Они взорвались радостным ревом - все, кто стоял в зале. Академик едва водворил тишину. Бережно положил на круглый столик привезенную бумагу из Петербурга, открыл коробку и попросил подойти Кузьму Макарова.

Кузьме Александровичу было уже сорок семь лет, но его черные глаза сейчас блестели по-мальчишески - так нужна ему эта медаль! За этой медалью художнику виделся уже и аттестат Академии - так нужен ему тот аттестат, ради которого он и находится в школе Ступина с мечтой стать учителем рисования в Саранске...

Ступин вручил своим ученикам награды, поздравил их и наконец объявил последнее:

- Привез я, светы мои, приятность для всех вас, а особенную для Григория Мясникова. Члены Совета Академии единодушно выразили одобрение и благодарность Грише за его успехи в рисовании. Доброе слово о работах Мясникова услышал я из уст членов Общества поощрения художеств. Там думают и о твоей судьбе. С этого начинается дорожка к свободе. Будешь и далее стараться - обрящешь свободу!

Ребята радостно зашумели. Ступин едва водворил тишину в зале.

- Ну, теперь по русскому обычаю: простите, светы мои, ежели ково в истекшем году обидел словом, делом или помышлением...

Начиная со старших, глава дома и школы всех перецеловал, потом ученики двинулись христосоваться с Екатериной Михайловной, нетерпеливая очередь подступила и к Клавдиньке... Ей исполнилось почти шестнадцать, полные девичьи щеки

пылали сейчас розанами, а глаза задорно поблескивали. Академик, видя, как старательно старшие ученики целовали его дочь, внутренне было ревниво воспротивился тому, но тут же и приятно удивился: на-ка, девочка-то уж почти невеста!

После обильного праздничного обеда ступинцы сошли со двора.

Как ни звали Василий Раев и Николай Алексеев своего дружка в город - веселей со всеми-то! - Григорий замялся, медлил, так что парни не дождались Мясникова и сошли со двора следом за другими.

Затаенное желание попридержало Григория в ограде школы. Очень уж хотелось увидеть, показаться Клавдиньке в этот славный для него день.

И Клавдинька, зная, услышала затаенный зов юноши: побежала в сад, куда же боле!

А в саду хозяйничала весна... Сошел снег, вскинулась на припеке нежная травка, уже распускала свои белые цветы вишня, набирали розовый цвет яблони, только сливы еще не торопились показаться в своих белых накидках.

Они как сговорились: встретились у крытой беседки. Григорий смутился, держа в руках книгу, сказал первое попавшееся на ум.

- Уже благорастворение воздушных, правда?

- И - чувств, как говорят... - нашлась Клавдия.

Она не забылась, помнила, что пора ей уже одеваться. Отец и мать собираются наносить обязательные праздничные визиты: городничему Бабушкину; стряпчему Зевакину, доктору Костомарову, квартальному Белкину, первостатейному купцу и близкому соседу Ивану Алексеевичу Попову и прочим... Клавдинька торопилась и потому заговорила открыто, пожалуй, даже смело для юной девицы:

- Гриша, мейн либе кнабе, достигай, достигай новых похвал! - и кокетливо приложила пальчик к губам. - Не смотри на

меня так - я малость по-немецки лопочу... А сказала я тебе, что ты, ты люб мне!

Мясников вспыхнул лицом в благодарном порыве, но дочь Ступина тут же остудила его:

- Тороплюсь, слышишь, уж лошадку закладывают. Беги к ребятам - они на Соборную площадь пошли за орехами.

А ты мне непременно купи маковников, вечером спрошу!

- Бегу! - выдохнул Григорий, счастье переполняло его. Все ликовало в груди паренька: объяснилась, сама первая объяснилась Клавдинька. Так и хотелось закричать старой липе, что нежилась в теплых солнечных лучах, голубому небу, всему Божьему миру: вот и случилось, вот настал и для него праздник души и сердца...

Вслед художнику весело свистели шумные весенние скворцы.

ПОСЛЕ ЧЕРНОГО СНЕГА

Разными тревожными слухами полнился уездный Арзамас: что там доподлинно произошло в Петербурге 14 декабря уходящего 1825 года? Ступин не выдержал, отправился к городничему Бабушкину. Как-то покумились они, и вот теперь к Егору Степановичу можно зайти в служебный кабинет без особых церемоний.

Городничий, однако, ничего достоверного еще не знал, и потому Александр Васильевич направил свои стопы к стряпчему. С Зевакиным художник в давней приязни, виделись частенько.

Семен Семенович заметно выделялся из среды уездных чиновников. Без его советов, как говорили, в городе не начиналось ни одно важное дело. Стряпчий был тем оселком, на котором пробовалась всякая новая мысль в Арзамасе. Так именно поэт, драматург и высокий администратор князь Иван Михайлович Долгорукий отозвался о Зевакине.

Приятная неожиданность: у Зевакина приехала из деревни дочь. Та самая Машенька, которой художник некогда обещал нарисовать зайчика-попрыгайчика...

А сталося, бывал в дому стряпчего, рисовал девочке и зайцев, и косолапых медведей, позже, как подрастала она, являл на бумаге уже Бову-королевича и даже змея Горыныча. За столыные забавы - вот ведь как вышло! - не прошли даром, любила карандаш и бумагу Машенька, так что уже и в нежные лета свои стала часто замечаема среди питомцев Ступина. После мадемуазель Мария совершенствовалась в рисунке и акварели рядом с Сонечкой Корсаковой, впоследствии княгиней Голицыной.

В апреле 1822 года семнадцати лет от роду в Арзамасе Мария Зевакина вышла замуж за губернского секретаря Разумника Васильевича Жукова, что служил в Департаменте государственных имуществ. Молодые люди уехали в Липовку, в имение матери мужа, - Анна Сергеевна, будучи из рода Бутурлиных, слыла примечательной женщиной. Она собрала в своей ардатовской усадьбе богатейшую библиотеку, современники знали ее как печатающуюся поэтессу и автора прозаического сочинения «Любовь».

Брак не задался. Разумник Васильевич стал уже и отцом, но свободное время проводил то за картами в Ардатове, то в театре генерала Шепелева. В соседней Выксе феерическим колесом вертелась развеселая жизнь. Вот так очень скоро Мария Семеновна и узнала, как потом она скажет в своей книге, «печальную существенность» жизни, ее дни теперь только и отдавались книгам, сыну Васе да вот этим поездкам к родителям в Арзамас.

Академик помнил Машеньку такой нескладной худышкой... Молодую женщину и теперь нельзя было назвать красивой, но у нее были прекрасные черные глаза - умные, широко раскрытые... Хрупкая фигурка Жуковой делала ее легкой, по-девичьи грациозной.

Мария Семеновна обрадовалась художнику, она тотчас заговорила его:

- Теперь поживу у папа. Я снова стану ходить в вашу школу, Александр Васильевич. Кистью, кажется, работаю уверенней, а вот рисунок у меня слабоват. Да, правильно, когда-то вы говорили, что не надо торопиться к краскам...

- Милости просим, мадам! - улыбался и хорошел своим смугловатым лицом художник. - У меня теперь первым в рисунке Гриша Мясников. Садитесь в классе рядышком с ним - талант самородный и несомненный!

Из гостиной доносились быстрые тревожные звуки фортепьяно, и, вспомнив вдруг, что Клавдиньки нынче с утра в доме нет, художник не сдержал себя.

- Не моя ли это дочь крадет ваш досуг?

Жукова развела руками.

- Мой учитель.

Он не задержался в гостиной. У Марии Семеновны день, конечно, расписан, прерывать урок музыки нет особой нужды, да и у стряпчего лишнего времечка нет, скоро того-с, в присутствии...

В кабинете, облаченный в шелковый персидский шлафрок, Семен Семенович раскурил свою неизменную трубку и, отвечая на слова Ступина о дочери, заговорил со вздохами:

- Выдал я, грешник, дочь за богатого, думал убереечь ее от нужды... С надеждой принесла девочка к алтарю чистоту свою, а муж скоро пренебрег ее чувствами... Ну, а у вас о чем слово, Александр Васильевич. Ах, вона что-о...

Академик выложил свое напрямик:

- Семен Семенович, ты у нас главный самовидец. Как же так, какой выворот всему делу? Сказывают, дворяне и высоких военных чинов люди выступили противу царя на Сенатской. Но какие побудительные причины? Ужели заговор был?..

Стряпчий, посасывая трубку, остро взглянул на художника.

- Суждение тебе мое надобно... Тут должно рассуждать холодным языком ума. Раскладывал я по полочкам... Давно уж течение российской жизни показывало на новый поворот событий. В самом дворянстве - не во всем, разумеется, замечали мы новое смещение мыслей. А военной молодежи, что вернулась после восьмьсот двенадцатого года из Парижа, и вовсе чужие ветры обнесли горячие головы. Как-никак французская революция дала тем, кто этого хотел, личное право. Ну-с, а какие же это новые ветры на нас дунули? Да республиканские! Вот 14 декабря и нашла коса на камень, вот вам и выворот.

У Семена Семеновича потухла трубка, он начал присе-
кать огонь к труту. Раскурил трубку и спросил:

- Вы, Александр Васильевич, не коротаете вечеров за кар-
тишками... Про князя Шаховского из Ардатовского уезда не
наслышаны ?

- Сказывали, что чудачит...

- Значит, вы немного знаете о Шаховском. Вернулся из
Парижа майором, открывалась Федору Петровичу блестящая
карьера, а он бросил все, вышел в отставку, да и приехал с же-
ной - прежде она княжна Щербатова, в свой Ореховец. И начал,
как вы сказываете, чудачить. Одним мужикам уменьшил оброк
наполовину, другим отдал часть своего пахотья, работников
стал нанимать со стороны. После выручил своих погорельцев,
часть собственных доходов обратил на нужды слабых хозяев.

- Вот об этом и наслышан...

- Можно было бы и еще навивать к этому... Скажем, весь
свой хлебный запас мужикам роздал, когда градобитье не
обошло ардатовские нивы... Чем же продиктованы сии поступ-
ки князя, эти радетельные деяния? Да, человеколюбием, но и
теми наносными из Франции идеями. Таким, как Шаховской,
республика подлинно не пустой звук. Смотрим далее: респуб-
лика, как знаем, правление без царя. Да, Рим, да прогнала там
республика - это я вам подкидываю для размышления... У нас
же вековая традиция: Бог на небе, царь на земле, родитель в

семье. Опасно нарушать традицию! Тем более, что понимаем: друзей у России нет - только отдышимся, снова к нам с оружием кто-то прет... Ну-с, не будет царя, мужика освободим, и кто же до власти дорвется? Да те свободные, у кого мощна побольше. Старых служилых дворян побоку! Объявят новые подати, новые кабалы не в пример выше прежних... Жаль мне Шаховского и иже с ним. Ведь у них, выступивших в столице, смутное представление о той же республике, о той же свободе. И потом... что они без народа, без его дубины... Все остальное договорите вы сами, дорогой Александр Васильевич, не хитро договорить...

- Да, выходит, заговор был.

- И пушки перекричали радетелей свободы... Да мы скоро получим все печальные свидетельства!

НЕЧАЯННЫЙ ВИЗИТ

Все открылось в самом конце месяца, когда в Арзамасе был получен Манифест нового царя Николая Павловича, которому дворяне и чиновники Арзамасского уезда присягали на верность 27 декабря 1825 года.

Ступин, как только в его руки попал экземпляр Манифеста от городничего Бабушкина, тотчас поспешил к себе домой, уединился в кабинете и начал читать.

Да, бунт, бунт произошел в Петербурге!

Особо обращали внимание такие слова из документа:

«...Тогда как все сословия Государственные, все чины Военные и Гражданские, народ... единодушно приносили Нам присягу верности... горсть некоторых дерзнула противостоять общей присяге... Правосудие запрещает щадить преступников. Они, быв обличены следствием и судом, воспримут каждый по делам своим заслуженное наказание. Сей суд и сие наказание, по принятым мерам обнимая зло, давно уже гнездившееся во всем его пространстве, во всех его видах, истребить, как Я упо-

ваю, самый его корень, очистить Русь святую от сей заразы, извне к нам нанесенной...»

И подумалось: вот тебе тот поворот и выворот... Подлинно, что у Зевакина ума палата, сказал, как в воду глядел. Точно, извне заразились!

На этом уяснении и остановиться бы академику, и предаться своим обычным занятиям, только нет, залпы на Сенатской аукнулись для Александра Васильевича дальнейшим смятением души, испугом за сына и даже страхом за свою школу.

Князь Шаховской собственной персоной.

Художник разминался - подметал снег в ограде. Воткнул черен метлы в пышный сугроб и пошел к калитке - он, по рассказу Зевакина, сразу узнал, кто стоял перед ним в простой, едва ли не в мужичьей одежде. Молод, красив, на полном красномощеком лице лихо закрученные усики.

Князь, будто он всегда знал Ступина, дружелюбно представлялся, а потом признался:

- С нечаянным визитом, уж извините. К Рафаилу Александровичу, если он у себя...

Вечерело. Снегопад кончился, и заметно подмораживало. Видно было, что гость мерз в легких сапогах. Академик вызвался проводить на антресоли галереи, да Федор Петрович энергично запротестовал: зачем это услужение, он сам знает...

- Извольте! Там на лестнице фонаря нет, осторожней.

Князь отдал легкий полупоклон и упругой походкой военного зашагал к галерее, а художник остался стоять посреди своего двора в недоумении. Так, Шаховской бывал у сына - когда, зачем? Где они познакомились, что свело женатого человека, князя с Рафаилом, а какие мотивы теперешней встречи?

Александр Васильевич вспомнил, наконец, что он вышел не только снег мести, но и пойти на свою ежевечернюю прогулку. Едва вышел за калитку, его тут же догнал князь. Художник опустил глаза и увидел в руках Шаховского дорожный сак Рафаила - однако... А что в саке?

- Под ваше крылышко, Александр Васильевич. - Федор Петрович говорил вкрадчиво, но весело. - Позвольте шагать в ногу?

- Мой шаг теперь сбивчив...

- А я не спешу! - успокаивал Шаховской. - Приехал за вашим лекарем Костомаровым. Наш-то уездный за аптекарским провиантом в Нижний отбыл, а моя княгиня в странном расслаблении - нервическая система в расстройстве. Ехал в Арзамас с надеждой, а Костомаров, оказывается, в Спасском у господина Бессонова в имении - домашние ждут эскулапа только завтра. И вот... заглянул к Рафаилу Александровичу. Я не предупредил вас, простите великодушно.

На Дровяной площади свернули налево, к Сальниковской улице, и Шаховской продолжал говорить.

- Мне Рафаил Александрович сказывал о вас лестное, и потому осмелюсь спросить о Лабзине. Он вам покровительствовал, когда вы в Академии учились.

- Александр Федорович был в должности конференц-секретаря Академии и точно-с благоволил ко мне.

- Его ведь за принадлежность к масонству в ссылку спровадили?

- И за это тоже. - Ступин равнял шаг, стараясь ступать в валяных сапогах с кожаными галошами в ногу с князем. - Прискорбна судьба моего благодетеля. Ученейший человек! А роковым-то случаем стало для него собственное слово. Президент Академии Оленин предложил среди других особ ввести в состав почетных любителей Академии и графа Аракчеева. На Совете Лабзин и воспротивился: уместно ли Академии открывать свои двери так широко графу, который не содействовал искусству... Оленин вспылил, и в долгие - это в ноябре двадцать второго года - в сопровождении жандарма повезли Лабзина в изгнание в Сембилей. После-то в Симбирск перевели. Давно письма нет от Александра Федоровича. В безвестии я о славном муже...

Шаховской вздохнул.

- Бедные масоны! Тяжело им ныне в Петербурге. Сказывали мне, что и как происходило на Сенатской 14 декабря.

- Зело любопытствую! - признался Ступин.

- Привели, выстроили войска на площади для присяги. Отказались принимать ее Лейб-гвардии Московский полк, Лейб-гвардии Гренадерский полк и Гвардейский флотский экипаж. Генерал Милорадович принялся увещевать восставших, но был убит. Тогда царь приказал подтянуть артиллерию, скоро заговорили пушки, и к ночи все было кончено. А Трубецкой, коего диктатором было избрали командиры восставших, испугался и не явился на площадь к часу присяги. Сказывали еще, что снег на Сенатской почернел от пороха и крови павших...

- Что же после черного снега? - осторожно спросил академик.

- Обыкновенно: грозная расправа чинится, - опять вздохнул Шаховской и тихо повторился. - Трудно нынче масонам. Они ведь со времени Радищева и издателя Новикова сумели выйти из замкнутости своих лож к делам уже общественным. Немало офицеров там, на Сенатской, были масонами.

Воротился Александр Васильевич восвояси тихим, уже лежа в постели долго не мог уснуть. Мучило что-то не сказанное ни Шаховским, ни самим собой. И все же, где-то уж на грани сна вдруг явилось озарением: масоны, масоны... Зло извне занесенное - так ведь в Манифесте... Но крепостное-то право - наше, наше родненькое. И неча на зеркало пенять!

Душевные всполохи, захватившие художника, кончились нескоро. Впереди его ожидали куда худшие переживания...

Эти переживания становятся более понятными после слов известного русского пейзажиста, ученика школы живописи Василия Раева:

«Одна новость за другою всех в городе тревожила. Слышно было, что во всех городах и по уездам некоторых бояр

тайно увозят в Петербург. К нам сегодня в школу приезжал князь Шаховской, а на другой день его уже увезли в Петербург не давши проститься с женой. У нас был один товарищ Лука Юшанов, он страстно любил политику и, бывало, ждет не дождется почты с газетами, и как только Александр Васильевич их прочитает, то сию же минуту отдавал газеты Юшанову, тогда Юшанов весь предавался чтению и уж в это время его хоть жги огнем, он не слышит, когда прочтет, тогда всем рассказывает газетные новости».

Донесла молва до Арзамаса, что из нижегородцев арестованы: сын помещика Горбатовского уезда Михаил Бестужев-Рюмин, сыновья губернатора Крюкова Николай и Александр, сын советника губернской гражданской палаты Иван Анненков, сын прежнего предводителя Нижегородского дворянства князь Сергей Трубецкой...

Опасения художника оказались не напрасными. Однажды в школу явились полицейские чины - один из них был из губернии, и объявили, что им должно сделать досмотр личным бумагам Рафаила Ступина.

Обыск не прошел впустую. Полицейские унесли из стола Рафаила Александровича письмо от князя Шаховского, правда, незначительного содержания.

Едва служаки откозыряли, едва-то они победно хлопнули дверьми, как испуганный академик дал волю своему гневу перед сыном:

- Какое неразумие! Мало того, что все Шиллера читал крепакам да этого, как его... С Шаховским стакнулся! Ведь ты знал, знал, с кем имеешь дело. Не запирайся, по глазам вижу. Думал, какими последствиями все это может обернуться для школы, для детища моего!

Рафаил Александрович стоял у стола бледный, но спокойный. Взгляда своих карих глаз не отвел.

- Я все знал.

- Скажи спасибо благородству Шаховского, обезопасил он тебя. В тот вечер бумаги он вынес?

- Бумаги...

Они не поссорились. Честность сына, его прямота обезоружили отца. А потом такт педагога да родительская осторожность подсказали художнику, что перегибать-то палку сразу нельзя. Тем более, что обнаруженное письмо у князя ничего опасного не содержало. Может быть, оно с умыслом - пустяшное-то, было оставлено у Рафаила...

И все же, помня уже о крутых мерах нового царя, Ступин сошел от сына вниз в том же смятении. А вскоре к этому душевному смятению немало добавил и городничий Бабушкин, который явился в школу и настрашал питомцев академика:

- Хочу предупредить... Никакова пустова помышления! Пусть никто из вас не обольщается ложной надеждой, да и не совершит каких-либо несообразностей. Все сословия и впредь неукоснительно исполняют свои прежние обязанности!

И вот уж чего не ожидал академик, когда Бабушкин перевел тяжелый взгляд с учеников на него самого.

- Александр Васильевич! Позволю себе заметить: среди учеников ваших понаслышке кой-кто обьят зараженным духом и вредными заблуждениями. У вас в школе замечены разговоры крепостных, не соответствующие их состоянию!

Изрядно-таки струхнул после наставительных слов Ступин.

ГОСПОДИН МЭТР

В галерее, в зале гипсов, на теплом окрасе стен статуи и бюсты выступали особенно рельефно, сразу захватывали воображение классической красотой лиц и обнаженных тел. В зале с утра Мария Семеновна Жукова и Клавдинька. Итальянский карандаш громко шуршит по толстой зернистой бумаге. В тишине слышно по скрипу половиц и то, как медленно ходит

наверху по своим жилым комнатам на антресолях Рафаил Александрович.

Жукова довольна своей работой: группа Лаокоона «устоялась», полна движений и боли того переживания, которое придал ей великий мастер древности.

Марии Семеновне хочется говорить. Она вздыхает.

- Однако, как мажется этот итальянский! О, мои руки...

Клавдия соглашается:

- Отец рассказывал: в Академии сидят они в классе - лица как у трубочистов от этого карандаша, руки не сразу отмывали.

- Видела давеча Рафаила Александровича. Показался он мне странным.

- Это он вам рад - я знаю!

Клавдинька охотно оторвалась от мольберта, рисунок ей явно не задался. Жукова поджала свои полные яркие губы.

- Вот как... Он, кажется, в возрасте. Отчего не обзаводится семейством, как должно?

- После того, что в Петербурге произошло, как обыск у нас провели... Князь Шаховской замешан.

- Я князя Федора Петровича хорошо знала. Горячих устремлений человек.

Клавдинька говорила, пожалуй, о наблевшем:

- Вот и братец горячит себя мечтами о какой-то иной жизни. Что я вам еще скажу. Намедни говорил о вас так высокомерно. А семейством как ему обзавестись. Дворянка не пойдет - беден, чина нет. Мы с Рафаилом несчастненькие!

Жукова не отмолчалась. Она и не подозревала, что эта юная девушка, что сидела подле нее, может столь прозорливо думать.

- Да полно тебе, Клавдинька! Не грешно ли жаловаться? Женихи не приступают?

- Какие женихи! Что принесу благородному-то в приданое? Ни земли у нашего отца, ни мужиков, а какие деньги задержатся - все на школу тратятся. Бесприданница! Через это не

польстится даже и купеческий сын. А за чиновного идти боязно. Сами знаете, какой это народец. Отец некоторых из них называет продувными бестиями...

Мария Семеновна понимающе вздохнула.

- Все так! Но я сторонне слышала, что вокруг тебя такое завидное обожание...

Клавдинька отложила карандаш, отвернула свою головку с длинными бучками черных волос. Взблеснули ее темные глаза.

- Ой, мадам Мария! Если вам как на духу - все ученики папа заглядываются. А особенно Колинька Алексеев да Гриша Мясников. Но какая разница! Николинька - этот пять раз на дню встретит и улыбнется, словечко скажет, а Гриша... Не то, чтобы и робок...

Жукова тоже оторвалась от рисунка.

- А ты пойми, Клавдинька, Алексеев - свободного звания, а Гриша-то крепостной. Он знает свое трудное положение. Ему открыться сердцем не так просто. Но где он, наш учитель? Слушай, что я про него узнала - это правда?

Клавдинька вытирала чистой тряпицей руки: сильно мазался жирный итальянский...

- Редко вы у нас бываете, мадам Мария, наездами из своей деревни... Уж сколько времени прошло, как по слову помещика отца Гриши засекли на конюшне, не выдержал, бедняга... Мается папин ученик. Его все любят у нас. Он ведь библиотекарем в школе, стихи пишет такие трогательные...

- И ты его любишь! Полно, Клавдинька, у тебя все на лице написано. Давеча как вошла сюда, увидела Гришу, так вся и вспыхнула.

Дочь Ступина нашлась с вопросом:

- А вы-то мадам Жукова. Каково вам в деревне. Уж простите, что тревожу вас такими вопросами.

- Читаю. Повесть писать начала. А в личном - нелегко мне, Клавдинька.

- Выходит, и дворянам не всем сладко.
- У каждого свои беды. Никого не минуют ни болезни, ни смерти, ни сердечные боли. Одно утешение: сын Вася. В Петербург везти надо, помаленьку готовить в университет. Уеду и теперь уже провижу, что совмещать мне в столице изящную словесность с судебной палатой. Э, кажется, легок на помине виновник нашего удовольствия...

В зал действительно вошел Григорий Мясников. Русоволосый, невысокого роста, он хорошо держался, художник. На нем ловко сидел сюртук темно-зеленого цвета, полосатые нанковые панталоны были заправлены в низкие сапоги со светлыми отворотами, Жукова опять отметила на юноше красивый жилет и светлый тафтяной платок на шее.

Григорий давно знал мадам, не раз наблюдал за ее работой в классе над рисунками.

- Простите, Мария Семеновна, Клавдия Александровна, простите, что задержался надолго. Пришел купец Иван Алексеевич Попов. Желает, чтобы я портрет его написал. На память благодарному потомству...

Жукова охотно поддержала разговор.

- Говорят, вы, Гриша, высоко поднялись в художестве - похвально!

Клавдинька не сдержалась, заговорила с открытым восхищением:

- Гришенька теперь... Он хорошо папа помогает. Так, где твое учительное слово, господин мэтр?!

Мясников присмотрелся к рисункам. Заговорил мягко:

- У вас, мадам Жукова, нарисовано весьма изрядно. Вот только змий в этом изгибе... Не кажется он вам деревянным?

- А у меня? - с надеждой спросила Клавдинька.

- Отчего у вас, Клавдия Александровна, робость в карандаше такая. На вас это непохоже. - Мясников смешался, видя, как приуныла Клавдинька. - Ну, уж если я вам не судья, то вон

пусть скажет братец ваш, Рафаил Александрович. Однако позвольте я присяду и малость поправлю.

В зал точно сошел сверху сын Ступина в охотничьем костюме.

- Мадам... Я так счастлив снова вас видеть! Я скажу вам комплимент: вы хорошеете, право. Как жаль, что не часто бываете в городе.

Жукова подняла в удивлении глаза: так открыто говорить комплименты... Она встала.

- Я не на похвалах росла. Я всегда была дурнушкой - мне это матушка да-авным давно объявила.

Рафаил Александрович успел быстро возразить:

- Я - художник, Мария Семеновна, я знаю, что говорю. У вас особенная красота! Как много ее в глазах ваших... А потом вы хорошо образовали себя, и, как я довольно наслышан, у вас высокие душевные качества...

Клавдинька в своей простоте успела, шепнула приятельнице:

- Да он объясняется вам, Мария...

- Благодарю, Рафаил Александрович. Я - женщина, и ваши слова мне приятны. Прошу посмотреть взыскательно на наши робкие труды...

Рафаил присмотрелся к работам.

- Значит, прекрасный пол отдает свои дани изобразительному искусству - теперь это в моде. Недурно, но вот эта мягкость линий... Кокетство какое-то! Больше силы в рисунке. Помню, с самим Карлом Брюлловым сидел я в натурном классе Академии. Вот уж кто являл подлинно божественную линию на бумаге. И сила, и утонченность, волшебство!

- Ты на охоту, Рафаил? - прервала воспоминания брата Клавдинька.

Рафаил Александрович и сам догадался, что слишком мало сказал он о рисунке гостыи. Но художнику не хотелось подробным разбором огорчать ни Жукову, ни сестру.

- Представьте, Марья Семеновна, господин Безсонов пригласил в свои угодья. Собаки у него отличнейшие. Гриша, кстати... Да хватит тебе за сестренку стараться! Не в службу, а в дружбу - суеверным становлюсь, что ли... Поднимись наверх, забыл пистолеты! Городничий боится выстрелов в нашем городе, так я на лоне природы пристреляю...

Мясников сбегал наверх, подал Ступину плоский лакированный ящик с монограммой на крышке. Рафаил Александрович открыл его, поднес к Жуковой, в голосе его послышалась явная бравада:

- Мария Семеновна, взгляните. Есть особо притягательная красота и сила в оружии. Посмотрите, самой холодной смертью дышат эти дула...

- Зачем они вам, художнику, Рафаил Александрович? Вы, кажется, не дамский угодник, не дуэлянт...

Ступин сделался серьезным.

- Мадам, они, пистолеты, не только для дуэлей и самозащиты - они говорят и в дни великих гражданских потрясений...

Жукова все поняла. Ее большие черные глаза вспыхнули. Не думая, однако, она открыто польстила художнику:

- Пристреляйте пистолеты, Рафаил Александрович, пристреляйте!

ГОРЬКОЕ СЧАСТЬЕ

Отец с сыном едва не столкнулись в дверях.

Ступин не мог скрыть какой-то своей тревоги и оттого, зная, поздоровался нарочито громко.

- Здравствуйте, мадам. А ежели угодно - бонжур! Давно прибыли на родные стогны, то бишь в Арзамас?

- Александр Васильевич, опять вы с церемониями. А тон у вас какой-то грустный, простите. Я для вас, как и прежде, Мария. А еще вы меня и Машенькой звали. Как долго, как давно меня никто не называл Машенькой, даже отец. А приехала я

из деревни уж с неделю. И вот корплю нал Лаокооном. С Клавдинькой...

Академик не сразу увидел дочь и Григория - молодые люди стояли поодаль, у другой статуи, и юноша что-то объяснял Клавдиньке.

- Да, да... - Александр Васильевич наконец-то вспомнил: - Гриша, тебя нынче не видел. Ты мне нужен. А ты, Клавдия, марш к матери в столовую, помоги накрыть стол. Нуте-с, светы мои, что вы тут натворили. А не худо, весьма сходственно!

Жукова не выдержала.

- Все-то вы хвалите, Александр Васильевич - знаю, любите и утешаете. У вас что, метода такая? Ваши ученики смотрят куда строже. Вон, Гриша...

- Это он правильно! - художник воссиял лицом. - Лесть в искусстве - это предательство. Крепко надеюсь, что Мясников превзойдет вашего покорного слугу. Но, согласитесь, в этом и есть высшая радость учителя. А похвала - она тоже не лишняя. Я ведь давно не молод и смотрю не только глазами, но еще и душой. Ну, торопитесь отмывать руки...

Жукова и Клавдинька ушли. В галерее опять стала настаиваться музейная тишина.

Мясников стоял, вытянувшись, с напряжением в скулах. Давно зная своего учителя, уже понял, что тот пришел к нему с чем-то необычным.

- Гриша, голубчик, убери рисунки в папки.

Ступин ходил из одного угла зала в другой, теребил пуговицы своего сюртука табачного цвета.

- Гришенька, я опять к тебе с огорчительным известием.

Худощавое лицо Мясникова еще более напряглось.

- Догадываюсь. От господина Гладкова мы с вами письмо ждали.

- Ждали, ждали и дождались, - академик вздохнул. - Гриша, повяжись терпением! Целый год за тебя хлопочу. В Общество поощрения художеств писал. Отозвались в Петербурге,

подтвердили, что дадут две тысячи рублей. Да и я готов своих приложить. Но вот наотрез твой барин отказал в вольной. Боятся, однако, продешевить... Возьми, читай письмо.

Мясников потемнел лицом, уже плохо помня себя, закричал с вызовом:

- Александр Васильевич! Вы хорошо потратились на слова перед моим барином?!

Художник вздрогнул, как от удара, но тут же овладел собой.

- Что за бранчливый тон, слова допросные! Так я распилился перед твоим барином... Одно мне остается, Гриша: утешить тебя, льстить надеждой. Потерпи еще, если от Бога предел холопства не положен...

- От Бога ли! Душа спеклась... Я ведь об Академии мечтаю. Несовместно искусство с рабством - ваши слова, Александр Васильевич?!

Ступин выпрямился, поднял голос:

- Не отрекаюсь! Сказывал и наперед скажу! Но и то знай, что не ты первый, не ты последний... Великий Аргунов так и умер крепостным. Мало ли! Вон и Василья Тропинина граф Морков держит, а уж громкая слава у художника. Гриша, ты знаешь, не одного своего ученика я вырвал из барских рук. По-маленечку, полегонечку устроим и твою судьбу. Ты читай... Господин Гладков в имение требует, и вот тебе мой совет: поезжай спокойно, надеюсь, что мы скоро вызволим тебя сюда...

Мясников сник.

- На муки поеду. Уж как не взлюбит чью фамилию в селе наш барин...

Александр Васильевич подошел, обнял юношу за плечи.

- Полно, полно, Гришенька. Я написал Гладкову - еще раз озаботился твоей судьбой. Ты, мой дорогой, довольно начитан, развит, души пылкой. Никаких там отчаянных поступков, води себя осмотрительно! Не любят баре, чтобы слуга в чем-то их превзошел - я знаю...

Мясников мягко отстранился от учителя.

- Я постараюсь...

- Во-вот, оно и славно! Платья у тебя достаточно. Деньги на дорогу, на карманные расходы припасу к утру - зайдешь проститься.

- Благодарю, Александр Васильевич. Только вот рисунки уберу.

Художник скорым шагом вышел из галереи.

...Не ожидал Мясников, что Клавдинька тут же объявится в галерее. Она вошла, не скрывая своей встревоженности.

- Остался отец с тобой, и я сразу поняла: неладное что-то принес?

- Гладков требует к себе, уезжаю завтра.

- Уже завтра... Болит сердечко? Что ты так закаменел, Гриша? Говори, говори что-нибудь. С кем-то и боек, а со мной...

- Душа изболелась. Вот ласкаешь меня глазами. Каково принимать эту ласку мне, рабу барскому?!

- Ты не раб! Гришенька, у тебя ли одного. Вон, мадам Жукова - дворянка, а говорит такое о себе, хоть плачь. Да ей в Петербурге ходить по судебным палатам...

- Клавдинька, о чем ты! С моим разве сравнимо...

Давно влюбленный, Мясников, все по-особому обостренно видел, слышал и чувствовал.

- Так ли уж любишь, Клавдинька. Что я говорю... У меня нет смелости вольного, пути рабства лишают смелого слова!

- Молчи, молчи! - дочь Ступина торопливо вытирала глаза платочком. - Гришенька, вот залогом хочешь? Возьми этот платок. А вот и еще...

Мясникова ошеломил этот чистый порыв девушки, этот неумелый ее поцелуй. Счастливцев, однако, тут же опустил глаза долу.

- Как я разлуку переживу...

Клавдинька приложила пальчик к губам, не дала поцеловать себя. Отступила, говорила по-женски деловито:

- И прежде вызывал тебя барин, вернешься! Ты там знай: очень ждать буду!

И убежала.

А Мясников, радостный от сознания, что любим, долго не мог опомниться. Шептал: как лицо-то у меня занялось. Вот оно как повернуло, Клавдинька...

Эту ночь перед отъездом Григорий едва ли спал. Одним давно неотступно мучился: судьбы однако никто наперед не знает, не ведает. Как все у меня-то, подневольного, станется? Рабство горше всяких вериг! Будто в злую насмешку: любим, обласкан в доме Ступина, но добром ли все это кончится. Горькое счастье мне выпало...

Взметнулась светлым озарением мысль: душа, душа-то у всякого человека вольна, никому не подвластна, никому!!!

Успокоился ли на «этом» Мясников, он толком не узнал - измученного, наконец сморил короткий беспокойный сон.

ПОБЕГ

Кончалось лето 1828 года.

День опять был жаркий.

Духота настоялась в комнатах, и Рафаил Ступин назначил занятия по пластической анатомии в саду. Только и надо-то было принести туда легкий мольберт да картон с рисунком человеческого тела. Контур мужской фигуры на картоне изображал атлета с горизонтально раскинутыми руками.

У беседки на скамейках и стульях сидели: Василий Раев, Иван Каширин, Николай Алексеев, Владимир Щегольков и Иван Зайцев.

Рафаил Александрович без сюртука, в белой рубашке с открытым воротом поторапливал учеников: ужели долго устроиться, отчего так мешкаем...

- Вот теперь тишина. С чего начнем сегодня... Приличнее всего вспомнить сейчас слова великого Леонардо. Вещал он, что без науки нет искусства! Без науки мы вырастим только жалкого ремесленника. Еще задолго до нас древние греки определили каноны или твердые правила построения отменной мужской фигуры. Смотрите, в квадрат древних художников вписывается человеческое тело с распростертыми руками. Отсюда какое научение? А то, что высота туловища соответственно равна ширине плеч и раскинутых рук. Добавлю: в классическую фигуру высота головы человека укладывается, примерно, восемь раз. Но, друзья, каноны канонами, а нам надлежит присматриваться и подражать естеству и нынешнего человека. Так что имейте собственное разумение, пусть в работах ваших выступает то живство, которое и делает портрет конкретного человека... А ты, Каширин, записываешь - похвально! Очень рекомендую.

В отношениях ученики и учитель давно были накоротке, оттого и задал Василий Раев вопрос:

- Говорят, вы пособие готовите для начинающих художников?

- Да, разрастается мой курс рисования и живописи. Отец из Петербурга привез речения своих профессоров Егорова и Акимова, да и я в академических классах не сидел сложа руки - изрядно накопилось.

Не умолчал Иван Каширин.

- Не каждому выпадает счастье попасть в школу Ступина, а тем паче в Академию. Давно ждут в России такое пособие!

Рафаил Александрович стоял перед учениками улыбочным: равнодушны к искусству ребята, все обещают стать гордостью школы.

Пока учитель переворачивал картон на мольберте, отирал платком пот, за кустом сирени у беседки объявилось новое лицо в саду - Мясников!

Да, это был он, Григорий. В крестьянском платье, в лаптях, с котомкой за плечами. На сильно загорелом лице парня выпирали острые скулы. Какое-то время Мясников стоял немеченным за кустом, но не выдержал и бросил в Раева камешком.

Недоуменный, Раев оглянулся.

- Кто к нам грянул с облаков - сам Григорий Мясников! Гриша, друг... Ребята!

Ученики, каждый на свой лад, зашумели. Только Николай Алексеев с укором потянул слова.

- Явился - не запылится...

Рафаил Александрович, кажется, более всех был рад появлению Мясникова.

- Здравствуй, дорогой! Но что за маскарад? Из какой оперы этот пейзаж?!

- Я мужик родом.

Ребята обступили своего товарища. Григорий тихо признался:

- Я сбежал от Гладкова...

Рафаил Александрович не поверил:

- Дал стрелка?!

Иван Зайцев ухватил приятеля за плечо.

- Вот это лихо!

Всех остудил Николай Алексеев:

- Какое неразумие! Не сгубил ли ты себя?

- Вот как вы меня встречаете... — Мясников затравленно глядел на парней. В его запавших глазах метался теперь испуг. - Не ожидал... Я сбежал не вот сдуру!

Рафаил Александрович хмурился, забывшись, сам себе скорее говорил:

- Значит, заболел свободой... Ходит, летает эта болезнь по каждой деревне, по каждому селу и часто губит - каких людей губит! Да ты садись, Григорий. Ты там думал о последствиях? Рассказывай, по крайней мере.

Мясников сел, огляделся.

- Ребятушки, я от невозможности! Подлаживался, на всяких послугах усердничал. Портрет списал с барина. А потом одно за другим: крась, Гришка, полы, беседки в саду. Писал в зале охоту...

Владимир Щегольков пожал плечами.

- Кистью работал - терпимо!

Мясников с грустью посмотрел на Владимира.

- Сперва барин по плечу похлопывал: вышел из тебя ма-зун...

- Да, терпел, это уж после не выдержал. Что-то сказал по забывчивости не так привыкли мы тут в школе к вольному слову... И разом возненавидел меня Гладков. Придирки на каждом шагу и определения. Определил к повару, Рафаил Александрович, до чево я унижен-то был, чесал пятки барину. Отчаялся! Однажды намеренно надерзил. Кричит: да я тебя, как отца, на конюшню - изведу, крапивное семя!

Грустная тишина зависла у садовой беседки. Ее первым нарушил Иван Каширин:

- Слушай, Гриша, разузнал ты там, за что же отца-то твоего засекли?

Мясников не поднял головы, его сухие запекшиеся губы вздрагивали.

- Красного петуха хотел пустить на барскую усадьбу - два раза батеньку пороли за ништо. И вот, как начал ко мне приступать Гладков, как назначил день порки - я и кинулся в Арзамас. А кроме Александра Васильевича, мне некуда...

Василий Раев вздохнул.

- Все мы, крепаки, господскими милостями не раз взысканы, ежели вспомнить. Бесчинствуют господа в своих вотчинах!

Иван Каширин многое знал от арзамасских горничных - немало дворян гнездовало и в городе:

- Тут, в уезде. До смерти забил помещик Авдеев дворовую девку. А в селе Красном. Там Зубов содержит долговую тюрьму для мужиков!

Вспомнил свое и Рафаил Александрович:

- В Водоватове Мессинг торгует крепостными невестами – вот до чего дошло!

- Придет праздник и на мужицкую улицу! - сжал кулаки Василий Раев.

Николай Алексеев поостерег ребят:

- Побойтесь! У квартального Белкина уши длинные...

Рафаил Александрович ходил перед ребятами, говорил твердо:

- Ничего, друзья. Учитесь говорить правду вслух. Это естественное право человека!

Иван Зайцев поднял восхищенные глаза на учителя.

- Рафаил Александрович, мы возле вас - впервые! - себя людьми почувствовали. Вы на многое нам открыли глаза.

Младший Ступин наверняка забылся, говорил смелое:

- Поймите, ребята. Учю вас художеству, но в каждом поднимаю и гражданина, ибо настоящий художник живет, как и настоящий гражданин, нетерпением любого зла! Ну, друзья, разбередили вы сегодня меня, Гриша, отец принял двух новых учеников - твоё место в мезонине занято. Поживи пока со мной, в галерее. Ступай переоденься с дороги. Ты, вижу, голоден, я сейчас велю принести что-нибудь в мои комнаты. Все свободны, хватит на сегодня страстей!

ТАЙНЫЙ ГОЛОС

Будто сговорились друзья - остались одни в саду.

Обнялись, тепло присмотрелись друг к другу.

-Тосковал?

Мясников развел руками.

- Спрашиваешь! Я ведь тут прижился, в Арзамасе. Тут - школа, друзья, здесь и будущее мое, какое не знаю, Васинька. Ты мои приветы передавал Клавдиньке - писал я тебе...

- Еще бы. Гриша, да она любит тебя!

Со стороны калитки донеслись приглушенные голоса, и ребята насторожились, тень испуга пала на их лица. Василий Раев перешел на шепот:

- Ступин домой вернулся!

Мясников побледнел.

- Васинька, так подвел я учителя. Ведь и у него перед нашими господами есть определенные обязанности... Не сдержал я слова перед Александром Васильевичем... А, ладно! Иди, объяви ему, пусть уж все разом!

Ступин прошел в сад, увидел, покачал головой. Медленно и церемонно обошел юношу, смерил его холодными глазами.

- Твой посол до нас дошел... Здравствуй, что скажешь, добрый молодец?

Григорий не отозвался, и академик несколько опомнился, продолжал мягче:

- Срезал ты меня... Не сплетывай небылиц, не запирайся! Говори, с какой надеждой посылал я тебя к барину? - Раздражение опять захватило Александра Васильевича. - Обломать бы эту палку о твою спину. Что рот разинул? Не ожидал этих слов от Ступина?! А я ожидал твоего фортеля. Ты с чем явился: с соблазном дурного примера для других моих владельческих учеников. Да-а... Чуть на руках вас не ношу: ребятушки, светы мои... Конечнее, после этого откуда возьмется он, умный-то страх, тебе барин уже и не указ... Только как мне теперь прикажешь объясняться с Гладковым. Мозговал?! Где-е, Ступин вот думай!

Мясникова едва не колотила та противная дрожь нахлынувшей злости. Он выпрямился.

- Не кричите на меня, Александр Васильевич. Я много раз руганый и даже битый в отрочестве. Вот только на конюшне не

пороли. Барин и назначил, да я сбежал. Не да-амся, никому не дамся!

Художник даже отступил. За его спиной мягко упало раннее яблоко в траву.

- Ты что-о, Григорий... Я ведь о чем. Как теперь мне судьбу твою поворачивать, как пятиться к изначальному. Я же опять в Петербург написал, чтобы на Гладкова воздействовали. Я предводителю Вольского дворянства Саратовской губернии бумагу отправил с изъяснением... А ты своим побегом все это разом перечеркнул. Э-эх, не поверил ты в меня. Ивана Соколова, Ивана Горбунова, Дмитрия Остафьева и других вас, крепачков, я из неволи вызволил. Так и сяк унижался перед господами, да вызволил!

Мясников едва стоял на ногах.

- Александр Васильевич. Я помнил ваш наказ, я дошел уж до последнего унижения, а он меня на конюшню...

- Да за что же?!

- А за то, что я - художник! Как человека я себя не жалел, но топтать душу художника...

Ступин хватил палкой по скамье, что стояла под старой липой.

- Свята, свята душа художника! Да, искусство и рабство несовместны! Ладно, иди, Григорий. Утро вечера мудренее, завтра поговорим.

Академик резко повернулся и, зло тыча тростью в дорожку между яблонь, твердо зашагал к дому. А Мясников кинулся наверх галереи в комнаты антресолей, где жил Рафаил Александрович. Ему никого более не хотелось видеть. Столько ночей он не спал как следует, столько дней голодал, сторонясь сел и деревень. И так долго мучился неизвестностью своего дальнейшего положения. Он прав, Александр Васильевич, как теперь судьбу Мясникова поворачивать? Похоже, не ждать добра.

... Настаивалось утро.

Клавдинька спала плохо, можно сказать и вовсе не спала ночь.

Вчера, уже в сумерках, перехватил ее у дровяного сарая Васенька Раев, да и зашептал, что Гриша ждать будет у старой липы. Ах, как нехорошо тайничать от маменьки, украдочью с молодым человеком встречаться наедине. А как донесется до отца? Ну, отец-то еще ништо, это маменька тотчас на дыбы встанет.

Клавдинька сидела теперь у окошка и поглядывала на сонную утреннюю улицу - пустынно в ней и как-то грустно. Может, оттого грустно, что уже наступает осень и вон, под окошками большого дома купца Попова желтым пышным ручьем извивно протянулась сухая палая листва.

В белом кружевном чепчике, длинной ночной рубаше Клавдинька метнулась к неубранной постели, вспомнила - там, под подушкой, листок бумаги со стихами Гриши. Вчера ночью уж расстались, он неловко отдал листок и что-то разом заторопился уйти, даже и руки не подал! А до того говорил горячие, волнующие слова и уверения, и потому так сладко замирало ее сердечко, она через открытое загодя окно вернулась ночью в свою комнату, свечу зажигать не стала, стихи оставила наутро, и вот начинается это чистое розовое утро...

Клавдинька ничего не понимала. Лист бумаги в ее руках казался каким-то тяжелым. Зачем написал именно об этом! Боже, чем, оказывается, он полон, Гриша...

Веря и не веря прочитанному, девушка еще раз пробежала глазами такие спокойные, четкие строки:

«Лишь унынье, житель хладный,

В сердце у меня живет.

И отрадный, тайный голос

В гроб зовет».

Что ты, Гришенька... Как можно о таком греховном! Девичий взгляд скользнул по последним строчкам стихотворения:

«И луна тот холм осветит,
Где сокрыт мой будет прах.
Тень блуждающе приметит
Робкий путник в тех местах».

Кончилось утро - утверждался новый день, а Клавдинька все металась то по дому, то по ограде и все-то говорила и говорила с собой. Ну ты, Гришенька, одарил словом. А на днях подарил свой портрет. Какая похожесть! Сидит он, Гриша, пригнорюнившись на правую руку, в левой держит книгу. Вдали на левой стороне листа изображен ручеек, на берегу возвышается печальная урна, к ней подходит задумчивый прохожий... Тогда она, Клавдинька, чуть не закричала: что так предался унынию, зачем эта погребальная урна намеком? Ой, Гриша, к какому греху ты клонишься!

Девушка знала: сегодня Мясников должен кончить портрет отца. С утра Гриша будет в кабинете родителя какое-то время один: должно приготовить краски, кисти и вообще посидеть наедине со своей работой, приглядеться к ней. Всегда они так, художники...

В окна било солнце, из сада еще несло прохладой и тонким ароматом цветущих флоксов.

Мясников готовился писать - накладывал на палитру краски, отходил и подходил к полотну, бросая на него тот необходимый мазок... Портрет был практически готов, только фон прописан не весь. Впрочем, серьезный художник всегда найдет, где необходимо прикоснуться кистью еще и еще...

Стукнула в притворе дверь. Клавдинька вошла в кабинет с нарочито веселым лицом - за напускной улыбкой она все напряжение души прятала.

- Здравствуй, Гришенька! Я тут цветы поставлю - отец любит цветы. Кончается красно летичко, сегодня же первое сентября. Да, не спрошу: живется тебе у Рафаила хорошо?

Мясников не понял той ложной улыбки на лице девушки и потому отозвался тихо, с ленцой:

- Все в этом мире преходяще...

- Потому и стихи такие страшные написал? - Клавдинька стояла рядом, готова была заплакать. - Зачем такими намеками мучаешь меня? Ужели я этова заслужила. Какой ты раньше был, радостью весь светился...

Григорий едва пересилил себя. Говорил тяжело:

- Хотел бы я прежним быть, да не могу. Мучает все та же неопределенность. Вот стою у мольберта и терзаюсь. Это рабство - оно и любовь убивает! Поверь, Клавдинька, хочу сказать тебе одно, а говорю другое. Сам себе противен. Что теперь барин решит? Прикажет явиться, и я обязан, иначе по этапу... И тогда скажу я тебе последнее: прощай. А другое... Ведь и с тобой неясность...

- Гриша, не обижай! Я слово сдержала, ждала тебя. Этова мало?!

- Ужель нам и далее встречаться украдкой, и до каких пор?! Нехорошо это в моем положении...

Клавдинька поняла любимого.

- Ах, вот ты о чем... Ладно. Я нынче же упаду в ноги маменьке. Я криком закричу: выкупите скорей Гришу, сделайте мне счастье!

Мясников, невольно захваченный словами девушки, не сдержат и своих чувств.

- Клавдинька! Люблю и век буду любить! Еще больше стану стараться. Екатерина Михайловна, Александр Васильевич, ты - для всех вас гордостью стану!

Клавдинька стояла перед юношей, позабыв обо всем.

- Любишь. Ты говори, говори об этом!

Григорий светлел лицом.

- Я и сам нынче приступлю к Александру Васильевичу, скажу о наших намереньях... Обещаю, верь! Он добрую надежду мне подает. Вот портрет просил написать на академическую выставку.

- Старайся, Гришенька! - Клавдия было кинулась к Мясникову с поцелуем, но тут раздались тяжелые шаги по коридору, и девушка едва успела к своим цветам...

«РОЖДАЕМСЯ СВОБОДНЫМИ!»

Вошел Ступин.

- Гриша, голубчик, здравствуй! Клавдинька, благодарю за цветы, беги по своим делам. У тебя нынче урок немецкого, помни!

Академик шутливо выдворил дочь за дверь и подошел к мольберту. Тепло обласкал свое изображение глазами.

- В Нижний бы мне надобно, да отложил поездку - заканчивай, Гриша. Тебе не кажется... Хорошо если б этот рефлексик играл поярче. А вот тут мумьицы добавь. Остальное - славно! Сажусь позировать.

Снявши сюртук, Александр Васильевич начал облачаться в халат. Уже сидя в кресле у окна, не молчал:

- Ты, вижу, нынче в добром настрое. С улыбкой, с настроением писать легче. А я вот все-то от заботы не избавлюсь. Догадался же твой хозяин Гладков, что ты у меня - почему от него запросного письма нет? Я ему написал и, прости, обязан! Да оно и лучше. Малость начальный гнев барина остудим. - Ступин вздохнул. - Ох, Гришенька, хоть тебе пожалуюсь: трудно, так трудно мне часом. Нелегко мой пожизненный хомут. А как бы хорошо внутренняя и внешняя гармония.

- Всякое насилие над человеком изжить надо - так говорит Рафаил Александрович!

Художник кивал тяжелой сидящей головой.

- От Петербурга и до Урала мои дороги. Туда, сюда развожу выполненные заказы и вдоволь нагляделся на всякое насилие: всюду оно чинит всякого рода зло. Знать, не переполнилась еще чаша народного терпения, как видим, не вышли последние сроки...

В кабинет постучали. Вошел Николай Алексеев. Поздоровался, склонился в легком поклоне.

- Извините, Александр Васильевич, что прерываю сеанс. Приехали мадам Жукова.

- Поди, тотчас проси, Николинька. - Ступин быстро встал и сменил халат на сюртук. - Ты уж извини, Гриша, что прерываю работу.

Мария Семеновна уезжала в Петербург надолго и вот носила в городе прощальные визиты. Она накануне приехала из деревни, уже свиделась с Екатериной Михайловной и Клавдинькой, а теперь надлежало проститься с академиком.

У мольберта женщина остановилась.

- Ну-ка, ну-ка... Раев сейчас так хвалил. Да-а, Александр Васильевич. Знаю, многие ученики вас писали, но это такое проникновение. Очень выразительно, молодец, Гриша!

- Спасибо на добром слове, мадам.

Ступин встал с кресла.

- Тешим себя надеждой, что эту работу достойно оценят члены Совета Академии. Машенька, давайте присядем на дорожку. Покорнейше прошу!

Все трое присели. Жукова в плотном синем дорожном платье признавалась:

- Скажу неложно, Александр Васильевич. Благодарно буду вспоминать о вас. С детства в вашем доме, как своя. Сколько с Клавдинькой за мольбертами просидели - хорошо ты нас, Гриша, рисунку учил. Ну-ну, не скромничай...

Академик затенил лицо непритворной грустью.

- Жаль, лишаемся счастья видеть и слушать вас... В Петербурге дела?

- Какие дела! Нас, женщин, в департаменты служить не пускают. Буду писать да сына, медленно поспешая, готовить в университет. Я, Александр Васильевич, сама уже настрадалась довольно и достаточно нагляделась на страдания других. Наконец-то на многое прозрела! Я теперь знаю о чем и о ком писать.

Задумала книгу повестей. А вчера в деревне раскланялись мы с мужем как чужие, только Васенька всплакнул - ребенок, что он понимает! Да, порадуя вас: отпустила я Федю Тержина на волю, выпросила-таки его у мужа. Знаю, Федя не блестящих способностей, но кончит он вашу школу да станет в том же Ардадове учителем рисования в училище - плохо ли! Вольная подписана и Феде передана...

Художник поспешно благодарил:

- Благое предприятие! Спасибо, Мария Семеновна, за Федю. Прекрасный, благородный шаг... Ну, дай вам Бог перо в руки, как говорят. Арзамас... Много у него и доброй славы, простите уж старого кулика, что он свое болото хвалит. Архитектор Коринфский свой городок славными строениями украсил...

Жукова угадала ход мысли взволнованного художника.

- Ступин своей школою прославил...

Академик погрозил пальцем догадливой гостье, однако весело договорил свою тираду:

- А вы, мадам Жукова, осчастливьте земляков своей книгой, своей смелой правдой. Добавляйте к той славе города изящной словесностью. Ну, в добрый час! Я провожу до экипажа...

... Голоса людей в ограде - голоса веселые. А в кабинете тишина и какая-то давящая пустота. Стучит сердце в тоске. Мясников подошел к раскрытому окну - Жукова и Ступин выходили за калитку. Горькое думалось: «Как у них, у свободных господ, все просто. Села вот и поехала к изящной словесности... Счастливцев Федька Тержин! Вот опять же так простенько: на тебе, парнишечка, свободу, как пару мордовских онуч к лаптям... Но мы же рождаемся свободными, свободными-и!!!»

НЕОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ

Ждал Мясников своего учителя, а вошла-то в кабинет Екатерина Михайловна, и то, что полное лицо ее было гневным - это тотчас увидел Григорий, увидел и насторожился.

- Александр Васильевич где?

- Мадам Жукову пошли провожать.

- Зови его! И вот что: оставь нас одних.

- Слушаюсь, Екатерина Михайловна.

Проводив гостью, Ступин возвращался в кабинет, шурился на солнце. Его легкие рыжеватые бакенбарды, длинные седатые волосы вспыхивали золотом. Выслушал Мясникова, ничего не подозревая, попросил его далеко не отлучаться.

В кабинете академик недоуменно пожал плечами.

- Ты что, Катинька... Да что с тобой?!

Екатерина Михайловна осела в кресло мужа - осела неловко и заплакала.

- Батюшка, Александр Васильевич, ведаешь ли ты, что у нас и сын и дочь не холодных кровей? Девка наша замуж захотела!

Художник сидел на своем широком диване, обитом красной арзамасской юфтью, и не понимал, куда клонит жена.

- Девике и должно выходить замуж. Девятнадцать годков, время самое-самое... Ты на базаре, что ли, была, ужели сваха дорогу заступила? Болтливы нынче свахи: еще и в дом невесты не заглянут, а уж начнут плести кружева. Ну-с, от ково ждать нам предложения?

Екатерина Михайловна осушила скорые женские слезы, теперь уже ходила по кабинету, полы ее широкого капота задевали за кресло.

- Облюбовала жениха на своем дворе - Мясникова! Только Жукова вышла из гостиной, она и дала реву: люблю, боле ни за ково, выкупайте!

Ступин растерялся. Осторожно поднялся с дивана.

- Эва-а! Это серьезно?

- А то что! Поди, глянь - не пустая причуда. Кабы до нервного припадка не дошло. Подушку мочит слезами. Нет, а он-то каков! Ну пишет хорошо красками... Вот что, Александр: одна у нас Клавдия. Ты забыл законы?! Да выйди она за крепостного замуж - это и ей крепостной стать. Это значит барин над ней... Нет, нет и нет! Не отдам дитя на поругание!

Академик тут же соединил все и вся. Просил:

- Ты, женушка, охолони. Не вот все это сегодня-завтра. А Мясникова и уважать бы тебе должно. Гриша станет большим художником, люб он мне, не скрою.

Екатерина Михайловна была на пределе своей сдержанности. Махнула рукой в сторону мужа.

- Э, да что с тобой! Ну, увижу сейчас Гришку... Так замутил голову девке!

И жена художника ринулась к двери, да Александр Васильевич перехватил ее, остановил словом:

- Екатерина, не смей! Это наша фроляйнен раскинула все свои приманки перед парнем. Не подавала бы повода, так и обошлись бы мы без этой горячки!

Екатерина Михайловна, хлопнув дверью, ушла.

И опять в кабинете тишина, только напольные часы пробили четверти. Художник внешне тих, задумчив, но внутри-то распалял себя. Не привык он, чтобы вот так неожиданно на него накатывало...

Вошел Мясников - сразу все понял, едва учитель взглянул на него. Юноша стоял у двери, дальше ноги не несли.

- Екатерина Михайловна к вам послала. Вы будете говорить со мной?

- Приходится...

- Александр Васильевич... - голос Мясникова дрожал..- Я догадываюсь. Простите, я вашей доверенностью пренебрег. Но верьте, мои помысли самые чистые. Еще раз прошу прощения, что дал повод Клавдии Александровне думать...

Академик резко прервал Григория. Это унижение юноши подхлестнуло художника.

- Распустил я вас, светы мои... Кто во что горазд пустились! Сын своевольничает. Каширин со своей гитарой смущает разных девок в городе, а Раев - это же законченный вольтерьянец, опасными словами кидается на все четыре... Теперь вот Мясников возомнил...

- Александр Васильевич, нету врачества от любви. Прикажешь ли сердцу?!

- Понимаешь ли ты, Григорий, вполне свое положение? Ну, что у тебя на сегодня? Что барин-то твой объявит, какую волю свою. А вдруг как закусит удила? И ты в этой своей безвестности дочь мою будущим прельщаешь, ка-аким будущим?! Тебе бы ее вразумить... Такой поступок... Вначале от барина сбежал, а теперь что преподнес, холоп...

Мясников неловко попятился к двери. Бледное лицо его перекосилось от боли. Он еле выталкивал из себя слова:

- Александр Васильевич... Богом прошу! Не торопитесь, не говорите далее! Я же на вас чуть не молился, а вы мне такое. Учитель, не могу я сейчас писать, что-то с глазами.

Александр Васильевич подошел к столу, бесцельно начал перебирать бумаги. Он понял, что сказал страшное слово, и уже ругал себя за запальчивость. Отозвался с грустью в голосе:

- Так-так, Гриша. Видишь ты сейчас друга Ступина. И разбираться не надо: предал я тебя, дорогой. Ты сейчас душу мою на каленую сковородку кинул, из головы нейдешь!

Мясников сказал в ответ жесткие, злые даже слова, но не пожалел об этом:

- Теперь я не уйду от вас, Александр Васильевич. Хотите или нет, а до самой смерти вам носить меня в себе...

- Ступай... - устало махнул рукой художник.

Мясников, опустив голову, быстро ушел, не желая оказывать перед учителем свои слезы.

Ступин почувствовал позыв выговориться.

Он всегда открывался в сокровенном перед своей Музой - он написал ее после учебы в Академии и читл, предполагая в ней и свою родительницу, которую не помнил.

...Академик встал напротив дивана, сверху с полотна картины Муза-мать смотрела на своего великовозрастного сына ободряюще, и так влажно взблескивали на полотне ее прекрасные завораживающие глаза.

Александр Васильевич не сразу услышал свой робкий голос:

- Прости уж, мати, моя... Кому же, как говорили в старину, повем печаль мою... Я и на само искусство готов жалобиться. Дарит оно скупое, а ему все, решительно все отдай. С десяти лет, с младых ногтей - отдаю! Вначале у иконописцев, потом в Академии два года. Получил аттестат в восемьсот втором году, открывалась возможность, яко достойному, поехать в Италию совершенствоваться. Теперь бы я давно профессором в родной Академии. Не поехал в Италию, понял, что мне уготовано иное назначение: открыть свою школу и готовить художников к благу общему, российскому!

Художник помолчал, отошел от дивана и опять широко заходил по кабинету. Рвались наружу еще и еще слова признания Музе, всему миру:

- Было, кровью и плотью родному искусству платил. Уехал на учебу в Петербург, будучи женатым. Екатерина извелась тут в тоске, и слабеньким родился второй сынок Вениамин, скоро отошел в вечность. Потом уж, как вернулся, каждый рубль берег, школу вот выстроил, галерею картинами наполнил - так мало ли жертв отдано? Видно, мало. Теперь вот Рафаил, прежняя надежда... Плохо складывается его судьба - не так загадывали. Норовит из дома уйти, тяготится отцовской опекой...

Ступин увидел за окном Мясникова - тот нарочито, зная, показывался учителю: портрет-то бы окончить надобно. Академик открыл створку окна, позвал парня.

Но не суждено было Григорию окончить свою последнюю работу. Только академик опять сел в кресло, только юноша взялся за кисть, как в кабинет без стука едва ли не вбежал испуганный Василий Раев. Упавшим, сдавленным голосом произнес:

Александр Васильевич... Гриша, твой барин уже в передней!

Мясников, не помня себя, сел на диван, не услышал своих слов:

- Барин... Он же хотел только после жатвы в Москву ехать...

- Вот так комиссия... - еле слышно отозвался академик и суетно, неловко начал надевать на себя сюртук.

БАРСКАЯ ВОЛЯ

Вошел Гладков. Пожилой, превратности жизни и излишества уже наложили на широкое лицо его свои нестираемые следы. Приезжего встретил в передней недельный дежурный, и потому в кабинете художника саратовец объявился бездорожной крылатки и шляпы.

После обоюдных приветствий, пожалуй, и затянувшихся, Ступин легко продолжал разговор:

- Да, Павел Александрович, случается у меня гостей из разных, что называется, волостей. Покорнейше прошу на кресла. Григорий, кланяйся еще раз! Вы, Павел Александрович, надеюсь, не удивлены тем, что юноша у меня. Но я отправил вам письмо, известил, я почел своим долгом... Ах, не получили еще, жаль!

Гладков удобнее устроился в кресле. Поиграл брелоком часов у жилетного кармана. Отвечал любезно.

- А я и предполагал, потому и заехал. Теперь тороплюсь в нашу первопрестольную и посему буду краток. Да и какое многословие из-за сущей безделицы, господин Ступин! Не стану оскорблять вашего храма искусства громкою фразой, не буду

брать этого наглеца за шиворот. Я просто воспользуюсь исконным правом своим в определении дальнейшей судьбы моего человека...

Вошла Екатерина Михайловна с подносом, поставила его на маленький лакированный столик и тихо вышла. Подносом этим всегда встречался любой владелец ученика академика - так уж было заведено.

Александр Васильевич, пожалуй, и засуетился.

- Павел Александрович, вот славное донское, а это данцигская водка. Холодная осетринка - прошу!

Гладков повеселел глазками, пригладил на лысоватых висках жесткие прядки седеющих волос.

- А, пожалуй, пожалуй... Данцигской с дороги... Растрясло на саратовской...

Мясников мучился. Поймал взгляд учителя, попросил глазами: разрешите уйти?

Художник выжидающе посмотрел на Гладкова - тот, оказывается, перехватил этот бессловесный разговор ученика и учителя.

- Ну, конечно! - Гладков выпил, но закусывать не стал. Примял указательным пальцем уголки рта. - Александр Васильевич, в своей вотчине вы - полный хозяин и я не вправе...

Академик кивнул.

- Гриша, останься. Прошу!

Художник уже не раз начинал разговор с помещиками с одного и того же - с лести. Гладкова он видел впервые. Когда-то мальчишку привез в Арзамас бурмистр. Редкая переписка ничего не говорила о «владельце души», и сейчас он, Гладков, еще ничем не оказал себя. Только что-то очень уж мягко стелет...

- Павел Александрович! Ценю ваше время, но уважьте... Прежде писал вам и теперь повторюсь: полагаю, для русского человека довольно силы слова, идущего от души. Я от души, Павел Александрович. Лучшие сыны нашего Отечества утвер-

ждают: истинный русский дворянин должен быть отцом-помещиком! Попечение о крестьянах есть такая же служба, как и служение, если хотите, на ратном поприще...

Мясников замер на диване: как говорил Александр Васильевич... Как он для него, Григория, старается!

Ступин продолжал:

- Павел Александрович! Вам вверены крестьяне в человеколюбивое, отеческое попечение. Вы отвечаете за них перед Отечеством! А Отечеству, славе его искусства сегодня нужен Мясников. Григорий - талант, а талант, согласитесь, редок, и посему надлежит всем нам его отечески беречь! Мой ученик обещает стать большим мастером, уж поверьте мне, академику. Славную будущность предсказывают ему профессора Академии и уважаемые члены Общества поощрения художеств. Вот смотрите, готовим портрет на столичную выставку в чаянии получения серебряной медали. Пройдет недолгое время, и вы, Павел Александрович, будете гордиться своим великодушием, своим благородным поступком, что отпустили этого юношу на волю. Да я первый стану свидетельствовать о вас в правительственной газете!

- Вы кончили, господин академик?

- Павел Александрович! Как сельский хозяин, знаю, вы вполне достаточны. Надеюсь, вы умны, образованы...

Гладков не выдержат, испугался, как бы этот арзамасец, как и дальняя дорога, окончательно не расслабил его.

- Господин Ступин... Я и впрямь спешу, постараюсь покороче. Конечно, благодарю за аванажный отзыв о моей персоне. Не стану кривить душой! Отпустить или не отпустить Гришку - это для меня не суть. Его наказать должно, наказать в пример другим. Погодите же, дайте и мне слово молвить. Вот он сбежал... Положим, оставлю это без последствий. Что же другие мужички? Беги, ребятки, во все стороны, у нас барин разлюли-малина. И - побегут! У меня народец бедовый, когда-то с Емелькой Пугачевым якшался. Да ненаказанность Гриш-

киного поступка - это тот самый соблазн дурного примера, из-за которого, согласитесь, иные из моих работников могут жестоко пострадать. Примите уж логику: накажу одного - уберегу других от беды. Вот так у меня, такой порядок искони, от дедичей!

Академик поутишился в голосе.

- Павел Александрович. Гриша смиренно в ноги вам падет за прощением...

Гладков поморщился.

- А! Знаю я их! В ноги кланяются, а за пятки кусают. Господин академик, у вас чрезмерная гуманерия...

- Павел Александрович... Довольно того, что его родитель пострадал.

Гладков медленно встал с кресла, лицо его побагровело.

- А что отец? Очень Андрюшка дерзок был. По делам и ответ держал. А уж то, что сил живота его не хватило... при-скорбно, конечно. Господин Ступин, не смотрите на меня так. Наш лекарь, да и власти Вольского уезда вынесли в случае с Андрюшкой Мясниковым достоверное медицинское определение...

Академик усмехнулся.

- Ну да... Смерть от застарелых причин - не раз слышали и в нашем уезде. Да, подлинно мир во зле лежит! Господин Гладков, не страшитесь, что совесть вас зазрит?

Гладков ходил по кабинету барином. Бросал ленивые взгляды на картины, что висели по стенам кабинета. Говорил медленно, с нажимом:

- Не надо турысы на колесах разводить, господин художник. Это опять же пустая гуманерия! Вот вы не землевладелец, не живете среди мужиков, на вас мое бремя сельского хозяина не лежит. Поймите, я судьбой наказан судить и рядить своих поселян - легко это?! Где вам понять... Вы, такие прекраснодушные, вы в стороне, а мы, помещики, чей хлеб кажин день

едите, мы всегда в бороне! Ага, мы всегда вами судимы и устно, и печатно...

Гладков подошел к мольберту, затем к Мясникову, легко обронил:

- О воле и думать не смей.

Ступин, стоявший у своего рабочего стола, затажно вздохнул.

- Да-а, научились мы говорить... Павел Александрович, давайте же согласим это дело. Окончательно, сколько вы просите за Гришу? Высокородные члены Общества поощрения художеств собирают деньги на выкуп Григория, да и я добавлю. Назначайте же окончательную цену!

Гладков медленно застегивал сюртук.

- Господин Ступин, я требую отправить этого человека в мое село. Впрочем, я вижу, что портрет еще не окончен. Пусть кончат, а на обратном пути из Москвы я заберу этого мазуна.

Академик почти взмолился.

- Павел Александрович! Отпустите Григория хотя бы на оброк. Он в три крат вам отработает...

Гладков широко улыбнулся.

- Не надо!

И пошел к двери.

Ступин заступил ему дорогу, почти закричат в лицо барину:

- Господин Гладков... Горькая участь Григория будет вам наказанием от Бога, обернется наказанием! Какая надменность. Самодурство свое здесь кажите. Скот вы бесчувственный!

Гладков увернулся. Уже в дверях сказал тихо, почти любовно:

- И это тебе зачтется, Гришенька...

Сильно хлопнула дверь кабинета. Удар ее как бы встряхнул художника. Он схватился за голову, лицо его искривилось, как от боли.

- Не хватило моего терпения, сорвался...

И прямой, какой-то деревянной походкой вышел из кабинета.

Оставшись один, Мясников встал с дивана, затравленно огляделся, медленно заговорил:

- Перед кем так рассыпались. Терпения у него не хватило... Как поглядишь, как послушаешь - все у нас живут в великом нетерпении. Да, вроде и покладист внешне Александр Васильевич, а нутром-то горит. Рафаил Александрович сжигает себя нетерпением. Жукова в гордом своем нетерпении бежит с родной сторонки. От нетерпения рабства моего Клавдинька бьется в слезах... А в селе-то что видел. Там давно мужики кулаки сжимают. Тоже от нетерпения! Обозначился мой предел...

КРИК СВОБОДЫ

Григорий плохо потом помнил, как он оказался в саду, все у той же старой липы. Он был во власти все того же «тайного голоса», о котором упомянул в стихотворении к Клавдиньке. Тот «отрадный» голос звал все нетерпеливей, все настойчивей... Мясников опомнился после того, как перед ним объявился Василий Раев.

- Ищу, ищу... На обед не пришел... Гриша, да на тебе лица нет. Барин не отпустил? У меня тоже пока беспросветно. Им, господам, вволюшку потешиться надо над нашим братом, помучить - сатрапы! Слушай, пошли в город, ребята на Верхнюю Набережную подались посидеть на солнышке - скоро дождики заморосят...

- Иди, иди, Васинька, пока часы отдыха...

Раев ушел.

Мясников опомнился. Для него уже не было Гладкова, его страшных слов, отступил куда-то и Ступин с его уничижительными просьбами к крепостнику... Григорий порадовался тому, что ребята ушли на берег Теши и в спальнях комнатах мезонина сейчас пусто. Вспомнилось, что Рафаил Александрович давно в отъезде и чернила у него в комнате, конечно же,

высохли... Поднимаясь по лестнице в мезонин, опять же вспомнил и громко произнес:

- И рабу полагается последнее слово!

Он быстро очинил гусиное перо. Григорий несколько загляделся на чернильницу - она ласково отзывалась ему начищенной медью. Мелькнуло сожаление, что не написал Клавдиньке еще одного стихотворения. Впрочем, зачем беречь ее излишним признанием - он все сказал девушке. Он огорчит многих, но славных людей: ребят, учителя, Рафаила Александровича. Клавдинька молода, скоро утешится. И все же надо попросить прощения у всех...

Мясников торопливо, брызгая чернилами, писал:

«Простите, любезные друзья мои, не порицайте меня за мой поступок. Я показываю вам пример, как должно поступать против надменности честолубцев. Милый друг, Василий Егорович! Напишите на моей гробнице, что я умер за свободу. Простите».

Григорий положил записку на столик у постели Раева. И опять, полный ясного сознания, медленно спустился вниз, переходя ограду, полюбовался на притихший в полудневном тепле сад и поднялся на антресоли галереи. Рафаил Александрович, уезжая, не забирал ключа от своих жилых комнат - они всегда лежали в условленном месте. И дуэльные пистолеты лежали в красивом лакированном футляре в плательном шкафу - сын Ступина как-то показывал Мясникову их действие.

Григорий подумал и досказал то, чего он не договорил там, в кабинете Ступина и в саду:

- Вот теперь и я закричу о своем нетерпении. Вот так, полным голосом...

Громкий выстрел хлестнул застойную тишину низких комнат антресолей, рванулся за окна. Взметнулись с верхних кромок наличников встревоженные голуби, захлопали, затрепщали крыльями и высоко подняли тот человеческий крик о свободе в широкий простор голубого неба...

Дальше?

Дадим слово очевидцу Василию Раеву. Он вспоминал впоследствии:

«За четверть часа до его смерти я встретился с ним. Лицо его было до крайности печально, он взглянул на меня с особенным чувством...

Я вошел в общую нашу спальню, подошел к окну и думал о Мясникове. Потом подошел к моей постели и увидел на моем столике записку... В один момент я понял все: печальный вид и взор прощальный, со мной сделалась лихорадка, я весь лишился чувств, и ноги мои подкосились, не могу бежать, в комнате никого нет, сообщить некому, но, собравшись с духом, побежал в мастерскую, не встречу ли его там. Вдруг выстрел, я понял значение его и едва мог добежать до кабинета Александра Васильевича, и не мог вымолвить ни одного слова. Отдал ему роковую записку, он болезненно вскричал: «Гришенька», и бросился в мастерскую, расстроенным голосом спрашивал учеников: где Гриша?

... Все вскочили и начали искать Гришу, кто в сад, кто в галерею, в здании галереи наверху стояли пустые комнаты, где жил сын Ступина. В эти комнаты нашли дверь, запертую изнутри, начали стучаться, не отпирают. Поставили лестницу к окну и увидели Гришу, лежащего с разmozженной головой, и пистолет возле него.

Все мы плакали, и наш добрый Александр Васильевич плакал вместе с нами. Он не велел отпирать дверь к покойнику и сейчас же поехал к городничему. Незамедлительно приехал городничий с чиновниками и полицейскими солдатами. Отперли дверь, осмотрели покойного Гришу, Александр Васильевич отдал городничему записку...

Городничий приказал полиции в тот же вечер похоронить мертвеца. Солдаты привезли гроб, уложили в него Гришу и повезли за город, версты за две в, поле, пошли и мы, несколько

учеников, провожать любезного товарища и друга, которого весь свет должен любить, Гриша был достоин этого».

...Солнце село, и густая, какая-то тревожная сумеречь затянула притихший Арзамас.

Ступин не находил себе места. Заперлись в спальне и Екатерина Михайловна, и Клавдинька. Девушка как-то странно замерла, и успокоительные слова родителей не доходили до нее, не утешили.

Академик вышел во двор. Ученики затаились - назавтра назначены допросы.

Василий Раев продолжал свой горестный рассказ: «При свете фонаря солдаты скоро засыпали могилу землей, едва ступинцы пожелали Мясникову вечного покоя, как «...в это время небо совсем заволокло тучами, свеча в фонаре догорела и погасла, так что ни зги не видать, мы сбились с дороги, да и дороги в этом поле никакой не было, мы шли наобум и уклонились от города совсем в противоположную сторону, и проблуждали у самого города часа два, лишь брез-жущий огонек в избушке кабака нас привел в город. Под влиянием еще свежих впечатлений я написал эскиз масляными красками, как мы погребали нашего милого и любезного товарища и друга».

На дворе сделалось совсем темно. Порывистый ветер раскачивал деревья и швырял вниз сломанные сучья. Слышно было, как постанывала в саду старая липа. Тяжело стучали о землю сорванные яблоки.

Одиноким, растерянным бродил художник по дорожкам своего сада и многим, многим терзал себя. Не шло из головы и тревожное предупреждение стряпчего Зевакина. Давеча, как явились во двор все чины и понятия, как началось скорое предварительное следствие, успел сказать свое Семен Семенович:

- Зачем, за-ачем вы отдали Бабушкину, кто просил? Ну, с городничим-то бы мы и сладили, но вон эти - судейские, понятия двенадцать голов... Теперь содержание записки не скрыть, теперь начнет пухнуть дело Мясникова...

Александр Васильевич покамест отмахивался оттого, что готовило ему завтра-послезавтра. Он был захвачен только одним - гибелью Мясникова.

Тяжелая осенняя листва била по лицу Ступина, но он почти не ощущал этого в своем быстром шаге, едва ли не кричал в мятущуюся темноту:

- Теперь ты, Гришенька, свободен. Навсегда свободен! Художника не стало... Убить художника - это же красоту убить, творца красоты... Но не напрасной ты жертвой, художник, не-е-ет!!! Никакому злу не одолеть тех, кто свято служит искусству, правде жизни!

Шумел ветер... Металась тишина по затихшему городку. Стонала в саду старая липа. На землю, что еще хранила следы Григория Андреевича Мясникова, падали красными дарами большие спелые яблоки...

***

I. Некоторые читатели «Арзамасской музы» в прошлом вопрошали, а насколько основательна в повести «линия Григория Мясникова и Клавдии Ступиной», нет ли в ней литературы, надумки?

Ниже воспоминания ученика школы А. В. Ступина художника Ивана Зайцева:

«Скажу еще несколько слов о Клавдии Александровне, дочери нашего дорогого учителя. Она была милая, добрая и приветливая особа, хорошенькая брюнетка. Признаться, мы почти все были в нее влюблены; один несчастный наш товарищ Гриша Мясников, первый ученик по успехам, влюбился до того, что впоследствии, не имея средства к свободе, а потому и возможности жениться на той, которая и сама была к нему равнодушна, в античной галерее застрелился из пистолета с отчаяния. Я тоже написал ей несколько стихов, но это так, из самолюбия, похвастаться, вот-де - и я стихотворец! После, когда уж меня не было в Арзамасе, она вышла замуж тоже за нашего

товарища Алексеева, который и сделался хозяином школы, но потом уехал в Петербург и там исполнял работы в Исаакиевском соборе».

В кн.: П. Корнилов. Арзамасская школа живописи первой половины XIX века. Л - М. 1947, с. 176.

КОММЕНТАРИИ К IV РАЗДЕЛУ

П.И.Мельников-Печерский. «Старые годы»

Произведение впервые было напечатано в журнале «Русский вестник» за 1857 г., т.4, оно вызвало широкий общественный резонанс. Вот что высказал по поводу нового сочинения Печерского Н.А. Некрасов:

«В «Русском вестнике» появилась большая повесть Печерского «Старые годы» ....Выведен крупный русский барин во всей ширине и безобразии старой русской жизни – злодействующий над своими подвластными, закладывающий в стены людей, - личность, перед которою Стенька Разин – герой добродетели, а разница та, что Стеньку преследовали, а этот всю жизнь пользовался покровительством законов и достиг «степеней известных»....(из письма И.С. Тургеневу в Париж, 27, VII, 1857). (Некрасов Н.А. Полное собр. соч. М.,1952. Т X, с.335).

Повесть «Старые годы» основана на подлинных событиях. Прототипом князей Зборовских послужили князья Грузинские. По свидетельству сына писателя, А.П. Мельникова, в основу этой повести легли события, которые были еще свежи в памяти старших современников Мельникова-Печерского. «А Заборье в «Старых годах» с его шумной многолюдной ярмаркой, - вспоминал сын писателя, - разве это не с. Лысково на Волге с существовавшей близ него лет сто назад (до 1816 года) Макарьевской ярмаркой? А князь Заборовский, владелец Заборья, разве это не знаменитый владелец с. Лыскова, князь Грузинский, известный причудник и своевольник начала прошлого столетия, на земле которого находилась добрая половина великого русского торжища, где он распоряжался как полновластный хозяин? До сих пор уцелел старинный парк князей Грузинских, от которого так и веет «Старыми годами». А этот целый ряд легенд и преданий о самодурстве Григория Александровича кн. Грузинского, последнего владельца Лыскова из этой фамилии, да они целиком рисуют образ князя Заборовского из

«Старых годов». Например, предание о том, как кн. Грузинский от самой своей усадьбы до волжского берега на расстоянии четырех верст приказал своим людям гнать плетью исправника, осмелившегося явиться к нему с напоминанием об уплате казенных податей, или о том, как поссорившись из-за борзых собак с государственным канцлером, графом Румянцевым, приехавшим в Лысково для осмотра Макарьевской ярмарки в связи с вопросом о переводе ее к Нижнему, Грузинский запретил давать лошадей именитому гостю, и никто не смел ослушаться князя. Графу Румянцеву пришлось каждый день платить рублей по пятидесяти за проезд четырех верст к берегу Волги на ярмарку тайком от Григория Александровича. Григорий Александрович, умерший в глубокой старости, под конец своей жизни страдал бессонницей и поэтому никогда ночью спать не ложился; его дворец всю ночь был освещен, как в самых парадных случаях, он ходил из комнаты в комнату и изредка присаживался в кресла подремать; вся дворня, вся комнатная прислуга была на ногах, а у пристани в с. Исадах на Волге стояло несколько троек. Всякий, кто высаживался на этой пристани, обязан был, оставивший свой дальнейший путь, ехать в усадьбу князя, где всегда был готов великолепный ужин. Разве это все не напоминает нам князя Заборовского из «Старых годов»?».

Известный профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии А.Л. Катанский приводит в своих воспоминаниях любопытные сведения о князе Грузинском: «К концу его (Иеремии) управления Нижегородской епархией умирает князь - царевич грузинский, один из потомков грузинских царей, имевший огромное поместье в селе Лыскове, чуть ли не владелец всего этого села.

И кроме того, он имел дом, с огромным местом, в Нижнем - вероятно, на случай своего туда приезда. В Нижний, князь, действительно, по временам и приезжал и очень часто посещал богослужения Преосв. Иеремии; вероятно, они ему

нравились, да и кому они могли не нравиться? Видел я его однажды в нашей Сергиевской церкви, когда в ней служил Преосв. Иеремия, и был поражен видом князя, стоявшего на левом клиросе, очень дряхлого старца, со следами сильных страстей и весьма бурно проведенной жизни. Городской дом князя был совсем в другом приходе, далеко от нашего, и если князь пожаловал к нам в церковь, то очевидно только потому, что служил в ней архиерей. Этот князь был очень богат и в этом отношении так же известен в Нижнем, как гр. Шереметев в Петербурге. - «На счет князя Грузинского» - выражались у нас в Нижнем, так же, как «на счет графа Шереметева» в Петербурге.

Дм. Андр. Толстого, человек очень религиозный и набожный, к тому же хорошо, без сомнения, знакомый Преосвященному, так как перед тем (в 1855 г.) был начальником нижегородского ополчения. Таким образом, все, по-видимому, располагало к тому, чтобы приглашение было принято, но Преосв. Иеремия ответил на него решительным отказом, мотивируя свой отказ со всею откровенностью приблизительно так: покойный князь по своей жизни, полный тяжких грехов, не заслуживает почести архиерейского отпевания, по-настоящему следовало бы лишить его и простого христианского погребения, а потому пусть похоронят князя без него. Этот отказ от поездки в село Лысково молва, и, вероятно, не без основания, связывала с прошением Преосв. Иеремии об увольнении от управления епархией» (А.Л. Катанский. Воспоминания старого профессора. С 1847 по 1913 год. – Нижний Новгород, 2010. 432 с.).

П.В. Еремеев. Крик свободы. Повесть

Впервые напечатано в сборнике Петр Еремеев. Арзамасская муза. – Арзамас, 2002. – С. 303 – 372.

Хроника Арзамасской школы живописи первой половины XIX века.(составлена П.В. Еремеевым).

1802 г.

Лето, вторая половина – открытие Арзамасской школы живописи выпускником Академии художеств Александром Васильевичем Ступиным.

1805-1806 г.

Роспись церкви в с. Катунки кн. Грузинского. Написано около 90 картин библейского и евангельского содержания.

1808 г.

Куплен у генеральши Юрловой большой дом на углу Прогонной, Троицкой и Стрелецкой улиц для школы.

1809 г., август

А.В. Ступин впервые представил Академии художеств работы своих учеников Ивана Лебедева, Ивана Горбунова и Соколова. Арзамасцы были награждены серебряным и медалями.

Академия приняла в число своих воспитанников сына Ступина Рафаила, Ивана Горбунова, а арзамасца Михаила Коринфского определила к профессору архитектуры А.Н. Воронихину.

Ступину как «заводителю дела необыкновенного» и за преподавательскую деятельность присвоено звание академика. Арзамасская школа живописи принята под покровительство Академии.

1813 г.

Вернувшийся из Академии архитектором Михаил Петрович Коринфский перестроил с учетом нужд школы дом Ступина по своему проекту. На усадьбе появилась галерея для скульптуры и живописных полотен.

1815-1818 г.

Художественные работы ступинцев в соборе г. Пензы, в селах Петине и Салме.

1820 г.

Ученики Ступина расписывали храм, писали иконы для сбора в г. Починки Нижегородской губернии.

1822 – 1824 г.

Арзамасские художники расписывали Ярмарочный собор в Нижнем Новгороде.

1825 г.

Ступин приезжает в Академию с отчетом и работами учеников. Кузьма Макаров награжден 1-й серебряной медалью, Иван Соколов – 2-й, а крепостному Афанасию Надежину дано свидетельство на получение медали.

Академия постановила о трудах Ступина довести до сведения императора. Школе подарены слепки со статуй.

1826 г.

Ступин выполнил вид г. Арзамаса для подношения царю.

1827-1828 г.г.

Ученики академика расписывали храм в селе помещицы Путиловой и в поместье Крутицкого.

1828 г. 1-го сентября.

Один из лучших учеников крепостной Григорий Мясников застрелился в галерее после обещания и отказа барина дать свободу. Мясников оставил записку со словами, что умирает «за свободу».

1830 г.

Ступин выполнял в этот «холерный год» общественные должности по охране здоровья арзамасцев. Был выборным депутатом в комитете для уравнивания городских повинностей.

1832 г.

Ступинцы писали в Нижнем Новгороде образа для Ярмарочной церкви.

1834 г.

Академик пожалован орденом Св. Анны 3-й степени.

1835 г.

Роспись арзамасцами храма в г. Уральске.

1836 г.

В Академию представлены рисунки и портреты учеников школы, а также четыре картины Николая Алексеева, которые

высоко оценены профессорами. Ученикам Павлу Рачкову и Василию Бовину присуждены серебряные медали 2-го достоинства. А Карпу Виноградову и Памфилу Поздееву объявлена особая похвала, остальные заслужили «одобрения и внимания».

1837 г.

Н.М. Алексеев на Нижегородской ярмарке на выставке работ Арзамасской школы представил два вида Нижнего Новгорода, писанные с натуры. Городские пейзажи приобрел царь.

1837 г.

Ступинцы работали в Нижне-Ломовском Казанском монастыре.

1839 г.

Написаны иконы местных святых для церкви г. Чембар пензенской губернии.

1814-1840 г.

Начало строительства, завершение и освящение Арзамасского Воскресенского собора. Росписи храма по сырой штукатурке тушью произвел ученик Ступина Осип Семенович Серебряков с сыном Александром.

Для собора писали иконы ученики академика: И.А. Лебедев, И.А. Гладков. Н.М. Алексеев. Ступин написал на четырех фронтах храма евангельские сюжеты: «Восстание Христа от гроба», «святая Троица», «Покров Богородицы» и «Всех святых», а также подарил собору небольшую картину «Моление о чаше».

Ступинцы произвели часть настенных росписей в соборе декоративного плана.

1840 г.

Ступин выслал в адрес академии пять картин ученика и своего зятя Н.М. Алексеева, уже «назначенного академика», а также 23 рисунка других учеников. За программу «Ступин с его учениками» Н.М. Алексеев произведен в академики. Два ученика удостоились серебряных медалей и аттестатов неклассных художников, двое особой похвалы.

1842 г.

Поджог школы Ступина 3 сентября, 19 октября и 5-го ноября. Огонь уничтожил здание школы. Погибли статуи, бюсты и другие учебные пособия. По ходатайству академии художеств царь распорядился выдать Ступину пять тысяч рублей серебром на восстановление школы. В августе 1843 года школа возобновила учебный процесс. Академия передала школе более десятка скульптур и бюстов.

1845 г.

В Академию посланы шесть картин (с натуры) учеников Н. Рачкова, Ивана Свешникова и 25 рисунков других учащихся. Николаю Рачкову прислан аттестат безклассного художника и серебряная медаль 2-го достоинства. Иван Свешников также получил художнический аттестат.

1846 г.

А.В. Ступин за общественное служение Отечеству удостоен ордена Св. Владимира 4 степени. Награда знаменательна: в эпоху царствования Николая I, как известно, получить орден вообще было крайне не трудно.

1847-1849 гг.

Годы учения в школе Василия Григорьевича Перова.

1861 г., 30 июля.

«Умер от престарелости» в возрасте 85 лет арзамасец по рождению художник академик Александр Васильевич Ступин. Погребен на Всехсвятском кладбище.

1862 г.

Зять Ступина академик Н.М. Алексеев ликвидировал школу после того, как правительство отказало ему в пособии для перевода школы живописи из Арзамаса в Нижний Новгород.

1910 г.

Здание школы разобрано. На территории усадьбы Ступина выстроено Реальное училище.

1948 г.

Открытие в Арзамасе детской художественной школы имени А.В. Ступина.

1959 г., 21 августа.

Открытие в Арзамасе памятника академику А.В. Ступину. Скульптор В.Г. Бобровский.

1972 г.

В Арзамасском краеведческом музее открыта экспозиция, посвященная Арзамасской школе живописи, и галерея работ его учеников.

V РАЗДЕЛ

ИЗ КЛАДОВОЙ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ: РАССКАЗЫ- ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОЖИЛОВ

ПОМЕЩИКИ И БУРМИСТРЫ

1.ПРО КЛЫКОВА

Помню, бабушка мне рассказывала. То при крепостном праве было, когда наши деды возрастали.

Не доверял Клыков крестьянам. Раз взял да и лег под снопы на поле, когда снопы молотили.

Мужички, ничего не зная, цепями молотят. Тук да тук. Может, шибко и не молотили, кто их знает. А он тут и встал:

– Почему так молотите легко?

Тут же всех в каретник. По десять розог всем дал.

А то лошадка была на барской конюшне. Незавидная. На поле всё больше на ей ездили.

Так, взяли мужички эту лошадку, поехали в Круглое, недалеко, с километр. Нарубили хворосту, везут.

Этот Клыков увидал мужичков. Начал, мерзавец, их ругать, хотел хворост свалить. Да мужички не дали, упростили.

Он с кого хошь шкуру драл, этот Клыков.

Вот что мне передавала бабушка Орина.

В страдную пору, летом, у барина Мессинга при доме была вышка – павильон. На эту вышку во время работ барин заходил с биноклем, наблюдал за сельскохозяйственными работами. И всякие ненормальности отмечал вызовом в дом на расправу.

Гонят однажды вечером стадо мимо барского дома. И выслали из дома людей – одного-двух – посмотреть на стадо. Заметили они хорошую скотину – враз схватили ее, поймали – и на барский двор для барского стола.

Пастуху говорят:

– Скажи: мол, скотина взята для барского стола. Безо всякого отчета и уплаты.

– Да как же так? – плачет пастух.

– Скажи: взял барин. И всё, мол.

2. ГУСЁНОК

(Про барина Данилевского)

Мальчик Петя на озере караулил гусенят. Рано утром встал он, а в полдень вздремнул. Ворона и утащила одного гусенка.

Вдруг, как на грех, является барин Данилевский, а с ним собака Барс. Подходят к мальчику.

– Ну-ка, считай гусенят, – приказывает барин.

Петя считает:

– Раз, два, три, четыре.

А где же пятый? Пятого нет.

– Значит, проспал гусенка? – спрашивает барин.

Что делать мальчику? Ничего не отвечает, только думает: «Пропал я».

Достает барин плетъ, – а она завсегда с ним была, – захлестал мальчика до потери сознания, а потом бросил в пруд.

У Пети сестра была, лет шестнадцати. Как узнала, что мальчика утопил барин, – бросилась в пруд и вытащила его, уже мертвого. Начали его хоронить, она идет за гробом, плачет, помещика проклиная.

В тот же вечер взяли ее к помещику на дом, и куда она потом делась – неизвестно.

Так без вести и пропала.

А потом нарушили всю семью. Отца продали за двадцать пять рублей в дальнее село, а вдове прислали неизвестного человека с приказом, что это ее муж. И пошло от них поколение Кусакиных.

3. ПРО СТАРИНУ

Да, моя милая, моя бабушка и потерпела!

Был на селе бурмистр. И приневоливал девок замуж идти по неволе. А которая не идет – зимой безрукоятной пилой без vareжек пилить заставлял. Ну, которые могли платить – платили, а которые нет – пилили.

А моя бабушка была тверда и здорова.

И вот один человек пришел сватать ее. Она не идет. Он – к бурмистру. А бурмистр велит ее с поля взять и венчать.

Обвенчали их. А после и били ее у свекра! Били лаптями-шептунами, били кочергами, сковородами. Однажды щеку пробили, два зуба выбили. Свекор присягу давал:

– Я ее не трогал – она с ума сошла, о порог избилась.

Бабушку били и дедушку казнили. Оброк не заплатит – в подвал сажают, рога в 30 фунтов на голову надевают. Рога железные, с подвесами. А то начинают секчи.

Так и терпели: бабушка от свекра, а дедушка – от бурмистра.

4. СОРОЧИК, СТАРОСТА

Вот был у нас Сорочик, староста. Когда барин приезжает, вызывает Сорочик всех девок и ребят на барский двор. И говорит:

– Ну-ка, выбирайте себе невесту.

А ведь раньше народ был подбитый, несмелый. Ну, выберет парень какую-нибудь – сейчас ему образ на голову, и зараз их поп повенчает.

Ну, и боялись этого Сорочика – страсть!

5. БУРМИСТР ГАРАНЬКИН

Бурмистр Гаранькин Николай Михайлов зверь был, никто его хорошим словом не помянет.

Сорок лет было одному. Он оброк не заплатил. Ну что ж Гаранькин? Его в солдаты на двадцать пять лет отдал. Так он там и помер, в солдатах.

Раз трое от всей деревни пошли жаловаться. Барин запросил бурмистра, а бурмистр написал – они бунтовщики. Барин и отдал всех в солдаты. Да отдали только двоих, третий убежал.

Тому годов двести было, как барин здесь был. Сам-то он лют был, а еще лютее бурмистры у него были – Гаранькин, Чехотов, Ерофеев. Уж Чехотова не хвалили, а Гаранькин, похоже, еще ловчее был.

Дядя мой, Алексей Иванович, рассказывал.

Мужиков вызывали, которые неплательщики. И дядю вызывали. Приходят мужики. Выходит Гаранькин:

– А, неплательщики!

Сейчас распоряжается:

– А ну, тащи их за волосы!

«Ну, дойдет очередь до меня, – дядя мой думает, – что делать? В зубы дать аль по земле волочиться?»

Однако вытаскали соседа его, а дядю не тронули. Так и отделался он.

6. ГАРАНЬКИН

Про Гаранькина что рассказывать! Если мужик не придет к нему, как он позовет, – он говорит:

– А, ехидный, ты не пришел! Дать ему таски!

Вызовет мужичка – и ну его за волосы таскать!

Сам и таскал. А то в солдаты отдавал. А за что? Едет по деревне – дымок виднеется. Посылает кучера:

– Узнай, что там такое.

Приходит кучер, докладывает:

– Там трубку курят.

Он сейчас этого мужика – в солдаты. Не любил, когда табак курили.

7. ГАРАНЬКИН – ПОДЛЕЦ

Гаранькин большой подлец был.

Мой отец да дед рассказывали: бывало, идет он – так за два квартала приказывал перед ним шапки снимать.

А шапки кто не снимает, он спросит:

– Что у тебя шапка – дорого куплена?

И сейчас, аль на другой день, вызывает и приказывает:

– В розги его!

8. У БАРИНА БУРМИСТРЫ БЫЛИ...

У барина бурмистры были – ну, прямо сказать, собаки. А особо один – Гаранькин. Про него много чего рассказывают.

Здесь пруд в Утешной роще был, рыбы там до пропасти водилось. Мужикам-то не позволялось, а сам бурмистр ловил, сколько хочешь.

Один раз мужики пошли бреднем рыбу ловить. Закинули бредень – целый воз рыбы наловили. Еще закинули бредень – Гаранькин с винтовкой идет. Мужички бредень бросили, да бежать. Двое добежали, а двое на земле остались от гаранькиной пули.

9. КАК МОЙ ОТЕЦ ПОПАЛ В СОЛДАТЫ

Отец мой больно бойкий был. Вот и попал в солдаты. А за что попал?

Полюбилась ему девушка одна. Хотел он на ней жениться, гостинцев ей носил. Только полюбилась отцова невеста бурмистру Гаранькину, и взял он ее к себе.

– Не к тебе она приложена, – только и сказал он отцу.

Отец, конечно дело, не стерпел. Подстерег Гаранькина, как тот на санях катил, да и перевернул сани. Он силач был, отец-то! Гаранькин вскинулся:

– Кто сани перевернул?

Нашлись язычники, донесли.

Сейчас Гаранькин отца – в арестный дом. Доложил барину. И укатали отца в солдаты на двадцать пять лет.

Отслужил он, приходит домой, а ему – ни земли, ни што! Солдатам земли-то не давали. Ищет невесту – не отдают за солдата на селе.

И пришлось ему на стороне в городе невесту искать.

10. БАРСКИЕ ЗАБАВЫ

В летнюю пору к нашему помещику приехали соседи на семейные торжества. А была самая страдная пора.

Вот уж двое-трое суток проходят барские увеселения. Тут и вина, тут и карты, тут и танцы – всё, что было в моде в тот век. И пожелали под конец видеть крестьян, потешиться ими.

Призывают барского исполнителя – бурмистра. Заявляет ему барин:

– Призовите столько-то пар мужичков, мы посмотрим на них, как они сильны.

Берет бурмистр мужиков с поля, они не идут, упираются. Он гонит их к барину. А тот с гостями на балконе сидит.

Привели. Барин отдает приказ:

– Дать им по стакану водки и расставить их попарно драться.

Расставят их попарно. Делать нечего, начинают мужики друг друга тузить. Посмеются помещики, а барин опять кричит:

– Смените пары.

Сменят пары, опять тузят мужики друг друга. А потом отдается приказ:

– Рассадить по парам.

Рассадят по парам и заставят тянуться – кто кого перетянет.

Пройдет этот номер – отдается снова приказ:

– Пускай головами дерутся.

Начнут мужики друг друга головами стукать, а господам опять потеха.

Надоест это всё, барин и крикнет:

– А ну-ка, на работу!

И погонят мужиков в поле. Еще спасибо, что так отпустят, а иной раз до утра потехами мучили.

А потом, чтоб время наверстать, работай до седьмого поту.

11. ПРО КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

Вот как баре делали. В страдну пору все на поле. Вдруг ударил набат. Все бросают работу, бегут. Барин выходит на балкон:

– Ну, молодцы, ребята! Быстро собрались! Ну-ка, давай стенка на стенку!

Пойдут стенка на стенку. А барину любо:

– Ну-ка, еще раз!

Пойдут еще раз. А работа стоит.

– А ну-ка, еще!

Идут еще раз. А работа всё стоит.

Подерутся так сколько-то время, похвалит мужичков барин, водкой попоит. И отпустит. А после отпорет – работа не сделана.

12. БАРСКАЯ ПРИХОТЬ

Мимо барского двора никто не мог пройти ни летом, ни зимой с покрытой головой. За это карали жестоко розгами, отдавали в солдаты, не считались с возрастом.

За все карали: вовремя культуры хлебные не привезут, бурмистру не угодят, дрова из барского леса увезут. Карали

жестоко, продавали целыми семьями от господ к господам. А тяжелее всех было осеннее время – продажа невест на далекое расстояние.

Наступает осень, из далеких деревень приезжают женихи, в средних летах и молодые, красивые и безобразные, в лаптях и в шляпах. Приезжают в селение, как на торги, – за невестой.

Спрашивают у барина:

– Есть подходящий товар?

– Есть, – отвечает барин.

И велит подать список. Прочитывает барин список, велит немедленно послать за невестами.

– Являйтесь на барский двор все! Вас зовет барин! – так говорят на селе бурмистровы слуги.

На деревне поднимается вой, суматоха:

– Приехали за невестами! Батюшки, приехали за невестами!

Укрыться некуда. С плачем и слезами идут гурьбой невесты и родственники к барскому двору. Через несколько часов барин спрашивает:

– Здесь ли невесты?

Бурмистр отвечает:

– Невесты во дворе.

Вышел на крыльцо барин с длинной трубкой посмотреть свой «товар». Говорит женихам:

– Вот вам, ребята, невесты одна другой лучше, одна другой краше, все красавицы да работницы. А цена будет доступная.

Начали женихи торговаться, выбирать и увозить невест. Да увозить не на близкое расстояние, а километров, пожалуй, за семьдесят. А то и вдвое дальше.

И такая история повторялась каждую осень.

13. ВОДОВАТОВСКИЕ БЫЛИ

В памяти наших дедов, хорошо сохранились имена и жизнь последних помещиков.

От Мессинга, Ящурова и Даниловского исходила последняя ступень барщины в Водоватове. Наше село в то время вскармливало три барских имения, у которых порядки были одинаковые. Жизнь крестьян всегда была в страхе за завтрашний день.

Читатель, посмотрел бы ты на свое родное село в те далекие времена. Водоватово представляло собой олицетворение невежества и бескультурья, мракобесия, ханжества и мужицких истязаний, забитости и замкнутости жителей.

Жизнь при крепостном праве осталась в памяти водоватовцев, как страшный сон. Жутко вспомнить и тяжело уточнить то бесправие и унижение. Наши мужики переносили такое избиение розгами, что зарубцевавшиеся раны ныли до самой смерти.

Права у барина были не ограничены он имел право крепостного крестьянина продать и купить. Проигрывали в карты по несколько душ или домов другому барину, меняли на охотничьих собак. Крестьянский сын не имел права пожениться, на любимой девушке, а крестьянская дочь не могла выйти замуж за любимого парня - была везде воля барина. Для разрешения нужно было пойти к барину, спросить его согласия и только после этого можно было делать свадьбу.

Много сохранилось рассказов, когда барин не разрешал пожениться молодому человеку на любимой девушке, он приказывал брать в жену нелюбимую, хотя у той были явные физические или умственные недостатки. Ослушание барина считалось невозможным, грозило жестокой расправой все семье. Ко всему этому существовал дикий обычай: невеста первую брачную ночь должна была провести у барина, если имелись какие-то пороки за невестой, то он её позорил и пускал по селу гадкие слухи, публично наносил всякие оскорбления. Барин

имел право отдать в солдаты, сроком на 25 лет. Имелось в селе много случаев такого характера: понравилась барину молодая, красивая, замужняя женщина, он вызывал её к себе и предлагал временное сожителство. А если женщина, которая любила своего мужа и не хотела быть поруганной, отвергала предложения барина, то он мстил ей. И за отказ своего минутного увлечения отдавал её мужа в солдаты, сроком на 25 лет, а впоследствии он обязательно добивался своей цели.

Крепостные крестьяне на поле барина должны были три раза в неделю отработать бесплатно, за невыполнение секли кнутом, травили собаками. После таких истязаний родственники относили избитых крестьян домой на носилках, а иногда, по указанию барина, бросали на барскую конюшню.

Крестьяне со своих клочков земли платили большие оброки, кроме этого нужно было обязательно содержать попа и монастыри.

Барин Мессинг - статский советник и кавалер, в своем распоряжении имел большое состояние. Крепостные крестьяне у него были в Водоватове, Салдаманове, к тому же еще имел свои дома в Н. Новгороде.

Первый участок нашего села принадлежал ему, а во втором участке села было два барина - Ящуров и Даниловский. Они имели землю не только в расположении села Водоватова, но и земли, расположенные севернее речки Теша, где населенные пункты Костылиха, Лидовка, Майна.

Дошли до наших дней не уточненные слухи, якобы Чемоданов проиграл Мессингу всех крепостных крестьян первого участка в карты, а второй участок продал Ящурову и Даниловскому.

Денежный оброк Мессингом не брался, все крестьяне отработывали барину натурой.

В своём доме Мессинг держал экономок и воспитательниц - немецкого происхождения. Вел регулярную переписку с

Родиной своих предков - Пруссией. От него можно было часто слышать, что от русских мало чему можно научиться.

В его доме наставницей и учителем была Каролина Фёдоровна Ян, родом из Пруссии. Когда она скончалась, то её хоронили на немецком кладбище, на чугунной надгробной доске было написано: «Королина Фёдоровна Ян, рождение из Пруссии. Наставница детей моих. Проживала в доме моём 24 года. Скончалась на 62-м году жизни, 29 февраля 1860 года».

У него был огромный сад, примерно, 8-10 га. Расположен сад был от современной улицы Трудовой до Школьной, в тот период, конечно, этих улиц еще не было. Это - с востока на запад. А с севера на юг от площади Кирова до улицы Победы.

Чистота и исключительная культура его содержания привлекала гостей для отдыха, он загадочно очаровывал людей, проходящих мимо него. Кто не мог не любоваться, хотя бы с расстояния, его столетними кедрами и красавицами липами? В саду у каждой дорожки было свое название: кедровая, липовая и другие. Так же были культурно посажены рядами плодовые деревья и кустарниковые растения, дорожки были усыпаны крупным желтым песком. По аллеям, около дорожек, росли разные цветы, от которых приятный запах распространялся по всему саду. В центре были построены трехэтажные барские хоромы. Архитектурная отделка здания была на немецкий вкус. Над хоромами возвышалась наблюдательная вышка. Здание было окрашено в красный цвет. В саду был оборудован не один десяток беседок с удобными креслами для отдыха.

Конечно, барские гости, а не крестьяне проводили отдых в этом чудесном уголке, крестьянам допуска туда не было. Были случаи, когда, позавидовав вкусным плодам, через изгородь, ребятишки вечерами забирались в барский сад, безусловно, с изучением сторожевой охраны. Родителям это грозило жестокой расправой, если про это узнавал барин или его управляющий. Родители не знали про эту шалость детей, но когда узнавали, эти яблоки детям были памятны всю жизнь. Барин со-

держал людей, которые ухаживали за садом, -они выращивали, чудесные плоды, украшали беседки и аллеи красивыми цветами.

Рядом с садом Мессинга был еще один сад, который принадлежал барину Даниловскому, он был похож своим убранством на сад Мессинга. Каменное двухэтажное здание было окрашено в белый цвет. Это были хоромы Даниловского, построены они были на том месте, где сейчас расположена средняя школа.

У Ящурова сада не было. Он был одним из беднейших помещиков. Мессинг не далеко от своих хором имел птичник, который вокруг был обрыт глубоким рвом, где хорошо держалась вода, причем в изобилии. По этой водяной глади плавали сотни уток и гусей, откормленных и ждавших по очередности барского стола.

На расстоянии примерно 350 метров от барских хором, на юго-западе, были расположены конюшни и кладовые Мессинга. В кладовых, полукаменных с подвалами, хранилось множество разнообразных мясных, рыбных и овощных продуктов, а также вина разных фирм, которые хранились в бочках и бутылках. Наверху, в деревянных помещениях, находилось большое количество зерна и другого зернофуража. В конюшнях находились рабочие лошади и красавцы-рысаки, предназначенные для поездок барской семьи и гостей, а также крупный рогатый скот.

Мужики крестьяне всегда питали к барину неуважение, старались втихомолку мстить, чем могли.

Когда, например, убирали барское сено на сеновал или складывали в скирды, они старались убрать некачественно, в сено добавляли сырой травы, клали в него репьев или каких-либо колючек, другие предметы, которые вредили хранению сена и его поеданию животными.

У Мессинга был сын, который учился в городе, но на летние каникулы часто приезжал в поместье отца поскакать на рысаках и часто проводил время на охоте.

Крестьянские девушки завидовали жизни барчука. Он часто подходил к ним и скромно шутил, но чаще всего делал так: выбирал красавицу-крестьянку и увозил её в лес или на луга, на прогулку. После таких прогулок девушки старались больше на глаза барину не попадаться, а родители запрещали своим дочерям подходить близко к хоромам барина. Такие случаи в то время были в моде не только у барчонка и его родителей, но во всей среде барских приспешников это было время прелюбодеяний, пьянки и разврата.

Вот этому доказательство. Водоватовский мужик Огородников Макар, служивший сторожем-птичником, не смотря на то, что он был женат, и то старался следовать примеру своих хозяев. На этом птичнике работала птичницей физически крепкая, полногрудая Евлампия. Макар давно смотрел на её сильные и красивые руки, в которых спорилось каждое дело. Жена Макара была слабой женщиной и к тому же не рожала детей по состоянию здоровья, что Макару было обидно. Это было поводом к его зависти другим женщинам. А на самом деле поводом служило то, что Макар находился в обществе, где все сводилось к вину, разврату и несправедливости. Его, как сторожа, допускали всюду, и он, насмотревшись и будучи свидетелем прелюбодеяний барских вечеров, в силу своей темноты и бескультурья, считал все это нормальным.

Первое время Макар стал помогать Евлампии ухаживать за птицей, она стала к нему относиться с доверием. Всегда звала на помощь Макара, когда не могла справиться с работой, а он всегда охотно помогал. Они много раз оставались одни в птичнике, и Макар, шутя, говорил Евлампии:

- Как тебе плохо жить одной, - а сам похлопывал по крутым бедрам Евлампии.

После нескольких таких встреч Евлампия не стала отводить взгляд в сторону и заявила Макару, что она его любит. Через несколько дней Евлампия стала любовницей Макара. Первое время все это было в тайне. Его жена и не подозревала, что Макар ей изменяет. Потом, когда Макар не стал приходить домой по несколько дней, жена стала беспокоиться. Приходя домой, Макар жаловался на тяжелую работу, которой несколько дней был так загружен, что не было времени даже побывать дома. Жена больше всего беспокоилась о питании Макара, но он ей отвечал, что ходит на барскую кухню и ему не отказывают. Через несколько дней он снова не явился домой, не появился и на 3-й день. Жена забеспокоилась, у нее на уме было одно: что там кушает Макар? Она быстро стала собирать обед. Утром он варила суп из молодого петуха и хотела во что бы то ни стало, чтобы ее муж поел этого супа. Налила в крынку, заткнула сверху тряпкой и понесла Макару. Придя в птичник, зашла в ворота, которые оказались открытыми, подошла к комнате, осторожно открыла дверь, и, не веря свои глазам, увидела лежащего на нарах Макара, а рядом с ним Евлампию. На первых минутах она лишилась дара речи, потом, опомнившись, сказала Макару:

- Макар, я тебе не жена. Ко мне больше не приходи, - хлопнула дверью и вышла.

После этого случая Макар домой больше не вернулся и жил вместе с Евлампией. При совместной жизни они нажили пятерых детей, а бывшая жена так и доживала до конца своих дней одна.

Трагедия случилась и в семье самого барина. Предки говорят, что Мария Федоровна, жена Мессинга, в своем доме познакомившись с одним офицером (которые наезжали к ним в гости), бросила мужа и уехала.

Когда барину было все известно, то он не возражал, против расторжения брака. Спросил ее, она ему призналась – о любви к офицеру, он подумал и ответил:

- Я Вас не задерживаю. Но ради моей любви к Вам, я хочу знать: сколько нужно Вам денег, чтобы устроить свою жизнь с любимым человеком?

Выдал документы на получение денег из международного банка, и она уехала.

До конца своих дней Мессинг проживал один.

На втором участке села барин Даниловский был не доволен своими крестьянами. Он упрекал их тем, что крестьяне Мессинга трудолюбивее, т.е. к своим обязанностям относились лучше. Наши предки соглашались с этим, ведь они чаще заходили в кабаки, занимались мелкой торговлей: сеном, дровами, мохом и т.д. На первом участке крестьяне были позкономней: торговлей почти не занимались, отдавали больше труда земле. В Водоватве было два кабака: один был расположен, где сейчас находится отделение связи, второй - у пруда, на улице Кирова, позднее на этом месте была построена средняя школа.

В этих кабаках шла бойкая торговля вином - в разлив и на вынос. На столах, засиженных мухами, не было даже простейших клеенок. Вот за этими столами и топили свое горе водоватовские мужики.

Крестьяне очень ждали сходов, так называемых собраний, на которых обязательно предвиделась выпивка, особенно когда выбирали старосту. Вновь выбранный староста был обязан «по обычаю» поставить мужикам не одно ведро вина. Вот тут-то и забывали мужики про свое горе, а кабатчики были рады этому, ведь в этот день они получали большие прибыли. Когда было все приготовлено для «обмывки» старосты, мужики по очереди заходили в кабак, выбирали одного виночерпия, который разливал вино. Конечно, выбирались проверяющие, которые смотрели, чтобы с крестьянского двора был только один человек, после этого каждому давали ковш с вином, который тут же выпивался, закусить, конечно, предлагали дома, и так вся толпа галдела и ждала своей порции. Кому этого ковша было мало, тут же появлялись агитаторы на складчину, которые брали в

долг у кабатчика, обещая или отработать, или же принести потом зерна. После всего этого сход был пьян. От деловых разговоров переходили споры, завязывались драки и так все село не спало до утра. Женщины, оставляя дома сонных детей, шли разыскивать пьяных мужей. По дороге до самого кабака лежали пьяные крестьяне, которые уже не могли добраться до своего дома. В других концах села слышались крики и женский плач. Где-то слышался звон битого стекла, крики: «Караул» и т.д. После этих попок многие крестьяне оставались инвалидами, часто возникали пожары по неосторожности пьяных, когда сгорал не один десяток домов. Все это приносило дополнительное горе и нищету.

Осенью, 11-12 сентября, праздновали так называемую сельскую ярмарку. Название этого праздника сохранилось по сей день. Этот праздник возник в 1815-1829 гг., когда управлял участком села Водоватова барин Мессинг. 12 сентября у него был день рождения, который он считал большим праздником и отмечал его со своими крепостными и даже в высшестоящих кругах светского общества. На его день рождения из Арзамаса, и из Н. Новгорода съезжалось очень много гостей. Все эти торжества, привлекали людей из соседних сел, не говоря уже о водоватовцах. В этот день Мессинг приглашали своих соседей: Ящурова и Даниловского.

В шуме плясок и звона бокалов говорилось, чтобы день рождения Мессинга считать не рабочим днем не только для крепостных крестьян Мессинга, но и у Ящурова и Даниловского. Работать в день рождения Мессинга крестьянам было запрещено, и он объявил его Днем ангела, как его раньше называли, трехдневным праздником. Позднее этот день стал престольным праздником для водоватовцев.

В одно время к барину Ящурову в Водоватово прибыл его приятель из села Гавриловки. Село это находилось не близко от Водоватова, но также в Нижегородской губернии. При встрече, как всегда, накрывали столы, ждали дорогих гостей. Сервиров-

ку стола старались сделать со вкусом, и каждый барин старался блеснуть своим богатством и культурой.

Когда коллеги выпили по чарке вина, среди них завязалась задушевная беседа. В ходе деловых переговоров был, затронут вопрос: отношение помещика к крепостным крестьянам и вообще ко всей дворовой прислуге. Гость Ящурова хвалил своих крестьян и прислугу, и оговорился, что жалеет своего конюха, который в возрасте 45 лет овдовел. Захмелевший Ящуров предложил своему коллеге:

- Присылай ко мне сватов. Я найду ему замечательную пару. Потом подумал и сказал:

- В деревне Майна есть девушка, которая будет очень хорошей женой и экономной хозяйкой. Гость выслушал и спросил:

- Сколько ей лет?

- Семнадцать, - ответил Ящуров.

На этом разговор был закончен, и судьба девушки Саши была решена.

В деревне Майна проживала, честная и трудолюбивая семья Гуциных, занятая повседневным трудом. Они не предчувствовали надвигающую грозу, которая несла с собой великое горе.

Отец семьи, Степан Гуцин, имел шесть дочерей и одного сына. Сыну Ивану было в это время 19 лет. Он был старшим и являлся хорошим помощником отцу. В один из летних пригожих дней к дому Ящурова подъехала карета, в которой оказалось двое мужчин. Заходя комнату Ящурова, они низко поклонились, после чего заявили: «Мы посланы своим баринком, за невестой». После недолгого молчания, Ящуров позвал к себе своего писаря и сказал ему:

- Проводите гостей в деревню Майна, к крестьянину Гуцину Степану. У него есть дочь Александра. Пусть он ее отдаст в замужество, а если он этого не сделает, то его сыну Ивану предстоит солдатская служба сроком на 25 лет.

Когда Ящуров окончил разговор со своим писарем, то обратился к гостям и спросил:

- А кто из вас жених?

- Он с нами не приехал. У барина оказались какие-то дела, очевидно, срочные, и его милость послала нас, - ответил сидящий в кресле.

Жарким июньским днем девушки Саша и ее сестра Фима были в лесу, собирали землянику. На их радостных лицах светились счастливые улыбки. Они не замечали пения птиц, не красовались теми цветами, которые расстилались вокруг и выделяли свой аромат. Детские счастливые лица на миг освещались жаркими лучами солнца, пробивавшимся сквозь листву деревьев, и обратно скрывались в тени крон столетних дубов. Девочки, увлеченные сборами ягод, которых вокруг оказалось много, не заметили, как наступил полдень. Ведерки были уже наполнены, и они решили возвращаться домой.

Когда они из леса вышли на дорогу и запели свои душевные песни, их молодые сердца не предчувствовали, что впереди, по этой дороге, уже проехала карета, которая везла им великое горе. В этой карете лежал приговор страшнее смерти.

Детство, кто тебя вспоминает? Ты всем дорого, с тобой связаны все счастливые воспоминания. Особенно часто приходится вспоминать людям на закате своих дней. Пройдут годы, и Саша с Фимой вспомнят детство, которое в памяти сохранится как кошмар. Крестьянка! Сколько ты пережила унижений, и счастье узнали только твои потомки.

Когда девушки стали подходить к деревне, заметили, что на ногах лапти оказались худыми, они разулись и пошли босиком. У дома они заметили, что у крыльца стоит карета. Девичий смех и веселье быстро прекратилось, вот тут-то их сердца и почувствовали надвигающиеся несчастье.

Заходя в комнату, они заметили трех незнакомых мужчин, один из них сказал: «Вот и пришли наши невесты». На кухне мама сказала: «Александр приехали сватать». Как не

сдерживала мать слезы, они самопроизвольно падали на голову дочери. Хотелось чего-то сказать девушкам, но душили в горле спазм горькой обиды и несправедливости. Мать отвернулась к стене, а дочери выбежали на улицу.

Саша и Фима поняли смысл разговора с матерью, были так перепуганы, что, выбежав на улицу, не знали, что предпринять. Фима, которой исполнилось 13 лет, еще толком не могла понять, в чем дело? А Саше все было ясно. В растерянных чувствах Саша выбежала во двор и увидела у стены колоду. Положив ее на землю, приподняла и ею накрылась, а Фима убежала к своей подруге.

Когда девочек не оказалось в комнате, писарь Ящурова заявил:

- По велению нашего барина, хочу вас поставить в известность, что если вы не отдадите Александру в замужество, это будет грозить большой неприятностью. За такое ослушание ваш сын Иван отправится в солдаты сроком на 25 лет.

Из-за такого известия мать и отец словно лишились разума. Отец сосредотачивал свои мысли для ответа, но у него в глазах появились какие-то красные круги, ноги задрожали, и он, как статуя, стоял перед писарем с широко открытыми глазами.

Мать повалилась на пол без чувств. Тогда одна из женщин вбежала в комнату, неся с собой нашатырного спирта, привела ее в сознание, перевязала ей голову влажной тряпкой. Та открыла глаза. Когда отец с матерью были приведены в чувство, то решили выбирать из двух зол одно. Мать крикнула:

- Дочь моя, где ты? Да будет проклят день твоего рождения, но прости меня, я в этом не повинна.

После всего этого решили искать Сашу. Поиски длились до вечера, но безрезультатно: Сашу найти не удалось. Жестокое сваты, подождав да вечера, решили ехать домой, но предупредили, что скоро вернуться и если это повториться, то следует «пенять на себя».

Такой визит сватов повторился через три дня. Эти тяжелые дни помнили до конца своих дней не только семья Гуциных, но и все жители деревни. Все эти три дня Саша ни ела, ни пила. Он целыми днями сидела на выходе деревни, под большим ореховым кустом, и смотрела на дорогу. Ее страшила каждая проезжавшая по дороге подвода. Что только Саша не думала в таком душевном волнении, сколько раз бралась она своей нежной ручкой за хрупкое горло и пыталась себя задушить, но теряла сознание и ее рука откидывалась на траву. Думала даже броситься в пруд. Когда мокрыми от слез глазами посмотрела на знакомую ей дорогу и увидела быстро приближающую карету, она схватила в стороне лежавший платок и побежала в лес.

Когда карета подъехала к дому Гуциных, жители деревни стали собираться толпой у окон несчастной невесты. Любопытные бабы хотели посмотреть на незванного жениха, на этот раз он приехал сам.

Жених был смугл, с непривлекательным лицом, которое было изрыто оспой, во фраке и сапогах, наморщенных гармошкой.

Когда они зашли в комнату и увидели, что Саши нет, заявили:

- Вы что, не хотите подчиняться воле барина?

И как на грех в это время, открывается дверь и входит в комнату Сашина сестренка, тринадцатилетняя Фима. Платочка на голове у неё не было, и её детские косички трепались по плечам, она подошла к маме и хотела что-то спросить. Тогда писарь Ящурова посмотрел на жениха и кивком головы показал на Фиму. Жених дал согласие, на этом их разговор был закончен. Тогда и было предложено отдать в замужество Фиму.

Когда она услышала, что поминается её имя, не могла понять, в чем дело? Переводила свой детский взгляд с одного мужчины на другого. Мать, видя безвыходность своего положения, погладив рукой, по голове Фимы, спросила:

- Дочка, пойдешь замуж?

- Мама, а зачем? У меня есть жених в куклах «Ваня да Марина». Когда мать объяснила ей все серьезно, она быстро выбежала из избы в сени и решила спрятаться на чердаке. Залезая на чердак, она увидела в куче лежащую пеньку-«куделю» и в неё зарылась, она думала, что эта пенька закроет её детское тело от надругательства.

Мать с отцом были вынуждены залезть на чердак, вытащить её из кудели. Стали уговаривать, обещали к ней часто ездить в гости, говорили, что там ей будут дарить дорогие гостинцы, что у неё будет много дорогих платьев и т.д. После этого она дала согласие. После дополнительных уговоров Фиму стали собирать в дорогу. Когда Фима вышла из дома и стала усаживаться в карету, то стоящий народ, который собрался со всей деревни, заплакал. У каждого была обида и ненависть за поругание этой девочки-крестьянки. Мать, обливаясь слезами, стояла у барской кареты. Фима посмотрела на мамины плачущие глаза и сказала: «А где мои куклы, давай я их возьму с собой».

Мать пошла в избу, принесла её любимые куклы Ивана да Марину. Кучер не дал матери на прощание поцеловать Фиму, дернул коней и карета с шумом покатила по деревенской улице.

Сестра Саша увидев из леса, что карета выехала из деревни и скрылась за лесом, тогда и пошла домой. Придя домой без любимой сестры проплакала до утра.

Спустя четыре года у Фимы народилась девочка, а в 25 лет она овдовела. Замуж больше не выходила и доживала прислугой у этого барина. Иногда навещала родителей в деревне Майна, встреча и разлука с родными, как всегда, сопровождалась слезами.

14. РЕКА СЕРЕЖА

По северной границе района протекает река Сережа. Существует легенда о происхождении ее названия.

Она берет начало у деревни Крутое Перевозского района. На берегу вольной речушки, в самую страдную пору сенокосную, родился мальчонка. Мать, крепостная жестокой помещицы, на сносях без единого дня отдыха от зари до темной ночи косила, ворошила, сгребала сено, и вдруг ей стало плохо. Забилась она под кустик, легла, тяжело задышала, сдерживая крики и стоны от боли. И тут налетел барский приспешник - приказчик:

– Что разлеглась, лежебока? Вон тучка идет, коли не сгребем сено и не заскирдуем, барыня шкуру сдерет! – неистово заорал и огрел плетью несколько раз.

Встать она уже не смогла, так и родила под кустом.

– Разводят тут щенков! А ну, вставай сено сгребать! – снова плетью обрушилась на спину обессиленной женщины.

Пошатываясь, встала. Завернула в холщовое рубище младенца, положила в укромное место, взяла грабли и за работу.

Вскоре мать умерла. А Сережа, так звали мальчика, уже ее не помнил. Отец тоже вскоре умер, старший брат – в рекрутчине на царской службе. Никому мальчик был не нужен и тоже сгинул бы, если бы не Дуняша. На речке однажды, куда он приполз, девочка полоскала белье и дала ему кусочек хлеба. Он никогда еще хлеба в руках не держал. Добрые люди давали ему картошку, морковку, редко огурец. И вот сейчас девчушка дала ему кусочек хлеба, сказав, что это – «маменькин».

Самое страшное случилось тогда, когда Дуняша подросла, похорошела. Сама не своя была Дуняша после того, как опозорил ее молодой барин. Руки хотела наложить на себя. А тут еще услышала про казнь любимого. И разразилась она таким хохотом, что никто не мог понять, что же с ней случилось. Но когда, протянув руки вперед, вошла она в речку и все глубже и глубже в нее заходила, крича на всю округу: «Сережа! Се-

режа!» - все поняли, что она лишилась разума. Дальнейшая судьба Сергея сложилась трагически.

Речку с тех пор называют Сережей в память о великой любви девушки к вольному парню.

15. СЕЛЁМА

Давно это было. Мне мой дедушка баил, а ему его дед.

Был-поживал около Ваду помещик, Лопашиным, сказывали, назывался. Строгущий был, порядок держал. Все у него по струнцу ходили, боялись его.

Сказывают, наказывал больно за промахи – бить велел до смерти, в тюрьму сажал: своя тюрьма у него была, там ни есть, ни пить не давали.

Людей он не любил, и люди все равно мстили ему, досаждали. Он и село-то свое назвал «Досадино». Мордвин, бают, был. Крутой. И в селе все мордвины были.

Один раз два товарища крепко досадить хозяину решили: подкараулили его, поймали, и давай мутузить, хотели убить, да вырвался, злодей.

Признал он фулиганов. Били их, били смертным боем. Помещик еще каверзу задумал: повелел завезти их умирать в леса непроходимые.

Ну, их и завезли, и оставили там умирать.

Но не тут-то было. Бабенки ихние с детишками тайно ночью убежали вслед за сужеными, прознали, где их бросили, у добрых людей.

Лопашин не стал их искать – все одно сгинут.

А они выжили. А что не выжить: речка рядом, грибы, ягоды. Разбойничали поначалу. А как же! ... Жить-то надо! А когда разжились – дома срубили, землей стали жить, скот развели.

Тут рядом большая полосина шла, дорога. По двести-триста обозов езживали на торговлю в Нижний, Богородск, Горбатово. Медь, купель везли. Едут, бывало, горой-то, а внизу

два огонька светятся. Это две избы мордвинов тех из Досадино. Будто бы два глаза волчьих. Страх всех брал. А по-мордовски, видать, глаз-то сельмой зовется. Так и стали звать «Селёма» да «Селёма».

Отсюда и название Сельма стало. Вот так сказывал мой дед. Мордва мы все, от мордвы. Чисто мордва.

А те два мордвина начало селу дали. У них дети были, они женились, опять дети пошли. Вот так и много народу стало. А после, бают, помещик тут объявился. То ли Коптеев, то ли Коршеев. Дом-то построил в лесу на поляне, имение Сосновкой назвал. Широко жил. В округе один он среди лесов и царь, и бог. А крестьян на вывоз привез, поселил в Селёме. Винный завод имел, землю всю скупил в округе, все леса были его. Весь люд на него работал.

16. О ПРУТЧЕНКО

Про крепостные времена у нас дома рассказывали историю.

Приехал барин. Дело было зимой.

Вот пошел он пешком гулять по Лукояновской дороге, к лесу. А метель накануне сильная была, снег глубокий. Только на самой дороге, на насыпи его попримяли, а навстречу с Лукоянова обоз с базара ведут, воез шестьдесят. Лошаденки еле тащатся.

- Сойти с дороги! - говорит барин.

Ну, мужики остановились, переглядываются: что он, шутит что ли барин - снег по сторонам глубокий.

- Кому сказал! - крикнул барин. - Уступить мне дорогу! Взял свой тяжелый железный посох и с размаху ударил первую лошадь, а потом и мужика. Лошадь шарахнулась в снег, сани завалились под насыпь. Другие лошади тоже заволновались. Мужики видят: делать нечего, барин не в духе, надо приказ исполнять. Сошли с дороги.

- Вот так-то, - сказал барин.

И пошел дальше - поигрывает посохом. Прогулка у него не сорвалась.

А мужики потом в снегу часа три корячились. У кого сани с товаром в снег перевернулись, ползают, собирают, у кого кони в поводьях запутались...

Вот такие они, рассказывали старики, были наши барина.

17. СЛЕЗАВКА

Около Арзамаса большое село Слезавка есть. Говорят, там наши, из села Левашово, жители поселены были. Их один барин в карты проиграл другому. И все, и отправились они туда. Там до сих пор все наши фамилии – Макаровы, Мякины.

Вот угнал он их на новое место, а уж они плакали-плакали, что с родными расстались, что родного села не увидят более. И так новое село назвали – Слезавка.

БАТАШЕВСКИЕ ЗАБАВЫ (Выксунские были)

18. БРАТЬЯ ПОТАШОВЫ

Во дни Петра Великого посадские люди из Муром, братья Железняковы да третий Кирилл Мездряков руду железную на Оке сыскали. Слыхали те посадские про тульского кузнеца Демидова, как наградил его царь-государь и какие богатства взял тот кузнец с непочатых еще Уральских рудников. Заявили и они про находку, и за год до смерти первый император земли на Оке им пожаловал, ставили бы там заводы железные. Не пошло муромцам во прок царское жалованье – по лесам возле Оки разбойники хозяйничали: с заряженными ружьями приходилось дудки¹ копать, завод рвами окапывать, по валам пищали да пушки расставлять... Работали кой-как, кончилось дело тем,

---

¹ Колодезь для добычи руд, шахта.

что пропившийся рабочий изменил хозяевам и завод передал разбойникам. Разграбили они его, выжгли, валы срыли, пушки, пищали с собой увезли... И за то благодарили бога заводчики, что головы у них целы на плечах снесли.

Через много годов на место неудачливых муромцев на Оку новые заводчики приехали: два туляка, братья Андрей да Иван Родивоновы – дети оружейника Поташова. Они в четырех губерниях четырнадцать заводов по скорости поставили. Андрей дело вел. «Образ правления его считался безотчетным и необыкновенным».¹ Чего не наделал он при том образе правления! Пруды заводские выкопал на диво: верст по девяти в долину, с трехверстными плотинами; по тем прудам суда под парусами у него хаживали. В каждом заводе по господскому дому поставил, и каждый дом дворцом глядел. Что было в тех домах картин, мраморных статуй, дорогих мебели, какие теплицы были при них, какие цветы редкостные, плоды, деревья... И все прахом пошло, все сгибло в омуте пятидесятилетних тяжб и в бездонных карманах ненасытной ватаги опекунов.

Поташов в короткое время скопил несметные богатства, скопил умом, трудом, неистомной силой воли, упорной стойкостью в делах, а также и темными путями. Безнаказанные захваты соседних имений, прием беглых людей, стекавшихся со всех сторон под кров сильного барина, тайный перелив тяжеловесной екатерининской медной монеты умножали богатство тульского оружейника. Кто Поташову становился поперек дороги: деревни, дома, лошади, собаки, жены, дочери добром не хотел уступить, того и в домну сажали. Слова супротивного молвить никто не смел, все преклонялось перед властным оружейником. Перевел Поташов разбой в лесах Муромских, но не перевел разбойников. Подобравшись под сильное крыло неприкосновенного барина, лесная вольница по-прежнему про-

---

¹ Впоследствии, когда возникли нескончаемые тяжбы о наследстве, это выражение встречалось не только в частных записях, но даже в официальных бумагах.

должала дела свои, но только по его приказам – так говорит предание. И не было на Андрея Родивоныча ни суда, ни расправы; не только в Питере, в соседней Москве не знали про дела его... Все было шито да крыто.

А все оттого, что умел с нужными людьми ладить. Ладил он сначала с князем Григорьем Орловым, вовремя от него отвернулся и вовремя прилепился к другому князю Григорью – к Потемкину. Одного закала были, хоть по разным дорогам шли. С Потемкиным Поташов сроду не видался, а был в дружеской переписке и в безграмотных письмах своих «братцем» его называл. Ценными подарками Таврического удивить было нельзя, зато нарочные то и дело скакали с поташовских заводов то в Петербург, то под Очаков с редкими плодами заводских теплиц, с солеными рыжиками, с кислой капустой, либо с подновскими огурцами в тыквах. Старики рассказывают, что однажды Потемкин зимой в Москве проживал; подошел Григорий Богослов¹ – его именины; как раз к концу обеда прискакал от Поташова нарочный с такими плодами, каких ни в Москве, ни в Петербурге никто и не видывал. При них записка Андреевой руки: «Сии ананасы тамо родятся, где дров в изобилии; а у меня лесу не занимать, потому и сей дряни довольно».

– Уважил! – на весь стол крикнул Потемкин. – Спасибо!.. Захотел бы Поташов ремень из спины у меня выкроить, я бы сейчас.

Через Потемкина выпросил Андрей Родивоныч дозволения гусаров при себе держать. Семнадцать человек их было, ростом каждый чуть не в сажень, за старшего был у них польский полоняник, конфедерат Язвинский. И те гусары за пояс заткнули удалую вольницу, что исстари разбои держала в лесах Муромских. Барыню ль какую, барышню, поповну, купеческую дочку выкрасть да к Андрею Родивонычу предоставить – их взять. И тех гусаров все боялись пуще огня, пуще полымя.

---

¹ 25 января.

А когда помирал Андрей Родивоныч, были при нем две живых жены; обе вокруг ракитова кустика венчаны; у каждой дети, и все какими-то судьбами законные.

– Кому покидаешь именье? – спросили умиравшего.

– Кто одолеет, – с усмешкой Андрей отвечал, и те злобные слова последними его словами были.

Затрещали, застонали заводы поташовские, дрогнуло правдой и неправдой нажитое богатство.

Тяжбы начались, опеки... Кто ж одолел? Опекуны да те еще, что вершали дела...

Таков богатырь был Андрей Родивоныч. Богатырю на подмогу богатыри бывали нужны. На иные дела гусаров нельзя посылать – их берег Поташов, а надо же бывало иной раз кому язык мертвой петлей укоротить, у кого воза с товарами властной рукой отбить, кого в стену замуровать, кого в пруд послать карасей караулить. Медные деньги переливать тоже не стать была гусарам, ходившим в мундирах службы ее императорского величества. Для того водились у Поташова нужные молодцы; на заводах они не живали, в потаенных местах по лесам больше привитали, в зимницах да в землянках.

19. КОЧЕРЁЖКА

Дед рассказывал: рабочий загнул кочережку из железа негодною и просит мастера:

– Дайте мне ее на дом, разрешите мне ею дома уголь загребать.

– Хорошо, – говорит мастер, – разрешу, надо только доложить хозяину.

Доложил он, а хозяин – Баташов – говорит:

– Какую кочережку?! Отдать его в солдаты на двадцать пять лет, чтоб хозяйское добро не растаскивал!

Ну и заслужил рабочий за кочережку двадцать пять лет.

Забрали его, грязного, с завода – умыться не дали, с ребятами проститься не позволили. Прямо в Выксу, в карцер, в большой дом. А оттуда в Бобруйск.

Этого старика я хорошо помню, он у нас сторожем был. В солдатах был он до тех пор, как освободили от крепостного права.

20. БАТАШИХИНЫ КАТУШКИ

Вот приходит однажды Баташов к нам в цех с женой под ручку. И попал он в пудлинговый цех, где из чугуна выплавляли железо.

А тогда молотовые горны были, где с мехами работали. Рабочие были в своих белых холстовых рубахах за колена, и штаны такие же, и лапти свои. Еще женщины ходили, лен собирали на штаны да на рубахи. А Баташиха свое требовала: по катушке ниток с дома.

Приходит, значит, Баташов в цех, смотрит, как рабочие работают. А жена стоит рядом. Начал рабочий кусок железа ковать. Перевернул его, только вынул, а шлак-то и полетел прямо к Баташихе! Платье у нее было шелковое, в других она не ходила. Ну, конечно, вскрикнула Баташиха:

– Платье горит!

А рабочий подошел и шепчет ей на ухо:

– Бросайте катушки брать! У нас на людях каждый день так-то вот одежда горит!

21. БАТАШОВ

Баташов скушливый был, нетерпеливый. Едет лесом верст семь, восемь ли – лошадей загоняет. Рабочие у него все бесплатные были, паек получали, да такой паек – никто его есть не хотел. Муку выдавали такую слежалую, что кувалдами да гириями разбивали.

Еще дед рассказывал, что здесь, в Выксе, сам Баташов и деньги делал, фальшивые, под секретом. Кто деньги чеканил,

того и на свет не показывали, он в подвале умирал под домом. А все-таки люди знали. А уж денег начеканит, – так, бывало, возят, возят на подводах, как пшено или как овес. А мы только медяки видали.

22. БАРИН-ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИК

Баташов делал деньги фальшивые и делал их в подземелье под самым домом. Екатерина об этом узнала, послала людей выяснять дело.

Пришли к Баташову царевы посланники, а он загнал всех рабочих по этому делу в подземный ход и замуровал их там.

Они и задохлись.

23. БАТАШОВСКИЕ ПРИЧУДЫ

Баташов жил хорошо. Много себе всего понастроил, всяких причуд. Дом у него большой был, в сад выходил. В саду, где большая аллея кончается, там, где овраг, был каменный мост; на полянке налево беседка была розовая: там певички пели, танцовщицы танцевали. В большом доме винтовая лестница была, там всегда у входа рунт сидел.

А в коридоре рядом дверь была. Как стену эту ломали – в стене замуравленный скелет нашли: человек высокий, руки крупные, а на руках цепи были.

24. КАК БАТАШОВ У СОСЕДА ЗЕМЛЮ ОТТЯГАЛ

Про Баташова расскажу, как он от одного барина землю оттягал. Барин был бедный. А Баташов задумал землю у него взять, уж больно она ему понравилась. Как сделать? Он велел крестьянам говорить:

– Спросят вас, чьи вы, отвечайте: Баташова.

А крестьяне ему говорят:

– Как же мы можем говорить: Баташова, ведь мы, чай, солжем?!

– А вы моей земли в лапти насыпьте. Вас спросят, на чьей земле стоите, скажите – на баташовской.

Так и сделали.

Приезжает барин и губернатор с ним. Стали спрашивать мужичков:

– На чьей земле стоите?

А крестьянам что делать? Их домишки Баташов еще ночью велел к себе на землю свезти. Деваться некуда крестьянам.

Отвечают:

– На баташовской.

Как сказали, что баташовские, барин-сосед так и ахнул! А сделать ничего нельзя.

Так и отошла соседова земля к Баташову.

25. БАТАШОВСКИЕ ЗАБАВЫ

Первая паровая машина была выпущена на Сноведском заводе. На пароходе с новой машиной поехал сам Баташов в Нижний, на ярмарку. Он поставил четыре пушки, а когда въезжал в город, то дал из этих пушек салют.

Ярмарка остановилась, торговля прекратилась. Губернатор сначала велел арестовать бунтовщика.

А после, как узнал, что это Баташов был, велел освободить его. Даже извинялся:

– Не знал, мол, что это вы были!

26. ХИТРЫЙ БАРИН

У барина Баташова дом был поставлен на меже, между Рязанской и Тамбовской губерниями. Одна половина была на Рязанскую губернию, другая на Тамбовскую.

Вот напроказит барин, к нему из губернии скачут, из Рязанской. Он посылает слуг спрашивать, откуда приехали.

Им отвечают:

– Из Рязанской губернии.

Он сейчас переходит на другую половину дома, что в Тамбовской губернии стоит.

– Где барин?

– В Тамбовской губернии.

А прискачут к нему из Тамбовской губернии, он переходит опять на другую половину, что на Рязанской губернии стоит.

– Где барин?

– В Рязанской губернии.

Вот так всё и выделял, так и спасался.

27. РАБОТА НА КУРЕНЯХ

Баташов собирал на завод людей со всех сторон. Менял часто людей на собак. Нашу родню привезли издалека, по договору с барином. А у барина рабочие не только работали на заводе, но и уголь добывали, топливо, на курене работали.

Тяжелая была работа, да и норма была непосильная. Дед говорил, да и отец, – от куреня этого всю спину обломаешь. Бревна неподъемные были, не под силу. Клали их целиком, только сучки обрубят; вдвоем, втроем клали – и то тяжесть какая!

Вот однажды дед мой не выполнил нормы, его стали пороть. Среди двора разложили деда, да и насыпали ему двадцать пять розог. Мы глядим, плачем, а подойти боимся. Испороли его, ни встать он не может, ни сесть, а на работу гонят.

28. ДУНЯ-ВОДОНОСКА

Вот какой случай был, мне рассказывали.

Работали наши заводы при Шепелеве. А рабочих плохо кормили, даже стали подбавлять в хлеб мякины. Забастовали тогда рабочие и стали просить барина с Выксы. Приезжает барин, выходят они со своими инструментами, кто с чем работа-

ет, – кто с кувалдой, кто с клещами, – стали в проходной. А директору передали:

– Рабочие бастуют.

Барин видит – рабочие в проходной стоят, инструменты у них. Подходит к ним поближе. Одного ударил, другого, третьего. Подходит к Дуне-водоноске, здоровая баба была. Только размахнулся, а она хватъ его коромыслом и кричит мужикам:

– Чего стоите?

Барин бросился бежать, прямо в церковь к попу.

А попом был Кирилл. Вышел он с крестом:

– Примиритесь, что, дескать, выдумали?

А потом безо всякого суда барин выделил двести семей и сослал их в Сибирь, как бунтарей.

29. БУРМИСТР ДУБРОВИН

Был здесь бурмистр Дубровин. Тогда еще дед мой, крепостной, в кузнице работал кузнецом. Дубровин очень охоту любил и не раз посылал на охоту деда. Завод отмечает, будто дед на работе, а он у бурмистра охотой занимается.

Вот пошел раз дед на охоту. Ничего не убил. Приходит с пустыми руками. Извиняется:

– Ничего не убил.

– Как ничего, сукин сын?

Размахивается Дубровин и хватъ деда по щекам! Всего до крови избил. А на другой день призывает к себе деда и говорит ему:

– Где ты так избился, сукин сын?

А деду нельзя сказать – ты, мол, сам меня избил.

– Так и так – баню крыл, да упал, лицо искровянил.

– Разве можно так? Смотри, следующий раз выпорю, – Дубровин говорит. А сам и виду не подает, что это он деда избил.

Он большой подлец был, любил к себе девиц приводить. Выдаст замуж, а сам после велит к себе прислать. А кто не хочет идти, так у той мужа на двадцать пять лет в солдаты отдаст.

30. ЛИТЕЙЩИК ТАРАСОВ

На заводе один литейщик был Тарасов. Вот поженили его, он и говорит:

– Моя молодая не годится на коробки – у нее руки коротки.

А на коробки гнали тех, кому к барину идти на ночь.

Вот взял Тарасов ружье и в Дубровина этого два раза стрелял. Однако оба раза не попал.

И отдал Дубровин его на 25 лет в солдаты.

31. ШЕПЕЛЕВСКИЕ ЛЕСА

Мне девятнадцать лет минуло, как крепостное право рушилось. Не всё вспомню, а все-таки на моей памяти много было. А дед много рассказывал. Уж он крепостного права хватил!

Здесь кругом леса Шепелевские были. Стеной стояли. При Шепелеве мы и жили, уголь на завод возили. Мы еще крепостными были, шепелевские мы. Я уже с двенадцати лет стал лошадей гонять. Тяжело жили. Били нас плетью заслушание, а то и в солдаты отдавали на двадцать пять лет.

Ведь как жили! Бывало, бросаешь всё свое, начинаешь барину уголь возить. «А то, – кричат, – завод станет». Уголь в куренях гнали. Шепелев нас мало жалел, всё больше на других менял.

Ведь как раньше было? Только и знали во всю нашу жизнь: на барина служить, уголь гнать да уголь возить. Лесопромышленники были злобные, в конторах сидели, из людей пот выжимали.

Всю жизнь пересказать - да разве ты поверишь? От такой жизни люди топились, на деревьях вешались. Всего, матушка, всего было! Вспомнишь – страшно становится, и сам не знаю, как выжил!

32. БАТАШОВСКИЕ СЛЕЗЫ

Как известно, Андрей Баташов был неунывающий и невозмутимый человек. Зарплату рабочим он платил малую. Зарплату рабочие называли «Баташовские слезы». При вопросе «Какой сегодня день?» в день зарплаты рабочие говорили: «День Баташовских слез». Это выражение осталось до сих пор в обиходе рабочих. А на вопрос «Какая у тебя зарплата?» отвечает: «Баташовские слезы», т. е. очень маленькая.

33. ПОПОВА ЛУЖА

В Выксе близ Песоченского дна (там Баташovy добывали песок для строительства, отсюда и «теперешнее» название Бл. Песочное, близ завода), была маленькая деревушечка под названием Шиморье или Шиморино (вскоре село Шиморское). Там стояла маленькая старенькая церквушка, все стены изшарпаны, на службу мало кто приходил... Ну так вот... В этой церквушечке служил отец Михаил, честный и исполненный (порядочный) человек. Жил он вдвоем с дочерью Мариной, красивой девкой, поэтому отец Михаил на нее рясу монашескую и надел. Боялся Михаил за дочь из-за разбойных женишков, которые частенько там тогда шарили.

Раз зашел Андрей Баташов в эту церквушку, дабы снести ее, да лаз подземельный сделать для добычи руды. Только он пришел туды, как встретил тамо эту девушку и «утонул» в ее глазах, аш после этого развернулся и ни слова не промолвив, ушел. Две недели Андрей вспоминал эти зеленые глаза и с дрожью думал: «Чертовка!». Не веселили его дорогие балы, жена, ничего... Влюбился...

Пошел к Михаилу спрашивать, чтоб взять ее к себе жить, как с женою, пока его жена не умрет, или же не подвернется подходящий момент ее спихнуть куда-нибудь. А как только это случится, они сразу и обвенчаются.

Против был отец Михаил, не нравилось ему это. Он ведь желал лучшего совей дочери. Но непреклонен был Андрей, хотел настоять на своем. Но поп не давал согласия. Тогда Андрей велел позвать прислужников своих, попа скрутили и в карету затолкали. Отвезли на болото за Шиморино, стали силком его согласия требовать, опускали его голову в холодную воду и держали, пока не задергается. А он все не соглашался. Тогда Андрей рассерчал и велел держать его под водой до последнего, пока не помрет.

Утопили Михаила и поехали самой Марины согласия спрашивать. Как узнала девушка о смерти отца, ничего не ответив ушла и повесилась в подполе церквушки. Долго горевал Андрей, из-за того, чего натворил. Но прошло некоторое время, забылся и привез себе на потеху негритянку Махилону.

Это болото с тех пор называют «Попова лужа», а церковь «Чистодевичья».

Очевидцы говорят, что отец Михаил до сих пор ходит по берегу болота и зовет свою Марину. А вокруг церкви ходит девушка и рвет веревки.

***

34. БАРСКАЯ ВОЛЯ

Вот как у нас при барыне женились. Приходит большой мужик, ему маленькую бабу подбирают, а маленькому мужику – большую. Все норовят наоборот, чтобы побольнее было, – поиздеваться хотят. Вот наберет барин девушек человек десять, оденет их одинаково, положит ничком в комнате на полу, приводит жениха и говорит:

– Выбирай любую.

А уж где выбирать: либо кривая, либо рябая. Идет жених, смотрит на девок и говорит:

– Вот эту беру.

Укажет на девку, она встанет.

– Вот тебе муж, – говорит барин.

А потом и свадьбу играют. Всего не перескажешь, что было! Сейчас-то нам смех как вспоминать, а старики наши все это переживали. Волосы дыбом становятся, как вспомнишь.

35. ПАШКА

Во дворе у барина был мальчишка лет 12-ти, Пашуткой его звали, занятный такой. Однажды берет его барин на охоту – зайцев гонять. Народу много было. Зайцев можно было палкой бить.

И вот в самый разгар несутся прямо на Пашку два зайца. Он их вздумал руками ловить, на потеху барина. Кинулся, схватил зайца за ногу, да как-то и выпустил. Из ружья тоже не попал. Барин рассвирепел. Слюнями, это, брызжет. Подбегает, значит, к Пашутке, размахивается да как ударит по голове его прикладом. Парня как скосило. А барин продолжал бить его и в лицо, и в грудь, и в живот. Ну, и погубили. Закопали Пашку.

36. ПРО ЗЛОГО БАРИНА

В нашей деревне жил один мужик, жил он бобылем. Жена умерла, деток не нажили. За хозяйством не услеживал. И как-то его лошаденка забрела в хозяйский усадок и потоптала, значит, там. Барин осерчал, кричал, что протрет мужика в терку.

Избили мужика железными цепями до полусмерти. А лошаденку-то барин себе прибрал. Так-то вот при господах-то жить.

37. О ПАСТУШКЕ И ЗЛОЙ БАРЫНЕ

Жили-были мужик с бабой, и была у них внучка. Она пасла барских гусей, каждый вечер барыня их пересчитывала, все ли гуси.

В один вечер пригнала внучка гусей, а одного нет. Вот такие дела! Что делать?! Барыня велела утопить девку в Сарме. Взяли большой железный ключ и ударили девочку по голове. Она упала. Ну и утопили ее в омуте. Так она и ушла, так и истлела. Это в крепостном праве было.

38. СТРОГАЯ БАРЫНЯ

Дядя мой работал управляющим у барыни в Панкратове. Большое у нее имение было. Богатое. Шкафы стояли, а в них товару всякого. И всего по дюжине. А запирались они на накладные замки.

Строгая барыня была, крестьянам часто порки устраивала. Боялись ее. Так дядя мой, Дмитрий Иванович-то, на обед по траве да по кустам домой пробирался, а так его не отпускали.

А барыню эту потом, после революции, на куски разорвали.

39. БАРСКИЙ ЛЕС

За Леметью лес стоит. Во-он его видать! Его шас называют Барским лесом. А почему? Потому, что давно-давно, еще маменька моя скáзывала, в нем стоял большущий дом, прям по середине. Жили там барья. Злые очень. Били своих работников. Оне глаз боялись поднять на барыню. А она-то и радовалась, что ее боятся. Поиздевалась над ними вволюшку. Барья были дикие. Гости к ним не ездили. Да и народ-то из-за боязни старался не показываться на глаза. Страх у них был и к лесу к этому. Назвали его барским. Мы маленьки были, маменька нас пугала злой барыней, хотя она уже давно померла. И шас в этот

лес с опаской ходят, даже мужики наши за дровами в туркушский лес ходят. А там все цело!

40. ПЛАТОНОВА ЯМА

Жил в нашем селе помещик Платон. Злой был и жестокий. Издевался над своими крестьянами как мог: топил их детей в озере, избы по ночам сжигал, плетью бил нещадно. Долго терпели крестьяне и решили помещика убить. Заманили его в лес, сказав, что там много диких ульев нашли. (А Платон жадный был). Поехал Платон в лес, а крестьяне его подкараулили и убили. А в лесу была огромная яма. Сбросили крестьяне туда тело помещика. До сих пор существует та яма, только люди обходят ее стороной.

41. ЦЕРКОВЬ В ЧУФАРОВЕ

Село Чуфарово Сергачского района в XIX веке было имением одной московской барыни. Лето она всегда проводила там. Барыня была женщиной гордой, высокомерной, спесивой. Собак до смерти любила, их у нее очень много было. Однажды во время церковной службы она вошла в церковь с одной из своих собачек. И едва переступила барыня порог храма Божьего, послышался страшный треск, церковь затряслась и с грохотом ушла под землю со всеми бывшими в ней людьми. После этого провал в земле сразу же затянулся. С тех пор в Чуфарове и его окрестностях про всех гордых и упрямых людей говорят: «...как барыня Чуфаровская».

42. ЦАРСКАЯ СЛУЖБА

Раньше в армию отправлялись люди или по приказу, или по жребию. Служба была долгой, иногда и 10- 15 лет, а были времена, когда служили 25 лет. Мне пришлось видеть этих несчастных стариков. Они еще были живые. Молодого после свадьбы человека забрали в армию на 25 лет. Он был негра-

мотным и написать своей жене, где он, что с ним, не мог. Она, оставшись одна, три раза приходила в местную церковь к священнику, чтобы попросить у него разрешение на повторный брак. Жизнь-то почти проходила. И местный священник три раза ей в этом отказывал, ссылаясь на Закон Божий: «Поп обвенчал, могила развенчает». А солдат служил на острове Сахалин. Через 25 лет приехал и нашел свою почти уже старуху. Так и доживали они вместе, но детей у них почему-то не было.

А вот другой случай произошел тоже с молодой, после свадьбы, солдаткой, которая не обратилась к священнику, а сообразила по-своему. Она забеременела и родила. Ребенка она, чтобы никто не узнал, утопила в воде в сенях в обыкновенной кадушке. Ее проступок был обнаружен. Приехал урядник, собрал народ, ее публично наказали и провели по всем улицам села для назидания всем молодым женщинам, чтобы таких вещей не допускали.

43. ПОДОКОШОШНО БОЛОТО

В нашем селе жил один барин, завистливый да жадный. Узнал, что у соседнего помещика крепостные пруд вырыли – и ему подавай.... Карася в него запустил. Прошло года три... Сидит раз он на берегу своего пруда и видит, как мужик в его пруду карасей ловит.

Рассерчал он, приказал своим крепостным дом выстроить на самом берегу.

– Окно на пруд! – кричит и ногой притопывает. Вот с тех пор и зовут это болото Подокошошно.

44. ПОЛУПОЧИНКИ

Барин в селе Смирнове, что недалеко от Дивеева, был злым картежником и один раз проигрался в пух и прах. Ничего не осталось, как отдавать соседу карточный долг крепостными.

Вот крестьян из Смирнова стали перевозить на новое место, к новому барину. Не больно далеко, однако полсотни верст.

Часть крестьян были переселены в Вертьяново (сейчас оно стало частью Дивеева), а нескольким семьям земли там не хватило, отправили их на новое место, на край леса. И тут велели починок основывать. Починок получился больно уж маленький – не поймешь что, какая-то половина настоящего починка. Так и название пошло – Полупочинки.

45. ШУТИЛОВО

В былые годы славилась Нижегородская ярмарка. Люди со всех концов света шли и ехали к месту ее проведения. Одна из дорог, ведущих на ярмарку, проходила и по нашим местам. Путники в дороге делали привалы, и вот на месте одного такого привала возникло в дальнейшем село. Основал его барин Покровский. Уж очень ему понравился лес, чистые родники и речка, петляющая меж холмов. И стало то село называться Покровское. Но вот старый барин умер, и его место занял сын и наследник, молодой Покровский. На беду он оказался любителем выпить и поиграть в карты. И однажды он проиграл село Покровское двум помещикам Лашову и Русинову. Возможно, это они назвали село Шутиловым из-за того, что оно досталось им шутя, через игру. До сих пор один конец села называется Русинов, а другой – Лашов.

46. ГИБЛОВКА

Один барин проиграл своих крепостных в карты. Достались они другому помещику, а тот решил всех перевезти в другие края, новые места осваивать. А эти новые места - наш глухой выксунский лес, непроходимые болота.

Приехали крестьяне, осмотрелись:

- О, да мы тут погибнем все, всем тут конец будет среди болот, среди комарья - гибловка!

Так Гибловкой в старые времена наше село и назвали.

И уж потом, после революции стало у нас село Верхняя Верея - в верховьях речки Вереи живем.

О КНЯЗЕ ГРУЗИНСКОМ

47. ЛЫСКОВСКИЙ ЦАРЕВИЧ

Еще с семнадцатого столетия Лысково сделалось вотчиной грузинского царевича. Там, в Лыскове, он имел свою постоянную резиденцию. Это был чистокровный, ярый рабовладелец и неукротимый деспот. Обладая большими связями и огромным состоянием, он ни во что не ставил местные власти и действовал как древний персидский сатрап - его дебоши и безобразия сделались достоянием народных преданий. Ежедневное времяпрепровождение этого старинного барина заключалось в собственноручной расправе над мужиками. Не давал он потачки и купцам (в его время ярмарка была насупротив Лыскова, в городе Макарьеве). Переправится, бывало, грузинский царевич через Волгу и станет по ярмарочным рядам ходить - все купцы ему в пояс. На одного покричит, другому, кто в торгу поперечит или просто невзначай налетит на князя, плюнет в лицо, а то и плюхой угостит. Так петухом и ходит.

Был такой случай [...] Один купец, должно быть, из новеньких, не согласился уступить князю вещь по предложенной им цене. Князь вспылil, закричал, кинулся на купца; а тот из лавки - бежать. Князь за ним. Купец в переулоч - князь за ним. Добежал до озера; купец бросился в воду и залез по горло. Князь в ярости - тоже в воду.

- Выйди, - кричит он, - сделай мне милость, выйди! Раз ударю, верь слову, сорву только сердце!..

Купец не выходит.

Оба стоят по горло в воде.

От продолжительного созерцания своего противника, а больше, вероятно, от воды, князь остыл. Выйдя на берег, он простил купца.

Горячая восточная кровь князя не остывала до самой его смерти, которая приключилась на девяностом году от рождения.

48. О КНЯЗЕ ГРУЗИНСКОМ

С целью обогащения Георгий Александрович давал у себя приют беглым беспаспортным и укрывал их. Таких у него скопилось немало. Когда возможно было, он записывал «призреваемых» именами умерших, но еще не вычеркнутых из «ревизских сказок». Снаряженные им из этих людей шайки грабили караваны на Волге, отбирая в свою пользу товар, а для князя - бурлацкие паспорта. Сохранились сведения и о таком факте: губернатор, рассерженный самоуправством князя, чуть не накрыл князя со всеми укрывавшимися у него беглыми, но хозяин был предупрежден об этом, собрал всех «бесписьменных» на мельничную плотину и велел подрубить балки. Десятки людей были утоплены.

Был у князя и другой, «легальный» способ для увеличения числа крепостных. В определенном месте усадьбы хозяина стоял большой ящик, куда «согрешившие» дворовые девушки окрестных помещиков могли подбрасывать по ночам своих «незаконных». Помещик потом выправлял на них оптом «владенные грамоты» в макарьевском уездном суде. Его боялись все, начиная с мелкого чиновника и кончая губернатором. Для него как бы не существовало законов, ибо он делал, что хотел, и никто не мог ему перечить.

49. КУШАЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!

Вышел как-то князь Георгий Александрович прогуляться по лысковскому базару. В рыбном ряду ему осетр большой

приглянулся. Денег с ним не было. Он вернулся домой и приказал купить этого осетра. Через несколько минут (базар-то рядом!) слуги ему докладывают, что этого огромного осетра купил купец Болдырев. Князь рассердился: «Да как он посмел?!»

Проходит немного времени, ему докладывают, что купец Болдырев к нему явился. Прослышав о гневе князя, купец поспешил к нему, в ноги кланяется:

- Ваше сиятельство! А я как раз для вас этого осетра и купил. Кушайте на здоровье!

Князь сменил гнев на милость. Болдырев ловким ходом не рассердил, а расположил к себе князя.

НА ПУШКИНСКОМ НА ДВОРЕ (БОЛДИНСКИЕ РАССКАЗЫ)

50. «ОПАЛЬНАЯ» КОНТОРА

Около усадьбы-то, где Пушкины жили, пруд был. Сейчас уж не знаю, есть ли, сто лет уж там не бывала. Говорили, что в стародавние времена там стояла барская контора под названием «опальная», где всякие барские дела велись. По ту сторону пруда потом пожарку построили, а была такая «кобыла» для телесных наказаний самых злых преступников. Из конторы выводили осужденных прямо на эту самую «кобылу». Положат вверх спиной, да и секут розгами. Кому много присуждено - до бессознания засекали. Народ смотреть допускали, а палачи при были, из Лукоянова. А по малым винам наказывали прямо в конторе.

Контору-то называли «опальной» оттого, что в ней были всевозможные суды, наказания и по суду, и без суда. Вся она слезами пропитана, полна горя и страданий крепостного мужика.

51. ПРО ЛУЧИННИК

Ну про Лучинник слышали, да? Роща у нас в Болдине так зовется. Про это вот так говорили: в «опальную» ту контору мужик попал, лесо-крад, и грозила ему такая порка розгами. В конторе оказался Пушкин - по делу пришел никак. Ну лесокрад увидел барина, да еще пуше задрожал: знать запорют до смерти. Александр Сергеич спрашивает, в чем, дескать, дело? Ему отвечают: вот, мужик березу срубил. А мужик плачет, говорит, что срубил на лучины березу-то, дом освещать нечем, а купить не на что. Пушкин отменил наказание, но строго так сказал:

- Подождите рубить. Роща молодая - настоящий лучинник, потом вам же на пользу послужит.

Ну с тех пор и прозвали мужики рощу Лучинником. На следующий день Пушкин опять в контору зашел, поздоровался с мужиками, вдруг видит - они от него отодвигаются боязливо так.

- Что вы отодвигаетесь? Али боитесь?

- Эх, барин, нельзя тебе близко к нам стоять: на нас худые зипуны, а ты в чистой одежде, в сапогах - мы тебя замараем.

Александр Сергеич засмеялся так и спрашивает:

- Если бы не было лапотника, не было бы и бархатника, у вас ведь так говорится?

- Да, барин. Соха да борона нам худой зипун нажила, а барину домок возвела. — ответили мужики.

52. О ЗАМУЖЕСТВЕ КРЕПОСТНОЙ ДЕВУШКИ

У Сергея Львовича Пушкина среди крестьян была девушка Аксинья. Она убирала вотчинную контору. В те дни, когда Александр Сергеевич жил в Болдине, она убирала и его кабинет, стирала с него белье, все приводила в порядок. В Болдино частенько хаживал конторщик соседней вотчины Аникеева Зот Авсеев Кочергин. Он приятельствовал с дедом моим Петром

Александровичем Киреевым и имел свидания с Аксиньей. Пришло время ее сватать. Она согласие дала. Но еще согласятся ли господа? В Александре Сергеевиче не сомневалась. А вот что скажет Аникеев?

Кочергин получил разрешение барина Аникеева засватать Аксинью. При этом Аникеев написал Пушкину, что предлагает в обмен такую же девушку. Прочитав предложение Аникеева, Александр Сергеевич засмеялся и написал ответ: «Я не цыганин меняться людьми как лошадьми. Если есть у Аксюши любовное желание, я препятствовать не могу».

Аникеев прочитал ответ Александра Сергеевича и очень обиделся: «Пусть я останусь цыганином, но Александр Сергеевич бабий и мужицкий сплетник, ходит по селу, собирает всякие слухи». А Аникеев, действительно, несколько крепостных семей из села Знаменского выменял у помещика Беклемишева на лес.

Об этом замужестве я несколько раз слышал от родственников Аксиньи. Она сама до самой смерти жила у своего внука в Арзинке, из Болдина ездили на ее похороны.

Конторщик из села Пикшень, которым когда-то владел Аникеев, Семен Мартынов Батькин говаривал:

«Кочергин мне рассказывал, как он усватал себе невесту в Болдине. А еще говорил, что Аникеев на Пушкина сильно озлобился и мог бы помешать свадьбе, но убоился, что Александр Сергеевич напишет про него что-нибудь в насмешку и прочитает при других господах. Боялись помещики его писанины!»

53. ПУШКИН И МОРДВА

Эту историю рассказал тот же Семен Мартынович Батькин, старик из села Пикшень, доживший до глубокой старости, а потом подтвердил ее учитель Иван Николаевич Туршатов.

Вот что произошло.

В один из осенних дней Александр Сергеевич проезжал по границе владений своего отца и барина Аникеева и увидел на лугу мордву, которая косила траву.

Александр Сергеевич подъехал к косцам, поздоровался, спросил:

– Вы что, мужики, в уме, – траву косите в октябре? Мужики ответили:

– Спроси у барина: в уме ли мы. Мы как скот ломовой: сколько ни наложат, вези, упреков не говори, от барщины отпуск не проси.

– Ай да мордва, справедливы ваши слова! – сказал Пушкин, покачал головой и поехал к себе в Болдино.

54. КАК ЖИЛИ КРЕСТЬЯНЕ В ПРЕЖНЕЕ ВРЕМЯ

Только из рассказов стариков, доживших до моих юных годов, мы знаем, что в далеком прошлом избы в Болдине освещались березовой лучиной. За неимением спичек огонь высекали из камня небольшой величины. В каждом доме был железный предмет, который назывался огниво. К камню прикладывался небольшой – с орех величиной – кусочек сухого трута. При ударе огнивом по камню летел сноп искр и зажигал трут. К тлеющему труту прикладывалась самосерная спичка (они-то имелись в каждом доме). Вот от этой спички уже зажигали и лучину в светце. При свете лучины женщины пряли лен, мужики плели лапти или вели разговоры.

Такие картины заставлял в избах Александр Сергеевич Пушкин. По воспоминаниям многих стариков, он всем интересовался. Однажды он заговорился дотемна в одной крестьянской семье и видел, как старик внес светец и начал высекать огонь.

Спросил:

– А что, дедушка, не зажигаешь спичкой?

– Э, барин, спичек купить не на что, своими самодельными измогаемся. Беда, барин, замучила бедность.

– Отчего же бедность?

– Известно, барин, отчего: наша бедность от вас, а ваша хорошая жизнь от нас... Вот и разумеи.

Почти все избы в Болдине топились по-черному. В избах три окна – два маленьких, а среднее несколько побольше. Во время моей службы в 1910 году волостным писарем в селе Пикшень я спросил старика Евдокима Святкина, который проживал в таком доме, почему окна так делали. Он сказал, что с маленькими теплее, а большое окно на случай пожара: если загорится во дворе, то семья может спастись через это окно.

Для обдирки полбы, проса и гречи никакой техники не было, кроме ручного жернова и ступы. На ручном жернове размол шел очень медленно. Поэтому полбу, просо толкли в ступе пестом. Ступы делали в метр высотой, с глубоким отверстием, чтобы зерно не могло вылететь. Такие ступы еще, может быть, где и сохранились до наших дней по окрестным деревням. В Болдине-то едва ли где их найдешь – большие пожары, наверно, сгубили. А жернов есть только один у старушки Ислановой.

Гречу в такой ступе толочь нельзя, у нее зерно очень слабое, перетирается в муку. Гречу сначала делали влажной, ставили в печь в чугунах или больших горшках на время, чтобы шелуха ослабла, потом перетирали руками. Шкура вся легко слетала, получалось чистое зерно, из которого варили гречневую кашу.

А вот с мукой было труднее. Но не случайно сложилась пословица: «У горя родится догадка». Вокруг Болдина были ветряные мельницы, они и сейчас кое-где еще есть. Но вот если долго стояло безветрие, люди снова брались за старую ручную технику: жернов да ступу с пестом. Особенно перед большими праздниками, когда и муку, и крупу хотелось иметь чистыми, например, для выпечки дикушников (особого хлеба, который

пекли в глиняной плошке) или грешневых блинов, которые пекли в день общего поминовения родителей.

В 1830 году – в день поминовения – Александр Сергеевич Пушкин попросил испечь ему блины из грешневой муки. Муку нужно было приготовить за день, чтобы она была свежая, незалежанная, из отборного зерна. Обычно на один жернов сходились несколько женщин и по очереди мололи гречу. А тут пришла от Пушкиных дворовая женщина и попросила вне очереди размолоть немного крупы для барина.

Чтобы получить растительное масло, льняное или конопляное семя тоже толкли в ступе, потом влажным закладывали в горшки и ставили в печь на известное время, чтобы оно упарилось. Потом вынимали и клали под тяжелый груз. Из-под груза текло масло. А выжимки – колоб – шли на корм скотине. В мое время такая маслобойка оставалась только в селе Кельдюшеве, масло такое называлось корчажным. Оно было особенно душистым и вкусным, но получать его было трудно и долго.

Живя в Болдине, Александр Сергеевич мог видеть, как гнули полозья для саней. У нижних прудов, рядом с парнями, стояли станы - два крепких столба и меж ними перекладина. Распаренное дерево сгибали и ставили между столбами, верхняя перекладина мешала ему распрямиться. В таком положении полозья сохли до первой пороши.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О КАРАМЗИНЫХ

55.СЕЛО РОГОЖКА

В 1797 году Павел Первый подарил имение своему наместнику, князю Андрею Ивановичу Вяземскому, близким другом, а потом и зятем которого был писатель Николай Михайлович Карамзин. Умирает князь Вяземский, и царский подарок отходит Карамзину. Николай Михайлович никогда не был в имении. В 1826 году писатель скончался, и земли Нижегород-

чины (Большой и Малый Макателем) унаследовал его сын, Александр Николаевич Карамзин.

В имении молодой Карамзин сразу же начинает строить усадьбу Рогожка, оранжерею, школу. Одновременно создаются пруды и знаменитый карамзиновский парк.

Все пруды построены на основе оврагов. В оврагах были маленькие баклужины (озерца), и крестьяне в них мочили лыко и из него плели рогожу. Отсюда и название – Рогожка.

56. ЗОЛОТОЙ ПРУД

Есть прудик, именуемый Золотым. Говорят, что Карамзин выходил на прогулку с собакой. А в руках он всегда держал трость с золотым набалдашником. Подходил к пруду и бросал трость в воду. Псина была породистая, дрессированная и вытаскивала ее. Но однажды закинул он трость на середину пруда, а собака не смогла ее найти. Вот и думают, что покоится трость с золотым набалдашником там до сих пор. Правда, пытались ее найти, но безрезультатно. А пруд с тех пор называется Золотым. Вода в нем чистая. Всю войну брали из него воду, и никто не заболел.

57. БЕСЕДКА НА ПРУДУ

А беседку видели? Говорят, Карамзин любил в ней отдыхать и пить чай. Озеро неглубокое, и поэтому его люди, по грудь в воде, обслуживали чаепития, подавали самовар с разной снедью. Комаров там не было, и поэтому хорошо там душно и отдыхалось. Знал толк! Теперь на этом месте металлическая беседка.

58. КАВКАЗ

Среди лесов по дороге из Арзамаса на Первомайск стоит маленький поселок под названием Кавказ. И все обычно удив-

ляются – откуда оно? Гор тут никаких нет. И народ русский, не приезжий.

А история тут вот такая.

Эти места принадлежали в середине прошлого века помещику Александру Николаевичу Карамзину. Жил он сам в имении Рогожка неподалеку отсюда, и у него было несколько сел – русских и мордовских, да небольшой металлургический завод.

Карамзин слыл барином добрым, справедливым, для крестьян он больницу построил и школу – каждый ли помещик мог такое сделать? Крестьян у Карамзина никогда не пороли, не били. Но ведь где обходится без греха, без нерадивых работников?!

Чтобы наказать их, Карамзин придумал особый скотный двор, на который посылали провинившихся. Вот так и получилось – царь ссылал неблагонадежных на Кавказ, а Карамзин сюда. И кто-то в шутку эту ферму стал называть Кавказом. А имя и прижилось.

59. СЕЛА НИКОЛАЕВКА, ЕКАТЕРИНОВКА И ЦЫГАНОВКА

Александр Николаевич Карамзин насильно переселил из Макателемов целые семьи крепостных крестьян в район Ташинского завода. Так появились новые селения: Николаевка, которая названа в честь отца Александра Николаевича, Николай Михайловича Карамзина; Екатериновка (в честь матери); Цыгановка (по кличке любимой собаки).

60. ВАНЬКА-КЛЮЧНИК – ЗЛОЙ РАЗЛУЧНИК

Жил-был помещик со своей женой. Помещик был стар и жаден, а жена у него была молодой и красивой. У помещика прислуживал Иван – крестьянский сын, который отчитывался перед хозяином за хранившиеся в амбарах вещи. У него были ключи от всех дверей, потому что барин доверял ему.

Иван был высоким, широкоплечим, с густыми русыми волосами и добрым сердцем.

Стал Иван ухаживать за женкой своего барина: то ленту красивую ей подарит, то диковинную вещицу из дерева смастерит. Полюбился он молодой помещице. Стала она тайно изменять своему мужу и вскоре забрюхатила. Обрадовался старый помещик тому что скоро детишки на свет появятся. На радостях велел Ивану запрягать лошадей и ехать на базар за новым самоваром сахаром и семгой. Хотел помещик гостей созвать, пир устроить.

Ванька обманул помещика. Запряг самых лучших лошадей в телегу, взял деньги, велел молодой помещице выйти за околицу рано утром, а мужу сказать, что она пойдет в церковь.

Не подозревал ничего старый помещик. И только поздним вечером догадался, что сбежали от него «верный» слуга и молодая женка. Велел он своим крестьянам их отыскать, да только поздно спохватился, давно уже их след простыл.

Загоревал тогда помещик и запричитал:

«Ванька-ключник – злой разлучник, разлучил меня с женой.

Он охальник и мошенник, надругался надо мной и нарушил мой покой».

Вскоре старый помещик с горя помер, а в народе стали говорить, что не стоит девок сватать за богатых стариков, так как нету в этом прока, только грех да заморoka.

61. БАРСКИЕ ИМЕНИНЫ

Праздновал барин именины. Крепостным приказал поздравить его и подарок принести. Управитель сказал:

— Как только откроете дверь, пусть кто-нибудь зайдет и скажет: «Поздравляем тебя, барин!» А остальные из-за двери добавьте: «Со всем твоим семейством!»

Выбрали самого смелого мужика подарок нести, а остальные за дверями стоят. Взял он горшок с медом и пошел. А в господском доме пол так начищен, блестит, того и гляди упадешь. Только шагнул он, поскользнулся, горшок с медом из рук вывалился, мужик растянулся на полу и крикнул:

— Черт тебя подери!

А остальные, зная, что им говорить, в один голос закричали:

— Со всем твоим семейством!

62. КАК ЕЛХОВЦЫ СТАЛИ СВОБОДНЫМИ

В стародавние времена, до отмены крепостного права еще, все деревни в нашей округе принадлежали барам. И у Елховки был свой барин, имени его никто не помнит. Да и зачем помнить? Плохой барин был, с живых шкуру драл, до нищеты народ довел. Мы и не чаяли, как от него избавиться. Да случай помог: в карты наш барин нас вместе с деревней питерскому барину Рюмину проиграл. И не только нас. Старушки говорили, все свои деревни просадил, а их у него двенадцать было.

Приезжает к нам Рюмин, ходит по деревне, смотрит на наше житье-бытье, то и дело за голову хватается. А после собирает на Красной улице народ и говорит:

– Мужики! Смотрю я на вас и вижу, что совсем плохо живете. Я вам сейчас ничем помочь не могу, но, если вас кто притеснять будет, обязательно мне сообщите.

Сказал Рюмин это, сел на свою лошадь и укатил. Наверное, в Питер.

Стали мы жить без барина, ремеслами стали заниматься. Года три так прошло. Богатеть стала деревня. Решили тогда мужики отблагодарить как-то барина. Осенью послали двух гонцов в Питер к Рюмину с приглашением. Приехал барин как раз к сенокосу.

Мы же во всю Красную улицу огромный стол накрыли. Чего только на этом столе не было!

Одной рыбы, почитай, видов двадцать: и сомики, и стерлядки, и щучки.

Грибки всякие были: груздочки, боровики, рыжики.

Понравилось все это Рюмину. А мы тем временем деньги ему суем:

– Возьми, мол, Благодетель наш. Не побрезгуй, всей деревней собирали.

Барин встал из-за стола, от денег отказался, а только сказал:

– Мужики! Вижу, что вы народ работающий, ремесло свое знаете, поэтому я дарю вам деревню.

И подает нам купчую, которую оформил еще в Питере в опекунском совете. Вот с тех пор мы и стали свободными.

Страшно подумать – за десять лет до отмены крепостного права!

Когда Рюмин умер, мы ездили на Вад справлять по нему панихиду. Справляли до тех пор, пока церковь на Ваду не разобрали.

КОММЕНТАРИИ К V РАЗДЕЛУ

Раздел составили произведения устного народного творчества, собранные в пределах Арзамасского края студентами филологического факультета АГПИ или сообщенные из разных мест учителями сельских школ южных районов Нижегородской области. Часть текстов взята из сборников известных фольклористов или произведений выдающихся русских писателей.

В комментариях к текстам приводятся краткие сведения об исполнителях, место и время записи, а также фамилии и инициалы собирателей. Вместо полного названия источников публикуемых текстов, взятых из повторяющихся сборников, даются сокращенные обозначения с указанием страниц книг и мест записи произведений. В связи с тем, что все тексты записаны в Нижегородской области, в сведениях об исполнителях область нигде не называется. В примечаниях используются следующие сокращения:

текст записан — «зап.»,

город — «г.»,

район — «р-н»,

рабочий поселок — «р.п.»,

поселок — «п.»,

село — «с.»,

деревня — «д.»,

год рождения — «г.р.».

Знак (...) обозначает пропуск части текста.

Места записи текстов даются по тем названиям, которые были приняты в момент фиксации. Год рождения исполнителя указывается один раз.

В публикуемых текстах преданий редакция коснулась лишь фонетической стороны диалектных записей, лексика историческая и диалектологическая сохранена.

Источники текстов:

Комовская – Предания и сказки Горьковской области. Сост. Комовская Н.Д. – Горький, 1951.

Курдин – Предания. Народная поэзия Арзамасского края. В двух книгах: / Сост., авторы вступительных статей и комментариев: Л.А. Климкова, Ю.А. Курдин; АГПИ им А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2005. – 372 с.

Мельников-Печерский – П.И. Мельников (Андрей Печерский). Собр. Соч. в 8-ми т. – М., 1976, т. 5.

Макаров А.С. – Летопись села Водоватово / А.Ф. Макаров. – Саров: СГТ, 2009. – 280 с.

Морохин – Народные сказания: Сборник / Сост. Н.В. Морохин. – Нижний Новгород: издательство «Книги», 2010. – 528 с.

Предания и песни Болдинской старины. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1990. – 190 с.

Шустов I – Легенды и придания земли Нижегородской: Учебное пособие. Сост. М.П. Шустов. – Н.Новгород: Изд-во НГПУ – 2001 - 184 с.

Шустов II – Земля Нижегородская в ее легендах и преданиях: Учебное пособие. Составитель М.П. Шустов. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2008. – 320 с.

Помещики и бурмистры

1. Про Клыкова. - Комовская, № 1.; записан в 1938 году от Николая Васильевича Тазалова, 59 лет, в колхозе имени Кирова (село Водоватово), Арзамасского района.

Клыков, описываемый Николаем Васильевичем, - бурмистр помещика Мессинга, бывшего владельца села Водоватово. Был известен своей хитростью и жестокостью. Рассказ Тазалов передает со слов своей бабушки, бывшей крепостной, по имени Арина. (Здесь и ниже приводятся комментарии из сборника Н.Д.Комовской – Ю. К.)

2. Гусенок (Про барина Данилевского). – Комовская, № 6.; записано в 1938 году от Данилы Акимовича Комарова, 68 лет, в том же колхозе. Его рассказы относятся к более позднему периоду, когда Водоватовым владел помещик Данилевский. Рассказы об этом помещик Данила Акимович перенял «по слухам» - все от той же бабушки Арины. Сам Данила Акимович, родившийся после крепостного права, застал в детстве следы былого самоуправства Данилевского.

3. Про старину. – Комовская, № 2.; записан в 1938 году от Николая Васильевича Тазалова.

4. Сорочик, староста. – Комовская, № 11.; записано в 1938 году от Михаила Александровича Гуляева, 67 лет, сапожника и промколхозе «Возрождение» (село Выездное). Арзамасского района.

5. Бурмистр Гаранькин. – Комовская, № 8.; записано в 1938 году от Николая Михайловича Коптелкина, 69 лет, в промколхозе «Возрождение» (село Выездное), Арзамасского района. В основе рассказов Коптелкина и последующих рассказов жителей Выездного – А.И. Казакова, М.А. Гуляева, И.С. Кобызева, И.В. Вязова – лежат воспоминания более старшего поколения их родственников, служивших во время крепостного права «при господах» в селе Выездном.

6. Гаранькин. – Комовская № 9.; записаны в 1938 году от Александра Петровича Казакова, 40 лет, бухгалтера в промколхозе «Возрождении» (село Выездное), Арзамасского района. Гаранькин упоминаемый им, - один из бурмистров господствовавших на селе.

7. Гаранькин – подлец. – Комовская, № 10.; записано в 1938 году от Александра Петровича Казакова.

8. У барина бурмистры были. – Комовская, № 13.; записан в 1938 году от Ивана Васильевича Вязовова, 80 лет, слепого, прожившего всю жизнь в селе Выездном (см. выше). Его рассказы касаются также бурмистра Гаранькина, очевидно, быв-

шего одним из самых жестоких бурмистров времен крепостничества.

«Утешная роща», упоминаемая в рассказах, - роща, насаженная помещиками, устраивавшими в ней ярмарки, гулянья и всякие «утехи». В ней до сих пор сохранилось так называемое «Брехово болото», куда, по преданиям, помещики бросали непокорных крепостных.

9. Как мой отец попал в солдаты. – Комовская, №14.; записан в 1938 году от Ивана Васильевича Вязовова.

10. Барские забавы. – Комовская, № 3.; записан в 1938 году от Павла Прокофьевича Тазалова, 53 лет (двоюродного брата Николая Васильевича Тазалова (см. выше)), в колхозе имени Кирова (село Водоватово), Арзамасского района. По профессии Тазалов столяр, читал много, к чтению пристрастился с юных лет. О крепостном праве он слышал также от бабушки Арины.

11. Про крепостное право. – Комовская, № 4.; записан в 1938 году от Павла Прокофьевича Тазалова.

12. Барская прихоть. – Комовская, № 5.; записан в 1938 году от Павла Прокофьевича Тазалова.

13. Водоватовские были. – Макаров, с. 17 – 57. (Записано со слов жительниц с. Водоватово Гордеевой Пелагеи Семеновны и Ильиной Анастасии Михайловны. 28 марта 1967).

14. Река Сережа. – Курдин, № 96 б.; записан от Кузнецова Геннадия Ивановича, 1925 г.р., в с. Вад Марининым А.В. в 2000 г.

15. Селёма. – Курдин, № 115.; записан от Щеголева Федора Васильевича, 1883 г.р., в с. Селема Деваевой Ю.И. в 1963 г.

16. О Пругченко. – Морохин, с. 162 – 163.; записан от Василия Ивановича Казарина 1922 г.р., в д. Яблонка Вадского р-на Морохиним Н.В. в 1992 г.

17. Слезавка. – Морохин, с. 112.; записан от Мякина Е.С. в с. Левашовка Ардатовского р-на Морохиним Н.В., Староусовым М.В. в 1981 г.

18. Братья Поташовы. – Мельников – Печерский, т. 5, с. 14 - 17.

19. Кочерёжка. – Комовская, № 18.; это и следующее предание записаны в 1937 году от Василия Ивановича Шаронова, 58 лет, в городе Выкса. Рассказы В.И. Шаронова, рабочего Выксунского завода, относятся территориально к промышленной части Выксунского района, владельцами которой являлись вначале магнаты-крепостники Баташовы, а затем Шепелевы, их родственники. С преданий Шаронова начинается цикл преданий о Баташовых-Шепелевых, оставивших по себе недобрую память в Выксунском районе, где у них был ряд заводов, разрабатывавших руду. У Шаронова мы встречаем предания, рассказанные им со слов отца и деда, работавших на Выксунских заводах. Семья Шаронова принадлежит к семьям выксунских старожилов, жизнь и работа которых были тесно связаны с заводами Выксы. И опять-таки не только о тяжких условиях крепостного быта говорят они, но и о попытках крестьян изменить их. Так, наряду с преданиями 18, 19, 20 и произволе Баташова, его издевательствах над заводскими рабочими, - мы видим и 21-е – «Баташихины катушки», в котором рабочий обращается к жене Баташова с предложением снять с них оброк – по катушке ниток с дома. В предании № 22 «Баташов» рассказывается о происхождении баташовских богатств – чеканке Баташовым фальшивых денег. Возможно, что к имени Баташова приурочиваются предания, связанные с Демидовыми, владельцами Уральских заводов.

20. Баташихины катушки. – Комовская, № 21.

21. Баташов. – Комовская, № 20.

22. Барин-фальшивомонетчик. – Комовская, № 22.

23. Баташовские причуды. – Комовская, № 23.; записаны в 1937 году от Марии Васильевны Шаровой, 75 лет, жительницы города Выксы. Жизнь Баташовых она знала очень хорошо, со слов ее родных, тоже работавших в свое время «при барине». Она также передает предание о производстве фальшивых

денег Баташовым. Внешний вид его поместья в Выксе рисует второе предание, в котором упоминается и о нравах местных помещиков-крепостников (замуровывание живых людей в стене). Предания приурочиваются к Екатерининскому времени.

24. Как Баташов у соседа землю оттягал. – Комовская, № 25.; записан в 1937 году от Василия Григорьевича Агапова, 38 лет, в колхозе имени 8-го марта (село Сноведь), Выксунского района. В основе первого предания (№ 25) лежит бывший, очевидно, в действительности эпизод, получивший с течением времени анекдотическое освещение. Второе предание (№ 26) построено по типу известных сказочных анекдотов о хитрых и ловких людях, но без обычной для сказок перестановки господства классовых сил: страдающей стороной являются сосед Баташова, обедневший барин, и его крестьяне. Третье предание относится уже к тому времени, когда заводами владели наследники Баташова – Шепелевы. В основе предания лежит действительный факт: рабочие заводов голодали и после случая с подгнившей мукой подняли бунт, подавленный местными властями.

25. Баташовские забавы. – Комовская, № 26.; записан в 1937 году от Василия Григорьевича Агапова.

26. Хитрый барин.- Комовская, № 28.; записан в 1937 году от Ивана Егоровича Капустина, 62 лет, и Ивана Егоровича Белоусова, 62 лет, в колхозе имени 9-го марта (село Сноведь), Выксунского района. Однолетки и тезки, Капустин и Белоусов проработали бок-о-бок более полувека на одном из выксунских заводов, начав еще «с мальчиков». Как и все старожилы села Сноведь, они связаны с заводом через своих отцов и дедов. Упомянутые в преданиях лица существовали в действительности. Сусанна – родственница Баташова, женщина жестокая и красивая, стала впоследствии его возлюбленной. Был с давних пор в Выксе портрет ее, писанный, по преданию, художником Кораблевым, крепостным Баташова. Коньев – механик на одном из заводов Баташова, талантливый самоучка, которому,

как и Кораблеву, Баташов с умыслом не дал доучиться за границей (куда они были посланы каждый для завершения своего образования), чтобы лишить их права на получение «вольной». По существу, предание № 28 - «Хитрый барин» относится к Андрею Баташову, так как это его дом стоял на границе двух губерний. Но часто местные предания не разделяют братьев, наделяя их смешанными чертами, типичными для одного и для другого. В этом предании место Андрея занимает Иван. В № 29 мы видим Кораблева, обладающего смелостью и находчивостью, не боящегося указывать своему «господину» на царящий вокруг него произвол. В основу этого предания, возможно, лег один из анекдотов о шуте Балакиреве, любимом Петром Первым за его дерзкий ум и независимый нрав. В № 30 дается легендарный эпизод из детства механика Копьева, происхождение его фамилии обосновывается его выдающимися способностями. В № 31 характеризуется Сусанна, ее нрав и повадки.

27. Работа на курнях. – Комовская, № 32.

28. Дуня-водоношка. – Комовская, № 34.; записан в 1937 году от Ивана Егоровича Панферова.

29. Бурмистр Дубровин. – Комовская, № 32.; записано в 1937 году от Ивана Ивановича Деева, 70 лет, в колхозе имени 8-го марта (село Сноведь), Выксунского района. Упоминаемый в рассказе бурмистр Дубровин – один из бурмистров баташовских времен.

30. Литейщик Тарасов. – Комовская, № 31.; записан в 1937 году от Ивана Егоровича Капустина.

31. Шепелевские леса. – Комовская, № 35.; записано в 1937 году от Ивана Ивановича Бурмистрова, 96 лет, в колхозе имени Карла Маркса (Старая Деревня), Выксунского района. Упоминаемые им владельцы заводов – уже Шепелевы, наследники Баташова.

32. Баташовские слезы. - записано от Еремкиной Ангелины Валентиновны, 1956 г.р., в п. Шиморское, Чесновым Д.В. в 2000 г.

33. Попова лужа. – записано от Филатиной Антонины Алексеевны, 1950 г.р., уроженки п. Шиморское, Чесновым Д.В. в 2000 г.

34. Барская воля. – записано от Чухмановой Марии Степановны, 1926 г.р., в с. Сар-Майдан, Вознесенского района, Тулубаевой Т. В 2001 г.

35. Пашка. – Шустов I с.50.; записано от Мокровой Т.Ф. в с. Чернуха Арзамасского района И. Евдокимовой в 1998 г.

36. Про злого барина. – зап. от Ганьковой А.И. Починковского района, Тулегенова А.Э. в 2001 г.

37. О пастушке и злой барыне. – записано от Мироновой А.А. в д. Сарма Вознесенского района, Виноградовой К.А. в 2001 г.

38. Строгая барыня. – записано от Фадеевой Таисии Григорьевны 1910 г.р., в п. Починки, Дикаревой Т. В 1999 г.

39. Барский лес. – записано от Карпухиной Анны Григорьевны, 1920 г.р., в с. Гремячево, Клоповой Ю.М. в 2002 г.

40. Платонова яма. – записано от Морозкиной Людмилы Ивановны, 1960 г.р., в с. Спасское Шатковского района, Понтаевой Е.В. в 2001 г.

41. Чуфаровская барыня. – записано от Макаренковой Алевтины Егоровны, 1926 г.р., в с. Ключёво Сергачского района, Навозовой Н.Н. в 2001 г.

42. Царская служба. – записано от Карпушова Василия Ивановича, 1926 г.р., в с. Дивеево в 2003 г.

43. Подокошошно болото. – Курдин, № 146.; записано от Маринина Александра Ивановича, 1930 г.р., в с. Вад, Маринным В.А. в 1982 г.

44. Полупочинки. – записано от Карпушова Василия Ивановича, 1926 г.р., в с. Дивеево, Морохиным Н.В. и Павловым Д.Г. в 1993 г.

45. Шутилово. – Курдин, № 197 а; записано от Еськиной Марии Семеновны, 1925 г.р., в с. Шутилово, Гриминой М. в 2002 г.

46. Гибловка.- Морохин, с. 271.;записано от Мошковой И.Ф., 1908 г.р., в с. Врехняя Верея Выксунского района, Морохиным Н.В. в 1985 г.

47. Лысковский царевич. – Морохин, с. 383 (Монастырский С. Иллюстрированный спутник по Волге. – Казань, 1884 г. с. 75-76).

48. О князе Грузинском. – Морохин, с. 383-384. (Мясникова А.Н. это знаменитое село Лысково. – Н. Новгород: Книги, 2005 г., с. 47.

49. Кушайте на здоровье. – Морохин, с. 385. (Мясникова А.Н. это знаменитое село Лысково. – Н. Новгород: Книги, 2005 г., с. 47).

50. «Опальная» контора. – Шустов II, с. 91.; зап. от Кривойкиной М.А. в Н. Новгороде, Дурофеевой Л.А. в 2005 г.

51. Про лучинник. – Шустов II, с. 91-92.; зап. от Кривойкиной М.А. в Н. Новгороде, Дурофеевой Л.А. в 2005 г.

52. О замужестве крепостной девушки. – Предания и песни Болдинской старины, с. 45 – 47.

53. Пушкин и Мордва. - Предания и песни Болдинской старины, с. 49.

54. Как жили крестьяне в прежнее время. - Предания и песни Болдинской старины, с. 82-84.

55. Село Рогожка. – Курдин, № 205.; записано от Илюшкина Виктора Николаевича в с. Рогожка Первомайского района, Лисиной Г.Ю. в 2003 г.

56. Золотой пруд. - Курдин, № 206.; записано от Илюшкина Виктора Николаевича в с. Рогожка Первомайского района, Лисиной Г.Ю. в 2003 г.

57. Беседка на пруду. - Курдин, № 206.; записано от Илюшкина Виктора Николаевича в с. Рогожка Первомайского района, Лисиной Г.Ю. в 2003 г.

58. Кавказ. – записано от Ключева Н.Ф. 1915 г.р., в г. Первомайск, Морохиным Н.В. и Павловым Д.Г. в 1992 г.

59. Села Николаевка, Екатериновка и Цыгановка. – Курдин, № 201.; записано от Федосеева Ивана Александровича, 1941 г.р. в п. Сатис, Лисиной Г.Ю. в 2003 г.

60. Ванька – ключник – злой разлучник. – записано от Белоусовой Валентины Григорьевны, 1923 г.р., в с. Каменка Арзамасского района, Котяшова К. в 2009 г.

61. Барские именины. – записано от Морозкиной Л.И., 1960 г.р., в с. Спасского Шатковского района Понтаевой Е.В. в 2001 г.

62. Как елховцы стали свободными. – записано от Абрамовой Антонины Александровны, 1938 г.р., в с. Вад, Абрамовой Л. В 2001 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

Ардатов - уездный город Нижегородской губернии под 55° 14' с. ш. и 60° 45' в. д., на р. Лемети при впадении в нее Сиязмы, к юго-западу от Нижнего Новгорода в расстоянии 161 персты. Прежде было село дворцового ведомства, сделанное уездным городом в 1779 г. Почва состоит из песчано-глинистого наноса, в основании которого залегает известняк, употребляемый на фундаменты. 3300 жителей, 4 церкви, 3 училища: уездное и два приходских - мужское и женское с 238 учащимися. Город не имеет ни торгового, ни промышленного значения. Жители занимаются большею частью земледелием.

Ардатовский уезд Нижегородской губ. занимает юго-западный угол губернии. Западная часть ровна и болотиста, восточная выше и пересечена оврагами. Почва неплодородная, и жители давно уже занимаются многими промыслами, особенно выделкой деревянных изделий, лаптей и приготовлением конопляного масла. Лесов недавно еще было много в западной части уезда, но они значительно вырублены, особенно благодаря 5 большим чугуноплавильным заводам (Выксунскому, Велетьминскому, Сноведскому, Верхне-Железницкому и Илевскому), производительность которых сократилась, как и других заводов средней России, работавших на дровах, но в последние 4 года они опять стали действовать. Чугуна выплавлено в 1887 на 5 заводах 1 900 000 пудов. Населенных мест в уезде - 451, жителей - 133 747, школ - 58, пространство - 5288 кв. верст, земли казенной - 72 074 десятины, удельной - 29 044 десятины, церковной - 3062 десятины, монастырской - 2257 десятин, го-

---

¹ Материалы для приложения подготовлены на основе сборника «Нижегородский край в словаре Брокгауза и Ефрона» / Составитель и научный редактор В.В. Ниякий – Нижний Новгород: издательство «Нижегородская ярмарка», 2000. Ряд статей заимствован из словаря-справочника: Базаев А. Н.М.Карамзин // Знаменитые люди Ардатовского края XVI-XXI веков. – Арзамас: АГПИ, 2002. С. 81-82.

родской - 1996 десятин, частновладельческой; у дворян - 216 666 десятин, у купцов - 3773 десятины, у мещан - 914 десятин, у крестьян - 166 901 десятина; хвойных лесов - 255 241 десятина, лиственных - 25 099 десятин, кустарника - 19 691 десятина, черноземной земли и поемных лугов хорошего качества - 1878 десятин, глинистой - 88 844 десятины и песчаной - 81 678.

Арзамас (55° с. ш., 6Г 29' в. д.) - первый из уездных городов Нижегородской губ. и по населению и по промышленности, расположен на правом высоком берегу р. Теши, при впадении в нее р. Шамки, в 122 верстах от Нижнего Новгорода. Правый берег далеко господствует над окружающей местностью, и город со своими 30 церквями представляет живописную панораму; а левый луговой берег с громадным селом, Выездной Слободой, соединенный с городом довольно длинным мостом и усеянный множеством селений, еще более оживляет картину. Несколько поодаль красуется, увенчанная лиственной рощей, Святая Гора с Высокогорскою пустынью.

Арзамас принадлежит к древнейшим мордовским поселениям в губернии (самое название происходит от мордовского племени эрзя), так еще в XIV столетии город был razорен болгарами, а потом восстановлен казанскими татарами. После завоевания Казани он был укреплен деревянною стеною с башнями; уездным городом стал с 1779 г.

Жителей в Арзамасе - 11 770 чел., домов - 1300 (82 каменных); учеб. завед. - 9, из них одно городское четырехклассное, женская четырехклассная прогимназия и мужское духовное училище; всего учащихся более 700 чел. (около 200 жен. пола). Почвенные и климатические условия нельзя назвать вполне благоприятными; так, например, вода р. Теши от запруд и мочения кож в заводах, расположенных по ее берегам, вредна и для питья не употребляется, а, застаиваясь, дает вредные испарения. Затем внутри города находится Спасское болото у подножия старого высокого берега р. Шамки, а сзади его лежит яма, из которой по временам вода разливается, что указывает

на соединение ее с подземными резервуарами воды. По торговле и промышленности Арзамас занимает второе место в губернии (после Нижнего); в этом отношении он представляет центр южной части губернии. В городе находится до 15 кожевенных заводов, до 20 маслобоен, 4 салотопенных заводов, 4 кирпичных, 2 кошмовальных, 3 круподерки, 2 крупчатки; более тысячи мещан занимаются вязанием из цветной шерсти ботинок. В Арзамасе 4 мужских и 3 женских монастыря. Замечательны рукоделия Алексеевской женской общины. Ср. «Нижегородский сборник» - издание Нижегородского статистического комитета, «Материалы для оценки земель Нижегородской губернии», изданные губ. земством - см. Нижегородская губерния.

Арзамасский уезд занимает среднюю часть Нижегородской губернии. Общий наклон местности к юго-востоку, местность довольно ровная, но в восточной части изрезана оврагами. Преобладающие горные породы: известняк, мергель (опок) и прекрасного качества алебастр. По исследованиям проф. Докучаева в южной части Арзамасского уезда довольно хороший чернозем, но далеко хуже, чем в Сергачском и Лукояновском уездах. В северной части почва мало плодородна и еще недавно были большие леса. Вообще в уезде при помощи удобрения получается удовлетворительный урожай и главное занятие жителей - хлебопашество, сеют преимущественно рожь и овес, также следует упомянуть о картофеле и конопле. Заводская промышленность незначительна, но много кустарных промыслов местных и отхожих. Из первых важнейшие: гвоздарный, кузнечный, ткацкий и по приготовлению войлоков и кошем, из вторых надо отметить ремесла: плотничное, камнетесное, печное и сапожное. Арзамасский уезд занимает пространство в 3312,2 кв. версты или 345 131 десятину, имеет 245 поселений и 141 134 жителя обоего пола, преимущественно русских и мордвы-эрзя, последних в уезде считается 20 842 души. Землевладение распределяется следующим образом по сословиям: у дворян - 72 000 десятин, духовенства - 149 деся-

тин, купцов - 5062 десятины, мещан - 953 десятины, крестьян - 10 400 десятин. Крестьянские общества владеют 185 841 десятиной, казенной земли в уезде - 44 490 десятин, удельной - 5014 десятин, церковной - 3478 десятин, монастырской - 1184 десятины.

Арзамасская школа - так называлась школа иконописного и живописного дела, приготавливавшая также и учителей рисования, просуществовавшая с 1802 по 1861 г. Она была устроена А. В. Ступиным в гор. Арзамасе Нижегородской губ. и прослыла «художественною школою», пользовавшейся в 40-х годах значительной известностью. Об Арзамасской школе нельзя говорить как о «школе» в смысле художественном, где подразумевается преемственность талантов, следующих известному направлению. Из свыше 100 учеников, учившихся в этой школе, известности достигли, поднявшись выше уровня учителя рисования, только трое, которые своим образованием обязаны, однако, академии. Эти трое - Горбунов, Раев и Алексеев. Но все же Арзамасская школа сделала свое дело, приготовив немало учеников, успешно выполнявших работы для церквей.

Сам Ступин пробыл в академии, в Петербурге, около двух лет и за это время не мог усвоить прочно искусства по недостатку основательного образования, отсутствовавшего даже у тогдашних корифеев, каковы Акимов и Угрюмов. Таким образом, Ступин не мог внести в свое преподавание улучшенный метод и правильный взгляд на натуру, хотя, конечно, имел данные сформировать мастерскую на лучших основаниях, чем тогда существовавшие ремесленные заведения у подрядчиков иконописного и живописного дела. Ступин, по природе сметливый, одаренный умом, благодаря введенным им улучшениям в обучении, умел довольно быстро образовывать себе помощников для работ. По возвращении Ступина из Петербурга в Арзамас, помещики стали ему охотно отдавать крепостных мальчиков для образования из них мастеров-маляров живописных и

иконописных; этим особенно занимался Ступин, заставляя учеников рисовать (в первое время) масляными красками с гравюр, что было пригодно для иконостасов сельских и городских церквей.

Ступин скромною деятельностью не ограничился, ему хотелось прославить себя и свое заведение, для чего он отправился в 1809 г. в Петербург, куда повез своего сына Рафаила и талантливую И. П. Горбунова. Приехав в столицу, Ступин представил академии аттестации, которыми заручился от нескольких помещиков, с трудом подписавших свои фамилии. Ступин добился того, что его заведение академия назвала «школой» и приняла под свое покровительство, а самого «Ступина, яко первого заводителя дела еще необыкновенного» удостоила звания академика. Сын его и И. П. Горбунов были приняты в академию казенными пансионерами. В 1810 году нижегородский губернатор Руновский доносил президенту академии «о хорошем порядке и устройстве в рассуждении преподавания рисовального художества ученикам, которых в школе 15 человек». В продолжение с лишком 20 лет школа продолжала присылать в Петербург только копии, писанные с гравюр, что Ступину, наконец, было замечено академией. Весь успех школы в 30-х годах ограничился образованием двух учителей рисования, принятых в уездном городе по рекомендации Ступина. Такое необычайное явление поставлено ему в крупную заслугу, и академия выразилась, что «такой пользы от его заведения не ожидала». Ступин свою художественную школу стал расширять, пристроив к школе «картинную и антическую галерею», воспользовавшись прибытием в Арзамас талантливого архитектора Коринфского. Воротившийся из Петербурга художник Горбунов принял руководство школой, а недоучившийся Р. Ступин в 1819 г. открыл «класс перспективы», без которой, оказывается, живописцы до того свободно обходились.

Слава школы разрасталась, дошла до Нижнего, и Ступин был приглашен туда расписывать собор, и по исполнении зака-

за представил в академию аттестат губернатора. Из учеников этой школы сделались известными: Аф. Надеждин, открывший в гор. Козлове школу по образцу арзамасской; Н. М. Алексеев, зять Ступина, управлявший школою 10 лет, академик с 1838 г., по приезде и Арзамас открыл классы рисования с антиков и натуры; это время - блестящая пора существования школы; и 1843 году Алексеев вызван в Петербург для живописных работ в Исаакиевском соборе, и школа, начав терять свое значение, все же продержалась до смерти Ступина (1861). См. Гациского «Нижегородский сборник».

Выксунский завод - Нижегородской губ. Ардатовского уезда, при селе Выксе. Жителей 8236, 2 православные церкви, богадельня, больница, школа Министерства народного просвещения и 2 церковно-приходские школы, 15 лавок. В начале 1720 гг. посадские люди - Железняков и Мездряковы - открыли железную руду около села Казнева (Меленского уезда Владимирской губ.), построили завод на реке Сноведь и пытались открыть железное производство в Нижегородской губернии. Их попытки не удались, так как в муромских лесах были разбойники, которые сожгли завод. Основателями железной промышленности на реке Оке можно считать Андрея и Ивана Родионовичей Баташевых из Тулы. Они основали в 1753 г. Унженский завод около нынешнего города Елатьмы, вскоре после того - Гусевский завод, а затем приобрели дачу, в которой Железняков и Мездряковы хотели устроить завод, и в 1765 году открыли на реке Выксе чугуноплавильный завод, дела которого пошли весьма успешно, благодаря изобилию руд и их доброте. В 1780 годах у Баташевых было уже десять заводов. В 1783 году братья разделились, и Выксунский завод достался Ивану, построившему еще несколько заводов. Он в 1821 г. умер и заводы перешли к Шепелевым. Шепелевские заводы по техническому устройству принадлежат к лучшим чугуноплавильным и железоделательным заводам в России. Они особенно славились литейным чугуном, отличающимся мягкостью. В настоящее

время заводы находятся, сравнительно с прежним, в упадке. Некоторые заводы перешли к другим владельцам. На Выксунском заводе в 1888 г. добыто железных руд 1 139 903 пуда и выплавлено чугуна 593 539 пуд., сделано железа 248 678 пуд., железных и стальных изделий 5320 пуд., чугунных изделий 1431 пуд, а из меди и других металлов всего 127 пуд. Выксунский горный район занимает небольшой угол Ардатовского уезда Нижегородской губ. и часть Меленковского уезда Владимирской губ. См. «Материалы к оценке земель Нижегородской губ. (вып. VI, Ардатовский уезд); «Нижегородский сборник» (т. 2 и 3).

А. Селиванов

Выездное - село Нижегородской губ. Арзамасского уезда. Жителей 3442; 2 православные церкви, 2 часовни, школа, 8 лавок, 5 по стоялых дворов. В селе воскобойный завод и завод восковых свечей Жители занимаются садоводством, огородничеством и сапожным ремеслом.

А. Селиванов

Гациский Александр Серафимович - один из выдающихся местных исследователей наших; секретарь Нижегородского статистического комитета, председатель губернской ученой архивной комиссии, еще до открытия ее много поработавший над упорядочением местных архивов. Издал «Нижегородский сборник» (10 томов, Нижний Новгород, 1867-1891), посвященный всестороннему изучению края, преимущественно экономического его быта (в VII-X тт. - поуездные описания кустарных промыслов), и основанный всего более на данных, собранных частным путем. Под редакцией Гациского вышли еще; «Сборник в память первого русского статистического съезда» (вып. II, Н. Новгород, 1875) и «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии» (Н. Новгород, 1887-1890). Кроме статей, помещенных в этих изданиях, Гацискому принадлежат: «Нижегородский театр, 1798-1867 гг.» (Н. Новгород, 1867), «Нижегородка. Путеводитель и указатель по

Нижнему Новгороду и по Нижегородской ярмарке» (Нижний Новгород, 1877, с историческим очерком); «Нижегородский летописец» (Нижний Новгород, 1886), «Люди Нижегородского Поволжья. Биографические очерки» (кн. 1-я. Нижний Новгород, 1887).

Еремеев Петр Васильевич (9 мая 1930 – 12 мая 2005) – выдающийся нижегородский прозаик. Сибиряк по рождению большую часть своей жизни трудился в г. Арзамасе в различных учреждениях. Много лет был директором городского краеведческого музея. Здесь были написаны все его книги: «Пятая мата: Повести и рассказы» (М.: Современник, 1981). «Арзамасская муза. Повесть» (Горький, 1987). «Обиход. Былички» (М.: Современник, 1990), «Арзамасские мастера. Рассказы о народном искусстве» (Н. Новгород, 1992). «Летописец. Документальная повесть» (Арзамас, 1993), «Арзамас городок. Рассказы о былом» (Арзамас, 1998). «Чулымские повести» (Арзамас, 1998). «Пушкин и Арзамас» (Арзамас 1999), «Ярем Господень. Повествование» (Арзамас, 2000), «Арзамасская муза. Повесть» (Арзамас, 2002). «У околицы давних лет» (Арзамас, 2005).

Карамзин Александр Николаевич (1816 – 1888).

Родился в г. Москве в семье историографа Н.М. Карамзина. Получил домашнее образование, затем окончил Санкт-Петербургский университет. Учась в столице России, молодой дворянин был в дружеских отношениях со своими ровесниками – Великими князьями, с царем Николаем I. В юности Александр Николаевич был высок, красив, с яркими синими глазами. Недаром, М.Ю. Лермонтов писал с него портрет своего Печорина, героя повести. Как и многие другие люди, А.Н. Карамзин увлекался литературой. В столичных журналах публикуются его элегия «Небесный гость» и поэма «Борис Ульин» - в подражание А.С. Пушкину. Не обошла стороной дворянина А.Н. Карамзина воинская служба, но в 35 лет чине подпоручика он неожиданно уходит в отставку и переезжает на жительство в глухую провинцию – Макателемское поместье Ардаатов-

кского уезда, где вела хозяйство его мать. Вскоре Александр Николаевич женится на княжне Наталье Васильевне Оболенской и привозит ее в материнское поместье.

В 1853 году А.Н. Карамзин покупает рудники в районе современного Первомайска и строит чугунолитейный завод. Завод строился за счет приданного жены А.Н. Карамзина – Натальи (ласково – Таши). Вокруг завода быстро выросло селение. И селение, и завод Александр Николаевич подарил жене, и они стали именоваться Ташино село и Ташин завод. Заводское производство обслуживало 800 оброчных крестьян. Кроме постройки завода, А.Н. Карамзин в 1854 году строит в Большом Макателеме больницу на 30 коек, открывает акушерское отделение на 5 коек, а затем открывает амбулаторное отделение. Эта больница до 1924 года носила название «Карамзинской». В это же время он на свои деньги строит и открывает начальное одноклассное училище. На лесной даче Рогожка Карамзины строят двухэтажный каменный дом с оранжереей и разбивают парк. Супруги были бездетны, скромны в быту, религиозны, неприхотливы в одежде. Александр Николаевич ходил в рубашке-косоворотке с шелковой опояской, Наталья Васильевна одевала простой русский сарафан. Супруги заботились о своих крестьянах. Еще до отмены крепостного права они отдали во владение крестьянам землю в окрестностях Ташина завода. При отмене крепостного права Карамзины передали в крестьянский надел 4315 десятин земли из 10000, находящихся во владении. Но и без этого имение Карамзиных было огромное. В него входили селения Большой Макателем, Малый Макателем, Берещино, Николаевка, Екатериновка, Карамзинка, Цыгановка и усадьба Рогожка. С 1865 года до 1883 года Карамзины жили в Ардатове. Это было связано с тем, что Александра Николаевича избрали первым Председателем Уездной Земской Управы и Ардатовским Предводителем Дворянства. Дело было новое, и А.Н. Карамзин со всей ответственностью взялся исполнять требования Земской реформы 1861 года по организа-

ции земского управления в Ардатовском уезде. Он открывает в Ардатове Земскую Управу, а затем богадельню для больных и увечных, сиротский дом, участковые медпункты и одноклассные училища в крупных селах. По его ходатайству в Арзамасе открылось женское училище, преобразованное затем в гимназию. В нем училось до 100 девочек из Ардатовского уезда. При участии А.Н. Карамзина в Ардатове в 1872 году открыто женское начальное училище (впоследствии гимназия, ныне средняя школа № 1), в 1879 году – мужское начальное училище на 60 учащихся (впоследствии – 8-летняя школа). При нем, как Председателе Училищного Совета, в 1873 году прошел первый учительский съезд Ардатовского уезда. С этого же года начальные училища стали комплектоваться библиотеками А.Н. Карамзин был попечителем многих начальных училищ, поддерживал различные добровольные общества, содержал на свои деньги музыкально-драматический кружок в усадьбе санитарного врача П.А. Грацианова. 18 лет подряд, то есть 6 трехлетий, избирали А.Н. Карамзина Уездным Предводителем Дворянства. Общественная деятельность принесла ему широкую известность в России. Александр Николаевич умер на 72 году жизни. «Жители окружающих селений, - как писала потом Н.В. Карамзина, - шли к покойнику на поклонение больше двух недель, стояли на панихиде». Вдова пережила мужа на 4 года. Земельные владения Карамзиных оказались у графини Е.П. Клейнмихель. Дом в Рогожке был передан в распоряжение Уездного Земства, и в нем был открыт участковый медицинский пункт. Через некоторое время медпункт слился со Стексовской участковой больницей, а дом откупил князь И.Д. Звенигородский. Со смертью Карамзиных их фамилия в документах Ардатовского уезда больше не упоминается.

Комовская Нина Дмитриевна (1897 – 1986) Литературовед, прозаик, член Союза писателей СССР, знаток и собиратель нижегородского фольклора. В 1929 г. окончила филологический факультет Московского университета. В 1930-е годы

секретарь, а затем заместитель редактора отдела литературы и искусства Большой светской энциклопедии. Член Союза писателей с 1942 года, участник Великой Отечественной войны. В 1942 г. ушла добровольцем на фронт, уменьшив возраст на десять лет. Была медсестрой в полевом госпитале. Принимала участие в издании «Боевого листка», сотрудничала в армейской фронтовой газете, выступала перед красноармейцами. В 1944 г. демобилизовались из-за травмы ног.

Начиная с 1936 года, совершала многочисленные поездки по Горьковской области, собрала и систематизировала богатейший фольклорный материал. Результаты собственных записей позволили Н.Д. Комовской опубликовать три сборника, вошедших в золотой фонд фольклористики Нижегородской области. Эти книги давно стали библиографической редкостью:

- Предания и сказки Горьковской области. – Горьковское областное государственное издательство, 1951.

- Сказки М.А. Сказкина. – Горьковское областное издательство, 1952.

- Сказки, рассказы, песни Горьковской области. – Горьковское книжное издательство, 1956.

Мельников Павел Иванович - выдающийся беллетрист-этнограф, известный под псевдонимом Андрей Печерский. Род. 22 октября 1819 г. в Нижнем Новгороде, где отец его был начальником жандармской команды. 15-и лет Мельников окончил Нижегородскую гимназию, а в 18 лет был кандидатом словесного факультета Казанского университета. Его оставили при университете для приготовления к кафедре славянских наречий, но на одной товарищеской попойке он так «увлекся», что был предназначен к отправке в Шадринск уездным учителем, и только в виде милости получил место учителя истории и географии в Пермской гимназии. На каникулах Мельников ездил на уральские заводы, сближался с народом и знакомился с народным бытом, «лежа у мужика на полатах». Часть своих наблюдений он поместил в «Отечественных записках» 1839 г.

(«Дорожные записки») и с тех пор становится довольно деятельным сотрудником журнала Краевского и его «Литературной газеты» (статьи по истории и этнографии, переводы из Мицкевича, неудачная повесть в стиле Гоголя - «Эльпидифор Васильевич»).

В 1839-46 гг. Мельников был учителем истории в Нижегородской гимназии. Педагогическая деятельность его тяготила, и для рядовых учеников он был малоудовлетворительным учителем; но в учениках даровитых он возбуждал жажду знания, и ему обязаны любовью к истории два выдающихся русских историка - Ешевский и Бестужев-Рюмин. С большою охотою променял Мельников свое учительство на место чиновника особых поручений при нижегородском губернаторе; почти одновременно он был назначен редактором «Нижегородских губернских ведомостей», в которых хорошо поставил отдел разработки местной старины. Разыскания в местных архивах доставили ему звание члена-корреспондента Археографической комиссии. Предметом его служебной деятельности были почти исключительно дела раскольников, очень многочисленные в Нижегородской губернии. С раскольниковым бытом Мельников был хорошо знаком с детства по Семеновскому уезду, где ему после матери досталось маленькое имение. Через приятелей-раскольников Мельников доставал старопечатные и рукописные богословские сочинения и скоро мог переспорить лучших раскольниковых начетчиков. В его служебном формуляре значатся такие отличия, как обращение в единоверие, путем собеседований, нескольких раскольниковых скитов. Отчеты Мельникова по исполнению раскольниковых поручений обратили на него внимание министра внутренних дел; в последние годы царствования Николая I он стал для центральной администрации первым авторитетом по расколу. Меры, которые он в это время рекомендовал правительству, отличались крайней суровостью; он предлагал, например, в тех местах, где живут православные и раскольники, брать рекрутов только с расколь-

ников, а детей от браков, совершенных беглыми попами, отнимать у родителей и отдавать в кантонисты. Обыски и выемки у раскольников он совершал с ретивостью, даже по тому времени чрезмерною. В 1853 г. на него жаловалась в сенат жена его приятеля раскольника Головастика, при внезапном ночном обыске в доме которой он не пощадил постели только что родившей женщины, ища «запрещенных» икон и т. п. предметов.

Новое царствование застало Мельникова в Москве, производящим ряд обысков в домах раскольников, с целью изловить раскольничьих попов австрийской иерархии. От Мельникова потребовались теперь услуги иного рода. Вновь назначенный министр внутренних дел Ланской поручил ему составление всеподданнейшего отчета за 1855 г., и Мельников, следуя предначертаниям министра, в общих чертах наметил главные реформы царствования Александра II. В ряде записок о расколе, которые Мельников составил в конце 1850-х годов для министра внутренних дел и великого князя Константина Николаевича, он стоял за широкую терпимость. Этот внезапный поворот породил разные нелестные и упорно державшиеся слухи, которые нашли печатное выражение в герценовском издании, а в России - в «Доморощенных набросках» злого Щербины («Сочинения» Щербины, изд. 1873 г., стр. 355; ср. также Лескова в «Историческом вестнике», 1883, № 5). Дело объясняется, однако, гораздо проще. Даровитость Мельникова была исключительно беллетристического свойства: он проникательно наблюдал и изучал, но в сфере государственной жизни у него самостоятельного суждения не было, и он следовал господствующему течению.

В 1857-58 гг. Мельников поместил в «Русском вестнике» и «Современнике» ряд рассказов: «Старые годы», «Медвежий угол», «Бабушкины рассказы» и др., занявших в обличительной литературе первое место после «Губернских очерков» Щедрина. Особенно хороши «Старые годы». Эта картина старобарского самодурства до сих пор не утратила интереса, потому что

нарисована с истинно художественной правдивостью и превосходно воспроизводит все детали давно исчезнувшего быта. Менее интересен теперь «Медвежий угол», рисующий виртуозность, до которой доходили в казнокрадстве инженеры; но в свое время рассказ на шумел чрезвычайно и переполошил все ведомство путей сообщения. Когда Мельников хотел собрать в одну книжку свои обличительные рассказы, получился такой эффект, что цензура воспротивилась их появлению, и сборник вышел только много лет спустя («Рассказы Андрея Печерского», С.-Пб., 1875). В этом сборнике заслуживает внимания, между прочим, рассказ «Красильниковы», напечатанный еще в «Москвитянине» 1852 г. и составляющий едва ли не первое по времени обличение «темного царства» русского купечества. Переведенный на службу в Санкт-Петербург, Мельников в 1859 г., с небольшою субсидией, стал издавать газету «Русский дневник»; но этот официальный орган, не имевший притом иностранного отдела, не пошел и прекратился на 141 номере. Затем Мельников составил 3 тома ценного секретного издания «Сборник постановлений, относящихся к расколу», и был наиболее деятельным членом комиссии по собиранию материалов для историко-догматического изучения русских сект. В 1862 г. вышли его «Письма о расколе» (из «Северной пчелы»). С назначением министром Валуева Мельникова, отчасти под влиянием разоблачений Герцена, стали оттирать; в возникшей в 1862 г. официальной «Северной почте», где Мельников рассчитывал быть редактором, ему отвели второстепенное положение заведующего внутренним отделом. В 1863 г. ему поручено было составить брошюрку для народа «О русской правде и польской кривде», которая продавалась по несколько копеек и разошлась в 40 000 экз.

В 1866 г. Мельников переселился в Москву, причислившись к московскому генерал-губернатору, и деятельно начал сотрудничать в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике», где поместил: «Исторические очерки поповщины» (1864,

5; 1866, 5 и 9; 1867, 2; часть отд., С.-Пб., 1864), «Княжна Тараканова» (отд., М., 1868), «Очерки мордвы» (1876, № 6 и 9-10), «Счисление раскольников» (1868, № 2), «Тайные секты» (1868, № 5), «Из прошлого» (1868, № 4), «Белые голуби, рассказы о скопцах и хлыстах» (1869, № 3-5) и мн. др. С 1871 г. Мельников печатал в «Русском вестнике» «В лесах», в 1875-81 гг. - продолжение их, «На горах». Последние 10-12 лет жизни Мельников прожил частью в своем имении под Нижним, сельце Ляхове, частью в Нижнем, где и умер 1 февраля 1883 г. С появлением «В лесах» (М., 1875; С.-Пб., 1881) Мельников сразу выдвигается в первые ряды литературы. Его любезно принимал наследник престола, будущий император Александр III; несколько раз он был представлен императору Александру II. В 1874 г. Московское общество любителей русской словесности праздновало 35-летний юбилей его литературной деятельности.

«В лесах» и «На горах», впервые познакомившие русское общество с бытом раскола, - произведения столь же своеобразные, как своеобразно их происхождение. Мельников совершенно не сознавал ни свойств, ни размеров своего таланта. Весь поглощенный служебным честолюбием, он почти не имел честолюбия литературного и на писательство, в особенности на беллетристику, смотрел как на занятие «между делом». Побуждение облечь свое знание раскола в беллетристическую форму было ему почти навязано; даже самое заглавие «В лесах» принадлежит не ему. В 1861 г. в число лиц, сопровождавших покойного наследника Николая Александровича в его поездке по Волге, был включен и Мельников. Он знал каждый уголок Нижегородского Поволжья и по поводу каждого места мог рассказать все связанные с ним легенды, поверья, подробности быта и т. д. Цесаревич был очарован новизною и интересом рассказов Мельникова, и, когда около Лыскова Мельников особенно подробно и увлекательно распространялся о жизни раскольников за Волгою, об их скитах, лесах и промыслах, он сказал Мельникову: «Что бы Вам, Павел Иванович, все это на-

писать - изобразить поверья, предания, весь быт заволжского народа». Мельников стал уклоняться, отговариваясь «неимением времени при служебных занятиях», но цесаревич настаивал: «Нет, непременно напишите. Я за вами буду считать в долгу повесть о том, как живут в лесах за Волгою».

Биография перепечатана из сборника Нижегородский край в словаре Брокгауза и Ефрона / Составитель и научный редактор В.В. Ниякий – Нижний Новгород: издательство «Нижегородская ярмарка», 2000. – С. 295 – 299. (В биографии Мельникова-Печерского неверно указана дата его рождения в действительности П.И. Мельников родился 25 октября 1818 года, что доказывает копия следующего документа, сохранившегося в «Сборнике». В память П.И. Мельникова (Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии). Нижний Новгород, 1910. Т. 9. Ч. 1. С. 269:

«Копия свидетельства № 666

Выдано Титулярному Советнику Ивану Ивановичу Мельникову о рождении сына его Павла; из метрических книг, поданных Нижнего Нова города, Сретенской церкви за 1818 год № 33: «У штабс-капитана Ивана Ивановича Мельникова сын Павел рожден того 1818 года, октября 25, а крещен 29 числа.

У подлинного свидетельства приложена Нижегородская Духовной Консистории печать» - Ю. К.).

Нижегородская губернская ученая архивная комиссия была создана в числе первых в России согласно Указу Александра III. «Нижегородская губернская архивная комиссия, образованная на высочайше одобренных 13 апреля 1884 г. началах, открыла свои действия 17 октября 1887 г... Первоначально, ко дню открытия своего, комиссия состояла из 27 лиц, в настоящее время личный состав ее равняется 76 лицам", - сказано в первом годовом отчете комиссии (Действия НГУАК. - Н. Новгород, 1889, т. 1, вып. 3, с. 6).

В 1902 г., когда НГУАК исполнилось 25 лет, в ее рядах было 330 действительных и почетных членов и членов-

корреспондентов, из них 176 иногородних (Двадцатипятилетие Нижегородской губернской ученой комиссии. - Н.Новгород, 1913, с. 16).

Выполняя различные функции, члены НГУАК вели поиск и описания нижегородских источников в архивохранилищах российских городов, в частных архивах и собраниях. Они не просто собирали документы, но и публиковали и комментировали их, то есть вводили их в научный оборот, вели исследовательскую работу, и не за плату, а по чувству общественного долга. За 30 лет своей активной и плодотворной работы НГУАК собрала огромное количество письменных источников, содержащих сведения по истории, этнографии и культуре Нижегородского Поволжья, опубликовала ценные источники и исследования.

Секретарь Нижегородского губернского статистического комитета А.С. Гациский стал главным организатором и первым председателем архивной комиссии. Он же показал историю первых действий комиссии в «Исторической записке». Вместе со своими соратниками он составлял программу, пути, методы научных поисков.

Архивная комиссия собирала материалы об известных личностях - уроженцах Нижегородского Поволжья, знаменитых деятелях, чья судьба оказалась связанной с Нижегородским краем: И.П. Кулибине, Н.И. Лобачевском, А.Д. Улыбышеве, П.И. Мельникове-Печерском, Н.И. Храмцовском. В течение первого года работы (с 17 октября 1887 г. по 22 октября 1888 г.) было проведено пять заседаний архивной комиссии в Ивановской башне Нижегородского кремля. В качестве дня годовых своих собраний комиссия утвердила 22 октября, остальные заседания, как правило, были приурочены к знаменитым датам российской и нижегородской истории. Жизни и деятельности основателя Н. Новгорода великого князя Георгия Всеволодовича было посвящено заседание 4 февраля, гибели его в

1238 г. на р. Сить - 4 марта, о пребывании в Нижнем Петра I - 30 мая.

С большим размахом велась архивной комиссией работа по подготовке к 300-летию юбилею ополчения К. Минина и Д. Пожарского. В составе «инициативной группы» - А.С. Гациский, губернатор Н.М. Баранов (постоянный попечитель комиссии), А.П. Мельников, А.А. Савельев (известный земский деятель), А.М. Меморский и другие общественные деятели. Именно члены НГУАК начали вновь подписку на памятник легендарным руководителям ополчения. Через 20 лет коллеги и исследователи А.С. Гациского выпустили сборник «первоисточников по эпохе Смутного времени», обзоры научной и беллетристической литературы по теме, брошюры для широкой публики. В 1912 г. было издано 6 специальных выпусков «Действий» НГУАК, а также ряд отдельных изданий. Памяти народного подвига 1611-1612 гг. были посвящены организованные с активным участием комиссии торжества.

НГУАК содействовала организации празднования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Заседания и специальные выпуски «Действий» были приурочены и к юбилею П.И. Мельникова. Главным направлением работы НГУАК, одобренным «высочайше» и санкционированным МВД, было устройство губернского архива. За первый год работы НГУАК сосредоточила и частично разобрала и описала дела Нижегородского губернского правления, губернского статистического комитета, Нижегородского, Горбатовского и Макарьевского полицейских управлений, дела архива упраздненных судебных мест Нижегородской губернии (Арзамасского, Балахнинского, Васильсурского, Нижегородского и Семеновского городских магистратов, Арзамасского и Васильсурского уездных судов); просмотрела описи межевого архива, земской управы и нижегородского полицейского управления.

В связи с этой деятельностью комиссии потребовались новые помещения для архива. В 1889 г. НГУАК получила под

архивные дела Белую башню Нижегородского кремля, позднее - Тайницкую и Дмитриевскую. Правитель дел НГУАК В.И. Снежневский сообщил на заседании 23 мая 1893 г., что архив комиссии составляли дела 20 учреждений, разобрано и описано 2195 дел и 1500 подготовлены к описанию. Через 10 лет в отчете комиссии нижегородскому губернатору говорилось уже, что членами НГУАК обработано 113251 дело. К 1917 г. их было более 1 млн. В целом, комиссия опубликовала в сборниках и отдельных изданиях значительное количество письменных источников по истории Нижегородского края, осуществила ряд важных мероприятий по ознакомлению с ними широкой общественности.

Нижегородская губернская ученая архивная комиссия выполнила высокую общественную миссию. Наше краеведение было поставлено на научную основу, собраны бесценные архивные сокровища, благодаря чему мы имеем представление и саму возможность изучения истории Нижегородской земли.

(<http://www.gorbibl.nnov.ru/nguak>)

Раев Василий Егорович, 1807-1870 - исторический живописец, пейзажист и мозаичист. Родился в Холмском уезде, Псковской губ., крепостным человеком г. Кушелева, который впоследствии отпустил его на волю. Художественное образование Раев начал в арзамасской школе А. Ступина и окончил в императорской Академии художеств. Из поездки на нижнетагильские заводы привез рисунки любопытных местностей Урала и Алтая. В 1842 г. отправился за границу. В Риме изучал мозаичное искусство, но по случаю политических беспокойств в Италии был принужден возвратиться в 1849 г. в Россию. В 1851 г. признан академиком. В последние годы и жизни занимался в Москве живописью в византийском стиле и расписал в нем образную в доме Солдатенкова. Из картин Раева более известны: «Вид на Рим с Монте-Марио», «Видение блаженного Алипия, иконописца Печерского» (обе в Русском музее Алек-

сандра III), «Римский вид вечером» (в Третьяковской галерее) и несколько пейзажей (в Московском публичном музее).

Снежневский, Виктор Иванович, сын причетника. Родился в 1861 г. в селе Благовещенском (Варнавинского уезда, Костромской губернии). Во второй половине 1870-х - воспитанник Новинской учительской семинарии (Мологского уезда, Ярославской губернии). Обыскан 21 февраля 1879 г. и привлечен к дознанию, возникшему в январе при Ярославском жандармском управлении (дело Н. Малиновского, А. Тихонова и других), вследствие письма его «преступного содержания», посланного им своему товарищу Шарову. При обыске обнаружены стихотворения революционного содержания и программа кружка, организованного в семинарии, под названием «Общество по выписыванию книг». При допросах показал, что был распропагандирован в 1877 г. воспитанником той же семинарии Ник. Малиновским, от которого получил и найденные при обыске стихотворения. Изобличен в сочувствии противоправительственным идеям, в распространении таковых и в имении стихотворений «преступного содержания». В мае 1879 г. уволен из семинарии и обязан подпискою о неотлучке. По высочайшему повелению 2 авг. 1879 г. дело о нем разрешено в административном порядке с выдержанием его под арестом при волостном правлении в течение недели и с подчинением гласному надзору полиции в Костроме. В январе 1881 г. подавал прошение министру внутренних дел об освобождении от надзора с выражением раскаяния. По постановлению Особого совещания от 5 декабря 1881 г. освобожден от гласного надзора.

С 1883 – конторщик в Нижнем Новгороде, с 1888 по 1895- правитель дел Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии, член редколлегии её сборников. С 1895 - преподаватель в речном училище, секретарь в земских собраниях. С 1903 по 1907 правитель дел НГУАК. Принимал активное участие в археологических раскопках и съездах. Работал в

земстве. Автор истории Нижегородского дворянского института.

Сфера его научных интересов: социально-политическая история, краеведение, археология. История землевладения в Нижегородском крае XVII-XVIII вв., история крепостного хозяйства в Нижегородском уезде, история нижегородского городского магистрата и наместнического правления.

Скончался 8 декабря 1908 года.

Его дочь, Мария Викторовна Ильинская (29.04.1893 - 29.11.1976), продолжила учительскую стезю отца. В 1914 году она была направлена учительницей в Овсянковское земское училище из Нижегородской гимназии.

Ступин Александр Васильевич, 1775 - 1861 - живописец. Будучи мещанином гор. Арзамаса из вольноотпущенных, движимый любовью к искусству, в 1799 т. оставил в этом городе свой дом, жену и детей, прибыл в Санкт-Петербург и поступил вольноприходящим учеником в Академию художеств. Окончив курс к 1805 г. с аттестатом 2-й степени, возвратился в Арзамас и завел там рисовальную школу - первое и в течение долгого времени единственное частное учреждение подобного рода внутри России. В 1809 г. академия приняла эту школу под свое покровительство, наградила её основателя и руководителя званием академика и с того времени оказывала ему поддержку присылкою оригиналов 11 гипсов для копирования учениками школы и выдачею лучшим из них поощрительных серебряных медалей.

Арзамасская школа просуществовала с лишком 45 лет, подготовила многих юношей, окончивших потом курс в академии и с честью трудившихся на художественном поприще (в том числе Н. Алексеева, И. Горбунова и В. Раева), а также образовала немало учителей рисования и живописцев, способствовавших распространению любви к искусству и художественных познаний в провинциальной глуши.

Управлял школою сначала один Ступин, сам занимаясь в ней преподаванием при помощи нанятого наставника некоторых элементарных наук, но в 1836 г. он передал ее в заведование своему бывшему ученику Н. Алексеєву. В 1842 г. дом и школа Ступина сильно пострадали от пожара, и на восстановление ее было отпущено из казны 500 руб. Вскоре по смерти Ступина, арзамасская школа, по недостатку материальных средств, была закрыта.

***В оформлении использованы
оригинальные фотографии второй половины XIX века***

Научно-популярное издание
Ярем барщины старинной...

Крепостничество Нижегородского Поволжья в документах, исследованиях, мемуарах, художественной литературе и фольклоре
Сборник

Составители: Курдин Юрий Александрович,
Андреев Олег Евгеньевич, Исаков Алексей Александрович
Научный редактор Е.П.Титков
Технический и художественный редактор С.П.Никонов
Верстка, оформление и вывод оригинал-макета А.А.Исакова

Лицензия ИД №04436 от 03.04.2001. Подписано в печать 07.11.2011.
Формат: 60*84/16. Усл. печ. л. 37. Тираж 100 экз. Заказ № 533

Издательство Арзамасского государственного педагогического института
им. А.П. Гайдара
607220 г. Арзамас Нижегородской области, ул. К. Маркса, д.36.
Типография Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского
603600, Н.Новгород, ул. Б.Покровская, 37